

ГОРОД ПЕРМЬ-300 ЛЕТ В ИСТОРИИ РОССИИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
8 июня 2023 г.

Пермская городская Дума
Администрация города Перми
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ГОРОД ПЕРМЬ – 300 ЛЕТ В ИСТОРИИ РОССИИ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.)

Пермь, 2023

УДК 908 (470.53-25)
ББК 26.891 (2Рос-4Пер)
Г701

Г701

Город Пермь – 300 лет в истории России : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.) / редколл. Г.А. Янковская, А.А. Маткин ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2023. – 452 с.

ISBN 978-5-7944-4065-2

В издании представлены исследовательские статьи, обзоры, публикации архивных документов и другие материалы выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «Город Пермь – 300 лет в истории России», состоявшейся 8 июня 2023 г. в рамках VII Городского исторического форума. Конференция проводилась с целью комплексного рассмотрения проблематики и актуального состояния истории и историко-культурного наследия г. Перми в широкой исторической ретроспективе; активизации взаимодействия между разными поколениями исследователей, объединенных интересом к истории Перми и Прикамья; поддержки коммуникации академического и публичного исторического знания. В работе конференции приняли участие представители вузов, академических институций, экспертного сообщества, краеведы-любители, сотрудники библиотек, архивов и музеев, городские активисты.

Издание будет представлять интерес для специалистов из разных областей гуманитарного знания, а также для широкой аудитории, интересующейся вопросами истории Перми в локальной и общенациональной перспективе.

Редколлегия сборника:

Г.А. Янковская, д.и.н., заведующая кафедрой междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета.

А.А. Маткин, старший преподаватель Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, заведующий музеем истории ПГГПУ.

Рецензенты: *Николай Александрович Антипин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, заместитель директора по науке Объединённого государственного архива Челябинской области; Анна Семеновна Кимерлинг, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин ННУ ВШЭ – Пермь.*

*Издание подготовлено в рамках научно-просветительского проекта
«Город Пермь – 300 лет в истории России» –
победителя XXI городского конкурса социально значимых проектов «Город – это мы».
Организатор проекта: МОО ТОС «Долина»*

ISBN 978-5-7944-4065-2

DOI: 10.17072/978-5-7944-4065-2

© Коллектив авторов, тексты, 2023

© Пермская городская Дума, 2023

© ПГНИУ, 2023

© ПГГПУ, 2023

Уважаемые друзья!

VII Пермский городской исторический форум стал знаковым событием в рамках празднования 300-летия Перми. Напомню, что с момента своего зарождения в 2015 г. наш форум был ориентирован на этот юбилей и придал мощный импульс исследовательской работе, позволил привлечь к изучению пермского прошлого профессиональных ученых и любителей истории. Материалы научно-практических конференций, конкурсов семейных историй и других мероприятий форума имеют особую ценность с точки зрения сохранения исторической памяти о людях и событиях, усиления общественного интереса к процессу становления и развития Перми, ее роли в жизни нашей страны на протяжении трех веков.

Безусловно, далеко не все страницы нашего общего прошлого досконально изучены: мы вступили на этот путь и движемся по нему, постоянно пополняя копилку собственных представлений. Пермский городской исторический форум помогает нам в этом, объединяет активные научные, творческие силы, поддерживает общественный энтузиазм и стремление к познанию, решает информационные и просветительские задачи.

Убежден, наш форум нужен городу, вступившему в свое четвертое столетие, нужен молодежи и представителям старшего поколения — всем, кто чувствует себя пермяком и гордится этим!

Председатель
Пермской городской Думы

Д. В. Малютин

СОДЕРЖАНИЕ

Малютин Д.В. Председатель Пермской городской Думы3

Маткин А.А. Опыт проведения городских исторических форумов
в городе Перми в 2015–2023 годы9

ПЕРМЬ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:

Космовская А.А.

Прикамское купечество во второй половине XVIII века:
приоритеты государства и проблемы предпринимателей17

Рыженко В.Г., Рыженко Л.И.

Пермь в культурно-историческом ландшафте Сибирского тракта23

Маркелов В.В.

Досуг в дачном поселении Нижняя Курья до революции 1917 года31

Демина И.В.

Летние детские дачи-колони для пермских детей в конце XIX –
первой трети XX века40

Шестова Т.Ю.

Здравоохранение Пермской губернии в начале XX века45

ПРОСТРАНСТВА И ИНФРАСТРУКТУРА ГОРОДА:

Глушков А.В.

Урбанизационные и дезурбанизационные процессы при формировании
социалистической Перми (1923–1939 годы)52

Сарабеев В.Ю.

Изменения в городском пространстве Перми во второй половине 1920-х годов в связи
с первым объединением Перми и Мотовилихи
(по документам Государственного архива Пермского края)59

Катаев Д.С.

Фактор трамвайной инфраструктуры Перми в пространственном
развитии города64

<i>Бажина Е.М.</i>	
Якуб Колас. История одной улицы Перми	72
<i>Гайсин О.Д.</i>	
Колерная окраска зданий Перми	79
<i>Харьковский А.А.</i>	
Визуальный образ центра Перми как динамический объект: как менялся центр города с конца XIX до начала XXI столетия. Историческая ретроспектива на основе фотоматериалов архива города Перми	91

ГОРОД ЗНАНИЙ И НАУКИ:

<i>Чуйкина Е.В.</i>	
«Пермский период» Отто Николаевича Бадера	98
<i>Обухов Л.А.</i>	
Несостоявшийся юбилей (как пытались отметить 30-летие Пермского университета)	104
<i>Максимович Е.Г.</i>	
Выдающийся представитель советской геологической науки – профессор Пермского государственного университета Г.А. Максимович: штрихи к портрету	112
<i>Жаворонкова Г.И.</i>	
Агрохимический аспект в развитии сельскохозяйственной науки Пермского региона	124
<i>Шевчук В.В.</i>	
Валентина Трофимовна Селезнёва – выдающийся деятель медицины Урала (к 100-летию со дня рождения)	131
<i>Хребтова Н.Л.</i>	
Наследие профессора Пермского сельскохозяйственного института А.А. Хребтова	136
<i>Кальсина А.А.</i>	
Н. Е. Румянцев – издатель журнала «Трудовая школа» в г. Перми (1918–1919 годы). Забытые имена пермского образования	146
<i>Колбас В.С.</i>	
Дома народного просвещения в Пермской губернии в 1918–1920 годы	154

ПЕРМЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ:

Невоструев Н.А.

Медицинская помощь в г. Перми в годы Первой мировой войны
(1914–1917)159

Винник А.А.

Город Пермь в эпоху Гражданской войны в свидетельствах очевидцев
(1918–1919 годы)173

Нечаев М.Г.

Эвакуации в Молотов (Пермь) как фактор городского развития181

Мезенцева Е.С., Гурьянова М.Н.

Эвакуированные преподаватели в Молотовском фармацевтическом институте
в годы Великой Отечественной войны193

Мохова А.В.

Добровольчество в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской
танковой бригады Уральского добровольческого танкового корпуса201

Дементьев Б.П.

Индустриальный рост Перми в годы Великой Отечественной войны209

Неганов С.В.

Пермь – артиллерийская столица России216

Мохов В.П.

«Кипящий котел» столичности: становление индустриального города222

Имя в истории города:

Мезенина Т.Г.

Строгановы и Пермь228

Плотникова Г.Н., Плотников С.Н.

Посещение С. Ю. Витте Перми и Екатеринбурга233

Белослудцева В.В.

«Желанный попечитель» пермской городской общественной богадельни
Ефим Петрович Пермяков238

Баяндина Н.П.

Братья Каменские: неизвестные документы об известной истории246

Иванова М.А., Назаров А.А.

«Инженер путей сообщения» А.С. Иванов253

ПЕРМЬ СОВЕТСКАЯ. ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА:

Арестов В.А.

Ярмарка как форма оптово-розничной торговли в годы новой экономической политики (по материалам Государственного архива Пермского края)261

Колчанова Ю.С.

«Об этих орденах слишком много расписано...»: публичные образы крупного советского хозяйственника И. И. Побережского (по фотоматериалам 1930-х годов)268

Колдушко А.А.

«Немецкая операция» в Перми (1937–1938 годы)275

Константинов А.А.

Эволюция социального облика камских речников в 1920–1930-е годы281

Князева Н.А.

Пионеры страны Советов и Прикамья 100 лет286

Чащухин А.В.

Советская школа в контексте урбанизации
1950-х – первой половины 1960-х годов292

Белоголов Ю.Г.

Сравнительный просопографический анализ биографий партийных и советских руководителей г. Перми за 1938–1991 годы305

ПЕРМЬ В ТЕКСТАХ:

Степанов Б.Е.

Лицом к городу: урбанизм в краеведческих учебниках 1920–30-х годов315

Зиновьев А.П.

300 лет пермской истории в проекте «Пермский книгоед»322

Туманова О.С.

Репрезентация городских легенд Перми в региональном фэнтези326

ПЕРМСКИЕ СЮЖЕТЫ И ТЕМЫ В СИМВОЛИЧЕСКОМ МИРЕ КУЛЬТУРЫ:

Голохвастова Н.В.

Ильинское и Пермь – культурные контакты и взаимосвязи332

Солодянкина О.Ю.

Современники, однофамильцы, художники:
пермский и череповецкий Василий Верещагины341

Сидякина А.А.

История пермского кино на страницах региональных СМИ348

<i>Гаврикова И.С.</i> Ликвидация и возрождение футбольной команды на примере профессиональных клубов «Звезда» и «Амкара»	355
<i>Сивак А.А.</i> История пермской фабрики игрушки	362
<i>Горюнов Д.В., Загороднева К.В.</i> Автопортрет художника и Пермь: диалог в условном пространстве города	375
<i>Янковская Г.А.</i> "Периферия", "провинция", "зона": Пермские художники в риторике и практиках художественной жизни 1930–1980-х годов	379
ИСТОРИЯ ГОРОДА В ДОКУМЕНТАХ:	
<i>Кудымов А.В.</i> Квартирный постой	387
<i>Лещев М.Н.</i> Прошения о строительстве в пермскую городскую управу как источник сведений об архитектуре города Перми на рубеже XIX–XX веков	401
<i>Гладышев В.Ф.</i> "Град Пермский не забудет...". О судьбе Архиерейского кладбища в Перми	409
300 ЛЕТ ПЕРМИ В ПРОЕКТАХ МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК:	
<i>Вострикова Т.П.</i> «Пермский период» в музейных проектах и практиках: научно-просветительские, туристические и инвестиционные возможности	418
<i>Шаврина С.Г., Шестакова Е.В.</i> Просветительский архивный проект «Пермские микрорайоны»: опыт реализации	424
<i>Гадершина Н.Ф.</i> Информационно-культурный центр «Permia»: первые результаты работы	431
<i>Шевырин С.А.</i> История политических репрессий в экскурсионных маршрутах по Перми	435
<i>Козлова В.Ю.</i> Ключевые смыслы Перми: к итогам исследовательского проекта «В поисках кодов Пермской идентичности».....	441
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	448

А.А. Маткин

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРУМОВ В ГОРОДЕ ПЕРМИ В 2015–2023 ГОДЫ

Аннотация. В статье представлен краткий обзор истории Пермских городских исторических форумов – важных научно-просветительских мероприятий, которые регулярно организовывались под эгидой Пермской городской в процессе подготовки к 300-летию юбилею г. Перми с 2015 по 2023 год.

Ключевые слова. Пермский городской исторический Форум; Пермская городская дума; историческая память; популяризация истории, городская история; 300 лет городу Перми; «думский» урок; историческое сознание; общественная инициатива; социальное творчество.

А.А. МАТКИН

Perm State University of Humanities and Pedagogy

EXPERIENCE OF HOLDING CITY HISTORICAL FORUMS IN THE CITY OF PERM IN 2015-2023

Abstract. The article is an attempt to briefly review the history of Perm City Historical Forums – important scientific and educational events that were regularly organized under the auspices of the Perm City Duma in preparation for the 300th anniversary of Perm, in the period from 2015 to 2023.

Keywords. Perm; Perm City Historical Forum; Perm City Duma; historical memory; popularization of history; urban history; 300 years of the city of Perm; “duma” lesson; historical consciousness; public initiative; social creativity.

Первый городской исторический Форум состоялся в 2015 году. Инициатором его проведения был тогдашний глава города Перми — председатель Пермской городской Думы Игорь Вячеславович Сапко. Большую роль в запуске первого Форума и организации последующих сыграли: Юрий Викторович Исаев, кандидат социологических наук, который в 2015–2016 годах был советником главы города Перми, а также автор данной статьи. Сегодня заложенные традиции достойно продолжают нынешний председатель Пермской городской Думы Д. В. Малютин и его коллеги, представители научного, педагогического сообщества.

В конце 2014 г. было разработано и утверждено главой города первое Положение о проведении первого городского исторического Форума, утвержден состав Организационного комитета [1]. С этого момента все исторические форумы проходили под эгидой Пермской городской Думы.

В первом Положении о городском историческом Форуме были сформулированы цели этого мероприятия:

— возрождение и сохранение исторической памяти жителей города Перми;

- популяризация истории города Перми в целях развития патриотизма, гражданственности, национального сознания, гражданского общества;
- подготовка к празднованию 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и 300-летия города Перми;
- пропаганда социально-гуманитарных (в том числе исторических) знаний как ресурса для культурного и социально-экономического развития города;
- гармонизация социальных, межнациональных и межконфессиональных отношений.

С каждым новым форумом часть целей обновлялась, но основное ядро оставалось неизменным.

Для проведения городских исторических форумов был создан интересный инновационный организационный механизм. Его базовые принципы перечислены ниже. Основные направления работы исторического форума определял Организационный комитет, председателем которого являлся председатель Пермской городской Думы. Оргкомитет генерировал и утверждал единую актуальную тему Исторического форума на текущий год.

Под задачи актуальной темы формировался план мероприятий, инициаторами и организаторами которых могли стать любые учреждения (вузы, школы, архивы, музеи, библиотеки, НКО и другие организации). Открытый формат городских исторических форумов создавал условия для многочисленных общественных и частных инициатив, для социального творчества горожан. Многообразные яркие мероприятия, организованные на различных площадках, участниками которых были тысячи пермяков, заметно оживляли общественную и культурную жизнь краевой столицы, постоянно актуализировали в массовом сознании тему грядущего 300-летнего юбилея г. Перми.

С 2015 по 2023 год под эгидой Пермской городской Думы было организовано семь городских исторических форумов. Традиционно они длились в течение года. Однако в 2016 году форум не проводился, а седьмой был объявлен двухгодичным (2022–2023). Каждый городской исторический форум в Перми представлял собой вереницу научных, просветительских, образовательных мероприятий (круглые столы, публичные лекции, семинары, выставки, конкурсы, конференции, компании в СМИ и др.), которые проходили в течение года и были объединены одной темой.

В рамках каждого форума проводилась научно-практическая конференция (в 2015 году одновременно проводились две конференции — в пермском классическом и политехническом университетах).

Главным, кульминационным мероприятием каждого форума была научно-практическая конференция, по итогам которой издавался сборник докладов:

2015 — «Пермь: история города как пространство диалога» (к 70-летию Великой Победы)» [2].

2017 — «Пермь: история города как история горожан» (к 230-летию Пермской городской Думы) [3].

2018 — «История Перми: от заводского поселка к промышленному мегаполису» [4].

2019 — «История медицины и образования города Перми — три века служения людям» [5].
2020 — «Уральская кузница Победы: г. Молотов (Пермь) и его жители в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (к 75-летию Великой Победы) [6].

2021 — «Река Кама в исторических судьбах города Перми» [7].

2022–2023 — «Город Пермь — 300 лет в истории России» (к 300-летию г. Перми) — данная статья представляет сборник статей и материалов этой конференции, состоявшейся 8 июня 2023 г.

Научно-практическая конференция подводила итоги всей годовой работы. Соорганизаторами научно-практических конференций ежегодно выступали крупнейшие вузы г. Перми: ПГНИУ, ПНИПУ, ПГГПУ, ПГМУ. Сборники конференции издавались в печатном и электронном виде. Электронные версии сборников опубликованы на сайте Пермской городской Думы в разделе «Исторический Форум» [8], в национальной научной электронной библиотеке eLibrary.ru, в официальной группе городского исторического Форума в социальной сети ВКонтакте [9].

Начиная с шестого Форума научно-практические конференции получили Всероссийский статус. Научным руководителем второго, третьего, четвертого и пятого форумов был М. Г. Нечаев, доцент кафедры Государственного управления и истории ПНИПУ, кандидат исторических наук. Научным руководителем шестого и седьмого форумов стала Г. А. Янковская, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ. Конференция VII городского исторического Форума «Пермь — 300 лет в истории России» состоялась в ПГНИУ — старейшем университете города Перми и всего Уральского региона. В пленарных и секционных заседаниях выступили с докладами 78 непосредственных участников, 20 участников работали онлайн, в конференции приняли участие более 80 слушателей. Предлагаемый сборник материалов этого научно-просветительского события содержит 60 статей и исследовательских материалов.

Ежегодно собиралась статистика по количеству мероприятий и участников Пермских городских исторических форумов. За первые шесть исторических форумов в городе было проведено 143 мероприятия, в которых участвовало 24 700 человек очно, еще более 165 000 человек были охвачены событиями форумов через сеть Интернет, телевизионные трансляции.

С 2015 по 2020 год количество мероприятий и количество участников форумов плавно росло. В 2021 и 2022 годах из-за эпидемии коронавируса количество очных мероприятий сократилось и произошло «проседание» статистики.

Со второй половины 2022 года снова наметился рост. Статистика 2023 года находится в процессе формирования. Но в целом смело можно утверждать, что событиями исторических форумов были охвачены десятки тысяч горожан, представляющие разные целевые группы (школьники, студенты, преподаватели вузов, учителя, краеведы, пенсионеры, экскурсоводы, журналисты, библиотекари, архивисты, музейные работники и горожане, интересующиеся городской историей). Пермяки приняли участие почти в двух сотнях мероприятий.

В данной статье нет возможности перечислить все мероприятия семи исторических форумов. Назовем лишь некоторые из них:

В рамках I Форума (2015 г.) состоялись:

— в городской «Арт-резиденции» прошла комбинированная выставка «Пермь многоликая», на которой экспонировались: 30 уникальных исторических фотографий из частной коллекции М. Ю. Кориненко и 40 картин пермских художников, посвященных истории и современной жизни города Перми;

— на базе Государственного архива Пермского края состоялась научно-практическая конференция школьников 8–11 классов на лучшую творческую работу, посвященную истории города Перми «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. На пути к Победе»;

— на площадке Пермской городской Думы (далее — ПГД) состоялась презентация авторского проекта «Старая Пермь в 3D», на которой была представлена новая виртуальная историческая реконструкция «Старая Пермь. Черный рынок. 1914 год» [10];

— в ПГД состоялась презентация календаря-справочника города Перми и Пермского края «Дней и лет круговорот» [11], подготовленного Агентством по делам архивов Пермского края;

— в филиале Пермского краеведческого музея «Музей-диорама» открылась музейная экспозиция «Шли эшелоны на Запад», посвященная 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В рамках II Форума (2017 г.):

— впервые состоялся городской конкурс сочинений «Моя семья в истории города» [12];

— организована выставка исторических фотографий «История Перми в лицах» в «Белой гостиной» ПГД;

— впервые депутатами ПГД проведены «Думские уроки» в школах города Перми, посвященные теме Форума;

— на базе ПГГПУ состоялся вебинар (публичная онлайн-лекция), посвященная 230-летию юбилею Пермской городской Думы. Мероприятие было адресовано учащимся старших классов и студентам пермских вузов;

— в городской Арт-резиденции открыта художественная выставка «Пермь многоликая»;

— произведены установка и торжественное открытие восстановленного герба города Перми в картуше аттика здания библиотеки имени А. С. Пушкина (ул. Петропавловская, 25);

— отреставрировано надгробие на могиле первого председателя Пермской городской Думы В. Г. Лапина на Егошихинском кладбище.

В рамках III Форума (2018 г.):

— организован научно-популярный лекторий «Пермь: история города в зеркале трех столетий». В рамках лектория состоялись: одна трамвайная экскурсия и шесть публичных лекций в Историческом парке «Россия — моя история», которые были посвящены важнейшим вехам истории г. Перми;

- в учебном центре «Современное образование» реализован интерактивный музейно-экскурсионный проект «История Пермской школы»;
- состоялся круглый стол на тему «Вопросы зарождения и развития города Перми»;
- в театральном сквере состоялась уличная выставка «Пермь: от заводского поселка к промышленному мегаполису», отражающая пространственное развитие города на исторических картах;
- большой популярностью пользовалась музейная выставка «Заводская Пермь», на которой были представлены образцы продукции многих промышленных предприятий города.

В рамках IV Форума (2019 г.):

- впервые состоялась научно-практическая конференция для школьников «Мой город Пермь» в Историческом парке «Россия — моя история»;
- медицинским сообществом был организован Городской Форум медицины и здоровья;
- на базе ПГГПУ реализован музейно-экскурсионный проект «История пермского учительства», давший начало Музею истории Педагогического университета;
- в учебном центре «Современное образование» состоялся очередной музейно-экскурсионный проект «История пермской школы. Рожденные в СССР»;
- в Доме учителя прошла встреча студентов с педагогами города Перми «Педагог вчера, сегодня, завтра. Трансформация профессии во времени»;
- изданы сборник и аудиокнига «Восход Пермской медицины».

В рамках V Форума (2020 г.):

- в учебном центре «Современное образование» реализован музейно-экскурсионный проект «Дети войны»;
- состоялся круглый стол «Уральская кузница Победы: город Молотов и его жители в годы Великой Отечественной войны»;
- прошел городской конкурс на лучшую историческую фотографию военного времени из семейного фотоальбома;
- прошел городской конкурс среди учащихся на лучшее сочинение «Мои родственники — ветераны войны и труда»;
- состоялась научно-практическая конференция школьников «Мой город Пермь», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне на базе Исторического парка «Россия — моя история»;
- организован круглый стол архивистов «Интернет-проекты к 75-летию Победы: новые идеи и форматы»;
- в Центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина была представлена книжная экспозиция «Пермь (Молотов). 75 лет назад...». Там же прошла публичная лекция «Уральский бастион: город Молотов 1941–1945 гг. глазами граждан СССР, эвакуированных в тыл».

В рамках VI Форума (2021 г.):

- реализован музейно-экскурсионный проект «История транспорта г. Перми для детей и взрослых» учебного центра «Современное образование» и музея «Ретро гараж»;

- на площадке ПГГПУ реализован Арт-проект «Пермский педагогический в нашей судьбе». Организатор проекта: АНО «Пери Маа»;
- состоялся Речной форум в Пермском филиале Государственной академии водного транспорта;
- «думские» уроки, проведенные депутатами Пермской городской, были посвящены роли реки Камы в истории города;
- состоялся традиционный конкурс сочинений «Моя семья в истории г. Перми»;
- проведена научно-практическая конференция школьников «Пермь — город на Каме» прошла на базе Исторического парка «Россия — моя история».

В рамках VII Форума (2022–2023 гг.):

- реализованы музейно-экскурсионные проекты «В. Н. Татищев. История основателя г. Перми» и «Сердце губернской столицы» учебного центра «Современное образование»;
- в ПГГПУ реализован мемориально-просветительский проект «Аллея педагогической славы»;
- состоялась межрегиональная видеоконференция «Роль В. Н. Татищева в зарождении и развитии города Перми и других российских городов. Научное и культурно-историческое наследие В. Н. Татищева»;
- прошли традиционные «думские» уроки;
- состоялась выставка «Хранители истории: к 30-летию Архива города Перми»;
- организована книжная выставка «Как начиналась Пермь»;
- с успехом прошла выставка «Я помню. Юнгородок», посвященная истории моторостроительного завода № 19 (ныне АО «ОДК-Пермские моторы»);
- выставка «История образовательных учреждений Перми: библиотека Пермской гимназии»;
- большая краеведческая викторина «Пермь — курс 300»;
- интеллектуальная историко-математическая игра «Любимому городу — 300!»;
- телемост учебных заведений г. Перми на тему Татищева и возложение цветов памятнику В. Н. Татищеву в Разгуляе;
- заседание дискуссионном клуба школьников города Перми «ИсторияЯ». Дебаты команд Гимназии № 5 и школы № 65 на тему: «Дата основания Перми»;
- научно-практическая конференция учащихся «Мой город Пермь»;
- конкурс сочинений «Моя семья в истории г. Перми».

В ходе исторических форумов в нашем городе сложилась традиция проведения «думских уроков». Депутаты ПГД проводили их в пермских школах в своих округах с 2017 года. Темы уроков соответствовали теме городских исторических форумов. Народные избранники выступали перед учащейся молодежью с яркими презентациями, раскрывающими различные грани городской истории, вовлекали учащихся в обсуждение актуальных тем. С 2017 по 2022 год были проведены 172 встречи в более чем 130 школах, гимназиях и лицеях. Тема думского урока 2022–2023 гг. звучала так: «Как управлять городом и участвовать в его развитии». Материалы «думских уроков» представлены на сайте Пермской городской Думы, в разделе «Исторический Форум».

География Пермского городского исторического Форума постепенно расширялась. К 2023 году она охватила несколько городов Российской Федерации. Участниками научно-практических конференций форумов стали исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Уфы, Ижевска, Астрахани, Тольятти, Череповца, Омска, Калининграда, Нижнего Тагила, Ярославля.

Городские исторические форумы имели большое значение для процесса подготовки города к 300-летию юбилею. Они аккумулировали новые исторические знания, стимулировали научные исследования, популяризовали городскую историю, мотивировали горожан (особенно молодежь) к изучению истории своих семей и городской истории в целом.

Был создан новый формат научно-просветительских мероприятий, охватывающий различные целевые группы, объединяющий усилия различных учреждений. В городе была создана площадка для коммуникаций научного сообщества. Выстраивались межвузовские, межведомственные и межрегиональные научные связи.

Организуя исторические форумы, Пермская городская дума являлась системным интегратором, объединяющим в просветительской, исследовательской, образовательной и творческой деятельности десятки разнообразных учреждений и тысячи горожан. Депутатский корпус выступал в роли проводника идей исторического просвещения горожан.

Огромная организационная и информационная работа ежегодно проделывалась Управлением общественных отношений Пермской городской Думы. Необходимо отметить значительный многолетний вклад в организацию городских исторических форумов С.Е. Романюты, М.В. Стародуба, В.А. Белобородова, Е.Н. Покровской, К.В. Шестакова, В.С. Дедова и других сотрудников аппарата Пермской городской Думы.

Пермские городские исторические форумы стали уникальным примером многолетнего сотрудничества городских властей (глав города Перми, департаментов администрации г. Перми, председателей городской Думы, депутатского корпуса, аппарата ПГД, особенно Управления общественных отношений аппарата ПГД) с пермским научным, образовательным и краеведческим сообществом в деле изучения, сохранения и популяризации городской истории.

Как уже отмечалось выше, формат городских исторических форумов открывал большой простор для общественных и частных инициатив. Так, финансирование научно-практических конференций и многих мероприятий форумов осуществлялось посредством городского конкурса социально значимых проектов «Город — это мы», который вот уже 25 лет организуется городскими властями. Многие АНО и ТОС использовали этот конкурс, чтобы выступить в роли соорганизатора научно-практической конференции в рамках форума либо для того, чтобы реализовать свой социально значимый проект, связанный с городской историей. Перечислим некоторые из этих организаций: АНО «Историко-архивный музейный центр «РЕТРОспектива», АНО «Институт поддержки семейного воспитания», ЧОУ ДПО «Современное образование», Некоммерческое партнерство «Содействие развитию въездного

и внутреннего туризма «ПереМаа», АНО «Центр реализации культурных проектов «Пермский стиль», Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Союз женщин России» — Пермский краевой совет женщин, Некоммерческое партнерство по инновационному развитию в сфере культуры и городской среды «МЭКС мультикультурный экспертный центр», ТОС «Запруд», Первичная профсоюзная организация работников ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации, ТОС «Долина» микрорайона «Камская Долина 2» Ленинского района города Перми и многие другие.

Городскими властями, научным, архивным, музейным, библиотечным и краеведческим сообществом была проведена совместная многолетняя системная научно-исследовательская и образовательно-просветительская работа по созданию условий для формирования у горожан культуры исторической памяти, деятельного интереса к истории своего города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Главы города Перми — председателя Пермской городской № 194 от 26.11.2014 г. О проведении форума «Пермь: история города как пространство диалога» и утверждении состава организационного комитета
2. Пермь: история города как пространство диалога: сборник статей научно-практической конференции «Город Пермь: тенденции и динамика исторического развития» (15 апреля 2015 г.) / Редкол.: А. А. Маткин, Д. А. Лобанов / АНО «Историко-архивный музейный центр «РЕТРОспектива». Пермь, 2015. 131 с.
3. История пермского городского самоуправления в XVIII–XXI вв.: генезис, развитие, трансформация: материалы науч.-практ. конф., сост. в рамках II Открытого городского ист. форума «Пермь: история города как история горожан» (26 октября 2017 г.) / Редкол.: М. Г. Нечаев, В. В. Коробкова, А. А. Маткин; Перм. гор. Дума, ПГГПУ, ПНИПУ. Пермь, 2017. 216 с.
4. Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 25 октября 2018 г.) / Редкол.: М. Г. Нечаев, И. К. Кирьянов, Ю. Г. Белоногов и др. / Перм. гор. Дума, ПНИПУ, ПГГПУ. Пермь, 2018. 357 с.
5. История медицины и образования города Перми — три века служения людям: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 30 октября 2019 г.) / Редкол.: Н. А. Невоструев, М. Г. Нечаев, А. А. Маткин / Перм. гор. Дума, ПГМУ, ПГГПУ, ПНИПУ. Пермь, 2019. 456 с.
6. Уральская кузница Победы: город Молотов и его жители в годы Великой Отечественной войны: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 19 ноября 2020 г.). Редкол.: М. Г. Нечаев, А. А. Маткин / Перм. гор. Дума, ПНИПУ, ПГГПУ, Региональное отделение ООГО «Союз женщин России» — Пермский краевой совет женщин. Пермь, 2020. 350 с.
7. Река Кама в исторических судьбах города Перми: материалы всерос. междисцип. науч.-практ. конф. (Пермь, 11 ноября 2021 г.) / Редкол.: Г. А. Янковская, А. А. Маткин. Пермь: Перм. гор. Дума, ПГНИУ, НП по инновационному развитию в сфере культуры и городской среды «МЭКС мультикультурный экспертный центр», 2021. 377 с
8. «Страница исторического Форума на сайте Пермской городской Думы. URL: https://duma-perm.ru/historical_forum/h-forum/ (дата обращения: 30 октября 2023 г.).
9. Страница городского исторического Форума в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public215624965> (дата обращения 12.10.2023).
10. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rhAyyFxDYHE> (дата обращения: 30 октября 2023 г.).
11. Дней и лет круговорот: Календарь-справочник города Перми и Пермского края / сост. О. А. Мельникова. Пермь: Пушка, 2015. 480 с.
12. Страница конкурса «Моя семья в истории города» в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public149521299> (дата обращения 12.11.2023).

ПЕРМЬ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 908(470+571)

А.А. КОСМОВСКАЯ

*Пермский государственный институт культуры,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермская государственная фармацевтическая академия*

ПРИКАМСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. Рассмотрены обязанности городских предпринимателей, их службы, функционирование системы откупов во второй половине XVIII века. Исследованы налоговые приоритеты казны, способы принуждения к выполнению управленческих обязанностей и выплатам по откупам. Показана обременительность служб для конкретных представителей купечества. Описаны механизм выбора на определенные должности, возможности избежать невыгодных обязанностей. Проанализированы частные эпизоды конфискации и продажи имущества за невыполнение откупных обязательств. Исследование построено на анализе документов фондов Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Пермского края.

Ключевые слова. Пермь; Прикамье; купечество; откуп; налоговая политика; фискальное принуждение.

A.A. Kosmovskaya

*Perm State Institute of Culture; Perm State University;
Perm State Pharmaceutical Academy*

PERM MERCHANTS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY: PRIORITIES OF THE STATE AND PROBLEMS OF BUSINESSMEN

Abstract. The responsibilities of city entrepreneurs, their services, and the functioning of the tax farming system in the second half of the 18th century are considered. The tax priorities of the treasury, methods of coercion to perform managerial duties and payments on farm-outs have been studied. The burdensomeness of services for specific representatives of the merchant class is shown. The mechanism of selection for certain positions and the possibility of avoiding unprofitable responsibilities are described. Particular episodes of confiscation and sale of property for failure to fulfill farm-out obligations are analyzed. The study is based on documentation from the RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts) and SAPR (State Archive of Perm Krai) funds.

Keywords. Perm; Prikamy; merchants; farming; tax policy; fiscal coercion.

Купцы Прикамья внесли значимый вклад в социально-экономическое и культурное развитие Пермской губернии. Внимание исследователей привлекали повседневная жизнь провинциального купечества, социальный состав и экономическое положение предпринимателей [1–3]. Вопросы взаимоотношения представителей местной власти и купечества представлены в научной литературе менее подробно.

Правительственная политика в отношении «третьего сословия» анализируется исследователями в контексте принятия Жалованной грамоты городам в 1785 году. (Грамота на права и выгоды городам Российской империи). Грамота фиксировала единый статус всего населения городов вне зависимости от профессиональных занятий жителей.

В статье рассмотрены обязанности городских предпринимателей Прикамья, их службы, функционирование системы откупов во второй половине XVIII века. Исследование построено на документах фондов Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Пермского края. Отношение правительства к купцам и мещанам, которые обеспечивали разнообразные государственные нужды, определяется при анализе материалов различных фондов (были изучены доимочные ведомости, рапорты, переписка, доношения, откупная документация, аттестаты, указы губернской канцелярии и др.).

По Жалованной грамоте 1785 года обыватели должны были заведовать городскими делами и хозяйством. До этого екатерининского нововведения жители городов также были вынуждены участвовать в отправлении разнообразных служб (избираться в ларечные целовальники, соляные головы, к винной продаже и т. п.), причем не только в своем городе.

До введения в действие Уставов о соли и вине городские магистраты участвовали в организации торговли винной и соляной продукцией, а также боролись с нарушениями в данной сфере. Обширный круг обязанностей местных городских учреждений не вызывал желания потрудиться бесплатно на благо города, тем более что с городскими магистратами и выборными могли обходиться несправедливо. Рассмотрим частные примеры того, как можно было оказаться должным государству на десятилетия.

Выборные должности соляных голов и ларечных целовальников появились в связи с взятием соляной продажи в государственную монополию. Выборные из обитателей посада люди осуществляли прием и продажу соли (за исключением 1728–1731 гг.). Местные органы власти контролировали выборных.

Винная продажа осуществлялась двумя основными способами. В случае откупа купец (необязательно местный) на несколько лет выкупал возможность продажи алкогольной продукции на территории конкретного города (уезда) по согласованной с государством цене. Выплаты осуществлялись ежегодно. За недоплату откупщик рисковал продажей своего имущества.

При продаже «вина» верным способом выборные участники приносили присягу «на вере» и собирали деньги напрямую в пользу государства, реализуя все основные операции по закупке (и кое-где по производству — до введения дворянской монополии) алкогольной продукции.

Сотрудники Чердынской ратуши по объективным причинам (отсутствие необходимого количества покупателей алкоголя) не смогли собрать полностью деньги с кабаков (за 1753–1759 гг. — 8056,87 руб.). Были посланы нарочные, правительство велело по инструкции «присутствующих и чердынского купечества лучших людей держать под караулом» [10, л. 1].

Кто хотел оторваться от своих дел и поехать в соседний уезд продавать государственное вино, рискуя своим имуществом? Желающие не выстраивались в очередь. На должности выбирали по жребию, решение по которому потом утверждалось властями. Возможности избежать невыгодных обязанностей существовали. Вместо себя можно было отправить другого человека (при условии согласия), но ему приходилось платить.

Налоговые приоритеты казны всегда превалировали над частными интересами. Что касается Перми, то первый местный посад тоже был «собран» принудительно из купечества соседних городов. При учреждении Перми купечество было сформировано преимущественно за счет перевода торгово-промышленного населения из Кунгура, Соликамска, Чердыни, а также записи в горожане торгующих крестьян [6, с. 41].

Методы получения сотрудников к государственным службам не отличались корректностью в нашем современном понимании. 21 февраля 1756 г. в журнале Кунгурского провинциального магистрата появилась запись о присылке в Екатеринбургское комиссариатство и в прочие места к сборам девяти служителей, выбранных из чердынского купечества. В случае неповиновения традиционно обещали взыскание штрафа, «ибо за указом оного губернского магистрата здешнему провинциальному магистрату той отмены чинить никак невозможно» [13, л. 24].

В кунгурский провинциальный магистрат местный посадский человек Сергей Юхнев в 1756 г. доносил, что по выбору кунгурского купечества он в этот год должен быть в Кунгуре «у винной и пивной продаже в целовальниках». Отказ от службы он мотивировал тем, что выполняет обязанности для пермского горного начальства. Мотивы показались достаточными, посадского освободили от выбора [13, л. 176].

К 1763 году от соликамского купечества требовалось «к приему-отпуску вина выборных 11, для продажи питей целовальников 12, к конскому сбору сборщиков 2, итого 25, да по предписанному особливо присланным апреля 18 числа указом по требованию Исецкой провинциальной канцелярии <...> выбрать за распределением протчей Казанской губернии провинции выбором к служению к Саратовским и Дмитриевским и Усть-Камским магазинам и на машинные соляные суда по числу Вятской и Пермской провинций городов купечества душ из здешних соликамского купечества и конского сбора сборщиков 7, итого 32 человека» [14, л. 3–4 об.]. Вряд ли кто-то из выбранных мечтал оставить на годичный срок свои предприятия и семьи. Избавиться от неприятной выборной обязанности было можно, но не бесплатно (и при наличии желающих занять место выборного).

За финансовые потери штрафовали счетчиков и прочих материально ответственных сотрудников. В рапорте перечневом Соликамской воеводской канцелярии о питейных и канцелярских разных сборах денежной казны 1774 г. отмечалось, что «состоит на щетчике соликамском купце Даниле Лапине прочетных — 218,7625 руб.» [11, л. 211 об.].

9 августа 1765 г. был принят Устав о винокурении. С 1767 года откупа отдавались с торгов на четыре года повсеместно (по губерниям, уездам), за исключением территории Сибири [5, с. 208–216]. После отдачи кабацких сборов на откуп

в Пермской провинции (1767) на четыре года оклад резко вырос (более чем в три раза) [4, с. 127–139]. Часто откупщики из купцов попадали в затруднительное положение из-за форс-мажорных обстоятельств. Камер-коллегия и Сенат в таком случае изучали сообщения с мест и принимали решения о взыскании (или невзыскании) долга.

Например, на бывшем у содержания питейных сборов коронном поверенном Михаиле Пчелкине «с товарищи» откупной суммы и за бочку на 1774 год взыскивали к 1780 году на сумму 17961,545 руб. Михаил Пчелкин не смог продать вино из-за отсутствия поставок «с Шунгутского господина генерала поручика и кавалера графа Ивана Ларионовича Воронцова заводу по контракту вина по бывшему в том году замешательству». Доимка числилась в местной канцелярии в ожидании рассмотрения Правительствующим Сенатом или Камер-колlegией [12, л. 38–39]. Анализ архивных материалов показывает, что недоимка копилась и в следующие несколько лет после активной фазы «известного замешательства», под которым в документах понималось пугачевское восстание.

Печальнее была участь другого откупщика — купца Елисея Саратовского. За проданное в 1768 году вино он был должен 1891–2475 руб., но эту недоимку было велено не взыскивать. Елисей Саратовский, избежавший разорения во время пугачевского восстания, оказался должен уже в 1790-е годы. [7, л. 1–4]. За время его откупа кабацких сборов в 1791–1795 годах накопилась доимка, о чем местные власти были хорошо осведомлены. Елисей Саратовский должен был продавать каждый год по 205452 ведер (каждое по 3 рубля). На 1794 год цену продажи в одностороннем порядке подняли на рубль, а в контракте это прописано не было. Несмотря на то что Елисей Саратовский все-таки продал даже в таких условиях вина 178168 ведер на сумму 712612 руб. (а должен был по старому контракту на 616356 руб.), с него и поручителей стали требовать за 27284 ведра сумму 96316 руб.

К несчастью для самих себя, в Соликамском магистрате под аттестатом купца подписались бургомистр Ульян Котельников, ратманы Григорий Туронтаев, Филипп Мальцов, Кузьма Суетин. Дальше развернулась активная продажа имущества Елисея Саратовского и сотрудников магистрата. Обращения к Павлу I проблеме не решили. Имущество всех было детально описано. Сведения об имуществе должников представляют собой отдельные истории повседневности. Елисей Саратовский, помимо икон, обладал портретами государя Алексея Михайловича (по оценке 20 коп.), Петра Второго (15 коп.), государыни Елизаветы Петровны (25 коп.). Дом Котельникова стоил 400 руб., а Туронтаева — 250 руб. Дочерей Саратовского тоже затронуло расследование, но их имущество — приданое матери — не взыскали. Через несколько лет дело дошло до распродажи имений. Опрашивали бывших работников Елисея Саратовского. 1 июня 1801 г. соликамский мещанин Андрей Иванов сын Немзоров был допрошен под присягой и показал, что находился в услугах у Саратовского. Немзорова спрашивали, на какие средства делался ремонт в доме у обвиняемого откупщика. Соликамский мещанин рассказал, «...почему по приказанию Саратовского чрез ево пасредством из питейных зборов денег была покрываема на старом доме болшей с топей новая крышка и баня новая строена, а что касается до боковой горницы

с анбаром больших сенников поварни, то оные сделаны до бытности ево Немзорова» [7, л. 383]. В конечном итоге Елисей Саратовский стал мещанином, прежние богатства ушли на оплату долгов.

В свете подобных событий логичным выглядит сокращение числа местных купцов. В табл. 1 представлена ведомость численности купцов в Пермской губернии.

В штатных городах	По последней ревизии с 1796 г. (число)	С 1800 г. действительно состоит (душ)	Сколько капиталов (руб.)
Перми	182	157	156265
Кунгуре	288	241	127865
Оханске	77	114	84855
Соликамске	2		
Чердыне	89	132	105046
Осе	10	7	2020
Красноуфимске	161	135	46335
Екатеринбурге	433	384	278285
Камышлове	11	10	6350
Шадринске	29	40	36410
Ирбите	116	78	55155
Верхотурье	56	62	55599
Итого в штатных	1454	1360	954185

Ведомости о казенных взысканиях по Пермской губернии показывают, что выборные люди могли заплатить личным имуществом и заплатить большие штрафы. Из подобной документации можно узнать, какие суммы вычитались из доходов должников. При Павле I часть недоимки простили. Наиболее типичной формулировкой в ведомости о казенных взысканиях была следующая: «Поелику недостаток соли последовал от усышки и утечки и умышленной утраты никакого доказательства нет...» (табл. 2).

Направление взыскания	Руб.
По винной части	4010,97
На соляных головах, ларечных целовальниках, выборных:	
Кунгурских купцах Николае Омелкове, Никите Серебренникове, Алексее Лунегове и Василье Никитине с 1782 года	182,625
Соляном голове кунгурском купце Федоре Кротове	1026,5975
Целовальниках соликамских мещанах Алексее Толстых и Николае Антонове	10,9225
Соляном голове Екатеринбургском мещанине Иване Мельникове	292,155
Кунгурских мещанах Николае Скрыпове, Афанасье Юхневе и Иване Склюеве	249,2
Кунгурских купцах Дементье Шоломове и Михайле Ярышкине	725,7125
Целовальнике Степане Зимове	16,6275
Итого по соляной части	14957,8375
Итого	28638,945

По архивным материалам местных и центральных учреждений определяется обременительность служб для конкретных представителей купечества и мещанства. Отношение к обитателям города было прагматичным — если выборный справлялся с порученным государственным заданием, то возвращался к семье благополучно и имущество оставалось при нем. В противном случае следовали малоприятные санкции — правеж, содержание под караулом, продажа имущества с целью компенсировать убытки казны. Возможности избежать неприятных последствий были, но ограниченные. Перевод посадского населения в столицу Пермского наместничества является характерным подтверждением бесправия третьего сословия в XVIII веке. Возможности заработать на системе откупов на практике могли обернуться потерей имущества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баянзина Н. П. Пермь купеческая. Пермь: Пушка, 2002. 160 с.
2. Банникова Е. В. Повседневная жизнь уральского купечества в первой половине XIX века. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2010. 206 с.
3. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): дис. ... д-ра истор. наук. Оренбург, 2011. 583 с.
4. Космовская А. А. История одного откупа: казенные и частные интересы при продаже вина // Культурный код. 2022. № 3. С. 127–139.
5. ПСЗ. Т. XVII. № 12448. С. 208–216.
6. Хохолов Д. Е. Управление Пермским наместничеством: 1780–1796 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2003. 169 с.
7. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 21. Оп. 2. Д. 121.
8. ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 308.
9. ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 309.
10. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 439. Оп. 1. Д. 141.
11. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 31964.
12. РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 748.
13. РГАДА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 446.
14. РГАДА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 447.

В.Г. РЫЖЕНКО, Л.И. РЫЖЕНКО

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Ассоциация межмуниципального сотрудничества «Сибирский тракт»*

**ПЕРМЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ
СИБИРСКОГО ТРАКТА**

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь дороги как «живого музея», инициатора и интегратора динамики пространственного ландшафта России и ее регионов в контексте парадигмы исторической памяти. Предлагается обнаружить следы прошлого в настоящем, оживить коллективную память, расставить реальные и символические ориентиры в современном обитаемом пространстве отдельных поселений, используя в качестве стимула юбилей.

Основной источниковый комплекс составили картографические материалы прошлого в сопоставлении с современными топографическими реалиями. Пермь возникла не случайно и не как результат волевого решения императрицы.

Это была точка движения и перегрузки товаров, прибывавших с востока. Ключевым грузом в период основания города была продукция горнозаводской промышленности, прежде всего военно-промышленных предприятий. В последующие годы и вплоть до конца XIX в. это были сибирские товары, направляемые на Нижегородскую ярмарку.

Сухопутный маршрут Сибирского тракта через современную Пермь стал формироваться позже речных путей. Показана траектория этой дороги, на которую нанизаны поселения, сыгравшие важную роль в российской истории.

Обозначена преемственность ключевых поселений — элементов исторического ландшафта (Соликамск — Кунгур — Пермь). Отмечены возможности использования информации об участках Сибирского тракта в сопоставлении с их современным положением и сохранившимися символическими координатами для составления «карты памяти» и потенциальных туристических маршрутов.

Ключевые слова. Карта памяти; Сибирский тракт; В. Н. Татищев; Егошиха; Кунгур; Дебёсы; социокультурный ландшафт.

V.G. RYZHENKO, L.I. RYZHENKO

*Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky,
Association of Inter-municipal Cooperation "Siberian Tract"*

**PERM IN THE CULTURAL AND HISTORICAL LANDSCAPE
OF THE SIBERIAN TRACT**

Abstract. Attention is drawn to the relationship of the road as a “living museum”, the initiator and integrator of the dynamics of the spatial landscape of Russia and its regions in the context of the paradigm of historical memory. It is proposed to find traces of the past in the present, to revive collective memory, to place real and symbolic landmarks in the modern inhabited space of individual settlements, using anniversaries as an incentive.

The main source complex consisted of cartographic materials of the past in comparison with modern topographic realities. Perm did not arise by chance and not as a result of the strong-willed decision of the Empress. It was a point of movement and transshipment of goods arriving from the east. The key cargo during the founding of the city was the products of the mining industry, and, above all, military-industrial enterprises. In the following years and up to the end of the XIX century, these were Siberian goods sent to the Nizhny Novgorod Fair.

The overland route of the Siberian Tract through modern Perm began to form later than river routes. The trajectory of this road is shown, on which settlements that have played an important role in Russian history are strung. The continuity of key settlements — elements of the historical

landscape (Solikamsk — Kungur — Perm) is indicated. The possibilities of using information about the sections of the Siberian Tract in comparison with their current position and preserved symbolic coordinates for drawing up a “memory card” and potential tourist routes are noted.

Keywords. Memory card; Siberian tract; Vasily Nikitich Tatishchev; Egoshikha; Kungur; Debesy; Socio-cultural landscape.

В последнее время растёт интерес к проблеме взаимосвязей глобального, регионального и локального аспектов исторического опыта, накопленного в масштабах большой и малой Родины. Стимулом и ускорителем выступают юбилейные события из жизни поселений как точек сгущения научной рефлексии и опоры для конструирования коллективных и индивидуальных идентичностей. Влияние на современную историческую науку пространственного и культурного поворотов, утверждение парадигмы памяти в качестве новой исследовательской стратегии меняют исследовательскую оптику; поиск сохранившихся следов прошлого в нашем настоящем оживляет коллективную память, расставляет реальные и символические ориентиры в современном обитаемом пространстве отдельных поселений. Такой поиск следов прошлого в настоящем стимулирует обращение к истории и трансформациям транспортных коммуникаций, к дорогам как «живым музеям», копилкам человеческого опыта освоения территорий. Не случайно авторский коллектив недавно изданной в Омске книги [1] первый ее раздел обозначил как «сила дороги», а третий — «сила пространства»; они связуемы силой духа первопроходцев, осваивавших края дальние и ближние, прокладывавших тропы и тракты.

Вот и в предлагаемой статье речь пойдет о том наследии великого Сибирского тракта, с которым мы подходим к 300-летию Перми и которое можно и нужно нам, потомкам, открывать и делиться своими открытиями с новыми поколениями жителей края. Основной источниковый комплекс составили картографические материалы прошлого [2–4] в сопоставлении с современными топографическими реалиями. Поэтому при описании прохождения траектории тракта через поселения мы используем их современную топонимику (если не оговаривается иное).

Поскольку первичный анализ этого комплекса уже проведен одним из авторов во втором издании справочника [5], его результаты будут использоваться в данной статье с отсылкой к опубликованному справочнику. Разумеется, это не исключало обращения к другим источникам информации [6], а также учета историографических особенностей разных аспектов темы «Сибирский тракт».

Обозначим некоторые из них. История Сибирского тракта как основной сухопутной транспортной коммуникации Сибири (1730–1890-е гг.) в той или иной степени всегда привлекала внимание ученых. Это отмечал О. Н. Катионов, подготовивший и опубликовавший двумя изданиями (2006 и 2008 гг.) посвященную данной теме монографию [7] и введя в научный оборот обширный картографический материал. Однако он заметил, что полного отражения эта многоаспектная проблема еще не нашла. При этом даже не ставился вопрос, насколько в современных реалиях сохранилась память об отдельных участках и об общей траектории

Сибирского тракта, а также о роли дорог в оформлении и обустройстве культурно-цивилизационного ландшафта и становлении новых культурных смыслов притрактовых пространств как в масштабах отдельных регионов, так и России в целом. Отметим, что недавно появилась статья [8], в которой исторические пути и дороги рассматривались как объект культурного наследия и особый тип историко-культурных территорий.

Пермь в социокультурном ландшафте России и на карте сухопутных путей сообщения стала формироваться в тот период, когда наряду с основным сибирским товаром — пушниной — стал наращиваться поток продукции горнозаводской промышленности, прежде всего оружия и металлоизделий (пушки из Каменск-Уральского, ружья из Тобольска и др.)

В предыдущие исторические периоды дорогой к Уралу из европейской части России был путь через Великий Устюг. Уже после присоединения Сибири к Московской Руси этот путь, где чередовались сухопутные и речные участки, активно использовался. Путь через Урал начинался от Чердыни — бывшей столицы Перми — и по рекам шёл на восток в Лозьвинский городок (сейчас на его месте расположен город Ивдель) [9]. В конце XVI века этот окружной путь спрямляет от Соликамска через Урал знаменитая Бабиновская дорога [10]. При выходе дороги на восточную сторону Урала к реке Туре в 1598 году был основан город Верхотурье, куда перевели гарнизон из Лозьвинского городка и где разместили государственную таможню. Дорога от Соликамска получила статус правительственного тракта и стала называться «Новая Сибирская Верхотурская дорога». Эта дорога около 170 лет была единственным путём, через который разрешалось возить таможенные грузы.

Ягошинский медеплавильный завод, на месте которого возникла Пермь, заложен в 1723 году Василием Никитичем Татищевым, который с 1720 года руководил горными казёнными заводами Урала; был автором «Истории Российской», а сам город Пермь со своим названием официально появился в 1781 году, когда Екатерина II вместе с городом основала Пермское наместничество. До этого столицами этих земель последовательно были: Чердынь, Соликамск и Кунгур.

Пермь возникла не случайно и не как результат волевого решения императрицы. Это была точка движения и перегрузки товаров, прибывавших с востока. Как уже было сказано, ключевым грузом в период основания города была продукция горнозаводской промышленности, которую перегружали на суда для сплава в европейскую часть страны. В последующие годы и вплоть до конца XIX века это были сибирские товары, направляемые на Нижегородскую ярмарку.

Сухопутный маршрут Сибирского тракта через современную Пермь стал формироваться позже речных путей. Сначала возник «Дебёсский караул» на территории нынешней Удмуртии, который был поставлен во второй половине XVII века между Вяткой и Уралом как застава на пути контрабандной перевозки пушнины. Но в 1682 году казанские служилые люди проложили дорогу из Казани через Дебёсский караул и дальше к Кунгуру в обход Верхотурской таможни. Жители Вятки также проложили к Дебёсам свою дорогу.

В 20-е годы XVIII века с подачи В. Н. Татищева дорогу начали использовать для курьерской связи. По этой дороге стали возить почту, причём с угрозой конфискации запрещали перевозить товары. Все товары должны были идти через Верхотурье. В 1753 году упразднили внутрироссийские таможи, в том числе верхотурскую, и через десять лет Бабиновский тракт потерял статус казённого. Грузы пошли южнее через Пермь – Кунгур. В 1783 году правительство официально узаконило пермскую дорогу, которую сейчас называют Московско-Сибирским трактом.

Траектория этой дороги, на которую нанизаны поселения, сыгравшие важную роль в российской истории, в XIX веке проходила с запада на восток следующим образом. Из центра с. Дебёсы, где у почтовой станции соединялись идущие с запада Московская и Санкт-Петербургская дороги, тракт выходил по нынешней ул. Советской. Сейчас там вплоть до трассы М7 благоустроен и музеефицирован участок, по которому проложена прогулочная тропа, поставлены артобъекты и информационные щиты о Сибирском тракте. Восточнее тракт шёл по правому берегу реки Чепцы через деревни Усть-Медла (XIX в.), Ариково (Починок Арыковской, Аргурт тож; XVII в.), село Нижняя Пыхта (XVII в.) и далее — основанную в XIX веке деревню Бол. Чепца (почтовая станция).

За переездом через реку Чепца находятся ур. Липовка и современная граница Республики Удмуртии и Пермского края. Ранее это была граница Вятской и Пермской губерний, где стоял каменный межевой столб. Затем шли с. Мал. Кизели (Грань), Кленовка (почт. ст.) и Большая Соснова (XVIII в., село с 1763; почт. ст.), расположенная на одноименной реке, текущей в глубокой долине.

Сейчас от Большой Сосновы современная федеральная трасса М7 ведёт на север в сторону райцентра Очёр. Старый же тракт проходил по нынешней улице Ленина и вёл на восток в сторону с. Тараканово, которую проходил по современной ул. Колчанова. За селом Дуброво (почт. ст.), где в плохом состоянии сохранился остов храма Георгия Победоносца, вдоль реки Очер идёт густонаселенная местность. Как писал Радищев: «Подъезжая к Оханску везде почти поля, и селенья очень часты. Есть места положением прекрасные» [11]. Здесь по сторонам появляются холмы, покрытые зеленью и пихтовыми рощами. У села Острожка (1597, Очёрский Острожек; почт. ст.) на юг ответвлялась дорога на Осу. Очёрский Острожек был основан как южный форпост владений Строгановых. Острожек известен тем, что в нём в конце XIX — первой половине XX века собирал устное народное творчество и обычаи фольклорист В. Н. Серебrenников.

Тракт шёл в сторону г. Оханска (1647; с 1653 г. — монастырь «Богородицкая пустынь на Охани»; с. Оханное; с 1781 г. — город; почт. станция) [2]. Название поселения произошло от слова «охань» — крупная рыболовная сеть; эта же сеть изображена на гербе города.

И действительно, Оханск развивался в основном как поселение рыбаков и паромщиков, обслуживающих камскую переправу (об этом писал Мельников-Печёрский, проезжавший здесь в конце 1830-х годов) [12].

Переправа через Каму в Оханске была там же, где и теперь (в конце ул. Ленина) [2], а на противоположном берегу так же, как и сейчас, дорога шла через Юго-Камский (Юганский, 1746), основанный Строгановыми как медеплавильный завод. В советское время завод выпускал тяжёлую технику, он был первым, освоившим выпуск гусениц, а после приватизации был разворован и прекратил существование.

Рис. 1. Сибирский тракт на запад от Перми [5]

Далее на восток шли селения Полуденная (почт. ст.), Култаево (не позднее 1592, Култаево поле; почт. ст.) и поглощенное застройкой Перми с. Верхние Муллы (не позднее 1624, Никольское) там, где шоссе Космонавтов (Казанский тракт) пересекает речку Мулянку. Этимология топонима «муллы» восходит к временам Ивана Грозного, когда это место принадлежало башкирскому князю мулле Маметкулю. В XVII веке Верхние Муллы стали важным административным и хозяйственным центром Строгановской вотчины. Затем в их ведении были деревни Мотовилиха и Егошиха (будущая Пермь).

Подводя итог описанию этого, находящегося на юго-западе от Перми, участка тракта, можно сделать вывод о том, что на его культурно-исторический облик огромное влияние оказал именно период становления дороги на этапе перехода от северного пути через Кай – Соликамск – Верхотурье к южному пути через Дебёсы. Именно эта специфика сохранилась и проявляется в его культурно-историческом ландшафте. Тракт шёл к Перми вдоль нынешнего шоссе Космонавтов (Казанский тракт) и заходил в город там, где шоссе переходило в ул. Пушкина (Большая Ямская) между автовокзалом и краевой больницей. В этом месте, ближе к ул. Революции (ул. Садовой), стояла Казанская застава. Два десятиметровых художественно выполненных межевых столба венчались двуглавыми орлами, которые располагались под небольшим углом друг к другу (архитектор Иван Свиязев). При проезде между столбами возникала иллюзия, что орлы взлетают. Далее тракт шёл мимо тюремного замка (там сейчас театр кукол) и уходил на юг так, как сейчас проходит ул. Героев Хасана.

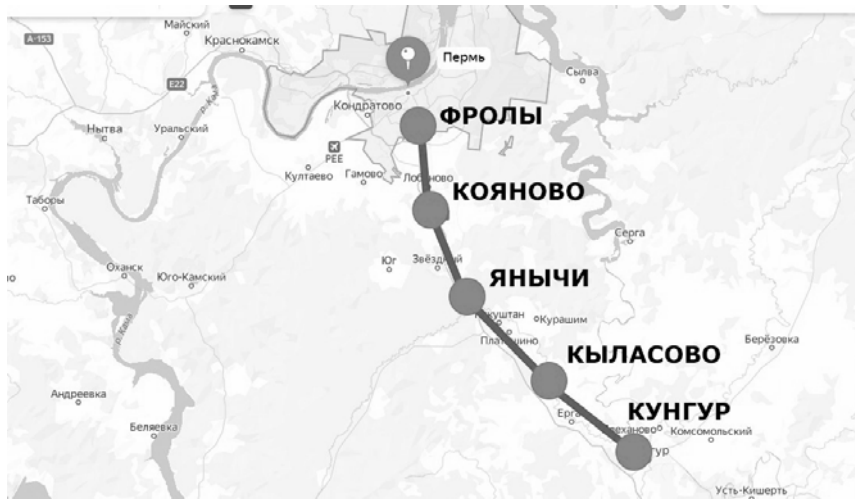

Рис. 2. Сибирский тракт внутри Перми [5]

Сразу за городом в селе Фролы (починок Фрола Суботина, 1669) путь пересекал речку Мулянку по современной улице Сибирской. Дорога шла через Нестюково по нынешней ул. Трактовой, в Бабино – по ул. Бабинской, в Лобаново (Починок Лобаново, 1698) – по ул. Центральной, в Большом Буртыме – по ул. Сибирский тракт. У Кояново (Тосимка тож, 1689; почт. ст.) было ответвление дороги на юго-запад в сторону Осы и Сарапула (сейчас это ответвление южнее). В 1773 году выходец из села рудопромышленник Исмаил Тасимов стал одним из основателей горного училища (впоследствии института) в Санкт-Петербурге.

Тракт вёл на юго-восток к селу Бершеть (сейчас этот путь перерезан автомобильной трассой Р-242), а саму Бершеть проходил вдоль современной ж/д. Далее в с. Янычи (почт. ст.), пос. Кукуштане – везде названия центральных улиц сохранились как Сибирский тракт. В деревнях Усть-Курашим, Мартыново (где пересекался с рекой Юмыш) и Ботово тракт проходил по улицам Центральным. Как видим, топонимика на этом пространстве устойчиво сохраняет память о тракте.

Путь шёл через с. Кыласово (почт. ст.), где в наши дни создан «деревенский» музей Сибирского тракта. Затем был переезд через реку Бабку (там, где сейчас пешеходный навесной мост). Далее ехали через деревни Саркаево, Масленники и по Трактовой улице проезжали с. Жилино, где был второй мост через реку Бабку. Следующие деревни – Пономарёвка, Берёзово – приводили в г. Кунгур (почт. станция). Дорога по современным улицам Романовской, Молодёжной, Блюхера заходила в город, где после переправы через реку Ирень поднималась по нынешней ул. Гоголя (до начала XX в. ул. Острожная).

Кунгур поставлен в 1643 году Чердынскими и Соликамскими воеводами за пределами «строгановской» территории на землях, купленных у ногайцев, которых

Возвращаясь к вопросу о составлении «карты памяти» и потенциальных туристических маршрутов для современников, мы переходим к практике использования информации об истории Сибирского тракта в культивировании современного культурного ландшафта. насыщение данной территории информацией об исторической специфике в сопоставлении с её нынешним положением и функциями позволяет выявить и подчеркнуть устойчивые символические координаты описываемых мест.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сила Сибири. История Омского края. Омск: Изд. отдел Тарской епархии Русской Православной церкви Московского патриархата. 2016. 294 с.
2. Атлас Пермской губернии Оханского уезда (в 9 частях). Свидетельствовал старейший землемер титулярный советник Скребунков. С генерального плана сочинял младший помощник землемер Михаил Андреев. Масштаб к атласу в англ. дюйме две версты. 1790.
3. Карта Пермской Губернии. Масштаб в дюйме 50 верст. 1896 года.
4. Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. 70 карт. С.-Петербург: Издание картографического заведения А. Ильина, по Екатерингофскому проспекту, дом №11/43, 1871.
5. Рыженко Л. И. Великий Сибирский тракт: справочник. 2-е изд. испр. и доп. / под ред. док. ист. наук В. Г. Рыженко. Омск: Ассоциация «Сибирский тракт», 2022. 391 с.
6. Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединённых областей, в трёх частях с принадлежащими к оному таблицами, расписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. С.-Петербург: Издан по высочайше утверждённому его Императорским Величеством положению Комитета гг. министров от Почтового Департамента, 1824. 454 с.
7. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. 372 с.
8. Шульгин П. М., Штеле О. Е. Исторические пути и дороги как объект культурного наследия // Наследие и современность. 2018. Т. 1, № 2. С. 95–112.
9. Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. III. Экономические очерки Перми Великой: Чердынский и Соликамский край на рубеже XVI и XVII вв. Пермь: Тип-фия П. Ф. Каменского, 1891. 180 с.
10. Бородинских Г. А., Федосеев Н. Ф., Чирков Ю. С. На перекрёстках времён и дорог. Соликамский район: история и современность. Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004. 243 с.
11. Радищев А. Н. [Записки путешествия в Сибирь] // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938–1952. Т. 3 (1952). С. 251–266.
12. Мельников П. И. (Андрей Печерский) Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Полное собрание сочинений. Издание второе. С.-Петербург: Издание Т-ва А.Ф. Маркс. Приложение к журналу «Нива» на 1909. Т. 7. С. 514–573.

В.В. МАРКЕЛОВ

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

ДОСУГ В ДАЧНОМ ПОСЕЛЕНИИ НИЖНЯЯ КУРЬЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. На основе периодической печати, архивных документов и научной литературы в статье описываются различные виды досуга нижекурьюнских дачников: развлекательный, оздоровительный, спортивный, духовный, культурный и проч. Рассказывается об истории заселения и развития дачной местности Нижняя Курья, интересных случаях и происшествиях, а также о тенденциях дачной жизни.

Исследуются деятельность Общества дачного благоустройства «Усть-Курья», её реализация, а также создание, устав и участники Общества. Уделяется внимание персонам дачников – зачастую известным в Перми и Пермской губернии людям, внесшим значительный вклад в развитие города.

Ключевые слова. Нижняя Курья; досуг; виды досуга; дачное поселение; дачи; Пермь.

V.V. MARKELOV

Immanuel Kant Baltic Federal University

LEISURE IN THE DACHA SETTLEMENT OF NIZHNYAYA KURYA BEFORE THE REVOLUTION

Abstract. On the basis of periodicals, archival documents and scientific literature, in the article describes various types of leisure activities of nizhne-kuryinsky summer residents: entertainment, wellness, sports, spiritual, cultural, etc. It tells about the history of settlement and development of the Nizhnyaya Kurya suburban area, interesting cases and incidents, as well as about the trends of suburban life.

The article examines the activities of the Ust-Kurya Dacha Improvement Society, its implementation, as well as the creation, charter and members of the Society. Attention is paid to the personalities of summer residents – often well-known in Perm and Perm province people who have made a significant contribution to the development of the city.

Keywords. Nizhnyaya Kurya; leisure; leisure activities; dacha settlement; dachas; Perm.

История дач в России началась в XVIII веке под Санкт-Петербургом, когда Петр I пожаловал своим подчиненным земли, для того чтобы удержать их летом поближе к городу. Самодержец велел на подаренных участках в течение нескольких лет построить дома и облагородить прилегающую территорию. Наделы получили название «дача» от древнего глагола «дати».

Ещё в XVI веке значение его трактовалось как «дар» и «пожалование». В XVII веке слово «дача» означало земельный участок, полученный от государства. А уже в XVIII в. дачей называли небольшую усадьбу вблизи города или загородный дом. Расцвет популярности дач и дачного строительства пришелся на конец XIX — начало XX века. В этот период в архитектуре сосуществуют модерн и псевдорусский стиль. В Перми и его окрестностях, как и вокруг многих других российских городов,

в этот период горожанам на лето обычно сдавались в качестве дач домики в различных деревнях и селах. Но первым организованным дачным поселком около Перми стала местность Нижняя Курья недалеко от города. Обратимся к её истории.

По завершении строительства на левом берегу р. Камы в первой половине XVIII века Егосихинского и Мотовилихинского заводов для их работы потребовались запасы дров и древесного угля, которые добывали на правом берегу реки. Из-за вырубki деревьев и пожаров лес там постепенно редел.

К концу XIX века работы по заготовке угля были прекращены. В 1890 году печи были сломаны [1, с. 10]. Лес уцелел.

Крутой берег, густой сосновый бор, чистый воздух, отдаленность от города — все это привлекало горожан для прогулок и отдыха в этих местах практически с самого основания города Перми. Многие приезжали на противоположный берег на охоту, рыбалку, а также для сбора грибов и ягод, среди которых можно было встретить бруснику, землянику, чернику, княженику. Флора была по-настоящему разнообразна и богата. Здесь росли дикie пионы, ирисы, лилии (сарана), дикий хмель [2, с. 5].

В 1891 году на правом берегу Камы начинается постройка дач в Нижней Курье [3, с. 90]. Идея сдавать земельные участки в аренду для постройки летнего жилья принадлежала управляющему государственными имуществами И. А. Голынцу. Горное ведомство с трудом согласилось на такую идею, но все же Курьинская оброчная статья была образована и первые 27 участков были выданы на торги, которые превзошли все ожидания. К 1894 году, по сообщению П. Вологодина, «все 27 усадеб уже застроены дачными домиками, представляющими в общем весьма живописную картину с реки Камы» [2, с. 5]. Из-за высокого спроса и небывалого ажиотажа в том же году на торги были выставлены новые участки Курьинской казенной оброчной статьи.

С открытием 27 января 1899 г. железнодорожного моста через Каму появился ещё один способ добираться до Усть-Курьи. Например, 28 марта были пущены смешанные поезда Пермь-Котласской ж/д, которые по заявлению останавливались на две минуты для тех, кто желал высадиться на Курье [4, с. 4]. Уже в мае между Курьей и Пермью курсировали дачные поезда [5, с. 1].

18 июня 1906 г. состоялось освящение храма. При большом стечении народа, который собрался из окрестных сел и деревень, а некоторые собравшиеся прибыли на пароходе из города, Преосвященный Никанор (Надеждин) совершил чин освящения храма, а затем и литургию при пении архиерейского хора. По окончании строительства ценность храма оценивалась примерно в 30 000 руб. Теперь у дачников была своя церковь, которой они были очень довольны (рис. 1).

Территория поселка в административном плане не относилась к Перми, поэтому представителей власти и каких-либо служб (пожарных, полицейских, охраны и проч.) в нем не было. Именно поэтому при дальнейшем развитии дачной местности требовалась самоорганизация её жителей.

Идея создать общество благоустройства описывается в одном из фельетонов в 1899 году: «Полинезийцы в смысле общественности заметно прогрессируют.

У них на днях было даже “общее собрание дачников”. Думают обзавестись курзалом, кругом для танцев, музыкой и пр. Будет устав, один пункт коего воспрещает пароходам быстрый “бег” у берегов “Курьи”, т.к. волны разбивают купальни. Предусмотрительно: не будет купален — на что же тогда в бинокль смотреть?» [6, с. 3].

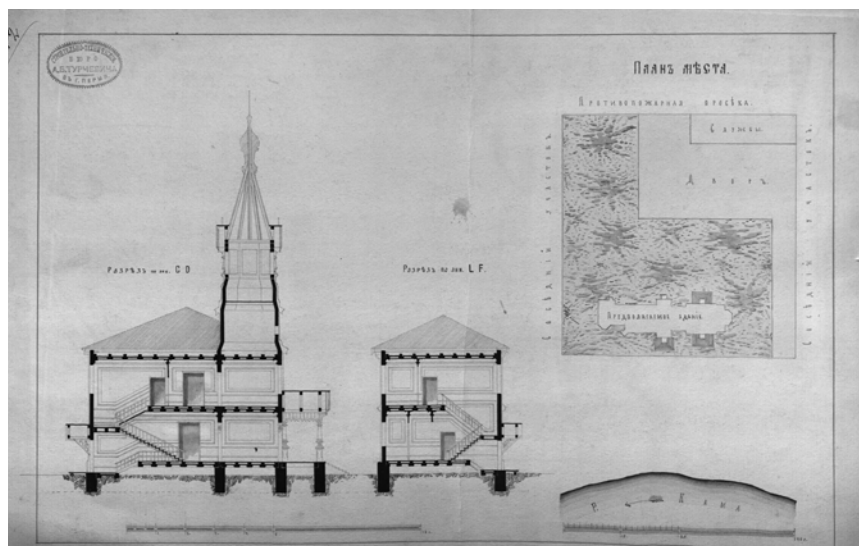

Рис. 1. План места для постройки Архиерейской дачи в Нижней Курье 1905 г.

// ГАПК. Ф. 716. Оп. 1. Д. 663. Л. 1.

Общество благоустройства дачной местности УСТЬ-КУРЬЯ (Нижняя Курья) было образовано и внесено в реестр пермского Губернского по делам об обществах Присутствия 28 июня 1910 г. Оно обладало правосубъектностью, т.е. могло осуществлять права и отвечать по обязательствам. Членский взнос был ежегодным и обязательным, а участники подразделялись на почетных, действительных (5 руб.) и соревнвателей (3 руб.). Лица же, внесшие единовременно не менее 50 или 100 руб., именовались пожизненными членами, соревнвателями и пожизненными действительными членами Общества соответственно, а также освобождались от ежегодной платы взноса.

Средства Общества составлялись из взносов, доходов предприятий Общества и принадлежащих ему имуществ, добровольных пожертвований, сборов (с вечеров, лекций, концертов) и проч. Делами Общества заведовали общее собрание членов, комитет и ревизионная комиссия.

Комитет состоял из 9 членов и трех кандидатов, избирался на один год на общем собрании. Председателя, казначая и секретаря члены комитета выбирали уже самостоятельно из своей среды. Комитет Общества управлял всеми делами этого объединения граждан согласно постановлениям общего собрания и собирался в г. Перми в период с 15 мая по 15 августа — в дачном поселке «Усть-Курья».

Ревизионная Комиссия состояла из трех лиц, состоявших ее членами, и двух кандидатов, избираемых из членов общего собрания на один год. Совмещение обязанностей членов комитета и Комиссии одним лицом запрещалось. Ежегодный отчет комитета составлялся к 1 апреля и после утверждения общим собранием сразу же предоставлялся губернатору в двух экземплярах.

Председателем Комитета Общества был начальник почтово-телеграфного округа, статский советник Вячеслав Васильевич Ефимов с основания общества до 1916 года (он перестал исполнять эти обязанности в связи с отбытием из Перми на другое место службы) [7, л. 66].

Основные направления досуга дачников описаны в задачах устава: «...Для приведения дачной местности Усть-Курья в возможно лучшее состояние по благоустройству и удобствам <...> Общество принимает на себя заботы: 1) врачебно-санитарно-гигиеническую: а) приглашение врачей, б) устройство аптек, в) устройство общих купален, г) расчистка и содержание в порядке отведенных Обществу парков, лесов, рыбных ловель и проч., д) охранение дач и их окрестностей от загрязнения...» [8].

Общество помогало решать возникавшие в дачной местности проблемы. Так, в 1910 году в связи с расквартированием 234-го Ирбитского полка и выбором места рядом с дачным поселком Усть-Курья «особая депутация дачников во главе <...> Ефимова, бывшая <...> 28 ноября, к приведённым соображениям еще добавила, что в дачные места, в постройки и культурные улучшения вложен капитал до 500 000 руб. и что большинство дач построено людьми семейными, затратившими последние свои средства для того, чтобы дать возможность детям их пользоваться чистым воздухом. Соседство же дачных поселков с военным лагерем и стрельбищем положительно стеснит дачников» [9, л. 200]. Тогда Общество смогло отстоять свою позицию и полк рядом с дачной местностью расквартирован не был.

В 1911 году Общество возбудило ходатайство о выделении участка напротив дачных участков № 34–36 с целью обустройства парка [10, л. 317]. Для этой цели был отведен просимый участок, но с арендной платой 59,76 руб. в год. В 1914–1916 годы у Общества возникли проблемы с оплатой аренды за данный участок, а также за пожарный обоз и площадку для игр в связи с трудными годами войны и мобилизации двух третей членов Общества. Горный начальник предложил Обществу просить об отсрочке уплаты аренды господина министра торговли и промышленности, так как максимальный срок отсрочки уже был превышен [7, л. 64].

В 1911 году при разметке второй линии дач в поселке Нижняя Курья комитет Общества выступил против разбивки второй линии напротив первой линии дач, поскольку «летнее поселение поселка и ныне превышает 2000 человек, дальнейшее его увеличение отразится на ухудшении санитарных условий проживания в Усть-Курье и понизит ценность Усть-Курья как дачной местности, особенно если разбивка будет приведена параллельно существующему, в этом случае дачники первой линии будут поставлены в чрезвычайно затруднительное положение в пользовании лесом для прогулок» [10, л. 373].

Комитет не просто был против решения разбивки дополнительной линии, но, понимая неизбежность появления новых участков, предложил своё решение, которое впоследствии было исполнено: «Комитет полагает, что разбивка второй линии не ныне, так в ближайшем будущем явится неизбежной, почему весьма важно дать второй линии дачного поселка такое направление, чтобы она не нарушала существенно удобств существующего дачного поселка, пионеры коего своими трудами создали одно из наилучших дачных мест около Перми. Таким направлением второй линии, по мнению комитета, стала бы разбивка её не в параллельном направлении поселка, а в перпендикулярном, примерно от дачи А. А. Синакевича или от участка только что отведенного для колонии Мариинской женской гимназии по направлению к железнодорожному разъезду «Курья» с разбивкой участков по обе стороны дороги» [10, л. 373 об.].

Устав предполагал поддержку спортивных увлечений дачников, выделяя в нем деятельность «...III) учебно-воспитательную: а) устройство мест для общих игр детей разных возрастов, б) гимнастика, прогулки, спорты: велосипедный, гребной, парусный, рыболовство, охота...» [8].

Как уже отмечалось выше, в поселке был организован парк для прогулок и детских игр, а лес, начинавшийся сразу после пожарной просеки, был местом для сбора грибов и ягод, а также охоты. Близость к реке тоже позволяла занимать время «водными процедурами»: «Открылся купальный сезон. Кама кишит купающимися. Публика не помнит себя от упоения теплом, купанием, катанием <...> кувырканием на дачных шелковистых зеленых коврах — изделиях матери-природы...» [6, с. 3]. Популярной игрой у дачников был крокет. Сохранилось фото, где дачники проводят время за этой игрой (рис. 2).

С точки зрения культурного досуга устав предполагал от Общества следующее: «...в) снабжение книгами, газетами, читальня, библиотека, г) устройство бесед, лекций, чтений спектаклей...» [8].

В 1906 году по инициативе инспектора народного просвещения Соснина, который и сам имел здесь дачу, в Нижней Курье была открыта школа с тремя классами и 35 учениками, которая сначала располагалась в зимовке Гуляевых. Неизвестно, чем закончилось дело, но в 1913–1914 годах решался вопрос о выделении земельного участка в безвозмездное пользование и отпуске бревен из Мотовилихинской дачи для постройки школы по ходатайству Оханской уездной земской управы [11]. В книге «Закамск: 1941–1991» сказано о том, что учебное заведение в 1914 г. было переведено в дом Гуляевых, который располагался также в Нижней Курье [1, с. 89].

В Усть-Курье проводились различные собрания и съезды для педагогов. В частности, сохранились фото съезда для учителей народных училищ 1901 г., на которых присутствовали П. Н. Серебренников и Н. В. Мешков.

В 1909 году в Перми проходили церковно-педагогические курсы, открытие которых состоялось на архиерейской даче в Нижней Курье. Курсы были организованы для преподавателей церковных школ, так как из-за низких окладов в учителя шли зачастую люди, не имеющие специального педагогического или хотя бы среднего

образования: «Торжественное архиерейское служение, скрашиваемое удачным подбором голосов архиерейских певчих, многие курсанты слышали впервые, как впервые увидели они и своего Архипастыря. В далеких и глухих деревушках, где занимались они под вой бури и даже диких зверей, они вели в полном смысле отшельническую жизнь» [12, с. 431].

Рис. 2. Игра в крокет на даче Александра Ивановича Тихонова в Нижней Курье. Окрестности г. Перми. Начало XX в. // ГАПК. Ф. р965. Оп. 1. Д. 69

В дачном поселке Нижняя Курья был свой театр, устроенный стараниями дачного Общества «Усть-Курья». На его сцене выступали артисты из Перми и часто играл духовой оркестр [13, 25].

При желании дачники могли посетить дачный храм, располагавшийся на территории Архиерейской дачи. Вход был свободен для всех желающих, поэтому храм посещали и жители соседних селений. Еще при выборе места писали о том, что «необходимость в постройке церкви очевидна уже и при настоящем числе обитателей дач, лиц, принадлежащих исключительно к интеллигентному классу и между которыми немало особ пожилых, привыкших посещать храм Божий. Для таких лиц неудовлетворение религиозного чувства общественной молитвой в церкви, при торжественном богослужении, особенно ощутительно здесь в воскресные дни и праздники и составляет, можно сказать, настоящее лишение» [14, л. 2–2 об.].

В Нижней Курье выделялись большие участки под дачи, на которых жилой дом занимал не так много места, а потому на территории располагались подсобные помещения (дровяник, ледник и др.), полянки для игр, огородики и цветники. В Усть-Курье была своя дача садовника. В Государственном архиве Пермского края хранится ходатайство о выделении участка для постройки дачи и занятия опытами по электрокультуре огородных овощей [10, л. 226].

Основные сферы дачных занятий и отдыха были описаны в задачах устава, но о том, как протекала дачная жизнь, можно узнать только из других источников, которых не так много.

18 мая 1901 года Little man (С. Ильин) в своем шуточном стихотворении «В поисках за дачей» описал, наверное, самые характерные черты Нижней Курьи:

...Цена на дачи в сих местах
На робкого наводит страх;
Нарядны дачи — это верно,
Но только дороги чрезмерно... [15, с. 126].

Высокая цена аренды непосредственно влияла на характеристику жителей поселка. Обычно строили или арендовали дачи в Нижней Курье пермские купцы, крупные чиновники и представители высших слоев интеллигенции (врачи, адвокаты и пр.) [16, с. 60]. Мелкие чиновники и железнодорожные служащие, торговцы, служащие в различных частных учреждениях, учительский персонал селились на лето или в Верхней Курье, или же в близлежащих к городу селениях, где плата за дачные помещения в простых крестьянских избах была не столь высока [17, с. 3].

Среди дачников было немало известных и значимых для города личностей. Первые дачники-посельники братья Ф. и Г. Каменские. Имели рядом с дачным поселением затон, который использовали для зимовки пароходов.

Председатель Пермской городской театральной дирекции А. В. Синакевич пожертвовал средства на постройку дачного храма:

«С большим волнением принял я предложение городского головы и председателя дирекции А. В. Синакевича приехать к нему на дачу, отобедать, познакомиться и поговорить о работе. Когда мы с милейшим А. Д. Городцовым переплывали темно-зеленую Каму и вошли в ароматный сосновый лес “Курьи”, где пермская интеллигенция ютилась в неприхотливых деревянных домиках, я чувствовал, как сосновый аромат пьянил меня, сердце утешенно билось, в висках стучало... Городской голова принял нас весьма любезно. Он ясно представлял себе все трудности, которые предстояли городскому управлению при создании необычной и ответственной отрасли, городского хозяйства — оперного театра» [18, с. 46–47];

Российский «чайный король» М. И. Грибушин, меценат и общественный деятель, почётный гражданин Кунгура, имел дачу № 54/55. «Меховой король» А. С. Алин, купец 2-й гильдии в Пермской губернии (рис. 3).

*Рис. 3. Семья купца Александра Семёновича Алина на даче в Нижней Курье.
Окрестности г. Перми. 1910-е гг. // ГАПК. Ф. р1327. Оп. 1. Д. 47.*

В центре — Александр Семёнович Алин, справа — его жена Таисия Александровна

Проводила время на даче в Курье и вдова известного пермского краеведа, действительного статского советника В. Н. Шишонко Варвара Аркадиевна Шишонко.

Но в дачном поселке бывали не только арендаторы дачных участков и съемщики комнат. Сюда заглядывали на пикник или прогулку городские обыватели. В 1911 году на крутом песчаном берегу Нижней Курьи испытывал свой самолет Василий Каменский, о чем сообщалось в местной прессе: «В Н.-Курьях пытался летать любитель В. В. Каменский; с песков, лежащих немного выше Курьи, он поднялся на незначительную высоту в воздух, где и продержался около минуты. Курьинские дачники устроили г. Каменскому овацию» [19]. Впоследствии летчик писал о том, что ради смеха мог очень близко подлетать к проходившим рядом пароходам, отчего многие пассажиры убежали с палубы: «Сначала пассажиры махали платками, но, когда я пролетал над головами, все в панике, сломя головы, бросались в каюты и палуба на минуту пустела: боялись видно, что упаду на пароход» [20, л. 9].

Покинув пыльный, дымящийся заводами Мотовилихи город, добравшись до Усть-Курьи на пароходе или поезде, дачники могли наслаждаться свежим сосновым воздухом, неспешными прогулками, веселым купанием в жаркие дни, дружеским или семейным пикником, чтением книг, просмотром спектаклей, игрой духового оркестра — разнообразнейшими формами досуга и яркими событиями в жизни Нижней Курьи.

Дачное поселение Усть-Курья продолжало свое развитие и после революции. В современной России жилой район Нижняя Курья активно застраивается и включает в себя микрорайоны Закамск, Водники (старые и новые), Судозавод. Но на более 130 тысяч жителей микрорайона нет ни одного музея об истории этого места. Богатейшая история, дачная культура — исток современного жилого района на правом берегу Камы — не собирается, не сохраняется, а предается забвению.

Сегодня осталось всего три дачи от того времени: архиерейская дача (храм Святого Князя Владимира), дача на набережной, дача Синакевича. Пока силами прихожан при храме Святого Князя Владимира (ул. Кировоградская, 194) открыта небольшая музейная комната «Архиерейская дача», посвященная истории Нижней Курьи.

История родного края, родной земли важна для формирования нашего самосознания. Это частица нашего прошлого, нашей души. Это опора нашего счастливого будущего, будущего следующих поколений, которое мы должны сохранить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закамск: 1941–1991 / отв. за выпуск В. И. Вяткина. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 123 с.
2. Вологдин П. Курьинские дачи // Пермские губернские ведомости (далее — ПГВ). 1894. № 27.
3. Летопись г. Перми с 1890 г. по 1911 г. // Труды Пермской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Т. 10. Пермь, 1913. 241 с.
4. Объявление управления Пермь-Котласской ж/д // ПГВ. 1899. № 72.
5. Объявление управления Пермь-Котласской ж/д // ПГВ. 1899. № 117.
6. Фельетон // ПГВ, 1899. № 149.
7. Дело о сдаче в аренду с торгов земельных участков из Мотовилихинской дачи ППЗ для устройства дачных помещений на основании закона от 23 мая 1896 г. // ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1796.
8. Устав Общества благоустройства дачной местности Усть-Курья (Нижняя Курья) Пермской губернии, Оханского уезда. Пермь: Типо-лит. губ. правл., 1910. 16 с.
9. Дело о предоставлении участков земли из дач ППЗ под лагерь и стрельбище по ходатайству командира 232-го Ирбитского резервного батальона горному начальнику ППЗ // ГАПК. Ф.276. Оп. 1. Д. 409.
10. Дело об отдаче в аренду с торгов земельных участков из Мотовилихинской горнозаводской дачи для постройки дачных помещений, на основании закона от 23 мая 1896 г. // ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 408.
11. Дело о бесплатном отводе земельного участка в Нижней Курье и отпуске бревен из Мотовилихинской дачи для постройки училища по ходатайству Оханской уездной земской управы горному начальнику ППЗ // ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 180.
12. Открытие в г. Перми церковно-учительских курсов // Пермские Епархиальные Ведомости. 1909. № 20.
13. Семянников В. В. Дачи в Нижней Курье // Пермские квартиры. 1999. № 34.
14. Дело о безвозмездном отчуждении участка земли в Усть-Курье в собственность архиерейского дома // ГАПК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 392.
15. Прогулки по старой Перми: Страницы городского фельетона конца XIX — начала XX в. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 296 с.
16. Трапезников В. Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998. 272 с.
17. Пермяки на дачах // ПГВ. 1910. № 135.
18. Боголюбов Н. Н. Шестьдесят лет в оперном театре. Воспоминания режиссера. Всероссийское театральное общество. М., 1967. 303 с.
19. Желтова Е. Л. Ранняя «авиационная» проза Василия Каменского: взгляд историка авиации // Технологос. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rannaya-aviatsionnaya-proza-vasiliya-kamenskogo-vzglyad-istorika-aviatsii> (дата обращения: 13.09.2023).
20. Воспоминания, вырезки из газет о Каменском, выписки из его произведений и др. материалы, собранные С. М. Гинцем для книги о Василии Каменском // ГАПК. Ф-р. 1588. Оп. 1. Д. 464.

И.В. ДЕМИНА

Государственный архив Пермского края

ЛЕТНИЕ ДЕТСКИЕ ДАЧИ-КОЛОНИИ ДЛЯ ПЕРМСКИХ ДЕТЕЙ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена описанию деятельности ученических дач и летних детских колоний в окрестностях Перми конца XIX – первой трети XX в. как одного из видов учреждений внешкольного образования. Рассматривается опыт организации ученических дач и летних колоний, открытых пермскими учебными заведениями, приведены свидетельства из архивных документов о распорядке дня, качестве питания и роде занятий детей летом на ученических дачах и дачах-колониях.

Ключевые слова. Дачи-колонии; внешкольное образование; летняя дача; Нижняя Курья; «Муравейник».

I.V. DEMINA

State Archive of Perm Krai

SUMMER CHILDREN'S DACHA COLONIES FOR PERM CHILDREN AT THE END OF THE 19TH – FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the characteristics of student dachas and summer children's colonies in the vicinity of Perm at the end of the 19th – first third of the 20th centuries, as one of the types of out-of-school education. The report examines the experience of organizing student dachas and summer colonies opened by Perm educational institutions, provides evidence from archival documents about the daily routine, quality of food and occupation of children in the summer at student dachas and dacha colonies.

Keywords. Colony dachas; out-of-school education; summer dacha; Lower Kurya; “Anthill”.

Уникальным явлением общественной и образовательной жизни российского общества конца XIX — начала XX века были летние детские дачи-колонии, представлявшие собой один из видов внешкольной деятельности. «Колонией» в то время называли отдельную группу детей, которая под руководством учителей и воспитателей отправлялась за город, чаще всего летом, на определенный срок. Колонии имели четкую организационную структуру и поставленные цели.

Главными целями самых распространенных стандартных (смешанных) колоний было оздоровление детей, которые в условиях городской жизни часто страдали анемией и туберкулезом, а также осуществление образовательной деятельности и решение социальных проблем. Как правило, колонии создавались учебными заведениями и занимали отдельные здания. Педагогами в колониях организовывались практические и образовательные занятия. На практических занятиях дети получали умения, которые могли бы пригодиться им во взрослой жизни. Образовательные занятия были похожи больше на беседы и совместную коллективную деятельность, в ходе которой изучались в основном природоведение и литература. Большое внимание уделялось подвижным играм и посещениям местных достопримечательностей.

Первые летние детские колонии появились в Западной Европе. В 1876 году швейцарский пастор Вальтер Бион в горном кантоне Аппенцель организовал поездку в сельскую местность группы из 68 детей на три недели [1, с. 12]. В России одна из первых детских летних колоний была открыта не позднее 1882 года под Петербургом по частной инициативе. Организовали её пасторы французской и голландской реформаторских церквей граф П. Ю. Сюзор и директор детской больницы К. А. Раухфус в деревне Бобльск [1, с. 51].

В 1900-е годы целый ряд обществ, учреждений и частных кружков крупных городов Российской империи имел детские летние колонии, которые носили названия «санитарные станции», «школьные дачи», «летние приюты», «ученические дачные колонии». К 1908 году детские летние колонии существовали во многих крупных городах Российской империи.

Так, в Санкт-Петербурге насчитывалось 20 колоний, охватывающих около 2400 детей в год, в Москве — 65 колоний (около 1800 детей), в Варшаве — 13 колоний (около 2800 детей), в Одессе — 7 колоний (около 1000 детей), в Киеве — 30 колоний (около 650 детей) [1, с. 74].

В Перми детские дачи-колонии существовали у Марининской женской гимназии, Пермского технического железнодорожного училища, Богородицкой церковно-приходской школы. Расположены они были на правом берегу реки Камы в Нижней Курье, популярной у пермяков дачной местности.

Открытие детской колонии Богородицкого попечительства им. И. И. Любимова в Нижней Курье состоялось в начале 1900-х годов. Точная дата открытия неизвестна. Имеются документы о передаче 16 июля 1899 г. председателю церковно-приходского попечительства при Рождество-Богородицкой церкви города Перми доктору медицины, коллежскому советнику Павлу Николаевичу Серебrenникову казенного участка земли (усадебного места под № 41, входящего в состав «Курьинской № 75/88 оброчной статьи»), предоставленного по Высочайшему повелению от 17 сентября 1898 г. попечительству в бесплатное пользование «под устройство колонии для бедных детей школьного возраста на время существования этой колонии» [2]. Колония была отстроена и летом 1906 г. принимала детей.

В одной из заметок, размещенной в газете «Пермские губернские ведомости», было написано: «оканчивает месячный срок своего пребывания на даче первая партия (20 человек) учениц Р. Богородицкой церковно-приходской школы. Эти юные дачницы — дети бедных родителей из городских жителей, наиболее нуждающиеся, по состоянию здоровья, в пребывании летом на чистом лесном отдыхе» [3]. «Колонию окружает густой лес, а около самого помещения разбит отличный цветник. Крыша помещения (железная) нуждается в окраске. Жаль, что средства не позволяют держать в колонии более 20 человек, а помещение позволяет держать одновременно до 50 человек, если не более» [3]. Сохранилась фотография, запечатлевшая праздник защиты природы, организованный Обществом содействия начальному образованию в 1909 г. на даче Богородицкого попечительства им. И. И. Любимова в Нижней Курье [4].

Под устройство дачи-колонии для несостоятельных учениц Мариинской женской гимназии в 1910 году был отведен участок земли в одну десятину в Закамской части Мотовилихинской горнозаводской дачи, в местности «Курья» [5, л. 6–6 об.]. Стараниями начальницы гимназии Татьяны Ивановны Пашихиной дача колония в Мариинки женской гимназии была открыта в 1912 г.

Совсем немного известно о даче Пермского технического училища, которая находилась на 1-й линии, участке № 35. Размер земельного участка под дачей составлял 280 [кв. сажен]. После Революции 1917 года дачу занимала Профтехническая школа Пермской железной дороги [6, л. 6], а затем Пермский техникум путей сообщения.

Собиралась отстроить дачу в Нижней Курье Пермская мужская гимназия. В 1905 году были подготовлены планы участка земли площадью 1800 кв. сажен на берегу р. Камы в Закамской части Мотовилихинской казенной дачи Оханского уезда Пермской губернии под устройство колонии для учеников Пермской гимназии [7, л. 7]. 16 ноября 1905 г. был подписан акт передачи в безвозмездное пользование участков земли под № 86, 87, 88 с растущим на них лесом директору Пермской мужской гимназии под устройство дачи-колонии для учащих гимназии, согласно которому дача должна была быть возведена за три года [7, л. 14–14 об.]. В соответствии с заявлением пермского купца Михаила Павловича Добринина, владельца дачного участка № 85, соседнего с участками земли, выделенными Пермской мужской гимназии, в Управление Пермских пушечных заводов от 15 апреля 1910 года, расположенные рядом с ним участки земли «не только не застроены, но даже и не огорожены и находятся в безобразно-запущенном виде», на участках «за отсутствием загорода ходит скот, от которого получается много нечистот» [7, л. 35].

Но и в 1912–1913 годах участки земли под устройство дачи-колонии для учащих Пермской мужской гимназии не были освоены из-за отсутствия необходимых денежных средств у гимназии [7, л. 49–49 об., 63]. 13 ноября 1913 г. по распоряжению Уральского Горного Управления от 22 ноября 1912 г. за № 17011 и предписанию горного начальника от 15 октября 1913 г. за № 15439 помощником классов наставников Пермской мужской гимназии Ф. П. Поповым и лесничим Мотовилихинского лесничества А. И. Шамариным был подписан акт о передаче обратно в Горное ведомство трех дачных участков № 86, 87, 88, находящихся в 23 квартале Закамской части Мотовилихинской дачи [7, л. 80].

Сохранилось ходатайство правления Общества воспитания детей и сирот недостаточных чинов Пермского почтово-телеграфного округа к горному начальнику Пермских пушечных заводов от 10 сентября 1914 г., в котором говорится об отведении земельного участка в 5 десятин с лесом в Нижней Курье, рядом с Богородицкой колонией, в собственность общества. В предоставлении участка правлению общества было отказано ввиду того, что «просимый участок, покрытый густым лесом, по плану лесного хозяйства к отчуждению не назначен и что леса Мотовилихинской дачи имеют по закону специальное назначение для самих заводов, изготавливающих предметы Государственной обороны и крайне нуждающихся в лесных материалах» [8, л. 27].

Правлению общества было рекомендовано поучаствовать в торгах земельных участков, специально спроектированных под устройство дачных помещений и расположенных во второй линии от существующего в Нижней Курье дачного поселка [8, л. 27].

После Революции 1917 года практика летнего оздоровления пермских детей на дачах-колониях была продолжена. Организацией дач-колоний занимались учебные заведения и детские клубы, которые устраивали колонии-коммуны. Кроме оздоровления детей на таких дачах решались также задачи воспитательные. Широко применялось трудовое воспитание, принципы самообслуживания. Регулировал организацию жизни колонистов Народный комиссариат просвещения, которым были выпущены подробные инструкции по этому вопросу [9].

Для оздоровления пермских детей направляли в Нижнюю Курью и на Белую Гору. Существовала практика аренды помещений учебными заведениями на летний период. Так, в газете «Звезда» за 1921 год в заметке «Быт юных дачников» было написано: «В Нижне-Курьинских дачах размещено до 10-ти детских учреждений количеством детей до 200 человек. Все детские учреждения занимают лучшие помещения — имеются спальни, столовые, комнаты для игр и т.п. В хорошую погоду дети время проводят на открытом воздухе за играми или за работой. Трудовые принципы среди детей вводятся широко. Повсюду установлено самообслуживание. Кроме того, дети заготавливают материал — бересту и др. и успешно используют его на всякие безделушки: корзинки, коробки и т.п. Иногда для чистки своих дворов и других работ дети устраивают субботники.

Детей обучают рисованию, грамоте, проводят с ними беседы на различные темы. В общем, воспитательная часть поставлена хорошо. Питание детей, вследствие продовольственного кризиса, не важно. Хлеба дают по 1 фунту на человека, обед в некоторых учреждениях состоит из двух блюд, в некоторых из одного. На второе дают манную кашу. Недостает обслуживающего персонала, поэтому имеющийся персонал едва справляется с повседневными работами. Некоторые воспитательницы кроме своих прямых обязанностей заняты также работой по закупке продуктов в заготовке дров. Имеющаяся пошивочная мастерская при детских учреждениях бездействует и 10 000 аршин мануфактуры, отпущенные исключительно для детей, лежат неиспользованными.

Развлечением для детей служат устраиваемые концерты, спектакли, игры» [10, с. 2].

Ежегодно выезжали на летний отдых в Нижнюю Курью и воспитанники детского клуба «Муравейник». О летней жизни «муравьев» коммуной в Нижней Курье сохранились воспоминания нескольких бывших воспитанников клуба. Так, М. А. Симановский отмечал, что 29 июля 1920 г. 32 человека выехали на дачу, куда добирались на пароходе. «Муравьи» поставили перед собой конкретные цели, которых хотели достигнуть за летний период. Это заготовка материалов (лыка бересты, ивы, камыша) для зимних кружковых работ, культурно-просветительская работа среди детей и крестьян, сбор лекарственных трав. Все поставленные цели были достигнуты. Не собрали лыка, но вместо этого научились плести лапти [11, с. 2].

Жизнь детей на даче в Нижней Курье была организована по режиму. Вставали в 7 часов утра, в 8 утра дети получали чай с хлебом и маслом, в 12 часов на завтрак — молоко с хлебом, в 4 часа дня был обед, в 10 часов вечера — чай и затем ложились спать. В течение дня для детей устраивали прогулки в лес, ловлю рыбы, купание, катание на лодках и т. д. Пасек на одного ребенка было достаточно хороший: «1½ фунта хлеба в день, из них ½ фунта белого, кружка молока, еженедельно выдается ½ фунта масла» [12, с. 2].

Летние детские дачи-колонии конца XIX — начала XX века послужили прообразом пионерских лагерей, получивших широкое распространение в Советском Союзе. В их деятельности был накоплен богатый педагогический опыт, а также опыт взаимодействия с общественными организациями, органами власти, предприятиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленецкий А. М. О заграничных и русских летних школьных колониях. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908. 179 с.
2. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 39. Оп. 1. Д. 58; Ф. 276. Оп. 1. Д. 39.
3. Пермские губернские ведомости, 1906. 22 июня. № 134 (неоф.).
4. ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 89.
5. ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 417.
6. ГАПК. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 706.
7. ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 125.
8. ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 166.
9. Летние колонии: Сборник, составленный Отделом реформы школы и Отделом единой школы Народного Комиссариата по просвещению. М.: Госиздат, 1919. 160 с.
10. Звезда. 1921. 19 июля. № 159 // ГАПК. Ф. печ. изд. № 1821 Г.
11. Муравей-чудодей. 1920. 17 ноября. № 4 // ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 24.
12. Муравей-чудодей. 1920. 20 июня. № 1 // ГАПК. Ф. р-1210. Оп. 1. Д. 24.

Т.Ю. ШЕСТОВА

*Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассмотрено состояние здравоохранения в Пермской губернии в начале XX века: изучены кадровые проблемы, обозначены основные объекты здравоохранения, финансируемые губернским земством. Отражено становление санитарной работы в губернии, дискуссии о введении ставок санитарных и эпидемических врачей. Охарактеризована борьба с эпидемическими заболеваниями среди населения, а также временные эпидемиологические отряды и их состав, изучены возможности временно приглашаемого персонала. Отмечено страхование медицинского персонала при смерти в условиях выполняемой профессиональной деятельности, отражены изменения в здравоохранении в период Первой мировой войны.

Ключевые слова. Здравоохранение; Пермская губерния; губернское земство; медицинский персонал; эпидемии.

T.Y. SHESTOVA

Perm branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

HEALTHCARE OF THE PERM PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article examines the state of health care in the Perm province at the beginning of the twentieth century, examines personnel problems, identifies the main health facilities funded by the provincial zemstvo. The formation of sanitary work in the province, discussions on the introduction of rates of sanitary and epidemic doctors are reflected. The fight against epidemic diseases among the population is characterized, as well as temporary epidemiological detachments and their composition, the possibilities of temporarily invited personnel are studied. It is indicated on the insurance of medical personnel in case of death in the conditions of their professional activity, changes in healthcare during the First World War are reflected.

Keywords. Healthcare; Perm province; provincial zemstvo; medical personnel; epidemics.

Начало XX века для здравоохранения Пермской губернии было благоприятным периодом. Губернское земство закрывало потребности и городского, и сельского населения. В Перми в момент передачи земству от Приказа общественного призрения губернской больницы произошел пожар. Это обстоятельство позволило земству профинансировать фактически новые больницы, собрав лучший опыт больничного дела в России и Европе по результатам ознакомительной поездки первого санитарного врача И. И. Моллесона.

Александровская больница начала приглашать узких специалистов. Медицинский персонал готовился через стипендии земства и научные командировки. Из структуры губернской больницы в 1890 году была выделена колония для психиатрических больных, разместившаяся на Липовой горе. Это была первая колония в стране.

При губернской больнице с 1870-х годов работала фельдшерская школа, изначально называвшаяся объединенной школой медицинских и ветеринарных фельдшеров. В начале XX века в правилах обучения было много черт, перешедших в современное образование. Молодые люди, получившие медицинское образование, должны были отработать стипендии губернского земства фельдшерами и акушерками. Ограничение профессиональными предметами было связано с требованиями МВД, хотя земство хотело дать максимально широкий круг дисциплин. В школе вели обучение врачи-практики, представлявшие лучшие силы Александровской больницы, — Серебренников, Селюгин, Иванов, Тажиев, Тихомиров, Здравосмыслов, Давыдов, Корепанов, Напольский, Неволлина, Моисеева. Преподавались дисциплины: фармакология, фармакогнозия, бактериология, общая патология, физиология, анатомия, гистология, хирургия, акушерия и женские болезни, частная терапия и детские болезни, нервные болезни и психиатрия, гигиена, глазные болезни, сифилис. Можно говорить о зарождении вечернего образования, так как все экзамены принимались после основной работы врачей с 19.00. Возрастной ценз начинался с 14 лет, 16-летним учащимся полагался образовательный ценз четырех классов гимназии. К пакету документов требовалось разрешение на учёбу родителей или мужа [1. Л. 3, 6–7]. Помимо фельдшерской школы работала частная школа фельдшерлиц Р. Н. Кленовой, готовившая оспопрививательниц.

В 1916 году ее выпускницами стали 18 женщин. Р. Н. Кленова просила земство разрешить выдать свидетельства о завершении школы 11 выпускницам без документов об окончании начальной школы. Оно было дано 8 женщинам, поскольку «некоторые из них находятся в преклонном возрасте и предъявленное требование о предоставлении документов об образовании, в сущности, лишает их возможности когда-либо получить звание оспопрививательниц» [2]. В журналах губернского земства за 1914 год фиксируется отказ в финансировании частных медицинских Юрьевских курсов [3, с. 55]. Оно было переложено на уездные земства.

Подготовки врачей на территории Пермской губернии не велось по причине отсутствия вузов, но выдавались стипендии земства на учебу в университетских городах. Первым стипендиатом был П. Н. Серебренников, читавший затем курсы в фельдшерской школе. При открытии Пермского университета губернное земство профинансировало 50 стипендий для местных уроженцев. Память умершего И. И. Мечникова также была отмечена стипендией [17, с. 13].

Проблемой становилось злостное невозвращение стипендий и отказ от отработок. Земство даже собиралось отменить все стипендии, кроме студентов — медиков и ветеринаров. Так, из доходов аптеки выплачивались безвозвратные стипендии детям служащих аптеки — Дунаеву и Каллистову [14, с. 59, 61].

Крайне сложно обстоял вопрос санитарной работы. Первые санитарные врачи Пермской и Вятской губерний И. И. Моллесон и В. О. Португалов относились к кругу народников, последний был арестован. Губернское земство предполагало, что участковые врачи в уездах возьмут на себя функции санитарных.

Многочисленные эпидемии были основной причиной повышенной смертности. В 1902 году было решено, что введение ставки эпидемического врача не имеет смысла, предложение введения должности санитарного врача в каждом уезде провалилось. К 1907 году здравый смысл восторжествовал, появилось три ставки санитарных врачей, хотя земцы опасались революционной деятельности со стороны санитарных врачей. Пермский съезд врачей предложил общую губернскую структуру по санитарии, но консолидация врачей этого профиля была не в интересах губернского земства. Инициатива не нашла поддержки на губернском собрании. Главнейшим достижением земской медицины был упор на профилактику заболевания. Лечение финансировалось в размере 2 000 000 руб., а профилактика обходилась намного дешевле — в 30 000 руб. Исходя из этого, губернское земство совместило обязанности медиков как санитарно-эпидемических врачей по ставке в каждом уезде [7, с. 287; 8, с. 187, 189; 10, с. 92; 11, с. 74, 77, 81, 83].

В тот период в стране отмечается 16 ставок санитарных врачей, финансируемых губернскими земствами в уездах, из них 12 территориально были размещены в Пермской губернии. В 1913 году по санитарной работе Пермская губерния входила в тройку лучших, пропуская вперед себя только Московскую губернию [20, с. 311; 22, с. 197].

Санитарные врачи создали тематическую библиотеку по санитарии и вопросам гигиены, использовали в своей деятельности химико-бактериологические лаборатории при каждом уезде. Санитарные врачи инспектировали школы в области бытовых условий, занимались вопросами гигиены, боролись за чистоту источников водоснабжения населенных пунктов; они инициировали и патронировали санитарные попечительства, но основной задачей была противоэпидемическая работа. Структура санитарного бюро играла роль концентратора лучших практик, проводя опросы аналогичных структур по лучшим практикам в стране. Пермь отличалась великолепно поставленной статистической работой. В борьбе с эпидемиями широко привлекался временный персонал. В Перми выходил сборник «Врачебно-санитарные хроники».

Петербургская гигиеническая выставка показала итоги этой работы. Пермский стенд и павильон были одними из самых посещаемых разделов выставки. Павильон стоил губернскому земству 500 руб., экспонаты — 25 000 руб., но воодушевленные земцы явно пошли на перерасход в 2089 руб. 55 коп. [18, с. 110–111; 14, с. 135]. Были на выставке и более дорогостоящие стенды, но подготовленный руководителем пермского санитарного бюро И. К. Курдовым был отмечен награждением Пермского губернского земства серебряной медалью и почетным дипломом. Сам И. К. Курдов был награжден золотой медалью выставки [21, с. 55]. Первая мировая война обусловила резкий рост инфляции, когда земцы пытались поднять размер окладов сотрудников. Земство выделило И. К. Курдову доплату в 900 руб. Гласный Воробьев говорил: «Мы просим о прибавке не первому встречному, а таким лицам, как гг. Курдов и Здравосмыслов [директор бактериологического института], которые в настоящее время ценятся на вес золота» [15, с. 35].

В Первую мировую войну число санитарных врачей сократилось вдвое в связи с мобилизацией в 1914 году. В 1915 году не пришел ни один выпускник медицинского факультета, женщины-врачи считались не имеющими должной квалификации [19, с. 107]. Общий стаж врача в других губерниях засчитывался только санитарным, но не более шести лет. За стаж внутри Пермской губернии зарплата увеличивалась на 15% через 3 года и 6 лет, далее по 10% через 9 и 12 лет, но и это не привлекло персонал. В 1916 году губернское собрание фиксировало: «Несмотря на неоднократные публикации занять должность санитарных врачей с окладом в 2000 руб., кандидатов не находится, [надо] согласиться с увеличением на время войны этого оклада на 400 руб.» [15, с. 40].

Наряду с санитарной работой велась эпидемическая. Чудовищная вспышка холеры с большой и возрастающей смертностью длилась несколько лет с 1892 года. Следовало консолидировать усилия по противостоянию опасности. В Пермской губернии связь между губернскими и уездными земствами изначально не была сильной. Именно эпидемия холеры в 1892 году дала импульс созданию эпидемических отрядов от губернского земства и их работе по запросам уездов, которым не хватало специалистов [6, с. 30].

Русско-японская война сказалась на структуре медицинских кадров Пермской губернии. Выделенные ставки санитарных врачей остались вакантными, поэтому пермское губернское земство перенаправило средства на противоэпидемические отряды. Борьба с холерой выходила тогда на первый план, поэтому появление двух отрядов было воспринято уездами с воодушевлением [9, с. 93]. Отряды привлекались и в других экстренных случаях, к примеру, в случае болезни всего медицинского персонала уезда (Иньва в 1907 г.). Уезды спешили встать в график обслуживания территорий данными отрядами [10, с. 127, 129, 132; 12, с. 126.]. Постоянный противоэпидемический персонал к 1914 году включал трех постоянных врачей, 10 фельдшеров, шел найм временного персонала в других губерниях. В 1914 году расходы на постоянный персонал составили 12200 руб. Войны всегда были чреваты возможностью мобилизации медицинских работников. Это обусловило увеличение штата врачей до 4 человек. Поскольку ранее существовала проблема невыплаты контрактных денег, оплата медикам шла ежедневная: 2 руб. в день полагалось на выплату врачам, по 1 руб. получал фельдшерский персонал, сестры милосердия — 50 коп. в день [13, с. 114]. Губернское правление в 1914 г. выделило на борьбу с эпидемиями 30000 руб. из запасного капитала [19, с. 112]. С 1915 года оплата делилась на две категории: «до эпидемии» и «с момента объявления эпидемии». До эпидемии врачи получали 250 руб., студенты 10 семестров — 225 руб., фельдшеры — 100 руб., с момента эпидемии выплаты возрастали на 50 руб. [16, с. 20].

Война нередко сопровождается большими эпидемиями. Как правило, это бывает связано с мобильностью населения в виде движения санитарных эшелонов, партий беженцев, отсутствии должной дистанции между военнопленными и жителями губернии. Пермская губерния была также местом ссылки, поэтому эпидемическая картина периода войны становилась отягощенной эпидемией тифа, изначально перекинувшейся из тюрем. Этот процесс начался еще в 1911 г.

Сыпной тиф всегда был распространен в Пермской губернии. В 1914 году губернская земская управа профинансировала противоэпидемические отряды для работы в уездах в составе 12 врачей, 32 фельдшеров, 60 сестер милосердия и 15 студентов-медиков. Обычно заражения медиков были редки, но тут складывалась иная картина. Тифом заболело 2 врача, 5 студентов и 14 сестер милосердия. После выздоровления губернское земство платило им половину оклада на санаторное лечение [19, с. 109–111].

Учащиеся фельдшерской школы были отправлены на борьбу с тифом. Умерло две ученицы — Горшкова и Меледина, работавшие в Верхних Муллах, и ученик Самохвалов (дезинфектор). Фельдшерская школа учредила в их память безвозвратные стипендии имени погибших по 180 руб. и вывесила портреты [16, с. 39, 90].

Семьи медиков в конце XIX века получали от земств произвольные суммы, но в 1914 году МВД определило конкретные суммы выплат. У пермского губернского земства МВД интересовалось формой выплат — единовременная или помесечная. Деньги выплачивались и заводским врачам в том случае, если там были предусмотрены места для пациентов от земства, а также если врач участвовал в сборе статистических данных. Компенсация за смерть составляла: за врача — 5000 руб., студента-медика с 10 семестра — 4000, студента-медика с 8 семестра — 3000, студента-медика 6–7 семестров, фельдшера, фельдшерицу-акушерку — 2000, сестру милосердия и ротного фельдшера — 1000, служителя и сиделки — 500 руб. Весь постоянный персонал входил в пенсионную кассу земства, члены их семей также получали пенсию [3. Л. 9, 15. Л. 1–2, 5, 7; 16, с. 31].

В 1915 году акцент был смещен на уход за больными, так как врачи массово ушли на фронт. Был определен постоянный штат сестер милосердия в 15 человек с зарплатой 360 руб. [14, с. 66, 83.]. Через год инфляция сделала эти деньги мизерными. Повысив зарплату, земство констатировало: «Многие опытные сестры отказываются поступать на службу». Снова внимание ушло на низовую структуру — дезинфекторов. Введены две ставки и проведены двухнедельные курсы дезинфекторов при Александровской больнице [16, с. 12]. Предполагая расширение списка эпидемических заболеваний, земское собрание постановило утвердить проекты противохолерных и противочумных мероприятий [14, с. 64].

Из общественных организаций, работавших на эпидемиях, следует отметить комитет великой княгини Елизаветы Федоровны и Пермское общество борьбы с заразными заболеваниями.

Если в 1914 году патриотически настроенное земство спокойно отпускало врачей на фронт, то в 1915 г. стали предприниматься меры по удержанию их в Пермской губернии для помощи гражданскому населению. Добровольцам переставали включать в стаж время, проведенное на фронте, а это сказывалось затем на пенсиях и надбавках к жалованию. Следующим шагом стало обращение к губернатору, министру внутренних дел и военно-морскому министру о возвращении с поля военных действий медиков. Впрочем, оно было оставлено без ответа [3. Л. 9, 15.].

Даже заключение мира могло негативно сказаться на внутренней губернии, такой как Пермская. «Демобилизация армии грозит населению очень многими тяжелыми последствиями в смысле распространения туберкулеза, сифилиса и венерических болезней и нервных больных, которые, несомненно, отразятся на здоровье населения, понизят процент рождаемости и повысят процент смертности» [5. Л. 7].

В земское финансирование стали включать погребальные услуги. В детский приют стали подкидывать умирающих, а в губернскую больницу — трупы для захоронения. Существовали и этнические кладбища, требующие эпидемиологического надзора, например, кладбище китайцев в имении Абамялек-Лазаревых, в городах существовали магометанские, лютеранские, еврейские кладбищенские кварталы [4. Л. 1–4]. С 1915 года умерших солдат хоронили в братских могилах «в одном общем месте для постановки всем им общего памятника» [14, с. 24].

Губернское земство финансировало Александровскую губернскую больницу, психиатрическую лечебницу и бактериологический институт. Число коек в губернской больнице и психиатрической колонии было сокращено во время войны, но это привело к резко возросшей смертности. К 1916 году численность коек была восстановлена, но земство попыталось избавиться от душевнобольных преступников. Ремонтные работы в больнице, научные стажировки врачей отменялись, питание больных удешевлялось. Земство отказалось строить детскую больницу в Перми, предполагая большую смертность в отчетах.

Очень напряженно стоял вопрос о закупке медикаментов, которые Пермская губерния до 1914 года закупала в основном в Германии. Было решено переориентироваться на фармацевтику США, Англии, Японии и Китая через совместную выписку губернского и уездных земств.

Таким образом, в начале XX века пермское здравоохранение для гражданского населения в организационном плане было представлено деятельностью губернского и уездных земств. После комплекса эпидемий 1890-х годов была усилена санитарная и противоэпидемическая работа. Введение ставок санитарных врачей в уездах от губернского земства поставило Пермскую губернию по этому опыту в стране на первое место. Это подтверждается блестящим представлением работы санитарного бюро на Петербургской выставке 1913 года.

К сожалению, начавшаяся Первая мировая война негативно сказалась на кадровом составе медиков, инфляционные процессы отсекали возможность найма врачей из других губерний, смертность населения возросла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 143 (Врачебное отделение Пермского губернского правления). Оп. 1. Д. 281. Л. 3, 6–7.
2. ГАПК. Ф. 143. Д. 388а. Л. 1, 5, 10.
3. ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 704. Л. 9, 15.
4. ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1155. Л. 1–4.
5. ГАПК. Ф. Р79 (Правление союза общества помощников врачей Пермской губернии). Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
6. Журналы пермского губернского земского собрания 30 чрезвычайной очередной сессии. Пермь, 1898. 443 с.
7. Журналы Пермского губернского земского собрания 32 очередной сессии. Пермь, 1902. 425 с.
8. Журналы Пермского губернского земского собрания 33 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1903. 362 с.
9. Журналы Пермского губернского земского собрания 35 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1905. 329 с.
10. Журналы Пермского губернского земского собрания 37 очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1907. 420 с.
11. Журналы Пермского губернского земского собрания 38 очередной сессии и 39 чрезвычайной сессии. Пермь, 1908. 461 с.
12. Журналы Пермского губернского земского собрания 41 очередной сессии. Пермь, 1911. 416 с.
13. Журналы Пермского губернского очередного собрания 44 сессии. Пермь, 1914. 312 с.
14. Журналы пермского губернского очередного собрания 45 сессии. Пермь, 1915. 194 с.
15. Журналы пермского губернского очередного собрания 46 сессии. Пермь, 1916. 250 с.
16. Журналы 52 чрезвычайного Пермского губернского земского собрания. Пермь, 1915. 250 с.
17. Журналы 57 чрезвычайного пермского губернского земского собрания. Пермь, 1916. 36 с.
18. Обзор Пермской губернии за 1913 г. Пермь, 1914. 186 с.
19. Обзор Пермской губернии за 1914 г. Пермь, 1915. 54 с.
20. Мирский М. Б. Медицина России XVI–XIX вв. М., 1996. 400 с.
21. Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. 120 с.
22. Френкель З. Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела. СПб., 1913. 228 с.

ПРОСТРАНСТВА И ИНФРАСТРУКТУРА ГОРОДА

УДК 93/94(47)

А.В. Глушков

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики – Пермь*

УРБАНИЗАЦИОННЫЕ И ДЕЗУРБАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРМИ (1923–1939 ГОДЫ)

Аннотация. На материалах фондов Государственного архива Пермского края и периодической печати реконструируются процессы формирования «большой Перми», превращения в 1920–1930-е годы малозначительного с точки зрения промышленности города в крупный индустриальный центр.

На многочисленных примерах демонстрируется, что развитие города в этот период не только сопровождалось проблемами, характерными для ранней советской урбанизации (острый жилищный кризис, отставание городской инфраструктуры, экологические проблемы), но и было отмечено специфическими элементами «дезурбанизации», связанной с заметным отставанием сферы благоустройства и включением в городскую черту значительных по площади окраинных, сельских по своей сути и менталитету их жителей территорий.

Ключевые слова. Урбанизация; дезурбанизация; городское планирование; градостроительство; советский город; Пермь; жилищный кризис.

A.V. GLUSHKOV

*National Research University
Higher School of Economics – Perm*

URBANIZATION AND DISURBANIZATION PROCESSES DURING THE FORMATION OF SOCIALIST PERM (1923–1939)

Abstract. In the presented article, on the materials of the funds of State Archive of Perm Krai and the local periodical press, the processes of formation of the "big Perm" are reconstructed. The process of transformation in the 1920–30s of the city, insignificant from the point of view of industry, into a large industrial center is analyzed.

Many examples demonstrate that the development of the city during this period was not only accompanied by problems typical of early Soviet urbanization (an acute housing crisis, a lag in the urban infrastructure, environmental problems etc.). The development of the city was also marked by specific elements of deurbanization, associated with a noticeable lag in the sphere of improvement and the inclusion in the city limits of areas that are large in area, rural in nature and in the mentality of their inhabitants, territories.

Keywords. Urbanization; deurbanization; urban planning; Soviet city; Perm; housing crisis.

1920–1930-е годы стали периодом становления современной промышленной Перми. Хотя во второй половине века город рос еще большими темпами, перешагнув в 1979 году отметку в один миллион жителей, именно накануне Великой Отечественной войны закладываются индустриальная основа города. Представляется, что условная «вилка» была пройдена, когда после эксперимента — видимо, не слишком удачного, — с выделением из состава Перми города Молотово (Мотовилихи) в 1931–1938 годах и завершением споров о принципах формирования «большой Перми» городские власти остановились накануне Великой Отечественной войны на компромиссном варианте укрупнения города, не включавшем, например, объединение с Краснокамском.

Волна присоединения окраинных территорий в 1920-е годы и последовавшая вслед за ней интеграция вновь возникших рабочих поселков промышленных предприятий, таких как Завод № 19 им. Сталина, Серноокислотный завод, рабочие поселки строителей Камской ГЭС, в несколько раз увеличили площадь Перми, сделав городскими — во многом формально — ряд территорий, которые по всем признакам еще долго оставались сельскими.

Всего за два неполных десятилетия население города выросло с 70 до 255 тыс. человек. Как удалось установить из различных источников, средняя обеспеченность пермяков жильем (не говоря про его качество) продолжала снижаться в течение всего обозначенного периода. Если в 1924 году этот показатель составлял 8,7 кв.м. на человека [9, л. 1] (при установленной норме в 9 кв.м.), то в конце 1929 г. — уже 3,6 кв.м. [10, л. 2], продолжая оставаться приблизительно на этом уровне и в 1930-е годы. На фоне все увеличивающегося количества городских жителей наметившуюся тенденцию к сокращению обеспеченностью жилой площадью не могло переломить и строительство новых рабочих поселков — соцгородка Мотовилихинского завода и поселка Завода № 19 им. Сталина. Преобладающим типом жилья, помимо массовой барачной застройки, были индивидуальные дома, возникавшие зачастую в самых неожиданных местах, например, в заболоченной местности Новой Заимки (район современной Перми, прилегающий к железнодорожному мосту через Каму), считавшийся рассадником малярии. Механизмов контроля за хаотичной и незаконной застройкой у города практически не было: начавшаяся практика отказа в выдаче домовых книг подобным жильцам была пресечена милицией, настаивавшей на необходимости регистрации граждан [17, л. 82].

Всё это не могло не повлиять как на формирующуюся городскую «ткань», так и на менталитет пермяков, ведь урбанизационные и дезурбанизационные процессы при складывании социалистической Перми сосуществовали. По мнению А. С. Сенявского, при всех очевидных отличиях, советская урбанизация «была преемственна имперской» [7]. При относительно высоких темпах в позднимперский период, дореволюционная урбанизация в России не успела выйти из начальной стадии урбанизационного перехода. По мнению Сенявского, механизм градостроительства, сложившись в 1930-е годы, с некоторыми корректировками продолжал действовать на протяжении всего советского периода. Планово-централизованное размещение

производств по территории СССР оборачивалось хаотической инфраструктурной и жилищной застройкой на местах. Многие города превращались в совокупность рабочих кварталов при предприятиях, поселковых территорий (аналогов дореволюционных слобод), застраиваемых разными ведомствами и малосвязанных между собой. Необходимость решать кадровый вопрос привела к тому, что в кратчайшие сроки, с 1926 по 1939 год, городское население РСФСР, как и СССР в целом, выросло более чем вдвое, преимущественно за счет сельской миграции. В результате происходило «окрестьянивание» города, перенасыщение его маргинальными слоями, выброшенными из привычной среды и оказавшимися в заводских общежитиях и коммуналках [7, с. 155].

Названные процессы способствовали тому, что ряд исследователей изучали их в контексте не урбанизации, а дезурбанизации, то есть обратного процесса. Применительно к российским (и советским) городам российский философ и культуролог А. С. Ахиезер использовал термин «псевдоурбанизация». По его мнению, российские города формировались «не только как административные центры, но и как некоторый необходимый придаток производства, некоторая “тара” для размещения персонала» [1, с. 28]. Другой термин — «нонурбанизм» — использовал советский и российский урбанист В. Л. Глазычев, считавший, что в России, за некоторыми исключениями, не было городов в подлинном смысле этого слова, а преобладающим типом поселения стала слобода, «довольно успешно имитирующая форму города» [2].

Признавая авторитетность авторов подобных подходов и безусловную оригинальность их теорий, стоит подчеркнуть, что в современной отечественной историографии они подвергается критике [3]. Ряд исследователей высказывают мысли, схожие с тезисами А. С. Ахиезера и В. Л. Глазычева, но в более мягкой форме. Так, «сельские черты» российской урбанизации акцентирует Г. М. Лаппо. В первой половине XX века эти процессы были связаны с включением в состав городов пригородных сельских поселений. В одних случаях их земли использовались под новую застройку, и они просто исчезали, постепенно превращаясь в городские районы. В других — они становились составной частью города, не меняя своего облика, планировки и занятий обитателей. Во многих крупных российских городах застройка некоторых районов велась «по образу и подобию» сельской: одноэтажный дом, палисадник, хозяйственный двор, сад, огород [4, с. 131]. Отметим, что подобный способ расселения, хотя и не был преобладающим в Перми, встречался в городе вплоть до 1970-х годов, а некоторые отдаленные городские микрорайоны с преимущественно частной застройкой остаются «сельскими» по своей природе до сих пор.

По мнению И. В. Нарского, масштабы дезурбанизации на Урале в первой половине XX века не стоит преувеличивать, ведь наблюдавшийся здесь процесс переселения крестьян в города не привел к качественному изменению соотношения городского и сельского населения: крестьянский образ жизни оставался господствующим и в городах. Вынужденная урбанизация региона привела

к архаизации социальной жизни, и «плоды начавшейся в поздней Российской империи модернизации увядали на глазах» [6, с. 139]. На примере Перми можно видеть, как после Гражданской войны часть населения, не имея возможности прокормиться в городе, уезжала в деревню. Возвращаться обратно горожане стали в 1925–1926 годах, когда восстановление промышленности в основном завершилось [5, с. 292].

Теперь рассмотрим, насколько подобные подходы применимы к развитию Перми в 1920–1930-е годы. Как известно, 3 ноября 1923 г. Постановлением ВЦИК бывшая Пермская губерния была включена в состав Уральской области с центром в Екатеринбурге. За год до этого пермский Губкомхоз опубликовал записку «по вопросу о пригородах г. Перми: Мотовилихе, Балашихе, Пролетарской Слободе и дачных местностях Верхней и Нижней Курье», в которой отмечалось, что они «территориально, исторически и экономически тесно связаны с городом» [8, л. 193]. Так, в состав города вошло 17 поселков, далеко не все из которых сохранились в современной топонимике города¹.

Вскоре был поставлен вопрос о дальнейшем использовании этой — теперь уже официально городской — территории, особенно участков, отводимых под застройку. Окружной инженер Б. Р. Вейерсберг через периодическую печать предостерегал городские власти от массовой передачи свободных участков под индивидуальное строительство. Он считал, что «чересчур щедрое наделение всех усадебными участками» привело бы «к обрастанию города целым рядом поселков, которые на неопределенно долгое время были бы лишены даже каких-либо надежд на культурное обслуживание в отношении элементарного благоустройства и санитарии, не говоря уже о водопроводе и канализации». Таким образом Вейерсберг артикулировал проблему «слободизации» и, как следствие, дезурбанизации, с которой Пермь столкнулась после расширения городской черты [18, с. 3]. Однако большинство жителей окраин решали квартирный вопрос по старинке, строя привычные одноэтажные деревянные дома для одной семьи. При этом в течение 1920-х годов индивидуальное строительство лишь набирало обороты. С 1923 по 1928 год наиболее активно застраивались Пролетарская слобода (здесь было «нарезано» 448 участков под усадьбы, что было связано, в том числе, с переселением жителей на незатапливаемые места), Егошиха (300 участков), поселок Светлый (148 участков) и Шпальный (114 участков). Всего к 1928 году рабочим и служащим Перми было выделено 1055 участков под индивидуальное строительство. Большинство застройщиков на окраине города были железнодорожниками либо работали на увеличивавшем свои мощности заводе «Уралсепаратор».

Активная фаза проработки давно назревшего вопроса о слиянии Перми и Мотовилихи наступила в 1926 году. Непосредственно созданию объединенного города предшествовало, во-первых, признание 5 апреля 1926 г. Мотовилихи городским поселением, во-вторых, создание «Комиссии по обследованию земель, намеченных в городскую черту объединенного города», которая должна

¹ Верхние Горки, Суханки, старые Мошки, Большая Ива, старые Гарюшки, новые Гарюшки, Данилиха, Загарье, Курочкин поселок, Демидовские печи, Екатерининский поселок, Заболото, Шпальный, Скандаловка, Заостровка, Пролетарская слобода и Нижняя Курья.

была представить свои соображения по определению новых границ Перми. На заседании комиссии 21 сентября 1926 г. было отмечено, что городскую часть Мотовилихинского района составляет «один Мотовилихинский завод, так как входящее в район сельское хозяйство далеко не доминирует» [12, л. 20 об.].

Параллельно с дискуссиями о деталях присоединения в течение 1924–1925 годов был реализован первый крупный инфраструктурный проект в истории советской Перми — строительство «Егошихинского перехода», самого сложного участка вновь строящейся дороги от железнодорожной станции Пермь II в Мотовилиху. Проезд был фактически открыт 1 октября 1925 г., что позволило на $\frac{3}{4}$ сократить расстояние от Перми до Мотовилихи и дало возможность запустить автобусное движение, положив начало истории пермского общественного транспорта [19, с. 3].

Внимательное знакомство с делопроизводственными документами 1920-х годов позволяет по-новому взглянуть на процесс расширения городской черты, увидеть в нем черты «окрестьянивания» города. Наибольшее сопротивление включению в городскую черту оказало земельное общество деревни Малые Горы, расположенной между Пермью и Мотовилихой. Они настаивали, что именно земледелие является основой их жизни и домохозяйства [13, л. 13]. В 1929 году схожие мысли, но в еще более осмысленной форме, высказывали члены Замуляновского земельного общества Верхнемуллинского сельсовета, протестуя против включения их территорию в городскую черту. Отмечая, что население здесь состоит «почти исключительно из хлеборобов», они настаивали на том, что крестьянская психология не позволит им стать горожанами ни при каких условиях [14, л. 10 об.].

4 октября 1929 года Президиум Пермского Окрисполкома рассмотрел вопрос о «распланировании Большой Перми» и пришел к выводу, что необходимо предложить Горсовету в будущем свести планирование к постройке города в более компактном виде, для чего произвести перерасчеты и подробные уточнения, не включая в городскую часть вновь возникающие заводы (судоостроительный, серноокислотный, нефтеперегонный и др.).

Кроме того, было решено вывести за пределы городской черты Нижнюю Курью и близлежащие деревни [11, л. 20]. Однако на деле дискуссия о пределах расширения Перми только начиналась. При этом характер расширения городской черты в 1930-е годы поменялся. Вместо поглощения сельских окраин город перешел к еще более радикальной форме, включая в себя рабочие поселки вновь строящихся предприятий, находившиеся на еще более значительном отдалении от центра Перми. Это привело к возобновлению острых споров о будущих границах города. В 1930 году комиссия по размещению новых предприятий констатировала необходимость расширения Перми в четырех направлениях — в районах деревни Стрелка, Нижней Курьи, Левшино и, наконец, Мотовилихе. На правом берегу Камы, в «закамской части Перми» рассматривалась возможность создания как одного, так и двух соцгородков [16, л. 16].

Гигантомания городских властей проявилась в планах создания города с населением более 700 тыс. человек (против 173,5 тыс. в 1931 г.). Площадь Перми возросла бы с примерно 20 тыс. до 85 тыс. га, а ее общая протяженность по обоим берегам Камы и по Чусовой — до 37 км [16, л. 17].

Вторым вариантом было создание второго города на правом берегу Камы [16, л. 32]. 5 июля 1933 г. Уральский облисполком уведомил Пермский горсовет о решении Президиума ВЦИК от 20 июня отклонить ходатайство о расширении городской черты Перми и «об организации Закамского райсовета на новостройках Химкомбината» [15, л. 132]. Постановлением ВЦИК была утверждена организация поселка на Химкомбинате с присвоением ему названия «Закамск». 20 июля населенные пункты Нижне-Курьинского райсовета были включены в состав Закамского поселкового совета. Одновременно с появлением Закамска была утверждена организация поселка Бумкомбината «с присвоением ему названия Краснокамск». Решение ВЦИК, с одной стороны, ставило крест на гигантомании пермской власти. Однако и Закамск, и Краснокамск подчинились непосредственно Пермскому горсовету, что фактически означало признание их принадлежности к городу. Образование в 1941 году Кировского района в составе г. Молотова фактически означало, с некоторыми оговорками, победу поборников «Большой Перми».

Таким образом, на рубеже 1920–1930-х годов закладывается та основа, на которой впоследствии вырастет уральский «миллионник». За два десятилетия Пермь совершает впечатляющий рывок в своем развитии. К несомненным достижениям рассматриваемого периода можно отнести появление и развитие городского транспорта (автобуса и трамвая), значительные сдвиги в области мощения дорог, озеленения, а также уличного освещения и электрификации в целом, строительство в 1930-х годах Большого камского водопровода.

Вместе с тем темпы урбанизации и приобщения населения к подлинно городской жизни не успевали за темпами роста населения и городской черты. Город напоминал неуклюжего подростка, который растет слишком быстро. Болезненное всего эта «псевдоурбанизация» ощущалась в области благоустройства и коммунального хозяйства. Приведем лишь один пример. Накануне летнего сезона 1934 г. городская милиция обследовала на предмет чистоты 3150 домовладений, 200 торговых точек, 45 учебных заведений, 14 промышленных предприятий и 35 рабочих бараков. Вывод был неутешительным: «везде, за редкими исключениями, — грязь, безобразное состояние уборных и помойных ям» [20, с. 3]. В то время как в центре Перми появлялись современные здания (гостиница «Центральная», Дом горсовета, «Дом чекистов» и др.), городские окраины жили по своим правилам, далеким от подлинно городских практик. Преодолевать подобное положение вещей город будет еще очень долго.

О том, какое впечатление производил город в конце второго десятилетия советской власти, красноречиво свидетельствует отзыв депутатов Верховного Совета СССР А. П. Леденцова и И. М. Кузнецова, обратившихся летом 1939 году к перьякам через периодическую печать. «Почему же мы допустили, что Пермь производит впечатление не областного центра, а скорее глубоко провинциального города? Правда, есть и в Перми энтузиасты, заботящиеся о культурном виде улиц, дворов и домов. Но стремление их не находит должной поддержки со стороны райсоветов и управдомами», — констатировали депутаты [21, с. 3].

С похожим отзывом выступил в «Звезде» и главный городской архитектор Л. Я. Кордонский. Отмечая, что утвержденный Наркомхозом генеральный план реконструкции Перми превратит ее в город «с многоэтажными каменными домами, красивыми площадями, прекрасными дворцами культуры, благоустроенной набережной, тенистыми парками, скверами», он был уверен, что это не сделает ее благоустроенным городом, поскольку благоустройство «зависит, в первую очередь, от чистоты улиц, домов, квартир, хороших тротуаров и т.д.». Архитектор вынужден был признать, что Пермь является городом, где «не найдешь и сотни дворов, где бы были цветники, зелень» и где «почти нет домов с целыми водосточными трубами». Даже в «образцовом» поселке завода № 19 после дождя пешеходы и машины «тонули» в грязи, «мусор не только в углах и на дворах, но на тротуарах, цветниках. На фасадах новых домов грязные пятна, в домах сырость». Перечисляя все имеющиеся недостатки, Кордонский пришел к выводу, что Перми предстоит «большая борьба за благоустройство» [21, с. 3]. Эта борьба, при всех очевидных видимых успехах городского строительства последних десятилетий, никогда и не заканчивалась.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А. С. Город — фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 352 с.
2. Глазычев В. Л. Слободизация страны Гардарики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Горбачев О. Б. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2). С. 61–71.
4. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. П. П. Поляна, Т. Г. Нефедовой, А. И. Трейвиша. М.: ОГИ, 2001. 557 с.
5. Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. Пермь: Кн. мир, 2006. 318 с.
6. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
7. Сенявский А. С. Урбанизационный процесс в СССР в экономическом измерении: структурные и институциональные аспекты // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2. С. 147–161.
8. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. Р8. Оп. 1. Д. 491.
9. ГАПК. Ф. Р350. Оп. 1. Д. 30.
10. ГАПК. Ф. Р429. Оп. 1. Д. 6.
11. ГАПК. Ф. Р429. Оп. 1. Д. 21.
12. ГАПК. Ф. Р1043. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАПК. Ф. Р1043. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАПК. Ф. Р1043. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАПК. Ф. Р1043. Оп. 1. Д. 12.
16. ГАПК. Ф. Р1043. Оп. 1. Д. 13.
17. ГАПК. Ф. Р1043. Оп. 1. Д. 19.
18. Звезда. 1925. 19 июля.
19. Звезда. 1925. 29 окт.
20. Звезда. 1934. 13 апр.
21. Звезда. 1939. 9 июля.

В.Ю. САРАБЕЕВ

Государственный архив Пермского края

**ИЗМЕНЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ В СВЯЗИ
С ПЕРВЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ ПЕРМИ И МОТОВИЛИХИ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ)**

Аннотация. На основании архивных документов в статье характеризуются основные преобразования городского пространства, произошедшие в связи с первым объединением города Перми и поселка Мотовилихинского завода в 1927 году. Масштабный проект, ставший одной из важнейших вех роста города Перми в XX столетии, привел к изменениям в городской черте, благоустройстве города, к появлению новых транспортных артерий. Особое внимание уделено работе городского и окружного Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в связи с необходимостью проведения новых городских границ и значительного расширения систем жизнеобеспечения города Перми. Источниками для написания статьи стали документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Пермского края.

Ключевые слова. Пермь; Мотовилиха; эпоха НЭПа; местные органы власти в СССР; градостроительство; урбанизация; Государственный архив Пермского края.

V.Y. SARABEEV

State Archive of Perm Krai

**CHANGES IN THE URBAN SPACE OF PERM
IN THE SECOND HALF OF THE 1920s IN CONNECTION
WITH THE FIRST UNIFICATION OF PERM AND MOTOVILIKHA
(BASED ON DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE PERM KRAI)**

Abstract. Based on archival documents, the article characterizes the main transformations of urban space that occurred in connection with the first unification of the city of Perm and the village of Motovilikhinsky plant in 1927. A large-scale project, which became one of the most important milestones of the growth of the city of Perm in the twentieth century, led to changes in the urban area, the improvement of the city, the emergence of new transport arteries. Special attention is paid to the work of the city and district Councils of workers', peasants' and Red Army deputies in connection with the need to draw new city boundaries and significantly expand the life support systems of the city of Perm. The sources for writing the article were documents stored in the funds of State Archive of Perm Krai.

Keywords. Perm; Motovilikha; the era of the NEP; local authorities in the USSR; urban planning; urbanization; State Archive of the Perm Krai.

Со времени основания Егошихинского и Мотовилихинского медеплавильных заводов в 1723 и 1736 годах Пермь и Мотовилиха около двух столетий существовали как отдельные населенные пункты, тесно связанные друг с другом. Время для назревшего, но непростого процесса слияния, включения Мотовилихи в состав города Перми, наступило в 1920-е годы. Взятый советскими властями курс на индустриализацию предполагал значительный рост численности городского населения, и в этих условиях укрупнение городов, в том числе за счет включения

в их состав окрестных поселков и деревень, происходило по всей стране. Не стала здесь исключением и Пермь. 15 октября 1927 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов принял решение о включении Мотовилихи в состав города Перми, являвшегося тогда центром Пермского округа Уральской области (округ включал в себя, в частности, Мотовилихинский район). И хотя это первое объединение оказалось недолговременным, оно заложило основы для окончательного слияния Мотовилихи и Перми, произошедшего в 1938 году.

Включение Мотовилихи в состав Перми означало огромную работу местных властей по определению новой городской черты, организации городского благоустройства. В Государственном архиве Пермского края хранится большое количество документов, свидетельствующих об этом. Прежде всего, это материалы фонда р1043 «Комитет по архитектуре и градостроительству (г. Пермь)». Именно здесь отложилась основная масса документов, касающихся работы Пермского городского и Пермского окружного Советов по преобразованию городского пространства в связи с объединением Перми и Мотовилихи. Кроме того, документы этой тематики хранятся в фондах р38 «Управление благоустройства Пермского городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся», р176 «Исполнительный комитет Пермского городского Совета народных депутатов» и ряде других.

Согласно переписи населения 1926 года население Перми составляло 84 761 человек, население Мотовилихи — 34 959 человек [1, л. 5]. В докладе исполкома Пермского окружного Совета от 9 августа 1927 г. по вопросу об объединении, направленном во ВЦИК, в обоснование необходимости слияния указывалось, что между Пермью и Мотовилихой в год совершается 1,5 миллиона поездок по железной дороге, до 60 тысяч в месяц поездок на автобусе и не менее 200 тысяч человек перевозится по воде в течение лета. Как утверждалось в докладе, «это обстоятельство свидетельствует о безусловной общности и экономических и культурных интересов населения <...> экономические грани между Пермью и Мотовилихой уже стерлись, в культурном отношении они составляют одно целое, а вопросы благоустройства трудно и почти невозможно разделить. Поэтому вопрос об административно-хозяйственном слиянии их является совершенно назревшим, требующим немедленного разрешения» [1, л. 5].

Подготовка объединения населенных пунктов началась более чем за год, первые совещания местных властей по этому вопросу, судя по документам, происходили летом и осенью 1926 г. И практически сразу начал подниматься вопрос о том, что благоустройство города после объединения потребует значительных материальных затрат. Согласно протоколу совещания по вопросу слияния городов Мотовилихи и Перми, состоявшегося 19 октября в помещении Мотовилихинского райисполкома, представитель Перми А. Е. Ширяев, говоря об условиях для слияния, в частности, отметил: «Нужно знать и предположительные хотя бы расходы и разного рода мероприятия, каковые намечаются на первые годы совместной объединенной работы по городскому строительству и благоустройству в целом, как за счет займов,

так и тех ресурсов, каковые будут иметь место как источники доходов по объединенному городу» [2, л. 1].

Решение об объединении было принято ВЦИК без каких-либо долгих споров. С 3 ноября 1927 г. Мотовилиха официально вошла в состав Перми, согласно постановлению объединенного пленума Пермского и Мотовилихинских городских Советов, состоявшегося в этот день [3, л. 1]. Одновременно пленум обсудил вопрос «О культурном и хозяйственном состоянии Перми и Мотовилихи». Несмотря на торжественность момента, был поднят вопрос о многих проблемах, существующих в Мотовилихе. Согласно сообщению газеты «Звезда» о пленуме, «Тов. Зенков привел справку, из которой видно, что из имеющихся в Мотовилихе 16 школ только 3 имеют приличные помещения, остальные находятся в кое-как приспособленных домах». Далее сообщалось, что 64% домов в Мотовилихе — на одну квартиру, а почти все остальные 36% — на две квартиры. «Если же прибавить к тому, что ежегодно 713 домов весной заливаются водой, учесть отсутствие мостовых, водопровода, канализации, скудную сеть электроосвещения, малочисленность лечебных заведений, большой процент заболеваемости в затопляемом районе, то картина нашего хозяйственного положения будет полной и достаточно ясной» — передавала газетная публикация слова докладчика [4, л. 176 об.].

Из этого видно, что Мотовилиха того времени, да и значительная часть Перми, представляла собой по сути сельскую местность далеко не самой благополучной страны, недавно пережившей мировую и Гражданскую войны. Стать городом двадцатого столетия Перми еще предстояло, и как раз объединение Перми и Мотовилихи, при всей сложности, дало значительный импульс этому процессу.

Объединение было связано со значительными изменениями в черте города. Этот вопрос, судя по документам, потребовал тщательной проработки. Прежде всего, в состав города входили ряд промышленных предприятий, а также земли, принадлежавшие пригородным земельным обществам (Луговскому, Вышкинскому, Запрудскому и т.д.). В пояснительной записке, составленной городским Советом в 1928 году, указывалось, что ВЦИКом было «предложено оформить новую городскую черту объединенного города с таким расчетом, чтобы все земельные участки, оказывающиеся внутри и между участками городским земель, были включены в оформляемую городскую черту. В силу этого при оформлении в городскую черту подлежат включению земли Мотовилихинского машиностроительного завода, Суперфосфатного завода, Волго-Каспий-Леса и перечисленных выше 7 земельных обществ» [5, л. 172–172 об.].

Причем все включаемые в состав города предприятия и организации рассчитывали на получение новых земель. Специфика начинавшейся эпохи индустриализации требовала закладывать в городскую черту перспективы значительного промышленного роста, а значит, и территориального приращения городов. Например, 15 апреля 1928 г. городской отдел коммунального хозяйства сообщал в президиум городского Совета, что «по делу расширения городской черты нами получен материал от 11-ти организаций о предполагаемом развитии их предприятий,

жилстроительстве и необходимой прирезке для них земельных участков, на основании чего составлен примерный проект докладной записки» [6, л. 136].

В некоторых случаях руководство предприятий не имело желания включать свою территорию в состав города. Один из примеров этому — протест Высшего Совета народного хозяйства СССР от 14 марта 1928 г., направленный в адрес исполнительного комитета Пермского окружного Совета, по поводу включения в черту города Перми территории Пермского суперфосфатного завода (в настоящее время — Акционерное общество «Камтэкс-Химпром»). ВСНХ считал такое включение неправильным, обосновывая свою позицию тем, что «суперфосфатный завод и работающие на нем рабочие и служащие, в виду расположения завода на расстоянии 7 километров от Мотовилихи в сторону Левшино, не могут пользоваться никакими выгодами и удобствами городского коммунального хозяйства», «суперфосфатный завод никогда не входил ни в состав поселения Мотовилихинского завода, ни, тем более, гор. Перми» [6, л. 144].

О большой работе, которую пришлось проделать городским и окружным властям в связи с проведением новой городской черты, свидетельствует то, что ведомость земель, включаемых в черту города Перми, составленная в ноябре 1930 г., насчитывает 102 пункта. Это пригородные деревни, хутора, принадлежавшие пароходству земли затонов, территории совхозов и сельских обществ [2, Л. 57–58]. Согласно постановлению горисполкома от 20 ноября 1930 г., эти территории включались в городскую черту «в целях объединения и увязки промышленного и жилищного строительства, развивающегося в районе г. Перми, и наиболее рационального осуществления мероприятий по благоустройству возникающих промышленных районов» [2, л. 55].

Расширение города потребовало и установления новых водоохранных зон. 1 февраля 1928 г. Пермское городское санитарное бюро направило доклад в Комиссию по обследованию земель, включаемых в городскую черту. В докладе охарактеризованы источники водоснабжения Перми — речка Светлая, речка Егошиха, ключи в долине реки Данилихи, причем отмечается, что вода из Светлой «отличается своими прекрасными качествами» [6, Л. 100]. Освещая вопрос организации мест для свалок нечистот и полей ассенизации, авторы доклада указывали, что Перми с Мотовилихой необходимо 115 десятин зимних и 38 десятин летних участков для вывоза нечистот.

Одновременно ставился вопрос и об организации новых зеленых насаждений. В докладе предлагалось: «Крупные участки, которые в городе желательно отвести под зеленые насаждения, следующие: “1) Полоса городской земли вдоль Горнозаводской линии по Набережной улице, такая же полоса между Пермью и Мотовилихой; 2) Участок городской земли между старой Загородной чертой и Малой и Б. Ямской улицей, продолжение Красного сада в ту и другую сторону вдоль всего города”» [6, Л. 101, об. 102].

Значительный шаг был сделан в эти годы и в развитии городского транспорта. Особенно важным мероприятием стало открытие в Перми трамвайного движения. Еще до революции в столице Пермской губернии планировалась

организация трамвайной линии, было даже построено здание для депо в Разгуляе. Однако последовавшие революция и Гражданская война не дали осуществиться этому проекту. В 1920-е годы власти уральской области долгое время считали приоритетом открытие трамвая в столице области Свердловске, а не в Перми. Однако объединение Перми с Мотовилихой сделало вопрос безотлагательным. В докладной записке исполнительных комитетов Пермского окружного и городского Советов «Об устройстве в Перми (с Мотовилихой) трамвайного сообщения» от 10 января 1929 г. заявлялось: «Бурный рост гор. Перми, доходящий ежегодно до 9,5% и особенно нераздельной части его — завода Мотовилихи, как промышленного центра Всесоюзного значения, доходящий до 15%, а затем и благоприятное географическое положение этих поселений обеспечивают дальнейшее настолько же интенсивное их экономическое развитие, тем более, что рост промышленности Пермского округа, запроектированный на ближайшие годы в 35%, предполагается, главным образом, за счет организации новых крупных предприятий в районе Перми и его пригородов. Совершенно естественный при этих условиях территориальный рост селитебной черты города ставит на очередь вопрос об оборудовании массового городского транспорта, особенно потому, что и теперь уже промышленные предприятия разбросаны в разных частях города, а рабочие расселены преимущественно на окраинах города» [7, л. 1].

7 ноября того же года, к очередной годовщине Октябрьской революции, трамвайная линия, соединившая центр Перми с центром Мотовилихи, была запущена. Трамвай сразу же стал очень популярным среди пермяков видом транспорта, уже в 1930 году было совершено около 7 млн поездок, а в 1931 году — почти 11 млн. Рост наблюдался и в дальнейшем [8, л. 17].

Таким образом, документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Пермского края, показывают, что первое объединение Перми и Мотовилихи в 1927 году стало основой для значительного развития городского пространства Перми, началом выхода города на новый уровень роста. Как и вся страна в 1920–1930-е годы, Пермь преобразовалась, превращаясь в современный благоустроенный город. Мотовилиха же из населенного пункта-спутника становилась неотъемлемой частью города, районом с богатой историей и развивающейся инфраструктурой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р1043. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАПК. Ф. р1043. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАПК. Ф. р176. Оп. 1. Д. 145.
4. Звезда. 1927. 5 нояб.
5. ГАПК. Ф. р1043. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАПК. Ф. р1043. Оп. 1. Д. 5.
7. ГАПК. Ф. р38. Оп. 1. Д. 742.
8. ГАПК. Ф. р1026. Оп. 1. Д. 1.

Д.С. КАТАЕВ

*Государственный архив Пермского края,
Пермский государственный национальный исследовательский университет*

ФАКТОР ТРАМВАЙНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПЕРМИ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты истории проектирования трамвайной инфраструктуры в г. Перми, задачи, которые трамвайные линии Перми должны были решать в ходе расширения городской застройки в 1920–1980-е годы, а также их роль в маятниковых миграциях в Пермской агломерации. Особое внимание уделяется проектированию нереализованных трамвайных линий в отдаленных районах города – Кировском и Орджоникидзевском, а также факторам, из-за которых ставка в осуществлении транспортной связности городских окраин с городским центром была в итоге сделана на другие виды транспорта. История развития пермского транспорта анализируется на материалах документальных источников из фондов Государственного архива Пермского края.

Ключевые слова. Трамвай; транспорт; городская среда; городское планирование; нереализованные проекты.

D.S. KATAEV

*State Archive of Perm Krai,
Perm State University*

FACTOR OF TRAM INFRASTRUCTURE IN PERM IN THE DEVELOPMENT OF URBAN ENVIRONMENT

Abstract. The report is devoted to the features of the design of tram infrastructure in Perm during the expansion of urban environment in the 1920-1980s, their role and tasks in commuting the Perm agglomeration during this period. Special attention is paid to the design of unrealized tram lines to remote areas of Perm such as Kirovsky and Ordzhonikidzevsky, and the factors due to which the emphasis in the implementation of transport connectivity of these parts of the city with the city center was ultimately placed on other modes of transport. All these aspects of the history of the development of Perm transport are considered in reflection of documentary materials from the funds of State Archive of Perm Krai.

Keywords. Tram; transport; urban environment; urban planning; unrealised projects.

В современной Перми трамвай — один из основных видов внутригородского транспорта, охватывающий пять из семи районов города (за исключением Орджоникидзевского и Кировского). Именно части города, охваченные трамвайным движением, являются ядром агломерации Перми, сам вопрос о строительстве трамвайной инфраструктуры в публичном поле появился тогда, когда система расселения в окрестностях Перми стала проявлять признаки формируемой агломерации, стало наблюдаться активное тяготение между губернской Пермью и поселком Мотовилихинского завода в конце XIX века.

В Перми, в отличие от многих других крупных городов, особенно западной части Российской империи, не сложилось инфраструктуры конного трамвая, а также системы канализации. Компании, занимавшиеся проектами городского обустройства Перми, Пермская городская дума и Пермская городская управа предполагали

осуществить в непосредственной связи проектирование и строительство этих систем городского хозяйства. Строительство трамвайной инфраструктуры также было связано с постановкой вопроса об обеспечении Перми и Мотовилихи электричеством, поэтому актуальной проблемой была нагрузка городских электростанций начала XX века.

Идея создания трамвайной линии в Перми озвучивалась ещё в конце XIX века, однако в активную стадию обсуждение этого вопроса Пермской городской думой вступило в 1908–1911 годах. Наконец в июне 1911 г. было принято решение о запуске трамвая в Перми. Основная часть трамвайной инфраструктуры была спроектирована уже в следующие несколько лет, а здание трамвайного депо было возведено в 1916–1917 годах. В 1913 году Пермская городская управа добились от имперского правительства разрешения на займ в размере 3,5 млн руб., после чего и была заключена сделка через посредничество Русско-английского банка [1, с. 128–129].

В пояснительной записке Британско-Русского торгового и инвестиционного товарищества указывалось, что на трех линиях трамвая организуется движение с пятиминутным интервалом, с 6 утра до 10 часов вечера. «Усиленное движение» также предполагалось на линии Пермь — Мотовилиха в два утренних часа и два вечерних. Ожидаемая скорость движения должна была составить 12–13 км/ч для внутригородских линий, 13–14 км/ч для линии в Мотовилихе и 19 км/ч между Пермью и Мотовилихой. Предлагаемые проектировщиками маршруты на линиях пермского трамвая приведены в табл. 1.

Первая линия	Вторая линия	Третья линия
Новый вокзал (Пермь II) Дорога в город Покровская улица Красноуфимская улица Петропавловская улица (Обратное движение: Петропавловская – Осинская – Покровская) Кунгурская улица Торговая улица Сибирская улица Монастырская улица Старый вокзал (Пермь I)	Сибирский почтовый тракт Сибирская улица Монастырская улица Старый вокзал (Пермь I)	Сибирская застава Большая Ямская улица Красноуфимская улица Покровская улица Продолжение Пермской улицы Путь через реку Егошиху и деревню Горки в Мотовилиху Соколовская улица Никольская улица Больничная улица Мотовилихинский вокзал

Таблица 1. Маршруты на линиях пермского трамвая

Количество поездок на трамvae в 1911 году рассчитывалось для режима средней интенсивности в 5,25 млн поездок в год, для максимальной — 13,1 млн поездок в год. В первом варианте сметы для обслуживания рейсов было предусмотрено 39 моторных вагонов и 18 прицепных вагонов. Во втором варианте сметы их количество было уменьшено до 20 и 10 соответственно. Общая нагрузка на электросеть города

от трамвайного хозяйства рассчитывалась в 2 580 000 кВт/ч. Общая длина рельсового пути первой очереди трамвая рассчитывалась в 33 км [2, л. 34–48].

При проектировании пермского трамвая в 1900–1910-е годы учитывалась объемы сообщения Перми с пригородами (особенно Мотовилихой) железной дорогой, речным и гужевым транспортом. Так, объем закупленных пассажирами пригородных железнодорожных пассажирских билетов за период 1908–1912 гг. увеличился в 2 раза: в 1908 году было совершено 449 222 поездок, в 1912 — 863 111.

Данные по среднедневным поездкам по маршруту «Пермь — Мотовилиха» в 1912 году различными видами пригородного транспорта приведены в табл. 2 [3, л. 23].

Вид пригородного транспорта	Летнее время	Зимнее время
Пригородное железнодорожное сообщение	2360	2360
Конное движение	922	922
Извозчики	2250 * 0,70 = 1570	2250
Пароходное движение	1100	–
Итого	5952	5932

Таблица 2. Данные по среднедневным поездкам по маршруту «Пермь — Мотовилиха» в 1912 г.

При возобновлении проектирования пермского трамвая в конце 1920-х учитывались наработки 1910-х годов. Однако в первое десятилетие советской Перми в качестве приоритетного выступал фактор пространственного развития Пермской агломерации. Так, в документах фонда «Пермская инспекция уральского строительного контроля» упомянут расчет площади города — 10 300 десятин, проектирование трамвая также было осуществлено в расчете на рост совокупного населения Перми и пригородов: если в 1926 году упомянуто 121 425 чел., то к 1931 году прогнозировался рост населения Перми и пригородов до 165 700 чел.

Важнейшими центрами транспортных и людских потоков в городе на 1928 год признавались следующие локации, которые и должны были стать опорными точками инфраструктуры Пермского трамвая:

- Железнодорожная станция Пермь II;
- Ул. Красноуфимская;
- Мотовилихинский завод;
- Угол ул. Ленина и 25 Октября;
- Общественный городской парк;
- Данилиха.

Автобусный же парк города, действовавший с 1926 года, обслуживал 100 000 пассажиров в месяц, максимальное время оборота автобусного маршрута составлял 1 ч 36 мин. В итоге максимальная транспортная нагрузка в год для трамвая по различным линиям рассчитывалась в следующих объемах:

- 1) *Перь II — Мотовилиха — 6000 000 пассажиров;*
- 2) *ул. Ленина — Пристань — 7900 000 пассажиров;*
- 3) *ул. Ленина — Красные казармы и ул. Ленина — Данилиха — 1 1600 000 пассажиров.*

Годовое число пассажиров в первые годы работы трамвая планировалось в следующих показателях: сезон 1929/1930 — 6000 000 чел., сезон 1933/1934 — 14 100 000 чел. Большая протяженность линий вызвала необходимость создать 6 тарифных участков и 4 уровня тарифа (8, 11, 14 и 15 копеек) [3, л. 22–55].

Все работы по строительству были выполнены за ноябрь 1928 г. — октябрь 1929 г., прокладка путей была осуществлена в мае — августе 1929 г. [3, л. 576].

1930-е годы — время активного расширения пермской трамвайной системы. К началу Великой Отечественной войны трамваи в Молотове доходили до Речного вокзала, завода им. Калинина, лесозавода «Красный Октябрь». 19 августа 1940 г. Молотовским горисполкомом по представлению Завода им. Сталина был принято решение о строительстве трамвайной линии Шпальный (ныне — Парковый) — Верхние Муллы, проходящей вдоль реки Мулянки и западной окраины Черняевского леса. К началу февраля 1941 г. строительство линии так и не было начато, поэтому отвод земли под трамвайную линию и тяговую подстанцию был аннулирован.

В 1941–1945 годы условия Великой Отечественной войны также вынудили городские власти отказаться от планов по строительству нового депо, обновлению трамвайного парка, не проводились работы и по строительству новых путей. Однако власти некоторых соседних городов, в особенности Свердловска и Кирова, именно в этот период сумели вложиться в развитие своих транспортных систем, на основе эвакуированных с западных территорий СССР транспортных парков запустили троллейбусные системы.

Но уже в конце 1950-х годов начинается крупнейшее строительство трамвайных линий (несмотря на то что этот период стал в СССР и других странах мира временем активного отказа от трамвая, демонтажа многих трамвайных систем). В конце 1950-х годов была спроектирована и построена, а в 1960-х — запущена троллейбусная система города. Был поставлен вопрос и об охвате трамвайной инфраструктурой отдаленных районов города — Кировского и Орджоникидзевского.

В 1956 году для обеспечения удобной транспортной связи Орджоникидзевского района с Молотовским районом города, население которого имело трудовое тяготение к промпредприятиям данных районов в ту и другую стороны, Управление трамвая, «учитывая пожелания трудящихся города», предлагало построить трамвайную линию от Домостроительного комбината по Соликамскому тракту до сада им. Свердлова длиной 28 км, депо на 50 вагонных мест с последующим развитием на 100 вагонных мест, тяговую подстанцию мощностью 1800 кВт и приобретение подвижного состава 25 поездов. Перевозка пассажиров всей городской системы трамвая должна была осуществляться в расчете 660 тыс. пассажиров в год на 1 вагон в движении [4, л. 2–3].

Также было предусмотрено обустройство трамвайных путей к Мотовилихинскому заводу, строительство трамвайной линии от завода Калинина до железнодорожной станции Бахаревка, строительство трамвайной линии от завода Красной Октябрь

до грузового порта. Также упоминалось будущее строительство трамвайной линии по ул. Ленина под существующий путепровод в район товарного железнодорожного двора, далее — вдоль ЦПКИО (Балатовского парка), улиц Светлой, Танкистов, Карпинского [4, л. 2–3].

Перспективный план развития Пермского трамвая на 1959–1965 годы предусматривал в том числе следующие (не реализованные в дальнейшем) маршруты в основной части города:

№ 2. *От Разгуляя до Осенцов, 19,6 км.*

№ 9. *От завода им. Дзержинского до Осенцов, 18,7 км.*

№ 10. *От ж/д станции Бахаревка до завода им. Дзержинского, 10,1 км.*

№ 11. *От грузового порта до ул. М. Горького, 10,5 км.*

№ 12. *От сада им. Свердлова с последующим поворотом на Южный поселок до Владимирского поселка, 13,0 км.*

№ 13. *Центр — Домостроительный комбинат, 18, 5 км.*

№ 14. *От Перми по ул. Светлой с поворотом к заводу им. Калинина, 8,8 км.*

№ 15. *Центр — нагорная часть Орджоникидзевского района по Соликамскому тракту. 17,5 км.*

№ 16. *Центр — правый берег до пос. Пролетарский, 9 км.*

№ 17. *Центр — правый берег до пос. Верхняя Курья, 11 км.*

Также проектировались маршруты и в Кировском районе:

№ 18. *Завод № 98 — ст. Курья, 8,8 км.*

№ 19. *Эксплаторный завод — Завод № 344. 6,4 км.*

№ 20. *Центр — Завод № 98. 5 км.*

В первой очереди троллейбуса должны были быть запущены следующие маршруты:

№ 1. *Завод им. Сталина — Комсомольский проспект — ул. Орджоникидзе — Пермь I. 5 км.*

№ 2. *Завод им. Сталина — Комсомольский проспект — ул. Коммунистическая — Пермь II. 7 км.*

№ 3. *Пермь I — ул. Орджоникидзе — Комсомольский проспект — ул. Большевикская — ДКЖ. 6,3 км.*

№ 4. *Пермь II — ул. Большевикская — Южная широтная магистраль — Химзавод. 16,2 км.*

№ 5. *Завод им. Сталина — Комсомольский проспект — Большевикская ул. — Южная широтная магистраль — Химзавод. 15 км. [5, Л. 8–10].*

Для строительства данных линий и обслуживающей их инфраструктуры привлекались в качестве подрядчиков Пермьстройпуть, Пермгострой, Пермнефгострой, Строительный трест № 6, Строительный трест № 12. Пермское трамвайное управление готовило документацию для строительства трамвайных линий от ост. Аэропорт до поселка Южный; трамвайного депо на 100 вагономест в поселке Южный, трамвайного депо и вагоноремонтных мастерских в Кировском районе. Трамвайные линии в Кировском районе должны были пройти от ст. Курья до Завода № 98, от центральной трамвайной магистрали до экскаваторного завода, от центральной широтной магистрали до судоремонтного завода. Строительство трамвайных линий также должно было быть осуществлено к поселкам Верхняя Курья и Пролетарская слободка. В Кировском районе также должны были быть построены две подстанции [5, л. 23–26].

Трамвайное депо и электроподстанцию планировалось разместить в Январском посёлке. В 1961 году предполагаемое место для размещения трамвайного депо было перенесено ближе к заводу им. Кирова, к станции Химград. Стоит отметить, что официальные проекты не предполагали связь трамвайной линии в Кировском районе с остальной трамвайной системой Перми.

13 марта 1958 г. была утверждена трасса первой очереди Пермского троллейбуса со следующими остановками: ДК им. Сталина, проспект Сталина, Комсомольский проспект, улица Краснова, улица Карла Маркса, улица Орджоникидзе, Речной вокзал. В дальнейшем эта трасса была скорректирована — между Комсомольской площадью и улицей Орджоникидзе маршрут первой очереди троллейбуса пролегал только по Комсомольскому проспекту [6, л. 350].

2 июля 1960 г. были установлены тарифы на проезд в новом транспорте: на одну поездку — 40 копеек; на провоз одного места багажа — 1 рубль. Вполне в духе ценовой политики городского транспорта в СССР 1950–1960-х годов не предусматривались различия в тарифах по километражу, так характерные для пермского электротранспорта до Великой Отечественной войны [7, л. 21].

23 октября 1958 г. Пермским горисполкомом также было принято решение о проектировании трамвайной линии, связывающей Городские горки с заводом им. Октябрьской Революции (позже известен как «Велта»), у которого уже была трамвайная связь с центром города. Для проектных изысканий предлагались два варианта. Первый — по улицам Пихтовой, Краснополянской, и Серпуховской (через микрорайон Владимирский). Второй — по улице Чкалова (близко к современному мостовому переходу Старцева — Чкалова). Также планировалась трамвайная линия в Осенцовскую промзону, в документах Пермского горисполкома называвшаяся «Скоростным трамваем».

Рис. 1. Торжественный пуск трамвая, перекрёсток ул. Мира и Таллинская (ныне Космонавта Леонова), 1957 год. Пермский краеведческий музей, ПОКМ-14033/4312, номер в Госкаталоге 40406738

28 октября 1965 г. Пермский горисполком принял решение о строительстве скоростной трамвайной линии по маршруту: Химкомплекс — Осенцы — ТЭЦ 9 — ул. Мира — ул. Советской Армии — путепровод через Транссибирскую магистраль — ул. Яблочкова — Хлебозаводский проезд — ул. Серпуховская — ул. Пихтовая — ул. 2-я Запорожская — бульвар Гагарина — ул. Макаренко. Линия по улицам Мира и Промышленной тогда уже существовала, а трамвайный маршрут через микрорайоны Владимирский и Южный практически повторяется с линией бульвар Гагарина — ул. Героев Хасана. Путепровод через железную дорогу в створе ул. Советской Армии так и не был реализован.

*Рис. 2. Трамвай на улице Ленина в районе остановки «Плеханова». 1964 год.
АГП. Ф.1410. Оп.2. Д.985. Л.1.*

Логичным развитием инфраструктуры электротранспорта Перми с начала 1970-х годов, когда население города стало приближаться к одному миллиону жителей, выглядело строительство метрополитена. Первая линия предполагалась протяженностью 13 км, по проекту она должна была начинаться у лесокombината «Красный Октябрь» и заканчиваться у сада им. Свердлова в Мотовилихе. У р. Мулянки предварительно было определено место расположения метродепо. Вторая линия предполагалась к прокладыванию с севера на юг. Её протяженность должна была составить 17 км. Эта линия должна была пересечь Каму и соединить Камскую Долину с микрорайоном «Нагорный» через ст. Бахаревка [8].

В 1980–2000-е годы в публичное поле попадали и другие возможные линии прокладки тоннелей метрополитена. К примеру, рассматривался вариант с двумя линиями, одна из которых должна была пройти от Заостровки до Липовой Горы через район Центрального колхозного рынка (ЦКР), другая должна была связать Мотовилиху с Индустриальным районом, местом пересечения маршрутов также рассматривался ЦКР. Для обеспечения строительства метрополитена решениями Пермского горисполкома создавались зоны, запрещенные для строительства, одно из таких решений было принято 26 августа 1982 г. [9, л. 247–249]. Эти решения не были отменены как минимум до 1993 года.

Стоит отметить, что наряду с московским метрополитеном, первая линия которого повторяла самый загруженный трамвайный маршрут 1930-х годов, линии проектировавшегося пермского метрополитена во многом повторяли наиболее загруженные трамвайные линии Перми 1970-х годов, связывавшие спальные районы с заводами, то есть метрополитен рассматривался как непосредственное продолжение трамвайной инфраструктуры в пространственном развитии города.

Однако в анализе перспектив транспортной системы Перми на ближайшие пару десятилетий, институт «Ленгипрогор» по состоянию на 1979 год делал особый акцент на пригородные поезда: 24 пары которых должны были связать центр города (вокзал «Пермь II») со станцией «Курья», а 27 пар — со станцией «Левшино» [10, л. 51]. Как видно, в пространственной связности Кировского и Орджоникидзевского районов с центром Перми не делался акцент на городской электротранспорт, уделялось особое внимание пригородным электропоездам.

Таким образом, можно сказать, что в 1920–1980-е годы трамвайная инфраструктура Перми проектными организациями и органами власти рассматривалась как один из ключевых элементов пространственного развития ядра городской агломерации. В особенности важно, что трамвай был наиболее приоритетным видом городского транспорта левобережной части Перми, связывающим жилые массивы города в первую очередь с крупнейшими промышленными предприятиями города, способствующим превращению конгломерата поселков Перми (Молотова) с признаками ложной урбанизации в единое городское пространство. Однако рассматриваемые с 1950-х годов проекты трамвайной связи Орджоникидзевского и Кировского районов Перми с центром города так и не были реализованы, ставка на этих направлениях в итоге была сделана на автобусную сеть и пригородные железнодорожные поезда. А нереализованный проект трамвайной линии Кировского района, даже не связанной с основной трамвайной сетью Перми, отражает низкий уровень связности данного района города с остальными (решение данной проблемы строительством трамвайной инфраструктуры становилось на тот момент слишком дорогим для городского бюджета), а также некоторую изолированность потоков маятниковой миграции Закамска и соседних микрорайонов от остального города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аленичкова Н. Д. Трамвай в Перми // Календарь-справочник Пермской области на 1969 год. Пермь, 1968. С. 128–129.
2. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 211.
3. ГАПК. Ф. р145. Оп. 1. Д. 292.
4. ГАПК. Ф. р1026. Оп. 1. Д. 480.
5. ГАПК. Ф. р1026. Оп. 1. Д. 194.
6. ГАПК. Ф. р176. Оп. 5. Д. 615.
7. ГАПК. Ф. р176. Оп. 5. Д. 688.
8. Соколов А. Метро в Перми // Звезда. 1982. 30 мая.
9. ГАПК. Ф. р176. Оп. 5. Д. 2676.
10. ГАПК. Ф. р564. Оп. 17. Д. 20.

Е.М. БАЖИНА

*Пермская государственная краевая
универсальная библиотека им. А. М. Горького*

ЯКУБ КОЛАС. ИСТОРИЯ ОДНОЙ УЛИЦЫ ПЕРМИ

Аннотация. Одна из старейших улиц города – улица Торговая – в 1920 году сменила своё название на улицу Советскую. В 1982 году часть улицы Советской вновь переименовали – в проезд имени Якуба Коласа. Многие пермяки не знают о пребывании в нашем городе основоположника белорусской национальной литературы и о том, что переименование улицы произошло в честь 100-летнего юбилея поэта. В статье приведены сведения об истории улицы, биография Я. Коласа и интересные воспоминания местных жителей о том, как происходило переименование.

Ключевые слова. Город Пермь, улица Торговая, улица Советская, Россия – Беларусь, К.М. Мицкевич, литература, история повседневности, Я. Колас, купеческие дома, запасной пехотный полк.

Е.М. BAZHINA

The Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky

YAKUB KOLAS. THE HISTORY OF THE STREET IN PERM

Abstract. One of the oldest streets in the city, Torgovaya Street, changed its name to Sovetskaya Street in 1920. In 1982, a part of Sovetskaya Street was again renamed and got the name the passage called after Yakub Kolas. Many city dwellers do not know the founder of the Belarusian national literature stayed in our city and that the street was renamed in honor of the 100th anniversary of the poet. The article provides information about the history of the street, the biography of Y. Kolas, and interesting memories of local residents how the renaming was held.

Keywords. City Perm, Torgovaya Street, Sovetskaya Street, Russia – Belarus, Ya. Kolas, K. M. Mickiewicz, literature, history of everyday life, merchant houses, reserve infantry regiment.

В городе Перми существует проезд имени Якуба Коласа, но не все жители города знают, кто такой Якуб Колас и как он связан с нашим городом. Да и история появления этой улицы достаточно необычна. Дело в том, что это часть улицы Советской (до 1920 г. ул. Торговая), переименованная в проезд имени Якуба Коласа. Сама же улица является одной из старейших в городе и первоначально носила имя Базарной. К 1792 году улица сменила своё название на Торговую. Улица была довольно удобно расположена для торгового сословия — она находилась недалеко от Камы, главной транспортной артерии города. Кроме того, выходила прямо к Торговой площади. Известный исследователь Е. Спешилова в своей книге «Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917» отмечает, что к началу XX века на улице располагалось более 160 магазинов и магазинчиков, пять ресторанов, четыре гостиницы, две хлебопекарни, две кондитерские фабрики, завод минеральных вод, пивзавод и другие торгово-промышленные предприятия

города. Улица застраивалась двухэтажными каменными и полукаменными купеческими домами. Здания с надворными постройками возводились основательно. Цокольные и подвальные этажи предназначались для хранения продуктов. В стенах подвальных помещений, толщиной до двух метров, были проделаны ближе к потолку окна-продушины. На зиму они закрывались специальными подушками толщиной в стену. Летом их открывали, чтобы просушить помещение. Вдоль потолка были протянуты толстые брёвна, в них вбиты большие крюки, на которых в сетках подвешивали капусту, арбузы и прочее. В таких хранилищах фрукты и овощи не теряли своего товарного вида в течение всей зимы. В летнее время продукты хранили в погребках, которые весной набивались льдом и снегом. Крыши домов были двух- и четырёхскатные. Под крышей часто имелось довольно высокое чердачное помещение, где в любое время года можно было сушить сено или бельё после стирки [1, с. 82].

На этой улице к настоящему времени сохранилось большое число исторических зданий: купеческие дома, магазин товарищества «Проводник» (ул. Советская, 37), дом фотографов (ул. Советская, 40) и другие. Здесь проживали и многие известные деятели, связанные с историей города и края: знаменитый летописец Перми А. А. Дмитриев, семья Ф. А. Теплоухова, профессор А. Г. Генкель. Также в этом районе в период с 1915 по 1917 год проживал и К. М. Мицкевич, будущий знаменитый писатель Якуб Колас.

Константин Михайлович Мицкевич родился 3 ноября 1882 г. на хуторе Акинчицы близ села Николаевщина Минского уезда Минской губернии [2, с. 8] в семье лесника Михаила Казимировича Мицкевича. Кроме Константина в семье было ещё три брата и две сестры. С юных лет Константин Мицкевич увлекается чтением. Первое глубоко впечатление от книг маленький Кастусь (уменьшительно-ласкательная форма имени Константин) связывал с именем знаменитого русского баснописца И. А. Крылова. «Крылов долгое время был моим богом, — вспоминал годы спустя Колас. — Полное собрание его басен я выучил чуть ли не на память, и с этими произведениями великого гения я долгие годы не разлучался» [3, с. 4].

После окончания сельской школы Константину Мицкевичу удаётся поступить в Несвижскую учительскую семинарию, во время учёбы в которой он пишет первые стихи. Одним из них стало стихотворение «Весна». Русская литература оказала решающее влияние на формирование творческого почерка писателя. Он с упоением читает произведения русских классиков — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Л. Н. Толстого, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя. Период учебы был благодатным временем для формирования Константина Мицкевича как литератора. Примерно к этому времени можно отнести и выбор литературного псевдонима. Константин Михайлович увлекался творчеством русского писателя Якубовича-Мельшина. Особенно ему нравилось стихотворение о колосе. В память об этом произведении он и взял себе творческий псевдоним — Якуб Колас. В семинарии Мицкевич знакомится с учителем русского языка Ф. А. Кудринским, который поддержал юного семинариста в его литературной деятельности.

После окончания учительской семинарии в 1902 году новоиспеченного учителя направляют для работы в сельскую местность на Полесье. Приняв предложение публициста А. Власова, Константин Мицкевич становится сотрудником газеты «Наша доля». В этом издании под псевдонимом Якуб Колас были опубликованы его первые произведения, в частности стихотворение «Наш родной край». 1 сентября (14 сентября по новому стилю) 1906 г. считается официальным началом профессиональной творческой деятельности Якуба Коласа.

Работая учителем в Полесье, Константин Мицкевич начинает вести не только литературную, но и активную революционную деятельность — призывает местное население к свержению монархии. И в 1906 году становится одним из инициаторов созыва нелегального учительского съезда. Съезд был раскрыт полицией, а его участники приказом Совета Минской дирекции народных училищ уволены с должностей и взяты под следствие. За участие в организации нелегального учительского съезда поэт был приговорён к заключению, которое отбывал четыре года в минской тюрьме (с 1908 по 1911 г.).

После освобождения Константин Мицкевич продолжает вести преподавательскую деятельность в городе Пинске. Там же, в Пинске, Мицкевич венчается с Марией Дмитриевной Каменской, которая становится его любимой супругой и надежным верным другом.

Стоит отметить, что молодые люди познакомились ранее на учительских курсах. В 1914 году у супругов рождается первенец — сын Даниил. В условиях Первой мировой войны в 1915 году поэт вместе с семьёй эвакуировался в Подмоскowie, в Дмитровский уезд, где продолжил работать учителем. В этом же году его мобилизуют в армию и после окончания Александровского военного училища, в январе 1916 г., в чине прапорщика, направляют в 162-й запасной пехотный полк. Военская часть, в которую направили Коласа, находилась в Перми. Вновь прибывшего прапорщика назначили командиром роты, сначала пятой, затем тринадцатой [4, с. 101]. Здесь он прослужил около полутора лет.

В Перми Константин Мицкевич продолжил заниматься литературной деятельностью, в нашем городе он работал над знаковыми для своего творчества произведениями — поэмами «Новая земля» и «Симон-музыкант» [5]. Поэма «Новая земля» считается энциклопедией белорусской крестьянской жизни конца XIX — начала XX века. На огромном эпическом полотне мы видим разнообразные картины быта, социальных отношений духовного мира тружеников белорусского народа. Главная ценность поэмы в том, что Колас в ней показывает практически полный календарный цикл народной жизни: весна, лето, осень, зима. На этом фоне наблюдаются как красота природы, так и радости и горести простого труженика.

Главным узлом является борьба крестьян за своё существование; разворачивается трагедия безземельного крестьянина, тяжело переживающего свою зависимость от помещика [3, с. 4]. Достаточно было малейшего протеста, и крестьянин изгонялся вместе с семьёй. В поэме «Новая земля» Якуб Колас описал нелёгкую жизнь своего отца, который служил лесником.

Всю жизнь он мечтал иметь собственный земельный надел и ни от кого не зависеть. Это была мечта каждого такого невольника — иметь собственный угол. Всю жизнь человек стремился к ее осуществлению, накоплению денег для приобретения собственной земли. Поэма, написанная простым лёгким стихом [6], справедливо стоит в ряду классических произведений белорусской литературы, и влияние ее на современную белорусскую поэзию очень велико.

В июле 1917 года Константин Мицкевич был назначен начальником военного эшелона и с ним уехал на румынский фронт. После тяжёлых заболеваний Коласа комиссовали из армии и направили в Курскую губернию в качестве инспектора народных училищ. В 1921 году супруги возвращаются в Минск, Я. Колас активно занимается творческой и научной деятельностью. В 1928 году ему присваивают звание академика. В 1938 году он становится депутатом Верховного Совета БССР.

Во время Великой Отечественной войны семью Я. Коласа эвакуируют в Ташкент. Поэт несколько раз выезжал в Москву как председатель белорусской секции Всеславянского комитета. В конце 1943 года Колас и его семья переехали в Подмосковье, в Клязьму, к брату Марии Дмитриевны — Михаилу Дмитриевичу Каменскому. После войны семья переезжает в Минск, где Колас не только активно занимается творческой деятельностью, но и ведёт насыщенную общественную жизнь, выступает по радио и телевидению, ездит в колхозы и совхозы. В 1946 и 1949 годах писатель становится лауреатом Сталинской премии, ему присваиваются пять орденов Ленина, орден Трудового Красного Знамени, звание Народного поэта Белоруссии и множество других наград.

Высокая гражданственность Коласа проявлялась не только в стихах. Большое место в творчестве занимает и художественная проза: рассказы, повести, пьесы. В фондах Пермской государственной краевой универсальной библиотеки имени А. М. Горького (далее — ПГКУБ им. А. М. Горького) хранится множество произведений писателя, в том числе и прижизненные издания 1948–1949 годов. Среди них поэмы «Новая земля» и «Хата рыбака», за последнюю писатель был удостоен Сталинской премии в 1949 году. Именно прижизненные издания авторов являются особо ценными.

В Беларуси Якуб Колас особо почитаем, его произведения изучают в школах, именем поэта названы улицы городов, центральная научная библиотека в Минске. Также проходит множество мероприятий, посвящённых творчеству поэта, особенно в юбилейные даты. Его сыновья и внуки активно участвовали и участвуют в мероприятиях, посвящённых памяти поэта. В 1959 году, через три года после смерти писателя, в доме, где он проживал, был открыт литературный музей. Первым директором музея стал его старший сын Даниил. Пермский период жизни не так хорошо изучен, и в музее хранится всего несколько экспонатов, связанных с жизнью поэта в Перми. Один из ценнейших экспонатов музея — фотография «Якуб Колас с женой Марией Дмитриевной и сыном Даниилом. Пермь, 1917 год». В 1972 году фонды музея пополнил ещё один экспонат, связанный с жизнью в Перми. Научный сотрудник музея Н. Жигонский смог найти в Центральном

государственном военно-историческом архиве (ныне — Российский государственный военно-исторический архив, РГВИА) послужной список подпоручика армейской пехоты Мицкевича, когда он находился в пермской военной команде выздоравливающих после окончания Александровского военного училища. Составление списка начато в 1916 году и насчитывает пять страниц. На первом титульном листе — фамилия, на втором — анкетные данные [7, с. 6]. Благодаря источнику известно, что поэт проживал на улице Монастырской, в доме 80, рядом со Свято-Троицким собором. К сожалению, дом до наших дней не сохранился. На его месте был построен детский сад, который позже передали Федеральному научному центру медико-профилактических технологий управления рисками здоровья населения.

Рис. 1. Прижизненное издание поэмы из фонда ПГКУБ им. А. М. Горького (именно над этим произведением автор трудился в Перми) [6]

Стоит отметить, что в российской историографии немного исследований, связанных с жизнью Якуба Коласа, особенно периода его проживания в Перми. В основном они проводились сотрудниками мемориального музея в Минске, преимущественно это газетные статьи, написанные в юбилейные даты.

Постановлением пленума Пермского уездного исполкома 1920 года Торговая улица стала именоваться Советской. Решением Городского исполнительного комитета № 515 от 10 ноября 1982 г. часть улицы Советской от ул. Крисанова до ул. Толмачёва, между улицами Коммунистической и Орджоникидзе (теперь ул. Петропавловская и Монастырская соответственно. — Прим. авт.), была переименована в проезд имени Якуба Коласа [8, с. 149]. Данное решение было приурочено к 100-летию со дня рождения Якуба Коласа.

Интересны воспоминания местных жителей об этом событии: «Нам объявили на общем собрании дома, что произошло переименование улицы. Нужно менять документы, идти в паспортный стол, делать прописку. Все, конечно, были возмущены. Сказали, что оштрафуют тех, кто не будет менять документы. Один мужчина, сотрудник милиции, даже поспорил со своим другом, начальником паспортного стола, что будет по-прежнему жить со старыми документами и менять их не будет. Все жители этого дома поменяли документы и ходили, уговаривали

этого мужчину сделать то же самое. В итоге он сдался, документы поменял, спор был проигран. Но все остались довольны» [9].

Рис. 2. Дом, где проживал К. М. Мицкевич в Перми. Изображение предоставлено Государственным литературно-мемориальным музеем Якуба Коласа (г. Минск)

В настоящее время проезд Якуба Коласа — совсем небольшая зелёная улочка. На ней расположено всего восемь домов. Квартиры в домах по этой улице выделялись в основном для преподавателей и сотрудников медицинского и политехнического институтов. До 2021 года по адресу: проезд Якуба Коласа, д. 5 располагалось МБОУ «Архив г. Перми».

Одним из примечательных зданий на углу ул. Толмачёва и проезда Якуба Коласа является «Бывший дом трудолюбия», который был построен в 1912 году — трёхэтажное здание из красного кирпича. Целью создания такого дома была помощь трудоспособному населению в освоении профессии. Здесь были мастерские со станками и другим оборудованием.

В течение года обитатели могли получить профессии токаря, столяра, сапожника, портнихи. После освоения новой профессии всем помогали устроиться на работу. 1 января 1918 г. здание было реквизировано, в нём размещался в том числе штаб Красной Армии. Позже здание было передано школе № 84, сейчас это МАОУ «Предметно-языковая школа «Дуплекс»».

По сведениям местных жителей, ранее улица была застроена двухэтажными купеческими домами. Первые этажи были в основном кирпичные,

Рис. 3. На улице ещё сохранилось несколько купеческих домов дореволюционной постройки

а вторые — деревянные. На улице проживали и духовные лица, служители Свято-Троицкого кафедрального собора [9]. Ещё несколько лет назад здесь можно было увидеть немало подобных зданий. Улица всегда была очень зелёной, на ней росло множество деревьев и кустарников, весной цвела черёмуха, летом пели соловьи и цвёл жасмин, а зимой детвора любила кататься на санках с горок, что создавало особенную уютную атмосферу.

Изучение истории родного города может приносить и практические результаты, например, данное исследование может стать началом для установления более тесных культурных связей с Беларусью или основой для проекта по благоустройству города и сохранению исторической памяти, что послужило бы развитию туризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди, 1723–1917. Пермь: Курсив, 1999. 580 с.
2. Егоров А. Белорусы помнят своего народного поэта: к 135-летию со дня рождения Я. Коласа // Ветеран. 2017. Окт. (№ 39). С. 8–9.
3. Семяшкин Р. Советь белорусского народа // Правда. 2022. 3–7 нояб. (№ 123). С. 4.
4. Якуб Колас в Перми // Календарь-справочник Пермской области, 1962 / ред.-сост.: С. Ф. Николаев. Пермь, 1961. С. 101.
5. Верещагина Л. Якуб Колас в Перми // Вечерняя Пермь. 1972. 13 дек. С. 3.
6. Колас Я. Новая земля: поэма; ред., [предисл.] и обработка перевода П. Семьнина. Минск: Гос. изд-во БССР, 1949. 294 с., 9 л.
7. Жигоцкий Н. Хранящие память // Советская культура. 1984. 11 дек. С. 6.
8. Улицы Перми: справочник: по состоянию на 1 июля 1992 г. Пермь: Пермская книга, 1992. 381, [2] с.
9. Бажина В. [Интервью с жительницей улицы Якуба Коласа в Перми] / беседа вела Е. М. Бажина // Личный архив автора. 2023. Май.

О.Д. Гайсин

историк, ООО «Пермстроймет+»

КОЛЕРНАЯ ОКРАСКА ЗДАНИЙ В ГОРОДЕ ПЕРМИ

Аннотация. Воздушно-климатическая среда современного индустриального города очень быстро приводит не только к утрате декоративных качеств, но и к интенсивному разрушению отделочных слоев здания. Наружная отделка фасадов зданий и колерная окраска помимо эстетической роли имеют защитную функцию при эксплуатации строений.

В связи с этим управлением по градостроительству и архитектуре при администрации города Перми к 300-летию города проведена большая работа по разработке колерных паспортов для зданий, расположенных на центральных, магистральных улицах города, в том числе для зданий, являющихся объектами культурного наследия – памятниками. В статье рассматривается ряд проблем, связанных с этой деятельностью.

Ключевые слова. Городской архитектор, Департамент градостроительства и архитектуры при администрации города Перми, Краевой центр охраны памятников, объекты культурного наследия – памятники, колерный паспорт, паспорт отделки фасадов.

O.D. GAISIN

historian, Permstroymet+, LLC

COLOR PAINTING OF BUILDINGS IN THE CITY PERM

Abstract. The air-climatic environment of a contemporary industrial city quickly leads not only to the loss of decorative qualities, but also to intensive destruction of the finishing layers of the building. External finishing of building facades and color painting, in addition to their aesthetic role, have a protective function.

That's why the Department of Urban Planning and Architecture under the city administration, on the eve of Perm's 300th anniversary, carried out a lot of work to provide color passports for buildings located in the central, main streets of the city, including buildings that are objects of cultural heritage – monuments. The article discusses a number of problems associated with this activity.

Keywords. Architect of the City, Department of Urban Planning and Architecture under the Perm City Administration, Perm Krai Center for the Protection of Monuments, cultural heritage sites – monuments, color passport, facade finishing passport.

В соответствии с правилами благоустройства и содержания территории в городе Перми, утвержденными решением Пермской городской Думы № 4 от 29 января 2008 г. (далее — Правила), «архитектурный облик города (улицы, кварталы) — это пространственно-композиционное решение территории, при котором взаимоувязка объектов капитального строительства, всех элементов застройки, внешнего благоустройства и окружающей среды осуществлена с учетом воплощенных архитектурных решений, соразмерности пропорций, цвета, пластики, метроритмических закономерностей и направлена на создание комфортной городской среды».

В связи с этим в конце 1990-х годов департамент по градостроительству и архитектуре (далее — Департамент) при администрации г. Перми начал комплексную работу по приведению в порядок фасадов городских зданий. При этом особое внимание уделялось зданиям — памятникам истории и культуры. Разработкой паспортов по окраске фасадов зданий, включенных в список объектов культурного наследия (памятников), расположенных на центральных улицах города Перми — Сибирская (Карла Маркса) и Ленина по договору с Департаментом занимался областной научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры.

В 2010-е годы к 290-летию юбилею города Перми по заданию Департамента градостроительства и архитектуры при администрации г. Перми эта работа была продолжена проектными организациями ООО «Пермстроймет+» (арх. Е. В. Волченкова) и ООО «Промстройпроект» (арх. Д. И. Оболонков). Были разработаны колерные паспорта на здания, расположенные в левобережной части г. Перми в Ленинском и Дзержинском районах по ул. Петропавловской и Ленина от Комсомольского проспекта до площади Гайдара, и на здания, расположенные в Ленинском и Свердловском районах по Комсомольскому проспекту, ул. Куйбышева и Сибирской, в том числе на здания, являющиеся объектами культурного наследия.

Согласно пункту 2.41 Правил, «Колерный паспорт — это документ, разрабатываемый для здания, сооружения и устанавливающий требования в отношении материалов, способов отделки и цветов фасадов и кровли; внешнего вида дверных и оконных проемов; ограждающих конструкций балконов, лоджий, кровли; установки дополнительного оборудования; мест для размещения объектов монументального искусства, вывесок, рекламных конструкций, номерных знаков». Постановлением администрации города Перми от 22 февраля 2017 г. № 130 «Об утверждении порядка и критериев, согласования колерного паспорта, требований к содержанию колерного паспорта» (далее — Постановление) утверждены форма колерного паспорта, требования к его содержанию, порядок и критерии его согласования.

При разработке проектного решения колерного паспорта здания, являющегося объектом культурного наследия, проектная организация, как правило, предварительно проводит комплексные историко-архивные и библиографические, иконографические и натурные исследования. Целью данной работы является определение первоначальных либо наиболее ранних выявляемых цветовых решений отделки фасадов культовых, административных и жилых зданий — памятников г. Перми. При исследовании использовались материалы фондов Государственного архива Пермского края, открытки и фотографии с видами г. Перми конца XIX — начала XX века, в том числе раскрашенные вручную. При съемке фотограмами иногда применялись новаторские методики фотографа-экспериментатора С. М. Прокудина-Горского (18 (30).08.1863–27.09.1944) [1], впервые изложенные им в труде «Изохроматическая съемка моментальными ручными камерами с указанием чувствительных к цветам пластин (изопластин)» (1903, Berlin) [19, 14–15] и в журнале

«Фотограф-Любитель», редактором-издателем которого он был в 1906–1909 годах [19, 16–18]; а также данные натуральных архитектурно-археологических исследований и методические рекомендации специалистов по цвету в архитектуре [11; 15]; данные натуральных исследований (соскобы), а также методические рекомендации ведущих специалистов по цвету в архитектуре [2].

По результатам исследований специалистами-реставраторами выделяются основные цветовые характеристики городских зданий различного назначения, подразделяемых по времени их создания и стилистике.

Одним из ярчайших примеров культового строительства в Перми является построенный в конце XVIII — начале XIX века Спасо-Преображенский кафедральный собор и соборная колокольня, решенные в разных стилистических. Собор выполнен в традициях московской архитектурной школы Ф. М. Казакова, учеником которого был губернский архитектор П. Т. Васильев, с применением в отделке элементов так называемого «Вятского барокко», колокольня (построена в 1820-е гг.) — в стилистике архитектуры классицизма по проекту уже упомянутого П. Т. Васильева и архитектора П. И. Таманского [9].

22 сентября 1926 г. Приходской Совет Пермского кафедрального Спасо-Преображенского собора обратился в Управление Пермского Окрстройконтроля с заявлением, в котором просил дать разрешение на продолжение ремонта собора, отнесенного в 1920-е годы к памятникам старины и искусства. Приходской Совет сообщил, что во время ремонта собора в 1926 году крыша была окрашена в черный цвет (графит), производится побелка собора в светло-серый цвет, бордюров и колонн — в белый.

Окружной инженер Б. Р. Вейерсберг категорически настаивал, чтобы окраска фасада и крыши собора была сохранена «в прежних тонах, гармонирующих с художественной точки зрения как памятника старины и искусства» и произведена «не отступая от существующей прежде окраски в тонах белом и желтом, крышу необходимо окрасить в прежний зеленый цвет» [4, с. 438].

В XIX веке строительство административных и общественных зданий в России регламентировалось Строительным уставом [Свод учреждений и уставов строительных, изд. 1857 г., с продолжением 1893 г.]: учреждение для управление строительной частью, устав о зданиях казенных, о зданиях церковных и иных молитвенных, о зданиях общественных, положение об устройстве улиц, площадей, мостов и тротуаров в городах, правила о частных зданиях в городах, о строении в селениях.

Всякого рода общественные и казенные здания допускались к устройству лишь по утверждению их проектов (планов, фасадов и разрезов) губернским строительным начальством (в исключительных случаях — технико-строительным комитетом МВД) в лице губернских архитекторов по утвержденным, «образцовым» чертежам. Окраска этих зданий также подчинялась особым регламентам — поле стен, как правило, окрашивалось охрой — желтым колером, архитектурная детализровка выделялась белыми.

Один из примеров подобного здания в Перми — «Дом Главного народного училища» или классической гимназии, построенный в 1795–1797 годах на углу улиц Сибирской и Петропавловской по проекту губернского архитектора Васильева. Дом выделялся угловым расположением обширного круглого зала, оканчивающегося вверху круглым куполом. Вид здания запечатлен на акварельном рисунке преподавателя гимназии П. Е. Размахнина «Вид города Перми» «Дом Главного народного училища» [5]. Акварель выполнена непрофессиональным художником и имеет черты примитивизма. Это не столько образ Перми, сколько технический фиксационный рисунок. Ценность этого рисунка в том, что он передает цветовое решение города первой половины XIX века.

Хорошо узнаваемое здание главного народного училища (или мужской гимназии), построенного в конце XVIII века на средства губернского Приказа Общественного призрения, с «круглой актовой залой с красивым куполом в два света и хорами вокруг и с железным балконом» окрашено желтым колером, или охрой; железная кровля крыши окрашена малахитовой краской, в состав которой входили медистые соединения (при длительном контакте краски с атмосферой крыши приобретала ярко-зеленый оттенок). Здание гимназии после пожара 14 сентября 1842 г., от которого пострадала вся центральная часть города, также сильно обгорело.

Старое здание гимназии сразу же после пожара советником Пермской Казенной палаты Паркачевым было разобрано на кирпичи. По сообщению Д. Д. Смышляева, бывшего очевидцем этих событий, «прекрасное здание было сломано до основания, и даже с большим трудом, вследствие необычайной прочности старой постройки. На месте прежнего дома гимназии теперь существует казарменного вида здание, в котором помещается это учебное заведение» [20, с. 136].

Из этого правила были исключения. Так, здание Пермской губернской аптеки (1812) Приказа Общественного призрения, расположенное по адресу: г. Пермь, ул. Ленина, 30 (с 1993 г. памятник градостроительства и архитектуры «Аптека земская»), было окрашено в светло-зеленый колер. После проведения в 2012 году специалистами ООО «Пермстроймет+» натуральных и историко-архивных исследований выяснилось, что здание, купленное Приказом для размещения губернской аптеки у мещанина Калашникова, было окрашено в голубой цвет с выделением архитектурной детализировки белым колером. В 2013 году «Пермстроймет+» были проведены ремонтно-реставрационные работы на фасадах здания в соответствии с утвержденным «Паспортом отделки фасадов» (арх. Е. В. Волченкова) [13, с. 84].

В окраске торговых и жилых домов с конца XVIII до конца XIX века преобладали в основном пастельные оттенки розового, голубого и зеленого цветов. Вероятно, это было обусловлено применением в качестве основы для красителей так называемых белил или раствора извести, в состав которой мог добавляться соответствующий колер (например, синька).

Торговые и жилые здания конца XIX — начала XX в. имеют более яркое и разнообразное цветовое решение за счет появления в указанный период разнообразных стойких красителей и повышения покупательной способности населения. Известно, например, что в Перми в доме Рязанцевой на углу улиц

Сибирской и Пермской, № 8/43 размещались магазин и (в подвальном помещении) краскотерочная мастерская Вилесовых с В окраске торговых и жилых домов с конца XVIII до конца XIX века преобладали в основном пастельные оттенки розового, голубого и зеленого цветов. Вероятно, это было обусловлено применением в качестве основы для красителей, так называемых белил или раствора извести, в состав которой мог добавляться соответствующий колер (напр., синька). Торговые и жилые здания периода конца XIX — начала XX века имеют более яркое и разнообразное цветовое решение за счет появления в указанный период разнообразных стойких красителей и повышения покупательной способности населения. Из источников известно, что в доме Рязанцевой на углу улиц Сибирской и Пермской, № 8/43 размещались магазин и в подвале — краскотерочная мастерская Вилесовых с мешалкой и тремя краскотерками, приводимыми в движение электромотором [3, с. 54–56; 10, с. 483].

В начале XX века Новый Строительный устав [изд. 1900 г.] предусматривал большую свободу при утверждении планов и фасадов построек. Например, до конца XIX века фасады частных построек в Санкт-Петербурге, выходящие почти на все главные улицы, как правило, требовали Высочайшего утверждения; с начала XX века такое утверждение требовалось лишь для части Невского проспекта, для Большой Морской улицы и части Невской набережной. Здания и всякого рода сооружения, устраиваемые и содержимые на общественные суммы сословий, городов, губернских и земских сборов, а также капиталов приказов общественного призрения подчинялись требованиям Строительного Устава только в техническо-полицейском отношении, на одинаковых началах с частными постройками. В отношении частных зданий, строительные нормы, были немногочисленны и предписывали, как правило, выполнение норм противопожарной безопасности, соблюдение существующих правил просушки новых стен, сроки штукатурки и т. д.

С изданием Городового положения 1870 года городским самоуправлениям было предоставлено право самим издавать обязательные постановления по строительной части, согласованные с нормами Строительного устава (1853). Городские управы на основании справок, выдаваемых городскими архитекторами, предоставляли разрешения частным лицам на постройки, сооружаемые в черте города, рассматривали и утверждали проекты зданий, наблюдали за правильностью их исполнения в техническом отношении. Главнейшие правила строительной полиции обычно содержались в обязательных постановлениях городских самоуправлений. В Санкт-Петербурге обязательные постановления по строительной части были изданы в 1882 году, в Москве — в 1889 году [23, с. 816–820].

В этом отношении показателен пример строительства здания-памятника «Дом А. В. Синакевича с женской гимназией Барбатенко» по адресу: г. Пермь, ул. Сибирская, 23. Каменный дом на углу ул. Пермской и Сибирской был построен после пожара 14 сентября 1842 г. 31 января 1873 г. в городскую управу поступило прошение от купца 2-й гильдии, гласного Думы Е. С. Кожевникова на постройку по ул. Сибирской каменного двухэтажного дома с торговыми помещениями в нижнем этаже. Городской архитектор Р. О. Карвовский, рассмотрев проект, рекомендовал застройщику, по условиям пожарной безопасности выполнить

некоторые обязательные условия, при соблюдении которых он полагал возможным разрешить постройку. Колерная окраска фасада здания городским архитектором даже не рассматривалась, а была оставлена целиком на усмотрение домовладельца. 20 февраля 1873 г. управа разрешила: «постройку каменного дома и деревянных служб, с соблюдением в отношении прочности и безопасности от пожара». Однако во время пожара 31 мая 1873 г., случившегося во дворе Кожевникова, выяснилось, что тот указал не все строения. В связи с этим управа потребовала, чтобы домовладелец сломал постройки, «не имеющие узаконенного разрыва от новых служб». Кожевникову разрешили окончить постройку с условием «после окончания ее, немедленно сломать старые строения». Но когда установленный срок прошел, выяснилось, что застройщик не выполнил это обязательство. Управа заявила о нарушении застройщиком закона 386 Ст. Уст. Строит. и на этом конкретном примере решила привлечь внимание Думы к вопросу относительно «порядка составления планов на частные постройки, представляемых на утверждение». Управа предложила объявить всем домовладельцам, что в дальнейшем «проекты, должны быть непременно удостоверены в правильности показания на оных существующих строений и размера застраиваемого места техниками, имеющими законные аттестаты или самими домовладельцами... Проекты, представляемые без таковых удостоверений, должны быть возвращаемы без утверждения оных...» [1, л. 12–14].

В начале 1890-х годов домовладение несостоятельного должника Кожевникова было куплено с торгов советником Пермской казенной палаты А. И. Синакевичем. 1 сентября 1892 г. в городскую управу поступило прошение от А. И. Синакевича на постройку каменного двухэтажного флигеля. По справке, составленной городским архитектором В. В. Попатенко 4 сентября 1892 г. Городская управа разрешила построить каменный двухэтажный флигель [2, л. 82–83об]. При этом вопрос об окраске фасадов здания флигеля также был оставлен на усмотрение домовладельца.

Памятник регионального значения «Дом Синакевича с гимназией Л. В. Барбатенко» находится на пересечении двух исторических улиц города — Сибирской и Пермской. На почтовых карточках начала XX века [14, 55–57] запечатлен трехэтажный дом из красного кирпича и примыкающий к нему со стороны ул. Пермской двухэтажный флигель. В первом этаже дома расположены магазины: «М. П. Добрина», «З. И. Румш» и «А. Синакевича». В угловой части дома расположен вход в женскую гимназию Л. В. Барбатенко. Дополнительно в фондах краеведческого музея были выявлены черно-белые фотографии видов Перми фотографа Рахимова [6]. Фотографии сделаны в период пребывания в здании окружного административного отдела Окрисполкома и пермского отдела государственного политического управления (ОГПУ). На черно-белой фотографии фасады здания из керамического кирпича не окрашены и детализировка выделена известковой побелкой. В 1926–1927 годах здание на углу ул. К. Маркса и Пермской было передано школе № 21. До конца 1990-х годов фасад этого здания, занимаемого был окрашен зеленой краской с выделением архитектурной детализировки белым колером.

Одной из характерных особенностей городского гражданского строительства конца XIX — начала XX в. является широкое применение в строительстве при отделке фасадов, выполняемых из красного керамического кирпича, машинной формовки с расшивкой выбеливанием швов и с декоративными элементами из лекального кирпича. При этом здания, как правило, не подвергались дополнительной окраске, за исключением выбеливания декоративных элементов (штукатурных наличников окон).

На этом основании в 1990-е годы в режиме реставрации был проведен капитальный ремонт фасада главного здания школы № 21: окрасочный слой был снят пескоструйным аппаратом. В настоящее время фасад главного здания памятника «Дом Синакевича» со стороны улиц Пермской и Сибирской выглядит как лицевая кладка из керамического кирпича с расшивкой.

В начале XX века российские художники и архитекторы, придерживающиеся авангардистских взглядов (Витебск — К. Малевич, Москва — АСНОВА), предпринимали попытки создать новый цветовой облик города. По замыслу авторов цвет зданий должен был объединить фасады зданий в пределах улиц, а не акцентировать отдельные объекты. Принципиально важно, что полихромия целых улиц трактовалась ими как средство достижения целостности города, что поднимало ее на новый уровень — создание колористики целого города.

В 1920–1930-е годы в Советском Союзе и в странах Западной Европы получили развитие авангардистские стили архитектуры, использовавшие, прежде всего, достижения строительной индустрии начала XX века — широкое применение в строительстве металла, бетона, стекла. В Советском Союзе наибольшее распространение получил стиль, вошедший в историю под именем «конструктивизм». Конструктивизм требовал в архитектурных сооружениях выявлять его конструкцию функциональной, конструктивной целесообразности, рациональности форм. В разных странах это направление получило специфические названия: рационализм (Франция, Италия), функционализм (Германия) [21, с. 115].

Конструктивисты считали основной задачей архитектора организацию новой жизни. Конструктивизм явился как отражение социальных преобразований и предвосхищение применения новых конструкций. Один из основоположников этого стиля советский архитектор М. Гинзбург в 1925 году определил его экономические предпосылки (экономическая бедность и необходимость удовлетворения архитектурой широких масс), и лишь потом он указывает на другие условия развития конструктивизма: «Исключительное развитие техники. Новые выразительные организмы техники. Техницизм как своеобразная философия современности. Стандартизация архитектуры. Отсутствие излишних запасов прочности. Широкое применение промышленно изготавливаемых элементов строений. Основой конструктивизма была индустриализация строительства и широкое применение при строительстве местных материалов естественного неорганического происхождения (асбест, диатомит, песок, растительная земля, трепел, туфовый песок, щебень и т. д.), промышленных отходов (золы, угольных и доменных гранулированных

шлаков, строительного мусора), которые использовались для изоляции строительных ограждающих конструкций и были призваны удешевить строительство [22, с. 35].

Архитекторы конструктивизма мыслили город как насыщенную цветовую среду. В качестве основной гаммы европейские основоположники стиля утверждали бежевый, серый, белый и черный цвета, а советские архитекторы ратовали за применение более ярких тонов (напр., красного, олицетворяющего революцию, но использовали также и все остальные цвета — синий, зеленый, коричневый и др.). Конструктивисты наряду с широкой практикой использования цвета как средства художественной выразительности делали попытки подойти к проблеме цвета с функциональной точки зрения. В статье М. Гинзбурга «Цвет в архитектуре» была сделана попытка, опираясь на данные психофизиологии о влиянии цвета на человеческую деятельность, перейти к изучению этих вопросов с позиций современной архитектуры.

В 1937 году появилось одно из первых учебных пособий для художественных техникумов по курсу цветоведения, разработанное одним из корифеев русского советского искусствоведения С. С. Алексеевым «Элементарный курс цветоведения. С приложением сборника практических упражнений». При работе над учебником автор пользовался литературой по цветоведению и смежным областям: Л. Рихтера «Учение о цветах», Н. Д. Ньюберг «Курс цветоведения» и «Измерение цвета и цветовые стандарты», С. В. Кравкова «Глаз и его работа» и «Руководство к практическим занятиям по цветоведению», Н. Т. Федорова «Современное состояние колоритмерии» и «Курс общего цветоведения». В основу задачника была положена методика, разработанная кафедрой цветоведения Московского архитектурного института в 1931–1932 годах [11].

Отсутствие в 1920–1930-х годах хорошей полиграфии привело к тому, что почти все архитектурные проекты публиковались, как правило, в черно-белом варианте. Сейчас по этим публикациям и сохранившимся черно-белым фотографиям или копиям проектов (синькам) трудно представить себе, что многие проекты периода конструктивизма были полихромными (цветными).

Архитекторы понимали, что большие цветные плоскости требуют контраста и с этой точки зрения интересны проекты, где фасады здания были насыщены элементами объемной рекламы и графического дизайна. Однако на практике, когда в Москве развернулось массовое строительство и один за другим начали появляться однотонные, в основном серые здания, выявилась монотонность бездекоративной и лишенной цвета архитектуры [21, с. 570].

Конструктивизм, как направление в архитектуре, искусствоведами характеризуется геометризмом архитектурных объемов, контрастом гладких глухих и остекленных поверхностей стен. Основные образцы архитектуры конструктивизма в Пермском крае представлены следующими объектами: Дом чекистов, гостиница «Центральная», фабрика-кухня в Мотовилихинском районе г. Перми, здание Профтехкомбината в г. Лысьве, здание кинотеатра «Авангард» в г. Березники имеют скатную кровлю с вынесенными карнизами и организованным внешним водостоком. Требованиями климата объясняется и меньшие, по сравнению

с образцами конструктивизма, площади остекления этих зданий. Одним из ярчайших примеров строительства в Перми здания архитектуры конструктивизма является здание гостиницы «Центральная», расположенного на углу улиц Сибирской и Советской, № 9/29, проект которого первоначально был разработан в 1929 году архитектором Ф. Е. Мороговым для жилого дома коммунального типа «Дом Одиночек».

Здание гостиницы «Центральная» семиэтажное кирпичное оштукатуренное, с большой площадью остекления, конструктивно состоит из двух основных объемов, соединенных между собой центральным объединяющим объемом, в котором расположены — холл, лестничная клетка и пассажирский лифт. Фасад симметричный, центральным фасадом здание ориентировано на север, в сторону реки Камы, правый фасад выходит на улицу Сибирскую напротив театрального сквера, левый фасад — на улицу Советскую.

Иконографические источники из фондов краеведческого музея представляют здание в начале 1930-х годов неоштукатуренным и неокрашенным [6]. На фотографии, датируемой концом 1930-х годов, после произведенного в 1937 году капитального ремонта, здание окрашено в светлые пастельные тона с выделением первого этажа более темным колером, балконы окрашены в цвет основного поля стены [7]. На более поздних черно-белых фотографиях видно, что основное поле стены здания имеет светлый оттенок; первый этаж, междуоконные пространства и балконы выделены колером темного оттенка.

Здание гостиницы «Центральная» решением Пермского облисполкома № 70 от 22 марта 1988 г., отнесено к памятникам истории и культуры [18, с. 52].

«Паспорт окраски фасадов здания гостиницы «Центральная», разработанный ОЦОП, был согласован главным архитектором г. Перми 17 августа 1995 г. Согласно паспорту основное поле стены окрашено светло-зеленой краской, цокольный этаж, участки стен под оконными проемами и балконы выделены колером темно-коричневого цвета, оконные переплеты — масляной краской серого цвета, дверные проемы — масляной краской красно-коричневого цвета, парапет и слуховые окна — колером светло-коричневого оттенка [12, с. 343]. В 2008 году собственником здания была произведена окраска фасада здания гостиницы «Центральная» согласно утвержденному колерному паспорту.

Длительная сохранность наружной отделки при эксплуатации любого здания или сооружения является одним из достоинств архитектурного решения. Однако воздушно-климатическая среда современного индустриального города очень быстро приводит не только к утрате декоративных качеств, но и к интенсивному разрушению отделочных слоев здания. В связи с этим в 1960-е годы лаборатория строительной физики Пермского политехнического института в течение ряда лет проводила натурные и лабораторные исследования долговечности лицевых слоев стен [17, 18].

Перед лабораторией были поставлены следующие задачи: обобщить опыт эксплуатации различных видов наружных отделок в условиях индустриального города Урала (г. Пермь); 2) получить и обобщить данные о повреждениях (дефектах) отделочных слоев; 3) выявить причины, вызывающие повреждения, и факторы,

непосредственно не разрушающие, но способствующие развитию дефектов. Для наблюдения были выбраны гражданские здания (общественные и жилые) с нормальным температурно-влажностным режимом, расположенные в различных районах города. Основным критерием выбора являлся вид наружной отделки, состояние отделочного слоя и возраст здания.

По материалам стен обследованных зданий они были разделены на керамзитобетонные, керамзитопенобетонные (панельные) и кирпичные. По характеру отделки наружной поверхности стен здания были разделены на следующие группы: неоштукатуренные, а также без окрасочных покрытий; оштукатуренные или офактуренные раствором (бетоном); офактуренные дробленным камнем (щебнем, гравием, стеклом), а также окрашенные различными составами красителей.

Наблюдения за лицевыми слоями кирпичных стен показали, что уже в первые годы эксплуатации многие виды отделок требовали реставрации. Отделочные слои, выполненные путем оштукатуривания растворами на карбонатном песке, широко применялись для отделки зданий в г. Перми. Помимо высоких физико-механических характеристик такие растворы обладали прекрасными декоративными качествами: с применением белого цемента отделка зданий приобретала ярко-желтый «солнечный» цвет; использование пигментов дает большую гамму оттенков разной насыщенности; карбонатные растворы на сером цементе придают более светлый тон, чем при применении кварцевого песка в качестве заполнителя; поверхности карбонатных штукатурок имеют шероховатую фактуру, придающую зданиям монументальный вид. Однако в городских условиях шероховатая фактура поверхностей стен интенсивно накапливает пыль и сажу. Поверхности настолько загрязняются, что первоначальный цвет становится трудноразличимым. Если же стены никак не были защищены от действия осадков, то на них неизбежно появлялись подтёки серого и даже черного цвета. Атмосферные осадки в сочетании с бытовыми и промышленными «примесями» в воздухе (пыль, сажа) являются основными причинами быстрой утраты декоративных качеств карбонатных штукатурок.

Помимо загрязнений, на поверхностях карбонатных штукатурок периодически выступают белесые пятна высолов. Образование высолов не зависит от свойств наружного отделочного слоя, а является свойством влаги, которая содержится в кирпичных стенах, интенсивно растворяя на своем пути некоторые вещества (известь, гипс, соли противоморозных добавок) с выносом их на наружные слои стен (что происходит обычно весной). Последующее испарение влаги приводит к оседанию и накоплению этих веществ на внешних поверхностях.

С течением времени ветер и осадки «стирают» белесые пятна, однако полного уничтожения их не происходит. Цементно-известковая штукатурка с последующей окраской известковыми составами применяется для наружной отделки зданий в г. Перми очень давно. Однако этот вариант отделки наименее долговечен. На всех зданиях в местах интенсивного увлажнения и замораживания исследователи наблюдали локальные разрушения штукатурки: отслоения, шелушения и др. Обнажение кирпичной кладки происходит очень быстро: от 0,5 до 2–3 кв.м в год.

Нередко кромки таких участков разрушения белесого цвета, что свидетельствует о растворении влагой солей из материала стены и штукатурки. Внешний отделочный слой — известковая окраска имеет недостаточное сцепление с основой. На всех обследованных объектах были отмечены местные отслаивания окрасочного слоя. Этот процесс, как правило, усиливается после увлажнения и последующей сушки солнечным теплом и особенно быстро протекает, если окраска была произведена по загрязненной и нерасчищенной поверхности. Разрушение отделки обычно начинается с изменения цвета (потемнения) увлажненных участков. Границы поражения отделки отчетливо видны, даже если отслоение еще не происходит: фасад становится пятнистым и теряет свою выразительность. Изменение цвета отделки также происходит в результате оседания пыли и сажи, которые вместе с неплотно прилегающей краской размываются косыми дождями и водой, стекающей с балконов, подоконных отливов и поясков. В результате, по истечении 1–2 лет эксплуатации наружные поверхности становятся грязными с многочисленными участками размытой краски и разрушений.

Окраска перхлорвиниловыми составами (ПВХ) по штукатурке в г. Перми практически не получила широкого применения. И была исследована на примере одного административного здания памятника истории и культуры «Казенная палата — Пермский Горсовет» (ул. Ленина, 23). В 1960-х годах фасад здания был окрашен тремя цветами: белым, светло-коричневым и черным. Его наружная поверхность имеет гладкую, блестящую фактуру. На такой поверхности оседающая пыль и сажа не задерживаются и легко сдуваются ветром, поэтому на здании нет подтеков и видимых следов пыли. Несмотря на хорошую сохранность светлоты и цвета, фасад объекта регулярно обновлялся каждые 2–3 года, в связи с тем, что окрасочный слой ПВХ постоянно растрескивался и шелушился.

Окраска силикатными красками старых оштукатуренных поверхностей специалистами, как правило, не рекомендуется. Несмотря на это административное здание — памятник истории и культуры «Здание духовного училища» (ул. Газеты «Звезда», 18), возведенное в 1868 году, при ремонте в 1965 году было заново окрашено силикатными составами. Трехлетняя эксплуатация такой отделки показала хорошую сохранность как декоративных, так и физико-механических качеств. Спустя три года после реставрации здание производило впечатление свежеекрашенного, так как краска не только не изменила насыщенности цвета (белого и зеленого), но и не потемнела. Гладкая фактура окрашенной поверхности оставалась чистой (даже при нахождении вблизи здания квартальных котельных). На фасаде здания не были обнаружены даже «традиционные» белесые пятна высолов.

Сравнение поведения при эксплуатации различных вариантов наружной обработки кирпичных стен позволило специалистам лаборатории строительной физики сделать вывод о целесообразности совершенствования и дальнейшего применения в отделке фасадов зданий плит на белом цементе, штукатурок на карбонатных песках, а также силикатных красок, так как эти виды отделки наиболее долговечны.

В связи с вышеизложенным хочется отметить, что наружная отделка фасадов и колерная их окраска, помимо эстетической, выполняют защитную функцию при эксплуатации зданий. Длительная сохранность наружной отделки фасадов при эксплуатации зданий является одним из достоинств архитектурного решения. Поэтому домовладельцы, нарушающие правила содержания зданий, отказывающиеся производить ремонт фасадов, должны понимать, что кроме административной, они несут гражданскую ответственность перед обществом за сохранение памятников истории и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф.35. Оп. 1. Д. 12. Л. 12–12 об., 13, 14–14 об., 15–15 об., 25, 26.
2. ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 74. Л. 82, 83–83 об.
3. ГАПК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 161. Л. 54–56.
4. ГАПК. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 17. Л. 438–438 об.
5. Пермская государственная художественная галерея. КП-23911.
6. Пермский краеведческий музей (далее — ПКМ). 12092/10;
7. ПКМ. 12092/24; ПКМ. 12092/25
8. ПКМ. 12092–1–26.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 101. Д. 197. Л. 7.
10. Адрес-Календарь «Весь город Пермь» на 1904 год. Пермь: Типо-литография Пермского губернского правления, типография Пермского Губернского земства, 1904. 488 с.
11. Алексеев С. С. Элементарный курс цветоведения. С приложением сборника практических упражнений. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1937. 238 с.
12. Гайсин О. Д. Колерная окраска зданий в г. Перми. // Пермь-2018: Юбилейные и памятные даты / МБУ Архив г. Перми. СПб., Маматов, 2017. 348 с.
13. Гайсин О. Д. Здание губернской аптеки (1812 г.) — памятник истории развития фармации в Пермском крае. // История медицины и образования города Перми — три века служения людям: материалы науч.-практ. конф. Пермь, 2019. С. 84.
14. Губернский город Пермь на иллюстрированной почтовой открытке. 1899–1917. Екатеринбург, 2007. С. 56, 55, 57.
15. Ефимов А. В. Колористика города. М.: Стройиздат, 1990. 272 с.
16. Маковецкий А.И. О состоянии лицевых слоев панельных стен (по материалам наблюдений в г. Перми, 1963–1967 гг.) // Вопросы градостроительства и архитектуры Пермский политехнический институт: сб. науч. тр. № 41. Пермь, 1969. С. 44–48.
17. Там же. С. 50–60.
18. Памятники истории и культуры Пермской области. Т. 2. Памятники истории, архитектуры и искусства. Пермь, 1993. С. 52
19. Сомова Л. Сергей Михайлович Прокудин-Горский. М.: Комсомольская правда, 2016. 94 с.
20. Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. 300 с.
21. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. — Кн. 1. — Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996. С. 115, 416, 567–570.
22. Гинзбург М. Пути современной архитектуры (доклад в Архитектурной секции РАХН 6 февраля 1925 г.) // Хазанова В. Э. Из истории советской архитектуры. 1917–1925. Документы и материалы. М., 1963. С. 35.
23. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XXXI. СПб., 1901. С. 816–820.

А.А. ХАРЬКОВСКИЙ

Архив города Перми

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЦЕНТРА ПЕРМИ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА НА ОСНОВЕ ФОТОМАТЕРИАЛОВ АРХИВА ГОРОДА ПЕРМИ

Аннотация. В статье на основе фотоматериалов архива города Перми рассматриваются и анализируются изменения визуального облика города Перми с конца XIX и до начала XXI столетия, а также приводится краткий экскурс по застройке Перми в конце XVIII – начале XIX столетия. Помимо оригинальных фотографий, сделанных фондообразователями, используются также и репродукции фотографий. Описание архитектурных стилей, архитекторов и ключевых построек разных временных периодов даются со ссылкой на конкретные экземпляры фотоматериалов архива. Статья представляет интерес для исследователей истории города, а также для всех, кто интересуется архитектурой и визуальным образом городской среды.

Ключевые слова. Архитектура Перми, архив города Перми, В. В. Реймерс, М.И. Кузнецов, архитектурный облик, трехсотлетие Перми, историческая застройка центра Перми.

A.A. HAR'KOVSKIY

Perm City Archive

VISUAL IMAGE OF PERM CITY CENTER AS A DYNAMIC OBJECT: RETROSPECTIVE VIEW BASED ON PHOTO MATERIALS IN THE ARCHIVE OF THE CITY OF PERM

Abstract. In the article on the basis of the Perm city archive's photographic materials the changes in the visual appearance of the city of Perm from the end of the 19 th century to the beginning of the 21 st century are considered and analyzed, as well as a brief excursion on the construction of Perm in the late 18 th–early 19 th centuries is given. In addition to the original photographs taken by the fund-formers, reproductions of photographs from the beginning of the last century are also used. The description of architectural styles, architects and key buildings of different time periods is made with reference to specific copies of the Archive's photographic materials. The article is of interest to researchers of the city's history, as well as to all those interested in architecture and the visual image of the urban environment.

Keywords. Architecture of Perm, Perm city archive, V. V. Reimers, M. I. Kuznetsov, architectural image, the Tercentenary of Perm, historical development of the Perm city center.

За время своего существования город Пермь его внешний облик значительно менялся, особенно облик его центра, ведь центральный район города — это ворота в город, его ядро и лицо [3, с. 162–163]. Эти изменения были связаны с тенденциями, характерными для различных исторических периодов. Изучение архитектуры центра города к его 300-летию позволяет оценить историческое и культурное значение города, его развитие и изменения за прошедшие годы. Исследование архитектуры центра города привлекает внимание к наследию предыдущих поколений,

может стать стимулом для развития туризма и привлечения внимания к городу со стороны широкой общественности. Материалы муниципального бюджетного учреждения «Архив города Перми» позволяют составить представление о визуальном облике центра города, делать выводы о его развитии, о зданиях, игравших наиболее значимую роль в социально-экономической жизни Перми, а также о векторе развития города в целом, что может помочь в определении тенденций и направлений развития города в будущем. Кроме того, изучение архитектуры центра города может способствовать сохранению и улучшению качества жизни жителей, созданию комфортной городской среды и привлечению инвестиций.

Данное исследование стало возможным благодаря материалам, в которых отражена динамика развития архитектуры городского центра в фотодокументах городского архива. Основная часть материалов отложилась в личных фондах фотографов В. В. Реймерса [23, 24] и М. И. Кузнецова [22].

Фотография в жизнь инженера-механика Валерия Владимировича Реймерса вошла в 1950-х годах, когда он подарил старшему сыну Герману Валерьевичу фотоаппарат «Любитель». С тех пор одним из главных увлечений Валерия Владимировича стала фотосъёмка. Он принимал постоянное участие в фотовыставках заводского клуба «Ровесник», за что был неоднократно награждён почётными грамотами [24]. Он был не только фотографом-любителем, но и одним из авторов книги «Завод на Каме», посвящённой истории Пермского машиностроительного завода им. Ф. Э. Дзержинского. Фотографии Реймерса запечатлели поворотный момент в истории архитектуры Перми: застройку центральных и окраинных районов новостройками.

Вторым фондообразователем, запечатлевшим на пленку перемены в застройке Перми, стал Матвей Иосифович Кузнецов. В детстве он устраивается на работу в знаменитую фотографию А. А. Якунина на Покровской улице (в настоящее время улица Ленина). Сначала Матвей работает по хозяйству, но каждую свободную минуту присматривается к работе мастеров-фотографов [9]. В 1929 году он получает новое задание от Пермского городского комитета ВКП(б) – организовать кооперативно-промышленную фотоартель. С этим заданием он успешно справляется и объединяет 19 мастеров — частных в одну Пермскую кооперативно-промышленную артель «Фото-коллектив». В 1934 году специальным решением горкома ВКП(б) М. И. Кузнецов откомандирован на завод № 19 имени И. В. Сталина (в последующем завод им. Я. М. Свердлова) для организации фотолаборатории.

История фондообразователей архива неразрывно связана с Пермью, что делает задачу изучения материалов фондов еще интереснее с точки зрения анализа мест, избираемых для фотографий.

В процессе дальнейшего исследования темы мы попытаемся ответить на вопрос о том, что двигало фотографами-любителями в процессе создания снимков, почему они выбирали для съемок конкретные объекты, попытаемся изучить их мотивы. Таким образом, перейдя от истории развития архитектуры к истории двух личностей и их увлечения.

Архитектура города Перми развивалась под влиянием ряда тенденций, обусловивших его развитие. Об этом писал в своей книге «Пермь. Очерк архитектуры» А. С. Терехин, делая акцент на градоформирующей роли Камы в развитии Перми, которая в силу природных и экономических условий и стала главной осью формирования города [3, с. 6]. С 1723 года город претерпел множество изменений, кардинально изменивших его облик. Важным этапом в этом процессе стало административное обособление Перми. Административные реформы 1781 и 1796 годов сначала сделали Пермскую провинцию, являвшуюся частью Казанской губернии наместничеством, а потом — губернией. В этот момент Пермь утрачивает значение горнодобывающего центра и становится центром административным, что катализировало гражданское строительство. Серьезный вклад в развитие городской архитектуры внес Карл Модерах [6, с. 38].

Город развивался сначала в соответствии с планом 1784 года, а потом в соответствии с планами 1802 и 1808 годов [3, с. 24–25]. В городе строилось все больше каменных строений, увеличивалось число населенных пунктов рядом с городом, Пермь росла в западном и южном направлениях [Там же, с. 28]. К концу первой трети XIX столетия число каменных строений возросло до 40, а деревянных — до 1072 [Там же, с. 29]. Одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкивался город в процессе своего развития и роста, были пожары, которые уничтожили около 300 домов в 1842 г., а потом выжгли центральную часть города в 1859 г.

До середины XIX века застройка была преимущественно деревянной, местами полукаменной (нижний этаж из кирпича, а верхний — из дерева) за исключением зданий некоторых церквей и общественных зданий, архитектором многих из которых был Иван Иванович Свиязев [2, с. 36–39], работавший главным архитектором Уральского Горного управления с 1822 по 1833 год [3, с. 30–31]. Среди зданий, построенных Свиязевым, можно выделить Пермскую духовную семинарию, жилой дом Крылова, Ротонду, всего по его проектам было возведено 31 здание. В первой трети XIX века в Перми появились каменные здания Рождество-Богородицкой церкви, комплекс церковных строений на Слудской горе, а также Спасо-Преображенский собор (изображения этих зданий вошли в один из фондов архива). Город стал изменяться после пожаров 1842 и 1859 годов, уничтоживших большую часть деревянных строений в городе. К 1860-м годам центр города был полностью сформирован, что определило развитие города в дальнейшей перспективе.

После отмены крепостного права город продолжает бурный рост на запад и юг. В это время «силуэт города приобретает хаотичный, бессистемный вид, утрачивает прогрессивные черты русского градостроительства» [3, с. 41–42], происходит уплотнение городской застройки из-за роста численности населения, появления новых торговых и промышленных строений. В архитектуре в то время наблюдается тенденция к отказу от классицизма и переходу к модерну или созданию зданий в смешанном стиле. Значимым зодчим этого периода стали А. Б. Турчевич, создавший несколько абсолютно разных проектов: Дом Любимовых [7] в стиле барокко, Дом Мешкова [8] в стиле позднего классицизма, дом Грибушина [9] в стиле модерн

(благодаря появлению новых материалов) [б. с. 39–40]. На репродукциях, сделанных Реймерсом и Кузнецовым, мы можем видеть, как менялся город.

В начале XX века город состоял преимущественно из деревянных построек, отнюдь не благоустроенного центра [10] и рабоче-крестьянских окраин, продолжавших интенсивно расти [11].

С начала XX столетия и до середины 1920-х годов город не претерпел значительных изменений из-за социально-политической ситуации в стране. Пермь потеряла статус главного города региона, когда в рамках районирования Уральской области, которое проходило в 1923 году, столица области была перенесена в г. Свердловск. Но Пермь имела перспективы для расширения в силу наличия поблизости больших сырьевых запасов, источников энергии, а также промышленных предприятий и своего выгодного транзитного географического положения. Благодаря деятельности жилищных кооперативов, с 1924 по 1928 год объем жилой площади увеличился на 1333 кв. метра [3, с. 55], Пермь и Мотовилиху соединила магистральная дорога, а в 1927 году Пермь была слита с Мотовилихой в единый населенный пункт впервые (окончательно соединение произойдет только в 1938 г.).

Новым этапом в развитии Перми стало строительство района «Рабочий поселок», отличавшегося многоэтажными кирпичными кварталами с благоустройством [3, с. 58–59] в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Изменилась и структура города: она «...должна была состоять из четырех частей: земля, занятая непосредственно производственными строениями; территория, отведенная под жилье и строения культурно-социального назначения; зоны зеленых насаждений и, наконец, коммуникации и пути сообщения. Производственная зона находится в ведении промышленных предприятий и подчиняется исключительно требованиям развития заводской техники. Селитебная территория застраивается группами крупных домов, «объединенных в административно-хозяйственные единицы бытовые коммуны» [3, с. 60–61]. В конце 1920-х годов был разработан план «большой Перми», нацеленный на развитие соседствующих с Пермью населенных пунктов, шла работа по созданию проектов, направленных на слияние Перми с Мотовилихой.

В 1930-е годы в городе начался активный период строительства, связанный с реализацией планов по индустриализации страны. В Перми в этот период особенно активно росла южная часть города, где был заложен моторостроительный завод № 19. Он стал районообразующим предприятием, рядом с ним появились объекты социальной инфраструктуры и жилые дома. В этот период в архитектуре преобладал конструктивизм (характерными чертами которого являются рациональность, строгость и лаконичность форм, наличие больших площадей остекления, четкая геометрия во внешнем облике зданий), который проявлялся в виде зданий с простыми формами и минималистичным декором. Ключевыми зданиями этого периода были Дом Пермского горсовета [12], гостиница «Центральная» [13]. В 1930-е годы архитектура центра Перми подвергалась сильному влиянию советского конструктивизма и стала более функциональной и простой. Объем жилой застройки серьезно вырос: «в 1937 г. возведено 171, 7 тысячи квадратных метров жилья, а в 1938 г. — уже 185 тысяч

квадратных метров» [3, с. 67]. В 1938 году после образования самостоятельной Пермской области темпы застройки Перми значительно увеличились.

В 1940-е годы на ход и темпы застройки города повлияла эвакуация предприятий ВПК на Урал. Стиль конструктивизма был заменен на стиль сталинского неоклассицизма (сталинского ампира). Он характеризовался использованием монументальных форм [14] и декоративных элементов, таких как колонны, пилястры и фрески [15]. В районах города, выросших вокруг новых промышленных предприятий, строительство поселков осуществлялось в соответствии с генеральным планом: велась одно- и двухэтажная деревянная застройка.

Ближе к концу четвертого десятилетия XX века в строительстве стал преобладать камень. Объемы жилой застройки сильно сократились из-за ряда других проблем, тормозивших развитие города. А. С. Терехин выделял следующие: «Быстрый рост промышленного потенциала города выявил ряд диспропорций в его экономике — слабость энергетической базы, почти полное отсутствие легкой и пищевой промышленности, плохую организацию транспорта, нехватку мощностей водопровода, недостаток жилого фонда. В послевоенные годы градостроители стремились ликвидировать эти узкие места, мешавшие дальнейшему развитию города» [3, с. 73].

Ключевым зданием этого периода были Дом Ученых [16], Здание Главного управления МВД [17]. Комсомольский проспект был серьезно реконструирован, было создано несколько новых микрорайонов с инфраструктурой, старые кварталы были перестроены, появилась Комсомольская площадь, ставшая прекрасным местом отдыха горожан [18].

В 1950–1960-е годы в Перми началось активное строительство жилых домов и общественных зданий по типовым проектам, которые позволили переселить население из бараков. Застраиваются районы, соседствующие с центром города на западе и востоке, к примеру, Городские горки. В 1959 году проводится реконструкция театра Оперы и Балета. Реконструируется набережная города. С 1959 по 1965 год в Перми построено «более 2 миллионов кв.м жилья, 36 школ, 177 детских дошкольных учреждений, 3 гостиницы, 9 кинотеатров, театр кукол, хореографическое училище, художественная школа» [3, с. 84], а также мост через Каму, соединивший Пермь с отделенными рекой районами. В центре Перми начинает строиться парк-эспланада, рядом с которым позже впоследствии появятся Дом Советов [19], Драмтеатр [20] и другие здания.

В 1970–1980-е годы в Перми началось масштабное строительство высотных зданий и торговых центров. Было построено здание ЦНИИ [21], закончено строительство Дома Советов и Драмтеатра, велось строительство многоэтажных домов [22] на улице Коммунистической (ныне Петропавловская)

В 1990-е годы в Перми начался период постмодернизма, который проявился в виде зданий с яркой цветовой гаммой и необычными формами. Одним из наиболее заметных зданий того времени стала гостиница «Националь», которая была построена в 1998 году. Это здание стало символом новой России и отражало стремление к инновациям и современности.

В настоящее время в Перми продолжается активное строительство и реконструкция зданий. В городе появляются новые высотные здания и торговые центры, а также реконструируются старые. Стили, которые используются в настоящее время, включают в себя модерн, неоклассицизм и хай-тек.

Таким образом, визуальный облик центра Перми с XIX века по наши дни претерпел значительные изменения, но сохранил черты архитектуры прошлого, являясь тем самым отражением истории города, его культурного и экономического развития, что и отражается в фотографиях фондов архива. Через архитектуру и общий вид зданий можно проследить эволюцию Перми, ее стремление к прогрессу и современности. Каждый период в истории города оставил свой след в его облике, делая его уникальным и неповторимым. Современный центр города задает тренд окружающей застройки. Большинство современных объектов строятся по типу симбиоза, согласования с исторической застройкой [4. с. 193], что позволяет подчеркнуть красоту и исторической застройки, и современной. Сегодня центр города активно освежается, старые здания реставрируются, продолжается строительство новых высокоэтажных зданий. Центр города Перми показывает пример удачного совмещения исторической застройки с современной.

Материалы, отобранные для проведения данного исследования, благодаря своему многообразию и качеству, представляют высокую историческую ценность и научный потенциал для историков, изучающих город Пермь. Использование материалов МБУ «Архив города Перми» представляет возможности для проведения различных исследований истории Перми и Пермского края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пермь: 300-летия история в документах и лицах / под. ред. Г. А. Янковской. Пермь: МБУ «Архив города Перми», 2022. 240 с.
2. Терехин А. С. Жизнь и творчество архитектора И. И. Свиязева. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1970. 188 с.
3. Терехин А. С. Пермь. Очерк архитектуры. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1980. 120 с.
4. Сосновских Л. В., Чекмарева А. Н. Интеграция современной архитектуры в историческое ядро города Перми // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Строительство и архитектура. 2014. № 1. С. 162–173.
5. Подчерзевцев Е. В., Игашев, М. А., Блинов Е. И., Оголь А. Н. Как меняется город Пермь? / Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2016. Т. 1. С. 193–195.
6. Гаврилина Т. Л. Оболонкова М. А. Вклад иностранцев в культурную жизнь Пермской губернии в XIX в. // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. 2009. № 1(5). С. 38–41.
7. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 242. Л. 1.
8. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 1363. Л. 1.
9. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 1186. Л. 1.

10. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1020. Оп. 5. Д. 8. Л. 8.
11. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 4. Л. 1.
12. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1410. Оп. 2. Д. 292. Л. 1.
13. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1053. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.
14. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1020. Оп. 5. Д. 8. Л. 43.
15. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1053. Оп. 3. Д. 5. Л. 6.
16. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1020. Оп. 5. Д. 8. Л. 34.
17. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 8. Л. 89.
18. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Ф. 1410. Оп. 2. Д. 715. Л. 1.
19. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 1102. Л. 1.
20. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 1050. Л. 1.
21. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 1587–1588. Л. 1.
22. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Перми» (далее — МБУ АГП). Ф.1410. Оп.2. Д. 479. Л. 1.
23. МБУ АГП [Электронный ресурс]: 110 лет фотографу–любителю В. В. Реймерсу. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?mact=News, cntnt01, detail,0&cntnt01articleid=599&cntnt01returnid=15> (дата обращения: 12.09.2023)
24. МБУ АГП [Электронный ресурс]: Коллекция фотодокументов В. В. Реймерса, главного механика Пермского машиностроительного завода, фотографа–любителя. URL: <https://www.permarchive.ru/funds/index.php?act=fund&id=1410> (дата обращения: 11.09.2023)
25. МБУ АГП [Электронный ресурс]: 130 лет со дня рождения М. И. Кузнецова. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?mact=News, cntnt01, detail,0&cntnt01articleid=636&cntnt01returnid=15> (дата обращения: 12.09.2023).

Е.В. Чуйкина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

«ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД» ОТТО НИКОЛАЕВИЧА БАДЕРА

Аннотация. Рассматривается деятельность известного советского археолога О. Н. Бадера (1903–1979) во время его работы в Молотовском (Пермском) университете в 1946–1955 годы. Научный авторитет, организаторские способности и личные качества учёного позволили ввести в Молотовском университете специализацию по археологии. Системный подход к подготовке молодых специалистов: организация научного кружка, создание археологического музея, проведение конференций, публикация результатов полевых исследований – сформировал «пермскую археологическую школу». В 2023 году в ПГНИУ была передана научная библиотека О. Н. Бадера, проводится цикл мероприятий, приуроченных к 120-летию со дня его рождения.

Ключевые слова. О.Н. Бадер; Молотов; Камская археологическая экспедиция; археологическая школа.

E.V. CHUIKINA

Perm State University

“THE PERM PERIOD” BY OTTO BADER

Abstract. The article examines the activities of the famous Soviet archaeologist O.N. Bader (1903–1979) during his work at the Molotov (Perm) University in 1946–1955. Scientific authority, organizational skills and personal qualities of the scientist allowed to introduce a specialization in archaeology at Molotov University. A systematic approach to the training of young specialists, that is organization of a scientific circle, creation of an archaeological museum, conferences, publications of the results of field researches, formed the “Perm archaeological school”. In 2023 scientific library of Bader was transferred to the Perm State University and there is being held the series of events dedicated to the 120th anniversary of his birth.

Keywords. O.N. Bader; Molotov; Kama archaeological expedition; archaeological school.

В 2023 году отмечается 120-летие со дня рождения выдающегося археолога, педагога, организатора и популяризатора науки Отто Николаевича Бадера (29.06.1903–02.04.1979). Оказавшись на Урале не по своей воле, Отто Николаевич многое сделал для развития археологии в Прикамье. Его биография представлена в ряде научных публикаций, в том числе и на интернет-ресурсах [1].

Интерес к археологии у О. Н. Бадера проявился уже в юности. Он учился в Первом МГУ на археологическом отделении у профессора Б. С. Жукова и В. А. Городцова, был однокурсником многих ставших впоследствии известными археологов (А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Б. Н. Граков, П. А. Дмитриев, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, Д. А. Крайнов, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс и другие).

Уже в 1930-е годы О. Н. Бадер был сложившимся ученым, с богатейшим опытом полевых работ и преподавательской деятельности. Он работал в музейной сфере, в Институте и Музее Антропологии МГУ, а также в Московском отделении ГАИМК-ИИМК (Государственная академия истории материальной культуры — Институт истории материальной культуры) (ныне Институт археологии РАН). В 1937 году ему по совокупности работ было присвоено звание кандидата исторических наук. С именем Отто Николаевича связаны исследования многих археологических памятников ранних периодов на Волге, Оке, в Крыму, Чувашии и Приазовье. Особое место занимала его работа в Комиссии по истории Москвы и археологические исследования в Москве и Московской области.

В первые дни Великой Отечественной войны О. Н. Бадер в составе ополчения МГУ ушёл на фронт, но в конце 1941 года он, как этнический немец, был отозван с фронта и направлен в спецотряд трудармии под Нижним Тагилом. Там, по мере возможности, он продолжил заниматься исследовательской деятельностью, а в 1944 году стал штатным научным сотрудником Нижнетагильского музея.

В 1946 году тогдашним ректором Молотовского (Пермского) университета А. И. Букиревым Отто Николаевич был приглашен на должность доцента в МолГУ. Его «пермский период» продлился 10 лет — с 1946 по 1955 год О. Н. Бадер успешно совмещал полевые исследования, научную, педагогическую и просветительскую деятельность и оставил в научной и культурной среде Прикамья значительный след.

Прикамье к середине XX века уже не было «белям пятном» на карте археологических исследований. К тому времени были известны исследования В. Н. Берха, А. Е. и Ф. А. Теплоуховых, Н. Н. Новокрещенных, А. А. Спицына, П. И. Богословского и других. С 1920-х годов археологические исследования на Урале и в Прикамье проводили преимущественно столичные ученые — А. В. Шмидт, Н. А. Прокошев, А. В. Збруева, М. В. Талицкий и другие. Однако систематические археологические исследования в этом регионе, а главное — подготовка кадров пермских археологов, связаны с именем Отто Николаевича Бадера.

Благодаря опыту, личным качествам и целенаправленной работе ему за короткое время удалось создать в университете «пермскую археологическую школу». Методологические основы исследований научных школ в целом, предпосылки организации «пермской археологической школы» и ее основные признаки описаны в книге д. и. н., историографа уральской региональной археологии О. М. Мельниковой «Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера» (2003) [2]. В ней, а также во всех последующих своих публикациях Ольга Михайловна отмечает деятельность Бадера в его «пермский период» как значительный толчок в развитии археологии не только в Молотовском (Пермском) университете, но и в целом на Урале и Поволжье.

В первый же год работы О. Н. Бадера в МолГУ были организованы студенческий археологический кружок и кабинет археологии, которые стали базой для подготовки студентов-археологов. Тогда же в учебный план вуза введена специализация по археологии и Молотовский университет стал единственным провинциальным

университетом, где в те годы готовили археологов. А с учетом того, что в 1949 году Министерством высшего образования СССР было закрыто археологическое отделение в Ленинградском государственном университете, на какое-то время МГУ и МолГУ оставались единственными центрами подготовки археологов во всей стране. В качестве производственной практики студенты, специализировавшиеся по археологии, проводили самостоятельные археологические разведки и учились писать отчеты с фиксацией в них всех необходимых элементов (топографическая съемка выявленных памятников, описание территорий археологических объектов, зарисовка и описание вещевого материала).

По инициативе О. Н. Бадера было организовано и в апреле 1947 г. в Молотовском университете проведено Первое Уральское археологическое совещание, ставшее основой консолидации сил ученых-археологов учебных и научных центров Урала.

После окончания Великой Отечественной войны начиналось строительство Камской ГЭС, в зоне будущего водохранилища которой находилось большое количество неисследованных археологических памятников. О. Н. Бадер, в 1930-е годы работавший на строительстве канала Москва — Волга, понимал важность, значимость и трудности организации археологических исследований на таких масштабных новостройках. Созданная на базе Молотовского университета Камская археологическая экспедиция (КАЭ) была основным исполнителем масштабных археологических исследований в зоне затопления будущего «Камского моря» — водохранилища КамГЭС. Для работы в Прикамье привлекались и столичные археологи — как для выполнения полевых работ, так и для чтения лекций. А молодые пермские археологи уже со 2-3 курса становились руководителями экспедиционных отрядов, получая опыт и формируя навыки археологических исследований непосредственно в поле.

За пять лет — с 1947 по 1952 год — экспедиция выполнила более 50 разведочных маршрутов, в ходе которых выявлено более 300 новых памятников археологии, а площадь проведенных раскопок составила десятки тысяч квадратных метров. В результате полевых работ были собраны значительные археологические коллекции. Этот богатейший, при этом совершенно новый материал позволил поставить вопрос об открытии в университете археологического музея. Кроме того, значительная часть собранных КАЭ коллекций поступила в Молотовский областной краеведческий музей, что стало основанием для реэкспозиции отдела археологии музея. Археологический музей в университете, получивший название «Музей археологии Прикамья», открыл свою первую выставку 70 лет тому назад — 9 июня 1953 г. Официальное же открытие музея состоялось 9 июня 1954 г. [3].

Большое значение Отто Николаевич придавал публикации результатов проведенных исследований, а также популяризации археологического наследия. Ежегодно в центральных археологических журналах выходили его статьи о работе КАЭ, а результатам работы экспедиции были посвящены несколько выпусков «Ученых записок Молотовского университета». Специализирующиеся по археологии студенты также были активными авторами, их статьи печатались и в центральных

журналах. Сборник материалов с Первого Уральского совещания был востребован среди не только археологов, но и музейных работников, учителей и краеведов. Также была очень популярна книга О. Н. Бадера «Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. Пособие для начинающих археологов и краеведов», подготовленная в 1947 году, но вышедшая в печать лишь в 1950 году.

Все это позволило Молотову стать крупнейшим научным центром Урала. Многие из пермских учеников О. Н. Бадера, разъехавшись по стране и продолжая использовать воспитанные им преподавательские навыки, создали собственные школы, воспитали большое количество археологов, с большим теплом и признательностью вспоминали годы учебы в Молотовском университете и наставничество Бадера. Среди них В. Ф. Генинг (г. Свердловск, г. Киев), З. П. Соколова, В. А. Могильникова, Б. Г. Тихонов (г. Москва), Р. В. Чубарова (г. Санкт-Петербург), В. А. Оборин, В. П. Денисов, Ю. А. Поляков, А. Д. Вечтомов, И. С. Поносова и другие (г. Пермь), Н. А. Мажитов (г. Уфа), Г. И. Матвеева (Самара), Б. Х. Кадилов (г. Барнаул, г. Бийск), Э. М. Медникова (г. Челябинск, г. Барнаул) и другие.

В 1955 году О. Н. Бадер вернулся в Москву, в Институт археологии Академии наук. Однако, работая в Москве, он не прерывал связь с Пермским университетом, продолжал научные работы по первобытной истории Урала и Поволжья. Под научным руководством Бадера продолжили работу Камская, а затем и Воткинская археологические экспедиции; издавались их труды и обобщались материалы. В 1960–1970-е годы Отто Николаевич исследовал пещерные памятники Среднего и Южного Урала, среди которых наиболее известна Капова пещера (Шульган-Таш) в Башкирии. В 1964 году ему присуждена учёная степень доктора исторических наук на основании доклада «Древнейшая история Прикамья» (по опубликованным работам).

Камская археологическая экспедиция Пермского университета продолжает исследовательские традиции, заложенные О. Н. Бадером. Ежегодно проводятся разведки и раскопки, развиваются междисциплинарные исследования, публикуются статьи и издаются книги, проводятся выставки и конференции. С фондами кабинета археологии работают студенты пермских вузов, также приезжают археологи из других городов. В разных форматах продолжают работу студенческий археологический кружок и Музей археологии Прикамья.

В университете возобновлена специализированная подготовка археологов — в 2023 году состоялся первый выпуск магистратуры по программе «Теория и практика исторических и археологических исследований народов Прикамья и Предуралья». Уральское археологическое совещание регулярно проводится в разных археологических центрах Урала.

К сожалению, единого архива О. Н. Бадера не существует. Отдельные комплексы документов учёного хранятся в Перми в Государственном архиве Пермского края, Музее истории Пермского университета, кабинете археологии (КАЭ), в Москве в архиве Института археологии РАН и в семье ученого, а также во Владимирско-Суздальском музее-заповеднике и, очевидно, во многих других учреждениях страны.

В 2023 году КАЭ и Музей истории Пермского университета начали совместный проект по оцифровке писем 1947–1954 годов от разных корреспондентов О. Н. Бадеру и других документов из фондов музея. Конечно, отдельные письма уже опубликованы в статьях О. М. Мельниковой и Г. Н. Чагина, однако нам представляется важным расшифровка и подготовка к публикации всего комплекса писем. Зачастую в этих письмах мелкие детали или оговорки корреспондентов отражают атмосферу того времени, а также бытовые моменты жизни, которые не видны за стандартными фразами о выполненных работах в отчетах. Например, из писем становится видна организация и финансирование экспедиций в тяжелое послевоенное время — нехватка денег, продукты по карточкам и их отсутствие, хлеб пополам со щавелем, дорогие картошка и молоко в деревне, заказ книг, перепечатка текстов и пересылка чертежей и многое другое. В атмосфере тех лет особую ценность представляли человеческие качества. Несомненно, весь облик Отто Николаевича и его манеры внушали уважение, ему невольно следовали и, возможно, подражали. Его ученики вспоминают его белоснежный костюм (даже в экспедиции) и «живые карие глаза» (Г. И. Матвеева) [4, с. 8]. «О. Н. Бадера отличала своеобразная манера при разговоре склонять немного голову, как бы подчеркивая внимание к собеседнику, и очень яркая, удивительно точная и образная речь. Это был образец интеллигентности» (Р. Д. Голдина) [5, с. 19]. «Бадер был совершенно исключительным воспитателем. Именно воспитателем, старшим товарищем, интереснейшим собеседником и только потом — начальником экспедиции. На первый взгляд казалось, что никакого начальства нет. Что всё, включая раскопки, делается лишь по желанию каждого из нас. Бадер никогда не спорил. Он выслушивал человека до конца, выслушивал серьезно и озабоченно, а потом начинал задавать вопросы. В результате спорщик приходил к мысли, порой совершенно противоположной первоначальной, не догадываясь, что это и есть мнение Бадера. И торжествовал, что так легко ему удалось уговорить начальника экспедиции! Отто Николаевич учил нас не только археологии, но и вниманию к людям» (А. Л. Никитин) [6, с. 31].

В письмах коллег и даже друзей обращение к Бадеру в большинстве случаев «дорогой», «уважаемый», «глубокоуважаемый», что подчеркивает особое уважение и признание корреспондентов к нему. Многие, даже столичные коллеги, спрашивают у Отто Николаевича совета или помощи, искренне интересуются текущими делами и делятся своими переживаниями и проблемами.

Нам представляется, что обработка писем, направленных О. Н. Бадеру в Молотов, их обобщающий анализ и, в перспективе, публикация дадут новые импульсы для исследований.

Очевидно, что «пермский период» и в жизни самого О. Н. Бадера оставил глубокий след. Неслучайно он до конца жизни поддерживал тесные контакты с нашим университетом и неоднократно приезжал в Пермь. Особым подтверждением важности пермского периода в жизни ученого стоит считать то, что Отто Николаевич хотел, чтобы собранная им в течение всей жизни его научная библиотека была передана

в Пермский университет. Книги являются основой для любого научного исследования, тем более для докомпьютерного периода. Вопросами организации передачи библиотеки в Пермь после смерти О. Н. Бадера занимались его сын Николай Оттович и пермский археолог Андрей Федорович Мельничук. К сожалению, по разным причинам, оба не успели закончить начатое дело. Но именно в год 120-летия со дня рождения Отто Николаевича Бадера его библиотека наконец-то добралась до Перми. Переданный внуком ученого, Андреем Николаевичем Бадером, фонд насчитывает более 4 тыс. единиц изданий и включает в себя книги, журналы и оттиски статей на русском и иностранных языках. Большая часть изданий в библиотеке О. Н. Бадера имеет дарственные надписи авторов и автографы самого Бадера, что делает это книжное собрание источником для различного рода научных, библиографических и историографических исследований. После обработки полученной коллекции книжный фонд О. Н. Бадера будет доступен всем интересующимся в Научной библиотеке ПГНИУ.

В 2023 году Камская археологическая экспедиция проводит ряд мероприятий, посвященных юбилею Отто Николаевича Бадера. Основное событие — Всероссийская научно-практическая конференция «XVI Бадеровские чтения» (ноябрь).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадер Отто Николай // Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий / ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. С. 44–47; Бадер Отто Николаевич. URL: <https://открытаяархеология.pf/individuals/бадер-отто-николаевич>.
2. Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера. Ижевск: Типография Удмурт. гос. ун-та, 2003. 180 с.
3. Бадер О. Н. Музей археологии Прикамья при Пермском государственном университете // Ученые записки Пермского гос. ун-та. 1956. Т. 11, вып. 3 (Тр. Камской археол. экспедиции; вып. 2). С. 127–131.
4. Матвеева Г. И. Экспедиции в прошлое: записки археолога. Самара: Самарский региональный фонд «Полдень. XXII век», 1998. 160 с.
5. Голдина Р. Д. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 4. Ижевск: Ижевск. полиграф. комбинат, 2002. С. 19–20.
6. Никитин А. Л. Распахнутая земля, или Путь через лабиринт. М.: Дет. лит., 1973. 255 с.

Л.А. ОБУХОВ

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЕЙ (КАК ПЫТАЛИСЬ ОТМЕТИТЬ 30–ЛЕТИЕ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аннотация. Рассматривается попытка отметить 30–летие Пермского (Молотовского) университета в 1946 году. В основе публикации письмо руководства первого на Урале высшего учебного заведения в обком ВКП(б) с просьбой разрешить празднование юбилея, поскольку в университете сложилась традиция отмечать круглые даты со дня его основания. В письме перечислялись заслуги университета в подготовке специалистов, научные достижения. Ректор А. И. Букирев совместно с доцентом Ф. Е. Мельниковым подготовили доклад выступления для будущего торжественного заседания, который оказался не востребован – празднование не было разрешено. Переработанный и дополненный доклад опубликован в Ученых записках университета в 1947 году.

Ключевые слова. Пермский (Молотовский) университет, 30-летие университета, ректор А.И. Букирев, обком ВКП(б), «Ученые записки Пермского университета», доцент Ф.Е.Мельников.

L.A. OBUKHOV

Perm State University

THE FAILED ANNIVERSARY (HOW THEY TRIED TO CELEBRATE THE 30TH ANNIVERSARY OF PERM UNIVERSITY)

Abstract. An attempt to celebrate the 30th anniversary of Perm (Molotov) University in 1946 is considered. The university has a tradition of celebrating round dates since the foundation of the first higher educational institution in the Urals. The university administration appealed to the regional committee of the CPSU(b) with a request to allow the celebration of the 30th anniversary of the university. The letter listed the merits of the university in the training of specialists, scientific achievements. Rector A. I. Bukirev together with Associate Professor F. E. Melnikov prepared a report of the speech at the solemn meeting, which was not in demand – the celebration was not allowed. The revised and supplemented report was published in the Academic Notes of the University in 1947.

Keywords. Perm (Molotov) University, 30th anniversary of the University, Rector A. I. Bukirev, Regional Committee of the CPSU (b), "Proceedings of Perm University", F. E. Melnikov.

В Пермском университете сложилась традиция отмечать круглые даты со дня его основания. Отношение пермяков к своему университету, первому на Урале, всегда было крайне уважительным, они испытывали гордость за него. Это отразилось и в праздновании юбилейных (круглых) дат университета.

В первую годовщину открытия университета в 1917 году Совет Пермского университета, исходя из сложного положения в стране, решил отказаться от празднования, но в то же время высказался за проведение публичного заседания,

т.к. «невозможно совсем не отметить знаменательный день» [1, л. 35 об.]. Большое празднование предполагалось в апреле 1918 г., когда была намечена закладка здания самостоятельного Пермского университета. Как отметил в своем выступлении и.о. ректора К. Д. Покровский, «в настоящее время нельзя ликовать и праздновать беспечно, но нельзя и предаваться унынию» [1, л. 35 об.]. В местных газетах накануне были опубликованы объявления об открытом заседании Совета Пермского университета. Вход был свободный, и большой зал Кирилло-Мефодиевского училища не смог вместить всех желающих. На заседании Совета К. Д. Покровский выступил с отчетом о состоянии и деятельности Пермского отделения Петроградского университета за 1916/17 академический год. С приветственной речью на заседании выступили председатель губернской земской управы Н. Н. Горшков и городской голова А. Е. Ширяев, зачитавший приветствие от Н. В. Мешкова [1, л. 39]. Но и в апреле 1918 года празднование не состоялось, ситуация в стране не улучшилась.

1921 год. В стране страшный голод. В газетах на первом месте помощь голодающим, затем — сбор продналога. В этих непростых условиях отмечается пятилетний юбилей Пермского университета. В губернской газете «Звезда» объявление о годовщине университета было опубликовано только 12 октября [2]. Была избрана комиссия из профессоров по выработке программы торжества. Большую роль в организации празднования взял на себя культпросвет студентов. Торжественное заседание проходило в здании городского театра, это тоже становится традицией. Из официальных лиц на заседании выступили представитель губкома РКП(б) Козановский и от имени губернского отдела народного образования и Педагогического института заведующий губернским отделом народного образования В. В. Покровский [3].

Более торжественно отмечался 10-летний юбилей университета. Но к этому времени статус Перми понизился, из губернского города Пермь стала окружным центром в составе Уральской области. В день юбилея 14 октября большая часть номера окружной газеты «Звезда» была посвящена университету. Празднование было организовано силами университета при участии окружных органов власти. Область практически не участвовала. Отчасти это можно объяснить тем, что областное руководство поддерживало, прежде всего, Уральский университет, а ПГУ являлся его конкурентом. На торжественное заседание в городском театре было приглашено 800 человек, в том числе 250 мест выделено студентам. В Президиум собрания избрали Совет университета, а также партийных и советских работников округа: председателя окрисполкома В. А. Дрокина, секретаря окружкома ВКП(б) К. В. Рындина, окружного военного комиссара С. А. Окулова и др. Было оглашено 120 приветственных телеграмм, в том числе от зам. наркома просвещения РСФСР, Академии Наук, Ленинградского, Томского, Воронежского, Казанского и других университетов, от Уральского областного отдела народного образования, первого ректора К. Д. Покровского [4]. Вечером, по случаю юбилея, в городском театре, как и в день открытия университета в 1916 году, показали оперу П. И. Чайковского «Евгений Онегин» [5, л. 41].

Пятнадцатилетие университета не отмечалось. Это был период (конец 1930 — начало 1931 года) реорганизации высшей школы, ликвидации части университетов и перехода к системе отраслевых вузов. На несколько месяцев фактически прекратил свою деятельность и Пермский университет. Реорганизованные университеты возобновили свою работу только с осени 1931 года.

Особенно пышно и торжественно отмечалось 20-летие университета. Почетным председателем юбилейного комитета избрали наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова, председателем — В. Ф. Головина, председателя Свердловского облисполкома. Начиная с октября в «Звезде» регулярно публикуются статьи об университете, его достижениях в науке, работе кафедр и лабораторий. Торжественное заседание проходило в городском театре. Однако председатель юбилейной комиссии Н. Ф. Головин на торжества не приехал. Вместо него в президиум был избран зам. председателя облисполкома И. Хорош. Отлащены приветствия от секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова, председателя Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимова, председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР И. И. Межлаука, АН СССР, К. Д. Покровского и др. [6]. Следует отметить, что почти половина состава юбилейной комиссии были репрессированы в 1937–1938 годах, в том числе А. С. Бубнов и В. Ф. Головин.

25-летие университета в 1941 году не отмечалось по вполне понятным причинам: началась Великая Отечественная война.

В 1946 году исполнялось 30 лет с открытия ПГУ. 18 сентября 1946 г. руководство университета (ректор А. И. Букирев, проректор по научной работе профессор Р. В. Мерцлин и проректор по учебной работе профессор Г. А. Максимович) обратилось с письмом к секретарю Молотовского обкома ВКП(б) К. М. Хмелевскому с просьбой разрешить празднование 30-летия Молотовского университета «в целях привлечения внимания общественности к высшей школе и, в частности, к университетскому образованию» [7, л. 118]. Не совсем понятно, почему руководство университета обратилось с подобной просьбой столь поздно. Руководство мединститута, собираясь отметить свое 30-летие, обратилось в обком партии еще в конце февраля 1946 г.

В письме перечислялись заслуги университета как родоначальника целого ряда вузов, приводились имена преподавателей, ставших академиками, как АН СССР, так и членами Академии Наук союзных республик. Упомянуто и имя первого ректора университета, члена-корреспондента АН СССР К. Д. Покровского¹. Назывались фамилии бывших работников университета, в частности А. Б. Вериго, совершившего в 1935 г. полет в стратосферу, П. И. Преображенского, открывшего месторождение калийных солей и других крупных ученых. Среди выпускников университета, ставших известными учеными, был отмечен В. В. Парин², действительный член и академик-секретарь Академии медицинских наук СССР. Около 100 выпускников университета стали профессорами и доцентами, докторами и кандидатами наук.

Особо подчеркивался вклад научных работников и студенчества университета в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. В рядах Красной армии сражались

¹ Руководство университета не знало, что К. Д. Покровский был арестован в 1944 году по обвинению в измене Родине и умер в тюрьме. В последующих документах фамилия К. Д. Покровского уже не упоминается. Реабилитирован в 1993 году.

² В. В. Парин был арестован в феврале 1947 г. по обвинению в шпионаже и приговорен к 25 годам заключения. Освобожден в октябре 1953 г. Реабилитирован в 1955 году.

десятки доцентов и ассистентов, сотни студентов. Среди них защитник Сталинграда Герой Советского Союза Валерий Рылов. За годы Великой Отечественной войны в университете защищено 3 докторских и 11 кандидатских диссертаций, представлено к защите 2 докторских и 1 кандидатская диссертация.

В письме давалась краткая характеристика состояния университета в юбилейном году: состоит из 5 факультетов (химического, биологического, физико-математического, геолого-географического, историко-филологического), 100 профессоров и преподавателей. Перечислен ряд крупных ученых, работающих в университете, в частности зав. кафедрой новой истории член-корреспондент Академии Наук СССР А. В. Ефимов, зав. кафедрой петрографии проф. П. Н. Чирвинский, проф. Р. В. Мерцлин, зав. кафедрой гидробиологии проф. А. О. Таусон, зав. кафедрой зоологии беспозвоночных проф. Д. Е. Харитонов, зав. кафедрой динамической геологии и гидрогеологии проф. Г. А. Максимович. Особо подчеркивалось, что университет и его Исследовательский институт имеют международное имя, иностранный обмен его изданиями был первым из провинциальных вузов в СССР и составлял 400 советских и свыше 500 иностранных научных учреждений, а библиотека Естественно-научного института на 70% состоит из иностранной литературы. В университете обучается 882 студента, что составляет 90% предвоенного количества, преподавательский состав включает 13 профессоров, 7 докторов наук, 32 доцента и 26 кандидатов наук [8, л. 118–118 об.].

На письме стоит резолюция К. М. Хмелевского: «т. Федюнькину³ на заключение» [8, л. 118]. К сожалению, какое именно заключение дал Д. Ф. Федюнькин, выяснить не удалось, но, судя по дальнейшим событиям, в праздновании 30-летия университету было отказано.

Готовясь отметить 30-летие университета, ректор А. И. Букирев и зав. кафедрой истории народов СССР, доцент, кандидат исторических наук Ф. Е. Мельников подготовили доклад, с которым, вероятно, они должны были выступить на торжественном заседании. В докладе отмечались достижения университета в 1920–1931 годах: это было «время организационного укрепления и интенсивного роста научно-исследовательской деятельности...» [9, л. 11]. Признавалось, что «характерным для того периода являлась острая идейная борьба по коренным вопросам учебной и научной работы. Общественность университета проделала многое для вытеснения устарелых дореволюционных идеалистических установок и по консолидации профессорско-преподавательского состава на материалистических позициях» [9, л. 10–11]. Отмечались заслуги в научной деятельности таких выдающихся ученых, работавших в университете в 1920-е годы, как А. А. Савич, С. П. Обнорский, Д. А. Сабинин, В. В. Гиппиус, В. Н. Беклемишев, А. С. Безикович, В. В. Никитин. Любопытный подбор фамилий ученых: после жесткой критики и чистки среди профессуры Савич, Сабинин, Гиппиус и Беклемишев были вынуждены покинуть университет, А. С. Безикович уехал в 1920 году из Перми, а в 1924 году покинул страну, нелегально перейдя границу. В. В. Никитин был арестован в 1930 году

³ Д. Ф. Федюнькин — секретарь Молотовского обкома ВКП(б) по кадрам, окончил Молотовский университет, аспирантуру, работал в университете в 1941–1942 годах.

по обвинению в принадлежности к т.н. «Трудовой крестьянской партии» и более полугодом провел в тюрьме, но был оправдан. Лишь С. П. Обнорский ничем себя не запятнал с точки зрения советской власти, но он уехал из Перми в 1922 году. После чистки профессуры в 1930-е годы в университете почти не осталось таких ярких ученых.

В качестве примера в докладе упоминается торжественное празднование 20-летия университета в 1936 году. Говорилось о том, что несмотря на успехи, достигнутые к 1930 году, по «консолидации профессорско–преподавательского состава на материалистических позициях», тем не менее, в 1930-е годы «некоторые работники университета в своей учебной и научной работе упорно стояли на антимарксистских позициях, сознательно избегая печатать свои труды в советской печати, предпочитая заграничные журналы...» [9, л. 20].

Решительный поворот, по мнению авторов доклада, наметился в 1938 году после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», который характеризовался в партийной печати как «энциклопедия основных знаний в области марксизма-ленинизма» [10, с. 241]. В противодействии «антимарксистским позициям», по словам авторов доклада, «положительную роль» сыграл приглашенный в университет доцент К. С. Бочкарев, возглавивший кафедру марксизма-ленинизма. Отмечалось, что К. С. Бочкарев, работая ассистентом кафедры философии на рубеже 1920–1930-х годов активно участвовал в «борьбе с реакционной профессурой <...> и оказал помощь в выявлении реакционной сущности учения ряда профессоров» [11, л. 571 об.].

Авторы доклада считали, что к 1941 году университет вступил в полосу расцвета. В докладе, в отличие от письма в обком, приводились конкретные факты и цифры вклада научных работников и студентов в дело разгрома немецко–фашистских захватчиков. Обращалось внимание на то, что в первые дни войны 30 научных работников и более 400 студентов влились в ряды защитников родины. Особо отличились на фронте А. И. Букирев, П. К. Попов (бывший начальник военной кафедры), К. С. Бочкарев, К. И. Мочалов, П. Н. Бушуев, Ю. И. Корчемкин. Всего работники и студенты университета получили 26 боевых орденов и 86 медалей. Погибли в боях за родину доцент А. А. Генкель, бывший студент В. Рылов, В. В. Александров (зав. учебной частью), студенты А. Волков, Г. Калинин, А. Сбитнев и другие [9, л. 22–23].

В годы войны основное здание университета было передано наркомату угольной промышленности, поэтому пришлось свернуть деятельность части кафедр, лабораторий, музеев, не хватало аудиторий для занятий. Химические, физические и биологические кафедры выполняли работы, имеющие важное оборонное или хозяйственное значение, проводили консультации.

В докладе отмечалось, что в особенно трудных условиях оказался историко–филологический факультет, на котором работали, в основном, ученые, временно эвакуированные из Ленинграда (проф. Б. П. Городецкий, доц. Д. К. Мотольская, А. П. Пьянков и др.).

Профессора Р. В. Мерцлин и Д. М. Марко были награждены орденами Трудового Красного Знамени, свыше 100 человек научных работников награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В годы войны состоялось 4 выпуска — 473 специалиста⁴ [9, л. 27–28].

В тексте доклада А. И. Букирев и Ф. Е. Мельников выделяют четыре основных периода в истории университета: I. Война и революция; II. 1920–1930 гг.; III. 1931–1941; IV. Годы Великой Отечественной войны. За 30 лет своего существования университет дал стране 2713 специалистов, из которых более 100 стали профессорами, доцент, получили ученые степени доктора или кандидата наук. В числе крупных ученых названы фамилии выпускников университета В. В. Парина, Д. Е. Харитонов, П. А. Генкеля, И. П. Чукичева, В. И. Владимирова и др. [9, л. 28]. Перечислены фамилии видных государственных деятелей, окончивших в свое время университет: И. В. Садчиков — посол СССР в Иране, Г. Н. Белецкий — министр здравоохранения и депутат Верховного Совета РСФСР, Д. Ф. Федюнькин — секретарь Молотовского обкома ВКП(б), В. Ф. Тиунов — кандидат экономических наук, зам. председателя Молотовского облисполкома, Д. С. Лукьянов — секретарь Ошского обкома ВКП(б), Пономарев — работник ЦК ВЛКСМ [9, л. 29].

Несмотря на все усилия руководства, университета обком ВКП(б) не одобрил празднование 30-летия университета. Все «празднование» ограничилось публикацией сравнительно небольшой статьи «30-летие Молотовского государственного университета» в областной газете «Звезда» 13 октября 1946 г. В статье подчеркивалось, что именно из недр университета вышел целый ряд вузов, и он явился «подлинной кузницей кадров интеллигенции на Урале». Именно ученым университета принадлежит честь открытия месторождения нефти в Верхне-Чусовских городках и залежей калия в Соликамске.

Ботаники и почвоведы университета обследовали более 10 млн га земель Урала, Сибири, Башкирии. Гидробиологи занимаются изучением водоемов Молотовской области в целях разведения в них карпа. В университете действуют пять факультетов и стоит вопрос об открытии юридического факультета. Особо подчеркивалось, что Министерство высшего образования СССР предоставило Молотовскому университету, в числе восьми других университетов страны, право принимать кандидатские испытания и кандидатские диссертации у преподавателей педагогических и учительских институтов.

Переработанный и дополненный доклад А. И. Букирева и Ф. Е. Мельникова был опубликован в «Ученых записках» Молотовского университета в 1947 году. В статье дана краткая история открытия университета, перечислены фамилии ученых, командированных в Пермь в 1916–1917 годы, но уже не упоминается фамилия первого ректора К. Д. Покровского. Достаточно подробно характеризуется период 1920 годов, показана разнообразная научно-исследовательская деятельность в области гуманитарных, физико-математических, биологических наук, в геологии и химии. Также подробно рассказано о 1930-х годах, отмечено, что именно в это время в главе

⁴ В коллективном труде «Пермский университет. Первые сто лет» приводится иная цифра: 471 специалист. [12, с. 116.]

некоторых кафедр становятся люди, выросшие в стенах университета (Е. С. Данини, А. О. Таусон, Д. Е. Харитонов). Особое внимание уделено рассказу о биологических и геологических экспедициях. Более конкретно показана работа университета в годы войны. В заключении делается вывод: Молотовский университет стал очагом распространения высшего образования на Урале, создав для этого необходимую материальную базу и кадры специалистов [13, с. 3–23].

Попытку отметить свое 30-летие предпринял и медицинский институт. Ректор Молотовского государственного медицинского института П. П. Сумбаев и Ученый Совет института 26 февраля 1946 г. обратились с соответствующим письмом к секретарю обкома ВКП(б) Н. И. Гусарову⁵. В письме говорилось, что осенью 1941 г. облисполком разрешил празднование 25-летия мединститута и возбудил ходатайство перед Совнаркомом РСФСР и Наркомздравом РСФСР. Правительство республики поддержало ходатайство Молотовского облисполкома о проведении 25-летнего юбилея осенью 1941 г. Однако начавшаяся война не позволила отпраздновать юбилей [7, л. 49].

Зав. сектором кадров здравоохранения обкома ВКП(б) в ответе на новое обращение предлагал возбудить соответствующее ходатайство через наркомат здравоохранения РСФСР. Кроме того, в ответе на ходатайство однозначно утверждалось, что «30-летняя дата существования института не является юбилейной» [7, л. 48]. Скорее всего, именно на этом основании не разрешили отметить и 30-летие университета.

В 1946 году исполнилось 25 лет Молотовскому государственному педагогическому институту. Но и здесь все свелось лишь к юбилейному изданию «Ученых записок» [7, л. 87].

Единственным юбилеем, празднование которого в 1946 году поддержал обком партии, был юбилей Молотовского государственного театра оперы и балета. Секретарь обкома ВКП(б) К. М. Хмелевский направил письмо на имя зам. председателя Совета министров СССР К. Е. Ворошилова, в котором утверждалось, что в 1946 году театру исполняется 75 лет⁶.

В связи с этим обком ВКП(б) просил включить в пятилетний план строительство здания для театра и ассигновать в IV квартале 1946 г. на проведение празднования юбилея театра и премирование старейших и наиболее отличившихся работников 250 тыс. рублей [7, л. 131–132]. В 1946 году театр оперы и балета награжден орденом Трудового Красного Знамени. Пермский государственный университет награжден орденом Трудового Красного Знамени только в 1966 году, когда отмечался полувек юбилей вуза.

Ситуация после окончания войны не располагала к празднованиям юбилеев и круглых дат. Средства требовались, прежде всего, для восстановления народного хозяйства страны.

⁵ Н. И. Гусаров был первым секретарем обкома до апреля 1946 г. Его сменил К. М. Хмелевский.

⁶ Театр был открыт в 1870 году.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р180. Пермский государственный университет. Оп.1. Д. 72.
2. Звезда.1921. 12 октября.
3. Звезда. 1926. 18 октября.
4. Звезда. 1926. 16 октября.
5. ГАПК. Ф. р180. Пермский государственный университет. Оп. 12. Д. 152. Л. 41
6. Звезда. 1936. 24 октября.
7. Пермский государственный архив социально–политической истории (далее — ПермГАСПИ). Ф. 105. Пермский обком КПСС. Оп. 12. Д. 149.
9. ГАПК. Ф. р180. Пермский государственный университет. Оп. 12. Д. 234.
10. Советская историография. М.: Российск. гос. гуманит. ун–т. 1996.
11. ПермГАСПИ. Ф. 58. Пермская городская контрольная комиссия ВКП(б) — РКИ. Оп. 1. Д. 16.
12. Пермский университет. Первые сто лет. / Перм. гос. нац. исслед. ун–т. — Пермь, 2018. — Т. 1: Узлы университетской истории.
13. Букирев А. И., Мельников Ф. Е. 30 лет Молотовского государственного университета им. А. М. Горького // Ученые записки Молотовского государственного университета. Т. 5. Вып 2. Пермь, 1947. С. 3–23.

Е.Г. МАКСИМОВИЧ

Индивидуальный предприниматель

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ
ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ – ПРОФЕССОР ПЕРМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Г. А. МАКСИМОВИЧ:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ**

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся советскому ученому, профессору Пермского государственного университета, доктору геолого-минералогических наук, одному из ярких представителей геологической науки XX века Георгию Алексеевичу Максимовичу (1904–1979). Публикация разбита на три части. В первой дается характеристика его как исследователя, организатора науки, основателя научной школы карстоведения, заведующего кафедрой динамической геологии и гидрогеологии университета, которую Г.А. Максимович возглавлял до конца своей жизни. Во второй части публикуются материалы по становлению этой кафедры в 1930-е годы. Третья часть — это воспоминания дочери ученого, Е. Г. Максимович, рассказ о личностных качествах Георгия Алексеевича, его подходе к профессиональной деятельности, его семье, геологической династии Максимовичей.

Ключевые слова. Пермский государственный университет; Г.А. Максимович; карстоведение; спелеология; семья Максимовичей; династия геологов.

E.G. MAKSIMOVICH

Individual Entrepreneur

**OUTSTANDING REPRESENTATIVE OF SOVIET
GEOLOGICAL SCIENCE – PROFESSOR OF PERM STATE
UNIVERSITY G. A. MAKSIMOVICH:
PORTRAIT TOUCHES**

Abstract. The article is devoted to the outstanding Soviet scientist, Professor of Perm State University, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, one of the brightest representatives of the geological science of the XX century, Georgiy Alekseevich Maksimovich (1904-1979). The publication is divided into three parts. The first characterizes him as a researcher, organizer of science, founder of the scientific school of karstology, Head of the Department of Dynamic Geology and Hydrogeology of the University, which G.A. Maksimovich headed until the end of his life. In the second part, materials on the formation of this Department in the 1930s are published. The third part is the memoirs of the scientist's daughter, E.G. Maksimovich, a story about the personal qualities of Georgiy Alekseevich, about his approach to professional activity, about his family, about the geological Maksimovich dynasty.

Keywords. Perm State University; Georgiy A. Maksimovich; Karstology; Speleology; Maksimovich family; dynasty of geologists.

Основные вехи жизни и научной деятельности

Георгий Алексеевич Максимович — выдающийся советский геолог, карстовед, профессор Пермского государственного университета, доктор геолого-минералогических наук, один из ярких представителей геологической науки XX в. (рис. 1).

Рис. 1. Г. А. Максимович, 1964 г. [6]

Георгий Алексеевич родился 29 мая 1904 г. в Варшаве, тогда губернском городе России, в дворянской семье. Мать была высокообразованным человеком, работала библиотекарем и преподавала языки, отец был офицером царской армии, погиб в Первую мировую войну. В 1914 году семья переезжает в г. Днепропетровск.

В 1921–1929 годах Г.А. Максимович учился одновременно на двух отделениях горно-геологического факультета (горно-эксплуатационном и геологоразведочном) Днепропетровского горного института. Окончил его в 1926 году по горно-эксплуатационному отделению со званием горного инженера, а в 1929 году — по геологоразведочному отделению также со званием горного инженера.

В 1926–1934 годах работал в тресте «Грознефть» геологом и в Грозненском нефтяном институте в должности ассистента, а затем доцента.

В 1934 году он приезжает в Пермь и становится основателем и заведующим кафедрой динамической геологии и гидрогеологии Пермского государственного университета, которой руководит до конца своей жизни, а также заведующим кафедрой геологии Пермского педагогического института.

Ученый-энциклопедист, за 45 лет работы в университете (1934–1979) прочитал 19 различных курсов по многим разделам геологии, в том числе с 1947 года читал разработанный им новый (первый в СССР) курс «Карстоведение».

С 1930-х годов активно занимается проблемами карста, как с теоретической, так и практической точек зрения.

Работы Максимовича по месторождениям бокситов, фосфоритов, угля, торфа и других полезных ископаемых, связанных с карстом, послужили основой стратегии их поисков. Понимание сути карстовых процессов и связанных с ними провалов позволило оценивать и прогнозировать их на территории Пермской области и других регионов СССР. Георгий Алексеевич стал основателем пермской научной школы карстоведения, благодаря чему город Пермь получил международную известность как центр изучения карста.

В 1930–1940-е годы занимается детальным изучением Кунгурской ледяной пещеры. Сегодня там установлена мемориальная доска «Исследователи Ледяной пещеры» с его именем. В 2004 году именем Г.А. Максимовича назван рачок (троглобионтный бокоплав), обитающий в озерах Кунгурской ледяной пещеры.

В 1937 году Георгий Алексеевич принимает участие в XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве. В июле 1937 г. на пермской экскурсии выступает гидом и дает объяснения геологического строения по специально изученным обнажениям в г. Перми и по берегам р. Камы от Перми до Сарапула делегатам конгресса (в Пермь приехало 20 иностранных и 19 советских ученых).

С началом Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах принимает участие в поисках и открытии месторождений строительных материалов в Пермской области для предприятий оборонной промышленности и параллельно продолжает работу над докторской диссертацией, которую он защитил в 1944 году в Институте геологических наук Академии наук СССР в Москве. Официальными оппонентами выступили академики В.И. Вернадский (которого Г.А. Максимович считал своим учителем) и Ф.П. Саваренский. Диссертация получила высочайшую оценку.

В 1944–1946 годах работал проректором Пермского университета по научной работе, в 1946–1950 годах — проректором по учебной работе.

С 1945 года — действительный член, а с 1970 г. — почетный член Географического общества СССР.

Г.А. Максимович основал первое советское периодическое издание по карсту «Спелеологический бюллетень» (1947), в дальнейшем — «Пещеры» (с 1961 г.). С 1947 года он является инициатором и организатором проведения в Перми всесоюзных совещаний по карсту и спелеологии. В 1961 году благодаря его усилиям был основан первый в СССР специализированный Институт карстоведения и спелеологии, который объединил научных работников из 12 союзных республик. Его деятельность была широко известна в СССР и за рубежом. Знание 17 (!) иностранных языков позволяло Г.А. Максимовичу вести обширную международную переписку и обмен научными трудами со специалистами многих стран.

В 1960–1970 годах развивает учение о нефтегазоносных карстовых коллекторах, которое получило широкое практическое применение при поисках, разведке и разработке нефтяных месторождений, в том числе в Пермской области.

За научные труды Г.А. Максимович удостоен высоких наград — золотой медали им. Ф.П. Литке Географического общества СССР (1960) за труд «Химическая география вод Суши» и золотой медали и почетной грамоты VI Международного спелеологического конгресса в Чехословакии (1973) за фундаментальный двухтомный труд «Основы карстоведения» и «успехи в развитии мировой спелеологической науки».

За заслуги в развитии карстоведения и спелеологии именем Г.А. Максимовича названы несколько природных объектов в четырех странах мира: четыре пещеры — две на Урале и по одной в Украине и в Узбекистане, четыре грота — в пещерах Пермской и Архангельской областей, в пещере Мот Хоул в Западной Виргинии, США и галерея в пещере в Красноярском крае.

В 1995 году Пермский университет учреждает стипендию имени профессора Г. А. Максимовича для студентов геологического факультета.

В 1998 году Администрация Пермской области учреждает премию Пермской области имени Г.А. Максимовича (и почетный знак лауреата премии) за создание оригинальных научных трудов и разработок в области наук о Земле: геологии, географии, гидрогеологии, геофизики, карстоведения и горного дела.

В 2004 году на фасаде корпуса №2 Пермского университета установлена мемориальная доска в его честь.

Награжден орденом «Знак Почета» (1953), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина (1970) и «Ветеран труда» (1975).

Значение пермского ученого в мировой науке отмечено в фундаментальном издании «Энциклопедия спелеологии и карстоведения» под редакцией Дж. Ганна (Нью-Йорк, 2003), где среди девяти ученых разных стран мира, внесших наибольший вклад в изучение карста, Россия представлена только Г.А. Максимовичем [9, с. 381].

Г.А. Максимович является автором 544 научных трудов в области наук о Земле (среди них 13 книг), опубликованных в СССР, Австрии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Франции, ФРГ, Чехословакии и Югославии. Его творческое наследие огромно и многообразно: это работы по нефтяной геологии и гидрогеологии, гидрогеохимии и геоморфологии, карсту и спелеологии, сейсмологии и истории науки [6]. Многие из них характеризуются глобальным охватом проблемы и теоретической новизной, а введенные им понятия используются специалистами многих стран мира. Его научно-популярные книги выходили огромными тиражами не только на русском, но и на латышском, узбекском и киргизском языках.

Георгий Алексеевич вел большую общественную работу. Отметим лишь некоторые аспекты: член президиума Пермского областного отделения Всероссийского общества охраны природы (1958), член пленума и председатель Комитета геологических исследований Технико-экономического совета Западно-Уральского совнархоза (1960–1965), заместитель председателя Пермского областного комитета защиты мира (с 1962), председатель Комитета геологических проблем Пермского областного совета НТО (с 1966), член секции географии Научно-технического совета Министерства высшего образования СССР (1957–1960), заместитель председателя Карстовой комиссии научного совета по инженерной геологии и грунтоведению АН СССР (1972).

Используя свой авторитет, обосновывал и отстаивал необходимость строительства набережной в г. Перми после создания Воткинского водохранилища. Уделял большое внимание охране природы Пермской области. Им обоснована необходимость создания 25 особо охраняемых природных территорий, которые в дальнейшем были утверждены региональным правительством.

Проработав 49 лет в высшей школе (из них 45 лет — в Пермском университете), профессор Г.А. Максимович внес вклад в подготовку свыше 2500 дипломированных

специалистов — геологов, нефтяников, геоморфологов, гидрогеологов, инженер-геологов, среди которых 10 докторов наук и более 50 кандидатов наук.

Профессор Максимович — основатель кафедры динамической геологии

В апреле 1934 г. 29-летний доцент Грозненского нефтяного института Г.А. Максимович переезжает в Москву и устраивается на работу в производственный отдел Главалюминия Наркомтяжпрома СССР. Проработав там всего два месяца, он, являясь автором более 30 опубликованных работ, избирается по конкурсу профессором, заведующим вновь открываемой кафедрой динамической геологии (так кафедра называлась в 1934–1944 гг.) Пермского государственного университета (ПГУ). Вместе с матерью переезжает в г. Пермь и 15 августа приступает к своим служебным обязанностям. Одновременно в 1934/35 учебном году он по совместительству заведует кафедрой петрографии ПГУ и является заведующим кафедрой геологии Пермского педагогического института.

Как и многие сотрудники университета, Г.А. Максимович поселяется в двухэтажном деревянном доме на Заимке, стоявшем на улице II линия (сейчас ул. Букирева). В личном архиве семьи Максимовичей сохранились фотографии конца 1930-х годов, сделанные в квартире, где жил Г.А. Максимович с матерью, они публикуются впервые (рис. 2). В доме на Заимке он проживает в течение 20 лет вплоть до переезда в Дом ученых на Комсомольском проспекте в 1954 г.

Рис. 2. Конец 1930-х гг. Г.А. Максимович с матерью Ольгой Георгиевной (сидит, крайняя справа) и друзьями в квартире на Заимке.

В 1934 году кафедра динамической геологии находится в очень сложном положении. Г.А. Максимович — ее единственный сотрудник и «хозяин» трех пустых кабинетов. В 1936 году в юбилейном выпуске «Ученых записок» Пермского госуниверситета Георгий Алексеевич публикует краткую сводку по истории кафедры [1]: «Кафедра динамической геологии организована в сентябре 1934 года. Призванная обеспечивать ряд курсов: общую геологию, динамическую геологию, гидрогеологию, горно-разведочное дело и курс геологической карты, она в первую половину 1934/35 учебного года находилась в весьма тяжелом положении. Личный состав ее состоял из одного зав. кафедрой, Максимовича Г.А.,

оборудование отсутствовало, если не считать небольшого числа таблиц, переданных с кафедры исторической геологии.

С самого начала кафедра устанавливает связь с промышленностью. Руководитель кафедры по приглашению Прикамской нефтеразведки изучает Верхне-Чусовское нефтяное месторождение. Несмотря на длительный срок разработки месторождения, для него впервые устанавливается режим. Результаты докладываются на совещании нефтяных геологов в Москве в 1934 году. Вторая половина 1934/35 учебного года является переломной для кафедры. Поездка в Наркомпрос позволила на отпущенные средства приобрести оборудование для гидрогеологической лаборатории.

Смена руководства в университете резко изменила его положение и, в частности, кафедры динамической геологии. Отпущенные средства позволяют организовать библиотеку, оборудовать кафедру пособиями, мебелью. Штат кафедры пополняется ассистентом А.С. Кремляковой. Ведутся подготовительные работы к изучению нижнепалеозойских отложений восточного склона Уральского хребта и поискам новых месторождений боксита».

Георгий Алексеевич организует на кафедре кабинет динамической геологии и музей, лабораторию экспериментальной геологии и геоморфологии, лабораторию гидрогеологии, кабинет геологоразведочного дела. В течение 1935 г.

студенты и сотрудники кафедры собирают для музея коллекции: пермских отложений Башкирии и Свердловской области; девонских бокситов и нижнепалеозойских известняков восточного склона Урала; отложений окрестностей Перми. Для обеспечения курса общей геологии в Свердловской минералогической мастерской приобретается систематическая коллекция минералов и горных пород. В дальнейшем коллекция пополняется во время поездок сотрудников кафедры со студентами в различные районы Урала (Ильменский заповедник, р. Чусовая и др.). Кабинет геологоразведочного дела позднее отошел к кафедре поисков и разведки полезных ископаемых, которая выделилась из состава кафедры динамической геологии и гидрогеологии в 1951 г.

3 ноября 1935 г. в пермской газете «Звезда» Г.А. Максимович публикует статью «Новая кафедра динамической геологии» [2]. В ней воспроизводится фотография, на которой изображены

Рис. 3. Статья Г. А. Максимовича в газете «Звезда» от 3 ноября 1935 г. [2]

профессор Г.А. Максимович и ректор университета доцент Г.К. Русаков в лаборатории кафедры (рис. 3). Приведем полный текст этой статьи, которая является интересным историческим документом и не нуждается в комментариях. Оригинал газеты в настоящее время хранится в архиве семьи Максимовичей.

«В этом году в Пермском госуниверситете при геологическом факультете была создана новая научно-исследовательская единица — кафедра динамической геологии.

Несмотря на короткий срок своего существования, кафедра динамической геологии уже сейчас, при своем оборудовании, может вести не только учебную, но и научно-исследовательскую работу.

В текущем году кафедра обеспечивает проведение курсов общей и динамической геологии, гидрогеологии, разведочного дела и геологии нефти. И эти курсы будут проведены не только с мелом в руке. Есть возможность поставить ряд лабораторных работ. Изготовлен ряд таблиц, составлена небольшая библиотека в 500 томов, в которой представлена основная геологическая литература.

Кафедра уже в этом году обеспечивает руководство дипломными работами 14 студентов 5 курса и привлекает к научно-исследовательской работе студентов 2, 3 и 4 курсов.

Кафедра располагает гидрогеологической лабораторией, которая по своему оборудованию является одной из наиболее значительных гидрогеологических лабораторий вузов Урала.

Кроме того, кафедра динамической геологии обладает коллекциями, имеющими большое значение для работы со студентами. Так, имеется систематическая коллекция минералов и горных пород для обеспечения курса общей геологии, приобретенная в Свердловской минералогической мастерской, и коллекции, собранные в течение 1935 года студентами-дипломниками, студентами 3 курса и работниками кафедры. Среди них отметим коллекции пермских отложений Башкирии, Куйбышевского края и Свердловской области (собраны студентами тт. Седакиным, Балакиной, Тимаевой, Магаевым, Николаевым и др.); коллекцию девонских бокситов восточного склона Урала (собрана студентами тт. Показаньевым, Кульковым); коллекцию нижнепалеозойских известняков восточного склона Урала и коллекцию отложений окрестностей Перми.

Из научно-исследовательской работы кафедры необходимо отметить летнюю экспедиционную работу (в течение пяти месяцев) по изучению нижнепалеозойских известняков восточного склона Урала в пределах полосы от Невьянска до Верхотурья.

В результате работы по поискам месторождений бокситов (алюминиевая руда) были обнаружены четыре точки, две из которых после более детального изучения оказались крупным месторождением высококачественных бокситов (в настоящее время там начаты буровые работы).

Открытие этого месторождения, в связи со строительством глиноземного и электрокорундового заводов в Перми, приобретает особое значение.

В настоящее время кафедра работает над собранным в течение летнего времени материалом, который будет опубликован в «Ученых записках университета» в 1936 году.

К 7 ноября прошлого года кафедра имела только три пустых комнаты. Все оборудование приобретено менее чем за год, благодаря энергичному содействию директора университета тов. Г. К. Русакова.

Таким образом, кафедра динамической геологии, созданная между двумя годовщинами Октябрьской революции, является ценным вкладом Пермского университета в научно-исследовательские фонды Страны Советов.

Проф. Г.А. Максимович».

Из личных воспоминаний дочери Елены Георгиевны Максимович

Отец для своей научной работы выписывал много иностранной литературы. У него было три основных источника ее получения: обычная подписка, подписка через книжный отдел АН СССР по «докторскому валютному лимиту» и научный обмен.

По обычной подписке он выписывал журналы по различным вопросам геологии и географии из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии, Албании, США. Их количество доходило до 33 наименований в год (1962).

Некоторые журналы приходили с неразрезанными страницами. У отца были специальные деревянные ножи для разрезания страниц книг. Иногда он доверял это важное дело мне. Я, тогда шести-семилетний ребенок, гордилась такой интересной и ответственной работой. У отца было три таких ножа, один из них был из самшита, он привез его из поездки на отдых в Сочи. Но мне особенно нравился деревянный нож с вырезанным на одном конце изображением головы льва, я обычно пользовалась именно этим ножом. Эти два ножа до сих пор хранятся в нашей семье.

Как доктор наук отец имел право выписывать через книжный отдел АН СССР зарубежную научную литературу по «докторскому валютному лимиту», т.е. на строго лимитированную сумму в валюте и, конечно, на свои личные средства. Многие ученые не пользовались такой возможностью, но отец никогда не сэкономил на этом и выписывал не только периодические журналы, но и монографии по геологии, карсту и спелеологии из многих стран мира. Дома сохранилась его переписка с книжным отделом Академии наук СССР и почтовые карточки с подтверждением получения от него денег за покупку валюты, выделенной ему по «докторскому лимиту».

В нашем семейном архиве сохранилось несколько книг, которые отец получил по «докторскому валютному лимиту» из Великобритании, США, Швейцарии, Бельгии и даже ЮАР. Вот некоторые книги по спелеологии — British Caving, изданная в 1953 г. в Лондоне, Великобритания, Caves and Cave Diving — в 1956 г. в Лондоне, Великобритания, One Thousand Metres Down — в 1957 г. в Лондоне, Великобритания, Cango — в 1958 г. в Кейптауне, ЮАР, Exploring American Caves — в 1956 г. в Нью-Йорке, США, Celebrated American Caves — в 1955 г. в Нью-Брансуике, США (рис. 4).

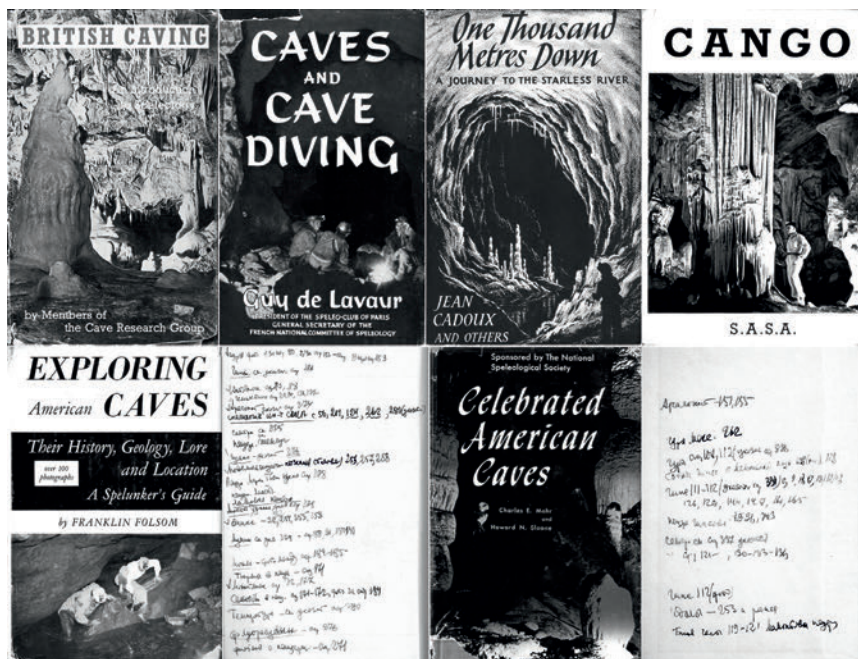

Рис. 4. Книги, полученные Г. А. Максимовичем по «докторскому валютному лимиту» из Великобритании, ЮАР и США.

На обложке или титуле книги отец всегда ставил свою подпись, таким образом книга становилась частью его личной библиотеки. Затем он заносил ее название в особую тетрадь, он вел список всех полученных им изданий — книг и журналов, с датой и источником их получения. И только после этого тщательно прорабатывал книгу и оставлял пометки на обороте обложки, на авантитуле, на обороте титула, в тексте (см. рис. 4). Делал он это чаще всего ручкой с черными чернилами. Мне было очень жалко книги, я не понимала, почему отец так черкался в них, мне казалось, что он их портил.

Потом он заводил библиотечные карточки, по несколько на одну книгу, в зависимости от интересующих его тем. Карточки раскладывал в библиотечные картотечные ящики, которые стояли у нас дома в его кабинете. К этим карточкам он обращался, когда писал обзорные статьи по разным темам или монографии.

Меня всегда поражало, как отец вел переписку с коллегами, аспирантами, учениками. На полученном письме он всегда делал пометку — «пол.», значит, получено, и ставил дату. На этом же письме он делал пометку — «отв.», значит, что он ответил на это письмо, и ставил дату, затем он прикреплял к полученному письму копию своего ответа, написанного от руки. Потом он скреплял конверт от полученного письма, само письмо и копию ответа скрепкой, и все отправлялось в архив. Мне теперь кажется, что это было прообразом

оборота электронных писем, и иногда мне становится грустно, что отец не жил в эпоху компьютеров, это бы очень облегчило ему жизнь.

Архивы отец собирал по годам в большие папки. В этих папках лежали документы за весь год — копии его статей, переписка, приказы по университету и многое другое. С годами архивы разрастались, и отец заказывал все новые шкафы для их хранения и хранения книг и периодических журналов, которые он выписывал в огромном количестве. Шкафы с книгами стояли у нас в прихожей, по периметру и в центре кабинета, книги хранились в стальных шкафах в коридоре, и даже на кухне. Так как квартира была большая, это не причиняло никому каких-либо неудобств.

Он был прекрасным семьянином и хорошим отцом. Из любой поездки привозил всем подарки, в том числе теще и тестю. Нам с братом привозил значки и открытки для наших коллекций. Отец учил меня играть в шахматы, играл со мной без ферзя, поддавался. Еще учил меня собирать марки, рассказывал об их ценности, о том, как сверять марки с каталогом и аккуратно, с помощью пинцета, раскладывать их по темам в альбомы. Он учил нас с братом пользоваться справочной литературой, искать незнакомые слова в словарях русского языка, словарях иностранных слов, в Большой советской энциклопедии. Эти навыки пригодились потом нам с братом в жизни.

Отец не жалел денег на семейный отдых. С раннего детства каждый год мы выезжали с родителями на отдых в Адлер, в Крым, на Рижское взморье, в Палангу и проводили там по два месяца, такой большой отпуск был у преподавателей. Есть много фотографий, где мы с братом и родителями на отдыхе. Впервые родители повезли меня в Крым, когда мне было четыре года.

Когда мне было пять лет, отец поехал в командировку в Чехословакию для чтения лекций и проведения консультаций по карсту по приглашению чехословацкого правительства. Оттуда он привез мне небесно-голубое капроновое платье с оборочками, с рукавами фонариками, да еще и с комбинацией, как у взрослых дам. А брату, ему было четыре года, привез коричневый пиджак, фасон был, как у взрослого кавалера. В пиджаке брат ходил на маленького взрослого, ведь дети в то время не носили пиджаки. В обновках мы поехали в Адлер, мы часто там отдыхали летом (рис. 5). Это платье до сих пор хранится у меня дома.

*Рис. 5. Георгий Алексеевич на отдыхе с детьми в Адлере, 1959 г.
и на отдыхе с дочерью в Паланге, Литва, 1972 г.*

Всей семьей мы отдыхали в Паланге. На фотографии (см. рис. 5) мы с отцом стоим на берегу Балтийского моря. Я как сейчас помню этот день. Август 1972 г., было прохладно, дул сильный ветер и темно-серый болоньевый плащ отца надулся как шар. На голове у него был серый берет, он любил носить береты.

Отец старался сделать жизнь домочадцев удобней и интересней. Покупал самую современную бытовую, в том числе кухонную, технику. Удивительным в этом было то, что он отслеживал все новинки, и они часто появлялись в доме уже спустя два месяца после их выпуска. Так, в 1956 году он покупает радиоприемник «ВЭФ-Аккорд» и универсальный электропроигрыватель «УП-1», в 1960 г. — магнитофон «Астра». Радиоприемник и электропроигрыватель до 2023 г. находились в нашей семье.

На свои юбилеи, 60- и 70-летие, отец получал множество поздравлений — юбилейных адресов, телеграмм, открыток и писем. Они приходили из многих городов РСФСР, союзных республик и из-за рубежа. Дарили и памятные подарки, конечно, они были связаны с его деятельностью, чаще всего это были изделия из горных пород и минералов с гравировкой (рис. 6). Эти поздравления и многие подарки до сих пор хранятся в нашей семье. Отец всегда был очень педантичен, подсчитывал количество поздравлений по странам, республикам и городам, а я составляла для него список подарков, где было описание подарка с указанием, когда и от кого он был получен. Например, на 70-летие отцу пришли поздравления из 109 городов 15 союзных республик. Среди поздравляющих были 21 академик, 163 доктора наук и 275 кандидатов наук. Педантизм отца, как качество личности, передался «по наследству» и мне, и моему сыну.

Рис. 6. Подарки Г. А. Максимовичу на 70-летие от коллег и учеников.

Масштаб личности отца, его всепоглощающая вовлеченность в профессию, оказали влияние на нас с братом, мы выросли в геологической атмосфере. Мама, Клара Андреевна Горбунова, была с отцом на одной волне. Она была доцентом Пермского государственного университета, известным ученым, геологом-карстоведом, кандидатом геолого-минералогических наук, автором монографий по гипсовому карсту.

Я окончила геологический факультет Пермского государственного университета, во время учебы вышла замуж, родился сын. Муж был геофизиком, в дальнейшем он трагически погиб. После окончания вуза я работала в «ПермНИПИнефти», затем училась в аспирантуре на кафедре геологии и геохимии горючих ископаемых

геологического факультета Московского государственного университета у известного ученого, член-корреспондента АН СССР Николая Брониславовича Вассоевича, защитила диссертацию, являюсь кандидатом геолого-минералогических наук. Работала в тресте «Пермнефтегеофизика», затем переводчиком с английского языка, потом в кардиохирургии, личным помощником, референтом-переводчиком у кардиохирурга, профессора С.Г. Суханова с кардиобригадами из Израиля и США [8, с. 118–120, 232], затем работала с английскими и американскими спелеодайверами в Ординской пещере [3, 4, 10], написала книги — об Ординской подводной пещере [7] и о родителях в серии «Ученые Пермского университета» [5, 6], последние десятилетия работала в ресторанном бизнесе.

Брат, Николай Георгиевич, окончил геологический факультет, затем аспирантуру на кафедре инженерной геологии и охраны окружающей среды геологического факультета Московского государственного университета, кандидат геолого-минералогических наук. В настоящее время — заместитель по научной работе директора Естественнонаучного института Пермского государственного национального исследовательского университета, главный редактор сборника «Пещеры», основанного нашим отцом, автор нескольких монографий по карсту, в том числе двух зарубежных. Имеет звание «Заслуженный эколог Российской Федерации».

Мой сын — бизнесмен. Когда умер отец, моему сыну было четыре года, а внук совсем не знал прадедушку. Когда внуку было семь лет, я выпустила маленькую книжечку об отце, с иллюстрациями и самыми интересными для ребенка фактами его биографии. Так он впервые узнал о своем выдающемся прадедушке. Внук — тоже Георгий Максимович — в августе этого, 2023 г., поступил на горно-нефтяной факультет Пермского национального исследовательского политехнического университета. Скорее всего, он станет горным инженером. В этом звании начинал свою трудовую деятельность мой отец. Все возвращается на круги своя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимович Г. А. Кафедра динамической геологии // Ученые записки Пермского университета. Юбилейный выпуск (Внеочередной). 1936. С. 69–70.
2. Максимович Г. А. Новая кафедра динамической геологии // Звезда (Пермь). 1935. 3 ноября.
3. Максимович Е. Г. Пермская экспедиция британских спелеодайверов // Горное эхо: Вестник Горного института. 2006. № 1 (23), январь–март. С. 39–42.
4. Максимович Е. Г. Пермская экспедиция британских спелеологов // Спелеологический журнал Ассоциации Спелеологов Урала. 2006. № 1 (01). С. 17–20.
5. Максимович Е. Г., Максимович Н. Г. Геолог-карстовед К. А. Горбунова (1925–1996). Пермь: Курсив, 2002. 240 с.
6. Максимович Е. Г., Максимович Н. Г., Катаев В. Н. Георгий Алексеевич Максимович. Пермь: Курсив, 2004. 512 с.
7. Максимович Н. Г., Максимович Е. Г., Лавров И. А. Ординская пещера. Длиннейшая подводная пещера России. Пермь: Книжный мир, 2006. 64 с.
8. Сергей Суханов. Портрет интеллекта / сост. В. Л. Радзиевский. СПб.: Людовик, 2019. 232 с.
9. Encyclopedia of Caves and Karst Science / ed. by John Gunn. New York: Routledge, 2003. 928 p.
10. Lavrov I., Maximovich E., Maximovich N. Ordinskaya Cave — the Longest Underwater Cave in Russia // Water Resources and Environmental Problems in Karst // Proceedings of the International conference and field seminars. Belgrade, 2005. P. 771–776.

Г.И. ЖАВОРОНКОВА

*Научная библиотека,
Пермский государственный аграрно-технологический университет*

АГРОХИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена деятельности Д. Н. Прянишникова и его учеников, приехавших в г. Пермь, по созданию одной из первых в стране кафедр агрохимии в Пермском университете. Она до 1928 г. была единственной кафедрой такой специализации в вузах страны. Отмечается, что ученые Пермского сельскохозяйственного института не только занимались педагогической работой, но и участвовали в изучении края, в масштабных проектах страны, вели большую научную работу, сотрудничая с ведущими научными институтами. Также отмечается создание пермской агрохимической школы.

Ключевые слова. Д. Н. Прянишников; В. Н. Варгин; А. Ф. Тюлин; А. Е. Возбуждая; М. П. Петухов; Пермская агрохимическая школа; Географическая опытная сеть СССР .

G.I. ZHAVORONKOVA

*Scientific Library,
Perm State Agro-Technical University*

AGROCHEMICAL SCIENCE DEVELOPMENT IN THE PERM REGION

Abstract. With the participation of D. N. Pryanishnikov and his students a department of agrochemistry and then the Perm agrochemical school were created. Until 1928, this department at Perm University was the unique in the country. Scientists of the Perm Agricultural Institute were not only engaged in pedagogical work, but also participated in the study of the region, in large-scale projects of the country, carried out a lot of scientific work, collaborating with leading scientific institutions.

Keywords. D. N. Pryanishnikov; V. N. Vargin; A. F. Tyulin; A. E. Vozbutskaya; V. N. Prokoshev; M. P. Petukhov; A. S. Piskunov; Perm agrochemical school; Geographic experimental network of the USSR.

Дмитрий Николаевич Прянишников (1865–1948) — основоположник русской агрохимической школы, биохимик, физиолог растений. Ученик и приемник К. А. Тимирязева. Климент Аркадьевич Тимирязев (1843–1920) — один из основоположников русской школы физиологии растений, член-корреспондент Петербургской АН с 1890 года; профессор Московского университета. Д. Н. Прянишников — выпускник Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии («Тимирязевки»), успешно прошел стажировку за границей. Вернувшись в 1894 году, он был в растерянности: закрыта кафедра агрохимии; предметы физиология растений и агрохимическая химия исключены из учебного процесса. Вместо родной академии — Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ). По настоянию К. А. Тимирязева возглавил кафедру частного

земледелия, на которой стал читать курс по удобрениям (агрономической химии). Дмитрий Николаевич был одним из первых, кто разработал методику опытного дела. Вегетационный домик, подаренный К. А. Тимирязевым, позволил Д. Н. Прянишникову внедрить в учебный процесс проведение студентами научного опыта с растениями. Ему удалось сделать это начинание постоянной и обязательной практикой. Практики были длительными. Считалось, что прошедшие её у Д. Н. Прянишникова могут вести самостоятельно научную работу. Д. Н. Прянишников вел курс агрохимии по собственной инициативе 33 года до 1928 года, затем официально. Соответствующие кадры с агрохимическим уклоном готовились, по-видимому, на кафедрах и в лабораториях Д. Н. Прянишникова в МСХИ и МГУ (Московский Государственный Университет). В новых созданных при его участии институтах: НИУ — Институт удобрений (1919–1948), он был преобразован в НИУИФ — Институт удобрений и инсектофунгицидов. Позднее, в 1931 году, создан ВИУиА, преобразованный в ВИУАА — Всесоюзный институт по удобрениям, агропочвоведению и агротехнике (1931–1948), вновь преобразованный во ВНИИ удобрений и агропочвоведения системы ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, главного научного органа страны. Сейчас он, как ВИУ, носит имя Д. Н. Прянишникова. Почвенный институт образован в 1927 году Д. Н. Прянишников возглавлял в нём отдел агрохимии. Институт принял участие в исследованиях почв под зерносовхозы Пермского региона. С этим институтом много лет сотрудничали кафедра почвоведения агрофака и профессор В. В. Никитин.

С первых лет советской власти активно стал вестись поиск агрономических руд, шло создание химической промышленности, составлялись пятилетние планы. К этим государственным задачам был подключен Д. Н. Прянишников. Пермская губерния интересовала ученого: здесь его сокурсником В. Н. Варгиным было проделано много опытов в крестьянских единоличных хозяйствах по научным методикам. Губернские специалисты пытались улучшить систему сельского хозяйства. Первый (В. А. Владимирский), второй губернский агроном (В. Н. Варгин) тоже учились в Петровско-Разумовской академии и стремились применить свои знания. Варгин разработал систему опытных полей и станций в Пермской губернии: с 1913 года начинает работать центральная сельскохозяйственная опытная станция (Пермская, Приуральская). В 1916 году образованы Шадринское и Камышловское опытные поля (Зауралье). Начата организация Оханского (Менделеевского) опытного поля, которое стало работать с 1922 года. Начата организация Чердынского опытного поля. Со второй половины 1920-х годов появились Соликамское опытное поле и Соликамская опытная станция. Стали закладываться многолетние опыты. На данные по Пермской губернии Д. Н. Прянишников ссылался, например, в учебных изданиях по удобрениям, в первых изданиях учебника «Агрохимия», работая в государственных комиссиях.

С 1923 года окончательно оформился агрономический факультет Пермского университета. В. Н. Варгин в 1920–1921 годах стал первым профессором этого факультета. Он возглавил кафедру организации хозяйств, где использовались знания по удобрениям, планировалось их применение в севооборотах.

После окончания Гражданской войны станция и опытные поля были восстановлены и продолжили научную работу. Научные публикации В. Н. Варгина были востребованы и использовались в Сибири и Зауралье.

В 1924 году гостями агрономического факультета стали Дмитрий Николаевич Прянишников и его сын — Николай Дмитриевич, молодой ученый-агрохимик. Известно, что они были гостями агрофака, две недели жили на Липовой горе. Сохранилась фотография, сделанная в 1924 году у домика А. А. Хребтова (ул. Сибирская). Другая фотография сделана у стен Пермской областной сельскохозяйственной опытной станции — ПОСХОС (ул. М. Ямская, 10). На этом фото рядом с Д. Н. Прянишниковым сотрудники станции и преподаватели агрофака, в том числе и В. Н. Варгин, который вёл консультационную и научную работу на станции до 1932 г.

Ученик Д. Н. Прянишников, аспирант и сотрудник НИУ, А. Ф. Тюлин в 1925 году поступает на работу на агрофак Пермского университета. Благодаря рекомендации Д. Н. Прянишников А. Ф. Тюлин выдвигается на должность профессора по агрономической химии. Химическая комиссия университета поддержала предложение агрофака с условием образования кафедры [1, л. 7]. В Пермском университете на агрономическом факультете была создана кафедра агрохимии. На ПОСХОС был образован агрохимический отдел, который возглавил А. Ф. Тюлин. Он широко использовал возможности станции и ее лаборатории для обучения студентов, по примеру Д. Н. Прянишников ввёл опытное дело в вегетационном домике. А. Ф. Тюлин разработал ряд методов агрохимических исследований. На станции проводились опыты с удобрениями не только вятских фосфоритов, но и открытых месторождений калийных солей г. Соликамска, агрохимический отдел проводил массу опытов параллельно с Московской лабораторией Прянишников. Закладывались опыты в опытном хозяйстве агрофака «Липовая Гора».

Работа кафедры агрохимии в городе Перми явилась хорошим примером в подготовке кадров. Это позволило распространить опыт в вузах страны. «В 1928 г. Главпрофобр издал постановление об открытии кафедр агрохимии во всех сельскохозяйственных вузах», — писал академик А. В. Соколов в 1939 г. [2, с. 16]. А. В. Соколов — выпускник МСХИ, заведующий лабораторией фосфора НИУИФ.

А. Ф. Тюлин был деканом агрофака с 1926 по 1928 год. На этом поприще одной из задач, которую поставил перед собой ученый, было поднять качество преподавания. Связи с Д. Н. Прянишниковым не прерывались. Есть указания на то, что Прянишников был в Перми и в 1925, 1926 годах. Он очень много ездил по стране, сам знакомился с работой опытных учреждений. В 1933 году в г. Свердловске проходила сессия АН СССР. Химическую секцию вел Д. Н. Прянишников. В Свердловск он приехал из Соликамска, где побывал на шахтах калийного рудника и на Соликамском опытном поле. Сотрудники кафедры агрохимии не упустили случая увидеться с Д. Н. Прянишниковым. В поезде от Соликамска до Свердловска прошёл целый семинар по агрохимии. Дмитрий Николаевич уделил ученым агрофака много времени.

Качество преподавания на кафедре было высоким. Свидетельство 1934 года: «Выпускники-агрохимики показали, что со своей работой они справились: их дипломные работы <...> могут быть в полной мере использованы в качестве руководства к действию тех хозяйств, для которых были составлены системы удобрений. Отдельные работы заслуживают особого внимания... — по своему значению эти работы выходят далеко за пределы отдельных хозяйств и могут послужить материалом для построения системы удобрений в целых регионах, близких по условиям к описанному хозяйству». В литературе «...ведется пока только общие разговоры и делаются первые попытки» составления систем удобрений, «...нет достаточно материалов, опытных и производственных, для обоснования отдельных мероприятий...» [3, с. 2]. Автор строк А. Е. Возбуцкая — ученица Д. Н. Прянишникова, работавшая в лаборатории великого ученого. Она приехала в г. Пермь в 1925 г. и стала незаменимым помощником на кафедре и на станции. А. Е. Возбуцкая приняла участие в масштабных исследованиях почв Предуралья; возглавляла проведение химических анализов по трём почвенным отрядам. В 1936 году ею был написан учебник «Химия почв».

Этот учебник переиздавался; в 1968 году вышло 3-е издание под редакцией профессора Д. Л. Аскинази, исправленное и дополненное. Д. Л. Аскинази — советский учёный-исследователь, способствовал развитию учения о свойствах почв в связи с питанием растений и применением удобрений. А. Е. Возбуцкая тогда уже преподавала в Омском институте. В списке литературы указаны научные работы А. Ф. Тюлина 1935, 1950, 1952, 1958 годов (в издании 1936 г — работы «пермского» периода), В. Н. Прокошева (кафедра растениеводства), Г. А. Маландина (кафедра почвоведения), Л. С. Литвинова, А. Г. Гебгардт (кафедра физиологии растений), — работавших на агрономическом факультете.

Станция стала работать по программе А. Ф. Тюлина, Н. Г. Кудрявцева (возглавлял после Варгина опытную станцию, преподаватель агрофака), В. Н. Варгина по калийным удобрениям — по карналитам и сильвинитам соликамского месторождения. Изучением соликамских калийных солей в вегетационных опытах занималась А. Е. Возбуцкая, О. Н. Мерзлякова и другие [4, с. VI]. А. Ф. Тюлин предпринимал деловые поездки для развертывания работ в опытных учреждениях. Так, в личном деле мы находим удостоверение от 02.08.1926 г. по поводу поездки в Троицк, Шадринск, Камышлов [1, л. 29].

Д. Н. Прянишников совместно с А. Н. Лебеяднцевым организовал проведение географической сети опытов в стране с минеральными удобрениями в 1926 году. По своим масштабам и результатам эта работа была беспрецедентной... А. В. Соколов писал: «Территория Советского Союза, еще недавно представлявшая белое пятно в отношении исследованности эффективности удобрений теперь, благодаря работе НИУ и ВИУАА <...> стала агрохимически сравнительно изученной частью земного шара» [2]. Были использованы данные по Камышловскому, Соликамскому, Менделеевскому опытным полям Приуральской станции.

В. Н. Прокошев, проректор института по науке, в 1964 году писал, что Д. Н. Прянишников «с большим интересом воспринял первые опыты Менделеевского опытного поля. Они открывали основное направление в исследовательской работе и практических мероприятиях по подъему урожайности» [5].

Профессор М. П. Петухов в 1976 году, занимаясь историей кафедры агрохимии, подтвердил: «Многолетние опыты Менделеевского опытного поля по известкованию могут быть названы классическими... Также классическими могут быть названы долголетние опыты с удобрениями (главным образом калийными), проводимые Соликамской опытной станцией..., на легких (песчаных и супесчаных) почвах Предуралья» [6, с. 22]. В 1932 году сотрудники НИУ в летний сезон приезжали в г. Пермь для координации совместных работ. А. Е. Возбуцкая впервые на Урале изучала применение удобрений под картофель, овощные культуры. Изучалось поверхностное удобрение клеверов суперфосфатом и селенитом.

По заданиям НИУА сотрудниками кафедры агрохимии, после отъезда А. Ф. Тюлина в 1932 году (он возглавил лабораторию коллоидной химии в НИУА), выполнялись работы в 1930-е, 1960–1990-е годы.

В 1964–1967 годах кафедра участвовала в проведении 4-летнего географического опыта. В 1967–1968 годах проведены специальные многофакторные опыты с удобрениями. В 1970-е годы В. Н. Прокошев был руководителем опытов географической сети СССР по Уральскому региону. Эстафету принял профессор А. С. Пискунов. Его исследования печатались в трудах ВИУА в 1972, 1975, 1976, 1977 годах. Он представлял наш регион на конференциях в Москве и в других городах. В 1980–1990-е годы кафедра работала по хозяйственным темам.

В. Н. Прокошев окончил агрофак ПГУ в 1925 году. Любимый ученик В. Н. Варгина. В 1928 году возглавил Соликамскую опытную станцию, научное руководство которой осуществлялось лабораторией и отделом Д. Н. Прянишникова. В 1945 году возглавил кафедру растениеводства Молотовского (Пермского) СХИ.

В 1952 году удостоен 1 премии имени Д. Н. Прянишникова за монографию (докторскую диссертацию) «Повышение плодородия песчаных и супесчаных почв дерново-подзолистого типа» (на примере Соликамской опытной станции). Консультантом работы В. Н. Прокошева был академик А. В. Соколов. Он внес в работу кафедры агрохимический аспект. Во многом благодаря В. Н. Прокошеву институт стал носить имя Д. Н. Прянишникова.

М. П. Петухов окончил агрофак в 1930 году. Он приглашен А. Ф. Тюлиным в аспирантуру. Ученик А. Е. Возбуцкой. Возглавлял кафедру агрохимии с 1943 по 1978 год.

А. С. Пискунов — один из лучших выпускников факультета агрохимии и почвоведения Пермского СХИ 1963 года. После окончания оставлен на кафедре агрохимии. Его докторская диссертация «Азот почвы и эффективность азотных удобрений на зерновых культурах в Предуралье» была представлена в ВИУА и Тимирязевской сельскохозяйственной академии (бывший Московский СХИ). Автор 4 патентов на изобретения.

В 1945 году в г. Молотове (Пермь) проходила конференция АН СССР по изучению производительных сил Пермской области (27–29 ноября 1945 г.). Д. Н. Прянишников должен был выступать с докладом, но не приехал — был болен. Озвучил доклад «Пути повышения урожайности и продуктивности сельского хозяйства Пермской области» его соавтор и ученик — профессор И. И. Гунар. «Этот доклад не утратил своего значения и в настоящее время», — подчеркивал проректор по науке А. А. Ерофеев в 1965 г. [7, с. II]. Этот доклад изменил стратегию развития сельского хозяйства в Пермской области, подготовки кадров.

А. Ф. Тюлин умер в 1955 году. В истории становления агрохимической науки о нем говорится как об ученом, внесшим свой неоценимый вклад в изучение вопросов химии и минералогии почв [8].

М. П. Петухов в 1930-е годы принял участие в составлении плана сплошной химизации Пермского района. Много занимался методиками. Изучал вопрос правильного распределения и применения удобрений под химизацию, вопросы питания сельскохозяйственных культур, разработал системы удобрений в севооборотах и для отдельных полевых культур. В 1948 году совместно с В. Н. Прокошевым написал «Руководство по применению удобрений в Молотовской области». Авторы утверждали: «...эффективность удобрений хорошо проверена в разных районах области как в многолетних опытах научных учреждений, так и на колхозных полях. В ближайшие годы будет восстановлена сеть районных агрохимических и колхозных лабораторий» [9]. Это один из итогов работы кафедры.

В 1960-е годы М. П. Петухов участвует в решении проблемы химизации в стране. При кафедре агрохимии при его участии был создан институт по агрохимии по инициативе Пермского промышленно-производственного парткома г. Перми. Созван областной съезд специалистов сельского хозяйства. М. П. Петухов продолжил исследования С. П. Костычева и Д. Н. Прянишникова по роли калия в окислительно-восстановительных процессах в растениях. Сергей Павлович Костычев (1877–1931) — директор лаборатории биохимии и физиологии растений АН СССР и Государственного института опытной агрономии. Работа М. П. Петухова и сотрудников его кафедры Е. А. Пановой, Т. А. Кротких, Л. А. Черновой вошла отдельным разделом «Пермская область» в академическом издании (АН СССР) «Агрохимическая характеристика почв СССР» (М.: Наука, 1964. 322 с. С. 45–96. Отв. ред. А. В. Соколов и Э. И. Шконде). В 1963–1965 годах в Почвенном институте разработана почвенно-агрохимическая карта СССР, куда вошли данные по Пермской области. Пермская школа агрохимии носит имя М. П. Петухова.

А. С. Пискунов возглавил «свой период» работы по химизации области. Он 17 лет заведовал кафедрой агрохимии. А. С. Пискунов был ответственным за организацию дополнительного филиала кафедры на общественных началах на базе проектно-изыскательной станции химизации. А. С. Пискуновым на основании учения Прянишникова была детализирована теория азотного питания растений и разработаны научные основы повышения урожайности зерновых культур в Предуралье и эффективного использования азотных удобрений, разработана

система приемов применения различных форм азотных удобрений под зерновые культуры. В 1986–1991 годах А. С. Пискунов был членом координационного совета по агрохимии при Главном управлении высшего и среднего специального образования, членом совета комитета «Госкомприрода». В 1998 году он — действительный член Академии естествознания РФ, известный ученый. С 2000 года — действительный член Международной академии аграрного образования. В 1995 году удостоен государственной премии имени Д. Н. Прянишникова за лучшую работу по агрохимии, производству и применению удобрений.

В статье затронуты лишь некоторые аспекты возникновения агрохимических исследований на Урале, создания известной пермской школы агрохимиков и продолжения дела Д. Н. Прянишникова его воспитанниками, работавшими на кафедре агрохимии сначала агрономического факультета, потом самостоятельного вуза. Пермские ученые работали по программе Д. Н. Прянишникова, следуя его заветам, его научной мысли.

Ученые Пермского СХИ способствовали изучению края, повышению его благосостояния, созданию агрохимической службы в Пермском регионе, закладывали многолетние опыты. Участвовали в проведении географической сети в СССР, создании агрохимических карт в регионе. Много работали с хозяйствами, с кадрами на местах, принимали участие в разработке стратегии развития сельскохозяйственного производства области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Личное дело А.Ф. Тюлина // Арх. музея ПГАТУ. 1924 г. об. Машинопись. 99 л.
2. Соколов А.В. Развитие и задачи исследовательских работ в области агрономической химии в СССР (к 50-летию юбилею акад. Д. Н. Прянишникова) // Почвоведение. 1939. № 4. С. 16–29.
3. Возбуждая Е.А. Защита дипломных работ — смотр качества выпускаемых специалистов института // Красный агроном. 1934. 10 июня. С. 2.
4. Тюлин А.Ф. Предисловие ко 2 выпуску «Результатов работ» Агрохимического отдела // Результаты работы агрохимического отдела. Пермь, 1928. Вып. 2. С. V–VI.
5. Прокошев В.Н. Химизация земледелия — основа интенсификации сельского хозяйства Предуралья // Вопросы почвоведения и агрохимии. Труды Перм. с. х. ин-та. им. акад. Д. Н. Прянишникова. Пермь, 1964. Т. XXII. С. 3–18.
6. Петухов М.П. Из истории химизации земледелия в Пермской области // Из истории сельскохозяйственной науки в Предуралье (вопросы растениеводства). Труды Перм. с. х. ин-та. им. акад. Д. Н. Прянишникова. Пермь, 1976. Т. 117. С. 19–26.
7. Ерофеев А.А. Предисловие // Материалы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.Н. Прянишникова. Труды. Пермь, 1968. Т. XXXIX. С. II.
8. Добровольский Г.В., Минеев В.Г., Лебедева Л.А. Дмитрий Николаевич Прянишников. М.: МГУ, 1991. 51 с.
9. Прокошев В.Н., Петухов М. П. Руководство по применению удобрений в Молотовской области. Молотов: ОГИЗ, 1948. 190 с.

В.В. ШЕВЧУК

Пермский государственный медицинский университет им. академика Е.А. Вагнера

**ВАЛЕНТИНА ТРОФИМОВНА СЕЛЕЗНЁВА –
ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ МЕДИЦИНЫ УРАЛА
(К 100–ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация. Представлены биографические данные, сведения о научной и общественной деятельности гигиениста, организатора здравоохранения профессора Валентины Трофимовны Селезневой. Она внесла существенный вклад в исследование земской медицины Урала, организации медицинской помощи в годы Великой Отечественной войны в Молотовской области. Являясь высококвалифицированным педагогом и ученым, фактически основала школу историков медицины Урала. Под руководством Валентины Трофимовны выполнена серия комплексных исследований по медико-социальным проблемам, ей опубликовано более 60 научных работ, несколько монографий и научно-популярных изданий. Награждена государственными и ведомственными наградами.

Ключевые слова. Организация здравоохранения, история медицины, медицинская помощь, земская медицина, гигиена.

V.V. SHEVCHUK

Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner

**VALENTINA TROFIMOVNA SELEZNEVA –
AN OUTSTANDING FIGURE OF MEDICINE IN THE URALS
(ON THE 100TH ANNIVERSARY OF HER BIRTH)**

Abstract. Biographical data, information about the scientific and social activities of the hygienist, health organizer Professor Selezneva Valentina Trofimovna are presented. She made a significant contribution to the study of the zemstvo medicine of the Urals, the organization of medical care during the Great Patriotic War in the Molotov region. Being a highly qualified teacher and scientist, she actually founded the school of medical historians of the Urals. Under the leadership of Valentina Trofimovna, a series of comprehensive studies on medical and social problems was carried out, she published more than 60 scientific papers, several monographs and popular scientific publications. Awarded with state and departmental awards.

Keywords. Healthcare organization, history of medicine, medical care, zemstvo medicine, hygiene.

В 2023 году общественность города Перми отметила 100-летие со дня рождения выдающегося ученого, общественного деятеля профессора Валентины Трофимовны Селезневой. Имя В. Т. Селезневой можно по праву причислить к плеяде выдающихся деятелей медицины, которыми гордится наш край.

Валентина Трофимовна родилась 12 февраля 1923 г. в деревне Городно Бешенковичского района Витебской области в семье крестьян, вскоре в стране

началась индустриализация, отца раскулачили и сослали, в течение трех лет от отца приходили письма, затем письма приходиться перестали, это могло означать только одно — отец умер. В 1929 году семья переехала к родственникам матери в г. Витебск, мать работала на швейной фабрике. В 1933 году младший брат заболел туберкулезом и семья вновь была вынуждена переехать — теперь в г. Боровичи Ленинградской области. Мать Валентины Трофимовны в Боровичах поступила на работу в трикотажную артель «Победа» в качестве швеи, а сама Валентина Трофимовна продолжила учиться в школе, а после окончания средней школы поступила на фельдшерское отделение в Боровичский медицинский техникум. В 1935 году умер брат и Валентина Трофимовна осталась вдвоем с матерью. Несмотря на тяжелейшие жизненные испытания, успешно окончила медицинский техникум, затем прошла обучение на курсах помощников Госсанинспекторов и по разверстке облздравотдела была направлена исполняющей обязанности Госсанинспектора Лычковского района Ленинградской области, работала там до сентября 1941 г. 8 сентября 1941 г. вместе с матерью была эвакуирована в г. Кунгур, где начала работать в Госсанинспекции помощником Госсанинспектора города.

В 1942 году поступила на санитарно-гигиенический факультет Молотовского мединститута, который с отличием окончила в 1947 г.

Надо отметить, что Валентина Трофимовна, училась блестяще, об этом свидетельствуют отличные оценки в её зачетной книжке. Среди её преподавателей — профессора, лауреаты Сталинской премии, орденосцы, основатели кафедр и школ, действующих до настоящего времени — Михаил Андреевич Коца, Сергей Иванович Гусев, Ираида Михайловна Пестова, Алексей Васильевич Пшеничнов, Аркадий Лаврович Фенелонов, Борис Васильевич Парин ... Эти люди — легенды Пермской медицинской школы!

Ещё в годы учёбы в мединституте В. Т. Селезнёва начала серьёзно заниматься научной работой. Так, в 1948 году была опубликована её работа «Санитарно-эпидемиологическая характеристика водоснабжения г. Кунгура» [2], выполненная в период студенческой производственной практики по заданию и плану кафедры общей гигиены под руководством доцента П. Ф. Обухова. Примечательно, что в представленном сборнике среди трудов корифеев медицинской науки всего одна студенческая работа — это работа студентки В. Т. Селезнёвой.

После окончания института Валентина Трофимовна по рекомендации Ученого совета была оставлена в аспирантуре при кафедре организации здравоохранения и под руководством проф. Г. Ф. Ершова выполнила кандидатскую диссертацию на тему «История санитарного дела в Пермской губернии», которую защитила в 1951 году. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук Валентина Трофимовна завершила такими словами: «Опыт прошлой трудной, но самоотверженной работы врачей должен явиться вдохновляющим примером для работников здравоохранения».

В. Т. Селезнёва была первой аспиранткой кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Молотовского государственного медицинского института.

Защитив диссертацию, Валентина Трофимовна начала работать на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения ассистентом, а с 1954 года — доцентом. В 1965 году защитила докторскую диссертацию на тему «Очерки по развитию медицины и здравоохранения на Среднем Урале (XVIII век — 1945 г.)», с 1966 года профессор.

В 1967 году В. Т. Селезнёва была избрана по конкурсу заведующей кафедрой социальной гигиены Омского медицинского института и трудилась там два с половиной года, одновременно была деканом санитарно-гигиенического факультета, после чего вернулась в ставшую ей родной Пермь. До 1976 года работала в должности заведующей кафедрой экономики и организации фармацевтического дела Пермского государственного фармацевтического института. Как в последующем писала в автобиографии Валентина Трофимовна, работа на этой должности не приносила полного удовлетворения, поэтому, когда был объявлен конкурс на замещение должности зав. кафедрой в Пермском медицинском институте она, не раздумывая подала документы и приняла в нем участие.

Через 10 лет в 1976 году В. Т. Селезнёва избирается заведующей кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения Пермского медицинского института, которой она руководила до 1995 года, затем работала в должности профессора кафедры до выхода на пенсию. Большое внимание уделяла студенческой науке, ей с сотрудниками кафедры была организована школа «Молодой организатор здравоохранения», в которой ежегодно проходили обучение 20–30 студентов.

Огромный вклад В. Т. Селезнёва внесла в изучение вопросов истории медицины, ей опубликовано более 60 научных работ, включая три монографии: «Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале (1955)», «Штаб-лекарь И. В. Протасов» (1962), «Очерки по истории медицины в Пермской губернии» (1997), посвященные 200-летию Пермской губернии; к 250-летию Перми опубликована работа «Выдающиеся деятели медицины дореволюционной Перми» [3]. Под руководством В. Т. Селезнёвой была подготовлена и издана книга по истории становления и развития Пермского медицинского института, она была соавтором и второй книги «От медицинского факультета до медицинской академии». В. Т. Селезнёва была вдохновителем создания музея истории ПГМА, она оказала большую организационно-методическую помощь в создании музеев истории медицины в Екатеринбурге и Красноуфимске и музея истории Пермской областной клинической больницы. Под её руководством выполнено девять кандидатских диссертаций, включая диссертации по истории медицины, одна из которых (О. А. Мальцевой) была посвящена теме истории здравоохранения в Коми-Пермяцком автономном округе. Издана монография с таким же названием (1997), редактором которой была профессор В. Т. Селезнёва [1]. Под ее редакцией Пермская областная библиотека издала шесть выпусков библиографических справочников по истории медицины в Пермской области.

В 1962 году В. Т. Селезнёва была в числе непосредственных организаторов крупной научной историко-медицинской конференции Урало-Сибирских областей по истории медицины, прошедшей в июне 1962 г. в Перми [4].

Большое внимание Валентина Трофимовна уделяла точности исторических данных, поэтому архив часто называли её «вторым местом работы» Труд В. Т. Селезневой «Очерки по истории медицины в Пермской губернии» до настоящего времени остается востребованной монографией по данной проблеме. К сожалению, она не успела завершить всё, что задумывала. В архиве хранятся рукописные варианты отдельных глав неопубликованной книги «Врачи Урала», статей, очерков по истории земской медицины, Александровской (ныне Пермской краевой клинической) больницы, по вопросам здравоохранения Пермской области, об организации и деятельности эвакогоспиталей г. Перми и Пермской области в годы Великой Отечественной войны — это настоящий клад для потомков!

Любопытный факт — в 2004 году Т. Ю. Шустовой была защищена докторская диссертация по специальности «Отечественная история», в которой автор отметила: «Наиболее значимым исследователем по здравоохранению Пермской губернии была В. Т. Селезнёва. Ее изыскания по этой теме были впервые опубликованы в солидном труде «Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале» ещё в 1955 году. Через сорок лет она выпустила практически новое исследование «Очерки по истории медицины в Пермской губернии». Хронологические рамки работ В. Т. Селезнёвой очень широки, захватывают историю уральской медицины до времен Великой Отечественной войны» [5]. Представьте себе, насколько глубокими были исследования Валентины Трофимовны и насколько широк был её кругозор!

По заданию Пермской областной администрации под руководством Валентины Трофимовны выполнена серия комплексных исследований по медико-социальным проблемам «Условия жизни и здоровье семей, воспитывающих детей-инвалидов», «Условия жизни и здоровье многодетных семей», «Медико-социальные проблемы пожилых людей, проживающих в сельской местности», «Причины инвалидности женщин трудоспособного возраста», «Медико-социальные проблемы инвалидов по слуху».

С 1978 года (до февраля 1984 г., когда была открыта кафедра социальной гигиены и организации здравоохранения факультета усовершенствования врачей под руководством проф. М. Я. Подлужной) на кафедре ежегодно проводилось обучение организаторов здравоохранения (двухмесячные циклы по 3 группы).

Всю жизнь В. Т. Селезнёва активно занималась общественной деятельностью, её четыре раза избирали депутатом Ленинского районного совета народных депутатов (г. Пермь), была председателем постоянной комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению. Многие годы возглавляла научно-методический совет и секцию по пропаганде медицинских и гигиенических знаний Пермской областной организации общества «Знание», ежегодно организовывала и проводила методические семинары в городах и районах области. Была членом пленума обкома профсоюза медработников и возглавляла комиссию по работе среди женщин, член КПСС с 1967 г, много лет была членом парткома института. Являлась членом Всесоюзного научного общества историков медицины, неоднократно награждалась знаками «Победитель соцсоревнования».

За свой поистине подвижнический труд В. Т. Селезнёва награждена орденом «Знак Почёта», медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», медалями в честь 30- и 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, достаточно редкой медалью им. Н. И. Пирогова, значком «Отличнику здравоохранения», знаком «Активисту Общества Красного Креста», отмечена благодарностью Министра здравоохранения СССР, почётными грамотами различных организаций. Ей было присуще истинное чувство любви к Родине, бесконечное уважение к истории страны и края. Думаю, что эта любовь к Родине, гармонично сочетающаяся с любовью к семье, к коллегам, к студентам помогали ей сохранять душевное равновесие, идти по жизни, щедро одаривая окружающих своим теплом. Удивительно современно сегодня звучат её слова из интервью газете «Медицина Прикамья» (опубликовано в третьем номере за 1993 г.) на вопрос корреспондента: «Что бы Вы пожелали нашим читателям?» В. Т. Селезнёва ответила: «Прежде всего оптимизма. Надо верить в Россию. Такая страна погибнуть не может. Меньше смотреть на часы, беречь своё имя и быть мужественным в час испытаний».

В 1997 году Валентина Трофимовна Селезнёва вышла на пенсию, умерла 30 марта 1998 г., похоронена на Северном кладбище, сектор 30. Постановлением Администрации города Перми № 343 от 15 мая 2021 г. в память о нашей выдающейся землячке наименование «Профессора Селезнёвой» присвоено одной из улиц в микрорайоне Бахаревка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березинская З. П., Лебедева Т. М., Подлужная М. Я. и др. Кафедре «Общественное здоровье и здравоохранение» — 80 лет // Пермский медицинский журнал. 2004. Т. XXI, № 1. С. 158–160.
2. Селезнёва В. Т. Санитарно–эпидемиологическая характеристика водоснабжения г. Кунгура. Труды Молотовского государственного медицинского института. Вып. XXIII. Молотов: ОГИЗ, 1948. – С. 93–99.
3. Селезнёва В. Т. Выдающиеся деятели медицины дореволюционной Перми / 250 лет Перми. Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь: Пермское книжное изд-во, 1973. С. 152–157.
4. Труды Научной историко–медицинской конференции Урало-Сибирских областей 1962 г. Пермь, 1963. 2 т. / Перм. гос. мед. ин-т. Перм. науч. о-во организаторов здравоохранения и историков медицины). Вып. 2. 1963. 400 с.
5. Шестова Т. Ю. Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII — начале XX вв. (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний): дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2004. 525 с.

Н.Л. ХРЕБТОВА

*Кандидат медицинских наук,
медицинский психолог, ООО «Айрис»*

НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ПЕРМСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА А.А. ХРЕБТОВА

Аннотация. Рассматривается научно-исследовательская, преподавательская и практическая деятельность профессора Пермского сельскохозяйственного института Аристоклия Александровича Хребтова. А.А. Хребтов работал на территории Сибири, Алтая, Урала, как на кафедрах, так и в экспедициях, в питомниках и в лабораториях. Будучи специалистом по сорной растительности, он уделял внимание и таким направлениям, как изучение кормовых и болотных растений, охране памятников природы, сохранению и возрождению редких видов растений. Он был включен в общественные процессы, организуя печать сборников научных трудов, являясь членом диссертационного совета, участвуя в культурной жизни сообщества пермских учёных. Его деятельность в краеведческом, музейном, архивном направлениях представляет собой ценность в контексте преемственности поколений, сохранения традиции и развития научной мысли.

Ключевые слова. А.А. Хребтов; кафедры растениеводства; сорная растительность; кормовые культуры; краеведение; охрана природы; музейное дело; учебное хозяйство «Липовая гора».

N.L. KHREBTOVA

*Candidate of Medical Sciences,
Medical psychologist, Iris LLC*

THE LEGACY OF PROFESSOR A.A. KHREBTOV OF THE PERM AGRICULTURAL INSTITUTE

Abstract. The research, teaching and practical activities of the professor of the Perm Agricultural Institute Aristokliy Aleksandrovich Khrebtov are considered. A.A. Khrebtov worked in Siberia, Altai, and the Urals, both in departments and on expeditions, in nurseries and in laboratories. Being a specialist in weeds, he paid attention to such areas as the study of forage and marsh plants, the protection of natural monuments, and the conservation and revival of rare plant species. Also A.A. Khrebtov was involved in social processes, organizing the printing of collections of scientific works, being a member of the dissertation council, and participating in the cultural life of the community of Perm scientists. And his activities in local history, museums, and archival areas are of value in the context of the continuity of generations, the preservation of tradition and the development of scientific thought.

Keywords. A.A. Khrebtov; departments of plant growing; weeds; forage crops; local history; nature conservation; museums; "Lime Mountain".

«Круглые» даты, юбилейные годы фиксируют внимание на конкретных событиях прошлого и позволяют по-новому воспринять значение этих событий, открыть их актуальную ценность для дня сегодняшнего. 2023 год стал юбилейным для Перми, отмечающей свое 300-летие, и для созданной 100 лет назад кафедры растениеводства Пермского государственного аграрно-технологического университета им. академика Д. Н. Прянишникова.

Данная статья посвящена исследованию его роли в становлении кафедры ее первого заведующего профессора Аристоклия Александровича Хребтова, а также его вкладу в научно-исследовательскую, краеведческую и природоохранительную деятельность, в формирование, возможно, новых подходов к взаимоотношению человека и природы в целом. Особенность написания текста состояла в том, что его автор — не просто исследователь, питающий научный интерес к разрабатываемой теме, но представитель рода Хребтовых, правнучка Аристоклия Александровича, хранительница и наследница семейных традиций. В связи с этим мы имеем дело не только с историческими фактами, не только с хронологически, событийно структурированным материалом, но и с эмоционально окрашенными моментами жизни учёного, личными историями, вплетающимися в общую ткань повествования. В основе статьи лежит информация, полученная из книг, статей и открытых электронных ресурсов, а также материалы семейного архива: письма, записные книжки и то, что в настоящее время именуется «устной историей», — рассказы и воспоминания членов семьи.

А. А. Хребтов приехал в Пермь, будучи уже сформировавшимся учёным, преподавателем, исследователем, по приглашению руководства Пермского государственного университета из Бийска, где ранее преподавал в Бийской учительской семинарии, Алтайском народном институте, а также в Сибирской сельскохозяйственной академии. Но и предшествующие два десятилетия его жизни были весьма значимы — будучи годами формирования спектра научных интересов и гражданской позиции, по сути — фундамента научной и практической деятельности его зрелых лет. Я бы хотела рассмотреть три условных этапа жизни А. А. Хребтова: «Прибалтийский», «Алтайско-Сибирский» и «Пермский–Уральский», поскольку рассмотрение его деятельности в динамике проявляет своего рода логическую последовательность становления его как личности, учёного и практика.

«Прибалтийский» период жизни и деятельности А. А. Хребтова

Аристоклий Александрович родился 21 июня (3 июля) 1876 г. в Верроском уезде Лифляндской губернии (ныне территория Эстонии) в семье учителя церковно-приходского училища, пятым из 13 детей. Семья (по ряду архивных биографических данных, отец его, Александр Иванович, имел духовное звание) жила небогато, но все дети получили образование согласно возможностям и своим интересам. В семье поддерживалась традиция музицирования, хорового и сольного пения; у Аристоклия Александровича был звучный, выразительный баритон с природной постановкой, что позволило ему участвовать в любительской концертной деятельности, принимать участие в работе хоровых коллективов, в том числе, в качестве руководителя.

По окончании Рижской духовной семинарии (1897) А. А. Хребтов работал в должности сельского учителя в нескольких населенных пунктах Лифляндской губернии, сочетая преподавательскую работу с краеведением, изучением природы и местных культурно-этнических особенностей, а также участием в культурной

деятельности. Одним из результатов проведённых им исследований, стала брошюра «Свадебные обычаи и песни села Олешеницы, Везенбергского уезда Эстляндской губернии» (1906 г., Ревель).

По окончании сельскохозяйственного отделения Рижского политехнического института (1903–1908) А. А. Хребтов некоторое время преподаёт в Винницкой учительской семинарии, где была опубликована его магистерская работа по сорным растениям; в Гатчинском сиротском институте (1909), инспектором народных училищ в Аренбургском районе Рижского учебного округа, преподавателем в г. Феллин. С 1912 по 1915 год А. А. Хребтов занимал должность инспектора народных училищ на острове Эзель (ныне Сааремаа) Лифляндской губернии.

Еще во время учебы в Рижском политехническом институте А. А. Хребтов начинает заниматься вопросами охраны природы, устанавливает контакты с известными пропагандистами и деятелями охраны памятников природы академиком И. П. Бородиным, профессорами Н. И. Кузнецовым, В. И. Талиевым и К. Р. Купфером. Судя по всему, он был знаком и с родоначальником концепции «заповедности», пионером охраны природы Германии Гуго Конвенцем, который в то же самое время совершил поездку по острову Сааремаа. Аристоклий Александрович участвовал в создании местного Общества любителей природы, а в 1916 г., как о том сообщает его биограф, выпустил брошюру «Памятники природы на островах Эзеле, Абро и Руно» [1, с. 113–122].

Ярким и значимым примером природоохранной деятельности А. А. Хребтова является его организационно-методическая активность, включавшая рассылки по школам специальных циркулярных воззваний (от 3 марта, 7 марта, 1 декабря 1913 г.), в дальнейшем опубликованных в «Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета», в «Бюллетенях Харьковского общества любителей природы», а также в местной печати на русском, немецком и эстонском языках. Позволю себе процитировать выдержки из этих работ.

«Гг. учителям начальных училищ Аренбургского района. В дополнение к циркулярному своему предложению от 3-го марта сего 1913 г. предлагаю вниманию гг. учителей нижеследующее: о. Этель был когда-то богат редкими растениями, птицами и другими памятниками природы, но теперь жестокая рука человека медленно, но наверняка, уничтожает эти чудные остатки первобытной природы и обезображивает ее, например:

— Беспощадно истребляется тис. Население продолжает рубить молодые деревья и ветви тиса для продажи их на украшения комнат в праздники...

(...) В деле возбуждения в населении живого интереса к природе, деятельного чувства любви к ней, незаменимую услугу культурному делу может оказать народный учитель... Педагогика говорит: «Что учитель — душа школы, он дает ей жизнь и движение», а поэтому передайте, гг. учителя, свое чувство любви к природе ученикам, воспитайте в них горячее желание защитить природу от врагов ее и дайте душе их движение, направленное к бережному и любовному обхождению с растениями, птицами и животными и пусть девизом вашей совместной школьной жизни будут служить слова: «Будем любить и охранять природу».

Прошу гг. учителей прочесть ученикам содержание сего циркуляра. О всех наблюдаемых памятниках природы и о фактах хищнического их уничтожения прошу сообщать в инспекцию или непосредственно в Эзельское общество любителей природы. Инспектор А. Хребтов» [2].

Позже сам Аристоклий Александрович отмечал, что его циркуляры имели большое воздействие, учителя школ самых отдаленных районов направляли ему донесения о местных памятниках природы и деятельности по их охране.

А.А. Хребтов часто выступал с просветительскими и природоохранными лекциями перед учителями, слушателями сельскохозяйственных и временных педагогических курсов, учащимися школ г. Аренсбурга. «Его выступления сопровождались показом диапозитивов, присланных Хребтову профессором Н. И. Кузнецовым. В начале 1913 года по инициативе А. А. Хребтова, было организовано Эзельское общество любителей природы. Он был выбран его председателем. Общество занималось выявлением памятников природы, их охраной. Оно обратилось к землевладельцам, охотничьему обществу, Аренсбургской городской управе, Прибалтийскому управлению земледелия и государственных имуществ с просьбой принять действенные меры по охране уникальных объектов. Благодаря этому удалось организовать охрану Каалиских кратеров, озера Линнулахт, Лоодесского лесопарка.

В 1915 году, в связи с начавшейся Первой мировой войной, деятельность общества была прекращена. Хребтов переведён инспектором школ в город Вильянди, где продолжал заниматься охраной природы. Здесь он опубликовал труд о памятниках природы о. Сааремаа. В 1917 году Аристоклий Александрович покинул Эстонию» [3].

Этот фактический материал можно дополнить семейной историей «исхода» семьи Хребтовых (Аристоклия Александровича, его жены Антонины Петровны и маленькой дочери Агнессы (будущей продолжательницы научной и практической традиции отца, также учёного-растениевода) с территории Прибалтики. В период прихода немецких войск на территорию Эстонии А. А. Хребтову, как уже имевшему соответствующую профессиональную репутацию, поступали предложения от германских учебных заведений с приглашениями на работу на территории Германии, но он отверг их, в связи с чем был вынужден спешно уехать, как нежелательное лицо, с острова Эзель на территорию России.

«Алтайско-Сибирский» период (1918–1923)

Поле краткого периода работы в Ярославле на должности инспектора народных училищ (1917), в 1918 году А. А. Хребтов был приглашен на работу в учительскую семинарию г. Бийска, (учреждена решением учительского съезда Бийского уезда в августе 1917 г.). Через некоторое время он был привлечен к сотрудничеству в Народном университете, открывшемся в Бийске зимой 1917–1918 гг., где читал лекции по сельскохозяйственной ботанике, организовывал и проводил экскурсии для учащихся университета с целью ознакомления с флорой и фауной Алтая. В числе преподавателей Народного университета были

приват-доцент Московского университета Б. Ф. Добрынин, студент естественного отделения физико-математического факультета Петроградского университета В. В. Белянин (в последующие годы известный как детский писатель-природовед Виталий Бианки), томский художник А. Э. Мако, уроженец Бийска.

После открытия в январе 1918 года Бийского музея при Народном университете, в составе археологического, ботанического и минералогического отделов, Аристоклий Александрович стал его заведующим. «Открывшийся музей практически сразу стал принимать посетителей, уже 18 сентября 1918 г. его осматривали сельские учителя и инструкторы по внешкольному образованию Бийского уездного земства. Заведующий музеем А. А. Хребтов и его помощник (имя которого не сохранилось) познакомили первых посетителей с коллекцией минералов, «засушенных растений и разных препаратов». Одновременно первые музейные гости получили дельные советы по собиранию и препарированию насекомых и мелких животных, а самое главное, А. А. Хребтов «указал способы их сохранения» [4].

И. А. Голев и Н. М. Дмитриенко описывают деятельность А. А. Хребтова следующим образом: «Аристоклий Александрович был сильно озабочен сохранением редких видов флоры и фауны и других памятников природы и культуры на Алтае и всеми способами пытался привлечь неравнодушных граждан к собирательской работе. Летом 1918 г. А. А. Хребтов и М. И. Крот-Донорский организовали многодневную экскурсию к истокам р. Кокши. Экскурсанты (13 человек) обследовали гору Бобырган, Айское и Манжерокские озера, Тавдинские пещеры. В результате были собраны и доставлены в Бийск коллекции минералов и засушенных растений, а также сделанные фотографии памятников природы и истории. ...17 сентября 1918 г., в помещении Бийской уездной земской управы А. А. Хребтов прочел лекцию о музейном деле, слушателями которой стали сельские учителя. Характерно, что ученый указал «на бедность России вообще и Сибири в музейном отношении», а также высказал предложение устроить курсы препарирования. Затем он провел сельских учителей в музей, где они ознакомились с коллекциями минералов и гербарием. Демонстрация музейных предметов сопровождалась рекомендациями со стороны экскурсовода по «коллекционированию, собиранию и препарированию насекомых, мелких животных» [4].

Зимой 1918–1919 года при Народном университете в Бийске было организовано Алтайское общество любителей природы. На первом общем собрании 15 февраля 1919 г. был принят устав, сформировано правление, председателем которого был избран А. А. Хребтов. «Задачи деятельности общества включали изучение «естественноисторических, археологических, этнографических и других богатств края». Организация заявила о необходимости охраны памятников природы и распространения знаний среди населения. Для решения этих задач планировалось проведение лекций и научных чтений, предполагались экскурсии «как для добывания научных материалов, так и познавательные в окрестности города и на Алтай». А кроме того, что особенно важно подчеркнуть, было задумано устройство музеев, аквариумов, террариумов, зоологических садов, опытных полей и огородов.

Конечно же, столь обширная программа Алтайского общества любителей природы была сформирована под влиянием А. А. Хребтова и В. В. Белянина, которые пытались привнести в отдаленный сибирский город культурный опыт европейских центров. ... Озабоченный проблемами охраны памятников природы Алтая, А. А. Хребтов выступил на одном из заседаний общества с предложением обратиться к местным жителям с воззванием и вскоре опубликовал это обращение в газете «Алтайский край». Он отметил неразумное отношение «населения к дарам природы», что выражалось в вырубке лесов, в нерегулируемой ловле птиц, а также лесных пожарах. Ссылаясь на материалы крупнейшего исследователя Алтая, профессора Томского университета В. В. Сапожникова, Хребтов сообщал, что в регионе нет мест «где бы не было следов лесных пожаров». В том же 1919 году А. А. Хребтов подготовил к изданию брошюру «Из природы Алтая. 13 общедоступных естественноисторических экскурсий по окрестностям гор. Бийска». ... Следует подчеркнуть мысль А. А. Хребтова о том, что «алтайская природа в серьезной опасности». Решение этой проблемы ученый видел в пробуждении в «населении интереса к природе и чувства любви к ней», в привлечении школьных учителей, церковных пастырей к сохранению природы и культуры Алтая. В этих предложениях явно просматривается осведомленность о работе съезда по организации Института исследования Сибири в Томске в январе 1919 г., материалы которого широко освещались в сибирской периодике. Настроения и планы А. А. Хребтова и его бийских коллег дословно перекликались с решениями съезда, опубликованными сразу после его завершения. В резолюциях секций говорилось об изучении и охране природы Сибири, об исследовании истории и «охране всякого рода памятников старины и документов прошлого и настоящего». Выполнение этих пунктов предполагалось силами штатных сотрудников Института исследования Сибири, а также путем привлечения народных учителей, студентов, сотрудников музеев и библиотек (как это и планировалось в Бийске)» [4].

В 1919 году Аристоклий Александрович руководил Алтайской научной экспедицией; в 1921 году был назначен преподавателем кафедры прикладной ботаники Сибирской сельскохозяйственной академии в г. Омске, где он читал курсы частного земледелия и ботаники. С этого времени началась особенно плодотворная работа А. А. Хребтова, связанная с подготовкой специалистов сельского хозяйства и приведением широких ботанических и агрономических исследований. Обширные материалы по изучению сорной растительности и садоводству Алтая были систематизированы и напечатаны уже после переезда с Алтая на Урал, в 1926–1930 гг. [5].

«Пермский — Уральский» период (1923–1944)

В сборнике работ Пермского отделения всесоюзного ботанического общества (1965) декан факультета агротехнологий и лесного хозяйства Г. А. Глузов (1949–1950) подробно описывает деятельность ученого: «В 1923 году А. А. Хребтов был приглашен на должность профессора и заведующего кафедрой частного земледелия

агрономического факультета Пермского государственного университета; в 1924 году он был утвержден ГУСом в звании профессора. С этого времени Аристоклий Александрович стал вести различные специальные курсы на агрономическом факультете и по совместительству читал курс о лекарственных растениях на химико-фармацевтическом факультете университета. Одновременно он выполнял различные ответственные производственные и общественные поручения — был членом бюро секции научных работников, членом правления Пермского окрпроса, членом плановой комиссии Пермского окрисполкома, членом редколлегии «Ученых записок» Пермского университета, членом редколлегии журнала «Пчела и пасека», заведующим сельскохозяйственным отделом Пермского музея, неоднократно избирался делегатом научных конференций [5].

А. А. Хребтов стал инициатором, организатором и председателем научно-агрономического общества, редактором его трудов. Общество объединяло преподавателей, студентов и членов Клуба общественной агрономии, работников окружного и областного земельного управления; организовывало открытые лекции и дискуссии; занималось просветительской и образовательной деятельностью. У общества была своя библиотека, сформированная в 1926 году. Аристоклий Александрович, будучи общественным библиотекарем кабинетной библиотеки кафедры растениеводства, также активно участвовал в работе общества, в том числе, пополняя его библиотеку [7].

С 1926 по 1933 гг. А. А. Хребтов состоял действительным членом Пермского биологического научно-исследовательского института, членом правления Пермского краеведческого общества. В это время Аристоклий Александрович активно сотрудничал во многих местных и центральных периодических изданиях («Труды Сибирской сельскохозяйственной академии», «Ученые записки ПГУ», «Труды по прикладной ботанике и селекции», «Экономика», «Хозяйство Урала» и др.). После реорганизации Пермского университета и создания самостоятельных институтов (1930), А. А. Хребтов работал профессором кафедры частного земледелия Уральского сельскохозяйственного института (Пермь), а с октября 1931 г. — профессором кафедры льна Уральского института северных прядильных культур (пос. Зюкайка Пермской области) [5].

Проведя год на научно-исследовательской работе во Всесоюзном институте растениеводства (Ленинград), где он вел широкие исследования сорных растений и разработку методов борьбы с ними, в 1933 г. А. А. Хребтов вернулся в Пермь, где и после выхода на пенсию продолжил научно-исследовательскую и преподавательскую работу. Он руководил Уральской луговой экспедицией, кафедрой частного земледелия Уральского сельскохозяйственного института в Перми (с 1934 г.), готовил и редактировал «Труды сельскохозяйственного института». В 1937 году Всесоюзная аттестационная комиссия присвоила профессору А. А. Хребтову ученую степень доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертации.

Несмотря на ухудшение здоровья, А. А. Хребтов продолжал активную научную, прикладную и общественную деятельность. «В 1937–1938 гг. был заместителем

директора института по научной работе, исполнял обязанности директора института, состоял председателем ГЭК Башкирского сельскохозяйственного института (Уфа), был участником Всесоюзной выставки (1939 и 1941), избирался депутатом городского совета депутатов трудящихся (1939 и 1940). Под его руководством проводились исследования лугов и пастбищ Предуралья (доц. П. В. Максимов); изучались способы обработки льна (доц. А. А. Ерофеев), агротехники и сортоиспытания люцерны (асс. А. А. Хребтова, дочь Аристоклия Александровича) и пермского клевера (аспир. А. О. Кислякова), агротехники земляной груши и кормовой капусты (научн. сотр. Н. Н. Седых); и другие работы.

Ему принадлежит приоритет в описании и изучении Пермского клевера, многочисленных видов сорных растений на Урале, не отмеченных другими исследователями. Им впервые исследована дикая конопля на Алтае, в Западной Сибири и на Урале, а также разработана методика изучения сорной флоры Западной Сибири и Алтая. Сводной работой Аристоклия Александровича стала книга «Дикорастущие полезные и вредные растения Урала», изданная в Свердловске в 1941 году. В этой монографии дано описание пищевкусовых, лекарственных, декоративных, кормовых, дубильных, красильных, волокнистых, масличных, ядовитых, сорных, насекомоядных и паразитных растений и показано их распространение на Урале. Из общего числа свыше полутора тысяч видов уральской флоры им взяты на учёт 788 видов. Все они подробно описаны на основании личных исследований автора и привлеченных многочисленных литературных источников. «Лебединой песнью» А. А. Хребтова стала выпущенная в военные годы (1942) в Перми работа «Дикорастущие пищевые и вкусовые растения Пермской области», в которой автор дал много ценных сведений о полезных растениях и рекомендаций по их использованию [5]. Особую значимость последней работы А. А. Хребтова придает контекст важности знаний о съедобных дикорастущих растениях в голодные военные годы.

Отдельно стоит упомянуть о совместной деятельности А. А. Хребтова и Федора Михайловича Юдкина, заведующего кафедрой плодоовощеводства агрономического факультета Пермского государственного сельскохозяйственного института, профессора, доктора сельскохозяйственных наук, по организации и развитию работы учебного хозяйства на территории Липовой Горы. Вопрос о сохранении этого уникального уголка природы с культурной и дикорастущей флорой А. А. Хребтов ставил еще в 1920-е годы, описывая это место как устроенный самой природой дивный ботанический сад большого научного и педагогического значения. Будучи территорией совхоза «Возрождение», в октябре 1922 г., территория Липовой горы была передана агрономическому факультету Пермского университета в качестве учебно-производственной базы Губернским земельным управлением. По данным Государственного архива Пермского края, «в 1930 г. агрономический факультет с учебно-опытным хозяйством был преобразован в Уральский сельскохозяйственный институт (УСХИ), разделённый позже на три самостоятельных вуза, одним из которых стал Уральский молочно-овощной институт

(располагался на Липовой горе). ... С 1937 г. на Липовой горе расположилась учебно–экспериментальная база кафедры плодовоовощеводства. В те же годы были заложены плодово–ягодный сад и дендропарк» [7]. А. А. Хребтов с самого начала создания учебно–опытного хозяйства участвовал в его развитии, уделяя особое внимание сохранению и культивированию редких видов растений, создав коллекционный питомник. Некоторые из них учёный высаживал и в небольшом дворике при доме, в котором он проживал, создав как бы миниатюрную копию дендропарка под окнами своей квартиры.

Общественная включенность А. А. Хребтова не ограничивалась просветительской, преподавательской и организаторской активностью. В ней был и творческий, культурный пласт, в частности, деятельность по организации работы клуба научных работников Перми. Советский и российский краевед и писатель, Е. А. Шпишилова описывает атмосферу в залах клуба в небольшом здании на улице Сибирской как теплую и уютную, где высокие пальмы соседствовали с картинами русских и зарубежных художников, бильярдный стол и шахматная комната располагали к интеллектуальным упражнениям: «В умело подобранной библиотеке приятно было в тишине почитать новинки художественной и научной литературы, посмотреть свежие журналы и газеты» [8]. С 1934 г. клуб стал называться Домом ученых, в его концертном зале выступали такие именитые исполнители, как Эмиль Гилельс и Давид Ойстрах. За роялем в качестве концертмейстера нередко находилась супруга А. А. Хребтова Антонина Петровна, а сам Аристоклий Александрович, как правило, выступал в качестве вокалиста на концертных вечерах в клубе.

Несмотря на то, что последние годы жизни А. А. Хребтова были омрачены ухудшением здоровья, он оставался внимательным к людям, открытым, равнодушным собеседником и наставником, живо откликающимся на происходящее как в стенах родного института, так и в общественной жизни города. Умер Аристоклий Александрович Хребтов 4 ноября 1944 г. в Перми, похоронен на Егошихинском кладбище.

Заключение

Подводя итоги жизни А. А. Хребтова, при всем разнообразии его интересов и направлений деятельности, можно выделить общие векторы. Они начали формироваться еще в Прибалтике, обрели более четкие контуры во время жизни на Алтае и в Сибири, получили максимальное развитие в самый плодотворный период его жизни в стенах Пермского сельскохозяйственного института и на просторах Урала.

При рассмотрении жизненного пути А. А. Хребтова мне пришел образ символической «оси времени», связывающей прошлое, настоящее и будущее. Чем наполнен этот образ? Как проявлялся в перипетиях ученого–странника, волею судьбы исколесившего просторы нашей Родины от Прибалтики до Сибири? Аспект прошлого воплощен, с одной стороны, в мощной академической базе, массиве знаний, унаследованных от предшественников — ученых, живых наставников и уже ушедших авторов прошлого. С другой стороны — в самоотверженной деятельности

Аристоклия Александровича в краеведческом, музейном, библиотечном, архивном деле. Труд исследования истории науки в целом и достижений ученых тех мест, где работал А. А. Хребтов, труд сохранения, систематизации знаний формирует базис, на котором развивается научная мысль и практически идет развитие условного «локуса настоящего».

В фокусе настоящего мы можем расположить актуальную, «здесь и сейчас» деятельность А. А. Хребтова как ученого — исследователя, включая его работу на разных кафедрах, в экспедициях, питомниках и экспериментальных хозяйствах.

С вектором будущего, закономерно вытекающего, произрастающего из прошлого и настоящего, мы связываем два аспекта жизнедеятельности А. А. Хребтова. Первый — это преподавание, передача знаний, умений и навыков студентам и аспирантам, младшим коллегам, бережное наставничество как работа по формированию новых поколений ученых и практиков, кому суждено проращивать засеянные предшествующими поколениями ученых семена знаний, а также создавать новое, перспективное. Второй момент связан с природоохранными, экологическими аспектами деятельности А. А. Хребтова. Благодаря этой активности редкие виды растений, в том числе, стоящие на грани уничтожения, обрели шанс на новую жизнь. Уникальные природные ландшафты — памятники природы получали право на защиту и охранение. Этому направлению работы А. А. Хребтов следовал и в Эстонии, и на Алтае, и в Сибири, и в Пермском крае.

Возможно, жизнь и деятельность А. А. Хребтова в чем-то являет собой пример жизни и деятельности российского интеллигента — искателя смыслов и проводника вневременных ценностей в непростые годы исторических перемен, революций и войн; посвятившего свою жизнь не только преподаванию и исследованиям, но формированию особого мировоззрения, не ограниченного локальными, конкретными и сиюминутными целями, но строящего свою деятельность «на перспективу», в наставление и в дар последующим поколениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаев С. Ф. Агроном и ботаник А. А. Хребтов (1876–1944 гг.) // На западном Урале / сост. Л. Г. Дворсон. Пермь, 1964. Вып. 4. С. 113–122.
2. Хребтов А. А. Циркулярные воззвания об охране природы на острове Эзеля // Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университет. 1913. Т. 14. Вып. 1. С. 101–108; 1914. Т. 15. Вып. 2–3. С. 174–176.
3. Хребтов Аристоклий Александрович / Сайт экологической этики. URL: <https://ecoethics.com.ua/old/b42/145.html> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Голев И. А., Дмитриенко Н. М. К истокам музейного дела в алтайском городе Бийске (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 252–260.
5. Глумов Г. А. Памяти профессора Аристоклия Александровича Хребтова // Сборник работ Пермского отделения Всесоюзного ботанического общества. 1965. Вып. 2. С. 114–118.
6. Жаворонкова Г. И. К истории создания специализированных сельскохозяйственных библиотек в Перми // Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми. 2012. Вып. 2. С. 79–81.
7. Микрорайон Липовая гора. Фото дня / URL: http://archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/microdistrict-the-lime-mount/?special_version=Y (дата обращения: 10.09.2023).
8. Шпишилова Е. А. Дом ученых в Перми // Наука Урала. 1990. 19 апреля.

А.А. КАЛЬСИНА

*Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

**Н.Е. РУМЯНЦЕВ – ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА
«ТРУДОВАЯ ШКОЛА» В ПЕРМИ (1918–1919 ГОДЫ).
ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА ПЕРМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Николая Ефимовича Румянцева, специалиста в области экспериментальной психологии и педагогики, активного популяризатора идеи трудовой школы в г. Перми и Пермской губернии в 1918–1919 годах. Вместе с группой пермских педагогов, в числе которых были А.П. Серебренников, Н.Е. Бочкарев, О. М. Варфоломеева, а также врач В.В. Рахманов, Н.Е. Румянцев издает журнал «Трудовая школа», пропагандируя идею реформирования школы в духе трудового обучения среди учителя Перми.

В 1919 году Н.Е. Румянцев переезжает в Томск, где продолжает свою деятельность по популяризации идеи трудовой школы, и становится издателем нового журнала «Свободная трудовая школа». В условиях Гражданской войны идея трудовой школы была востребована по разные стороны баррикад, так как о необходимости реформы школы заявляли обе противоборствующие стороны.

В статье проанализированы основные положения проекта реформы школы в духе трудового обучения, показана деятельность группы пермских педагогов в деле реформирования школьного образования в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова. реформа школы; трудовая школа; Н.Е. Румянцев; Пермская губерния; Томск.

A.A. KALSINA

*Perm branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

**N.E. RUMYANTSEV – PUBLISHER OF THE MAGAZINE
“LABOR SCHOOL” IN PERM (1918–1919).
FORGOTTEN NAMES OF PERM EDUCATION**

Abstract. The article examines the activities of Nikolai Yefimovich Rumyantsev, a specialist in the field of experimental psychology and pedagogy, an active popularizer of the idea of a labor school in Perm and Perm province in 1918–1919. Together with a group of Perm teachers, among whom were: A. P. Serebrennikov, N. E. Bochkarev, O. M. Varfolomeeva, as well as the doctor V. V. Rakhmanov, N. E. Rumyantsev publishes the magazine “Labor School”, promoting the idea of reforming the school in the spirit of labor training among the teachers of Perm.

In 1919, N. E. Rumyantsev moved to Tomsk, where he continued his work on the popularization of the idea of a labor school and became the publisher of the new magazine “Free Labor School”. In the conditions of the Civil War, the idea of a labor school was in demand on different sides of the barricades, since both opposing sides declared the need for school reform.

The article discusses the main provisions of the school reform project in the spirit of labor training, shows the activities of a group of Perm teachers in reforming school education in the conditions of the Civil War.

Keywords. School reform; labor school; N. E. Rumyantsev; Perm province; Tomsk.

Летом 1918 г. Пермский городской учительский союз пригласил в Пермь читать свои лекции специалиста в области экспериментальной психологии Николая Ефимовича Румянцева. Он также получил приглашение от профессора кафедры философии Пермского университета А. И. Сырцова для чтения курса «Введение в практические занятия по экспериментальной психологии» [2, с. 4].

Сферой научных интересов Н. Е. Румянцева была детская психология. Большое влияние на формирование его научных взглядов оказал петербургский профессор А. П. Нечаев, видный ученый, основатель школы экспериментальной психологии в России. Оба специалиста изучали вопросы психологии школьника. В первое десятилетие XX в. имя Н. Е. Румянцева было известно педагогической общественности России, ученый активно публиковал свои работы в педагогических журналах, читал лекции по практической психологии во многих российских городах, преподавал в учебных заведениях Петербурга. Кроме того, его серьезно интересовала идея создания в России новой школы в духе трудового обучения.

Концепция трудовой школы разрабатывалась как российскими, так и зарубежными педагогами задолго до событий 1917 года. В начале XX столетия концепция носила рамочный характер и пока не имела четкого содержательного наполнения, некоторые ученые рассматривали трудовую школу как альтернативу существующему школьному образованию, которое, по мнению ряда педагогов, уже не соответствовало требованиям времени. Соответственно, когда к власти пришли большевики, относительно вопроса реформы школы у них не было четкой платформы, им пришлось воспользоваться теми наработками ученых-педагогов, которые уже существовали к этому времени. В частности, активным сторонником идеи реформирования школы в духе трудового обучения в России был Николай Ефимович Румянцев.

Накануне Первой мировой войны в 1913 году его как лектора Педагогической академии направили в командировку в Германию, в г. Лейпциг, для работы в лаборатории Вильгельма Вундта — основоположника зарубежной школы экспериментальной психологии. За границей Н. Е. Румянцев работал над диссертацией по психологии детского мышления, но вскоре началась война, и ученый попал в немецкий плен. Только в 1917 году он смог вернуться в Россию, но немецкие власти не позволили Николаю Ефимовичу вывезти из Германии свою диссертацию [2, с. 5].

Возвратившись в Россию, Н. Е. Румянцев становится заведующим психологической лабораторией в Соляном городке Петрограда, однако вскоре получает приглашение профессора А. И. Сырцова и прибывает в Пермь. За короткий период пребывания в Перми (1918–1919 гг.) ученый развернул активную деятельность по популяризации идеи трудовой школы.

Он смог объединить вокруг себя педагогическую общественность города, нашел единомышленников в лице профессора Пермского университета А. Г. Генкеля, школьного доктора В. В. Рахманова, организатора дошкольного воспитания О. В. Варфоломеевой, педагога, специалиста в области тифлопедагогики А. П. Серебренникова [4, с. 3].

1918 год был ознаменован серьезными политическими преобразованиями. Советская власть утвердила два важных документа, определяющих реформирование школьного образования, — «Положение о единой трудовой школе» «Основные принципы единой трудовой школы» (Декларация). Школа была объявлена трудовой, единой, бесплатной, светской и доступной всем, независимо от социального и имущественного положения и национальности. Вводилось совместное обучение мальчиков и девочек, основным фактором выступала трудовая деятельность, провозглашалось школьное самоуправление, существовавшие до революции разные типы начальной и средней школы были преобразованы в школы I и II ступеней [3, с. 13].

Преобразование новой школы на местах осуществляли губернские и уездные отделы народного образования. Формирующийся в новой советской республике политический режим нуждался в интеллигенции, однако учительство было дифференцировано, во многом относилось к новой власти настороженно, и довольно смутно представляла задачи новой трудовой школы.

Советская власть в лице Пермского губернского отдела народного образования, претворяя декрет о реформе школы в жизнь, организовала летом 1918 г. первые советские шестинедельные курсы для учителей начальной школы, и на этих курсах впервые заговорили о трудовой школе [4, с. 4].

Читать лекции о трудовой школе пригласили работников Пермского университета: Н. Е. Румянцев (психология), А. Г. Генкеля (естествознание), Н. Н. Савинова (история). Курсы больше носили теоретический характер, практические занятия были только по лепке, рисованию и естествознанию. Была показана работа иллюстративной школы [4, с. 1].

Следующим шагом стало создание при поддержке Пермского уездного отдела народного образования при городском Исполкоме Педагогического бюро, руководителем которого также стал Н. Е. Румянцев. Основными задачами Педагогического бюро были пропаганда среди учительства Пермской губернии идей трудовой школы и встречи с учителями.

С осени 1918 г. в Перми начал выходить журнал «Трудовая школа», издателем которого стал Н. Е. Румянцев. Вначале журнал выходил в виде одной страницы еженедельно, как приложение к газете «Известия уездного Исполкома», с № 8 стал издаваться отдельным изданием [2, с. 5].

На страницах журнала публиковались методические рекомендации для учителей, обзоры российской и зарубежной литературы о трудовой школе, выдержки из работ Дж. Дьюи и К. Кершенштейнера, П. П. Блонского и Н. К. Крупской. Вообще, советская власть благосклонно относилась к трудам американских авторов, особенно Дж. Дьюи, чьи работы издавались большими тиражами.

Дело в том, что американское общество быстро развивалось, в конце XIX в. в Америке уже была массовая школа, а поскольку такая же задача стояла и перед советской властью, опыт Америки в развитии школьного дела большевики брали на вооружение [5, с. 3].

Члены Педагогического бюро выезжали с лекциями о трудовой школе в различные населенные пункты Пермского уезда: Ильинское, Нижние Муллы, Мотовилиху. Однако не везде идеи трудовой школы воспринимались положительно, поскольку педагоги выступали также и перед населением, крестьяне ряда сел (Култаево, Чуваки и Нижние Муллы) считали, что лепка, рисование и экскурсии учащимся не нужны; также высказывались мнения против отмены преподавания Закона Божьего. Тем не менее совсем скоро многие поменяли свою точку зрения в вопросе реформирования школы в духе трудового обучения. Пермские учителя стали использовать экскурсионный метод в обучении, так как журнал «Трудовая школа» пропагандировал изучать местный край, и вскоре ряд пермских педагогов после учительских курсов повезли своих учеников на экскурсии, например, в Чердынь, где дети могли увидеть гору Полюд и совершить экскурсию на Березниковской содовый завод [3. с. 4].

После проведенной экскурсии от педагогов поступали предложения создать специальное экскурсионное бюро для таких путешествий с учениками. Свою посильную поддержку в организации школьных экскурсий предложило «Общество изучения Пермского края» при местном музее. А от пермского учителя Мышкина поступило предложение ввести самообразование учителей в пользу организации Экскурсионного бюро — небольшой процент от учительского жалования, считал он, помог бы делу [4, с. 6].

На страницах журнала обсуждалась и реформа школы в духе трудового обучения, члены Педагогического бюро подготовили доклады и предварительно опубликовали в журнале тезисы своих выступлений к предстоящему съезду учителей Пермской губернии. Авторы докладов подчеркивали, что в современных революционных условиях указания о реформе школы не будут поступать циркулярно сверху, важно творчество масс на местах.

Видение новой трудовой школы у пермских педагогов было следующим:

— новые условия требуют реорганизации народной школы, школа должна быть свободной и демократически трудовой;

— трудовая школа должна основываться не на простом сообщении знаний и послушании, она должна пробуждать в детях творческие силы, инициативу, предприимчивость и развитие всех способностей;

— в трудовой школе обязательны: игры, ручной труд, рисование, лепка, драматизация, сбор интересного научного материала, проведение опытов и экспериментов;

— важное значение имеет ручной труд, трудовая деятельность может проявляться в изготовлении школьных пособий, работы в саду и огороде, в уходе за растениями, занятиями на кухне и в мастерских;

— обучение в трудовой школе должно быть не отвлеченным и книжным, а живым, предметным и индивидуальным;

— воспитание должно носить социальный характер, необходимо развивать у школьников чувство солидарности, ответственности, формировать сильную волю и характер;

— новой школе требуются новые учителя с широким кругозором и знанием психологии детского школьного возраста, учителя, владеющие основами ручного труда, рисованием и лепкой, пением и детским играми [5, с. 2].

Осенью 1918 г. Н. Е. Румянцев был приглашен для чтения лекций на Фребелевские курсы, организованные в г. Перми подвижником дела дошкольного воспитания Олимпиадой Максимовной Варфоломеевой.

К этому времени созданное О. В. Варфоломеевой общество «Светлая юность» трансформировалось во Фребелевские курсы по дошкольному воспитанию, где готовили воспитателей детских садов. Вместе с Н. Е. Румянцевым на курсах читали лекции профессор А. И. Сырцов, специалист по дошкольному воспитанию Е. П. Сумарокова и лидер Учительского союза педагогов народной школы Н. Е. Бочкарев [2, с. 5].

24 декабря 1918 г. политическая ситуация в Перми резко изменилась, в город вошли войска А. В. Колчака. К этому времени под контролем армии А. В. Колчака оказался весь Урало-Сибирский край с центром в г. Омске. Естественно, всякая общественная жизнь на время в Перми замерла. Однако через два месяца возобновилась работа многих учебных заведений: Первой мужской гимназии, Мариинской женской гимназии, частной гимназии Циммерман и Фребелевских курсов по дошкольному воспитанию [7, с. 2]. С приходом белых сил деятельность группы педагогов не прекращается.

Н. Е. Румянцев, будучи председателем Фребелевских курсов в Перми, решает обратиться за финансовой поддержкой в Министерство народного просвещения правительства А. В. Колчака. Он отправляется в Омск с ходатайством и получает от министерства пособие в размере 30 тыс. руб. [8, с. 24].

Весной 1919 г. Фребелевские курсы были преобразованы в высший Фребелевский педагогический институт с трехлетним сроком обучения, а Н. Е. Румянцев был избран руководителем этого учебного заведения. Также он создает «Общество дошкольного и внешкольного воспитания и образования детей», еженедельные встречи этого общества были постоянными. Они собирали большое количество слушателей со всей губернии, так как обсуждались разного рода педагогические вопросы [2, с. 5].

С приходом белых издание журнала «Трудовая школа» прекратилось (последним был № 19), однако в новых условиях Н. Е. Бочкарев предложил Н. Е. Румянцеву свою помощь в организации такого же журнала, но под другим названием — «Свободная трудовая школа».

15 марта 1919 г. вышел первый номер нового журнала, издателями которого были Н. Е. Румянцев, специалист в области экспериментальной педагогики и лидер учительского союза Н. Е. Бочкарев. Несмотря на военное время, издатели продолжили работу по популяризации идеи трудовой школы, начатую ими еще осенью 1918 г., когда они получали поддержку со стороны другой политической силы. Очень многие педагоги в России в условиях разгорающейся Гражданской войны выступали с лозунгом о том, что школа должна быть вне политики.

Основной задачей нового журнала была «теоретическая и практическая разработка вопросов воспитания и обучения; распространение в широких кругах учительства и общества убеждения в необходимости коренной реформы дела народного образования в духе демократических идей трудовой воспитания» [8, с. 1].

Сотрудничать с новым журналом выразили желание многие известные люди города: профессора Пермского университета — Д. В. Алексеев и Л. А. Булаховский, А. Г. Генкель, Ф. Я. Дьяков, Л. А. Зандер, земский деятель Н. П. Белдыцкий, организатор Фребелевского общества в Перми О. М. Варфоломеева, школьный инспектор Н. А. Меглицкий, деятель Пермского учительского союза В. А. Малаховский, учителя Н. П. Одинцов и Н. А. Мальцева, доктор В. В. Рахманов, историк Н. Н. Савинов, профессор А. И. Сырцов, ученый П. В. Сюзев, а также деятели земства Л. Л. Толмачевский и Е. М. Хотенко.

При белых было восстановлено земство, и первоначально в планах земских деятелей было создание под эгидой земства педагогического журнала «Народное образование в Пермской губернии», но за неимением средств решено было финансировать при помощи Министерства народного просвещения только «Свободную трудовую школу» [8, с. 1].

Редакция журнала «Свободная трудовая школа» совместно с отделом народного образования Городской управы проводит ряд публичных лекций по вопросам трудовой школы для учителей губернии. Были организованы летние учительские курсы при поддержке уездных земств в Чердынском, Екатеринбургском, Верхотурском, Камышловском, Шадринском и Красноуфимском уездах [2, с. 6].

Весной 1919 г. Н. Е. Румянцев лично занялся проблемами детских приютов в г. Перми, ему предложили заведование, но он нашел достойных помощников и передал заведывание детскими приютами им.

В планах пермского земства было открытие Педагогического института в Перми. Открытие планировалось осуществить в 1920 году, приурочив его к 50-летию существования Пермского земства. В 1918 году открытие в Перми Педагогического института планировали и большевики, которые настаивали на том, что весь преподавательский состав и слушатели института должны быть коммунистами [8, с. 1].

В июне 1919 г. в Перми был объявлен прием на первый курс Фребелевского педагогического института, директором которого был избран Н. Е. Румянцев, принимались лица с полным средним образованием, при институте предполагался интернат, планировалась выплата земских стипендий для малоимущих слушателей. Однако этим планам не удалось осуществиться, в июле Пермь была занята силами Красной армии [9, с. 4].

Большая часть пермской интеллигенции ушла с войсками А. В. Колчака в Сибирь, эвакуировались в Томск и издатели «Свободной трудовой школы». В Томске продолжилось издание журнала «Свободная трудовая школа». Интересно, что Николай Ефимович, как человек увлеченный, обладал искусством убеждения. Ему многие помогали и содействовали. В эвакуации он продолжал

разъезжать с лекциями, уже по городам Сибири, пропагандируя и популяризируя свои идеи. В Томске вместе с известным педагогом С. И. Гессеном он читал историю педагогики на Высших женских курсах, также организовывал детские клубы, руководил занятиями с ранеными в лазаретах, мечтал написать учебник по психологии детства, хотел возобновить написание своей диссертации [2, с. 6].

О деятельности Н. Е. Румянцева как теоретика трудовой школы знали в Министерстве народного просвещения правительства А. В. Колчака, часть деятелей министерства (И. С. Ключев — депутат Третьей Государственной думы, геолог П. Н. Преображенский — глава МНП, В. Н. Саввин — ректор Томского университета) и другие лица также разрабатывали проект реформы новой школы, которую правительство А. В. Колчака планировало провести на территории Сибири. Формируя проект новой школы, они брали за основу наработки Н. Е. Румянцева, но большинство идей так и осталось на бумаге. О пробуксовке реформы школы в Сибири в своем журнале писал и сам Н. Е. Румянцев, подчеркивая, что актуальные проблемы реформы были сформулированы, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки [6, с. 10].

В 1918–1919 годах, несмотря на военное время и политическое противостояние, ученый сделал очень много для популяризации идеи трудовой школы в России, новая реформа школы в духе трудового обучения была востребована и рассматривалась с одинаковым интересом различными политическими силами.

К сожалению, в декабре 1919 г. жизнь выдающегося педагога-теоретика прервалась, он умер от тифа в возрасте 43 лет в Томске, имея множество незавершенных планов. Его соратники написали некролог и посвятили весь номер «Свободной трудовой школы» рассказу о яркой личности и необычайно активной деятельности ученого, а также опубликовали его работы, которые он написал накануне своей смерти. Интересно, что, будучи выходцем из Московской губернии, Николай Ефимович Румянцев проявил свои и педагогические и организаторские способности именно на пермской земле, сплотив и объединив общим делом многих пермяков [2, с. 6].

Что касается дальнейшей судьбы его сподвижников, то Н. Е. Бочкарев после падения колчаковского правительства вернулся в Пермь и долгие годы работал деканом дошкольного факультета в Пермском педагогическом институте. Олимпиада Максимовна Варфоломеева прожила долгую жизнь, скончавшись в возрасте 95 лет, и оставила яркие воспоминания о развитии дошкольного образования на Урале [1, с. 187–218]. Да и сама идея трудовой школы, которую так увлеченно пропагандировал Н. Е. Румянцев, была реализована уже в условиях советской России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варфоломеева О. М. История дошкольного воспитания в г. Перми и Урало-Камском крае (1910–1922). Пермский краеведческий сборник. Издание кружка по изучению Северного края при Пермском университете. Вып. IV. Пермь. 1928. С. 187–218.
2. Лепилов К. М., Бочкарев Н. Е. Общественный работник // Свободная трудовая школа. Томск, 1920. № 2. С. 4–9.
3. Положение об Единой трудовой школе РСФСР утверждено ВЦИК 30 сентября 1918 г. // Народное просвещение. Журнал Наркомпроса РСФСР. 1918. № 18. С. 13–15.
4. Румянцев Н. Е. Районное учительское собрание в Нижних Муллах // Трудовая школа. Пермь, 1918. № 7. С. 2–3.
5. Серебrenников А. П. Сопещание по вопросу о реформе школы // Трудовая школа. Пермь, 1918. № 3. С. 2–4.
6. Румянцев Н. Е. Бюрократическое творчество // Свободная трудовая школа. Томск, 1920. № 2. С. 10–13.
7. Свободная Пермь. Пермь, 1919. № 8. С. 2–3.
8. Свободная трудовая школа. Пермь, 1919. № 1. С. 1–2.
9. Современная Пермь. Пермь, 1919. № 11. С. 4–5.

В.С. КОЛБАС

Пермское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

ДОМА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1920 ГОДАХ

Аннотация. В деле борьбы с безграмотностью, просвещения широких народных масс и приобщения их к культуре большую роль играли дома народного просвещения, которые появились ещё до Октябрьской революции. Опыт деятельности домов народного просвещения был взят на вооружение советской властью. Примером может служить политехникум, цели и задачи которого были изложены в брошюре «Дом народного просвещения в гор. Перми», один экземпляр которой сохранился в библиотеке В.И. Ленина в Кремле.

Ключевые слова. Советская власть; культурное строительство; Дом народного просвещения; Пермь; В. И. Ленин.

V.S. KOLBAS

Perm branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments

HOUSES OF PEOPLE'S EDUCATION IN THE PERM PROVINCE (1918-1920)

Abstract. The sprouts of the Houses for education appeared even before the October Revolution, and their experience have been adopted by the Soviet government. The article considers the content of the brochure "House of Public Education in the city Perm", one copy of this brochure has been preserved in the library of V. I. Lenin in the Kremlin.

Keywords. Soviet power; cultural construction; House of Public Education; Perm; V. I. Lenin.

О существовании этой книжицы я узнал из очерка «Знакомился и одобрил...» уроженца города Чусового Свердловской области (ныне — Пермского края), свердловского краеведа и библиофила Юрия Михайловича Курочкина [1]. Он так описывает эту библиографическую редкость, купленную им за пять копеек в букинистическом магазине в Перми, который находился на Комсомольском проспекте, 17: «Небольшая — в половину тетрадного листка размером, тощенькая — всего сорок страничек, невиденькая брошюрка на какой-то зеленоватосерой бумаге... Суховатое служебное заглавие — «Дом Народного Просвещения в гор. Перми», официальность которого усиливается ещё и грифом: «Утверждено Перм. Окр. Исп. Ком. Сов. Рабоч., Крест. и Арм. Депутатов, в заседании 24 и 30 мая 1918 г.» [2, с. 113].

Любопытство моё подогрел тот факт, что брошюра эта сохранилась в личной библиотеке Владимира Ильича Ленина в Кремле с пометой «Н. Крупской» [3, с. 472]. О том, как книжица попала к Надежде Константиновне Крупской, прояснили воспоминания председателя правления Дома народного творчества,

рабочего университета и политехникума в Перми в 1917–1918 годах Георгия Кирилловича Козьминых. В августе 1918 г. он был делегатом Всероссийского съезда по просвещению, когда и передал Н. К. Крупской брошюру, с которой познакомился В. И. Ленин и одобрил учебный план [4, с. 237; 5, с. 154]. В воспоминаниях Г. К. Козьминых отмечает тот факт, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская хорошо знали члена правления и одного из организаторов Дома народного просвещения в Перми, учёного-ботаника, профессора Александра Германовича Генкеля [6], с ним они близко познакомились в 1907 г. в дачной местности Стирсудден, где отдыхали после Лондонского съезда [4, с. 237; 5, с. 154].

Позже эти сведения пригодились мне, когда я работал над дипломным сочинением «Культурное строительство в Пермской губернии в 1917–1920 годах», завершая в 1981 году обучение на историческом факультете Пермского государственного университета, тогда ещё носившего имя Алексея Максимовича Горького.

Одной из форм деятельности культурно-просветительных организаций, основанных на самодеятельности трудящихся масс, были народные дома, созданию которых органы советской власти в Пермской губернии уделяли большое внимание. Закономерно, что в апреле 1918 г. Первый объединённый Пермский губернский съезд Советов постановил выделить 25 000 руб. в распоряжение окружного совета народного образования для выдачи из этой суммы пособий на постройку зданий народных домов [7, с. 302]. Чутко реагируя на запросы трудового населения губернии и оказывая практическую помощь работникам на местах, съезд Советов поручил строительному отделу составить альбом типичных зданий в двух вариантах — на большие и меньшие размеры — с сочетанием различных комбинаций: отдельно народных домов, народных домов и помещений советских организаций и т. д. [там же].

Народные дома открывались во многих населённых пунктах губернии: в народном доме в Ильинской волости по воскресеньям проводились чтения с «туманными картинками» [8], действовали народные дома в Кунгурском уезде [9, с. 211], в Осинском уезде их насчитывалось 48 [10, с. 40]. В апреле 1918 г. было объявлено об образовании фонда на создание народного дома в Чердыни [11].

В мае 1918 г. Пермский окружной исполнительный комитет одобрил проект создания в Перми Дома народного просвещения [7, с. 316]. В проекте конституции указывалось, что «Дом народного просвещения в Мотовилихе и Перми является высшим культурным очагом и духовным рассадником знания в среде пролетариата Урала» [12, л. 29]. Предусматривалось, что руководящим органом Дома народного просвещения явится совет, состоящий из 440 человек представителей предприятий и культурно-просветительных организаций [12, л. 30, 31].

Цели и задачи нового культурного центра были изложены в описанной выше небольшой брошюре. В ней сообщается, что в разработке вопросов, связанных с учреждением Дома народного просвещения, приняли участие 63 организации — профсоюзные, партийные, цехи, заводы города Перми и Мотовилихи. Смета, предусматривающая расходы на создание и организацию деятельности Дома народного просвещения, выразилась в сумме 1 595 160 руб. [13].

На съезде комиссаров народного просвещения Пермской губернии и учителей-интернационалистов в июле 1918 г. был заслушан специальный доклад [14, с. 1–2], об организации в Перми Дома народного просвещения, «цель которого — поднятие культуры вообще и распространение знаний среди пролетариата в частности» [14, с. 1].

В обязанности Дома народного просвещения входило «создание Народного университета с отделениями: 1) социально-юридическим. 2) историко-филологическим, 3) естественноисторическим, 4) медицинским; Народного политехникума, который выпускал бы истинно народных инженеров; Школы народного искусства с отделениями: 1) прикладных знаний, 2) каменоломного производства, 3) скульптуры, 4) фарфорового производства, 5) отдел драматической сцены, 6) отдел народной консерватории» [7, с. 132].

В основу всех отделов народного университета был положен отдел общеобразовательный. Для поступления в университет не требовалось никакого ценза. Наиболее способных из деревенской бедноты — это предусматривалось особо — рекомендовалось направлять для получения образования в Дом народного просвещения [Там же].

В резолюции по докладу съезд одобрил важный и полезный почин организации Дома народного просвещения, который «будет воспитывать духовную мощь пролетариата как строителя новой жизни», и структуру Дома народного просвещения «как правильную основу творчества самых широких революционных масс» [Там же].

6 сентября 1918 г. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) утвердил смету Дома народного творчества в городе Перми [15], а внешкольный отдел Наркомпроса счёл возможным в счёт выделенного кредита выдать Дому народного просвещения аванс в размере 300 000 руб. [15, л. 34–35]. Ранее, в мае 1918 г., Пермский окрисполком принял постановление об ассигновании отделу народного просвещения 100 000 руб. на предварительные расходы по организации Дома народного просвещения [13, с. 33].

Планов было много... Коррективы внесла Гражданская война, разгоревшаяся в России. Она затормозила на части территории страны, в том числе и на Урале, процессы строительства новой жизни, но не могла их полностью остановить. Так, в январе 1919 г. подотдел народных домов Наркомпроса на пленарном заседании рассмотрел вопрос о значении и задачах народных домов в новом строе и план их организации во всероссийском масштабе [16].

В своём докладе заместитель заведующего подотделом народных домов В. Соловьёв подчеркнул, что «с переходом государственной власти в руки трудового народа и в переживаемый период устроения им своей жизни на новых социалистических началах, идея народного дома получает новый, революционный смысл и приобретает значение исключительной важности: народный дом в новом строе является не только сосредоточием важнейших видов внешкольного просвещения и центром местной общественной жизни, но и очагом новой социалистической культуры» [Там же, л. 7].

В докладе выдвигались три основные задачи, которые необходимо было решить народным домам: 1) объединить территориально и административно важнейшие и обязательные элементы государственной системы внешкольного образования; 2) стремиться сосредоточить в себе все культурные начинания местных общественных организаций трудового народа, а также поддерживать все мероприятия просветительского, экономического и политического характера и 3) содействовать пробуждению и развитию самостоятельности народа в широкой области культурного строительства на новых, социалистических началах [там же].

Подчёркивалось, что работа центральных и местных органов, выполняющих организационную работу по строительству народных домов во всероссийском масштабе, должна строиться на широких коллегиальных началах [там же, л. 8].

Опираясь на решения центральных партийных и советских органов, 3 июня 1920 г. Пермский губернский отдел народного образования утвердил штаты народных домов как государственных внешкольных учреждений и общее положение об управлении народными домами [17].

Положение устанавливало, что во главе народного дома стоит совет, который контролирует и направляет всю деятельность народного дома. В состав совета входили представители партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, женотдела, заведующие секциями народного дома. Заведующий народным домом назначался отделом народного образования и входил в состав совета в качестве его председателя [там же, л. 90].

Учебно-воспитательная работа народного дома возлагалась на инструкторскую коллегию, состоящую из всех заведующих учреждениями народного дома, возглавлял которую заведующий народным домом [там же, л. 90–90 об.].

Деятельность народных домов тормозилась из-за нехватки квалифицированных кадров, способных вести такую серьёзную и политически значимую культурно-просветительскую работу. Поэтому ещё до утверждения положения о народных домах подотдел подготовки совместно с внешкольным подотделом 1 апреля 1920 г. выработали программу трёхмесячных курсов для подготовки заведующих народными домами и наметили привлечь к занятиям ведущих специалистов — Петра Ивановича Субботина-Пермяка [18], Александра Константиновича Сыропятова [19] и других деятелей культуры. В извещении об организации курсов было указано представительство от русского населения и других национальностей по уездам: предусматривалось, что русские люди должны были быть представлены в количестве 117 человек, а другие национальности — в количестве 33 человек [20].

Никакие трудности не могли остановить стремление народных масс к знаниям, к свету. И об этом красноречиво говорят цифры и факты.

Так, в мае 1920 г. на Пермском губернском съезде заведующих школьными и дошкольными подотделами представитель Чердынского уезда сообщал, что в Ныробском районе в день 1 мая открыто два народных дома первой ступени — «Красная звезда» и «Свобода», а также народный дом второй ступени «Интернационал». При «Интернационале» организована театральная секция,

ставятся спектакли, которым предшествуют митинги [21]. Десять народных домов действовало в Оханском уезде. При каждом народном доме имелась сцена, где любители драматического искусства ставили спектакли [22]. В Чердынском народном доме, как сообщала газета Российского телеграфного агентства (РОСТА), предполагалось шить древнерусские костюмы и поставить отрывки из оперы Алексея Николаевича Верстовского «Аскольдова могила» [23]. Всего в Пермской губернии к концу 1920 г. действовало 97 народных домов и клубов [24].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмаков А. А., Шмакова Т. А. Урал литературный. Краткий библиографический словарь. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1988. С. 149.
2. Курочкин Ю. М. Книжные встречи. 2-е изд. доп. М.: Книга, 1988.
3. Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М.: Всесоюз. кн. палата, 1961.
4. Козьминых Г. К. Карта империалистов будет бита // В. И. Ленин и Пермский край: сб. документов, материалов и воспоминаний. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1970.
5. Мгновения — на всю жизнь: Воспоминания о встречах с В. И. Лениным. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991.
6. Инзельберг В. Д. Генкель Александр Германович // Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиограф. справочник. Пермь, 2000. С. 105.
7. Упрочение Советской власти в Пермской губернии: Документы и материалы. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1966.
8. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 265. Оп. 1. Д. 102. Л. 17об.
9. Лукьянова Е. Н. Из истории советского строительства в Пермской губернии в 1918 году // Из истории края // Учёные записки Пермского университета. Пермь, 1964. № 108.
10. Н. К. Крупская и Прикамье: сб. документов и воспоминаний. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1969.
11. Известия Пермского губисполкома. 1918. 25 апр. № 75.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ, ранее — ЦГА РСФСР). Ф. 2306. Оп. 15. Д. 24.
13. Дом народного просвещения в гор. Перми. Пермь: Гос. тип., 1918. С. 29, 34–36.
14. Съезд комиссаров народного просвещения Пермской губ., учителей-интернационалистов и учителей, стоящих на советской платформе. Пермь, 1918.
15. ГАРФ. Ф. 2306. Оп.15. Д. 24. Л. 37
16. ГАРФ. Ф. 2306. Оп.2. Д. 76. Л. 7–8.
17. ГАПК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 29. лл. 88об., 90–93.
18. Казаринова Н. В. Субботин-Пермяк Пётр Иванович // Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиограф. справ. Пермь, 2000. С. 255–256.
19. Неганова С. Г. Сыропятов Александр Константинович // Краеведы и краеведческие организации Перми: Библиограф. справочник. Пермь, 2000. С. 258–259.
20. ГАПК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
21. ГАПК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 30. Л. 62об.
22. ГАРФ. Ф. 2306. Оп.15. Д. 478. Л. 49.
23. ГАПК. Ф. 484. Оп. 2. Д. 290. Л. 10.
24. ГАПК. Ф. 23. Оп.1. Д. 13. Л. 366.

ПЕРМЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

УДК 94(470.5)''1914/18''

Н.А. НЕВОСТРУЕВ

Пермский государственный медицинский университет имени академика Е. А. Вагнера

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ В ГОРОДЕ ПЕРМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 ГОДЫ)

Аннотация. В статье дается характеристика организации медицинской помощи и её основных направлений в городе Перми в условиях Первой мировой войны, а также анализ особенностей каждого из выделенных периодов.

В первом периоде, охватывающем время второй половины 1914 — первой половины 1915 года, центральное место занимала проблема организации медицинской помощи раненым и больным воинам, эвакуированным с театра боевых действий, а также организация и отправка на фронт подвижных лазаретов общества Красного Креста. Не меньшую важность представляли вопросы формирования врачебного корпуса, медицинского персонала, помещений для лазаретов, обеспечения помощью раненых и больных воинов со стороны общественности города.

На втором этапе (вторая половина 1915 – 1916 год) происходит усложнение системы медицинской помощи в городе за счет появления на территории Пермской губернии военнопленных, необходимости обеспечения медицинского контроля за призывниками в действующую армию, размещение и медицинская помощь беженцам, нарастание социальных трудностей в связи с открытием Пермского отделения Петроградского университета. Отмечается возрастание числа женщин-врачей в связи с призывом мужчин-медиков на войну.

В третьем периоде (1917 год) выявляется быстрое нарастание системного кризиса в обеспечении медицинской помощи в городе Перми, связанный с целым рядом проблем: усугубляющаяся дороговизна всего комплекса жизненно важных продуктов питания, квартирный кризис, нехватка медикаментов и др. Анализируется работа Александровской губернской земской больницы в этих сложных условиях, что приводит к отмене бесплатного лечения для стационарных больных. Отмечается рост смертности населения города от инфекционных болезней, эмоциональное и физическое «выгорание» медицинского персонала.

Итогом становится начало коллапса всей системы медицинской помощи, сопровождаемого политическими пертурбациями в стране. В заключение даются выводы по всем рассматриваемым проблемам.

Ключевые слова. Первая мировая война; Всероссийский союз земств и городов; Всероссийское общество Красного Креста; городское самоуправление; благотворительная помощь раненым и больным воинам; лазареты; врачебные кадры; Александровская земская губернская больница; военнопленные; беженцы.

N.A. NEVOSTRUEV

Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner

THE MAIN DIRECTIONS OF MEDICAL CARE IN THE CITY OF PERM DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1917)

Abstract. The main scientific hypothesis of this study is the identification of periods in

the organization of medical care in the city of Perm during the First World War and the analysis of the characteristics of each of them.

In the first period, covering the time of the second half of 1914 – the first half of 1915, the central place was occupied by the problem of organizing medical care for wounded and sick soldiers evacuated from the theater of operations, as well as the organization and sending to the front of mobile infirmaries of the Red Society Cross. No less important were the issues of formation of the medical corps, medical personnel, premises for infirmaries, helping wounded and sick soldiers from the public of the city.

At the second stage (the second half of 1915–1916), the system of medical care in the city became more complicated due to the appearance of prisoners of war on the territory of the Perm province, the need to ensure medical control over conscripts in the Active Army, accommodation and medical assistance to refugees, and the growth of social difficulties in connection with the opening of the Perm branch of Petrograd University. There has been an increase in the number of female doctors in connection with the conscription of male doctors into war.

In the third period (1917), a rapid increase in the systemic crisis in the provision of medical care in the city of Perm was revealed, associated with a number of problems: the increasing high cost of the entire complex of vital foodstuffs, the apartment crisis, the shortage of medicines, etc. The work of the Alexander Provincial Zemstvo Hospital in these difficult conditions is analyzed, which leads to the abolition of free for inpatients. There is an increase in the mortality rate of the city's population from infectious diseases, emotional and physical "burnout" of medical personnel. The result is the beginning of the collapse of the entire system of medical care, accompanied by political perturbations in the country.

In conclusion, reasonable conclusions are given on all the problems under consideration.

Keywords. First World War; All-Russian Union of Zemstvos and Cities; All-Russian Red Cross Society; city self-government; charitable assistance to wounded and sick soldiers; infirmaries; medical personnel; Alexander Zemstvo Provincial Hospital; prisoners of war; refugees.

300-летний период истории г. Перми наполнен событиями различного масштаба. Однако период Первой мировой войны в исторических летописях города занимает довольно скромное место. Особенно это касается проблем городской медицинской помощи.

Первая мировая война оказала глобальное влияние на ход мирового развития. Прежде всего, закончилась целая историческая эпоха – Новое время, продолжавшаяся более 250 лет. Кардинальным образом изменилась геополитическая карта мира, разделившая его на два мировых социально-экономических и политических лагеря. Противостояние между ними создает новый исторический период Новейшего времени [1]. Война, начавшаяся в августе 1914 г., стала переломным моментом в жизни нескольких поколений и создала новое историческое пространство.

Одним из аспектов состояния любой страны в чрезвычайных условиях войны является социальная сфера, где несомненное лидерство принадлежит системам медицинской помощи. Созданная в ходе реформ 1860–1870-х годов земская медицина являлась одним из ведущих элементов системы здравоохранения в царской России и охватывала самое большое население страны – крестьянство. К началу войны земская медицина была наиболее эффективно организованной структурой российской медицины [2]. Именно она стала основой для лечения раненых и больных в ходе всех периодов войны в организационных рамках Всероссийского союза земств и городов. Существенную роль в становлении медицинской помощи на фронте сыграли местные отделения Всероссийского общества Красного Креста.

В меньших масштабах развивалась городская медицина при доминировании частнопрактикующих врачей. Для Перми и Пермского уезда основным лечебным учреждением оставалась губернская Александровская земская больница, оказывающая практически весь спектр специализированной медицинской помощи. Напомним, что в 1913 году на Второй Всероссийской гигиенической выставке Александровская больница была отмечена среди лучших провинциальных лечебных учреждений России. Здесь же находились и самые опытные врачебные кадры.

Анализ источников позволяет выделить три периода в развитии медицинской помощи в губернском центре, каждый из которых представляет собой самостоятельный этап: первый – с августа 1914 г. до середины 1915 г.; второй – с середины 1915 г. до конца 1916 г. и третий – 1917 год. Каждый из них имел свои особенности и требовал собственных мероприятий для решения важных социальных проблем. Мы не рассматриваем 1918 год, так как он относится уже ко времени становления новых принципов организации медицинской помощи, а также практическому завершению военных действий со стороны России.

Основой для исследования послужили фонды Государственного архива Пермского края, материалы сессий губернского земского собрания, Пермского городского самоуправления, Пермского уездного земского собрания, публикации в «Пермских губернских ведомостях», «Пермской жизни», «Пермской земской неделе», «Врачебно-санитарной хронике» периода 1914–1917 гг., опубликованные статьи. Автор выражает благодарность сотрудникам Центра цифровой гуманитаристики ПГНИУ, выполнившим оцифровку местных газет этого периода [3].

Первая мировая война оказалась самым серьезным испытанием для Российской империи в начале нового столетия. На войну было призвано 15,8 млн человек, в том числе из Пермской губернии – 416 тыс. человек (по числу призванных ратников наша губерния занимала третье место после Томской и Херсонской губерний). Новые качества ведения войны: использование автоматического оружия, мощных артиллерийских систем, применение авиации, танков, отравляющих газов и др. – приводят к массовым жертвам. Боевые потери России (убитые, увечные и пленные) составили около 4,5 млн человек, а санитарные потери (раненые и больные) – 4 269 500 человек [4, с. 5]. Самые крупные потери в годы войны понесла социальная сфера. Повышение цен сказывалось на всех показателях уровня жизни населения: питания, жилья, одежды и, несомненно, на фоне роста массовых инфекционных заболеваний снижался уровень доступной медицинской помощи. Трудности нарастали постепенно, незаметно, на первый взгляд, для обывателей (да и для специалистов – тоже) и привели к ситуации социальной катастрофы. А в 1917 году – и к политической катастрофе.

Первый период. Начало войны с точки зрения оказания медицинской помощи и санитарного состояния города для жителей Перми оказалось достаточно щадящим из-за созданной в предшествующее время системы земской и городской медицины. Тем более что в городе успешно действовала губернская Александровская земская больница, оказывающая все виды медицинской помощи.

Медленными темпами, но строилась городская лечебница. 30 июля 1914 г. в Москве состоялся организационный съезд представителей губернских земств, объявивший о создании Всероссийского земского союза помощи раненым и больным воинам, взявшего на себя основную тяжесть этого сложного направления [5, с. 6–7]. 9 августа 1914 г. создается Всероссийский союз городов с аналогичными задачами [6, с. 5–6]. Во всех этих организациях Пермское губернское земство и городские самоуправления приняли самое активное участие. Центром организационной работы стали губернская земская управа и губернское Санитарное бюро, которое с марта 1913 г. до июля 1918 г. возглавлял И. К. Курдов. В губернской управе ответственным за организацию приема раненых и больных становится член управы И. В. Воробьев. От администрации губернатора уполномоченным Главного управления Красного Креста являлся М. В. Кукаретин, глава губернского присутствия по крестьянским делам, а Н. Н. Виноградский, начальник губернского по земским и городским делам присутствия, курировал работу Земского союза. От военного ведомства за размещение прибывающих раненых и больных воинов отвечал начальник окружного эвакуационного пункта генерал-майор П. С. Александров. Необходимо отметить, что в городе удалось создать систему согласованной работы всех заинтересованных организаций и обеспечить высокий уровень врачебной помощи раненым и больным воинам.

Весомый вклад в помощь Действующей армии внесло местное отделение Всероссийского общества Красного Креста, традиционно возглавляемое губернатором. Уже 17 августа 1914 г. был сформирован и отправлен в действующую армию лазарет Красного Креста, где старшим врачом весь период войны являлся ординатор Александровской больницы В. А. Хомяков, имевший опыт руководства лазаретом еще в русско-японскую войну [7, л. 5–6]. По призыву губернского земства к крестьянству Пермской губернии в сентябре 1914 г. формируется второй этапный лазарет, получивший название «Лазарет крестьян Пермской губернии», отправившийся на фронт 30 октября 1914 г. [8, с. 3–5]. Первоначально врачами были И. А. Истомин и Ф. М. Кожушко, а затем старшим врачом до конца войны назначается Н. А. Синакевич, бывший санитарный врач города Перми. Он перешел сюда из врачебного состава лазарета «Койки Пермской церкви» на 25 кроватей, основанного на средства Пермской епархии и отправленного на фронт 15 сентября 1914 г. [9, с. 711]. Всего к концу 1915 г. на фронте действовало пять подвижных лазаретов из Пермской губернии [10, с. 150–154].

10 августа 1914 г. 51 чрезвычайное губернское земское собрание объявило о присоединении Пермского земства к деятельности Всероссийского земского союза. В его руководящий состав был избран член земской управы В. А. Чердынцев, членами губернского комитета становятся А. И. Мухлынин, А. П. Гаврилов и И. Н. Темников. Собрание одобрило выделение 200 тыс. руб. в адрес Всероссийского союза и 300 тыс. руб. для финансирования губернского и уездных комитетов [11, с. 17–18]. 11 сентября 1914 г. при губернском комитете создается специальная комиссия врачей лазаретов для координации их деятельности. По городу Перми старшим врачом лазаретов

Земского союза назначается А. И. Губович, опытный врач и администратор, бывший старший врач пермской тюремной больницы, также работавший старшим врачом Александровской больницы, а старшим врачом лазаретов Городского союза – врач И. Г. Шильдкрет [12, л. 2–3]. Распределение медицинского персонала было следующим: один врач на 100 раненых, на 50 больных – один фельдшер и на каждые 25 чел. – одна сестра милосердия. Фельдшерские кадры рекрутировались из слушателей 4 курса Пермской фельдшерской школы, а с 20 сентября в здании Кирилло-Мефодиевского училища были открыты месячные курсы подготовки сестер милосердия по 100 чел. в каждом наборе [13, с. 533–534].

На первых порах в Перми открывается три типа лечебных учреждений для раненых и больных воинов: госпитальные (для тяжелораненых), госпитально-патронажные (для раненых под постоянным наблюдением врача) и патронажные (для легкораненых). К первому типу относились: Александровская губернская больница (на 320 коек), лазареты в доме трудолюбия (на 130 коек), в городском заразном бараке (на 30 коек), в Мотовилихинском заводском госпитале (на 250 коек). Первоначально было образовано пять госпитально-патронажных лазаретов: при городской богадельне (на 120 коек), в Насоновском училище (на 128 коек), в Пермской общине Красного Креста (на 20 коек для офицеров), два лазарета в Мотовилихе (на 75 коек). Патронажные лазареты находились в корпусах учебных заведений города (11 лазаретов на 660 коек). Таким образом, общее число пермских лазаретов (стационарных гражданских лечебных заведений) достигло в начальный период войны 20 с общим коечным фондом на 1733 места. Врачами губернской управой в эти лазареты были назначены: А. Н. Попов, В. И. Реймерс, И. К. Курдов, В. П. Иванов, Н. М. Назаровский, В. М. Здравосмыслов, Л. Е. Мартынов, А. И. Губович, П. Н. Серебренников, В. П. Шипицын, С. В. Ураевский, Ф. И. Грацинский, А. М. Селюгин, Г. И. Баджиев. Они же выступали в качестве консультантов в патронажных лазаретах [14, с. 537–544]. К 1 сентября 1914 г. в Пермской губернии было подготовлено 1299 госпитальных и 6400 патронажных коек [15, с. 29].

Новые качества ведения военных действий сопровождалось большим количеством убитых и раненых, что стало неожиданным для всех воюющих сторон. Уже к началу сентября 1914 г. госпитали (лечебные заведения военного ведомства) и лазареты центральных губерний страны и столичных центров были переполнены. Появилась острая необходимость перемещения раненых и больных в восточные губернии, в том числе и в Пермскую. Первая партия раненых в Пермскую губернию поступила на пароходах из Нижнего Новгорода 3 сентября 1914 г. в лазареты Осы и Оханска, а 7 сентября раненых встретили в Перми (100 чел.) и разместили в доме трудолюбия. 10 сентября прибыло еще два парохода (200 чел.). Для встречи санитарных транспортов в городе были организованы специальные дружины (более 40 отрядов по 15–30 чел.). Их основу составляли учащиеся школ, гимназий, училищ, Духовной семинарии во главе с преподавателями, которые сопровождали раненых до места их размещения [16, с. 23–24].

С окончанием навигации 1 октября основной поток раненых в Пермь направлялся из Петроградского эвакуационного пункта санитарными поездами (каждый до 400 чел.). Обычно такие санитарные поезда прибывали два раза в неделю. В Перми окружной эвакуационный пункт распределял раненых и больных воинов, оставляя их в лазаретах Перми, или направляя их далее: в Екатеринбург, Нижний Тагил, другие уездные города губернии по линии железной дороги.

При каждом лазарете создавалось попечительство, ставившее своей целью обеспечение раненых и больных бельем и питанием. Для координации их деятельности 20 декабря 1914 г. создается Центральный попечительный комитет пермских лазаретов под председательством супруги губернатора Ольги Александровны Лозина–Лозинской. Задачами этой организации были: поиск новых источников финансирования лазаретов, содержание центрального склада белья и одежды для выписывающихся из лазаретов, оказание материальной помощи лазаретам при недостаточном финансировании, методическая помощь попечительствам. Центральный склад начал выдачу белья 28 декабря 1914 г. [17, с. 1]. Население города достаточно активно откликнулось на сбор пожертвований для лазаретов. Только в первый военный год ежемесячно поступало вещей на сумму более 50 тыс. руб. (чтобы представить себе эту сумму в современном исчислении, то она составляла более 64 млн. руб.), что позволяло обеспечивать лазареты города всем необходимым в достаточном количестве.

Стремительный поток раненых и больных в Пермскую губернию к началу 1915 года создает трудности с нехваткой лечебных коек и врачебных кадров. Многие врачи были призваны по мобилизации в действующую армию, ощущалась нехватка сестер милосердия. Находившиеся в городе вольнопрактикующие врачи (нами выявлено 79 врачей, находившихся в Перми, из которых 17 человек были зубными врачами) не могли закрыть все вакансии лечебного персонала, поэтому врачи были вынуждены работать в нескольких лазаретах одновременно. Например, зав. хирургическим отделением Александровской губернской земской больницы Н. М. Назаровский работал в лазарете по основному месту работы, а также в лазаретах при Окружном суде, Суслинском училище, Общественном собрании, Александровской гимназии и еще вел частную практику [18, л. 11–12]. Проблема лечебных площадей решалась за счет широкого вовлечения помещений учебных заведений города. Так, лазареты были размещены в обеих мужских гимназиях, Мариинской женской гимназии, железнодорожном, Кирилло-Мефодиевском, Екатерино-Петровском, реальном училищах, Торговой школе, училище слепых, земских учебных мастерских на Слудке. Правительствующий Синод разрешил Пермской епархии размещать лазареты в церковных учебных заведениях города: Духовной семинарии, Духовном, Епархиальном и учительском училищах. Это позволило к середине 1915 г. увеличить число лечебных коек в городе Перми до 2,5 тысячи, а число лазаретов – до 33 [19, с. 170–173].

Большую помощь медицинскому персоналу лазаретов, несмотря на сложности с процессом обучения, оказывали учащиеся. Особой активностью отличались учащиеся

Александровской мужской, Мариинской женской гимназий, Духовной семинарии и Епархиального училища. Так, по нашим подсчетам в газетных публикациях 1915 г., только семинаристы провели в лазаретах Перми 28 концертов и спектаклей, гимназисты Александровской гимназии дали для раненых воинов 17 литературно-художественных вечеров, организовывали праздничные концерты в Новый год, на Пасху [20]. Инициаторами этой работы стали директор Александровской мужской гимназии Г. Г. Генкель и инспектор Духовной семинарии Н. И. Знамировский. Частым гостем в лазаретах Перми был глава Пермской епархии епископ Андроник. Обыденным явлением становятся дежурства молодежи в палатах, чтение и написание писем для раненых и больных воинов, посылная помощь сестрам милосердия, сбор средств и вещей для лазаретов, вручение подарков в праздничные дни и др.

Второй период был связан с важными объективными событиями. Еще в январе 1915 г. в пределы Пермской губернии стали прибывать военнопленные с фронта. В самом городе Перми они не размещались из-за его стратегического положения, а отправлялись в уезды губернии для различных хозяйственных работ. Но в пригороде – в Верхних Муллах – был открыт лечебный барак для больных военнопленных, где первоначально медицинская помощь оказывалась врачом военного ведомства И. И. Голубевым, от городских лазаретов в Верхние Муллы был командирован врач психиатрической больницы Я. Г. Ильон.

Позднее там стал практиковать врач из числа военнопленных Д. Л. Зайдель [21, с. 43]. Главными проблемами становятся высокий уровень инфекционных заболеваний и высокая смертность среди военнопленных. Эти вопросы специально обсуждались на заседании постоянной комиссии врачей Пермских лазаретов в апреле 1915 г., где были высказаны опасения о возможности переноса заразных заболеваний в город и необходимости постоянного контроля со стороны медицинского персонала и Санитарного бюро [22, с. 120–121].

Не меньше проблем создавали призываемые на войну ратники. Размещение формируемых воинских частей легло на плечи города. Они были сосредоточены в Ночлежном доме Н. В. Мешкова, Александровской женской гимназии, занимали вторые этажи в Духовной семинарии, Духовном и епархиальном училищах. Медицинская комиссия располагалась в Кирилло-Мефодиевском училище. Дополнительным грузом на плечи медицинского персонала города ложилось участие в призывных комиссиях и освидетельствование раненых после их излечения. При этом также сокращались лечебные койки в лазаретах. Для их восполнения городскому самоуправлению пришлось расконсервировать помещение бывшего казенного винного склада и приспособить его под лазарет.

Обременительным для хозяйства Перми, его медицинской системы стало строительство барачных на территории психиатрической больницы по требованию военного министерства для 131 эвакуационного военного госпиталя. Отметим также, что созданная ранее четкая система доставки раненых и больных с фронта в тыловые районы претерпела значительную деформацию: теперь санитарные поезда прибывали без расписания, число находившихся в них раненых и больных превышало 500 чел., к тому же условия перевозок значительно ухудшились.

К лету 1915 г. в полной мере встала еще одна социальная проблема – беженцы. Пермская губерния входила в состав 10-го района по устройству беженцев внутри империи, управление которым находилось в Самаре. Предполагалось, что в Пермскую губернию будет направлено около 100 тыс. беженцев. Время их наиболее массового поступления пришлось на сентябрь и октябрь 1915 г. К 1 января 1916 г. в губернии осело 25 тыс. человек (основная часть находилась в Пермском уезде и городе Перми – более 7,5 тыс.), 63 % из них были взрослые, а 37 % – дети [23, л. 34, 35]. Все городские и уездные комиссии входили в состав известного Татьянинского комитета помощи беженцам, образованного еще в августе 1914 г.

В Перми вопросами размещения, питания, оказания медицинской помощи и организации жизни беженцев занимался специальный комитет, где было образовано пять комиссий: врачебно-санитарная, регистрации и приема, питания и снабжения одеждой, жилищная и бюро труда. Председателем медицинской комиссии стал представитель Пермской городской Думы П. С. Петухов, его заместителем – врач И. Г. Шильдрет (эвакуированный из Лодзи). Для размещения беженцев было нанято семь домов городских обывателей, самое большое общежитие на 200 чел. размещалось в доме П. П. Бармина.

В бюро труда в сентябре 1915 г. зарегистрировалось 238 чел. Самый большой спрос по найму был на прислугу и кухарок. В феврале 1916 г. была открыта белошвейная мастерская, где работали женщины-беженки [24, с. 3]. Позднее были созданы национальные отделы помощи беженцам: польский, еврейский и латышский. К марту 1916 г. в Перми находилось 6212 беженцев, среди которых 1832 мужчин, 2156 женщин, 2224 детей. По национальностям они распределялись следующим образом: русских 1292 чел., поляков 738 чел., латышей и литовцев 1115 чел., евреев – 767 чел. [25, с. 3]. Все беженцы пользовались медицинской помощью и обеспечивались лекарственными препаратами на общих основаниях, как и жители Перми. Врачом для беженцев был принят бывший врач еврейской больницы Могилева Р. И. Кауфман.

Среди важных мероприятий этого периода можно отметить открытие в городе Перми мастерской по изготовлению конвертов и веревочных туфель инвалидами войны при фабрике Алафузова в октябре 1916 г., а в ноябре создается убежище для инвалидов на 43 человека [26, с. 32].

Продолжающийся отток медицинских кадров на фронт приводит к большому дефициту квалифицированных медицинских кадров. Так, к концу 1916 г. в Пермском уезде по штату полагался персонал, включающий 21 врача, 78 фельдшеров (без города Перми). По факту было 7 врачей и 43 фельдшера для 18 врачебных и 29 фельдшерских пунктов [27, с. 1–2]. Все это приводит к быстрому росту числа женщин-врачей в пермских лазаретах и в целом по губернии. Так, по материалам о личном составе врачей в 28 лазаретах Земского союза в Перми в 1916 г. работало 16 женщин-врачей, 11 из них заведовали лазаретами [28, л. 3–39]. Самым именитым и опытным врачом была М. Я. Бруштейн, одна из первых женщин-врачей в Перми, выпускница женских курсов 1882 г. Она заведовала лазаретом во Вдовьем доме имени И. И. Любимова

с октября 1914 г. до самого его закрытия в конце ноября 1917 г. [29, л. 236]. Кроме этого, она являлась врачом и заведующей губернским приютом подкинутых младенцев.

Не меньшее влияние на состояние медицинской помощи оказало открытие в Перми в октябре 1916 г. отделения Петроградского университета. Это было значимым событием для жизни всего Урала, однако привело к еще большему обострению социальной ситуации в городе. Для размещения кафедр было закрыто четыре лазарета, в том числе в Кирилло-Мефодиевском училище, где ранее размещалось 180 раненых и работала экспертная комиссия для выписывающихся после лечения. Здесь находилась часть кафедр медицинского отделения. Лазареты в домах М. В. Кукаретина и А. М. Варова были перепрофилированы под общежития для студентов. Кроме того, изыскивались квартиры для преподавательского состава.

Все это создавало трудности с размещением беженцев. Резко возросла квартирная плата. Постепенно в городе нарастает жилищный кризис, и это при том, что в Перми жилой фонд насчитывал в конце 1916 г. 3 тыс. жилых строений при населении более 100 тыс. человек [30, с. 4]. В связи с этими обстоятельствами было принято решение о разделении города на два врачебных участка для посещения больных на дому. Участковыми врачами были назначены А. С. Доронина и Е. Л. Балакшина. Они же по очереди осуществляли вечерние дежурства в городской лечебнице [31, с. 3].

К этому же времени выявились большие проблемы с обеспечением всех медицинских учреждений губернии, в том числе Перми, лекарственными средствами. Война показала пагубность ориентации на зарубежные препараты, которые ранее закупались в основном в Германии. К концу 1916 г. врачи были вынуждены значительно сократить список препаратов для лечения даже в лазаретах. Их продажа была ограничена в земских аптеках для населения. Обнаружилась также острая нехватка стеклянной посуды для расфасовки лекарственных препаратов [32, с. 772].

Вместе с тем нужно отметить роль совещаний лазаретных врачей Перми и Моговилихи, создание которых состоялось в сентябре 1915 г. Главными вопросами встреч являлись хозяйственные, административные и лечебные проблемы. Заслушивались доклады и рефераты по вопросам лечения различных категорий раненых и больных, демонстрировались наиболее интересные заболевания. Они созывались совместно с комиссией врачей губернского комитета помощи раненым. До ноября 1916 г. состоялось 20 таких совместных заседаний [33, с. 753–754].

Увеличивается оплата труда медицинского персонала. При открытии лазаретов в 1914 г. врачу назначалось 150 руб. в месяц, фельдшеры получали 50 руб., сестры милосердия – 25 руб. в месяц. В июле 1915 г. были повышены оклады: врачам – 175 руб. в месяц, фельдшерам – 60 руб. и сестрам милосердия 30 руб. в месяц. В связи с усиливающейся дороговизной жизни с 1 октября 1916 г. оплата работы врача, если лазарет являлся его единственным местом службы, составляла 300 руб. в месяц, за заведование лазаретом доплата составляла 50 руб., фельдшеры получали до 100 руб. и сестры милосердия – до 60 руб. в месяц [34, с. 36–37].

Третий период характеризовался значительной нагрузкой на социальную сферу города в связи с беспрецедентным ростом цен на жизненно важные товары. Так, к началу 1917 г., несмотря на объявление твердых цен и нормирование выдачи товаров со стороны правительственных органов власти, попыток контроля со стороны потребительских обществ и обывательских комитетов в городах, цены на хлеб поднялись на 58 %, сахар – на 21 %, масло – на 185 %, молоко – на 110 %, керосин – на 62 %, мыло – на 130 %, дрова – на 126 % [35, с. 21–22]. В городе Перми, по сведениям обывательского комитета, цены к концу 1916 г. по сравнению с 1913 г. возросли: на пшеничную муку в более чем три раза, картофель – в 3 раза, масло – более чем в 4 раза, яйца – в четыре раза, мясо – в 2,7 раза, керосин в 3 раза, дрова – в 5 раз [36, с. 2–3]. Местная газета в январе 1917 г. приводит такой курьезный на первый взгляд случай, когда на пермских рынках веник для бани продавался за 12 коп., тогда как до войны стоимость двух веников составляла 1 коп. [37, с. 3]. А к октябрю 1917 г. цены на основные продукты питания поднялись еще на 100 % [38, л. 13]. Все это не могло не сказаться на состоянии здоровья населения города и общем состоянии медицинской помощи.

К этому времени лазареты Земского союза и Союза городов переходят в ведение начальника санитарной и эвакуационной части русской армии принца А. П. Ольденбургского. В связи с этим пермские лазареты лишаются прямой официальной помощи со стороны земства и городского самоуправления. Сохранялась только благотворительная помощь горожан [39, с. 7]. Тем не менее врачебный состав лазаретов остался прежним. При всем этом была расширена специализированная медицинская помощь раненым и больным воинам: открыты глазное отделение на 75 коек и нервный лазарет на 50 коек. Для больных воинов с цинготными заболеваниями (а их число было значительным, особенно весной 1917 г.) была разработана специальная диета. В лечебную практику прочно вошел массаж, помощь зубных врачей. Увеличилось число лечебных коек: в училище слепых – до 250, в реальном училище – до 95, в Первой мужской гимназии – до 100. В доме Каменских открылся офицерский госпиталь на 50 человек [40, с. 764].

Работа лазаретов в военные годы оставалась достаточно эффективной. В феврале 1917 г. на заседании общества врачей города Перми доктор П. Н. Серебренников на основе анализа деятельности лазарета в Казенной палате, где он работал бессменно весь период войны, были подведены итоги лечебной деятельности. Возвратились в армию около 70 % раненых и больных, а число уволенных из военного ведомства из-за инвалидности составило 2,9 % всех лечившихся [41, с. 3].

Отметим еще один знаменательный факт этого периода. Смена политического режима в стране вызвал целую «организационную лихорадку» во всех эшелонах власти и общественных организаций. Не избежала этого и медицинское корпоративное сообщество. В отличие от остальных организаций, они не ставили перед собой политических задач, связанных с содержанием новой власти. С 26 по 28 июня 1917 г. проходило организационное собрание врачей Перми и Пермской губернии по созданию новой профессиональной организации.

В докладе В. М. Розенгарда одними из особенностей общества являлись как раз уход от политических баталий и сосредоточение на профессиональных задачах. Председателем общества был избран И. К. Курдов. Несколько раньше создается самостоятельная губернская организация фельдшеров и акушерок, выступавших за повышение своего социального статуса и достойную оплату труда [42, с. 3].

Для жителей города основными бесплатными лечебными учреждениями оставались амбулатории Александровской губернской больницы и городского приемного покоя. А стационарное лечение стало платным. Более состоятельные жители пользовались услугами частнопрактикующих врачей. Были организованы ночные дежурства врачей, число которых возросло до трех (был принят дополнительно врач И. М. Напольский). Городским санитарным врачом назначается С. В. Ураевский. Вместе с директором Бактериологического института В. М. Здравосмысловым он разработал программу по санитарному благополучию города, где основное внимание уделялось благополучию жилищ, источников водоснабжения, канализации, постоянные исследования санитарных условий в местах скопления населения и др. [43, с. 401]. Однако добиться ощутимых результатов так и не удалось из-за накопившихся социальных проблем и серьезного финансового дефицита городского бюджета.

Наибольшим спросом горожан пользовалась Александровская земская больница. Объем работы все время возрастал. По нашим подсчетам за 1917 год только первичных больных в амбулатории было принято около 63 тыс. человек, а если учитывать, что в среднем городские жители составляли более 35 %, это было более 22 тыс. человек. Было госпитализировано в стационар около 5 тыс. человек. Душевнобольные горожане помещались в губернскую психиатрическую лечебницу, число таких пациентов за 1917 г. составило 61 чел. Острозаразных больных в городе за 1917 г. было зафиксировано около 5 тыс. человек, а всего в Пермской губернии случаев инфекционных заболеваний отмечалось около 72 тыс. Не нужно сбрасывать со счетов и случаи инфекционных заболеваний в бараке для военнопленных в Верхних Муллах [44].

Рассматривая демографические проблемы города Перми в годы войны, мы столкнулись с практическим отсутствием данных о смертности в городе. Согласимся с современными исследователями, что этот период является и до сегодняшнего дня «белым пятном» в истории медицины губернии [45, 182–183]. Во «Врачебно-санитарной хронике Пермской губернии» данные о смертности даже от инфекционных заболеваний не приводились. Известный статистический сборник Наркомздрава 1926 г., где рассматриваются итоги медицинской помощи за 1917–1919 гг., не дает общей картины по городам, а только общие цифры по губерниям [46]. Первые следы некоторой статистики появляются только в начале 1920-х гг. [47]. Последние же официальные данные относятся к 1914 и 1915 гг. По этим данным, смертность в городе Перми составила 2812 человек в 1914 г. [48, с. 28–29] и 3692 человека в 1915 г., что являлось самым высоким показателем среди городов Пермской губернии [49, с. 52–53]. Думается, что и в дальнейшем ситуация не изменилась в лучшую сторону.

Колоссальная нагрузка военного периода не могла не сказаться на здоровье врачей и всего медицинского персонала. В годы Первой мировой войны умерли известные пермские врачи: Я. С. Давыдов, Е. Ф. Шрейбер, А. Ф. Клининберг, П. Н. Серебренников, Ф. И. Грацинский, Г. А. Удинцев, В. И. Реймерс. По состоянию здоровья досрочно вышли на пенсию врачи Александровской больницы: А. Н. Попов, Н. М. Назаровский, М. И. Золотов [50].

С отъездом 1 июля 1918 г. из Перми в Екатеринбург заведующего Санитарным бюро И. К. Курдова, который был «душой» организации медицинской помощи в губернии и городе, вся система постепенно входит в состояние своеобразного коллапса. Медицина, по сути, оказалась заложницей политического противостояния старых структур власти и управления и зарождающихся учреждений новой власти. Это противостояние принимало подчас насильственный характер, а местные Советы, находясь под воздействием текущих политических задач, так и не смогли пока создать работающие альтернативные структуры управления в области здравоохранения [51, с. 40–41]. Надвигалась Гражданская война, где вопросы охраны здоровья и в целом медицинской помощи отходили даже не на второй план.

Таким образом, представленный материал позволяет оценить главные направления оказания медицинской помощи и деятельности врачей в городе Перми в годы Первой мировой войны, определить основные этапы этой работы, а также выявить значение медицинской помощи горожанам. В первый период (1914 г. – середина 1915 г.) центральной проблемой являлась работа по организации лазаретов для раненых и больных воинов, приему их в городских лечебных учреждениях, обеспечение врачебными кадрами и координации благотворительной помощи со стороны общественности.

Важным делом стало формирование и отправка в действующую армию этапных лазаретов. Во втором периоде (середина 1915 г. – 1916 г.) значительно увеличивается масштабность и значимость решения социальных проблем, связанных с приемом военнопленных, беженцев, медицинского обеспечения призываемых на военную службу, дальнейшим оттоком медицинских кадров и выдвиганием на первый план участие женщин в лечебной работе, а также началом «квартирного кризиса» в связи с открытием Пермского отделения Петроградского университета. Все эти проблемы сказывались прямым образом на деятельности медицинских учреждений, увеличении нагрузки на весь медицинский персонал и затрудняли доступность медицинской помощи населению города.

Третий период характеризуется системным кризисом всей социальной инфраструктуры, связанным с беспрецедентным ростом цен, увеличением смертности от острозаразных заболеваний, постепенным разрушением системы оказания медицинской помощи в Перми. Лечебные учреждения не справлялись с решением последствий социальных проблем.

Тем не менее пермские медики, испытывая колоссальную врачебную нагрузку, ухудшение собственного бытового устройства, выполняли свой врачебный долг до конца, несмотря на все перипетии военного времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брингт Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. М.: Весь Мир, 2006. 600 с.
2. Лядова В. В., Невоструев Н. А. Земский врач. Попытка исторической реконструкции (на примере Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в.) // Технологос. 2022. № 2. С. 5–24.
3. Пермская губернская периодика: 1914–1922 [Электронный ресурс]. URL: <http://permnewspapers.ru>.
4. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: ЦСУ. Отдел военной статистики, 1925. 105 с.
5. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза (январь 1916 г.) М.: Тип. Тов-ва Рябушинских, 1916. 82 с.
6. Очерк деятельности Всероссийского союза городов (1914–1915 гг.). М.: Тип. Тов-ва Рябушинских, 1916. 280 с.
7. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 143. Оп. 1. Д. 1360. 13 л.
8. Пермская земская неделя (далее – ПЗН). № 35. 28 авг. 1914 г. 48 с.
9. Пермские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). № 34. 1 дек. 1914 г. 32 с.
10. Миротворцев С. Р. Отчет заведующего Медицинской частью при главноуполномоченном Российского общества Красного креста при армиях Западного фронта профессора С. Р. Миротворцева за ноябрь–декабрь 1915 года Пг.: Гос. типография, 1916. 154 с.
11. ПЗН. № 34. 21 авг. 1914 г. 48 с.
12. ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1212. 4 л.
13. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии (далее – ВСХ). № 9. 1914 г. 165 с.
14. ВСХ № 9, 1914 г. 165 с.
15. ПЗН № 36. 4 сент. 1914 г. 48 с.
16. ПЗН № 37. 11 сент. 1914 г. 48 с.
17. Пермские губернские ведомости (ПГВ). № 34. 5 февр. 1915 г. 4 с.
18. ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 172. 15 л.
19. Список госпиталей, состоящих на учете Всероссийского Земского союза (на 1-е июня 1915 года). М.: Тип. «Мысль»: Н. П. Мясников и К°, 1915. – 259 с.
20. Подсчеты проведены автором по газетным материалам «Пермских ведомостей», «Пермских епархиальных ведомостей» и «Пермской Жизни» за 1915 г.
21. Тарасов А.В. Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии // Вестник ВятГУ. Серия: История и археология. 2014. № 2. С. 42–47.
22. ВСХ. № 3–4. 1915. 82 с.
23. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 62. 79 л.
24. ПГВ. № 251 18 сент. 1915 г. 4 с.
25. ПГВ. № 50. 4 марта 1916 г. 4 с.
26. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47–й очередной сессии. Отдел II. Медицинская часть и общественное призрение. Пермь: Эл.-тип. губернского земства, 1917. 118 с.
27. Доклад Пермской уездной земской управы 47 очередному Пермскому уездному земскому собранию. По медицине. Пермь, 1917. 38 с.
28. ГАПК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 81. 101 л.
29. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. 237 л.
30. ПГВ. № 184. 24 авг. 1916 г. 4 с.
31. Пермская жизнь (ПЖ). № 332. 20 янв. 1917 г. 4 с.
32. ВСХ. № 11–12. 1916 г. 169 с.
33. ВСХ. № 11–12. 1916 г. 169 с.

34. Журналы Пермского губернского земского собрания 58-й чрезвычайной сессии и доклады Управы сему собранию. Пермь: Изд-во и тип. губ. земства, 1916. 74 с.
35. Материалы и исследование. Вып. 2: Розничные цены и некоторые условия торговли в потребительных обществах на 1 декабря 1916 года. Издание Всероссийского Союза потребительных обществ. М., 1918. 38 с.
36. ПЖ. № 325. 13 января 1917 г. 4 с.
37. ПЖ. № 330. 19 янв. 1917 г. 4 с.
38. ГАПК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. 81 л.
39. Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте 1915–1917 гг. М.: Скоропечатня А. А. Левенсон, 1918. 229 с.
40. ВСХ. № 11–12. 1916 г. 169 с.
41. ПЖ. № 357. 22 февр. 1917 г. 4 с.
42. Пермский вестник Временного правительства. № 38. 25 июня 1917 г. 4 с.
43. ВСХ. № 6–12. 1917 г. 286 с.
44. Подсчеты произведены автором по статистическим материалам, опубликованным во «Врачебно-санитарной хронике Пермской губернии» за 1917 г.
45. Чашин А. В. Воспроизводство городского населения Среднего Урала в 1914–1923 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 182–190.
46. Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. М.: Изд-во НКЗ РСФСР, 1926. 276 с.
47. Космодемьянский В. Н. Эпидемия сыпного и возвратного тифов среди гражданского населения гор. Перми во 2-ю половину 1921 года // Пермский медицинский журнал. 1923. № 1–2. С. 1–15.
48. Движение населения в городах и уездах Пермской губ. за 1914 г. // Адрес–календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1916 год. Пермь: Типо-литогр. губ. правления, 1916. С. 28–29.
49. Движение населения в городах и уездах Пермской губ. за 1915 г. // Адрес–календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 год. Пермь: Типо-литогр. губ. правления, 1917. – С. 52–53.
50. ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 172, 513; Оп. 4. Д. 312.
51. Шестова Т. Ю. Здравоохранение Перми в первые годы советской власти (1917–1918) // История медицины и образования города Перми – три века служения людям: материалы науч.-практ. конф. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2019. С. 40–47.

А.А. Винник

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

ГОРОД ПЕРМЬ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ (1918–1919 ГОДЫ)

Аннотация. В статье рассматривается город Пермь и городская повседневность, отразившаяся в воспоминаниях горожан и солдат, которые были очевидцами жизни в городе в отдельные периоды нахождения в нём. Представляется необходимым обратиться к эго-документам для раскрытия сложности и противоречий в восприятии Гражданской войны и политико-экономических перипетий в жизни города. Хаос разложения властных институтов в совокупности с деградацией быта и коммунальной сферы и сопутствующие военные действия уничтожили привычный мир коренных и «временных» горожан Перми. Террор и боевые действия оставили негативные впечатления о жизни в Перми в этот период. Последствия Гражданской войны для города будут чувствоваться и после окончания военно-политических перипетий.

Ключевые слова. Пермь; эго-документы; Гражданская война; городская повседневность; красные; 1919 год.

A.A. VINNIK

Perm State University

THE CITY OF PERM IN THE ERA OF THE CIVIL WAR IN EYEWITNESS EVIDENCES (1918–1919)

Abstract. The article deals with the city of Perm and urban everyday life, reflected in the memories of citizens and soldiers who witnessed life in the city during certain periods of being in it. It seems necessary to turn to ego documents to reveal the complexity and contradictions in the perception of the Civil War and the political and economic twists in the life of the city. The chaos of the decomposition of power institutions, combined with the degradation of everyday life and the communal sphere and the accompanying military actions destroyed the familiar world of the indigenous and “temporary” citizens of Perm. Terror and fighting left negative impressions about life in Perm during this period. The consequences of the Civil War for the city will be felt even after the end of the military and political vicissitudes twists.

Keywords. Perm; ego-documents; Civil War; urban everyday life; red; 1919.

В период Революции Пермь, как многие другие города, пережила трагедию гражданского противостояния. «Калейдоскоп власти», развал привычной повседневной жизни, война и террор стали реальностью для Перми и её жителей, волей и неволей оказавшихся в городе этот период [3, с. 236]. Хронологические рамки работы охватывают середину 1918-го – 1919 год. Этот период жизни Перми и её горожан можно назвать временем наиболее обострённого противостояния Гражданской войны. Это прифронтовая, чрезвычайная эпоха в жизни города. О данном периоде сохранились наиболее информативные свидетельства очевидцев событий, находящихся в городе или прошедших через него в результате боевых действий.

Долгое время эго-документы использовались в изучении истории революционных событий в Перми в качестве вспомогательных, уступая приоритет отложившимся в архивах традиционным источникам (документы, имеющие законодательную силу, статистические данные, переписка госучреждений и т. п.), отражавшим деятельность советского государства и армии. Повседневности горожан Перми и их восприятию Гражданской войны в рассматриваемый период посвящено немного работ. Советская историография уделяла наибольшее внимание политической истории господствующей партии и событийной военной истории, практически не упоминая повседневность населения и влияние на неё Гражданской войны. Воспоминания и другие эго-документы преимущественно привлекались для укрепления советского революционного нарратива, героизации выдающихся большевиков и формирования образа врага [1].

Современные исследователи с большим интересом обращаются к теме повседневности горожан периода Революции и Гражданской войны. Среди работ, относящихся к истории революционной Перми 1918–1919 годов, в которых активно привлекаются эго-документы, следует отметить исследования краеведа М. Г. Ситникова [2], историков И. В. Нарского [3], [4] и Д. Г. Симонова [5].

Работы современных авторов, существенно расширившие проблематику исследований о Перми эпохи Революции, не являются исчерпывающими, но заставляют взглянуть на город и его жителей в переломный период через новые исследовательские оптики. Одной из таких оптик является взгляд на город через призму восприятия очевидцев Гражданской войны. Под очевидцами в данной работе понимаются как проживавшие в нём люди, так и оказавшиеся в нём в силу разных обстоятельств в рассматриваемый период гибели мира бывшей империи для одних и трудное рождение нового советского уклада для других.

В эго-документах (дневниках и мемуарах) отразились свидетельства людей, живших в городе или проходящих через город с боями и наблюдавших его в рассматриваемый период. Под «эго-документами» понимается весь комплекс документов, который содержит человеческое «Я» [6, с. 6–12]. Воспоминания и дневники, содержащие сведения о жизни в Перми и её облике 1918–1919 годов, большая часть которых была опубликована, оставили В. А. Агеева (Зайончковская), Г. К. Клерже, Н. В. Устрялов, Ф. И. Голиков, П. П. Чачина, Вс. Н. Иванов, В. Ф. Сивков, С. Добромыслов [7–14].

Изучение следов очевидцев эпохи даёт возможность вести диалог с прошлым, понимая невозможность его позитивистского познания «так, как это было на самом деле». Противоречивость и субъективность эго-документов является и уязвимой, и сильной стороной этого типа источников. Особенно это касается сложной эпохи российской Революции: «...умеренно и неумеренно дозированное личное восприятие, а также специфика его асинхронного фиксирования, характерные для воспоминаний, уводя от центральных революционных локусов, могут оставить стойкое ощущение разрушения «универсальной истории» России 1917 г.» [15, с. 7]. Это помогает «очеловечить» историю, постараться понять её не через холодные

абстракции статистики или отчётов государственных служащих или политиков, но через конкретные ощущения «живших в истории».

В марте 1918 г. в Перми утвердилась советская власть. С лета 1918 г. Пермь оказалась в прифронтовой полосе, и горожане столкнулись с проблемами военного времени. В город эвакуировались советские государственные учреждения, беженцы, военные. С ними шли эшелоны с различными ресурсами военного и гражданского назначения. В Перми находилось военное командование со своими потребностями и гражданская власть. По мере ухудшения ситуации на фронте и усиления хаоса в тылу, чрезвычайная комиссия активно искала мнимых и реальных врагов советского режима. Город медленно, но верно погружался в атмосферу бытовой нужды, взаимного недоверия, страха и террора, что и зафиксировали В. А. Агеева, Г. К. Клерже.

Дочь кунгурских купцов и кадетов Таисии Васильевны и Арсения Григорьевича Агеевых, расстрелянных ЧК в Кунгуре осенью 1918 г., четырнадцатилетняя девушка Валерия Агеева была вынуждена переехать в Пермь. Она писала, что «...аресты в то время почти всегда влекли за собой расстрел. Угроза расправы над родными лишала чувства безопасности взрослых и детей» [7, с. 13]. Сообщение, касающееся ареста отца семейства её знакомых В. А. Ольхова, даёт представление о негативных эмоциях родственников арестованных, питавшихся слухами о массовых казнях в городе, устраиваемых большевиками.

Постепенно обстановка на фронте складывалась не в пользу РККА. Это находило отклик в городе. Уже в записях, посвященных годовщине Октябрьского переворота, В. А. Агеева писала о двойственной атмосфере напряжения и праздника в городе: «В городе в самом скором времени ждали белых. ...На углу Сибирской и Петропавловской большевики воздвигли памятник из дерева и глины. А под памятником были красноармейские могилы без крестов. Приближался день большевистской годовщины, на улицах строили всякие сооружения. В день годовщины была довольно красивая иллюминация. Бросали ракеты, везде были освещенные надписи: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и т. п.» [7, с. 14].

Мрачную атмосферу страха и изобретательной конспирации из-за «красного террора» описывает скрывавшийся от новой власти и оказавшийся в августе 1918 г. в Перми полковник Г. К. Клерже, скрывавшийся под именем артиста Ю. Ф. Светланова. Для него Пермь эпохи Гражданской войны — это город, где платино-промышленники прятали платину, золото и минералы от «постоянных обысков». Для него и ряда «бывших людей» жизнь стала к концу октября — ноябрю 1918 г. достаточно опасной: «В городе и на Мотовилихе <...> царил кровавый террор. Всюду шли аресты и расстрелы» [8, с. 193–195].

Конспиративная личность, созданная предусмотрительным полковником, была сыграна им настолько успешно, что впоследствии он был обвинен в сотрудничестве с большевиками [8]. Его воспоминания передают обстановку в городе от лица тех, кто стал «бывшим» нового мира, создаваемого большевиками. Обращаясь к тексту Г. К. Клерже, следует отметить, что автор произвольно называет

по памяти незначительные для его воспоминаний детали, например: 3-я армия РККА, принимавшая участие в боях на пермском направлении, названа 5-й. Условности и неточности говорят о расстановке приоритетов в воспоминании. Г. К. Клерже интересовала в первую очередь личная безопасность, которой он был лишён в городе, контролируемом враждебной ему политической силой.

Будущий «сменовеховец» Николай Васильевич Устрялов в сентябре 1918 г. прибывает в Пермь, чтобы стать преподавателем юридического факультета Пермского университета. Он вел подневный дневник, в котором фиксировал происходившее в его жизни события, запечатлен в нём и «пермский» этап. Автор соблюдал осмотрительность в высказываниях, лишь иногда позволяя себе осторожные ироничные замечания по поводу складывающихся властных практик советских властей.

Жизнь в городе, по впечатлениям Н. В. Устрялова, вынуждала испытывать страх за родных. Жители становились жертвами политического террора. Его быт в Перми был весьма стеснен и сопряжен с постоянными лишениями. Пессимизм автора иллюстрирует фраза в дневнике, оставленная им 8 октября: «Пермь. Мысли в Москве, в Калуге... Плохо. Террор, разгром, сокрушение быта, такого привычного, налаженного» [9]. Обстановка пустых полок и тотальный дефицит всего от канцелярии до еды, добываемой лишь у мешочников рискованными поездками в деревню, в то же время сочеталась с продуктивной работой в университете, жадной новых знаний и философскими размышлениями о разрушающейся привычной политической и социальной реальности. «И, Боже, как грустно, так тяжело за Россию... Рок... Страна надрыва и страданий, страна хаоса и вечных предвестий, обетований...», — писал он 5 октября 1918 г. [9].

Дневник стал местом выплеска негативных эмоций Н. В. Устрялова, которые было опасно выражать публично. Он пишет о советской власти и её акторах с ироничными издёвками. В одной из записей 19 октября 1918 г. он говорит о «легкости желудка» и привилегированных столовых для коммунистов и солдат, обмене продовольствия у «солдатообразных фигур», намекает на сходство военных поселений графа А. А. Аркачеева с пермским бытом. В размышлениях о тяжести жизни в Перми он создаёт свой нелестный портрет местных властей: «"Тип большевика", несомненно, столь же отлился уже. Что-то общее есть в них всех. Выражение лиц, стиль одежды, манера держаться... Жуткий, страшный тип. Но все же чувствуется своеобразная сила, главное, воля. Смесь тупости и злобы с "пылающей кровью" <...> Потом, наверно, тоже будут показывать в музеях восковыми фигурами» [9].

Период проживания в Перми запомнился Николаю Устрялову множеством трудностей и лишений. Его свидетельства говорят о том, как бытовые условия в городе становились хуже по мере приближения фронта, а также о постепенной потере большевиками контроля за социально-экономическими процессами в городе. Занятие города силами Сибирской армии, приход которой ему виделся освобождением, он встретил с воодушевлением. В январе 1919 г. Н. В. Устрялов покинул Пермь в поисках лучшей жизни.

Бои за контроль над городом развернулись 24–25 декабря в Перми. Гражданские могли погибнуть в любой момент, убитые шальной пулей или снарядом. Вот как описывает бои в городе В. А. Агеева: «Слышно было, как пули летели прямо в стекла, а затем в стены и двери. Потом на самом углу поставили пулемет, который жарил вниз по Оханской. Мы не особенно боялись, но все смиренно сидели и прислушивались к этому грохоту. Когда выстрелы немного утихли, мы вышли в столовую и увидели, что пулями пробиты несколько окон, стена тоже в нескольких местах, дверь, потом стена напротив наружной, из которой пуля вышла в третью стену и застряла в ней. Одна пуля вошла в бок роаяля, прошла по струнам и засела в крышке, а другая взрыла пол и поцарапала педали» [7, с. 14–15].

Хаос боев за Пермь для очевидцев был наполнен неопределённостью будущего. Об этих боях Всеволод Никанорович Иванов, преподаватель философии в Пермском университете, будущий эмигрант и писатель вспоминал следующее: «Пермь “освобождалась”, Пермь “захватывалась”, как писала пресса того времени... Всё громче били пушки, тряслись стены. “Истории шаги сажень”, что-то они несли пермякам?... У Сибирской заставы, посреди широкой улицы, лежал труп, по-видимому, это был рабочий в короткой чуйке, в чёрном картузе, усатый. Лежал он, раскинув руки, а на груди, как цветок, алел сгусток крови. С покойника уже кто-то стащил сапоги, использовал бестрепетно случай обеспечить себя в будущем» [12].

Авторы воспоминаний, не сочувствовавшие большевикам, сходятся на весьма теплом отношении местного населения к белым, после взятия города I Средне-Сибирским корпусом: «На другой день было уже можно ходить по улице. Везде новые незнакомые войска: приветливые русские лица. Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху. На Оханской лежал совершенно заледенелый труп какого-то большевика. Долго еще потом его не убрали, а я за целый квартал обходила, чтобы не видеть его» [7, с. 15].

Схожи воспоминания Н. В. Устрялова, который прожил осень в обстановке ухудшающегося быта: «Пермь. Светлый Праздник. Был на улицах, в университете. Везде радуются. Освобождение, большевиков нет, все окончательно изгнаны, налаживается жизнь. Нужно время, конечно, но, судя по всему, — наладится!» [9].

Противопоставлялся советский и «старый» быт. Так Вс. Н. Иванов фиксировал: «В Пермь после годовой отлучки стал возвращаться старый быт. По улицам ходили люди, стучались в парадные двери, предлагая что угодно муку, сахар, масло, хлеб все радости бытия... Откуда всё это бралось? Трудно сказать, но почему-то всегда так получалось старое явно приносило с собой изобилие. Очевидно, купцы приходили в себя подобно мухам, оживающим с теплом весны» [12].

Приход белых в конце 1918 г. был воспринят населением положительно. Воспоминания передают положительные эмоции: радость и чувство освобождения от власти, которая постепенно начала нести угрозу физическому существованию. Население города, вероятно, надеялось на полное прекращение боевых действий и лишений, испытанных от большевиков, благодаря установлению новой власти. Оно приняло Колчака, не подозревая, что и при новой власти жителей ждёт уже

«белый террор» и навязываемые противоборствующей армией порядки. Упомянутые мемуаристы покинули к тому времени Пермь и преследования со стороны белых, за исключением Г. К. Клерже, их не коснулись.

Для лояльных большевикам и советскому режиму и отступающих бойцов РККА падение «красной» Перми несло не лучшие перспективы. Унижение при поражении и притеснения со стороны белых они отразили в воспоминаниях. Красноармейцу С. Добромыслову, попавшему в плен к «белым», запомнились сорокаградусные морозы, стоявшие в городе в конце 1918 г. Его и других белые раздели до «костюма Адама» на площади, увидев на них хорошее обмундирование [14, л. 1]. Жизнь пленных красноармейцев и большевиков, оказавшихся в конце 1918 г. в Перми, могла закончиться тюремным заключением, пытками и казнью. Автор воспоминаний проявил хитрость и сбежал от белых под вагонами, брошенными большевиками из-за неудачной эвакуации.

Отступающие рядовые красноармейцы ощущали разочарование от поражения и ждали реванша. Ф. И. Голиков, будущий маршал, в то время красноармеец отступающей 3-й армии, вспоминал: «Я много слышал о Перми, надеялся побывать в ней. Еще несколько дней назад был уверен, что теперь-то попаду в Пермь. И вот те на — в Перми хозяйничают контрреволюционеры. Под пулями мы подошли к одной окраине, под снарядами вышли с другой. А город так и не видели. Но все равно — будущее за нами. Мы вернемся и в Пермь, и в Камышлов, и в другие города и села, которые на время захватили враги» [10].

Воспоминания бывшего председателя губернского ВРК и губисполкома В. Ф. Сивкова о Перми 1918 года преимущественно содержат «типичные» сведения о строителстве политической системе и вкладе автора в рождение советской Перми. Свою жизнь в Перми, насыщенную событиями (летом 1918 г. В. Ф. Сивков встретил Михаила Романова, участвовал в разоружении «посла Персии», беседовал с Андроником, которого он характеризовал непримиримым врагом и оправдывал его казнь, отмечая своё неучастие в вынесенном ему смертном приговоре) он позиционировал как трудную созидательную работу на благо советского государства. События осени не нашли отражения в его тексте. Участником зимних боёв за город В. Ф. Сивков не был, так как с вооружённым отрядом пытался стабилизировать тылы РККА. Для него Пермь — это пространство, где строил новое государство, служил ему, что видится как стремление публично продемонстрировать его многолетнюю советскую идентичность [13, с. 186, 191–192].

Наиболее яркое воспоминание Владимира Федоровича о городе посвящено взятию Перми в 1919 году силами РККА. После форсирования Камы Пермь перед ним предстаёт разрушенным войной городом: «В конце дня 1 июля 1919 г. мы вышли на правый берег Камы против Перми, чуть повыше железнодорожного моста. Горизонт заволакивало дымом. Горели зерно и нефть, подожженные колчаковцами при отступлении. Это накладывало какой-то зловещий отпечаток на город. Взорванная колчаковцами ферма Камского железнодорожного моста завершала мрачную картину» [13, с. 225].

Автор возлагает всю вину в разрушении и разграблении города на белых, оставляя красным исключительно роль созидателей, возвращающих Пермь мирный облик: «Разрушения, произведенные колчаковцами, были ужасны. Заводы стояли, потому что колчаковцы увезли или разрушили ответственные части машин и оборудования» <...> «Буквально с первых дней освобождения Пермь началось упорное восстановление хозяйства. 3 июля в конце дня многие пермяки спешили на Пермь I, чтобы послушать, как загудит и двинется первый восстановленный маневровый паровоз. Первый его гудок вызвал восторженные возгласы собравшихся, а машинист, вероятно, чувствовал себя героем» [13, с. 228].

Обстановка разложения Сибирской армии и падения «белой» Пермь отражена на страницах дневника прапорщика, взводного командира 4-й роты 4-го Енисейского полка Сибирской армии Петра Павлиновича (Павловича) Чащина 29 июня 1919 г.: «Красавец мост на 7-ми быках, зеленой лентой висел над водой. С грустью только смотрели на него все и с сожалением говорили, взорвут ведь его. Не успели мы пройти и двух вёрст, как раздалось два оглушительных взрыва и моста не стало» [11].

Не успел автор покинуть Пермь, как начались бои за город. В тот же день началось небольшое сражение, которое закончится взятием города силами РККА. П. П. Чащин после обстрела красными наблюдал следующую картину: «К нашему отходу город уже в нескольких местах пылал. Черный дым страшными, большими столбами поднимался к облакам, точно жертву приносил, кто-то и кому-то» [11]. Город предстаёт в дневнике Петра Чащина в образе жертвы, приносимой на алтарь Гражданской войны.

Автор дневника зафиксировал и картину грабежа и разрушения города: «Разбили прежде пивной завод пьяные солдаты, пошли по магазинам забирая всё что попадало под руку... Растащили кожи очень много, растащили муку, растащили несколько вагонов обмундирования. Сам автор не был в Перми, но видел, как его грабили подчиненные солдаты: «...все точные сведения я мог через каждый час получать от моих солдат возвращающихся из города с тем или другим добром. Всё равно ведь растащат всё оправдывались говорили они...» (сохранена пунктуация источника, опубликованного на сайте проекта «Прожито»-А. В.) [11].

Таким образом, и Пермь лета 1919 г. находилась в схожей с концом 1918 г. обстановке. Очевидцы оставили в памяти картины грабежа и разрушений, мрачные картины города, оказавшегося на линии фронта. Только теперь роли противоборствующих сторон поменялись. Освободителями и победителями стали большевики и РККА, а роль потерпевших поражение антигероев досталась Сибирской армии и режиму Верховного правителя.

Гражданская война была разрушительна для Перми. Обе стороны действовали в обстановке хаоса, делая ставку на насилие. В эти годы жители города терпели множество лишений и притеснений. Результатом военных действий стала разруха во многих сферах жизни. Противоборствующие стороны обвиняли друг друга во всех проблемах, с которыми столкнулась Пермь в этот период, не принимая своей ответственности. Осенью 1918 г. в большевистской Перми человека ждало

множество трудностей в быту, жизнь балансировала на грани голода в обстановке террора и постепенного приближения фронта, который одним мог принести освобождение от большевиков, а другим — смерть от врага. В 1919 году смерть и разрушения сопровождали «белую» Пермь. Круговорот насилия и разрушений в обстановке вооруженной борьбы печально отразился на облике города и его жителей, что нашло отражение в свидетельствах современников Гражданской войны. Из этого состояния городу предстояло выходить в 1919-м — начале 1920-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Урала: Пособие для студентов, учителей и самообразования. Т. 2: Период социализма. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1977. 542 с.
2. Ситников М. Г. Пермь пала. Пермь: Форвард, 2016. 287 с.
3. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. 632 с.
4. Нарский И. В. «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22) // Города империи в годы Великой войны и революции: сб. ст. / ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 79–100.
5. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 610 с.
6. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: кол. монография / под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Ин-т истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.
7. Агеева В. А. Я перебралась к Назаровским... // Назаровский: К 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа: Сб. памяти / сост. Т. И. Быстрых; Перм. обл. универ. б-ка им. А. М. Горького. Пермь, 2004. С. 9–15.
8. Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск: ГПНТБ, 2012. 542 с.
9. Устрялов Н. В. Дневник [Электронный ресурс] // Прожито. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221918-01-01%22&diaries=%5B66%5D> (дата обращения 01.04.2023 г.).
10. Голиков Ф. И. Красные орлы (Из дневников 1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1959. 328 с.
11. Чашин П. П. Дневник [Электронный ресурс] // Прожито. URL: <https://prozhito.org/person/937> (дата обращения: 19.02.2023).
12. Иванов Вс. Н. Исход [Электронный ресурс]. URL: <https://dystopia.me/kniga-ishod-1> (дата обращения: 12.03.2023).
13. Сивков В. Ф. Пережитое. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1968. 264 с.
14. Воспоминания С. Добромыслова, 1929 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р.-732. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
15. Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания. М.: Полит. энцикл., 2015. 510 с.

М.Г. НЕЧАЕВ

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

ЭВАКУАЦИИ В МОЛОТОВ (ПЕРМЬ) КАК ФАКТОР ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Крупномасштабной эвакуации населения, объектов культуры и промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны посвящены сотни научных публикаций. Однако до сих пор последствия эвакуации рассматриваются или с точки зрения сохранения человеческого и экономического потенциала, или с точки зрения потерь, связанных с этой драматической страницей в нашей истории. Перемещения в восточные регионы населения, предприятий, научных и культурных учреждений стали важнейшим фактором их стремительного социально-экономического и социокультурного развития. Не исключением стал и город Пермь, в то время переименованный в Молотов. В данном исследовании на основании в том числе новых документальных источников раскрывается не только ход эвакуации, но и те возможности, которые в связи с этим возникли.

Ключевые слова. эвакуация; облисполком; округ; юнгородки; велосипедный и телефонный заводы; университетский город; хореографическое училище.

M.G. NECHAEV

Perm National Research Polytechnical University

EVACUATIONS TO MOLOTOV (PERM) AS A FACTOR OF URBAN DEVELOPMENT

Abstract. Hundreds of scientific publications have been devoted to the large-scale evacuation of the population, cultural objects and industrial enterprises during the Great Patriotic War. However, until now, the consequences of evacuation are considered either from the point of view of preserving human and economic potential or losses associated with this dramatic page in our history. However, the movement of the population, enterprises, scientific and cultural institutions to the eastern regions has become the most important factor in their rapid socio-economic and socio-cultural development. The city of Perm, renamed Molotov at that time, was no exception. In this study, based on, among other things, new documentary sources, not only the course of the evacuation is revealed, but also the opportunities that have opened up in this regard.

Keywords. evacuation; regional executive committee; district; yungorodki; bicycle and telephone factories; university city; choreographic school.

После 1917 года Пермь постепенно стала сдавать свои позиции административного центра. В 1919 году Пермская губерния, которая просуществовала 138 лет, была разделена на собственно Пермскую и Екатеринбургскую губернии. Пермь осталась губернской столицей, однако с уменьшенной вполовину территорией губернии. В 1923 году произошло образование Уральской области с центром в Екатеринбурге (с 1924 г. Свердловск). В эту область наряду с другими была включена и Пермская губерния, а Пермь стала вначале окружным, а затем районным центром.

Потеря определённых административных функций была частично компенсирована в 30-е годы промышленным развитием города. Это прежде всего создание в городе моторостроительного завода, посёлок при котором стал отдельным городским районом, а также включение в 1938 году в территорию города Перми города Молотова (Мотовилихи) и образование из него Молотовского района.

3 октября 1938 г. была образована самостоятельная Пермская (а с 1940 года Молотовская) область, и это восстановило административный статус города Перми. Однако более активно город стал развиваться в годы Великой Отечественной войны, и одним из факторов, способствующих этому, стала эвакуация.

Начальник эвакуопункта Пермского облисполкома Л. Н. Грошев отмечал в своих воспоминаниях, что за первые месяцы войны через город Молотов (Пермь) было «пропущено» 3 млн человек: по 30–33 тысячи эвакуированных в сутки [1, с. 242]. Всего за время войны пермский эвакуопункт обслужил 1382 эшелона с эвакуированными — почти 1 млн. 416 тыс. человек [2, л. 7].

Если обратиться к количеству эвакуированных, которых разместили в городе Молотове (Перми), то в литературе, как в исторической, так и в популярной отсутствовали какие-либо статистические данные. Обычно ограничивались фразой, что «население города Перми в результате эвакуации увеличилось в два раза», однако статистический анализ даёт другую картину. По состоянию на 20 августа 1941 г. всего в Молотовской области было размещено 40 167 эвакуированных, из них в город Молотов — 11 697, или 29%. По состоянию на 10 июня 1942 г. в области разместили 259 268 эвакуированных, а в областном центре 74 599, или 29% [3, л. 55; 4, л. 250]. В 1940 году в Перми проживало 307 600 человек, в 1941 г. — 340 600, в 1942 г. — 461 000, в 1943 г. — 450 000 и в 1944 г. — 410 300 [5, л. 62]. Таким образом, самое большое увеличение населения города приходится на 1942 год — практически на 50% по сравнению с 1940 г. Затем количество населения постепенно сокращается. Однако здесь необходимо учитывать и тот фактор, что в действующую армию из Молотова (Перми) было призвано 104 500 человек (почти каждый третий), и это обстоятельство говорит о том, что рост населения Перми в годы войны шёл в основном за счёт приезжих. Многие из эвакуированных рабочих и инженеров так и остались работать в городе Молотове (Перми). Так, например, Наркомат авиационной промышленности приказал немедленно и полностью эвакуировать Московский карбюраторный завод № 33 и опытное конструкторское бюро. Всего прибыло 10 эшелонов [6, с. 19–20; 7, с. 19]. Число работающих на московском заводе № 33 до эвакуации было 5350 чел. Эвакуировалось 1970 сотрудников, или 36,8%. Однако к 1 марта 1942 г. количество рабочих, учеников и ИТР составляло уже 5876 человек [8, с. 347]. Основную и подавляющую массу работников завода составляли эвакуированные, причем 90% из них были москвичи [6, с. 23].

Массовая эвакуация работников предприятий и их семей послужила мощным толчком к развитию жилищного строительства и расширению границ городской черты. Жилищный фонд в городе Молотове увеличился в годы войны в 1,4 раза. За 1941–1944 годы было построено 486 600 кв.м. Причём если до войны жилой фонд

в личной собственности составлял 37,1%, то в 1944 году жилой фонд промышленных предприятий вырос с 32% (в 1940 г.) от общего жилого фонда до 46,5%, при этом жилой фонд городского Совета в 1940 году составлял 30,6%, а в 1944 году — только 23,1% [5, л. 62]. В 14 городах Молотовской (Пермской) области в 1943 году приходилось в среднем 3,11 кв.м жилой площади на человека, в то время как в городе Молотове (Перми) — 3,03 кв.м. В условиях войны для быстрейшего расселения прибывающего населения были вынуждены перейти к строительству «упрощенного вида жилья». В 1942 году практически отсутствовало «капитальное каменное строительство, а все средства расходовали на бараки, а местами строили и землянки». В начале 1943 г. около 6000 эвакуированных жили в землянках [9, с. 2]. Из рассказа старожилки Кислотной Анны Гавриловны Липчинской: «В 1942 году приехала я из Соликамска в Пермь. Сошла с поезда на станции Кислотный. Больше всего поразила меня гора напротив завода — вся она была в дверях, из труб шел дым — то были землянки рабочих завода и беженцев — Шанхай» [10, с. 86].

Последствием массовой постройки бараков стало появление юнгородков — своеобразных микрорайонов со своей социальной инфраструктурой, где обязательно присутствовали барак — дом культуры с кинотеатром, барак-библиотека, барак-школа, барак-поликлиника и спортивные площадки. К 1944 году только Моторостроительный завод обустроил 3 юнгородка, впоследствии их стало 5, в каждом из которых проживало в среднем от 3 до 10 тыс. человек. За четыре года было построено 77 бараков, рассчитанных на проживание в них 4,5 тысяч человек. Фактически в бараках проживал каждый второй из 24 тысяч работавших в годы войны моторостроителей. Расширение города за счёт строительства новых жилых посёлков в годы войны привело к необходимости расширения, перестройке и развитию всего городского хозяйства. Так, Молотовский горком 3 мая 1944 г. направил письмо И. В. Сталину, в котором дал обязательство мобилизовать трудящихся на «устройство и приведение города в порядок». Партийный актив города отмечал: «...Находятся даже такие хозяева города, которые полагают, что подметенная улица, древонасаждения, культурная баня, чистая парикмахерская роскошь для военного времени. Борьба за городскую культуру с их точки зрения — мелочь, на которую не следует тратить силы, время и средства» [11, л. 4]. Заводы стали настоящими драйверами развития не только нового жилищного строительства, но и всего городского хозяйства.

Огромное значение для экономики города Молотова имела эвакуация промышленных предприятий. Уполномоченный по Молотовской области член комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) А. А. Андреев в своей докладной записке от 15 января 1942 г. писал, что по постановлениям Государственного Комитета Обороны и эвакуационного совета в область должны были прибыть 166 эвакуированных промышленных предприятий и отдельных производств, однако, по состоянию на 1 января 1942 г., прибыло оборудование полностью или частично со 110 предприятий [1, с. 90]. В. Ф. Тиунов был один из первых, кто подробнейшим образом изучил вопросы, связанные с эвакуацией предприятий в Молотовскую область и, в частности, говоря о количестве эвакуированных заводов, он обозначил цифру более 100 [12, с. 35].

В своих воспоминаниях первый секретарь Молотовского обкома партии отмечал, что в область было эвакуировано из прифронтовых районов более 120 предприятий и отдельных производств [1, с. 156]. Никто не упоминал, сколько непосредственно было эвакуировано именно в город Молотов (Пермь). Однако как в учебной, так и в научной литературе утвердился следующий порядок цифр: в Молотовскую область было эвакуировано 124 предприятия, из них в город Молотов 64. В результате скрупулёзной и системной работы, проведенной составителями энциклопедии «Пермский край в Великой Отечественной войне», был составлен перечень эвакуированных предприятий. В Молотовской области их насчитывалось 174, а в городе Молотове — по-прежнему 64 [13, с. 414–419].

Размещение эвакуированных предприятий и оборудования было направлено в первую очередь на увеличение мощностей заводов, производящих оборонную продукцию, и на ликвидацию узких мест в отдельных отраслях промышленности. В результате огромной работы по размещению эвакуированных и строительству новых предприятий за три года войны (1942–1944) в Молотовской области было введено в эксплуатацию 44 новых крупных предприятия и 368 больших цехов, а также 4 электростанции и вступило в строй 29 крупных и средних угольных шахт [12, с. 39; 1, с. 156]. Валовая продукция промышленности Молотовской области в 1944 году по сравнению с 1940 г. выросла в 2,5 раза (по исчислению произведённых в неизменных ценах 1926/27 года). Если ежегодный прирост промышленной продукции за три предвоенных года составлял в среднем 17,3%, то за три военных года он был в среднем 38,9% [12, с. 32–33].

В военные годы трансформировалась отраслевая структура промышленности. Доминирующую роль стали играть две отрасли промышленности — металлообрабатывающая и химическая, удельный вес продукции которых достиг в 1944 году 78% от всей промышленной продукции области. Валовая продукция металлообработки и машиностроения за годы войны (1941–1944 годы) увеличилась почти в 3 раза, химической промышленности — в 5,3 раза [12, с. 33].

Город Молотов (Пермь) стал крупнейшим центром размещения эвакуированных предприятий не только в Молотовской области, но и в СССР.

В результате эвакуации были существенно расширены производственные мощности пермских гигантов военно-промышленного комплекса — Моторостроительного и Мотовилихинского заводов. На площадях Моторостроительного завода № 19 согласно постановлению Государственного Комитета Обороны от 8 октября 1941 г. было решено разместить 8 предприятий [14, л. 144, 148–149, 153; 7, с. 18]. Мотовилихинский завод принял более 5 предприятий. Развернулись в масштабное производство предприятия-дублёры. Приказом по Наркомату авиапромышленности П. В. Дементьева от 28 октября 1941 г. Московский завод № 33 и Молотовский № 339 объединились в одно предприятие под общим номером 33 [6, с. 19–20]. Уже в ноябре 1941 г. завод начал выпускать продукцию для фронта. За 1942 год завод № 33 выпустил около 30 наименований карбюраторов разработки основоположника отечественного агрегатостроения для

авиационных и ракетных двигателей — Ф. А. Короткова К-11 А, К-11Б, К-11 БП, КТА-21, К-25 и других на самолеты Як-1, ЛаГГ-3, Р-5, МиГ-3, Пе-2 и т. д. [15, с. 98].

На Пермском суперфосфатном заводе за полтора года на базе эвакуированных предприятий было создано 5 новых цехов. Завод из производителя фосфорных удобрений и кислоты превратился в поставщика средств борьбы с вражеской техникой: зарядил зажигательными смесями 82 млн мин, 122 млн снарядов, выпускал самовоспламеняющиеся фосфорные шарики, медицинский препарат «Стрептоцид» [10, с. 78].

В конце июля 1941 г. в Молотов на площади завода № 98 имени Кирова стали прибывать эшелоны с оборудованием и документацией пороховых заводов, эвакуированных из Ленинградской, Ростовской и Московской областей. Всего было эвакуировано 80% всех предприятий пороховой промышленности страны [16, л. 17]. К лету 1942 г. объемы производства зарядов для артиллерии выросли в три раза. А к 1944 году производство возросло в 10 раз по сравнению с осенью 1941 г.

На базе эвакуированных предприятий были созданы новые заводы, которые на долгие десятилетия стали визитной карточкой города Перми. В годы Великой Отечественной войны завод № 103 (ныне АО «Сорбент») был построен на базе эвакуированных из Крыма Сакского и Красноперекопского заводов, военного бромного завода № 749 и завода № 395 из г. Электростали Московской области. На заводе № 103 было освоено производство общевоинских противогазов и промышленных респираторов, а также на протяжении всей войны завод был единственным поставщиком высококачественного карбюризатора для авиационной промышленности. Государственный союзный ордена Трудового Красного Знамени Пермский (Молотовский) велосипедный завод был создан на базе оборудования эвакуированного из г. Владимира Ивановской области патефонного завода № 260. В годы Великой Отечественной войны выпускал взрыватели для артиллерийских снарядов М-50, К-20, трассер МД-5. Уже к 1 марта 1942 г. был закончен монтаж оборудования цехов и дана первая партия промышленной продукции [17, л. 2]. После войны с 1956 г. завод стал специализироваться на выпуске велосипедов, производство которых было передано ему Горьковским автозаводом. В лучшие годы на предприятии производилось до 400 тысяч велосипедов в год и вполне заслужено Пермь стала велосипедной столицей России, а велосипед «Кама» являлся одним из самых популярных и любимых видов транспорта на просторах бывшего СССР.

25 сентября 1941 г. вступил в строй Пермский телефонный завод (ОАО ПТЗ «Телта»), построенный на базе эвакуированного Ленинградского электромеханического завода № 8 Главсвязьпрома Народного комиссариата электропромышленности (НКЭП). Эвакуированному заводу было передано управление строительства Молотовского телефонного завода. Он стал единственным поставщиком полевых телефонных аппаратов для фронта. В период с 1941 по 1945 год было выпущено 234 000 полевых телефонных аппаратов. Аппаратов ЦБ было произведено за военные годы 202 100 штук, аппаратов АТС — 25 400, микротелефонов — 94 700, конденсаторов — 516 200, контрольно-измерительной

аппаратуры — 2436 000, электроплиток — 24800, репродукторов — 76700 [18, л. 35, 37–38]. В СССР производство телефонных аппаратов было сконцентрировано только на двух заводах: Пермский телефонный завод и ВЭФ. Кроме внутреннего рынка, они поставляли продукцию еще и в другие социалистические страны.

В годы Великой Отечественной войны легкая промышленность СССР понесла тяжелый урон, были разрушены многие предприятия легкой промышленности, находившиеся в европейской части СССР. Тем не менее благодаря эвакуации получила развитие легкая промышленность в городе Молотове (Перми) и Молотовской (Пермской) области. В период войны на базе эвакуированного оборудования в городе Молотове было создано значительное количество предприятий в легкой, местной промышленности и промысловой кооперации.

До войны в Перми не было табачной фабрики. Однако в город была эвакуирована демонтированная знаменитая Ленинградская табачная фабрика имени Клары Цеткин и табачная фабрика из Одессы — 56 машин и станков. Их проектная мощность составляла 1 млрд табачных изделий и 50 тыс. ящиков курительной махорки в год. Из Ленинграда и Одессы прибыли 45 человек специалистов — практиков и квалифицированных рабочих. Под фабрику было отведено 2-этажное здание бывшего Универмага площадью 1120 кв.м и территория, прилегающая к зданию, площадью 3420 кв.м для размещения двора и складских помещений. На основании распоряжения СНК СССР от 16 сентября 1942 г. приняли решение о передаче здания Универмага из Наркомторга в управление Наркомпищепрому СССР, и 26 сентября 1942 г. Пермский областной Совет депутатов трудящихся его утвердил. 13 ноября 1942 г. СНК СССР распорядился организовать 14 махорочных фабрик союзного, республиканского и областного подчинения, общей мощностью 750 тысяч ящиков курительной махорки в год на базе технологического и вспомогательного оборудования, эвакуированного или демонтированного с других махорочных фабрик Союза. В городе Молотове открылась табачная фабрика областного подчинения мощностью 50 тыс. ящиков курительной махорки в год со сроком пуска в эксплуатацию в мае 1943 г. Ранее запланированного срока наряду с проведением строительных и монтажных работ фабрика начала выпуск табачных изделий. В 1944 году были построены квартиры для работников фабрики. За 1943 год было выработано 8,7 млн штук папирос и 87 т махорки. В 1944 году выпуск папирос равнялся уже 88,1 млн штук, а в 1945 г. — 89,2 млн. [19, с. 1–2, 4].

До войны Молотовская область вывозила зерно для переработки в муку в другие регионы страны. Так, в 1940 году в Молотовскую область было завезено 244 тыс. т муки и одновременно из области вывезено свыше 260 тыс. т зерна. На базе эвакуированного мельничного оборудования за годы войны были смонтированы в готовых помещениях и построены вновь мельницы в городах: Молотове (3 мельницы), Краснокамске, Кунгуре, Чусовом, Лысьве, Кизеле, Березниках, Усолье и Соликамске, способные в общей сложности перерабатывать более 500 т зерна в сутки. Мельницы в промышленных центрах были объединены во вновь созданный трест «Главмука» Народного комиссариата заготовок СССР [12, с. 39–40].

Молотов был университетским городом с большим количеством учебных заведений. В начале 1940/41 учебного года в нём насчитывалось 66 общеобразовательных школ, в которых обучалось более 40 тыс. человек. Также в городе работало 21 среднее специальное учебное заведение, где в 1937 году училось 4273 человека. В Перми функционировали 7 вузов и ряд научно-исследовательских институтов. В них училось и работало в 1937 году 5460 человек, а в 1941 году — 6700 [20, с. 15; 21, с. 20].

Пермский (Молотовский) фармацевтический институт в годы войны принял в свои ряды большое количество ученых-фармацевтов Москвы, Ленинграда и Днепропетровска. В октябре 1941 г. в город Молотов был эвакуирован Московский фармацевтический институт. В состав этого крупнейшего в СССР фарминститута входило 23 кафедры, а также аптека и питомник лекарственных растений [22, с. 5–6; 23, с. 22–23; 24, с. 30]. В марте 1942 г. из блокадного Ленинграда в Пермь эвакуировали Ленинградский сельскохозяйственный институт. До войны институт насчитывал 27 кафедр и имел три факультета: агрономический с отделениями полеводства, селекции и семеноводства, экономический и защиты растений, а также агропедагогическое отделение. Кроме того, в 1941 году к сельскохозяйственному был присоединён плодоовощной институт на правах факультета. Профессорско-преподавательский состав насчитывал 179 человек. В Молотове институт был размещен на базе Пермского сельскохозяйственного института, но функционировал как самостоятельное высшее учебное заведение [25, с. 87]. В Перми в результате вторичной эвакуации оказался также известнейший вуз нашей страны (дата основания 1932 г.) — Ленинградский военно-механический институт [26, л. 94–97]. В Молотове разместили также эвакуированные военные училища: 2-е Ростовское училище самоходной артиллерии (в городе находилось с августа 1942 г. по июнь 1944 г.) и Урюпинское пехотное училище (время пребывания с декабря 1942 г. по декабрь 1945 г.) [27, с. 341]. Помимо этого, пермские вузы принимали на работу эвакуированных учёных и преподавателей из Москвы, Ленинграда и других советских городов.

Город Молотов вопреки первоначальным планам стал одной из главных баз эвакуации документов государственного архивного фонда страны. Уже в августе 1941 г. в Молотов были эвакуированы документы 10 районных архивов Ленинградской области [28, с. 100–101]. А в 1942 году прибыли документы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРСС), Центрального государственного исторического архива г. Москвы (ЦГИАМ), Центрального государственного архива Красной Армии (ЦГАКА) [29, с. 25–27]. Эвакуация культурных ценностей страны коснулась и крупнейшей в стране Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Всего в город Молотов прибыло 40 вагонов с книгами. Два хранилища — библиотека им. Горького и клуба им. Свердлова — приняли свыше 700 000 экземпляров, среди которых были тысячи драгоценных изделий и рукописей XII и XIII веков, рукописные книги XIV–XVII веков, архивы великих русских писателей — А. П. Чехова, Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова [30, с. 2].

Коллекцию Русского музея эвакуировали в Горький и разместили в подсобных и хозяйственных помещениях Горьковского художественного музея. Однако уже 18 августа 1941 г. Росискусство принимает решение о вторичной эвакуации Русского музея в город Молотов [31, с. 38, 40]. На этот раз эвакуация должна была происходить не по железной дороге, а речным путём. В середине августа 1941 г. от Северного речного вокзала Москвы была отправлена баржа с художественными ценностями Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея-заповедника в городе Загорске, Государственного музея керамики и музея «Усадьба Кусково», музея Академии архитектуры СССР, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственного центрального театрального музея, Государственного музея восточных культур, музея-мастерской скульптуры Голубкиной, выставок И. И. Бродского, юбилейной М. Ю. Лермонтова, а также материалов дирекции выставок и панорам Всесоюзного комитета по делам искусств [32, с. 58–59].

14 сентября 1941 г. баржа с бесценным грузом прибыла в Молотов. Начальник речного эшелона доцент архитектуры А. Ф. Акимов направил председателю Молотовского облисполкома докладную записку, в которой отметил: «Груз в числе 909 мест, состоит из произведений живописи, древней иконописи, скульптуры, рисунка, миниатюры, старинных чертежей, ценных рукописей, древнегреческих папирусов, произведений прикладного искусства (фарфор, бронза, шпалеры, древние ткани, ризы и шитьё, мозаика, интарсия и пр.).

Кроме того, в составе груза находятся фонды бронекладовых музеев, имеющие помимо высокой художественной ценности и особо материальную ценность, поскольку эти произведения искусства являются изделиями из золота и серебра (в количестве несколько тонн), жемчуга, драгоценных камней» [32, с. 59]. 27 сентября 1945 г. исполком Пермского городского Совета депутатов трудящихся в своём решении отметил серьёзную работу, проделанную небольшим коллективом Русского музея, обеспечившим сохранность ценностей, эвакуированных на Урал, и одновременно принимавшим активное участие в культурно-художественной жизни города, и наградил сотрудников музея почётными грамотами [31, с. 75].

15 августа 1941 г. было принято решение эвакуировать Ленинградский орден Ленина Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова в город Новосибирск. 19 августа 1941 г. начал своё движение эшелон из 86 вагонов-теплушек и двухклассных вагонов (около трех тысяч человек). 27 августа 1941 г. театр в основном составе солистов и артистов, хора, балета, оркестра прибыл на станцию Пермь II [33, с. 434]. Целые сутки эшелон находился на запасных путях, а в это время первый секретарь Пермского обкома партии Н. И. Гусаров после непродолжительной беседы с руководством театра принял решение разместить прославленный театр в Перми, а Пермский театр временно отправить в город Краснокамск. Решение принимали в Москве и после того, как в правительственной телеграмме подтвердили принятое решение, руководство города пришло на вокзал встретить артистов, и их начали расселять [1, с. 277].

За 33 месяца пребывания в эвакуации была осуществлена постановка 27 оперных и балетных спектаклей. Создано 14 новых концертных программ и дано более 1000 спектаклей, 10 концертных бригад, куда вошли более 100 артистов, провели около 3500 шефских концертов, из них 692 — на фронте [33, с. 434–435]. С выдающимися произведениями музыкальной культуры в исполнении Ленинградского театра познакомились около одного миллиона человек [34, л. 1–6]. С речью об итогах работы театра имени С. М. Кирова на Урале выступил секретарь Молотовского обкома и горкома ВКП(б) Н. И. Гусаров. Он отмечал, что «во всей истории театральной культуры Урала, а тем более нашего города, не было события, более выдающегося, чем приезд сюда в полном составе для продолжительной работы Ленинградского академического театра» [35, с. 1]. В свою очередь ведущая солистка театра Г. С. Уланова также подчеркнула: «Мне кажется, что пребывание в Молотове Ленинградского театра имени С. М. Кирова оставит большой след, заметно скажется в культурной жизни города. Уезжая, мы благодарим наших зрителей-молотовцев за ту любовь, которую они выказывали нам, которой поддерживали нас и каждый раз вдохновляли на дальнейшее высокое и радостное служение искусству» [35, с. 2].

Вместе с Кировским театром приехало в наш город и старейшее в стране Ленинградское хореографическое училище. Летом 1944 г. после снятия блокады Ленинградский Кировский театр и Ленинградское хореографическое училище вернулись домой. Казалось бы, на этом балет в нашем крае так бы и остался на провинциальном уровне, если бы не Е. Н. Гейденрейх.

По семейным обстоятельствам она не эвакуировалась со школой и осталась в Ленинграде, где в 1942 году в апреле была арестована и приговорена НКВД по статье 58–10 часть II на 10 лет. Е. Н. Гейденрейх отбывала наказание в Усольском исправительно-трудовом лагере г. Соликамска и была освобождена из лагеря как инвалид только 5 декабря 1942 г. (реабилитация состоялась только в 1956 г.). 23 июня 1944 г. в Москве был подписан приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР «О создании хореографической студии при Молотовском театре оперы и балета». В приказе было дано поручение Ленинградскому хореографическому училищу «осуществлять систематическое наблюдение за учебно-производственной работой и оказывать методическую помощь». 2 апреля 1945 г. постановлением Совнаркома СССР студия была реорганизована в хореографическое училище и с 1 сентября 1945 г. начался первый учебный год новой балетной легенды — Пермского хореографического училища. Директором училища была назначена Нонна Александровна Багина, а первым художественным руководителем училища до 1956 г. стала Екатерина Николаевна Гейденрейх [36, с. 11].

Выпускница императорского театрального училища в г. Санкт-Петербурге, солистка Марининского театра, репетитор Ленинградского Малого театра оперы и балета, педагог классического танца Ленинградского хореографического училища, Екатерина Николаевна была выдающимся деятелем хореографического искусства, и именно она сформировала молодую пермскую школу балета на высоком профессиональном уровне.

В октябре 1941 г. наряду с другими московскими театрами был эвакуирован Московский агиттеатр сагиры и интермедий [37, с. 33]. 12 марта 1942 г. на базе этого театра в городе Молотове открылся театр миниатюр и эстрады [38, с. 132]. Политика театра под художественным руководством А. Н. Любанского полностью отвечала решениям президиума Всероссийского театрального общества (ВТО) от 3 июля 1941 г. по «созданию оборонного и антифашистского театрального репертуара». Первая программа сезона называлась «Говорит Москва!». За два года существования «этого небольшого, но жизнерадостного театра» было представлено 14 программ, состоящих из сенок, интермедий, юморесок, куплетов и т. д., а также выпущено более 50 одноактных пьес [39, с. 2].

В Молотов были эвакуированы московские и ленинградские художники, всего 44 членов Союза художников [40, л. 58–58а]. С сентября 1941 г. в художественной галерее начала свою работу мастерская по массовому изготовлению плакатов, агитокон, портретов героев Советского Союза. Руководителем мастерской был известный московский художник В. Одинцов, а после его отъезда — Б. Иогансон. В 1941–1942 годах художники оформляли специальную витрину редакции газеты «Звезда», так называемые «Окна “Звезды”», где выставлялись рисунки и акварели, отражающие события войны. За время войны художники издали 190 плакатных работ общим тиражом 200 тыс. экземпляров [41, с. 7–10].

В город Молотов (Пермь) эвакуировалась большая группа советских писателей. Только из Москвы и Ленинграда эвакуировались 43 члена Союза советских писателей. А всего на учете в Молотовском отделении Союза советских писателей до войны было 5 членов, а стал состоять 71 человек [42, л. 1; 43, л. 6]. В годы войны это был «крупнейший писательский коллектив страны» [44, с. 2].

В годы войны произошла радикальная трансформация в культурной и научной жизни города Молотова, и это связано прежде всего с эвакуацией столичных научных, учебных и культурных учреждений, а также целым рядом известных учёных, писателей, поэтов, композиторов, артистов и художников.

Несмотря на трагические обстоятельства, в результате которых это стало возможным, сложились абсолютно уникальные условия не только для оживления провинциальной культурной жизни, но и для долгосрочных существенных и качественных изменений, имеющих серьёзные последствия, как один из факторов превращения Молотова (Перми) в крупнейший научный и культурный центр Советского Союза.

За годы войны социально-экономическое значение Молотова (Перми) неизмеримо выросло. Официальное признание этого выразилось в том, что он была отнесена к категории городов республиканского подчинения, наряду с городами: Горький, Красноярск, Куйбышев, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Саратов, Свердловск, Севастополь, Сочи, Сталинград и Челябинск. Началась новая точка отсчёта в стремительном развитии города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Западный Урал — фронту: Сборник документов и материалов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1984. 284 с.
2. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ). Ф. 8055. Оп. 1. Д. 256.
3. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150.
4. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р-564. Оп. 4. Д. 77.
5. ГАПК. Ф. р-176. Оп. 6. Д. 195.
6. Орлов А. Мы — агрегатчики. Очерки истории Пермского агрегатного производственного объединения имени М. И. Калинина. Документы, воспоминания, интервью. Пермь, 1990. 204 с.
7. Силина Т. И. Моторы Победы. Краеведческое издание. Пермь, 2017. 195 с.
8. Мухин М. Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2011. 352 с. (1418 дней Великой войны).
9. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1943. 9 апреля. № 78 (7068).
10. Буслаев Л. А. Кислотники. Страницы истории 1916–2016. Пермь: Пушка, 2016. 255 с.
11. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 365.
12. Тиунов В. Ф. Промышленное развитие Западного Урала. Книга вторая. Молотов: Книж. изд-во, 1957. 352 с.
13. Пермский край в Великой Отечественной войне. Энциклопедия. Изд. испр. и доп. Пермь: Пушка, 2020. 470 с.
14. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 37.
15. Молотовская область в годы Великой Отечественной войны. Календарь-справочник / сост. В. Г. Светлаков, ред. В. С. Колбас. Пермь, 2010. 162 с.
16. ПермГАСПИ. Ф. 7604. Оп. 9. Д. 229.
17. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 397.
18. ГАПК. Ф. р-993. Оп. 2. Д. 1.
19. Пермская табачная фабрика. 1942–1967. 25 лет. Альбом. [Б.м.]. [Б.г.]. 46 с.
20. Капцугович И. С. Пермь социалистическая (Краткий очерк истории города с 1917 по 1973 гг.). Пособие для учителя истории и обществоведения, лекторов, пропагандистов и агитаторов. Пермь, 1973. 109 с.
21. Пермь прежде и теперь (Материалы для докладчиков и беседчиков к XX годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции) / сост. И. Г. Пигасов, Б. Д. Бобылев, В. А. Будрин, А. М. Огибинен. Пермь: Издание парткабинета Пермского ГК ВКП(б), 1937. 23 с.
22. Сергеева М. С. К 55-летию юбилею фармацевтического факультета первого МГМУ им. И. М. Сеченова // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 5–6.
23. Краснюк И. И., Скاتков С. А. История кафедры фармацевтической технологии // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 22–28.
24. Харитонов Ю. Я., Сергеева М. С. Страницы истории кафедры аналитической, физической и коллоидной химии фармацевтического факультета первого МГМУ им. И. М. Сеченова // Сеченовский вестник. 2013. № 3 (13). С. 29–35.
25. Волкова Т. С., Шувалова Ю. Б., Ярома О. В. Проблемы институционального оформления высшего аграрного образования в Прикамье: монография / М-во с.-х. РФ, Перм. гос. аграр.-технол. ун-т Д. Н. Прянишникова. Пермь: Прокрость, 2018. 314 с.
26. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 354. Д. 3206. Л. 94–97.
27. Урал ковал победу: сб.-справ. Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 1993. 382 с.
28. Глушков А. В. Государственный архив Молотовской области и спасение эвакуированных документальных материалов в годы Великой Отечественной войны // Технологос. 2020. № 3. С. 99–105.

29. Нечаев М. Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40.
30. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 19 августа.
31. Балтун П. К. Русский музей — эвакуация, блокада, восстановление (Из воспоминаний музейного работника) / предисл. А. К. Лебедева. М.: Изобраз. искусство, 1980. 144 с.
32. Советы Прикамья: Пермский областной Совет в документах. 1938–1988. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 262 с.
33. Пермский край в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Пермь, 2018. 512 с.
34. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 10. Д. 163.
35. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 2 июня.
36. Чернова Т. П. Рождение лебедя. Слово о Пермском хореографическом училище, его педагогах и питомцах. Пермь: Перм. книж. изд-во 2001. 216 с.
37. Театры Москвы в годы Великой Отечественной войны: Архивные документы и материалы / Главархив Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы». М., 2019. 624 с.
38. Карлюк Т. Н. Торговый дом Ижболдиных // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы второй научно-практической конференции / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина; сост. и ред. Т. И. Быстрых. Пермь, 2009. С. 129–133.
39. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1944. 12 марта.
40. ГАПК. Ф. 1130. Оп. 1. Д. 23.
41. Художники Перми: сб. очерков. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1981. 175 с.
42. ГАПК. Ф.р. 1188. Оп. 1. Д. 1.
43. ГАПК. Ф.р. 1588. Оп. 1. Д. 599.
44. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и обл. Совета депутатов трудящихся. 1943. 17 января.

М.Н. ГУРЬЯНОВА, Е.С. МЕЗЕНЦЕВА

Пермская государственная фармацевтическая академия

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ В МОЛОТОВСКОМ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье отражены результаты реализации проекта музея Пермской государственной фармацевтической академии (ПГФА), посвященного поиску и систематизации данных о преподавателях фармацевтических вузов страны, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Молотовский фармацевтический институт (МФИ). Представлены результаты поиска данных о научно-исследовательской и общественной деятельности преподавателей, эвакуированных из ряда фармацевтических институтов. В МФИ прибыли эвакуированные научные работники: М.Х. Бергольц, Д.М. Щербачев, С.Ф. Юшкевич, Я.З. Лемберский, П.И. Астраханцев, Н.А. Львов, А.Л. Каталхерман и др. Их пребывание в институте оказало влияние на учебную, воспитательную и научную работу вуза. Отражен их вклад в деятельность по созданию лекарственных препаратов на базе МФИ и промышленных предприятий Молотовской области, сбору лекарственных растений для фронта и тыла.

Ключевые слова. Великая Отечественная война; Молотовский фармацевтический институт; эвакуация в тыл; научная деятельность.

M.N. GURYANOVA, E.S. MEZENTSEVA

Perm State Pharmaceutical Academy

EVACUATED TEACHERS AT THE MOLOTOV PHARMACEUTICAL INSTITUTE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article reflects the results of the project of the museum of the Perm State Pharmaceutical Academy that dedicated to the search and systematization of data on teachers of pharmaceutical universities of the country evacuated during the Great Patriotic War to the Molotov Pharmaceutical Institute. The results of the search for data on the scientific and social activities of teachers evacuated from number of pharmaceutical institutes are presented. Evacuated scientists arrived at the MPhI: M.Kh. Bergolts, D.M. Shcherbachev, S.F. Yushkevich, Ya. Z. Lembersky, P.I. Astrakhantsev, N.A. Lvov, A.L. Katalherman, etc. Their work at the Institute had an impact on the educational and scientific work of the university. Their contribution to the creation of medicines on the basis of MPhI and industrial enterprises of the Molotov region, the collection of medicinal plants for the front and rear is reflected.

Keywords. Great Patriotic War; Molotov Pharmaceutical Institute; evacuation to the rear; scientific activity.

В годы Великой отечественной войны Молотовский фармацевтический институт (МФИ) готовил 50% провизоров страны [1], его сотрудниками было организовано производство более 30 лекарственных препаратов (ЛП) на базе вуза, промышленных предприятий области, фармацевтической фабрики. Большой вклад в эту деятельность внесли ученые, эвакуированные в г. Молотов. В музейных экспозициях музея ПГФА представлены данные об эвакуации и работе в МФИ преподавателей из Ленинграда, Москвы, Смоленска и других городов страны.

Однако полной картиной об эвакуации, работе и жизни эвакуированных преподавателей в годы ВОВ музей ПГФА не располагал. Поэтому в 2019 г. был разработан музейный проект, получивший название «Эвакуированные преподаватели в МФИ в годы ВОВ».

Информационной основой для реализации проекта стали приказы по вузу и протоколы его партийных собраний. В ходе исследования необходимо было перепроверить информацию об эвакуированных преподавателях, уточнить направления деятельности ученых в период их пребывания в Перми. Часто в публикациях приводится одна и та же информация об эвакуации в МФИ кафедры коллоидной и аналитической химии под руководством доцента В. В. Монблановой Московского фармацевтического института (МосФИ) [2]. Однако в архиве Пермской государственной фармацевтической академии нет личного дела такого ученого, а в приказах военных лет МФИ данная фамилия не встречается.

В ходе проекта мы выделили те города и вузы, сотрудники которых оказались в эвакуации в г. Молотов. В табл. 1 представлены данные о восьми специалистах и преподавателях различных вузов, эвакуированных в МФИ.

№ п/п	Название города, откуда был эвакуирован преподаватель	Название вуза	ФИО преподавателя	Название кафедры, где работал преподаватель и должность
1	Москва	Фармакопейный комитет	А.И. Зильберберг	Фармакопейный комитет на базе МФИ. Член Ученого Совета МФИ
2		Московский фармацевтический институт (МосФИ)	Дмитрий Михайлович Щербачев	Кафедра фармакогнозии, профессор, далее заведующий кафедрой
3			Николай Александрович Львов	Кафедра фармакогнозии, заведующий кафедрой
4			Александр Львович Каталхерман	Кафедра технологии лекарственных форм, ассистент
5			Моисей Хаимович Бергольц	Кафедра фармацевтической химии, заведующий кафедрой
6	Ленинград	Ленинградский фармацевтический институт (ЛФИ)	Петр Иванович Астраханцев	Кафедра органической химии, заведующий кафедрой
7	Смоленск	Смоленский государственный медицинский институт (СГМИ)	Сергей Фомич Юшкевич	Кафедра аналитической химии, заведующий кафедрой
8	Днепропетровск	Днепропетровский фармацевтический институт (ДФИ)	Яков Зиновьевич Лемберский	Кафедра военно-санитарной подготовки, заведующий кафедрой
9	Харьков	Харьковский биохимический институт (ХБИ)	Софья Евсеевна Эпельбаум	Кафедра биологической химии, заведующий кафедрой

Таблица 1. Данные об эвакуированных в г. Молотов специалистов и преподавателей различных вузов страны

Представляя информацию об эвакуированных в г. Молотов преподавателях, нельзя не говорить об их научной деятельности, направленной на решение общегосударственных задач. Народным комиссариатом здравоохранения перед фармацевтической промышленностью, областными аптекоуправлениями, фармацевтическими специалистами были поставлены следующие задачи:

- организовать промышленное производство ЛП, медицинских изделий в тыловых областях страны на базе местных и эвакуированных фармацевтических заводов, вновь построенных фармацевтических заводов, заводов химической, пищевой, местной промышленности, фармацевтических фабрик, лабораторий и аптек;

- провести научные исследования по совершенствованию методик изготовления галеновых препаратов и разработки новых технологий получения настоев, экстрактов, в том числе с использованием спирта низких концентраций, заменой спиртовых растворов на водные, заменой густых и жидких экстрактов на сухие;

- организовать сбор лекарственного растительного сырья (ЛРС) в тыловых областях страны в промышленных масштабах; привлечь к заготовке ЛРС большие группы населения;

- создать программы импортозамещения ЛП и ЛРС на основе местных ресурсов;

- разработать новые мазевые основы без использования пищевых жиров;

- создать новые перевязочные материалы взамен марли и ваты;

- для профилактики цинги в тыловых областях разработать и внедрить в производство на предприятиях тыловых областей методики изготовления витаминных препаратов и пищевых продуктов [3, с. 92].

Эти задачи и стали научными направлениями деятельности всего МФИ и эвакуированных преподавателей.

Значимым событием для работы фармацевтического вуза, конечно, явилась деятельность Фармакопейного комитета СССР на базе МФИ. Его ученый секретарь А. И. Зильберберг был введен в состав Ученого совета МФИ [4]. Это был не чужой для вуза человек, в 1920-е годы он возглавлял Московский химико-фармацевтический завод им. Карпова, именно он приглашал студентов химико-фармацевтического отделения Пермского университета к себе на завод на практику, а затем и на работу. В этот момент в МФИ работали два выпускника химико-фармацевтического отделения, которые в 1920-е годы трудились в Москве на заводе им. Карпова, — В. М. Силин и А. М. Строганова.

В приказе № 165 по МФИ от 29.11.1941 г. зафиксировано следующее историческое событие: «Приказом Наркома здравоохранения № 34 Московский фармацевтический институт объединить с Молотовским Фармацевтическим институтом с подчинением Наркомздраву СССР» [5]. В течение 1941–1943 годов в г. Молотов из г. Москвы было переведено 80 студентов. Вместе с ними приехали и преподаватели.

Самым известным и именитым из эвакуированных ученых был Дмитрий Михайлович Щербачев (1864–1957) — профессор МосФИ. С 1935 года он являлся заведующим кафедрой фармакогнозии МосФИ. В период эвакуации в г. Молотов он возглавил научно-практические исследования, начатые ещё до войны учеными МФИ, по замене импортного дорогостоящего ЛРС на отечественное, произрастающее в зоне Урала. Несмотря на преклонный возраст, он активно участвовал в экспедициях по изучению лекарственных растений (ЛР) Молотовской области. Им было исследовано анатомическое строение стеблей и цветков травы термописа, предложено заменить термописом ипекакуану, закупаемую за рубежом [6].

Однако заведующим кафедрой фармакогнозии был назначен доцент Николай Александрович Львов, прибывший в МФИ совместно с профессором Д. М. Щербачевым. Это назначение, как мы считаем, было связано с его огромным опытом организаторской работы на Лубнинской опытной станции, в Научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте (НИХФИ) и Всесоюзном научно-исследовательском институте лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР). Совместно с доцентами МФИ Г. А. Карпенко, В. Н. Шухардиным в 1942 году доцент Львов А. Н. принял участие в написании книги «Сбор и заготовка лекарственных растений». Её цель — широкая популяризация ЛР и оказания помощи аптечным работникам в их сборе. Она была издана тиражом 5000 экземпляров и распространена среди жителей Молотовской области. Доцент А. Н. Львов принимал участие в составлении календаря сбора сырья, проведении на базе института межобластных курсов по подготовке сборщиков ЛРС для аптекоуправлений Урала, Сибири и Дальнего Востока [7].

Илл. 1. Здание Молотовского фармацевтического института, 1938 г., автор неизвестен. Музей ПГФА

В годы войны кафедру фармацевтической химии МФИ возглавил Моисей Хаймович Бергольц. С 1939 года он являлся директором МосФИ. Был эвакуирован из Москвы в составе группы преподавателей МосФИ в качестве доцента кафедры технологии лекарств. В 1942 году профессор М. Х. Бергольц по решению исполкома Молотовского областного Совета народных депутатов был командирован на содовый завод г. Березники для организации производства ЛП из местного сырья и отходов промышленности.

При поддержке руководства завода и города М. Х. Бергольц вместе с ассистентом кафедры фармацевтической химии Н. Г. Панферовой организовал на заводе производство стрептоцида. В 1943 году он в соавторстве с М. Я. Брейтманом выпустил руководство для врачей, фармацевтов и студентов «Клиническая фармакотерапия и врачебная рецептура». М. Х. Бергольц входил в состав комиссии по редактированию сборников научных трудов МФИ, обсуждению нового учебного плана, разработанного Наркомздравом СССР, являлся председателем методической комиссии по совершенствованию учебного процесса и учебно-методической работы. В 1943 году ученый был отозван в МосФИ [8].

На кафедру технологии лекарственных форм МФИ в ноябре 1941 г. был переведен преподаватель МосФИ Александр Львович Каталхерман. Работал на должности ассистента. За годы эвакуации создал мазь от обморожений, профилактическую мазь от профессиональных травм [9.]

Ещё один вуз, чьи студенты и преподаватели были эвакуированы в г. Молотов, — ЛФИ. По данным приказов МФИ установлено, что в г. Молотов было переведено 20 студентов ЛФИ [10, 11]. Вместе со студентами был эвакуирован декан ЛФИ Петр Иванович Астраханцев. Впоследствии он стал первым послевоенным директором ЛФИ. С 10 августа 1941 г. П. И. Астраханцев считается временно зачисленным на должность доцента кафедры фармацевтической химии. С 6 сентября 1941 г. был временно назначен заместителем директора по учебной части и заведующим кафедрой органической химии, назначен председателем Совета Института.

С 22 по 27 мая 1942 г. согласно решению совещания Обкома ВКП (б) вместе с заведующим кафедрой фармацевтической химии профессором М. Х. Бергольцем был отправлен в г. Губаху Кизеловского района и на Всеволодо-Вильвенский завод по вопросу организации производства ЛП из местного сырья и отходов промышленности. В результате на заводах было организовано производство необходимых стране ЛП: на Всеволодо-Вильвенском заводе — медицинские компоненты и антисептические вещества, на Губахинском коксохимическом заводе — аспирин и сахарин. С июня 1941 г. под руководством П. И. Астраханцева на кафедре органической химии начинают выпуск уротропина. 9 ноября 1943 г. в соответствии с приказом НКЗ СССР переведен во Всесоюзный Научно-исследовательский химико-фармацевтический институт им. Орджоникидзе [12].

Из Смоленского государственного медицинского института в г. Молотов в 1941 г. был эвакуирован доктор фармацевтических наук, профессор Сергей Фомич Юшкевич. Руководство МФИ поручило ему возглавить кафедру аналитической и неорганической химии [13]. В плане научных работ МФИ на 1942 год за профессором С. Ф. Юшкевичем были закреплены темы по исследованию отходов Березниковского содового завода (совместно с ассистентом кафедры Г. Ф. Рейхардт) и получению активированных углей из местного сырья и заводских отходов (совместно с ассистентом кафедры В. К. Рубцовым). 19 февраля 1943 г. профессор Юшкевич скончался. Принимая во внимание тяжелое положение семьи профессора, руководство МФИ приняло на себя расходы на организацию похорон [14].

В сентябре 1941 г. был эвакуирован Яков Зиновьевич Лемберский — заведующий кафедрой судебной химии Днепропетровского фармацевтического института. Руководством МФИ он был назначен и.о. начальника кафедры военно-санитарной подготовки, а также заместителем директора по учебно-научной части [15]. В протоколах партийных собраний МФИ за 1942 год названы военно-спортивные мероприятия, которые проводила эта кафедра: занятия по лыжной подготовке и штыковому бою.

В августе 1942 г. Я. З. Лемберский был назначен внештатным инструктором по эвакуационным работам в ведении Облздравотдела, по контрольно-аналитическим лабораториям и судебным химическим исследованиям. По заданию Обкома ВКП(б) регулярно выезжал в различные населенные пункты Молотовской области с лекциями. С 6 октября 1942 г. возглавил кафедру судебной химии. В мае 1944 г. вернулся в ДФИ [16].

В 1944 году по конкурсу была избрана заведующим кафедрой биологической химии МФИ Софья Евсеевна Эпельбаум, работавшая до этого в Харьковском биохимическом институте. Параллельно заведовала кафедрой биологической химии в Молотовском медицинском институте (ММИ) с 1944 по 1956 год. К сожалению, практически все листы её личного дела сгорели в пожаре 1960-х годов. В сохранившейся характеристике есть такие слова: «высококвалифицированный, инициативный научный работник, талантливый педагог» [17].

Изучение приказов и протоколов партийных собраний МФИ позволило установить данные, что институт располагал одним зданием (ул. Ленина, 48). Поскольку на базе этого корпуса работал не только фармацевтический, но и стоматологический институт и фармацевтическая школа, занятия проводились в три смены [1]. В сохранившихся воспоминаниях студентов тех лет читаем: «Многие аудитории были разделены перегородками, в расписании занятий значилось: “занятие проводится на лестнице на второй этаж”, “занятие проводится под лестницей на второй этаж”» [18].

Анализ информации личных дел позволил установить места проживания эвакуированных преподавателей (табл. 2).

ФИО преподавателя	Адрес проживания
Щербачев Дмитрий Михайлович	ул. Камышловская, 44б (ныне ул. Крисанова)
Астраханцев Петр Иванович	Фармацевтический институт
Юшкевич Сергей Фомич	ул. 25 октября, 22
Лемберский Яков Зиновьевич	ул. Кирова, 91
Каталхерман Александр Львович	ул. Газеты "Звезда", 30
Бергольц Моисей Хаимович	ул. Куйбышева, 64, студ. городок
Львов Николай Александрович	Адрес не указан

Таблица 2. Данные о месте проживания в г. Молотов эвакуированных преподавателей фармацевтических вузов

Для части преподавателей были найдены квартиры в непосредственной близости от учебного корпуса. Дальше всех от здания МФИ жил профессор Д. М. Щербачев. М. Х. Бергольцу была предоставлена комната в одном из корпусов студенческого городка ММИ. П. И. Астраханцев вместе с женой, сотрудницей ММИ, проживал в одной из маленьких комнат на втором этаже учебного корпуса МФИ.

Постановлением правительства № 2148 от 19 октября 1941 г. с 1 ноября этого года для всего населения страны были введены карточки на продовольственные товары. Осенью 1941 г. студенты и преподаватели питались или получали продукты в буфете МФИ или в столовой «Пишевик». Она располагалась на Сенной площади (в настоящее время Октябрьская площадь). В столовой были организованы дежурства студентов для организации питания студентов и сотрудников. Буфет находился в здании вуза на первом этаже. В приказах 1942 и 1943 гг. уже указано, что в вузе работают и буфет, и столовая. Организация работы столовой вуза была поручена Н. А. Львову как председателю столовой комиссии. Столовую создали в одной из комнат общежития студенческого городка. Обеды для сотрудников привозили из столовой в учебный корпус [19].

Для питания сотрудников и студентов МФИ использовались продукты, выращенные на подсобном хозяйстве силами сотрудников и студентов. В 1941 году подсобное хозяйство было создано в селе Полазна Добрянского района, организацией работы по посадке картофеля занимался Я. З. Лемберский. В 1943 г. по решению Верхнемуллинского райисполкома от 12 мая 1943 г. МФИ были предоставлены земли для подсобного хозяйства. 13 мая 1943 г. в колхоз «1-го мая» для приема земли, разметки участков командировали сотрудников института.

Для работы на подсобном хозяйстве были отправлены 4 бригады сотрудников. Бригадиром 1-й бригады назначают П. И. Астраханцева [20]. Студенты и сотрудники участвовали в заготовке и засолке овощей на базах треста столовых и горпищеторга, за это вузу предоставлялись в качестве оплаты овощи. В состав 1-й бригады по заготовке овощей был включен А. Л. Каталхерман [21]. С августа 1942 г. в вузе были созданы бригады из студентов и сотрудников для сбора грибов и ягод [22]. В качестве противочинготных мер на базе кафедры технологии лекарственных форм для сотрудников и студентов готовили витаминные отвары.

Эвакуированные преподаватели ездили в экспедиции, участвовали в деятельности агитколлективов, выступали в госпиталях перед ранеными больными, участвовали в субботниках и государственном военном займе 1942 г.

В целом история эвакуации в Молотов (Пермь) преподавателей фармацевтических вузов требует дальнейшего исследования. Так, в протоколах партийных собраний за 1946 год найдены неизвестные нам ранее фамилии сотрудников вуза, эвакуированных в 1944 году (Витолина и Лебедева) и «выбывших в другие вузы» (Санникова, Семенова, Разина, Бутылина, Федоренко, Митрофанова) [1]. Возможно, это также преподаватели, эвакуированные в Молотов. Поэтому работа по данному проекту будет продолжена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Копия протокола парт собрания МФИ от 26 февраля 1946 года // Архив музея Пермской государственной фармацевтической академии (далее — ПГФА).
2. Нечаев М. Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40.
3. Учебник организации фармацевтического дела / под ред. Т. И. Тольцман. М: Медгиз, 1961. С. 92
4. Приказ по Молотовскому фармацевтическому институту № 150 от 3 сентября 1941 г. // Архив ПГФА.
5. Приказ по Молотовскому фармацевтическому институту № 165 от 25 ноября 1941 г. // Архив ПГФА.
6. Личное дело Д. М. Щербачева // Архив ПГФА.
7. Личное дело Н. А. Львова // Архив ПГФА.
8. Личное Дело Бергольц М. Х. // Архив ПГФА.
9. Личное дело Каталхерман А. Л. // Архив ПГФА.
10. Приказ № 104 по Молотовскому фармацевтическому институту от 1 августа 1941 года // Архив ПГФА.
11. Приказ № 136 по Молотовскому фармацевтическому институту от 2 октября 1941 года // Архив ПГФА.
12. Личное дело П. И. Астраханцева // Архив ПГФА.
13. Приказ по Молотовскому фармацевтическому институту № 152 от 6 сентября 1941 // Архив ПГФА
14. Личное дело С. Ф. Юшкевича // Архив ПГФА
15. Приказ по Молотовскому фармацевтическому институту № 53 от 23 апреля 1942 // Архив ПГФА
16. Личное дело Я. З. Лемберского // Архив ПГФА
17. Личное дело С. Е. Эппельбаум // Архив ПГФА
18. Воспоминания Л. А. Тетюевой // Архив музея ПГФА
19. Приказ № 128 (№ 129) по Молотовскому фармацевтическому институту от 20.10.1942 г (организация работы столовой) // Архив ПГФА
20. Приказ № 47 § 2 (№ 53) по Молотовскому фармацевтическому институту от 6 мая 1943 г. // Архив ПГФА
21. Копия протокола партсобрания МФИ от 22 августа 1942 года // Архив музея ПГФА
22. Приказ № 95 по Молотовскому фармацевтическому институту от 26.08.1942 // Архив ПГФА

А.В. МОХОВА

Пермский государственный архив социально-политической истории

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ МОЛОТОВСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

Аннотация. Статья посвящена добровольцам Молотовской танковой бригады в составе Уральского добровольческого танкового корпуса в годы Великой Отечественной войны, их мотивации, боевым подвигам. Впервые опубликованы фрагменты из такого источника, как девятнадцать «боевых приветов» командованию. Проведен анализ хранящихся в ПермГАСПИ документов о формировании танкового корпуса.

Ключевые слова. Молотовская танковая бригада; Уральский добровольческий танковый корпус; добровольчество.

A.V. MOKHOVA

Perm State Archive of Socio-Political History

VOLUNTEERISM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE EXAMPLE OF THE MOLOTOV TANK BRIGADE OF THE URAL VOLUNTEER TANK CORPS

Abstract. The article about the volunteers of the Molotov Tank Brigade as part of the Ural Volunteer Tank Corps during the Great Patriotic War, their motivation, combat exploits. For the first time published information, including quotes, from nineteen “combat greetings” of the command. The article presents an analysis of documents about the Molotov Tank Brigade, which are stored in PermGASPI.

Keywords. Ural Volunteer Tank Corps; Molotov Tank Brigade; volunteering.

Добровольчество, самопожертвование всегда отличали советского человека и обуславливались такими его чертами, как ответственность, неравнодушие. В годы Великой Отечественной войны актуализировались и такие феномены, как самосохранение, защита ближнего и родного, жажда справедливости и мести. Добровольчество в военном контексте понимается как добровольное вступление в ряды действующей армии из личной мотивации или во взятии на себя дополнительных обязательств на рабочем месте (на заводе, на службе, в колхозах), главное, чтобы это приносило дополнительную пользу фронту.

По закону о всеобщей воинской обязанности 1939 года призыву подлежали военнообязанные 1918–1923 годов рождения, а после объявления мобилизации 23 июня 1941 г. и в ходе войны призвали военнообязанных 1890–1927 годов рождения. В связи с этим добровольчество в Молотовской области проявилось в том, что граждане непризывного возраста и имевшие бронь рвались на фронт.

В качестве добровольцев их могли взять в действующую армию. Согласно данным В. Г. Светлакова, из Прикамья на фронт ушло 506 430 человек, из них каждый 10-й — добровольцем [1]. Среди них значительную часть составляли добровольцы Молотовской танковой бригады.

В 1943 году по инициативе рабочих трёх областей — Свердловской, Молотовской и Челябинской — был сформирован Уральский добровольческий танковый корпус (далее — УДТК), в состав которого вошли 3 танковые бригады: 197-я Свердловская, 243-я Молотовская, 244-я Челябинская и 30-я мотострелковая бригада, бойцами которой стали жители трёх регионов.

На 9661 место в корпус было подано более 115 тысяч заявлений от добровольцев.

В Молотовскую танковую бригаду, состоявшую из 243-й танковой бригады (далее — тбр), 299-го минометного полка (далее — минп), 267-й подвижной ремонтной базы (далее — прб) и 3-го батальона 30-й мотострелковой бригады (далее — мсбр), на 2720 мест, было подано более 40 тысяч заявлений [2]. Основная волна мобилизации пришлась на февраль – май 1943 г., но и после, до окончания войны, формирование пополнялось за счёт рабочих Урала. Сохранились документы о сентябрьских и декабрьских мобилизациях 1943 года.

На сегодняшний день в Пермском государственном архиве социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ) хранится около 50 архивных дел, содержащих документы о формировании данного соединения. Из них в 22 делах содержатся заявления добровольцев.

В бригаду вступали преимущественно рабочие промышленных предприятий, а помогать в оснащении, обеспечении взяли на себя обязательство труженики тыла, колхозники, служащие. Возраст бойцов был определен от 18 до 40 лет. Чтобы вступить в соединение, необходимо было подготовить себе замену на работе. Нередко заменяющими оказывались матери, жены, младшие братья и сёстры.

После публикации в газете «Уральский рабочий» 16 января 1943 г. призыва к формированию уральского корпуса уже через неделю в райвоенкоматы, парткомы предприятий, в комиссию по отбору в Особый Уральский танковый корпус и в бюро по вербовке добровольцев стали приходить заявления. «Танков нужно и можно дать больше. И вот на группе уральских танковых заводов родилась сейчас ценная патриотическая инициатива. В первом квартале этого года общими усилиями коллективов этих заводов будет выпущено сверх плана столько боевых машин, сколько необходимо для одного танкового корпуса. Корпус будет не только создан собственными силами группы заводов, но и на собственные средства, собранные среди рабочих, инженерно-технических работников и служащих. На этих же заводах в первом квартале будут обучены кадры водителей для машин» [3].

Люди ещё не знали, как будет именоваться соединение, поэтому просили себя зачислить просто «в ряды РККА», «в Уральский бронетанковый корпус», «Добровольную Уральскую танковую дивизию товарища Сталина», «Сталинский танковый корпус», «Уральскую танковую колонну». Поскольку в бригаду отбирались

преимущественно коммунисты, то её зачастую называли Коммунистической бригадой.

Приведём строки из заявлений. Александр Фёдорович Кадашев: «Я знаю, что т. Сталин одобрил инициативу уральцев и разрешил создание Особого Танкового Корпуса Уральцев, призванного сыграть огромную роль в осуществлении окончательного разгрома немецких захватчиков. В связи с этим прошу зачислить меня в корпус. 28.02.1943 г.» [4]. Василий Тихонович Тиманов: «Я себя чувствую здоровым и могу стать пулемётчиком или же автоматчиком. В РККА я не служил, но стреляю метко и нервы у меня крепкие. Прошу удовлетворить мою просьбу. 10.03.1943 г.» [5].

Не всех отпускали с производств с первого раза. Так, на заявлении Леонида Николаевича Шиндейкина, рабочего завода № 172, стоит резолюция начальника цеха: «Считаю необходимым заявить, что т. Шиндейкина отпустить из цеха нельзя, ибо, во-первых, т. Шиндейкин является мастером группы восстановления лекального инструмента и, во-вторых, на сегодня является единственным человеком, который ведёт по цеху почти всю работу общественно-политического характера» [6].

Из заявления Клавдии Ивановны Сединкиной: «Прошу зачислить меня в танковый корпус, так как я хочу до конца защищать свою родину. В Березники я попала с фронта по состоянию здоровья, а что я не комсомолка, то после первого боя, если заслужу — вступлю в комсомол и не посрамлю звание комсомольца. Будьте уверены. Прошу не отказать. 19.05.1943 г.» [7].

Наряду с заявлениями добровольцы писали автобиографии. Из автобиографии К. И. Сединкиной: «Техникум окончила в 1941 г. и в 1941 г. 15 августа была мобилизована в армию в качестве сандружиницы, потом по состоянию здоровья была переведена на санитарный поезд летучку, где была с 8 декабря 1942 г. по 18 февраля 1943 г.» [8].

Самыми мотивированными бойцами зачастую являлись люди, чьи родственники погибли от рук фашистов или были угнаны в плен. Михаил Иванович Стреканов писал: «...погибло два брата, мать и сестра находятся в плену, иду отомстить за родных», Николай Николаевич Фомичев: «...немцами сожжены мать, отец и две сестры. Я желаю бить немецких оккупантов с оружием в руках и буду мстить фашистам за все их злодеяния и мою семью» [9].

Формирование бригады началось с февраля 1943 г., уже к маю этого года все подразделения были скомплектованы. Интересны воспоминания свердловчанина Василия Яковлевича Фирсова. Его слова характеризуют обстановку во всех трёх формировавшихся бригадах: «Добровольцам — основная их масса не проходила военного обучения — надо было в очень короткий срок познать оружие, научиться метко стрелять, преодолевать препятствия, действовать отделением, взводом, ротой, вести бой во взаимодействии с танками, артиллерией. Надо было привыкнуть держаться на броне быстро идущих танков, укрываться от огня противника за башней, соскакивать с танка на полном ходу и сразу бросаться в атаку. Занимались по 12–14 часов в сутки. Отдыхали только во время короткого сна. Командиры готовились к занятиям ночью. Боевая подготовка проводилась на танкодроме, стрельбище в условиях близких к фронтовым» [10].

30 мая 1943 г. жители Молотова на площади имени Окулова в торжественной обстановке вручили свой Наказ добровольцам 299-го минп, 267-й прб и 3-го батальона 30-й мсбр, а на следующий день, 1 июня, жители Кунгура провожали бойцов 243-й тбр. С трибун звучали слова: «...Ещё вчера мы вместе с Вами плечо к плечу ковали оружие для фронта, варили металл, рубили уголь, добывали нефть, сплавливали лес, заседали наши бескрайние поля, творили тысячи трудовых подвигов ... Сегодня мы посылаем на фронт самое дорогое, самое ценное — Вас, наши боевые товарищи, Вас, лучших сынов Урала, сформированных в Добровольческий Уральский Танковый корпус... Упорно и настойчиво, по-большевистски, по-сталински, овладейте искусством ведения боя, изучайте и берегите вверенную Вам военную технику. Изучайте боевой опыт отечественной войны, овладейте военным искусством, современной тактикой маневренного боя, умело организуйте взаимодействие различных родов войск в бою... Вперёд, боевые товарищи!» [11]. Книги с Наказом были вручены каждому командиру подразделения, а брошюры с текстами Наказа и клятвы — каждому бойцу. Всем присутствующим горожанам раздавались памятные листовки.

По дороге в подмосковную Кубинку командир корпуса Г. С. Родин 4 июня писал руководителям трех областей: «Прошу создать в одной из областей госпиталь для излечения раненых и больных, что позволит им во время излечения возвращаться среди трудящихся, рассказывать о боевых делах корпуса и с патриотической любовью возвращаться в корпус». В этом же письме Георгий Семенович даёт указания: 1) снабдить корпус запасными частями к боевым машинам; 2) перенаправить бронжилеты (щиты) в адрес полевой почты 45370; 3) в одной из областей сформировать учебный батальон на 1000 добровольцев для пополнения корпуса в составе 2 танковых рот, 2 мотострелковых рот, 1 артминбатареи, 1 сводной роты прочих специальностей. «Указанные мероприятия обещают высокое политико-моральное состояние личного состава корпуса, следовательно, и большие дела в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами» [12]. Были ли выполнены данные указания — еще предстоит выяснить исследователям.

К 10 июня уральские добровольцы добрались до лагеря в Кубинке. Здесь формировались взводы и роты. Офицер Молотовской танковой бригады Александр Шелемотов описывал предбоевую подготовку: «Наши солдаты оказались преимущественно жителями Молотовской области, а вот офицерский состав был очень разношерстным. Командиром бригады был подполковник Василий Иванович Приходько, начальником штаба, как я уже говорил, майор Денисов — очень опытные офицеры. Таким же опытным был и остальной начальствующий состав, вплоть до командиров рот. А вот мы, командиры танков и взводов, в основном, были только что выпустившимися из танковых училищ со всех уголков России и готовились к своим первым боям. Что представляла из себя эта подготовка? Мы снова учили матчасть боевой техники, вооружение, занимались тактической подготовкой. Наши занятия в училище были интенсивными, но здесь, в Кубинке, отдыхать вообще не приходилось, особенно с прибытием танков “Т-34”,

которые прислали нам уральцы. Тогда у нас сразу начались учения в обстановке, приближенной к боевой. Причем мы не только себя, как танкистов, совершенствовали и на стрельбища ездили, но еще и мотострелков своих “обкатывали” в траншеях и окопах, чтобы были готовы ко встрече с противником» [13].

18 июля корпус был отправлен на фронт. О том, как сражались уральцы, ярко повествуют 19 «боевых приветов» добровольцев руководителям областей и труженикам тыла, хранящихся в ПермГАСПИ. Объем писем различен, составляет от 2 до 5 преимущественно машинописных страниц. Они снабжены подробным описанием боевых действий, перечислением захваченной и уничтоженной техники, убитых и взятых в плен немцев. В каждом письме даны примеры мужества уральцев. Каждое награждение молотовских подразделений УДТК находило своё место в письме-отчёте. Приведём фрагменты нескольких писем.

«27 июля части вступили в первый бой. Немцы имели все преимущества на своей стороне. Впереди их лежала водная преграда — река Орс, с крутыми и обрывистыми берегами, с открытыми простреливаемыми подступами к ней. Немцы расположились на господствующих высотах. За два года пребывания здесь они создали мощную оборону (окопы, ДЗОТы, минные поля, траншеи и т. д.), их оборона до предела была насыщена противотанковыми орудиями и минометами, у них действовали самоходные артиллерийские орудия и танки. К тому же проливные дожди сделали непроходимыми полевые дороги, превратили каждую лошадку, каждый овраг и ручеек в ловушку для наших орудий, машин и танков. Но ничего не остановило уральцев! Смело и решительно атаковали добровольцы врага и после напряженного кровопролитного сражения захватили переправу через реку Орс и выбили немцев из сел: Дулебино, Бессоновка, вышли на Однощекино — Сухачево — Воскресенское. <...> Хорошо дрались в этом первом бою добровольцы 30-й мотострелковой бригады, поддерживаемые артиллеристами 299-го Молотовского минометного полка... Каждый день в сводке Совинформбюро сообщалось об освобождении новых сёл и деревень на Орловском направлении, среди которых Однощекино, Сухачево, Воскресенское, Борилово, Ветловка, Вишневатский, Калиновка, Злынь, Массальская и другие. За освобождение Орла и Белгорода корпусу объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. 12 артиллерийских залпов из 120 орудий в Москве салютовали в том числе и уральцам... Командир танковой роты старший лейтенант Шушпанов, член ВКП(б), неоднократно водил свою роту в атаку, умело управлял ею на поле боя и своим примером увлекал остальных экипажи. Его танк подавил две батареи противотанковых орудий, истребил более взвода пехоты противника, подбил самоходную пушку типа “Фердинанд”, захватил 15 различных пулеметов. Командование представило его к правительственной награде. Отличились также лейтенант Свиридов, парторг мотострелковой батальона лейтенант Ермилов, комсорг этого же батальона Хаймович. Примером того, как сражаются бойцы этой бригады может служить красноармеец тов. Алексеенко. Он работал слесарем, но настоял, чтобы его перевели в мотострелковый батальон автоматчиков.

В бою под деревней Стародумка под губительным огнем противника он поднял роту в атаку и лично истребил 15 немецких солдат и офицеров. Будучи ранен, он продолжал драться. Командование представило его к награде». В этом письме Г. С. Родин упоминает о 350 бойцах и командирах корпуса, представленных к наградам. В благодарность уральцам освобожденное население села Сорокино назвало свой колхоз именем уральских танкистов. Письмо заканчивалось перечислением потерь и просьбой прислать пополнение. На 25 августа 1943 г. корпусу требовалось 2500 добровольцев, укомплектование 50 танковых экипажей и 100 танков [14].

27 ноября 1943 г. в уральские обкомы ВКП(б) от боевых товарищей поступила просьба. Поздравив уральцев с освоением производства танка «ИС-1» на Кировском заводе Челябинска, танкисты ходатайствовали о возможности первыми испробовать его в бою, «первыми пронести славу Сталинского Урала на танках, носящих имя Иосифа Сталина» [15]. Когда именно ИС-1 поступил на вооружение в УДТК — вопрос будущего исследования.

Перейдем к письму, датированному 23 декабря 1943 г. Как и следует новогодним поздравлениям, письмо полно романтики, надежды. Обращаясь к землякам, бойцы пишут: «Вы для нас то же, что Гея, богиня земли, для Антея — героя древнегреческой мифологии. Каждый раз, когда Антею в борьбе с противником было туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила, вскормила и вспоила его, и получал новую силу. Враги не могли победить его. Так и Родной Урал для нас — неиссякаемый источник силы и мощи, боевого наступательного духа и воинской доблести. И мы и Вы — дети одного отца — Великого Сталина, сыны одной матери — Советской Отчизны, из одной Уральской семьи». [16].

Накануне мартовских боев 1944 г. Г. С. Родин издал приказ о создании постоянной комиссии по связи с Уралом. Главными её задачами являлась пропаганда Наказа среди личного состава и доблести и героизма на Урале. Впредь вся переписка подразделений корпуса с уральцами шла через комиссию, а именно председателя спецкорреспондента газеты «Доброволец» гвардии старшего лейтенанта Александрова, замкомандиров и секретарей по политчасти [17]. В ПермГАСПИ сохранились документы, свидетельствующие о подготовке к изданию «Блокнота агитатора» и книги «Уральцы в боях за Родину» на основе статей газеты «Доброволец» [18].

Приведем еще несколько выдержек из писем: «С каждым днём все громче идёт боевая слава Молотовской танковой бригады, всё шире ряды её славных героев. Вот экипаж гвардии лейтенанта Ельчанинова — механик-водитель Зделарь, радист-пулемётчик Данишевский и командир башни Кремлев — на полном ходу врывается в деревню, метким огнём пробивает один “фердинанд”, огнём и гусеницами истребляет вражескую пехоту и очищает деревню от гитлеровцев, захватив при этом четыре немецких самоходных орудия. С той же дерзостью воюют танковые экипажи Белова, Ефимова, Стасевича, Барышева, Маркина и других. Под их командой прославились в боях танкисты-добровольцы Сенченко, Колесник, Лестнев, Синицин, Долгий, Борисюк, Орлов, все кто мужественно и самоотверженно выполняют клятву родному краю» [19].

«Гвардейцы, совершив дерзкий манёвр, подошли к областному центру Украины городу Львову и первыми ворвались на его улицы. Впереди шли танки гвардии лейтенантов Красного, Кононец, Самусева, Андрейченко. Смело и решительно действовали танкисты, автоматчики, разведчики, саперы. <...> В этих боях нанесли врагу большой урон: уничтожили 26 танков и самоходных орудий, 69 орудий, 48 автомашин, 3535 солдат и офицеров, 7 орудий были захвачены нами, более 1200 гитлеровцев взяты в плен. С незабываемым чувством переступили мы нашу государственную границу, преследуя врага, уходящего на запад» [20]. «Жители Львова в своем письме к нам, освободителям города, пишут: “В веках будет греметь слава о Вас, наших спасителях. Не забудут Вас наши дети и внуки”» [21].

Последние два письма, хранящиеся в ПермГАСПИ, были направлены в канун 1 мая 1945 г. «Гвардейцы форсировали реку Одер и с жестокими боями продвинулись далеко на запад — в глубь Германии. За эти бои танкисты-уральцы освободили 400 польских городов и сёл, взяли более 500 городов и деревень Германии. С честью выполняют уральцы великую освободительную миссию. Из фашистского рабства мы освободили тысячи советских людей, тысячи поляков, французов, чехов, итальянцев». «С чувством горячей любви вспоминаем мы свою страну, родной Урал. Пусть сейчас до любимых рек и гор сотни километров, но мы чувствуем свою Родину, за свободу и независимость которой мы сражаемся. Она — наша Родина — рядом с нами в могучих уральских танках, гуле моторов краснозвёздных самолетов, в нашей всепокрывающей боевой технике, в потоке боеприпасов, в письмах из далёкого Прикамья, родном голосе Москвы, запаха победы» [22]. «Гитлеровцы бахвалились, что в пределах Германии более сотни лет не было ни одного неприятельского солдата. Но как говорил великий Суворов, русские прусских всегда бивали. И вот сейчас кичливые немцы терпят поражение за поражением, одно сильнее другого, на своей земле. Все дальше вглубь Германии уходят советские войска, все ближе смыкается вокруг Берлина стальное кольцо наших и союзных армий. Недалёк тот день, когда над Берлином взвонят знамя нашей победы. Не впервые и уральцам бить немцев в их собственном логове. Еще в 1760 г. в отрядах генерала Чернышёва, заставивших надменных прусаков отдать русским ключи Берлина, отважно сражались и уральские казаки. Гвардейцы-добровольцы, с честью и доблестью идя той же победной дорогой, ещё выше подняли вековую славу родного Сталинского Урала». «Фашистские газеты называли Одер “рекой немецкой судьбы”, а он стал рекой славы уральцев-добровольцев» [23].

За отвагу, стойкость и мужество, дисциплину и организованность в июльских боях 1943 года бригада получила почётное звание «Гвардейская» (23.10.1943 г.); за отличие в боях при взятии города Кельце — почётное наименование «Келецкая» (19.02.1945 г.); за взятие Львова и проявленные при этом доблесть и мужество — орден Красного Знамени (10.08.1944 г.); за прорыв обороны немцев и разгром войск противника юго-западнее Оппельн — орден Суворова 2-й степени (26.04.1945 г.); за овладение городами Ратибор, Бискау — орден Богдана Хмельницкого 2-й степени (26.04.1945 г.), за взятие Берлина — орден Кутузова 2-й степени (04.06.1945 г.).

Шесть молотовских танкистов стали Героями Советского Союза (Н. А. Бредихин, А. В. Ерофеев, Г. З. Клишин, Н. А. Козлов, И. А. Кондауров, И. Я. Никонов).

В каждом городе Пермского края чтят память о добровольцах. На их примерах воспитывают молодое поколение. Архивисты и музейные работники продолжают выявлять документы о бойцах Молотовской танковой бригады, а историки представляют свои исследования на Всеуральских чтениях по истории Уральского добровольческого танкового корпуса. В связи с передачей документов Военных комиссариатов Пермского края в ПермГАСПИ работа будет продолжена [24]. Новая информация будет представлена на портале Единого Пермского общекрайового банка информации о Великой Отечественной войне [25].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны / отв. за выпуск к. и. н. В. Г. Светлаков; Партийный архив Пермского обкома КПСС. Пермь, 1991. С. 2.
2. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 120. Л. 92–132.
3. Статья «Танковый корпус сверх плана» // Газета «Уральский рабочий». 1943. 16 янв.
4. ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 17. Д. 250. Л. 4.
5. Там же. Д. 251. Л. 7.
6. Там же. Д. 250. Л. 54–54об.
7. ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 122. Л. 35.
8. Там же. Л. 36–36об.
9. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 474. Л. 31.
10. Добровольцы Урала: Очерки Воспоминания / сост. и обр. Яков Резник. 2-е изд., доп. Свердловск: Средне-Урал. книж. изд-во, 1980. С. 12–13.
11. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 26. Л. 20–28
12. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 120. Л. 3.
13. Воспоминания танкиста Александра Сергеевича Шелемотова URL: <https://iremember.ru/memoirs/tankisti/shelemotov-aleksandr-sergeevich/>
14. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 120. Л. 139–147.
15. Там же. Л. 198.
16. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 10. Д. 150. Л. 3–5.
17. Там же. Л. 21–31.
18. Там же. Л. 74–76.
19. Там же. Л. 44–48.
20. Там же. Л. 105–108.
21. Там же. Л. 113–115.
22. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 170. Л. 48–49.
23. Там же. Л. 43–47.
24. ПермГАСПИ. Ф. 4080 «Коллекция документов Военного комиссариата Пермского края».
25. Портал «Молотовская танковая бригада» Единого Пермского общекрайового Банка Информации по Великой Отечественной войне. URL: <https://www.permgaspi.ru/mtb/> (дата обращения 21.10.2023).

Б.П. ДЕМЕНТЬЕВ

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ РОСТ ПЕРМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируются: изменения в составе рабочего класса с начала войны; перестройка всей организаторской и хозяйственной работы промышленности города Перми; специфика работы на эвакуированных предприятиях; формы повышения производительности труда на предприятиях: сменно-встречные собрания, беседы, вечера вопросов и ответов, наглядная агитация, «военные уроки», семинары административно-хозяйственного актива, работа печати, молодежных и фронтовых бригад, радиовещания; производственно-техническое обучение молодых рабочих, организация соревнования, «фронтовые задания», рационализация, изобретательство, роль науки, ученых, конструкторов в создании новых видов военной техники и боеприпасов.

Ключевые слова. Промышленность, Пермь, Великая Отечественная война, советская молодежь, соревнование.

B.P. DEMENTIEV

Perm State University

GREAT PATRIOTIC WAR YEARS: INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF CITY PERM

Abstract. In article are analyzed: changes to composition worker class with begin wars; the realignment whole organizational and economic work to industry of the city Perm; specifics of the work on evacuated enterprise; the forms of increasing to capacity of the labour on enterprise: removable-counter meetings, conversations, evening of the questions and answer, demonstrative propoganda, “military lessons”, seminars administrative-economic asset, functioning the seal, youth and front of the crews, broadcastings; production-technical education young worker, organization competitions, “front-line task”, motion firing pin, rationalization, изобретательство, role of the science, scientist, constructor in creation new type military technology and amunition.

Keywords. Industry, Perm, Great Patriotic War, soviet youth; competition.

С началом войны в составе рабочего класса произошли значительные изменения. Основную массу нового пополнения составляли женщины и молодежь.

Перестройка всей организаторской и хозяйственной работы диктовалась также решением задачи огромной важности и трудности — приемом и размещением эвакуированных предприятий и населения. Это одна из особенностей деятельности организаций тыловых районов и, в частности, Прикамья.

Масштабы эвакуации были огромными, беспрецедентными в истории (по сути, эвакуировалась целая средняя европейская страна). Население некоторых городских и районных пунктов увеличилось в 2–3 раза, людей надо было размещать и на квартирах местных жителей. Не все и не сразу понимали необходимость потесниться, имели место случаи негативного отношения к эвакуированным.

Уход в армию сотен тысяч квалифицированных рабочих вызвал на предприятиях огромную нехватку рабочих рук. Взамен ушедших, на заводы приходили в основном молодые рабочие, большинство которых не имели навыков производственной работы. Перед производственными организациями встала задача в короткий срок наладить обучение молодежи элементарным знаниям работы на станке, познакомить с производственной жизнью, создать все условия для того, чтобы рабочий полюбил свою профессию, свой завод.

Молодых рабочих обычно сразу ставили к станкам, и это нередко приводило к порче оборудования, травматизму. Производственно-техническое обучение призвано было исправить положение. На предприятиях создавались специальные комиссии по производственно-техническому обучению. На ряде заводов была введена должность помощника начальника цеха по обучению молодых рабочих.

И все же в начале войны, когда требовалось, не считаясь ни с чем, резко увеличить выпуск оборонной продукции, работа с молодыми кадрами, а вместе с этим производственно-техническое обучение были ослаблены.

В июле 1942 г. наркомат боеприпасов проверил постановку воспитания и обучения новых рабочих на заводе им. Дзержинского в Перми и принял постановление, в котором указал, что работа ведется на низком уровне [1, с. 31–32]. В результате производственные организации активно включились в борьбу за устранение вскрытых недостатков, перестроили работу с кадрами. Еще в период проверки комиссией администрация завода им. Дзержинского приняла развернутое решение «О работе с новыми рабочими, пришедшими на завод в период Великой Отечественной войны». Это постановление было представлено на производственном активе завода и на цеховых собраниях, где было определено место каждого производственника в общей борьбе за квалифицированные кадры. В результате в течение только сентября–декабря 1942 г. были повышены производственные разряды 4367 молодым рабочим [2, л. 75].

Производственные организации стремились получить рабочими квалификации, повышение разряда (отмечаемые приказом начальника цеха) использовать в воспитательных целях. Для этого организовывали собрания бригад, участков, на которых зачитывался приказ, выступления кадровых рабочих с пожеланиями, советами новым рабочим.

При общежитиях и клубах создавались технические уголки и технические кружки, организовывались циклы лекций по технике, демонстрировались технические фильмы.

Интересной формой связи технической учебы с агитацией являлись производственные экскурсии молодых рабочих на предприятии по маршруту детали, узла, которые они изготавливали. Увидев путь детали в технологическом процессе производства, увидев деталь в готовой машине, узнав ее роль в конструкции, рабочие более осмысленно относились к своему труду.

Стали создаваться технические станции, кабинеты. Здесь изучение теоретических, производственно-технических вопросов велось под руководством

инженерно-технических работников. Технические кабинеты и станции становились центрами технической пропаганды на предприятиях. При них работали технические библиотеки, курсы по повышению квалификации, с их помощью изучался и распространялся передовой производственный опыт, проводились лекции и представлялись доклады по производственно-технической тематике.

Для того чтобы агитация тесно увязывалась с нуждами производства, необходима была техническая подготовка, техническая грамотность самих агитаторов. Только тогда она влияла на производство. Так, перед выполнением нового задания на семинар агитколлектива приглашались конструкторы данного узла. К занятиям изготовлялись макеты старой и новой детали, агитаторам давались указания о том, как лучше построить беседы. Хорошо подготовленные, в том числе технически, агитаторы эффективно проводили беседы с рабочими о новом заказе фронта.

Большую роль в производственно-техническом обучении нового кадрового пополнения сыграла литература, техническая книга. Уже в начале войны на пермских предприятиях для молодых рабочих стали распространяться специальные серии книг и брошюр («В помощь молодому рабочему», «В помощь новым кадрам угольной промышленности», «Новым кадрам нефтяников» и т.д.) С сентября 1941 г. стала распространяться серия «В помощь рабочим массовых профессий». А такие издания, как «Технический сборник», «Информационные материалы», отправлялись другим заводам, и получались аналогичные материалы по обмену производственно-техническим опытом [3, с. 24–25].

Многие многотиражные газеты предприятий, помимо обычных материалов, периодически помещали так называемую техническую страницу. В ней принимали участие руководители заводов, опытные инженеры, мастера, стахановцы. На таких страницах представлялись большие возможности глубоко и всесторонне обсуждать специальные технические вопросы производства.

Большую работу по развешиванию технической пропаганды проводили библиотеки. Библиотекари шли в общежития молодых рабочих, на абонементы и в читальных залах устраивались выставки технической литературы. Библиотеки брали на учет читателей по их профессиям, специальностям и информировали о поступающих новинках. Для молодых рабочих организовывалось книгоношество по месту их работы или в общежития, оформлялись альбомы по отдельным профессиям. Библиотеки составляли план чтения, помогали в самообразовании. К тому же библиотеки работали не только с новичками, они помогали повышать квалификацию и кадровым рабочим, инженерно-техническому персоналу предприятий и заводов.

Особенно большое значение в деле пропаганды передового производственного опыта и политического воспитания имели регулярно проводимые конференции, слеты, встречи с известными сотрудниками предприятий.

Молодые рабочие повышали квалификацию и сами становились наставниками в производственно-техническом обучении. Так, на заводе им. Ленина в Перми молодой рабочий А. Кутузов обучил за 1944 год 10 молодых рабочих, его ученик

В. Постников овладел тремя специальностями и мог работать на всех 25 станках своего участка [4, л. 89]. Опытные новаторы помогали молодежи и словом, и делом.

Прикрепление опытных кадровых рабочих к молодым играло важную роль в производственном процессе. Причем квалифицированные рабочие не только передавали молодым свой производственно-технический опыт, но и занимались повышением их культурного уровня, давали советы относительно того, как организовать свободное время, расходовать зарплату и т.д. Это было тем более необходимо, что значительная часть новых рабочих приходила на производство впервые и жила без семей, в общежитиях.

Эффективным рычагом подъема производительности труда было соревнование. Этот вопрос, например, рассматривался в сентябре 1943 г. администрацией пермского завода сельскохозяйственного машиностроения. Было проведено общецеховое собрание, приняты необходимые решения. После этого производственная работа в цехе, на всех участках значительно улучшилась. Коллектив цеха вышел в передовые и в 1943 г. дважды завоевывал первенство в соревновании металлургических цехов наркомата [5, с. 71–72].

На пермских предприятиях широко практиковались различные меры поощрения передовиков: присуждались переходящие Красные знамена, почетные звания, вручались премии, предоставлялись материальные льготы. На многих предприятиях были учреждены для особо отличившихся «Книги почета».

Своеобразной формой наглядной агитации за производственные соревнования были лицевые счета. В дни тяжелых боев осенью 1942 г. на Урале родился патриотический почин создания фонда сверхплановой продукции для защитников Сталинграда. Рабочие открывали личные лицевые счета сверхплановой продукции, в которые ежедневно записывались план и выработка.

Эффективным средством также являлись «фронтные задания» (по изготовлению особо важной продукции в кратчайшие сроки). Они вручались администрацией коллективам предприятий, цехов, бригад и отдельным рабочим. Вручение приурочивали к тому времени, когда особенно необходимо было усилить помощь фронту, или к знаменательным датам. В процессе выполнения «фронтных заданий» администрации объявляли «фронтные» вахты, декады и месячники. Итоги выполнения «фронтных заданий» подводились на общезаводских собраниях, о них сообщалось районным и городским администрациям. Например, когда в конце 1942 г. в одном из цехов завода им. Ленина в Перми выявилось отставание по производству особо важной детали, коллективу цеха было вручено «фронтное задание» (подписанное директором завода А. И. Быховским). Руководители цеха подготовили и провели рабочее собрание о значении предстоящей работы, агитаторы разъяснили каждому рабочему значение задания. Перед началом работы проводились пятиминутные информации, на которых подводились итоги за смену, отмечались лучшие, критиковались худшие. Наглядная агитация широко отражала ход выполнения «фронтного задания». В итоге прделанной работы цех полностью ликвидировал отставание и увеличил производство деталей с 4–5 до 8–9 штук, т.е. на 100% [5, с. 75].

Широко распространялись формы индивидуального соревнования: среди сменных мастеров, учеников ФЗО, сменщиков-рабочих, представителей одной профессии и т.д. Развергивалась агитационно-массовая работа. Так, в соревновании по профессиям в начале каждого месяца жюри предприятий, рассмотрев итоги за месяц, присуждали призовые места и звания «Лучший по профессии» с вручением грамот и премий. В процессе индивидуального соревнования воспитательная работа была особенно действенной. Например, в соревновании между рабочими-сменщиками наглядная агитация — на плакате у станка соревнующихся рабочих давалось обязательство и одновременно ход его выполнения. Рабочий, приходя на работу, видел, как работал он сам за прошедшую смену и как работал его сменщик. И сам факт сопоставления показателей (эти показатели видели и все рабочие цеха) невольно подстегивал конкуренцию.

Охват соревнованием был массовым, на многих предприятиях почти абсолютным. Так, в Пермской области на заводе им. Ленина в этом движении участвовало 95% работающих, на Лысьвенском металлургическом заводе — 99,9% [6, л. 102].

Широкий размах в годы войны получило движение ударников, стахановцев, двухсотников, тысячников (ударники — выполняющие норму от 120 до 150%, стахановцы — от 150 до 200%, двухсотники — от 200 до 300% и т.д.)

Активно использовались успехи на фронте для мобилизации производственных коллективов на ударную работу. Этим событиям посвящались стахановские вахты, дни высокой производительности труда. Так, на одном из заводов Перми в честь освобождения Новороссийска и победных боев на Смоленском направлении рабочие объявили 19 сентября 1943 г. днем высокой производительности труда. Один из краснзнаменных цехов предприятия достиг рекордной производительности труда, выполнив 7,3% месячной программы, другой цех в честь взятия Брянска выполнил за день 6% месячной программы [7, с. 3].

Особенно эффективной формой пропаганды передовых методов были областные, городские и районные слеты стахановцев и ударников, проводимые по инициативе производственных коллективов. Конференции и слеты тщательно готовились, на них подводились итоги производства за квартал (полугодие, год) и определялись задачи на следующий этап.

Наивысшее и логическое продолжение движение стахановцев, двухсотников нашло в «тысячниках». Распространение движения тысячников в большинстве литературы по истории Великой Отечественной войны связывают с именем ленинградского токаря Д. Ф. Босого, эвакуированного в Нижний Тагил. Но немало исследователей справедливо отмечают, что некорректно начало движения тысячников связывать только с именем Д. Ф. Босого. Так, уже в июле 1941 г. шлифовщик завода им. Дзержинского в Перми Г. Семенов, приложив несколько приспособлений к станку, выполнив задание на 3000%, а получив новый заказ, он вновь дал рекордную выработку — 3250%. На 1200% выполнял сменные задания фрезеровщик этого же завода П. Брагин, на 1450% — В. Бурдин [8, с. 12; 9, с. 2].

В конце 1941 г. на промышленных предприятиях страны возникли фронтовые молодежные бригады. Почетное звание «фронтовой» получала та бригада, которая систематически перевыполняла производственные нормы в 2–4 раза и члены бригады имели не только лучшие показатели по сравнению с другими рабочими при одинаковых условиях труда, но и были воспитателями, наставниками, передавали свой опыт, в бригаде был хороший морально-политический климат. Нормой для фронтовых бригад считалось не покидать станки, пока не выполнено задание.

Так, 15 декабря 1941 г. на заводе № 19 им. И. В. Сталина в Перми была создана молодежная бригада, которую возглавил Геннадий Семенов. В состав бригады входили Яков Пермяков, Сергей Филиппов, Владимир Балашов, Иван Моздаков, Анатолий Бакланов и Иван Пепеляев. В январе 1942 г. ей было присвоено звание «фронтовая бригада имени Николая Гастелло». Интересно, что членам «фронтовой» бригады было по 14–15 лет. Бытовые условия были ужасные: в квартирах холод, не хватало еды, одежды, обуви. А ребята не уходили из цехов сутками. И бригада Г. Семенова не была исключением. В таких же условиях, иногда и в более тяжелых, трудились и другие фронтовые коллективы. Трудиться так самоотверженно, так беззаветно люди не стали бы ни под каким насилием, ни под какими репрессиями (тем более не из-за дополнительных пайков стахановцев, как иногда пишут). Люди искренне верили в свою Родину, в правоту своих идей.

С целью передачи опыта работы и организации новых молодежных бригад администрации проводили областные конференции и совещания бригадиров и членов молодежных бригад. В работе конференций принимали участие директора предприятий, фронтовики, знатные кадровые рабочие, молодежный актив.

Производственные коллективы использовали самые разнообразные формы активизации творческой инициативы трудящихся. Особое значение придавалось рационализации и изобретательству. При городских и районных администрациях проводились совещания директоров предприятий по вопросам режима экономии. На предприятиях проводились собрания с вопросом «Режим экономии — непреложный закон военного времени».

Большое распространение получили декадни и месячники сбора рационализаторских предложений, рейды по проверке их внедрения, выпуск «бюллетеней рационализаторов», специальных листовок, стенгазет, газет и плакатов, рубрики в помощь рационализаторам в газетах.

Режиму экономии посвящались лекции, беседы агитаторов, причем на некоторых предприятиях дифференцированно (по отдельным группам, профессиям рабочих). Так, об экономии топлива беседы проводились отдельно с кочеварами, об экономии металла — с резчиками и сварщиками, об экономии электроэнергии — с мастерами и т. д. Изобретатели и рационализаторы имели возможность познакомиться с описанием самых различных изобретений, как в стране, так и за рубежом.

Весомый вклад в укрепление обороны страны, в создание новых видов военной техники и боеприпасов внесла наука, деятельность ученых и конструкторов.

В Перми работал прославленный конструктор авиационных двигателей Аркадий Дмитриевич Швецов (1892–1953): доктор технических наук (1940), Герой Социалистического Труда (1942), генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы (1948). С 1934 — главный конструктор. Под руководством А. Д. Швецова созданы двигатели для самолетов Н. Н. Поликарпова (По-2, И-15, И-16), С. А. Лавочкина (Ла-5, Ла-7), А. Н. Туполева (Ту-2), С. В. Ильюшина (Ил-4). Четырежды лауреат Государственной премии СССР (1942, 1943, 1946, 1948). Награжден 5 орденами Ленина, орденом Суворова 2-й степени, Кутузова 1-й степени, Трудового Красного Знамени [10, с. 790].

Работал в Перми и выдающийся конструктор артиллерийского вооружения Федор Федорович Петров (1902–1978): доктор технических наук (1947), генерал-лейтенант инженерной службы (1966), Герой Социалистического Труда (1944). Под руководством Ф. Ф. Петрова были созданы 152-мм гаубица, 122-мм пушка, самоходные артиллерийские установки (100-мм, 122-мм, 152-мм), танковые пушки (85-мм, 100-мм, 122-мм). Четырежды лауреат Государственной премии СССР (1942, 1943, 1946 — дважды) и лауреат Ленинской премии (1967). Награжден 3 орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени [10, с. 556].

Выпуск валовой продукции всей промышленности в Пермской области в 1945 г. по сравнению с 1940 г. увеличился в 2,5 раза. Только один завод им. Ленина в Перми выпустил более 48 тыс. мощных орудий. В целом за годы Великой Отечественной войны индустриальный потенциал Перми значительно вырос.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ¹

1. Партийное строительство. 1942. № 17–18.
2. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 9. Д. 19.
3. Александрова Н. О. Техническая книга на Урале в годы Великой Отечественной войны. М.: Техническая книга, 1985. 115 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 8. Д. 253.
5. Из истории уральских партийных организаций. Вып. 2. Свердловск, 1967. 224 с.
6. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 1. Д.35а.
7. Звезда. 1943. 21 сент.
8. Завод на Каме. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1967. 214 с.
9. Дзержинец. 1941. 31 июля.
10. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.

¹ В данной статье используются наименования заводов, утвердившиеся в послевоенный период. В годы Великой Отечественной войны завод им. В.И. Ленина был известен как завод № 172 им. В.М. Молотова, завод им. Я.М.Свердлова - как завод № 19 им. И.В. Сталина, завод им. Ф.Э.Дзержинского - как завод № 10 им. Ф.Э.Дзержинского

ПЕРМЬ – АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ СТОЛИЦА РОССИИ¹

Аннотация. Статья посвящена определению черт образа Перми в общественном сознании в связи с 300-летним юбилеем города. В настоящей статье представлен образ города Перми как артиллерийской столицы. Автор делает вывод о том, что основная часть артиллерийской огневой мощи, которая сейчас используется в зоне Специальной Военной Операции, производится в Перми. Отдельное внимание в статье уделяется достижениям генерального конструктора артиллерийских систем Мотовилихинских заводов Юрия Николаевича Калачникова. Обосновывается мысль о том, что Пермь имеет все основания именоваться «артиллерийской столицей».

Ключевые слова. Образ города Пермь; Мотовилихинские заводы; Царь-пушка; артиллерийское оружие; артиллерийские столицы; конструктор Ю. Н. Калачников; российское вооружение в зоне Специальной Военной Операции; День артиллерии.

S.V. NEGANOV

*Perm State Archive of Socio-Political History***PERM – ARTILLERY CAPITAL OF RUSSIA**

Abstract. The article is devoted to determining the features of the image of the city of Perm in the public consciousness in connection with the 300th anniversary of the city. This article presents the image of the city of Perm as an artillery capital. Based on the analysis, the author concludes that the bulk of the artillery firepower that is currently used in the zone of Special Military Operation is produced in Perm. Special attention in the article is paid to the achievements of the general designer of artillery systems of the Motovilikha factories, Yuri Nikolaevich Kalachnikov. The author also analyzes the grounds for recognizing cities as artillery capitals. The author substantiates the idea that Perm has every reason to be called the “artillery capital”.

Keywords. Image of the city of Perm; Motovilikha factories; Tsar Cannon; artillery weapons; artillery capitals; designer of artillery systems Yu.N. Kalachnikov; Russian weapons during the Special Military Operation; Artillery Day.

Сегодняшняя конференция проходит в канун юбилея города Перми. Поэтому, я думаю, она неизбежно является не только научной, но и научно-практической, а может быть, даже научно-праздничной, научно-юбилейной. Говорить на такой конференции о городе хочется, прежде всего, хорошие слова. Для того чтобы говорить о юбилеяре добрые, позитивные слова, принято выделять наиболее яркие черты его образа, его имиджа, чтобы далее превозносить их в превосходных степенях. На наш взгляд, одной из таких ярких черт является развитие в нашем городе производства артиллерийского вооружения. Эту имиджевую черту в теме нашего доклада мы оформили фразой «Пермь — артиллерийская столица России». Имея в виду, безусловно, не сиюминутное измерение, а существование этого явления в достаточно серьезной исторической ретроспективе. Разумеется, говорить о какой-то устойчивой имиджевой черте можно в том случае, если она достаточно широко

1. Статья представляет собой дополненный и расширенный текст доклада С. В. Неганова на пленарном заседании Всероссийской конференции «Город Пермь – 300 лет в истории России» 8 июня 2023 г. Текст печатается в авторской редакции.

известна и существует в общественном сознании. Эта тема нуждается в серьезных и глубоких отдельных исследованиях, но какие-то приближения к тому, чтобы утверждать, что как минимум пермяки воспринимают Пермь в таком качестве, имеются. Пару недель назад к нам в архив приезжал наш коллега — архивист из Великого Новгорода. И он рассказал, что по дороге из аэропорта в гостиницу таксист ему рассказывал, что в Перми есть такая Царь-пушка, которая по размеру больше, чем кремлевская Царь-пушка в Москве и которая стреляла, в отличие от кремлевской. Причем стреляла ядрами. И, далее, рассказал о том, где можно увидеть это уникальное восьмое чудо света. Конечно, эту историю нельзя отнести к безусловным доказательствам распространенности названного образа в общественном сознании. Но, тем не менее, когда первый же встреченный горожанин рассказывает гостю города о том, что главная достопримечательность Перми — это Царь-пушка, то сам по себе — это достаточно яркий факт.

На наш взгляд, за последние пару лет произошла серьезная актуализация артиллерийско-исторической темы в Перми. Во-первых, это произошло в связи с грядущим юбилеем города Перми, приближение которого вызвало серьезную рефлексию. В связи с юбилеем возникла возможность осмыслить и переосмыслить многое в судьбе города, в том числе и этот аспект истории Перми. С другой стороны, произошла стремительная актуализация темы оборонно-промышленного потенциала Перми после начала специальной военной операции. Если до этого, на протяжении трех десятилетий, тема «опорного края державы» вызывала слабый интерес, то теперь ситуация развернулась на 180 градусов. Изменился исторический контекст.

Вероятно, представители молодого поколения, присутствующие в этом зале, полагают, что известная фраза «Хотели как лучше, а получилось как всегда» — это русская народная поговорка. В действительности существует конкретная дата и место рождения этой фразы. Это было во второй половине 1990-х годов на одной из пресс-конференций председателя Правительства Российской Федерации Виктора Степановича Черномырдина, где он эту фразу впервые и сказал. Таким образом, у фразы есть автор. Эта пресс-конференция была дана по итогам поездки Виктора Степановича в город Пермь. И на той же пресс-конференции он сказал еще одну фразу: «Я тут был на Мотовилихинских заводах. Там вся территория уставлена гаубицами. А нам гаубицы не нужны». Соответственно, в 1990-е, 2000-е и до недавнего времени город Пермь существовал в ситуации, когда гаубицы были не нужны, а на месте Мотовилихинского завода предполагалось построить новый красивый городской микрорайон. В тот период мне было трудно объяснить, например, кто такой Юрий Николаевич Калачников и почему это имя так важно для города Перми. А сейчас я говорю просто — включите телевизор и в любом выпуске новостей 80% боевой техники, которую вы увидите в кадрах из зоны СВО, создал один человек — Юрий Николаевич Калачников, генеральный конструктор Мотовилихинских заводов с 1965 по 1995 г. [1]. Реактивная система залпового огня «Смерч», реактивная система залпового огня «Ураган», тяжелая огнеметная система ТОС-1 «Солнцепек», самый большой в мире миномет 240-мм «Тюльпан»,

гаубица «Гиацинт», уникальная артиллерийско-минометная система «Нона», которая составляет основу артиллерийского вооружения воздушно-десантных войск, — это наиболее известные образцы военной техники, которые созданы Ю. Н. Калачниковым и которые в основном выпускались Мотовилихинскими заводами [1, 2]. А если к этому добавить еще технику, которая была сконструирована не в Мотовилихе, но выпускалась или выпускается на пермском заводе, включая РСЗО «Град», РСЗО «Торнадо-Г» и «Торнадо-С», гаубицу «Мста-Б», гаубицу Д-20, пушку М-46, миномет «Сани», гаубицу для самоходной артиллерийской установки «Акация» [3], то и все 90% основной артиллерийской огневой мощи, которая сейчас используется в зоне СВО, созданы в Перми.

Имя Калачникова, на наш взгляд, должны знать все россияне не меньше, чем имя Калашникова — конструктора известного автомата. В последнее время при поддержке губернатора Пермского края Д. Н. Махонина имя Ю. Н. Калачникова начинает звучать все громче. В частности, в прошлом году сквер в Мотовилихинском районе был назван его именем. Юрий Николаевич жил возле этого сквера. Переименована расположенная там же остановка общественного транспорта. В этом году в сквере будет установлен памятник Юрию Николаевичу Калачникову. Мы вышли с инициативой о проведении ежегодных «Калачниковских чтений» — большой конференции, посвященной истории российской артиллерии и ее создателей: конструкторов, инженеров, рабочих и самих предприятий, производящих артиллерийское вооружение. Надеюсь, что Калачниковские чтения в Перми станут традиционными и будут проходить с определенной периодичностью. Дата проведения конференции будет всегда одной и той же, неизменной — 19 ноября, День российской артиллерии.

С 19 ноября связана ещё одна важная для рассматриваемой темы страница истории. 19 ноября 1944 г. был опубликован Приказ Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, в котором, в частности, сказано: «В ознаменование решающих успехов артиллерии Красной Армии в Отечественной войне ПРИКАЗЫВАЮ: сегодня, 19 ноября, в День артиллерии, в 19 часов в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик и в городах Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе, Хабаровске, Новосибирске, Свердловске, Горьком, Молотове и Туле от имени Родины салютовать нашим славным артиллеристам двадцатью артиллерийскими залпами» [4, с. 1]. Это единственный случай в истории Великой Отечественной войны, когда победный салют был дан в городе Перми (тогда — Молотове). И именно в честь пермских производителей артиллерийского вооружения.

Также хочу процитировать еще один документ, который появился на несколько дней раньше. Это Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1944 г. «Об установлении порядка ознаменования “Дня артиллерии” в городах Свердловске, Горьком, Молотове и Туле. В связи с многочисленными просьбами и пожеланиями трудящихся городов Свердловска, Горького, Молотова и Тулы, а также, учитывая важную роль этих городов в развитии артиллерии, в дополнение к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 года установить ежегодный салют 19 ноября в “День артиллерии” в Свердловске, Горьком, Молотове и Туле двадцатью

артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий» [5, с. 1; 6, с. 1], за подписью М. И. Калинина. Вопрос для отдельного изучения — когда и почему перестал выполняться данный Указ. Но, мы полагаем, что у этой традиции есть серьезные перспективы возродиться.

В прошлом году по инициативе губернатора Пермского края 19 ноября было проведено возложение цветов к памятнику «Единство Фронта и Тыла» на эспланаде в Перми. В этом году объем мероприятий 19 ноября увеличивается. День артиллерии становится все более важным для города Перми праздником. На протяжении трех веков десятки тысяч пермяков создавали мощный артиллерийский щит Родины. Это огромный труд инженеров, конструкторов, рабочих, который заслуживает уважения всех новых поколений.

Указ Верховного Совета СССР, о котором было сказано выше, интересен не только фактом назначения праздничного салюта, но и тем, что в нем определен круг городов России, которые потенциально могут претендовать на звание, вынесенное в тему нашего доклада. Это очень удобно. За нас уже, в общем, решили, кто является нашими конкурентами. Причем экспертное мнение, самое авторитетное — руководство Советского Союза периода победного завершения Великой Отечественной войны. Кроме Перми, на звание «артиллерийской столицы России», таким образом, могут претендовать Екатеринбург (Свердловск), Тула и Нижний Новгород (Горький).

Я думаю, что даже поверхностный анализ помогает сузить список претендентов. Тула, при всем уважении, это, скорее, старинная столица русского стрелкового оружия. В XIX–XX веках в Туле большие артиллерийские системы в сколь угодно постоянном режиме не выпускались. Екатеринбург — более серьезный претендент. Заметные объемы выпуска артиллерийских систем и конструкторских работ по этой линии в Екатеринбурге действительно существовали и существуют. Но в общем объеме оборонно-промышленного производства все-таки артиллерия никогда не занимала и не занимает ключевое, ведущее место в Екатеринбурге. Что касается Нижнего Новгорода, то он более серьезный конкурент, потому что артиллерийское производство активно развивается там и сегодня. «Буревестник» — это сейчас ведущее конструкторское бюро по артиллерийским системам в России. Но так было не всегда. В исторической ретроспективе у Нижнего Новгорода позиции гораздо слабее, чем у Перми. Роль Перми в истории российской артиллерии выглядит существенной на протяжении нескольких столетий.

Говорить об этой роли Перми можно с начала XVIII века. Обращаясь, прежде всего, к примеру Мотовилихинского медеплавильного завода, который ежегодно до 180 пудов меди в брусках отправлял в Киевский, Брянский, Петербургский арсеналы, где эту медь использовали в артиллерийском производстве. Я, честно говоря, не нашел документов, подтверждающих, что медь соседнего Егошихинского завода направлялась на изготовление орудий. Но с другой стороны, в период, когда для изготовления артиллерии даже колокола снимали с храмов, представить, что вся егошихинская медь использовалась исключительно для монетного производства, достаточно трудно. Это вопрос, который требует дальнейшего изучения.

Мотовилихинский завод оставался опорой российской артиллерии без перерыва начиная с 1736 года, с момента его закладки. После исчерпания источников меди в 1863 году на смену Мотовилихинскому медеплавильному появился сталепушечный завод, в 1865 году — еще и чугунопушечный завод. Именно на нем, кстати, в 1869 году была изготовлена та самая пермская Царь-пушка, которая, действительно, была боевым орудием, крупнейшим на тот момент в Европе и более серьезным по своей мощи, чем древняя Царь-пушка Кремля [7]. Затем завод получил имя «Пермские пушечные заводы», ставшие во второй половине XIX в. серьезным конкурентом крупновской продукции, которой обеспечивалась тогда российская артиллерия. Мотовилихинские заводы в годы Великой Отечественной войны — это производитель каждой четвертой артиллерийской системы в стране, всех пушек-гаубиц, 100% которых создавалось в Мотовилихе. Знаменитую пушку-гаубицу МЛ-20 [8] знают все, кто видел хроникальные кадры периода Великой Отечественной войны.

Не стоит забывать, почему именно 19 ноября стало Днем российской артиллерии. 19 ноября началось наступление под Сталинградом, определившее коренной перелом в ходе Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны. Началось оно с самой крупной в истории человечества артиллерийской подготовки — за определенный период времени было выпущено такое количество артиллерийских снарядов, какое никогда и нигде больше не выпускалось. Выпущены были эти снаряды, прежде всего, гаубицами, произведенными на Мотовилихинских заводах. В дальнейшем именно пушка-гаубица МЛ-20 нанесла первый удар по территории Германии, а другое пермское орудие — А-19 — сделало первый выстрел по Берлину.

В годы Великой Отечественной войны в Перми практически не было предприятий, которые бы не имели отношения к артиллерийской отрасли. Завод имени Кирова (нынешний Пермский пороховой завод) в 1941 году был единственным предприятием, оставшимся в Советском Союзе, которое выпускало пороха для артиллерийских зарядов и зарядов для реактивных систем. И в этот период завод сыграл ключевую роль в обеспечении боеприпасами советской артиллерии. Машиностроительный завод имени Дзержинского выпускал взрыватели. Каждый третий артиллерийский взрыватель был выпущен в годы войны этим предприятием. Эвакуированный в Молотов Владимирский патефонный завод, который позднее стал Пермским велосипедным заводом, — единственное предприятие, где в годы войны выпускались взрыватели для бронебойных кумулятивных снарядов. И даже «Пермские моторы», которые в период Великой Отечественной войны выпускали двигатели для самолетов, тогда же выпустили экспериментальное десантируемое противотанковое орудие. Пермский завод смазок выпускал смазку для артиллерийских орудий. И так далее.

Традиция продолжилась и после Великой Отечественной войны. В конце 1950-х годов Мотовилихинский завод начал выпускать ракетную технику, вследствие чего из состава завода выделилось КБ, которое сегодня называется «Научно-производственное объединение «Искра» — ракетостроительное. А затем из состава Мотовилихинского завода выделился завод ПЗХО, сегодня это

Пермский завод «Машиностроитель», выпускающий ракетные двигатели. Пермская приборостроительная компания выпускает самое современное оборудование для артиллерийских систем наведения [9]. Это перечисление можно продолжать.

Даже общий анализ ситуации позволяет сделать вывод о том, что в рамках заявленной темы присутствует большое пространство для сбора, анализа, систематизации информации, которая может быть положена в основу концепции того, что Пермь является артиллерийской столицей России. Первым этапом такого осмысления может стать запланированная на 19 ноября текущего, юбилейного для Перми года Всероссийская конференция «Калачниковские чтения. История российской артиллерии и ее создателей». Предлагаю всем участникам нынешней юбилейной конференции присоединиться к большой работе, результатом которой станет общая убежденность в том, что именно Пермь является «артиллерийской столицей России».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кадочников В. Н. Молнии над полигоном. Пермь: ИП А. В. Горев, 2008. 160 с.
2. Широкопад А. Б. Отечественные минометы и реактивная артиллерия. Краткий исторический очерк. Минск; М.: Харвест АСТ, 2000. 462 с.
3. Шунков В. Н. Артиллерия. Минск: Попурри, 2001. 704 с.
4. Приказ Верховного Главнокомандующего от 19 ноября 1944 г. № 225 // Газета «Правда». 19 ноября 1944 г. № 278.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении порядка ознаменования “Дня артиллерии” в городах Свердловске, Горьком, Молотове и Туле» от 13 ноября 1944 г. // Газета «Правда». 15 ноября 1944 г. № 274.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении ежегодного праздника “Дня артиллерии” Красной Армии» от 21 октября 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 28 октября 1944 г. № 56.
7. Металлургические заводы Урала, XVII–XX вв.: энциклопедия / гл. ред. В. В. Алексеев; УрО РАН, Ин-т истории и археологии. Екатеринбург: Академкнига, 2001. 535 с.
8. Широкопад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000. 1155 с.
9. 300 лет на службе Отечеству. Оружие Победы. История предприятий оборонно-промышленного комплекса города Перми. 1723–2023. Пермь, СПб.: Маматов, 2023. 415 с.

В.П. Мохов

*Пермский государственный национальный
исследовательский политехнический университет*

«КИПЯЩИЙ КОТЕЛ» СТОЛИЧНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

Аннотация. В статье обосновывается, что Пермь (Молотов) в довоенные годы и в годы войны стала центром многих мигрантских потоков, связанных сначала с индустриализацией, а затем со спецификой военного времени. Соединение субкультур различных социальных групп привело в условиях войны к созданию новой социальности, характерной для становящегося провинциального административно-политического центра.

Ключевые слова. Город Молотов; субкультура; социальные группы.

V.P. Mokhov

Perm National Research Polytechnic University

THE “BOILING CAULDRON” OF THE CAPITAL: THE FORMATION OF AN INDUSTRIAL CITY

Abstract. The article substantiates that Perm (Molotov) in the pre-war years and during the war became the center of many migrant flows, associated first with industrialization, and then with the specifics of wartime. The combination of subcultures of various social groups led, during the war, to the creation of a new sociality, characteristic of the emerging provincial administrative and political center.

Keywords. Molotov city; subculture; social groups.

Статус областного центра у Перми в советскую эпоху появился в 1938 году, когда городу был возвращен статус региональной столицы, который Пермь носила 130 лет, будучи центром Пермской губернии. Однако, по сути, возвращение статуса было лишь внешним (политическим) оформлением в реализации глобального индустриального проекта в Перми и области. Освоение огромной территории в условиях нерыночной системы требовало жесткой политической воли, без которой индустриальный проект не мог быть осуществлен.

В рамках последних 100 лет выделяется два периода, резко отличающихся друг от друга по динамике численности городского населения областного центра. Первый период — с 1923 года до середины 1970-х годов, когда население города стремительно выросло (почти в 15 раз) [рассчитано по: 1, 2]. Второй период — со второй половины 1970-х годов по настоящее время, когда население города стабилизировалось по своей численности и балансировало вокруг отметки в 1 млн человек.

Тем не менее процесс концентрации населения в столичном городе шел непрерывно. Если в 1897 году в Перми проживало 1,5% населения Пермской губернии,

то в 1913 г. — 2,8%; в 1939 г. в Пермской области — 12,2%; в 1941 г. — 15,3%, в 1946 г. — 19,2%; в 1959 г. — 21,3%; в 1970 г. — 28,1%; в 1991 г. — 36,4%; в 2023 г. в Пермском крае — 40,9%. Город стал центром стягивания населения территории в крупный областной центр. Вместе с тем роль Перми в составе городского населения края изменялась более медленно: если в 1897 году в Перми проживало 25% от городского населения губернии, то в 1939 г. — 36% от городского населения области, в 1941 г. — 36,4%; в 1946 г. — 35%, 1959 г. — 36%; в 1970 г. — 42,3% 1991 г. — 47,2%; в 2023 г. — 51,8% городского населения края [рассчитано по: 1, 3–7].

Численность населения в Перми в первой половине века изменялась достаточно быстро, что превратило Пермь в город мигрантов, где стремительно стало возрастать число жителей в ходе индустриальной урбанизации. Если в 1897–1931 годах можно было более-менее уверенно говорить о том, что в городском сообществе было «коренное» население (не менее 30–40% от численности населения в 1931 г.), то затем ситуация быстро изменилась: за 8 последующих лет город вырос в два раза (с 122 тыс. до 255 тыс. жителей) [рассчитано по: 3, 4]. Это могло означать, что удельный вес жителей, проживавших в Перми в 1913 году (даже при условии, что они не погибли в Первой мировой войне и Гражданской войне, не эмигрировали, не уехали в другие регионы страны, не умерли от голода и болезней и по другим причинам), не мог превышать 20% от численности населения Перми в 1939 году.

Пермь перестала быть «пермской», ее новый социальный и культурный облик стал создаваться «с колес», под влиянием индустриальной революции. Пермь стала городом индустриальных кочевников, приходящих из других городов, сел и деревень для работы на крупных промышленных предприятиях и в административных структурах.

Постепенная социальная трансформация городского социума под влиянием промышленного развития была ускорена Великой Отечественной войной, в ходе которой городское сообщество стала смещением различных социальных групп, в том числе с различными профессиональными компетенциями, социальным и политическим статусом, этническим и религиозным составом и т.д. При этом социальный состав населения постоянно обновлялся, что создавало огромные организационные, политические и бытовые проблемы.

Процессы, которые определили социальную динамику города, вполне естественны для периода войны. Во-первых, это массовая мобилизация в действующую армию. Всего из города было мобилизовано 104 тыс. человек, из которых более 22 тыс. чел. погибли или пропали без вести [8]. Мобилизация сократила мужское население города, в том числе за счет опытных кадров на промышленных предприятиях. Рабочие и специалисты, получившие опыт работы на предприятиях и оборудовании, вступивших в действие в годы первых пятилеток, в значительной степени выбыли из производственного процесса. Так, только из Молотовского моторостроительного завода (завод № 19 им. Сталина) на фронт ушли около трех тысяч человек, среди которых были мастера, слесари, шлифовщики, токари, фрезеровщики, мотористы, лекальщики, формовщики, конструкторы, механики и др. [см.: 9].

Значительную часть рабочих и служащих заводов в период войны стала составлять молодежь. Так, на заводе № 172 работало всего 44% мужчин, а возрастная группа работников до 16 лет и 16–18 лет составляла на начало 1942 г. 5,3%, а в июле 1943 г. — 14,5% от числа работающих [подсчитано по: 10].

Мобилизация в действующую армию мужчин должна была быть восполнена мобилизациями трудовыми, в том числе трудоспособного населения, не занятого общественным трудом: в производственный процесс вовлекались неработающие мужчины и женщины, представители старших поколений горожан, а затем и жителей сел и деревень. За период 1942 год — первое полугодие 1944 г. в промышленность области было привлечено более 50 тыс. чел., в том числе 60% — городского населения; для работы на шахтах Кизела привлекли колхозников, в том числе из Кировской области, Удмуртской АССР, Казахской, Таджикской и Узбекской ССР [10, с. 224].

Во-вторых, город пополнялся эвакуированными из западных областей СССР, в первую очередь, прифронтовых, специалистами, рабочими, членами их семей. Как известно, в нашу область в общей сложности было эвакуировано более 320 тыс. граждан. Численность жителей Кировского и Орджоникидзевского районов города с 1 января 1941 г. по 1 января 1943 г. удвоилась, Свердловского района — увеличилась в полтора раза [10, с. 381].

На заводы города в 1941–1942 годы постоянно прибывали эшелоны с техникой, оборудованием, материалами, сотрудниками предприятий и членами их семей. Так, на завод № 19 прибыло 60 эшелонов с людьми и станками восемь эвакуированных заводов-смежников, в том числе завод № 462 и 295 из Днепропетровска, заводы 135 и 450 — из Харькова [11]. Завод № 98 в июле разместил на своих площадях оборудование и специалистов четырех ленинградских пороховых заводов и т.д.

Результатом эвакуации стало создание смешанных трудовых коллективов, состоящих из жителей разных республик и областей СССР, различных национальных и культурных традиций.

После 1943 года начались процессы реэвакуации, которые затронули значительную часть прибывших в область.

В-третьих, значительным было присутствие спецконтингента. Определенная часть заключенных привлекались на предприятиях области к наиболее тяжелым видам работ (работа в шахтах, на стройках и др.). Рабочие колонны работали в городе в стройтрестах № 12, 29, Строительство № 31 НКПС, завод № 98, УКС завода № 172, завод № 10 и др. [10, с. 428–429]. Распоряжением ГКО № 6827 от 29 октября 1944 г. на заводы № 29 и 19 направлено 3000 освобожденных заключенных [11]. В промколонии № 1 Молотова выпускались 50 и 82-мм мины [12] и т.д.

Происходило привлечение инженерно-технических работников, ученых на работах в т.н. «шарашках», которые функционировали на заводе № 172 (ОКБ-172 НКВД) и ОТБ НКВД НИИ промышленности боеприпасов (завод № 98). Пермякам хорошо известно имя конструктора М. Ю. Цирульникова, работавшего в «шарашке» (ОКБ-172 НКВД), много сделавшего в годы войны для совершенствования орудийных систем. В послевоенный период он был главным

конструктором Конструкторского бюро Мотовилихинского завода (СКБ-172), внесшим значительный вклад в технологическое развитие страны (в частности, в области разработки твердотопливных баллистических ракет) [13]. Д. И. Гальперин, осужденный по ст. 58 на 10 лет, стал разработчиком новых технологий производства порохов, в том числе шнековой технологии производства зарядов к «катюшам» [14].

В-четвертых, в ходе эвакуации в Перми оказались представители творческой интеллигенции, которые привнесли совершенно новую, «столичную» атмосферу культурной жизни.

В конце августа 1941 г. в город прибыл Ленинградский академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова (Мариинский театр). Под влиянием ленинградцев с 1 сентября 1945 г. в Перми появилось хореографическое училище (третье после Москвы и Ленинграда и первое в провинциальной столице), первым художественным руководителем которого стала Е. Н. Гейденрейх, в 1942 году осужденная по 58-й статье и отбывавшая наказание в Усольяге [15].

В годы войны в Прикамье работало восемь театров, в том числе Молотовский областной театр оперы и балета, и государственный цирк. В области к 1945 году было около 40 техникумов (10,2 тыс. учащихся), в ремесленных, железнодорожных училищах, школах ФЗО — 13,4 тыс. учащихся [4, с. 118–119]. В Перми работали видные литераторы, художники, артисты и т.д.

В-пятых, национальный состав жителей области претерпел значимые изменения за счет работавших на предприятиях спецконтингента из представителей разных народов. Так, на 1 января 1944 г. на территории области числилось 33787 немцев, из них 19032 содержались в лагерях НКВД, а 14755 — на зонах при промышленных предприятиях; на предприятиях работали мобилизованные калмыки (более трех тысяч), крымские спецпоселенцы и др. [16].

В-шестых, произошло обновление идеологического ядра населения. С одной стороны, массовые партийные и комсомольские мобилизации привели к ослаблению проверенных в предшествующие годы рядов политических организаторов. С другой стороны, прием в ряды коммунистической партии продолжался и приобрел массовый характер: с июля 1941 г. по май 1945 г. в кандидаты и члены партии было принято 37283 человека [17, с. 35]. Поэтому на 1 января 1946 численность областной партийной организации была почти в 1,5 раза больше, чем на 1 января 1941 г. [17, с. 27]. Численный рост партийной организации не мог сопровождаться адекватной просветительской, идеологической работой, поскольку на первом месте в качестве одного из важнейших критериев выступал вклад кандидата в члены ВКП(б) в выполнении производственных планов, государственных заданий по выпуску военной продукции. В годы войны продолжилась линия на прием в партию служащих (эта тенденция наметилась в 1938 году), в 1941–1942 годах удельный вес служащих, принятых в партию, составлял соответственно 73,1% и 70,1%. Усиленный прием в партию служащих должен был восполнить потери в системе управленческих кадров, которые возникли в ходе массовых репрессий и массовых мобилизаций на фронт политических работников [17, с. 41].

В-седьмых, данная ситуация создавала зоны социальных напряжений, вызванных быстрыми структурными изменениями в составе населения. Быстрый рост численности рабочих, а особенно — работающих на крупных производствах, в трудовых коллективах, насчитывающих сотни и тысячи человек, требовал от управленцев всех уровней больших усилий, направленных на сплочение рабочих и организацию коллективной работы для выполнения заказов для действующей армии. В частности, за время войны в области среднегодовая численность рабочих в промышленности увеличилась с 210 тыс. (1941 г.) до 256 тыс. (1945 г.), т.е. на 22%; в угольной промышленности — на 82,6%; в химической промышленности — на 80%; в цветной металлургии — на 64% (с 1942 по 1945 г.); металлообрабатывающей промышленности — на 29% [4, л. 14–15] и т.д. Происходило возрастание численности рабочих именно в наиболее важных отраслях промышленности. С другой стороны, доминирование служащих среди принятых в коммунистическую партию ослабляло организационные связи с рабочими, которые объявлялись социальной основой советского государства. Во многом, как представляется, это вызывалось изменением состава рабочих, выбытием наиболее подготовленных из них на фронт.

Можно полагать, что условия войны ускорило формирование локальных (производственных, групповых, территориальных) сообществ, действующих как сплоченные коллективы. «Притирка» людей в условиях социальной турбулентности должна была происходить быстро, так как общая цель — наладить выпуск военной продукции — выступала инструментом консолидации людей, снимая частные противоречия, разрешение которых в мирной жизни нередко требовало многих лет совместной работы.

Молотов стал индустриальным центром, который развивался на основе смешения многих субкультур. Не пытаясь перечислить все из них, назовем лишь наиболее важные: «остатки» старой (дореволюционной) заводской культуры города-завода Мотовилихи; патриархальный уклад крестьян, пришедших на заработки в город; национальные уклады народов, переселенных (мобилизованных) из разных регионов страны; высокая академическая наука и культура, привнесенная эвакуированными деятелями искусства; массовая советская культура, основанная на социалистическом реализме; элементы православного мировоззрения и верования; идеологически мотивированная субкультура партийности; субкультура уголовного мира из многочисленных лагерей области и др.

Многосубкультурность состава города, невероятное смешение социальных групп, народов и верований, знаний и статусов предопределили важные основы будущего развития города как центра промышленности, в том числе оборонных производств, культуры, науки, высшего образования. А. Н. Кабацков и А. И. Казанков писали: «Оценивая потенциальную способность рабочих поселков Молотова быть “плавильным котлом”, <...> приходится признать, что они успешно выполняли только негативную функцию», понимая под ней слом сельской иерархии ценностей» [18]. Это, безусловно, было. Но было и другое: через пот, кровь, голод, свехнапряжение сил

формировалась индустриальная культура труда, вырастали более-менее устойчивые трудовые коллективы, создавалась новая индустриальная социальность, которая хотя и постоянно размывалась перемещениями, но вновь восстанавливалась в связи с потребностями производства.

Коренное население старой чиновничье-купеческой Перми быстро растворилось в этом «кипящем котле» социальных перемещений. Мигрантские волны внутрисоюзных потоков рабочей силы (эвакуированных, военнослужащих, беженцев, интеллигенции, чиновников, специалистов) обусловили как потенциальные социальные разломы, так и многочисленные источники в становлении нового облика Перми как центра мощного промышленного региона. Город стал одним из значимых центров Советского Союза в ракетостроении, производстве порохов, авиадвигателей, химической промышленности и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический сборник на 1923 год. Издание Перм. губисполкома. Оханск, 1923. С. 10.
2. Народное хозяйство СССР в 1975 году. М: Статистика, 1976. С. 28.
3. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 г. М., 1934. С. 66. URL: https://istmat.org/files/uploads/53487/adm_delenie_sssr_1934.pdf
4. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р-564. Оп. 4. Д. 215. Л.3.
5. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город». URL: http://www.mojgorod.ru/permsk_obl/permj/index.html
6. Пермская область в цифрах: стат. сборник. Свердлов. отд-ние изд-ва «Статистика», 1970. С. 7.
7. Народное хозяйство СССР. 1922–1972. Юбилейный статистический справочник. М.: Статистика, 1972. С. 19.
8. Пермь от основания до наших дней / под ред. М. Г. Нечаева. Т. 2. 3-е изд. Пермь, 2018. С. 154.
9. Силина Т., Талкалина М. Книга Памяти: трудовому и ратному подвигу пермских моторостроителей посвящается. Пермь, 1995. С. 24.
10. Пермский край в Великой Отечественной войне / под ред. В. П. Мохова. Пермь: Пушка, 2000. С. 24.
11. Тихонов С. Г. Оборонные предприятия СССР и России. Т. 1. М.: ТОМ, 2010. С. 211.
12. Шевырин С. А. Промколония № 1 г. Молотова (Перми) в годы Великой Отечественной войны // Уральская кузница Победы: город Молотов и его жители в годы Великой Отечественной войны: материалы науч.-практ. конф., 19 ноября 2020 г. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2020. С. 157–158.
13. Кадочников В. Н. Михаил Цирульников. Конструктор. Учитель. Созидатель. Пермь: Титул, 2017. 224 с.
14. Гальперин Д. И. Ученый. Учитель. Патриот. Пермь: Меркурий, 2003. 96 с.
15. Ивинских Г. П. Пермский театральный период. Пермь: Титул. 2014. С. 368–369.
16. Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург — Пермь. Изд-во ПГПУ. 2003. С. 197.
17. Пермская областная организация КПСС в цифрах. Статистический сборник. 1917–1973. Пермь, 1974. 192 с.
18. Кабацков А. Н., Казанков А. И. Новая жизнь советского города // Мир России. 2010. № 2. С. 136.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

УДК 908 (470+571)

Т.Г. МЕЗЕНИНА

*Отдел религиозного образования и катехизации
Нижнетагильской епархии Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)*

СТРОГАНОВЫ И ПЕРМЬ

Аннотация. История Урала и рода Строгановых тесно связаны. Строгановы получили владения в бывшей Перми Великой. В XVIII веке в границах владений Строгановых был построен казённый Егошихинский завод. При создании города Перми Строгановы безвозмездно передали земли в казну.

Строгановы присутствовали на торжественном открытии города Перми. В XIX веке граф А. Г. Строганов был в Перми с особым поручением. В 1842 году в результате пожара строгановский дом в Перми прекратил существование. Таким образом, «Пермь» в ассоциации с именем Строгановых не просто город или территория владений, это многозначное понятие.

Ключевые слова. Строгановы; Пермь; Пермский край; строгановские владения; графы Строгановы; бароны Строгановы.

T.G. MEZENINA

*Nizhny Tagil Diocese, Diocese Department of Religious Education and Catechesis,
Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)*

THE STROGANOVS AND PERM

Abstract. The history of the Urals and the Stroganov family are closely connected. The Stroganovs received possessions in the former Perm the Great. In the 18th century The state-owned Yegoshikha plant was built within the borders of the Stroganovs' possessions. When creating the city of Perm, the Stroganovs donated land to the treasury.

The Stroganovs attended the grand opening of the city of Perm. In the 19th century Count A.G. Stroganov was in Perm on a special mission. In 1842, as a result of a fire, the Stroganov house in Perm ceased to exist. Thus, “Perm” in association with the name of the Stroganovs is not just a city or territory of possession, it is a multi-valued concept.

Keywords. Stroganovs; Perm; Perm region; Stroganov possessions; Counts Stroganovs; Barons Stroganovs.

Имя Строгановых в истории Урала не нуждается в дополнительных уточнениях. Слово сочетание «Строгановы и Пермь» также вызывает стойкие ассоциации с Прикамьем и Пермским краем. Остановимся на некоторых исторических сюжетах, актуальных в год юбилея города Пермь.

Территория, на которой был основан город, принадлежала частным владельцам. Властям необходимо было решить вопрос с передачей земель в казну. Егошихинский завод принадлежал наследникам М. И. Воронцова и по специальному указу императрицы 21 декабря 1780 г. был «уступлен» государству по добровольному согласию владельцев. Вместе с Егошихинским в казну отошли также Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский заводы [2, с. 30].

Вероятно, «добровольное согласие» означало отсутствие компенсации за переход прав собственности. В случае заводов Воронцовых такое согласие было выгодно владельцам, поскольку завод имел «немалый» казённый долг. Прилегающие к заводу земли принадлежали Строгановым, с которыми также необходимо было заключить подобное соглашение. По сведениям А. А. Дмитриева, «такое согласие было немедленно достигнуто» [2, с. 30]. Можно предположить, что передача земель состоялась также безвозмездно, поскольку в 1790 году (или, по другим сведениям, в 1791 г.) граф А. С. Строганов подавал прошение о межевании земель, жалованных роду Строгановых. В этом прошении граф отказался «решительно как за себя, так и за всех прочих в том участников от всех земель и лесов, кои из жалованных им дач заняты были казенными заводами и селениями, не требуя за то никакого вознаграждения» [6, с. 201]. Это решение графа в дальнейшем привело к многочисленным спорам и тяжбам как с казной, так и с частными лицами. Для государства же в 1780 году такие соглашения значительно облегчили строительство города для нового наместничества. Указ о создании Пермского наместничества последовал 27 января 1781 г. [3]. Интересно отметить, что строительство дорог (в Сибирь и на Казань), а также «домов и домиков» началось еще летом 1780 г. по «проектированному плану». И тем же летом был построен «большой двухэтажный деревянный дом для губернатора» [2, с. 27]. Торжественное открытие наместничества было запланировано на октябрь 1781 г., и, вероятно, весной–летом 1781 г. шло активное строительство. В числе прочих был построен на берегу Камы и деревянный дом Строгановых.

Торжественное открытие Пермского наместничества состоялось 18 октября 1781 г. «при огромном стечении народа» из окрестных селений и городов. Праздник продолжался три дня, и в числе гостей были и представители рода Строгановых — граф Александр Сергеевич с сыном Павлом и барон Александр Николаевич с супругой. А. А. Дмитриев опубликовал описание празднований: всенощное бдение и торжественная литургия в Петропавловской церкви, в которой участвовал приглашённый из Соликамска хор певчих. Наместник и почётные гости «шли до церкви из покоев по красному сукну и пред ними знамя несено было». После литургии был крестный ход, которым обошли площадь и новые построенные дома, затем отправились к дому наместника, где он произнёс торжественную речь, после которой «раздался гром пушек и колокольный звон». Речь произнес и губернатор. После чего почетных гостей и чиновников пригласили к столу «в палатах». Не забыли и о других гостях: «для простолюдинов был приготовлен стол на площади». Праздничное настроение поддерживала иллюминация — «плошки, а на берегу реки Камы горели смоляные бочки. Пальба из пушек не прекращалась. На горе было пущено более тысячи ракет». Вечером в доме наместника был открыт бал, на который «были приглашены все чиновники, бывшие в Перми. Все гости-мужчины явились в мундирах, в огромных напудренных париках или с заплетенными косами, в остроносых сапогах поверх голенищами. Дамы — с длинными позади шлейфов и в башмаках с высокими каблуками.

Среди гостей были и Строгановы, жившие в своем деревянном доме на берегу Камы. На другой день был такой же обед и бал у губернатора. На третий день — у Строгановых. Для народа во все эти дни было выставлено несколько бочек вина» [2, с. 33–36].

Пермь стала конечным пунктом в путешествии Строгановых по России. Они выехали из Санкт-Петербурга и отправились в Москву, затем в Нижний Новгород, в Казань и после в пермские владения Строгановых. В некоторых источниках можно встретить сведения о том, что и граф, и барон Строгановы путешествовали с супругами [2, с. 33–34]. Однако в отношении графа Александра Сергеевича эта информация представляется сомнительной. В 1780 г., после возвращения семьи графов Строгановых из Парижа, они оказались в центре крупного скандала. За графиней Екатериной Петровной начал ухаживать бывший фаворит императрицы И. Н. Римский-Корсаков. Роман продолжался на протяжении 1780 года, и когда о нём узнала императрица, в гневе выслала И. Н. Корсакова в Москву. За возлюбленным в феврале 1781 г. уехала и графиня Строганова. Обманутый муж поступил благородно: предоставил бывшей уже супруге дом в Москве и подмосковное имение Братцево, а также назначил денежное содержание [4, с. 596–597]. Путешествие могло стать для графа Строганова и его сына выходом из тяжелой семейной драмы и способом избежать светских сплетен и злословия.

Путешествие началось в июле 1781 г. и продолжалось 6 месяцев. Вероятно, ближе к осени графы Строгановы прибыли в центр своих владений — село Ильинское [9, с. 191]. В приводимых А. В. Чудиновым дневниковых записях Ж. Ромма (гувернера Павла Строганова) не упоминается барон Александр Николаевич, возможно, Строгановы ехали по отдельности и встретились уже в Перми, тем более что центр управления владениями барона А. Н. Строганова находился в Новом Усолье. Уже после поездки в имение Александр Николаевич перераспределил функции управления в имении: вотчинное и заводское правление были переведены из Нового Усолья в село Воскресенское, а в Новом Усолье осталась только промысловая контора [8]. Также опираясь на записи Ж. Ромма, А. В. Чудинов считает, что А. С. Строганов и его сын посетили г. Кунгур. Это утверждение он обосновывает на транслитерации названия Kanqog в дневнике Ж. Ромма [9, с. 191]. Однако более вероятно представляется поездка Строгановых именно в Канкор (Пыскор) — первое укрепленное поселение, построенное в строгановских владениях в 1558 г. [1, с. 33]. Посещение владельцами первого поселения более логично, нежели поездка в далёкий (по меркам XVIII в.) город Кунгур. К тому же в Пыскоре Строгановыми в XVI веке был основан Спасо-Преображенский монастырь, который в 1781 году распоряжением генерал-губернатора был переведен «во вновь устроенный город Пермь с наименованием вместо Пыскорского Пермским Преображенским же» [7]. Интерес владельцев к истории своих земель и своего рода вполне понятен и закономерен.

В декабре 1781 г. Строгановы были уже в Санкт-Петербурге. 6 декабря А. Н. Строганов отправляет упомянутое выше «повеление» о реорганизации

системы управления в вотчине. Дом Строгановых в Перми использовался, скорее всего, управляющими и стряпчими как контора, поскольку в конце XVIII — начале XIX века шло множество тяжб владельцев с частными лицами и казной. Вероятно, в 1826 году в этом доме останавливался барон А. Г. Строганов, бывший в Пермской губернии с особым поручением.

«Флигель-адъютант полковник барон и граф А. Г. Строганов» прибыл в Пермскую губернию в сентябре 1826 г. по Высочайшему повелению расследовать дело об убийстве на Кыштымских заводах и злоупотреблениях местных управляющих. Также ему было поручено собрать сведения о раскольниках в губернии. Исследователи полагают также, что негласной целью поездки А. Г. Строганова была компрометация уральских старообрядцев [10; 6, с. 404]. А. Г. Строганов пробыл в губернии до февраля 1827 г., успев и обследовать Кыштымские заводы, и побывать в Оренбургской губернии. В январе 1827 г. А. Г. Строганов получил от присланного ему в помощь С. Д. Нечаева первый вариант рапорта о «сектах» и раскольниках. Окончательный вариант «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» С. Д. Нечаева датирован 5 февраля 1827 г. «Записка» была подана вместе с рапортом барона А. Г. Строганова управляющему Главным штабом генералу от инфантерии графу П. А. Толстому 1 марта 1827 г. [10]. Можно предположить, что барон А. Г. Строганов уехал из Перми в феврале 1827 г.

Пермский дом Строгановых полностью сгорел в катастрофическом пожаре 1842 года, и графиня С. В. Строганова не сочла нужным заново его отстраивать [5]. В том же году произошли крупные пожары в с. Ильинском и в Новом Усолье, значительные средства ушли на восстановление домов и заводских строений. В этих обстоятельствах дом в Перми стал бы лишней тратой. К тому же практически все тяжёлые дела Строгановых в этот период рассматривались в столице, необходимость держать поверенных в губернском городе отпала.

Таким образом, в истории города Перми существуют страницы, тесно связанные с именем Строгановых. Земли, на которых был построен Егошихинский завод, а затем город, принадлежали Строгановым и перешли государству «для казённой надобности» безвозмездно. Строгановы в качестве почётных гостей присутствовали на торжестве в честь открытия Пермского наместничества. В городе до 1842 года был дом, принадлежавший Строгановым. Эти незначительные на первый взгляд сюжеты при ближайшем рассмотрении раскрывают интересные события в истории рода Строгановых, Перми, Урала и России в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села: учеб. пособие. Пермь: Книжный мир, 2005. 232 с.
2. Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года: С прил. летописи г. Перми с 1845 до 1890 г.: Первый опыт крат. излож. истории Перми / сост. Александр Дмитриев, преп. Перм. муж. и Мариин. жен. гимназий и тов. пред. Губ. учен. архив. комис. Пермь: Изд. при содействии Перм. губ. стат. ком., 1889. 363 с.
3. Именной, данный Сенату от 27 января 1781 г. [Об учреждении Пермского Наместничества из двух Областей Пермской и Екатеринбургской, с разделением оных на уезды] // ПСЗ-1. Т. 21. № 15113. С. 21. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 14.05.2023).
4. Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгоновых // Русская старина. 1887. Кн. III март). С. 575–602.
5. Кузнецов С. О. Строгановский дворец / Голицынская усадьба: концепция графини С. В. Строгановой (1775–1845) восстановления экономики знаменитого российского рода после кризиса 1810-х гг. // Научный журнал. 2020. № 9 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stroganovskiy-dvorets-golitsynskaya-usadba-kontseptsiya-grafini-s-v-stroganovoy-1775-1845-vosstanovleniya-ekonomiki-znamenitogo> (дата обращения: 15.05.2023).
6. Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения / отв. ред. д. и. н. Н. А. Миненко; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад. Нижний Тагил: НТГСПА, 2004. 600 с.
7. Пестова А. И. Пыскорский Спасо-Преображенский монастырь: прошлое и настоящее // Пермская художественная галерея. Журнал. История галереи. URL: <https://permartmuseum.ru/article/47> (дата обращения: 02.05.2023).
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3405. Л. 3–5.
9. Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов. История необычного союза. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 344 с.
10. Шкерин В. А. История «Записки о сектах, существующих в Пермской губернии» (1827 год) в судьбах автора и его информаторов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 78–86.

ПОСЕЩЕНИЕ С.Ю. ВИТТЕ ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА

Аннотация. В статье анализируется посещение в 1896 году Перми и Екатеринбурга видным государственным деятелем, талантливым управленцем и реформатором, министром финансов Российской империи Сергеем Юльевичем Витте. Хронику его пребывания в Пермской губернии подробно освещали местные средства массовой информации (официальная газета «Пермские губернские ведомости» и первая в крае частная газета «Екатеринбургская неделя»). Авторы рассматривают причины посещения губернии министром, программу визита и его результаты. Делается вывод о том, что главной причиной данной поездки стало стремление министра финансов оценить первые результаты реализации винной монополии, введенной по его инициативе в 1894 г. Ввиду того, что у данной реформы было много оппонентов, С. Ю. Витте важно было убедиться в правильности его преобразования, направленного на пополнение государственного бюджета, стабилизацию финансового положения страны в условиях экономической нестабильности и растущих денежных расходов, вызванных перевооружением армии, бурным железнодорожным строительством и др. В целом С. Ю. Витте остался доволен поездкой, о чем проинформировал пермского губернатора Петра Григорьевича Погодина и общественность края. Визит министра финансов стал для Перми и Екатеринбурга главным политическим событием года.

Ключевые слова. С.Ю. Витте; министр финансов; винная монополия; Пермь; Екатеринбург; посещение.

G.N. PLOTNIKOVA, S.N. PLOTNIKOV*Perm State University***VISIT BY S. YU. WITTE PERM AND YEKATERINBURG**

Abstract. The article analyzes a visit to Perm and Yekaterinburg in 1896 by a prominent statesman, a talented manager and reformer, Minister of Finance of the Russian Empire Sergei Yulievich Witte. The chronicle of his stay in the Perm province was covered in detail by local media (the official newspaper Perm Provincial Vedomosti and the first private newspaper “Yekaterinburg Week”). The authors consider the reasons for visiting the province by the Minister, the program of the visit and its results. The conclusion is concluded that the main reason for this trip was the desire of the Minister of Finance to evaluate the first results of the implementation of the wine monopoly introduced on his initiative in 1894. Due to the fact that this reform had many opponents, S. Yu. Witte, it was important to make sure that its transformation aimed at replenishing the state budget, stabilizing the financial situation of the country in the context of economic instability and the growing cash expenses caused by the re-equipment of the army, and violent railway construction and others. In general, S. Yu. Witte was pleased with the trip, about which he informed the Perm governor Peter Grigoryevich Pogodin and the public of the region. The visit of the Minister of Finance was the main political event of the year for Perm and Yekaterinburg.

Keywords. S.Yu. Witte; Minister of Finance; Wine Monopoly; Perm; Yekaterinburg; visit.

Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — известный и влиятельный государственный деятель Российской империи конца XIX — начала XX века. Он вошел в историю тем, что в качестве министра финансов (1892–1903) значительно увеличил темпы и масштабы железнодорожного строительства, ввел винную монополию, провел денежную реформу. В начале XX века он стал первым

председателем Совета министров. Несмотря на то что личности и государственной деятельности С. Ю. Витте посвящено множество научных работ, его посещение Перми в 1896 году не получило должного освещения историками. Тем не менее его визит стал для пермской общественности и руководства губернии главным политическим событием года.

Как известно, в конце XIX века в связи с увеличением расходной части бюджета страны, вызванным необходимостью перевооружения армии и флота, бумом железнодорожного строительства, возникла острая потребность в новых дополнительных источниках дохода. Впервые вопрос о введении казенной винной монополии был поднят в министерстве финансов еще в 1885 г. Поводом для этого послужили результаты ревизии, проведенной акцизным управлением в Пермской губернии. Комиссия выявила значительное повышение продажной цены на вино в результате сговора между крупными винокурами и торговцами, что привело к снижению поступлений в казну. Поэтому уже в 1887 г. в качестве временной меры в Пермской губернии была введена казенная продажа вина [1, с. 222]. Этот процесс должен был контролировать министр финансов.

Голод 1891 года еще больше усугубил финансовую ситуацию в стране, так как значительные государственные средства были выделены на приобретение продовольствия для голодающих. Следовательно, к моменту назначения С. Ю. Витте министром финансов в 1892 г. проблема изыскания дополнительных средств в казну стала особенно острой. С помощью введения винной монополии Витте надеялся решить не только фискальные, но и социально-нравственные проблемы в стране. По его мнению, чрезмерное употребление алкоголя сопровождалось нарушением общественного порядка и падением нравственности [2, с. 6–7]. По поручению Витте в 1892 году в четыре губернии (Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и Самарскую) были отправлены чиновники министерства финансов для того, чтобы проанализировать ситуацию относительно возможности введения винной монополии на местах (именно в этих губерниях наблюдалось наименьшее подушное потребление вина). На территории этих губерний предполагалось построить спиртоочистительные заводы. Министерство финансов стремилось к тому, чтобы при открытии казенных винных лавок учитывались численность местного населения и возможность жителей края пользоваться ими. Реформа готовилась параллельно с ее правовым обеспечением, регламентирующим питейную монополию и предполагающим юридическую ответственность за ее нарушение.

После продолжительной дискуссии 6 июня 1894 г. вышло положение «О казенной продаже питей», утвержденное императором Александром III. Первоначально реформа распространялась лишь на четыре вышеназванные губернии, а затем в течение последующих десяти лет должна была быть введена в остальных губерниях России. Эта реформа начала активно реализовываться только с 1 июля 1896 г. Она являлась составной частью программы Витте, направленной на создание национальной промышленности в условиях начавшейся модернизации страны. Поэтому министру финансов так важно было убедиться в жизнеспособности

проводимой реформы. В ограниченные сроки необходимо было открыть в стране множество государственных питейных предприятий, казенных винных лавок и наладить сбор средств от казенной продажи вина. Контроль за реализацией винной монополии осуществляли акцизные управления и полиция. Параллельно в регионах на губернском и уездном уровнях создавались попечительства о народной трезвости, наблюдавшие за правильностью торговли вином и борющиеся со злоупотреблениями. Общества пропагандировали здоровый образ жизни и вред чрезмерного употребления спиртных напитков. Для этого общества должны были создавать общественные библиотеки, устраивать зрелищные мероприятия, музейные экскурсии, открывать чайные, распространять литературу, способствовать лечению страдающих запоем. Таким образом, Пермская губерния, являясь пилотным регионом для реализации реформы, представляла для Витте значительный интерес.

Пребывание министра финансов в Пермской губернии освещали местные газеты — «Пермские губернские ведомости» и «Екатеринбургская неделя». Корреспонденты этих газет известили своих читателей о прибытии С. Ю. Витте в Пермь 21 августа 1896 г. «Сегодня после полудня на казенном пароходе “Ярославль” ожидается в Пермь Г. министр финансов статс-секретарь С. Ю. Витте», — сообщалось в «Пермских губернских ведомостях» [3, с. 2].

Прибыв в Пермь, Сергей Юльевич отобедал в губернаторском доме, а затем посетил спиртоочистительный завод и винные лавки, расположенные в городе. На следующий день в 10 часов утра в доме губернатора П. Г. Погодина состоялось заседание комитета попечительства о народной трезвости. На заседании присутствовали министр финансов С. Ю. Витте, губернатор П. Г. Погодин и директор департамента неокладных сборов С. В. Марков. Губернатор представил министру краткий обзор деятельности комитета с момента его учреждения 1 января 1895 г. Сергей Юльевич остался доволен докладом и выразил благодарность губернатору за активную поддержку этого учреждения, ведущего в Перми и губернии борьбу с пьянством. Согласно сведениям корреспондентов «Пермских губернских ведомостей», министр отметил, что в Пермской губернии деятельность данного комитета поставлена лучше, чем в других губерниях, благодаря поддержке губернатора. С. Ю. Витте сердечно поблагодарил деятелей комитета за заботливое отношение к делу. После этого министр провел живую беседу с членами комитета, изложил свое мнение о значении питейной реформы, выразив убеждение в том, что ее плоды в будущем обязательно принесут существенную пользу. Он также высказал мнение о необходимости ограничения числа пивных трактиров в городе, а также открытия читален и устройства народных чтений. Министр высказал пожелание о предоставлении обществу трезвости большей самостоятельности [4, с. 3].

После заседания комитета министр осмотрел оставшиеся винные лавки и склады, затем посетил губернское акцизное управление, где поблагодарил представителей этого ведомства за полезную деятельность, «от которой зависит успех дела» [4, с. 3]. В тот же день С. Ю. Витте совместно с губернатором посетил казенную палату, губернское казначейство и некоторые другие учреждения. Таким образом, находясь в Перми, министр посетил все местные структуры

министерства финансов. Как видим, его особенно интересовали казенные заведения, вызванные к жизни питейной реформой, с целью составления наиболее полного представления о реализации реформы в Пермской губернии. Министр отметил несомненный успех данного преобразования в крае. Особенно много лестных слов им было сказано в адрес акцизного управления — «лучшей части министерства финансов» [5, с. 2]. В 6 часов вечера того же дня министр и губернатор выехали в Екатеринбург.

23 августа в 7 часов утра С. Ю. Витте и П. Г. Погодин поездом прибыли в Екатеринбург. Их с хлебом-солью встречали представители городской думы. Затем министра проводили в парадные покои при железнодорожном вокзале, где он принял представителей разных учреждений города. Во время пребывания в Екатеринбурге С. Ю. Витте посетил казначейство, акцизное управление, императорскую гранильную фабрику и золотосплавочную лабораторию, где ему были продемонстрированы все операции по приемке золота, плавке, очистке слитков и др. Министр также побывал в химической лаборатории и конторе государственного банка. Кроме того, посетил музей Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), почетным членом которого он являлся. С. Ю. Витте ознакомился с коллекциями музея, обратив особое внимание на золотые и медные руды, уральские алмазы, гигантского ископаемого оленя, нумизматическую коллекцию и некоторые предметы из археологического отдела [6, с. 724]. После обеда министр финансов побывал в городской думе. Его интересовал вопрос о том, отразилось ли введение винной монополии в Пермской губернии на уменьшении пьянства среди народа.

Согласно данным «Екатеринбургской недели», гласные Бибииков и Казанцов сообщили министру о том, что, несмотря на отсутствие статистических данных, в городе наблюдается некоторое уменьшение продажи водки и вместо «кабака народ идет в храм Божий» [6, с. 725]. В то же время гласные городской думы пожаловались министру на пагубное влияние распивочной на улице. От имени горожан они поблагодарили Сергея Юльевича за наличие в городе железной дороги и попросили его принять почетное гражданство города Екатеринбурга, на что и получили согласие. Беседуя с гласными, министр финансов высказался категорически против предложения введения налога на предметы первой необходимости. Ближе к вечеру Витте посетил фабрику часов, осмотрел винные лавки в городе, развесную чая гг. Колыгина и Агафурова, а затем направился на вокзал и экстренным поездом в 6 часов вечера отбыл в город Челябинск.

Таким образом, посетив Пермь и Екатеринбург, министр финансов С. Ю. Витте получил практическое подтверждение правильности своего курса, направленного на оздоровление экономики страны в условиях начавшейся модернизации, важной составляющей которого являлось введение винной монополии. Несмотря на неоднозначные оценки данных преобразований, С. Ю. Витте в целом удалось существенно увеличить поступления в бюджет, а также добиться улучшения качества спиртных напитков. Однако сократить их потребление среди основной массы населения (крестьянства) реформатору добиться не удалось. Прослеживается значимая роль региональной власти и местного самоуправления в Пермской губернии в процессе реализации экономической программы С. Ю. Витте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова А. Г. Казенная монополия в 1895/1904–1914 гг.: некоторые аспекты проблемы // Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 222–225.
2. Казенная продажа вина. СПб.: Гл. упр. неоклад. сборов и казен. продажи питей, 1900. 310 с.
3. Хроника // Пермские губернские ведомости. 1896. № 178. 21 авг.
4. Хроника // Пермские губернские ведомости. 1896. № 180. 23 авг.
5. Хроника // Пермские губернские ведомости. 1896. № 181. 24 авг.
6. Хроника // Екатеринбургская неделя. 1896. № 33. 25 авг.

В.В. БЕЛОСЛУДЦЕВА

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

«ЖЕЛАННЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ» ПЕРМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БОГАДЕЛЬНИ ЕФИМ ПЕТРОВИЧ ПЕРМЯКОВ

Аннотация. Рассматривается история становления и деятельности пермской городской общественной богадельни в конце XIX – начале XX века, часто именуемой мешанской. Особое внимание уделяется последнему десятилетию ее существования. Приводятся статистические данные о количестве призываемых в богадельню; сведения из Устава; материалы проверок; формулярный список купца 2-й гильдии Е. П. Пермякова, явившегося последним попечителем данного заведения; письма обывателей с просьбой о причислении в богадельню, описываются моменты повседневности. Сделан вывод о влиянии богадельни на жизнь неимущих, больных и престарелых жителей Перми.

Ключевые слова. Пермь; Е. П. Пермяков; богадельня; мешанство; призрение; благотворительность.

V.V. BELOSLUDTSEVA

Perm State University

THE “DESIRED TRUSTEE” OF THE PERM CITY PUBLIC ALMSHOUSE YEFIM PETROVICH PERMYAKOV

Abstract. The article examines the history of the formation and activity of the Perm city public almshouse, often referred to as the philistine. Special attention is paid to the last decade of its existence. The statistical data on the number of those who are in the poorhouse are given; the materials of inspections; the form list of the merchant of the 2nd guild E. P. Permyakov, who was the last trustee of this institution; letters from ordinary people with a request for admission to the poorhouse. The conclusion is made about its positive impact on the daily life of the poor and elderly citizens of Perm.

Keywords. City Perm; E. P. Permyakov; almshouse; philistinism; charity.

Тема благотворительности, меценатства, общественного призрения традиционно привлекает большое количество исследователей и занимает особое место в социальной истории России. Ее актуальность определяется необходимостью изучения дореволюционных практик в современных условиях для поиска эффективных способов решения проблем в указанной сфере.

Цель исследования — на основе архивных и опубликованных источников рассмотреть процесс создания и функционирования пермской городской общественной богадельни в конце XIX — начале XX века как пример практики социального призрения, проанализировать воздействие данной организации на повседневную жизнь пермяков, раскрыть вклад пермского купца Е. П. Пермякова в деятельность богадельни.

Историографические работы, посвященные благотворительности и социальному призрению в дореволюционной России, многочисленны

и разнообразны. Из публикаций последних лет отметим труды Н. В. Козловой [1, с. 30–42; 2, с. 1–359], посвященные вопросам призрения нетрудоспособного населения Москвы в XVIII в.; А. Н. Шуваловой [3, с. 36–39], раскрывающей вопросы, связанные с функционированием российских богаделен в XVIII в.; Е. М. Буряк [4, с. 68–76], изучающей вопрос законодательного оформления социальной политики в XVIII веке. Тема социальной помощи инвалидам в дореволюционной России раскрывается в работах Н. Ф. Басова [5, с. 213–219]. Историческому опыту общественной помощи нуждающимся во второй половине XIX — начале XX века посвящена диссертация Ю. В. Коробейникова [6, с. 1–259]. С вопросами благотворительности на Урале связаны исследования Е. Ю. Казаковой-Апкаримовой [7, с. 69–75], В. В. Белослудцевой [8, с. 98–107].

Богадельня — «богоугодное заведение для призрения лиц, почему бы то ни было неспособных к труду, как то: престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих <...>. Существенным признаком богадельни является полное содержание, даваемое призреваемым». [9, с. 141]. В XVIII веке устройство заведений было поручено созданному в каждой губернии приказу общественного призрения бедных. Кроме увечных и престарелых бедняков, в богадельни указывалось помещать: бродяг и преступников, ссылаемых в Сибирь, «если по дряхлости и болезням не могут туда следовать, увечных отставных нижних чинов, захваченных в прошения милостыни, исключаемых за пороки из духовного ведомства и по болезням и старости неспособных трудом снискивать пропитание и т.п.» [9, с. 42]. Большинство богаделен до передачи их в ведение земства (1864) и городов (1870) находилось в неудовлетворительном состоянии [9, с. 143]. Ситуация изменилась в последней трети XIX в. По мнению Н. Ф. Басова, «с начала 60-х и до 90-х гг. в 34 земских губерниях из 55 произошло пятикратное увеличение численности богаделен и инвалидных домов. Всего к началу 90-х годов земства содержали более 300 богаделен. Общее количество различного рода институтов общественного призрения в земских губерниях составляло 1090 заведений, которые охватывали почти 1 млн. 100 тыс. человек» [5, с. 217].

В Перми общественная богадельня на 50 человек была открыта с 1 января 1872 г. Для нужд заведения Ф. К. Каменский (купец, гласный Пермской городской думы) приобрел дом и два деревянных флигеля [10, л. 153]. Он же был избран первым попечителем. Со временем пространство богадельни расширилось, появились новые постройки, была выстроена церковь. После смерти Федора Кузьмича дело продолжил его брат — Григорий Кузьмич, а впоследствии сын Григория — Александр Григорьевич. В 1904 г. усилиями попечителя А. Г. Каменского и ктитора богадельной церкви М. М. Камчатова большой каменный одноэтажный корпус был перестроен в «роскошный» двухэтажный, что позволило увеличить помещения для призреваемых. Вклад Каменских в развитие богадельни составил приблизительно 40 тыс. руб., М. М. Камчатова — 10 тыс. руб. [10, л. 153 об.].

С 22 февраля 1906 г. попечителем городской общественной богадельни становится пермский купец 2-й гильдии Ефим Петрович Пермяков.

Приводим выдержку из формулярного списка Е. П. Пермякова:

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Пермский 2-й гильдии купец Ефим Петрович Пермяков. Член Учетно-судного комитета Пермского отделения государственного Банка. 47 лет от роду. Старообрядец, приемлющий священство и молящийся за Царя. Имеет золотую медаль с надписью «за усердие» для ношения ее на груди на Александровской ленте и светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых. Содержания не получает.

IV. Из какого звания происходит.

Из купечества. В пермском купечестве состоит с 1 января 1886 г.

VI. Есть ли имение у него самого и у родителей.

Два дома в городе Перми. В ноябре 1909 г. приобрел дом в Перми (угол Петропавловской и Оханской) за 45 тыс. рублей.

Есть ли имение у жены, если женат.

Каменный двухэтажный дом в городе Перми.

VII. Где получил воспитание и окончил ли полный курс наук в учебном заведении; когда поступил на службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых по службе действий или отличий; не был ли особенно чем-либо награжден, кроме чинов.

Воспитания домашнего. По выбору городского общества состоит Гласным Пермской городской с 1901 г.

Г. Министром финансов утвержден в должности Члена — комитета Пермского отделения Государственного банка с 1 августа 1905 г.

По выбору Городской состоит:

Членом городской Финансовой комиссии с 18 января 1906 г.

Заместителем Члена Общего присутствия Казенной палаты по дополнительному промышленному налогу с 16 ноября 1906 г.

Членом от города в Городском раскладочном по промысловому налогу Присутствии с 26 января 1907 г.

Вновь утвержден Членом -комитета на двухлетие с 7 июля 1909 г по 7 июля 1911 г.

Состоит Членом Пермской Торгово-промышленной биржи с 1 января 1908 г.

Государь император по представлению Г-на Министра Финансов в 1-й день января 1911 г. Всемилостливейше соизволил пожаловать по должности Члена Учетно-Судного комитета золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на груди на Александровской ленте 1-го января 1911 г.

Вновь утвержден Членом Учетно-Судного комитета на двухлетие с 7 июля 1911 г.

На основании Высочайшего повеления, последовавшего в день 21 февраля 1913 года, выдано свидетельство на право ношения на груди светло-бронзовой медали, учрежденной в честь 300-летия Дома Романовых.

X. Был ли в походах против неприятеля и в сражениях, когда именно?

Нет

XI. Подвергался ли наказаниям или взысканиям <...> по службе <...>?

Не подвергался.

XII. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени? <...>

Не был.

XIII. Был ли в отставке с награждением чином? <...>

Нет.

XIV. Холост или женат, на ком; имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число вступления в брак, а также рождения жены и детей; где дети находятся и в каком они и жена вероисповедании?

Женат первым браком на вдове купца Варваре Козьминичне Атамановой, вероисповедания старообрядческого [11, л. 2–18 об.].

Ефим Петрович Пермяков занимал разнообразные посты и выполнял многочисленные обязанности: с 1886 года состоял в пермском купечестве; с этого же года выполнял функцию церковного старосты в старообрядческой церкви.

С 1896 года был попечителем богадельни в заводе Пожва Соликамского уезда, состоял гласным учетного комитета общественного Марьянского банка и с 1901 года гласным Пермской городской думы, с 1912 года — член правления Купеческого банка [Там же].

Жизнь в богадельне выстраивалась в соответствии с Уставом, подписанным председателем Пермской городской думы Н. Д. Базановым. В Уставе прописывались категории граждан, призываемых в богадельню; контролирующие организации; источники финансирования; штат служащих и их обязанности; правила поведения для богадельщиков, варианты труда и отдыха.

Так, в одном из документов было сказано: «<...> богадельному не запрещать приличное упражнение в полезных рукоделиях и продажу этих изделий в собственную пользу, а поощрять. Приличными для людей сего заведения упражнения признаются всякого рода разные работы, не причиняющие другим беспокойства, как то: шитья платья, белья и обуви; вязание чулок, шнурков и сетей; прядение шерсти, пеньки и льна; ткание тесьмы; делание щеток и малярных кистей, пеньковых и других кругов и подстилок для вытирания ног, детских игрушек из бумаги и дерева. <...>» [12, л. 4–7].

Богадельня была востребована в городе. Неимущие и престарелые граждане засыпали городскую и мещанскую управу просьбами о помещении их в данное заведение. Несмотря на то, что приют разрастался, ремонтировались и выстраивались новые помещения, мест не хватало (табл.). Зачисленные в кандидаты терпеливо ждали своей очереди, которая подходила чаще всего в случае смерти кого-либо из призываемых. Похороны устраивались за счет средств богадельни. Усопшие «предавались земле в свое время, по христианскому обряду». К примеру, за декабрь–январь 1906–1907 г. умерли и были захоронены четыре богадельщика [10, л. 94].

Таблица №1. Сведения о числе призываемых в Пермской городской общественной богадельне с 1873 по 1908 г.

Годы	Призываемых на 1 янв.		В течение года прибыло		За то же время убыло	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1873	8	12	-	3	-	-
1874	8	15	-	2	-	-
1875	8	17	2	2	-	-
1876	10	19	4	5	-	3
1877	14	21	5	5	-	3
1878	19	23	1	15	1	4
1879	19	34	7	19	5	15
1880	21	38	4	14	6	12
1881	19	40	7	11	8	9
1882	18	42	9	16	11	12
1883	16	46	4	15	5	10
1884	15	51	4	7	5	9
1885	14	49	7	35	5	9
1886	16	75	4	15	4	12
1887	16	78	11	11	7	8
1888	20	81	8	8	4	8
1889	24	81	5	10	4	7
1890	25	84	3	9	2	8
1891	26	85	4	8	3	7
1892	27	86	7	12	4	9
1893	30	89	6	6	4	5
1894	32	90	5	7	4	4
1895	33	93	4	8	4	6
1896	33	95	4	5	2	6
1897	35	94	4	8	4	7
1898	35	95	4	8	2	8
1899	37	95	7	20	4	12
1900	40	103	11	10	4	10
1901	47	103	7	14	3	11
1902	51	106	8	9	9	14
1903	50	101	9	10	6	11
1904	53	100	8	15	8	14
1905	53	101	9	19	10	12
1906	52	108	10	26	10	11
1907	52	123	10	26	11	25
1908	51	124	-	-	-	-

Источники: Дело о приеме в городскую общественную богадельню неимущих и престарелых граждан г. Перми // ГАПК. Ф. 35 Пермская городская управа. Оп. 1. Д. 146. Л. 154 об.-155.

На 1 апреля 1915 г. в списках богадельни числилось максимальное количество призываемых — 208 человек (149 женщин, 59 мужчин) [12, л. 39–41]. В документах за 1916 г. имеется отметка, объясняющая отказ в принятии тем, что «...по случаю войны в богадельне занято целое помещение (корпус), в котором размещены военнопленные в числе 100 человек» [13, л. 219–222]. Последние данные относятся к 1 января 1918 г. На этот день в богадельне проживали 164 человека (129 женщин и 35 мужчин) [13, л. 377–380].

Ефим Петрович Пермяков честно исполнял обязанности попечителя. Но, несмотря на это, в 1911 году при перевыборах на должность Епископ Пермский и Соликамский высказался «о недопустимости избрания попечителем богадельни, при которой имеется православная церковь, лица, по своим религиозным убеждениям принадлежавшего к старообрядчеству». И голосовал против избрания Пермякова [14, л. 67]. Личное вмешательство губернатора в данную ситуацию способствовало ее благоприятному разрешению. В декабре 1911 г. губернатор <...> сообщил, что не видит препятствий «к дальнейшему несению г. Пермяковым обязанностей по должности попечителя богадельни» [14, л. 72].

Были недовольные не только старообрядческими взглядами Пермякова. 12 января 1907 г. богадельница П. И. Микова была исключена из богадельни «за похабные ругательства» [10, л. 94]. В богадельню она была помещена в 1900 г., через пять лет по причине психического расстройства была отправлена в приют для душевнобольных. После выздоровления была взята родственниками, затем вновь помещена в богадельню и пробыла в ней до января 1907 г. После своего исключения Микова написала несколько жалоб на имя пермского губернатора на действия администрации городской богадельни и требовала выдать ей «пособие за 17 месяцев, а также 4 фунта чаю и 8 фунтов сахару» [10, л. 165–168].

В ответ на жалобы в богадельне была проведена проверка. Из доклада Ревизионной комиссии по проверке мещанской богадельни от 7 ноября 1908 г. следует: «...были осмотрены все помещения, как жилые, так и холодные, вновь выстроенные прачечная и баня. Были осмотрены комнаты призываемых, опробован хлеб и обед того дня, оказавшийся вполне хорошим <...> нужно отдать полную справедливость попечителю богадельни Е. П. Пермякову, что он в дело призрения всех стариков и старушек вкладывает <...> всю свою душу: ни от кого из призываемых не слышали ни одного намека неудовольствия попечителем. <...> Осмотр хозяйства богадельни подтвердил, что Е. П. Пермяков является действительно желанным попечителем в буквальном смысле этого слова» [10, л. 221, 221 об.].

Подтверждением выводов комиссии служит письмо, присланное богадельщиками в Пермскую городскую думу. В нем они написали о своем желании «...высказать признательность и величайшую благодарность за любвеобильное попечение нашего дорогого и многоуважаемого попечителя Ефима Петровича Пермякова, который своими заботами о нас, волею судеб помещенными в богадельню, улучшил наше в ней пребывание, а именно: устройство при богадельни бани, прачечной со всеми удобствами, а главное — улучшение насущной ежедневной

разнообразной пищи настолько украсило наше положение и пребывание в ней, что мы не можем пропустить это молчанием и просим Городскую Думу выразить многоуважаемому Ефиму Петровичу нашу неопишуемую радость за его столь сердечные и христианские заботы о таких бедных и призреваемых людях» [10, л. 223].

Ответственное отношение попечителя к делу было замечено. Городская управа неоднократно выражала признательность и благодарность Пермякову. В частности, в 1908 году было отмечено, что «для улучшения положения призреваемых Ефим Петрович не жалел ни трудов своих, ни своих личных средств». Было сказано, например, о приплате из личных средств на содержание церковного хора, которую Пермяков производил в течение нескольких месяцев [14, л. 38 об.].

Последние документы, сохранившиеся в архиве и относящиеся к деятельности богадельни, датируются концом 1917 года. 13 декабря 1917 г. в Пермскую городскую управу от Е. П. Пермякова поступило заявление. В нем говорилось, что «заготовленная мною мануфактура из Москвы в количестве до 30 кусков для надобностей общественной богадельни в ноябре месяце Продовольственным Комитетом реквизированы, а потому прошу Управу принять меры для освобождения от реквизиции означенного материала» [13, л. 374]. Городской голова, в свою очередь, послал письмо в Пермскую городскую продовольственную управу с просьбой разобраться в ситуации. В частности, он пояснил, что «...попечитель богадельни ежегодно заготавливал мануфактуру и продовольственные припасы для надобностей богадельни в целях удешевления содержания призреваемых в богадельне, прошу сделать распоряжение об освобождении означенной мануфактуры для надобностей богадельни» [13, л. 375].

Ефим Петрович Пермяков до последнего оставался верен своему делу, по-купечески ответственно и бережливо исполнял свои обязанности. После революции здание богадельни было передано Александровской больнице.

За годы своего существования пермская городская богадельня сыграла существенную роль в жизни сотен убогих, немощных, больных, престарелых жителей города, в основном мещан. Для большинства из них она становилась желанным последним приютом, возможностью в тепле и сытости провести свои последние дни. «Дайте угол и кусок хлеба!» — молила в одном из писем просительница. Значительная роль в исполнении этого, часто последнего немудреного желания принадлежала попечителям богадельни, видным гражданам г. Перми — купцам Федору Кузьмичу, Григорию Кузьмичу, Александру Григорьевичу Каменским и Ефиму Петровичу Пермякову. О добрых делах пермских благотворителей помнят благодарные потомки, продолжая и развивая дело меценатства и социальной помощи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова Н. В. Нетрудоспособное население Москвы и его социальное обеспечение в XVIII / Н. В. Козлова // Вестник МГУ. Серия: История. 2004. № 4. С. 30–42.
2. Козлова Н. В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 359 с.
3. Шувалова А. Н. Богадельни в России в XVIII веке // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 23. С. 36–39.
4. Буряк Е. М. «Милостливая Русь». Законодательное оформление общественного призрения в рамках социальной политики России XVIII века // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, вып. 4. С. 68–76.
5. Басов Н. Ф. Развитие социальной поддержки инвалидов в России: дореволюционный период // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. Т. 18, вып. 3. С. 213–219.
6. Коробейников Ю. В. Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся 1864–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 259 с.
7. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Городское самоуправление и общественная благотворительность на Среднем Урале в последней трети XIX — начале XX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 3–1. С. 69–75.
8. Белослудцева В. В. Традиции благотворительности и социальной помощи в мещанских обществах Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2005. № 5. С. 98–107.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том IV. СПб: Типо-Литография И. А. Ефрона. 1891. 488 с.
10. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 35. Оп.1. Д.146. Дело о приеме в городскую общественную богадельню неимущих и престарелых граждан г. Перми.
11. ГАПК. Ф. 113. Оп. 1. Д. 296. О службе члена учетно-судного комитета Пермского отделения государственного банка Ефима Петровича Пермякова.
12. ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 280. О приеме в городскую общественную богадельню неимущих и престарелых граждан г. Перми.
13. ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 280 а. О приеме в городскую общественную богадельню неимущих и престарелых граждан г. Перми.
14. ГАПК. Ф. 35. Оп.1. Д. 217. О приеме в городскую общественную богадельню неимущих и престарелых граждан г. Перми.

Н.П. Баяндина*Пермский архив социально-политической истории***БРАТЬЯ КАМЕНСКИЕ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ИЗВЕСТНОЙ ИСТОРИИ**

Аннотация. Известными представителями купеческого сословия в Перми во второй половине XIX в. были братья Федор и Григорий Козьмичи Каменские. Династия Каменских прошла путь от крепостной зависимости до создания крупнейшего в Российской империи Товарищества, занимавшегося перевозками грузов. Территория деятельности включала центральную часть Российской империи, Урал, Сибирь, Алтай, Среднюю Азию, работали заграничные конторы в Прибалтике, Лейпциге, Гамбурге, Лондоне. Семейное дело Каменских объединило множество предприятий различного профиля: гужевые и железнодорожные перевозки, буксирное и пассажирское пароходство, заводы, фабрики, мельницы, типографию. Каменские были крупными благотворителями и меценатами Перми. Впервые найдены ранее неизвестные документы о деятельности Каменских в архивах и музеях Перми, Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Томска, личных архивов.

Ключевые слова. Купцы; извоз; пароходство; паевое общество; торговый дом; товарищество.

N.P. BAYANDINA*Perm State Archive of Socio-Political History***THE KAMENSKY BROTHERS:
UNKNOWN DOCUMENTS ABOUT FAMOUS HISTORY**

Abstract. The brothers Fedor Kozmich and Gregory Kozmich Kamensky were the most famous representatives of the merchant estate in Perm in the XIX century. The Kamensky dynasty went from serfdom to the creation of the largest enterprise in the Russian Empire. The family business of Kamenskiy united many directions: horse and rail transport, towing and passenger steamship, factories, mills, etc. The Kamensky were major benefactors and patrons of Perm. The book «The brothers Kamensky» explores the history of two generations of this family and contains many first-published documents.

Keywords. Merchants; transportation; shipping company; joint-stock company; firm.

Торговый дом братьев Каменских имел пермские корни. Первые представители знаменитой купеческой династии происходили из крепостных крестьян богатейшей строгановской династии и исправно исполняли повинности. Братья Каменские: Федор Козьмич (10 февраля 1810 г. — 27 ноября 1883 г.) и Григорий Козьмич (18 января 1814 г. — 28 января 1893 г.) родились и выросли в деревне Данилиха, пригороде Перми. Отец, Козьма Филиппович, занимался извозом, вел свою торговлю, хотя всю жизнь был крепостным. Большая крестьянская семья Каменских была дружной, работающей, религиозной. Своим тяжелым трудом в течение десятков лет Каменские заработали капитал, ставший основой масштабного семейного бизнеса по перевозке грузов. «Перевозочное дело» в России было традиционно трудным и рискованным, промысел представлял собой одно из самых прибыльных занятий для

крестьянского населения. Как правило извозом занимались яркие личности, имевшие сильный и выносливый характер, упорство и крепкое здоровье.

Пермь находилась на месте пересечения трех гужевых трактов — Казанского, Соликамского и Сибирского, город являлся крупным перевалочным пунктом. Возможность доставить товар по крупнейшим рекам: Волге, Каме, Чусовой и Белой давали инициативным крестьянам свободу в этой сфере. В 1830-х годах братья Каменские начали с традиционного «отхожего промысла» крестьян — зимнего конного извоза. Отпущенные хозяевами на заработки, они доставляли грузы на заводы, ярмарки, торговые центры Урала и Сибири, зарабатывая на личную свободу. «Молодые Каменские так быстро заслужили, благодаря своей особой инициативности и заботливости, всеобщую популярность и доверие со стороны грузоотправителей и получателей товаров, как и со стороны извозчиков, что приходилось расширять и расширять пространства и пределы своей деятельности. Очень скоро район извозничьих поездок оказался уже в пределах между Москвой и Китаем (Кяхта, Кульджа и др.) т.е. на протяжении пути свыше 6 тыс. верст», — писал о братьях Каменских купец Н. В. Мешков, приобретший впоследствии их семейное дело [1].

Газета «Пермские губернские ведомости» в 1862 году сообщала: «Главными доставщиками товаров, как из России в Сибирь, так и из Сибири в Россию, по-прежнему считаются гг. Каменские, Камчатов, Кочетов и пр. Множество постоянных дворов, больших и малых, загромождены ящиками-связочниками, доставляющими товары зимним путем из Перми в Тюмень. Таким образом, идет постоянный наплыв из Перми, Кунгура и Екатеринбургa, и прежде нежели он окончится, наступит другой, не менее важный — это период прохода чаев из Сибири в Россию» [2].

Каменские в ключевых городах Урала, Сибири, Алтая покупали участки земли, открывали конторы, строили склады для постоянного приема, хранения или перевалки кладей с одних обозов на другие, ставили во главе контор своих проверенных людей, чаще из извозчиков, понимавших специфику дела. Все доверенные сообщали друг другу сведения о передвижениях обозов, заранее готовились к приему или отправке грузов. Но главное новшество братьев Каменских состояло в страховании грузов, что ранее никогда и никем не обеспечивалось.

Каменские «должны были по всему пути в известных или специально определенных пунктах основать склады и иметь опытных и заботливых представителей, которые назначались преимущественно из состава тех же возчиков, для постоянного приема грузов, хранения и отправки или перевалки с одних обозов на другие или для сдачи получателям и расчетов по квитанциям. Все представители находились между собой в постоянных почтовых сношениях и всегда заблаговременно знали о ходе обозов и готовились к переотправке товаров далее с ожидавшими обратными или вновь организуемыми обозами. Дать более точное расписание сроков хода обозов было невозможно, ибо все зависело не только от времени года, погоды, состояния путей и проч. Но даже от других случайностей или разбойных нападений на обозы в пути или вблизи от постоянных дворов, существовавших всюду для отдыха и корма лошадей и самих возчиков. Страховых обществ или банков для

застрахования товаров, находящихся в пути и для получения под обеспечение оными ссуд, не существовало. Но братья Каменские из своих сбережений и заработков помогли многим знакомым грузоотправителям, давая ссуды за самые умеренные проценты, отмечая это на квитанциях и на накладных. Тем самым, принимая уже на себя известную долю риска в случае пропажи товаров, Каменские еще более увеличивали свою популярность и несомненный приток грузов для отправки», — писал Н. В. Мешков в своем очерке [3]. Ранее неизвестный очерк «К истории путей сообщения Сибири и вдоль Западного Приуралья» был написан Н. В. Мешковым в 1924 и 1930 годах и согласован с наследницей Верой Александровной Каменской (Шаховской). Текст впервые опубликован в монографии Н. П. Баяндиной «Братья Каменские» в 2023 г.

Выкупившись из крепостной зависимости в 1857 году, братья Каменские приписались к пермскому купеческому сословию. С 1873 года Федор и Григорий Козьмичи Каменские с сыновьями получили права потомственных почетных граждан [4].

Ключевым направлением перевозки кладей братьев Каменских стала линия Пермь — Нижний Новгород. Грузы со всей Сибири и нераспроданные товары с Ирбитской ярмарки шли на Нижегородскую ярмарку. Каменские зарегистрировали в 1857 году буксирное пароходство и на арендованных судах перевозили грузы по Волге и Каме. В навигацию 1865 г. братья открыли пассажирское пароходство с рейсами от Перми до Нижнего Новгорода.

17 ноября 1871 г. было зарегистрировано полное и вечное товарищество под фирмой «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Братья Каменские». Главной деятельностью Торгового дома являлась перевозка грузов по России преимущественно водным путем. Между братьями был заключен уникальный доверительный договор. Это был своеобразный кодекс, выразивший не только их взгляды на ведение коммерческого дела и стратегическое видение будущего фирмы, но и обозначивший жизненные принципы. «Договор этот должен быть для нас, братьев Каменских, и для потомства нашего непреложным законом и ни в каком случае не может быть уничтожен или изменен нами или потомками нашими, исключая того случая, если Господу Богу угодно будет прекратить род наш в мужской линии или наказать дом наш лишением всего имения.

Мы, братья Каменские, владея нераздельно благоприобретенным общими нашим трудам имением, состоя в домах, торговых и складочных магазинах, речных пароходах с баржами, товарах, разной движимости, денежной кассе и кредите на других лицах, всего на сумму 50 тысяч рублей, видим много примеров упадка и совершенного разорения купеческих домов от того по большей мере, что состояние первого приобретателя или делится на части между наследниками или управляется наследниками не по согласию без должного контроля и без страха ответственности одних членов семейства перед другими.

Мы, братья Каменские, распоряжаясь и управляя имением и делами нашими по обоюдному брат от брата доверенности, нередко стесняемся в этом сами и затрудняем

посторонних, а потому мы признали за благо учредить торговый дом под фирмою «Братья Каменские» на правах полного и вечного товарищества... Подпись одного из нас будет обязательна для другого.

В видах предупреждения поводов к соблазну между членами торгового дома и к подрыву стороннего доверия к делам оного, члены дома фирмы нашей не должны заводить каждый от себя или от жены своей отдельной торговли или промышленности или входить в отдельные подряды...» [5]. Ранее этот документ не был известен, текст договора хранится в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

К началу XX века судоходный флот Каменских составлял 22 парохота, из них 12 пассажирских и товаро-пассажирских и 10 буксирных. Помимо того, Торговый дом имел до 40 большемерных деревянных барж и свыше 20 дебаркадеров [6].

В конце XIX века семейный бизнес Каменских продолжили сыновья. У Федора и Григория Каменских было по три сына. Семейное дело продолжили пятеро из них: Михаил и Василий Федоровичи, Александр, Алексей и Иван Григорьевичи. Средний сын Ф. К. Каменского — Иван Федорович — вел самостоятельную торговлю. Сыновья с детства были рядом с отцами и трудились сообща. С юных лет в них воспитывались необходимые для предпринимательства качества: они умели подчинять свой жизненный уклад интересам дела и семьи, чтили авторитет старшего, были трудолюбивы, обладали деловой хваткой и коммерческим складом ума, умели ладить с людьми разных социальных слоев.

Сыновья внесли огромный вклад в развитие семейного дела. Они возглавили ключевые отделения фирмы в разных городах, расширили ее деятельность и упрочили деловую репутацию. Финансовая система России развивалась, открывались банки, и сыновья осваивали банковские операции, начали пользоваться кредитами. Собственные парохоты и механический завод заставили их разобраться в технологиях и судостроении, искать инженеров, техников, мастеровых. Хлопковое и маслобойное дело потребовали новых управленческих решений. Спаянные крепкими семейными традициями, воспитанные в уважении к труду, совместно разрешая сложные вопросы, представители следующего поколения семьи Каменских приумножили фамильный капитал и стали обладателями миллионных состояний.

Впервые опубликован ранее неизвестный документ, рассказывающий о деятельности Ивана Федоровича Каменского. Написанная им в 1876 году «Докладная записка о наших торговых отношениях с Китаем» министру финансов Российской империи посвящена описанию состояния торговли с Китаем, советам по выбору рационального торгового пути. Иван Федорович — один из самых ярких и талантливых представителей рода Каменских. Он не входил в число совладельцев Торгового дома, был «отделен» от семейного бизнеса и самостоятельно занимался масштабными торговыми операциями в Западной Сибири. Ивана Федоровича Каменского считают пионером торговли со Средней Азией и Северным Китаем, он находился в числе первых предпринимателей, несмотря на риски, строивших русско-китайские торговые отношения.

«В хлебе заключается наша сила и мы должны воспользоваться столь благоприятно сложившимися обстоятельствами для заключения выгодного торгового трактата, необходимость которого настоятельна и неотложна.

...Возвратившиеся караваны фактически доказали практичность пройденного Сосновским пути, по которому участок от Зайсана до Гученя признавался самым неудобным и опасным. Встретившийся недостаток воды, следствие засорения колодцев... устранится посылаемою мною партией горных людей, с назначением восстановить старые и вырыть новые колодцы; что легко осуществимо, т.к. всюду вода находится на глубине не свыше трех аршин.

...Осуществится или нет — продажа товаров посредством отправляемых караванов, а также предположенная покупка чая, во всяком случае, поставка Цзо-цзун-тану хлеба составляет, само по себе, торговый оборот внутри Китая, этот факт, совершившийся с согласия китайских властей, дает полнейшее основание настаивать, чтобы интересы русских подданных были обеспечены легальным образом — силою трактата, главнейшие условия которого должны бы заключиться в том, чтобы торговля производилась, не как прежде в Чугучаке, разменом на одном из пограничных пунктов, а чтобы русским торговцам было предоставлено самим возить свои фабрикаты вовнутрь Китая и там, на месте, устраивать фактории и покупать чай и другие произведения, причем, торг не должен быть ограничиваем какими-либо регламентированными линиями или пунктами», — писал И. Ф. Каменский [7].

События революции 1905–1907 годов оказали на транспортные компании России крайне негативное воздействие. Вся торгово-промышленная деятельность существенно сократилась, упал спрос на перевозку грузов, сократился вывоз нефтяных продуктов. Эти факторы привели к острейшей конкуренции между транспортными и судовыми компаниями и стали переломными в судьбе многих фирм.

В 1908 году компаньоны зарегистрировали новое юридическое лицо: товарищество на вере или паевое товарищество под тем же названием «Товарищество пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Бр. Каменские». Основной капитал товарищества составил 5 млн рублей, разделенных на 50 тысяч паев (акций) по 100 рублей. Для сохранения решающего влияния на дела фирмы прежних владельцев предусматривались именные акции высокого номинала, а их перепродажа ограничивалась. Дивиденды компаньоны получали пропорционально. Действия «нового» Товарищества были открыты с 15 февраля 1911 г.

К 1912 году конкуренция транспортных предприятий резко обострилась: из-за неурожая почти отсутствовали хлебные грузы, сократилось предложение нефтяных грузов вследствие снижения добычи нефти. Семейный бизнес столкнулся с огромными проблемами: нехваткой оборотных средств, наличием огромных долгов, несогласованностью компаньонов в управленческих решениях. Катастрофические долги вынуждали собственников продавать не только свои именные пай, но и имущество. Чтобы увеличить перевозки и расширить торговые операции, Товарищество решило искать партнера. Им мог стать пароходчик Н. В. Мешков. Протокол собрания пайщиков гласил, что его компания «...наиболее подходящее в этом смысле предприятие и поэтому Собрание предлагает дать согласие на

приобретение всего имущества пароходного предприятия Мешкова в полном его объеме — флота, пристаней, складов и пр...» [8].

Николай Васильевич Мешков уважал братьев Каменских. Описывая свое решение о покупке фирмы, он писал: «Зимой 1913 года некоторые кредиторы, а затем и сами Каменские обратились ко мне с просьбой — взять все паевое предприятие в свои руки. Вполне соглашаясь со всей необходимостью сохранить от распада большое нужное и заслуженное предприятие, было однако совершенно очевидно, каких затрат сил, энергии и инициативы потребует оно от меня... Но вместе с тем, вспоминая всю мою, с 1876 года, жизнь в Перми, вспоминая рассказы старших о пешем хождении с обозами по Уралу и Сибири и всю простоту взаимоотношений с Каменскими, я не мог оставаться равнодушным и все время думал и обдумывал, и совершенно серьезно готовился к решению большой задачи» [9].

Благодаря деловому знакомству с А. Н. Найденовым Мешков заручился в 1914 году сроком на 4 года соглашением с Московским Торговым банком о финансировании предприятия. 22 мая 1914 г. было подписано соглашение, по которому Н. В. Мешков купил и принял от всех пяти пайщиков, Каменских, все пай «Товарищества» и тотчас же взял в свое распоряжение и на полную ответственность все дела и долги «Товарищества». В своем очерке о Каменских Мешков писал: «Вливая мое транспортное дело и флот и присоединяя имя, я таким путем акционировался. Об этом было своевременно заявлено правительству. Но изменения в Уставе были опубликованы только 23 февраля и 27 июня 1915 года. С января 1915 года наше объединение начало называться “Товарищество Пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. Бр. Каменские и Н. Мешков”» [10].

Таким образом, Николай Васильевич Мешков стал полноправным хозяином транспортной компании Каменских с действующими конторами, подготовленными кадрами, огромным объемом движимого и недвижимого имущества, налаженными связями и деловой репутацией. 11 марта 1917 г/ Мешков инициировал увеличение основного капитала фирмы до 10 миллионов рублей посредством выпуска облигаций. В ранее неизвестном документе, хранящемся в архиве Нижегородской области, — «Список судов Товарищества пароходства и транспортирования грузов «Ф. и Г. Братья Каменские и Н. Мешков» за 1917 г. дается перечень всех пароходов, барж и дебаркадеров с описанием длины, ширины, года постройки, грузоподъемности и стоимости судов [11].

Революция 1917 года навсегда завершила историю легендарного Товарищества братьев Каменских, основанного крепостными крестьянами и просуществовавшего ровно 60 лет. В годы Гражданской войны флот товарищества Каменских и Мешков был практически полностью сожжен в акватории порта Левшино.

В июне 2023 г. автором этой статьи издана монография «Братья Каменские» [12], рассказывающая о семейном предприятии Каменских, которое вошло в историю России как одно из крупнейших и хорошо организованных паевых обществ в сфере перевозки грузов. В приложении к изданию впервые опубликован дневник внука основателя династии Федора Михайловича Каменского «Записки буржуа», написанный в 1919–1921 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. (далее — РГБ ОР). Ф. 672. Н. В. Мешков. Картон 1. Ед.хр.23.
2. Пермские губернские ведомости. 1862. № 11.
3. РГБ ОР. Ф. 672. Н. В. Мешков. Картон 1. Ед.хр.23.
4. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф.1343. Департамент герольдии. Оп. 39. Д. 1949, 1950.
5. РГИА. Ф.23. Министерство торговли и промышленности. Оп.12. Д. 422. Л. 55.
6. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М. 1927. С. 655.
7. РГБ ОР. Ф. 286. Ю. А. Сосновский. Картон № 6. Ед. хр. 14. Л. 6.
8. РГИА. Ф. 23. Министерство торговли и промышленности. Оп. 12. Д. 422. Л. 3, 206.
9. РГБ ОР. Ф. 672. Н. В. Мешков. Картон 1. Ед. хр. 23.
10. Там же.
11. Центральный архив Нижегородской области. Ф.460. Товарищество пароходства и транспортирования грузов «Братья Ф.и Г. Каменские и Н. Мешков» в Нижнем Новгороде.Оп.1. Д.1.
12. Баяндина Н. П. Братья Каменские. Пермь: Уральский рабочий, 2023. 336 с.

М.А. ИВАНОВА, А.А. НАЗАРОВ

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

«ИНЖЕНЕР ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ» АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ИВАНОВ

Аннотация. Статья представляет собой биографический очерк об Александре Семеновиче Иванове. Прослеживается его стремительная карьера до революции 1917 г. от титулярного до статского советника за четыре года. В советский период А. С. Иванов работает на послевоенное восстановление железных дорог страны, а затем – участвует в создании инфраструктуры для функционирования заводов, созданных в первую пятилетку. В 1933 году был репрессирован и приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). Авторы статьи делают вывод о значимости деятельности Александра Семеновича для развития промышленности Перми и Пермского края и его участия в создании современного облика города и края. Авторы отмечают необходимость дальнейших исследований его дореволюционной биографии.

Ключевые слова. А.С. Иванов; железная дорога; Российская империя; ранний советский период; политические репрессии; Пермь.

M.A. IVANOVA, A.A. NAZAROV

Perm State University

ALEKSANDER S. IVANOV: “RAILWAY ENGINEER”

Abstract. The article focuses on the biography of Alexander Semyonovich Ivanov. His rapid career on the eve of the 1917 revolution from titular councillor to statesman is considered. During the Soviet period A.S. Ivanov took part in the post-war restoration of the country's railways, and then the infrastructure for the operation of factories created in the first five-year plan. In 1933 he was repressed and sentenced to 10 years of ITL. The authors of the article conclude that Alexander Semenovich is important for the development of industry in Perm and the Perm Region and his participation in the creation of the modern look of the city and the region. The authors point out the further research activity is needed to make more understandable his origin and early biography period.

Keywords. A.S. Ivanov; railways; Russian Empire; early Soviet period; political repression; Perm.

Пермь с самого основания создавалась очень разными людьми. Большой вклад в развитие, культуру и инфраструктуру города внесли специалисты разного профиля из регионов России и Европы. Одним из таких людей является герой нашей статьи, инженер путей сообщения, личный дворянин, действительный статский советник, а в советские годы — руководитель ряда железных дорог, в том числе Пермской, член ЦИК СССР Александр Семенович Иванов.

Источниками для составления биографии стали документы из семейного архива: открытые письма, фотографии, дневники супруги Александра Семеновича — Марии Сергеевны Ивановой от 1913, 1915 и 1918 годах. Также использовались его личные документы — «Автобиография» (1928), «Заявление» от 15 апреля 1935 г., «Заявление» от 15 января 1936 г. и «Рапорт» от 3 февраля 1936 г. Очень значимыми источниками являются дело «О вредительстве на Пермской железной дороге»

от 1933 года, по которому Александр Семенович проходил как организатор вредительской и контрреволюционной деятельности, а также воспоминания дочери — Татьяны Александровны Ивановой.

Источники по периоду создания можно разделить на дореволюционные и советские. К дореволюционным относятся открытые письма, большая часть фотографий и дневников Марии Сергеевны. К советским — часть фотографий, её дневник за июль — август 1918 г., личные документы Александра Семеновича, уголовное дело ОГПУ (Объединенного госу-дарственного политического управления), воспоминания дочери.

Отличительной чертой дореволюционных источников является косвенное упоминание в них информации, непосредственно касающейся биографии А.С. Иванова. По обращениям в открытых письмах мы можем установить его положение в обществе Российской империи, по фотографиям (даже по их количеству) — определенный уровень благосостояния.

Советские источники, наоборот, полно освещают не только советский, но и дореволюционный период его жизни, но поскольку они были созданы в то время, когда афишировать свою принадлежность к «бывшим эксплуататорским классам» было небезопасно, оба «Заявления» и «Рапорт» написаны во время заключения Александра Семеновича в исправительно-трудовом лагере, многие детали биографии замалчивались или сознательно искажались.

Александр Семёнович Иванов родился 23 декабря 1882 г. в Петербурге. Проблема реконструкции ранних лет Александра Семеновича заключается в том, что они описаны лишь в источниках, созданных в советский период. Согласно «Автобиографии», отец был из крестьян, мать — мещанка. Первой ступенью образования стала городская начальная школа, затем реальное училище, куда он был принят, как и старший брат, на казённый счёт ввиду бедности семьи [1].

Действительно, судя по выписке из метрической книги об усопших, мать Александра Семеновича была мещанкой из Гдова — города на севере Псковской губернии [2, с. 384]. Однако брат Александра — Константин Семенович — получил медицинское образование, жил и работал в Германии. В семейном архиве сохранилось большое количество фотографий Александра Семеновича в детстве и его матери, что было просто не по карману семье, если бы она находилась на грани бедности. В семейном архиве есть открытка, привезенная А. С. Ивановым из путешествия в Европу в 1895 году. Поэтому история происхождения и детства Александра Семеновича нуждается в дополнительных исследованиях с привлечением новых источников.

В 1900 году он поступил в Петербургский институт путей сообщения, окончил его в 1906 году, получив специальность инженера путей сообщения. Воинскую повинность отбыл вольноопределяющимся, затем служил в Главном инженерном управлении в Санкт-Петербурге. Позже в «Автобиографии» Александр Семенович эту должность скромно охарактеризует как «служба чертежником». Был направлен на службу на Северо-Кавказскую железную дорогу, затем —

на Беломорско-Балтийскую. В дальнейшем служил в Москве на Московско-Брестской железной дороге. В 1912 году получил назначение на Екатерининскую железную дорогу, где прослужил до 1917 года [3, с. 237]. На военную службу в годы Первой мировой войны не призывался, имея бронь как работник железнодорожного транспорта [1].

В конце 1911 года Александр Семенович в Москве познакомился с Марией Сергеевной Смирновой, дочерью статского советника, учителя русского языка в мужской гимназии и одного из владельцев табачной фабрики «Бостанжоло и сыновья» Сергея Николаевича Смирнова, племянницей К. С. Станиславского, основателя театра-студии МХАТ. Она, ее семья и окружение были близки художественной интеллигенции Москвы того времени. 22 июля 1912 г. Мария Сергеевна выходит замуж за А. С. Иванова. 27 сентября 1913 г. у них рождается старшая дочь Татьяна, 14 мая 1915 г. — сын Константин [4].

Выписка из метрической книги Верхоспасского собора г. Москвы о венчании Александра Семеновича и Марии Сергеевны свидетельствует, что в это время А. С. Иванов занимал должность прикомандированного к Екатерининской железной дороге инженера по новым работам и имел чин титулярного советника [5, с. 37]. Это подтверждает обращение «Е. В. Б» (видимо, Его Высокоблагородию) в сохранившемся открытом письме, отправленном в Екатеринослав в это время (рис. 1). В немного более поздних открытых письмах, адресованных ему в Екатеринослав и Москву (мы предполагаем, что во время командировок, поскольку указан адрес в деловом центре Москвы того времени), пишут «Его Высокородию» (рис. 2). Это, скорее всего, свидетельствует о стремительной карьере Александра Семеновича и его повышении до ранга статского советника за время работы в Екатеринославе.

Рис. 1. Открытое письмо с обращением «ЕВБ»

Рис. 2. Открытое письмо с обращением «Его Высокородию»

В начале 1917 года А. С. Иванов был направлен в Курск для работы на Московско-Киевско-Воронежской железной дороге в должности начальника службы пути. Оставался на этой должности и во время революционных событий 1917 года, при Временном правительстве. После установления советской власти, в ноябре – декабре 1917 г. был командирован в Петроград для доклада о состоянии вверенного ему участка железной дороги [6]. После разделения весной 1918 г. этой дороги на Курскую, относящуюся к России, и Киевскую — к Украине, переехал в Киев для работы начальником службы пути. В Киеве 2 июля 1918 г. родилась дочь Людмила [4]. В 1919 году был начальником Левобережной железной дороги в Киеве. В мае 1920 г. назначен старшим инженером технического отдела Московско-Киевско-Воронежской дороги, затем — начальником Юго-Западной железной дороги [1].

В декабре 1920 г. Народным комиссариатом путей сообщения (НКПС) был переведён в Москву на должность инспектора технического управления наркомата. В качестве инспектора занимался вопросами восстановления разрушенных в ходе Гражданской войны железных дорог, организации их управления в ряде регионов, в том числе в Ленинграде, Мурманске, а также на Кавказе и в Средней Азии. Здесь Александр Семенович тесно работает с помощником начальника ЦПТУ (Центрального планово-транспортного управления) В. В. Шуховым, который оценил талант и опыт А. С. Иванова и всячески помогал ему с продвижением по службе [3, с. 415–416]. Но у Александра Семеновича начал развиваться туберкулез, поэтому по его просьбе о смене места службы для поддержания здоровья в августе 1921 г. он назначается помощником начальника Средне-Азиатской железной дороги, а с начала 1922 г. — начальником Ташкентской дороги. Работать пришлось

в тяжелых условиях послевоенной разрухи, голода и болезней. За исполнение столь ответственной работы имел благодарности от руководства Туркестана.

В октябре 1923 г. приказом НКПС был назначен начальником Южных железных дорог с управлением в Харькове [7]. В мае 1924 г. здесь на А. С. Иванова и его супругу было совершено нападение трёх бандитов, в результате которого Мария Сергеевна получила тяжелое пулевое ранение, Александр Семёнович — пулевое и ножевое [4]. Супруга получила также тяжёлое психологическое потрясение, вследствие чего пришлось сменить место жительства и службы. В июле 1924 г. А. С. Иванов был направлен в Воронеж на должность начальника и члена правления ЮВЖД (Юго-Восточных железных дорог). С декабря 1925 г. стал членом правления по технической части. Под его руководством на железной дороге была проведена глобальная реконструкция. Впервые стали использоваться длинносоставные поезда.

Деятельность Иванова тогда находила одобрение в НКПС [8]. В 1930 году обсуждался вопрос о его назначении начальником Турксиба (Туркестанской железной дороги). Другим вариантом стал Урал, в частности Пермская железная дорога. Этот выбор объяснялся необходимостью ускоренного развития инфраструктуры Уральского региона в условиях грандиозного промышленного строительства. Специалисты такого уровня, как А. С. Иванов, здесь были очень нужны. В августе 1930 г. он был назначен заместителем директора Пермской железной дороги. Её управление находилось в Свердловске, и семья переехала в этот город.

Здесь Александр Семенович занимается организацией и руководством проектирования новых железных дорог — созданием инфраструктуры для растущей уральской промышленности. В частности, перестройкой железнодорожной сети Пермского округа. Его инициативой было расширение станции «Нижняя Курья» и ее превращение в крупный логистический узел, поскольку здесь должны были соединяться железнодорожные пути порта, складов и нескольких заводов. Также Александр Семенович руководил созданием инфраструктуры Березниковского химического и Губахинского коксохимического комбинатов: железнодорожные пути, станции для разгрузки, депо. В 1932 году Александр Семенович добился выделения средств НКПС на прокладку вторых путей между Свердловском и Вяткой для увеличения пропускной способности Пермской железной дороги и значения Перми как транспортного узла. Организовал работы по созданию земляной насыпи вдоль Горнозаводской железной дороги по направлению «Чусовская — Бисер», которая была использована для электрификации путей. Выступал за строительство второго железнодорожного моста через Каму для повышения эффективности пермского железнодорожного транспорта, что было реализовано лишь после строительства Камской гидроэлектростанции в 1954 году. Как он отмечал в показаниях следователю ОГПУ, не хватало квалифицированных кадров, были сложности в общении с подчиненными из других городов, которые бюрократически затягивали постройку этих масштабных проектов. Кроме этого, возникали специфические для каждого проекта трудности. Так, в Губахе сложная, гористая местность, река и наличие ГРЭС (государственной районной электростанции), а также отсутствие экспертизы

со стороны центральных властей создавали проблемы для проектирования железнодорожных путей. Однако Александр Семенович всегда оставался приверженцем качественного выполнения поставленных задач для максимальной эффективности обновляемой им железной доро-ги [6].

В 1931 году в Управлении дороги отметили юбилей Александра Семёновича — 25 лет работы на железнодорожном транспорте. В качестве премии он попросил содействия в поступлении сына Константина в Горный институт, поскольку доступ в вузы для детей «буржуазной интеллигенции» был ограничен. А. С. Иванов участвовал также в деятельности общественных организаций и государственных органов. Был активным членом профсоюза железнодорожников (в секции инженеров и техников), избирался в Воронежский и Свердловский горсоветы. В 1929–1931 гг. был избран членом Центрального Исполнительного комитета СССР V созыва и членом Союзного Совета ЦИК (депутатский билет за № 155 за подписью Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина и Секретаря ЦИК А. С. Енукидзе хранится в семейном архиве) [8] (рис. 3). При этом Александр Семёнович оставался беспартийным.

Рис. 3. Фото А. С. Иванова со значком ЦИК СССР. 1932 г.

Однако отношение к «старым» специалистам на рубеже 1920–1930-х годов стало меняться. От первоначальной идеи использовать их в интересах строительства социализма власть переходит к их обвинениям в провалах выполнения планов первой пятилетки, в намеренном вредительстве, широкий размах получает так называемое «спецеество» и репрессии против инженерно-технических кадров.

Знаковым событием в этом стало известное «Шахтинское дело» 1928 года (г. Шахты в Донбассе) о вредительстве в угольной промышленности. Оно открыло последующую серию дел в других отраслях промышленности, дело дошло и до железнодорожного транспорта. В организации вредительства в отрасли был обвинен вышеупомянутый

В. В. Шухов, с которым А. С. Иванов ранее имел деловые контакты [3, с. 421]. Тревожным сигналом для него самого стало понижение по службе в 1932 году до должности технического консультанта при дирекции Пермской дороги.

28 апреля 1933 г. А. С. Иванов был арестован и обвинен в организации контрреволюционной группировки в дирекции Пермской железной дороги в составе 11 человек, занимавшейся дезорганизацией работы железнодорожного транспорта: его неправильной эксплуатацией, внедрением завышенных планов, что увеличивало стоимость проектов и задерживало сроки сдачи, использованием неподходящего материала для прокладки железнодорожного полотна и многочисленных заявлений о плачевном состоянии отдельных веток железной дороги. В обвинении отмечалось, что целью вредителей было «способствовать скорейшему свержению Советской власти путём дезорганизации и развала работы Пермской железной дороги». А. С. Иванов был определён организатором и руководителем группировки. Александр Семенович для обеспечения безопасности жены и детей признал свою вину, согласился сотрудничать со следствием. 7 декабря 1933 г. постановлением Коллегии ОГПУ он был приговорён к расстрелу с заменой заключением в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет по статье 58 п. 7, 11 УК РСФСР (1926 г.) [6].

В Ухта-Печорский лагерь в Воркутинской области Александр Семёнович прибыл 14 января 1934 г. Был направлен старшим инженером рудоуправления в Усинское отделение, расположенное в заполярной части, с суровыми климатическими условиями. Как специалист, он занимался изысканием вариантов прокладки железнодорожных путей к угольным месторождениям. Он добросовестно выполнял свои обязанности, имел поощрения от руководства лагеря. Самостоятельно освоил зубоврачебное дело, поскольку в отделении не было стоматолога, лечил служащих и заключённых. Лагерный режим, напряжённая работа, суровые условия Заполярья привели к ухудшению состояния здоровья, и до лагеря слабого, к ограничению трудоспособности. Александр Семёнович неоднократно обращался к руководству лагеря с просьбой направить его на аналогичную работу в более благоприятных для здоровья условиях [8]. Было принято решение о переводе его в пос. Чибья на должность инженера-консультанта производственно-планового отдела управления лагеря, однако оно постоянно откладывалось, а состояние здоровья ухудшалось. Александр Семёнович Иванов скончался 2 декабря 1936 г. [10]. Ему было 54 года, из которых почти 30 лет он отдал служению российским железным дорогам.

Александр Семёнович был реабилитирован Свердловским областным судом 8 августа 1957 г. как необоснованно осуждённый [11, с. 277]. В постановлении суда отмечено: «...факт организации Ивановым контрреволюционной вредительской организации на Пермской железной дороге нельзя признать доказанным, так как практическая деятельность обвиняемых объективными данными не находит подтверждения» (т. 6, л. 267). Всё дело было построено на вынужденных признаниях свидетелей и самопризнаниях обвиняемых. Извещением от Ижевательского «извинением» власти за необоснованное осуждение и смерть в лагере стала выдача семье в 1959 году его двухмесячной зарплаты за работу в дирекции дороги до ареста. Супруга Мария Сергеевна Иванова не дождалась реабилитации мужа, она трагически погибла в Свердловске в 1942 году. Детям было разрешено получить высшее

образование. Татьяна стала инженером-химиком, Людмила — маркшейдером, работала на угольных шахтах г. Кизела, Константин стал геологом, работал в районах Сибири, в 1968 году за открытие золотых месторождений на Чукотке был награждён Государственной премией.

Таким образом, мы можем на примере биографии Александра Семеновича Иванова заключить, что индустриализация и промышленный рост Перми и других уральских заводских городов был связан не только со строительством и вводом в эксплуатацию заводов, но и с налаживанием инфраструктуры, которая могла бы эти заводы обеспечить регулярным подвозом сырья и вывозом готовой продукции. В создании этой инфраструктуры важную роль сыграли старые дореволюционные специалисты, выполняя титаническую работу. Многие из них затем при невыполнении завышенных планов первой пятилетки были репрессированы, но проекты, разработанные или предлагаемые ими, реализовывались. В частности, невозможно вообразить современный облик города Перми без широкой железнодорожной сети, её опоясывающей. Губахинский коксохимический и Березниковский химический комбинаты являются одними из важнейших промышленных объектов этих городов, но трудно было бы себе представить все это без участия в разработке таких глобальных и сложных логистических проектов Александра Семеновича Иванова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов А. С. Автобиография // Архив Иванова А. С. Пермь, 1928. 7 с.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 127. Д. 2437. Л. 444.
3. Бродская Г. Ю. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневоградская эпо-пея. В 2 т. Т. 2. 1902–1950-е. М.: Аграф, 2000. 592 с.
4. Иванова М. С. Дневники о рождении детей // Архив А. С. Иванова. Пермь, 1913–1918 гг. 173 с.
5. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2749. Л. 443.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее — ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22873. 508 л.
7. Иванов А. С. Рапорт // Архив А. С. Иванова. Пермь, 1936. 2 с.
8. Иванов А. С. Заявление // Архив А. С. Иванова. Пермь, 1936. 2 с.
9. Иванова Т. А. Наша родословная // Архив А. С. Иванова. Пермь. 1995. 32 с.
10. ГААОСО Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22874. Л. 280.

ПЕРМЬ СОВЕТСКАЯ. ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

УДК 908 (470+571)

В.А. АРЕСТОВ

Государственный архив Пермского края

ЯРМАРКА КАК ФОРМА ОПТОВО-РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В статье на основе документов из фондов Государственного архива Пермского края рассматривается становление и развитие оптово-розничной торговли в Перми на примере ярмарок, прослеживаются различные направления и формы оптово-розничной торговли, характеризуется социальная роль ярмарок как формы оптово-розничной торговли.

Особое внимание уделяется статистическим данным о количестве и сроках проведения ярмарок, денежных оборотах, сделан вывод о положительном влиянии указанного опыта на повседневную жизнь населения города.

В качестве методологии используется укладный подход. С его помощью советская экономика рассматривается как совокупность сложноорганизованных анклавов и наиболее комплексно реализует свой потенциал, поскольку позволяет рассмотреть хозяйственные практики в экономическом, правовом и социальном поле, представить их в виде анклавов в системе многоукладной экономики.

Ключевые слова. Новая экономическая политика; уклад; торговля; Пермь; ярмарка; кооператив; конкуренция.

V.A. ARESTOV

State Archive of Perm Krai

FAIR AS A FORM OF WHOLESALE AND RETAIL TRADE IN THE YEARS OF THE NEW ECONOMIC POLICY (BASED ON THE MATERIALS OF STATE ARCHIVE OF PERM KRAI)

Abstract. The article examines the formation and development of wholesale and retail trade in Perm on the example of fairs on the basis of documents from the funds of State Archive of Perm Krai, traces various directions and forms of wholesale and retail trade, characterizes the social role of fairs as a form of wholesale and retail trade.

Special attention is paid to statistical data on the number and timing of fairs, money turnover, and a conclusion is made about the positive impact of this experience on the daily life of the city's population.

As a methodology, a modular approach is used. With its help, the Soviet economy is considered as a set of complexly organized enclaves and realizes its potential in the most comprehensive way, since it allows us to consider economic practices in the economic, legal and social field, to present them as enclaves in the system of a multi-layered economy.

Keywords. New economic policy; way of life; trade; Perm; fair; cooperative; competition.

Начиная с 1921 года страна переживала периоды экономических экспериментов, обострения политической борьбы по вопросам о дальнейшем пути развития России. Этот этап вошел в историю под аббревиатурой НЭП — «новая экономическая политика». Она оказала большое влияние на повседневную, частную жизнь людей, до последнего времени недостаточно изученную.

Период НЭПа до сих пор вызывает споры среди современных исследователей истории Советского Союза¹. Разногласия в оценках связаны с тем, что этот период не отличался целостной политикой. Были определенные шаги в направлении признания различных форм собственности, легализация частного предпринимательства и в то же время — отступление на позиции жесткого государственного регулирования, экономический диктат, граничащий с вымогательством.

Данное исследование основывается на документах из фондов Государственного архива Пермского края, связанных с историей советской торговли.

Восстановлению экономики Прикамья после Гражданской войны и политики «военного коммунизма» способствовали возвращение к рыночным отношениям, переход от натуральной оплаты труда к денежной. Возрождались частная торговля. В Перми на месте нынешнего сквера Уральских добровольцев находился Черный рынок, где было до 2,5 тыс. лавок, ларьков, лотков. На Черном рынке горожане и приезжие крестьяне приобретали различные товары, предметы широкого потребления, домашнюю утварь. В городе действовали еще Хлебный, Дровяной, Сенной и «толкучий» рынки.

Пермский рынок был открыт обычно по средам и пятницам. В основном там продавалась сельскохозяйственная продукция. В 1922–1923 годах горожанин потреблял товаров в 6 раз меньше, чем крестьянин. С осени 1923 г. советское правительство начинает проводить целую систему мероприятий, направленных на исправление этого положения.

Идея ярмарки уже в 1922 году встретила сочувствие и поддержку со стороны властей и стала претворяться в живую конкретную действительность. Нижегородская ярмарка положила начало делу товарооборота при посредстве ярмарок. После нее мы видим целый ряд ярмарок, организованных в разных частях страны. Эта ярмарочная полоса захватила и город Пермь, как торговый центр округа и прилегающих к нему районов.

Ярмарки служили индикаторами баланса выгод и возможностей торговли между регионами. Ярмарки восстановили естественный товарообмен и стали важным фактором стабилизации межрегиональных отношений. Эта традиционная для России форма торговли в очередной раз доказала свою жизнеспособность. Однако торговые отношения, прерванные в период Гражданской войны и «военного коммунизма», восстанавливались с большим трудом. В десятилетие, предшествовавшее новой экономической политике, во многих районах произошли более или менее значительные изменения в экономических отношениях. На смену старым торговым отношениям пришли новые.

1. См. список литературы

Считалось, что ярмарки могут помочь в решении проблемы обеспечения сельских жителей товарами повседневного спроса, а горожан — продовольствием. В летний период в Перми оживленная торговля велась на Петровской ярмарке, открытой 9 июля 1924 г. и считающейся первой советской ярмаркой, а осенью — на Евстафьевской ярмарках (с 29 сентября по 11 октября) [1, л. 4]. В Петровской ярмарке принимали участие 60 фирм [2, с. 17], в 1925 г. — уже 158 фирм [3, л. 240]. К 1925 году увеличилось на ярмарке представительство частных лиц и кооперативов.

Петровская ярмарка. В дореволюционный период Петровская ярмарка имела довольно крупное значение и положительным образом влияла на товарооборот прилегающих к Перми районов и губерний. Она являлась связующим звеном с далеким Печерским краем, широко используя водный транспорт для заброски туда продовольствия, промышленных товаров и предметов охотничьего промысла и рыболовства.

На ярмарку в то время приезжали торговые фирмы, промышленные предприятия и кустари из Вятской, Ярославской, Владимирской, Казанской, Нижегородской и других губерний.

В положении о проведении Петровской ярмарки говорилось о том, что на все время ярмарки торгующие на них лица были обязаны принимать участие во всех расходах по организации ярмарки, по усмотрению Ярмарочного комитета. За организацией и ходом торговли на ярмарке следил Оквнторг, через образованный им Ярмарочный комитет.

Все постройки-балаганы были однотипные, крытые тесом или брезентом [3, л. 8]. На ярмарке категорически воспрещалось производить скупку и продажу товаров и продуктов в постоянных дворах, гостиницах и меблированных комнатах и всякого вида азартные игры [3, л. 9].

Что касается Евстафьевской ярмарки, то она дала совершенно другие результаты сравнительно с Петровской. Центр внимания оказался на стороне крестьянского привоза, как на предмете осенних заготовок на зиму. Городской массовый покупатель был отвлечен на сторону этого привоза, сюда же направлялись и главные его средства, поэтому госучреждения и кооперативы торговали тише, чем в Петровскую ярмарку. Хозяйственные организации в ярмарочный период выступали в меньшем размере, чем на предшествующей ярмарке и имели не вполне подходящий ассортимент товаров. На ход торговли влияло и то, что в постоянных магазинах некоторых мощных организаций совсем не торговали по случаю учета их магазинов и складов.

При анализе оборотов, характеризующих торговлю в отношении спроса на товары, прослеживается, что центр торговой тяжести на ярмарке переместился от одних товарных групп к другим: от сырья и кустарных изделий к фабрикатам государственной промышленности (текстильным товарам, бакалейным изделиям и к сельскохозяйственным орудиям). Интерес покупателя на Евстафьевской ярмарке сосредотачивался главным образом на крестьянском привозе.

Количество фирм, участвовавших в Евстафьевской ярмарке 1924 года, не превышало 80 (174 места). Все государственные, кооперативные учреждения,

а также частные лица, в зависимости от размера торговли на Петровской ярмарке, заняли 62 балагана, а на Евстафьевской — 86. В ярмарочной торговле приняли участие Павловский косный завод с металлическими изделиями (косы, литовки и принадлежности к ним), Кунгурская артель с кожаной обувью, торговцы пряниками и игрушками из Казани, семеновские кустари (игрушки и карусели), Воткинское промысловое кооперативное товарищество (тележные ходы), Камбарское кустарно-промысловое хозяйство (плетенки), торговцы шляпами из Оренбурга [2, лл. 117–118].

Основной особенностью ярмарок советского периода было доминирование на них уральских контрагентов. Главными участниками обеих ярмарок оказались государственные торговые предприятия. Затем шла кооперативная торговля. Частная торговля была значительнее на Евстафьевской ярмарке, поскольку там основной интерес покупателя был сосредоточен на крестьянском привозе, а не на фабрикантах государственной промышленности, как на Петровской ярмарке.

12 мая 1925 г. Президиум Пермского окружного исполнительного комитета утвердил принятые Окрпланом положение о Ярмарочном комитете и план проведения очередной Петровской ярмарки в г. Перми [3, л. 11]. 22 мая 1925 г. было проведено первое заседание Ярмарочного комитета по организации Петровской ярмарки, на котором рассматривались вопросы о проведении ярмарки, распространении рекламы и транспортных льготах [3, л. 17].

Петровская ярмарка 1925 г. проводилась под лозунгом «Лицом к деревне». Она должна была дать крестьянину необходимые промышленные товары и предметы оборудования сельского хозяйства; с другой стороны, производитель — крестьянин должен найти на ярмарке сбыт продуктов своего хозяйства [3, л. 45]. Ярмарочный комитет устанавливал плату за места с включением всех организационных расходов по ярмарке в сумме 12 руб. [3, л. 101].

Во время Петровской ярмарки, проходившей с 9 по 22 июля — перед началом сенокоса и жатвы, — шел оживленный торг сельскохозяйственными орудиями, скотом, кустарными изделиями [3, л. 8]. Осенью (с 1 по 8 октября) на Евстафьевской ярмарке крестьяне продавали свежий хлеб, скот, покупая мануфактуру и предметы домашнего обихода. К особенностям осеннего торгового сезона Перми относилась крупная торговля свежими фруктами (вишня, смородина, яблоки, арбузы, помидоры, виноград и т. п.), которых проходило через город ежегодно по несколько миллионов пудов [2, с. 117].

Петровская ярмарка 1925 года по своим торговым оборотам далеко превысила оборот ярмарки 1924 г. и по оживленности превзошла все ожидания. Ярмарка привлекла интерес не только со стороны крестьянства, увеличившего свой привоз в 6 раз против 1924 г., но и со стороны кустарей и частных розничников. Ярмарка ярко отметила факт преимущества и руководства в торговле со стороны государственного и кооперативного капитала [3, л. 272].

Оборот Петровской ярмарки в 1924 году составил до 500 тыс. рублей, в 1925 году розница — 580 тыс. руб., крестьянский привоз — 61 тыс. руб., биржевые и внебиржевые сделки — 2778 тыс. руб. Из иногородних организаций на ярмарке

выступали Глазовский Госсельсклад, Кунгурский Селькустсоюз и сельские потребительские общества [4, л. 18].

Судя по записке в Президиум Пермского Окрисполкома, опыт проведения ярмарки в 1924 и 1925 годах показал, что она имеет действительно крупное экономическое значение не только для Пермского округа, но и для прилегающих округов, которые тесно связаны с Пермским рынком. Она являлась одним из тех связующих звеньев, которыми осуществлялась связь города с деревней. В 1925 годах на ярмарке выступали низовые кооперативы с целью научиться торговать. Обороты ярмарки 1924 и 1925 годов далеко оставили позади довоенные. Успех ярмарок во многом зависел от предоставления ярмарке льгот по патентному сбору и местным налогам, стимулировавших выступление на ярмарке государственных и кооперативных организаций [4, л. 28].

Ярмарка 1926 года из-за ненастной погоды и коллективного заявления торговцев была продлена до 25 июля включительно. В ней приняли участие 11 государственных предприятий, 11 кооперативов, 125 частных фирм и лиц, т.е. на 83 фирмы больше, чем в 1924 г., и на 9 фирм меньше, чем в 1925 г.

В территорию ярмарки 1926 года был включен Сенной рынок, на котором торговали до 70 предприятий первого и третьего разряда патентов, таким образом, фактическое число участников ярмарочного торга достигло 220 [4, л. 161]. Мест на ярмарке было занято 290. Выступавшие на Петровской ярмарке государственные и кооперативные организации, частные фирмы имели в продаже товаров на 700 тыс. руб. и сделали следующий оборот в рублях: государственные — 129 063; кооперативные — 72 999; частные — 300 000; всего — до 502 062 руб. [4, л. 161].

Розничная торговля могла быть произведена в больших размерах, но ее развитию сильно помешало отсутствие ряда промтоваров, в частности мануфактуры.

Главными пунктами, откуда прибывали приезжие перекупщики и кустари, были: Свердловск с изделиями из уральских камней, Вятка с роговыми изделиями, Кунгур с самоварами и кожаной обувью, Казань и Нижний Новгород с игрушками и вафлями, Москва с готовым платьем, шоколадом и вафлям.

Из увеселительных заведений на Петровской ярмарке 1926 г. были представлены театр марионеток, кукольный театр, две карусели, две качели, сиометр Окружной детской комиссии. Также на ярмарке проходили события культурно-просветительской направленности, такие как: кустарная выставка, которую посетило до 10 000 чел.; выставка коневодства (2000 посетителей); справочное бюро по крестьянским вопросам, изба-читальня шефского общества и издательство «Книгодеревня», где торговали дешевой крестьянской литературой. Проводились две лотереи от общественных организаций: одна — от детской комиссии и другая от — Осоавиахима [4, л. 162].

Евстафьевская ярмарка. Евстафьевская ярмарка проводилась с 29 сентября по 3 октября 1926 г. В 1925 и 1926 годах ярмарка планировалась на две недели, но из-за острого недостатка ряда промышленных товаров, в частности мануфактуры,

она проводилась четыре дня, вследствие чего обороты и число участников на ней, по сравнению с предыдущими годами, резко понизились.

В 1925 году в Евстафьевской ярмарке участвовали 6 государственных предприятий, 4 кооперативных и 85 частных фирм. Среди них были представители Нижнего Новгорода, Казани, Оренбурга, Владимира, Ташкента, 13 частных фирм различных округов Уральской области. В 1926 году торговали: 1 кооперативная организация и 30 частных фирм, из них 5 представляли другие регионы. Под балаганами было занято 193 места в 1925 г. и 58 мест в 1926 г. [5, л. 1].

В 1927 году ярмарки проводились Окружным отделом внутренней торговли в связи с ликвидацией Пермской товарной биржи. Особенностью проведения Петровской ярмарки являлся недостаток товаров широкого потребления, усложняющий ее проведение.

Перед открытием Петровской ярмарки Окргвнуторг столкнулся с проблемой отсутствия мануфактуры, железа и других товаров, но благодаря ходатайствам перед Уралоблторгом и прочими организациями ярмарка все же была проведена. В таблице приведено количество участников Петровской сельскохозяйственной ярмарки 1924–1927 годов [5, л. 175].

Год проведения Петровской ярмарки	Государственные предприятия	Кооперативные предприятия	Частные фирмы и лица	Всего
1924	18	8	38	64
1925	14	14	128	156
1926	11	11	125	147
1927	6	10	133	149

Таб.1 Количество участников Петровской сельскохозяйственной ярмарки 1924–1927 гг. [5, л. 175]

В 1924 году под балаганы было занято 143 места, в 1925 — 289 мест, в 1926 — 290 мест, в 1927 — 296 мест [5, л. 175].

Государственные, кооперативные организации и частные фирмы и лица имели товаров на 600 тыс. руб. и сделали оборот в размере 352 тыс. 173 руб. 63 коп. [5, л. 175 об.].

В ярмарке 1927 года приняли участие кустари — крестьяне Пермского, Кунгурского, Сарапульского округов и из гор. Елабуги в количестве 46 чел.

Предприятия, имеющие культурно-просветительские цели:

1) Кустарная выставка, организованная Промотделом и Селькустсоюзом, которую посетило до 15010 чел.;

2) Уголок Осоавиохима с выставкой книг, предметов и орудий химической войны, военные принадлежности, который посетило до 12000 чел.;

3) Окредеткомиссия, организовавшая беспроигрышную лотерею.

Городским Шефобществом была организована изба-читальня, которую посетили: 509 крестьян, 1012 рабочих, 698 служащих, 790 учащихся, всего 3009 чел. По итогам проведения ярмарки был отмечен успех работы стрелкового тира [5, л. 177].

Первой, самой существенной особенностью указанных ярмарок, главным образом Петровской ярмарки, как и всех ярмарок настоящего момента, является сразу изменившийся по сравнению с довоенным временем состав торговавших на ярмарке фирм и организаций.

Главными деятелями и участниками обеих ярмарок в г. Перми оказались, в силу сложившейся экономической ситуации, госторговые предприятия. На втором месте по оборотам стоит кооперативная торговля. Размеры частного капитала на Петровской ярмарке были незначительны, а на Евстафьевской — удельный вес частной торговли оказался значительно больше. Но все же развернувшийся ярмарочный торг и той и другой ярмарок показал экономическую мощь государственной и кооперативной торговли и весьма существенным образом отразился на оптовых ярмарочных сделках.

Заканчивая обзор результатов ярмарочной торговли обеих ярмарок, на основании имеющихся данных, можно утверждать, что опыт Петровской и Евстафьевской ярмарок, был удачным, стал важнейшим фактором сближения города с деревней и восстановления народного хозяйства, внес значительный вклад в улучшение торговых оборотов, возобновление и укрепление утраченных связей между регионами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приложение к протоколу № 88 заседания президиума Окрисполкома от 28.09.1925, в том числе положение о Евстафьевской ярмарке в г. Перми. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-122. Оп. 1. Д. 230.
2. Пермь торговая: Рынок — это целый мир / Н. П. Баяндина и др. Пермь: Пушка, 2002. 171 с.
3. Положение и постановления Пермского окрисполкома об организации Петровской ярмарки, протоколы заседаний ярмарочного комитета и др. 01.01.1925–31.12.1925 // ГАПК. Ф. р-55. Оп. 1. Д. 28.
4. Циркуляр Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли об организации Комитетов Содействия Нижегородской Ярмарки в 1926 г.; об открытии в г. Перми Петровской 2-недельной ярмарки в 1926 г. Положение о Петровской ярмарке и Евстафьевской ярмарке. 1926 г. // ГАПК. Ф. р-134. Оп. 1. Д. 266.
5. Переписка, положения, планы и отчеты по проведению ярмарок в г. Перми. Списки кустарей, выступавших на Петровской Ярмарке в 1927 г. в г. Перми. 1927 г. // ГАПК. Ф. р-134. Оп. 1. Д. 268.
6. Ярмарки в г. Перми (Петровская и Евстафьевская) 1924 г. // ГАПК. Ф. печ. изд. № 3772.
7. Белослудцева В. В. Ярмарочная торговля в Перми и Пермском округе в годы НЭПа // Оригинальные исследования (ОРИС). 2022. № 12. С. 214–218.
8. Брауде Х. И. Частная торговля / Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР / под ред. А. М. Гинзбурга. М.; Л.: Промиздат, 1927. 576 с.
9. Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929). СПб.: Евразия, 2021. 317 с.
10. Дмитренко В. П. Торговая политика советского государства после перехода к НЭПу. 1921–1924 гг. М., 1971. 269 с.
11. Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: монография / Мин-во науки и высшего образования Рос. Федерации. Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 604 с.
12. Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы / Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 118–147.

Ю.С. КОЛЧАНОВА

Пермский государственный институт культуры

**«ОБ ЭТИХ ОРДЕНАХ СЛИШКОМ МНОГО РАСПИСАНО...»:
ПУБЛИЧНЫЕ ОБРАЗЫ КРУПНОГО СОВЕТСКОГО
ХОЗЯЙСТВЕННИКА И. И. ПОБЕРЕЖСКОГО
(ПО ФОТОМАТЕРИАЛАМ 1930-х ГОДОВ)**

Аннотация. В статье на основе фотоматериалов, находящихся в свободном доступе, и архивных документов рассматривается изменение способов публичной визуальной презентации представителей сталинской хозяйственной номенклатуры в 1933–1938 годы. В фокусе исследования – официальные портреты директора завода № 19 им. Сталина И.И. Побережского (1897–1938). Делается вывод об эволюции официального советского стиля во время второй пятилетки от пролетарской кепки к фуражке военного образца или мягкой шляпе; от кургузого пиджака к военному френчу со знаками различия и орденами или сшитому на заказ добротному двубортному костюму из хорошего сукна. Фотопортреты И.И. Побережского демонстрируют этот процесс.

Ключевые слова. Советское общество; 1930-е годы; фотодокументы; И.И. Побережский; Завод № 19 им. Сталина; г. Пермь.

J.S. KOLCHANOVA

Perm State Institute of Culture

**“TOO MUCH HAS BEEN WRITTEN ABOUT THESE MEDALS...”:
PUBLIC IMAGES OF A MAJOR SOVIET
INDUSTRIALIST I.I. POBEREZHSKOGO
(BASED ON PHOTOGRAPHIC MATERIALS OF THE 1930-s)**

Abstract. Based on freely available photographic materials and archival documents, the article examines the changing ways of public visual presentation of representatives of Stalin's industrial nomenclature in 1933–1938. The study focuses on the official portraits of I.I. Poberezhsky (1897–1938), the director of Stalin's Plant No. 19. On the basis of historical analysis, a conclusion is made about the nature of the evolution of the official Soviet style during the Second Five-Year Plan: from a proletarian cap to a military-style cap or a soft hat; from a snug jacket to a military french coat with decorations and medals or a tailor-made good double-breasted suit made of good cloth. I.I. Poberezhsky's photographic portraits demonstrate this process.

Keywords. Soviet society; 1930s; photo-documents; I.I. Poberezhsky; Stalin Plant No. 19; Perm city.

Изучать историю советского города эпохи сталинской индустриализации можно по-разному. Всё зависит от исследовательского фокуса, наведенного либо на макросюжеты, раскрывающие развитие советской промышленности в годы первых пятилеток, либо на отдельные фрагменты производственной жизни. Переход на микроисторический уровень исследования подразумевает выбор адекватных ему методов и техник исследования, позволяющих разглядеть «под микроскопом» отдельные детали, невидимые при общем рассмотрении.

В статье французских исследователей утверждается: «Ныне повсеместно распространяется история одежды как социальное, культурное и политическое явление, ядром которого служат нормы и практика одежды социальных групп» [11, р. 13]. В данной статье предлагается на основании архивных фотоматериалов представить способы презентации государственного и профессионального статусов «командармов тяжелой промышленности». Для решения этой задачи подвергнем анализу несколько официальных фотографий директора завода № 19 имени Сталина И. И. Побережского.

Иосиф Израилевич Побережский (1897–1938) был одним из организаторов советской авиамоторной промышленности. О времени его первичной социализации известно немного: выходец из мещанской среды, до революции поступил в Петроградский коммерческий институт, но в скором времени его бросил, торговым деятелем не стал. 1917-й год Побережский провел в статусе португальца-юнкера 3-й Петергофской школы прапорщиков до роспуска школы, после чего вернулся в родной Elizavetgrad, где сотрудничал с большевиками и вступил в РКП(б) в 1920 г. Через три года после вступления в партию он начал службу в РККА, после которой у него осталось два ордена Красного знамени «за отличие в боях с басмачами». Оставив армейский опыт, Побережский сел за парту инженерного факультета Военно-Воздушной академии имени Жуковского в 1924 году. Мы ничего не знаем об его учебных успехах на факультете. Не знаем и то, насколько Побережский был хорош в качестве инженера-конструктора. Ценили его за другое — организаторские

Фото № 1. Вырезка из газеты «За качество и темпы» со статьей «Новый директор завода Побережский И. И.» 4 октября 1933 г. [3]

и административные способности. На руководящие должности его выдвинули спустя несколько месяцев после окончания академии. В 1930 году И.И. Побережский возглавил завод № 24 в Москве, а в 1933-м был переведен на должность директора завода № 26 в Рыбинске, где проработал несколько месяцев до назначения директором строящегося в Перми нового завода № 19 по производству авиамоторов по лицензии американской фабрики «Райт» [1, с. 192–197; 2].

В рыбинской заводской многотиражке «За качество и темпы» в октябре 1933 г. был размещен материал о новом директоре: краткая биографическая справка и ретушированная фотография И. И. Побережского.

Рассмотрим детально газетное изображение. На нем видим человека в штатском, одетого как многие советские интеллигенты: немного мятый пиджак (сложно определить, однобортный или двубортный) с широкими лацканами, под ним обычная белая сорочка и неаккуратно повязанный галстук; из нагрудного кармана небрежно выглядывает то ли белый платок, то ли часть бумажного листа. Особое внимание привлекает кепка. Именно она маркирует образ, близкий к пролетарскому и простому. И.И. Побережскому на этом изображении не достаёт важности и солидности. Ответственные работники, подражая И.В. Сталину, носили фуражки военного образца. Предположим, что именно фуражка смогла бы придать статусность образу директора завода. На пиджаке нет ни одного ордена.

Взгляд из-под кепки устремлен вперед, уверенный и цепкий. Неулыбчивое худощавое лицо, плотно сжатые губы. Этнические черты не выражены. Иосифа Израилевича Побережского на этом изображении скорее можно принять за представителя поволжских народов — татарина или марийца.

Спустя два года, в 1935 году, заводской фотограф создал портрет директора завода № 19 им. Сталина.

Фото № 2. И. И. Побережский. 1935 г. [4]

Складывается впечатление, что на этой фотографии изображен другой человек — властный, уверенный в себе: жесткий взгляд, волевой подбородок, гладко выбритое лицо. Можно подумать, что перед нами портрет советского военачальника в полном обмундировании.

Обратим внимание на петлицы. На них нет знаков различия: ни ромбов, ни шпал. В 1935 году проходила переаттестация военных кадров. Командиры РККА получили персональные военные звания. Процесс затянулся на два года. В момент съемки И.И. Побережский звание военинженера первого ранга еще не получил.

Он одет в хорошо выглаженную шерстяную гимнастерку высшего командного состава. Слева над нагрудным карманом в соответствии с уставными требованиями РККА размещены три ордена: Красного Знамени, Красной Звезды

и Красного Знамени Хорезмской республики. Militarистский стиль образа нарушает колпачок «вечного пера», заметный в правом кармане гимнастерки.

Как справедливо отметил И.К. Кирьянов, «...пиджак в силу комплекса политико-экономических, социокультурных и символических обстоятельств не выдержал конкуренции с милитаризированными формами одежды, в частности, с кожаной курткой (Я.М. Свердлов, Л.Д. Троицкий) и френчем (И.В. Сталин)» [5, с. 267].

Фото № 3. И. И. Побережский. 1937 г. [6]

Вот еще один фотопортрет И. И. Побережского — снимок 1937 года. На этой фотографии видим уверенного в себе человека с властным патрицианским взглядом, обращенным поверх объектива. Все своим внешним видом он предъявляет свое высокое социальное положение. За два года после времени, когда был сделан предыдущий фотоснимок, Побережский изменился: поправился, лицо округлилось, немного полысел. На этом фото он выглядит старше, может быть, даже не на свои 40 лет. Он одет в военную форму со знаками различия военинженера первого ранга. На мундире в строго определенном порядке размещены правительственные награды, в том числе полученный в декабре 1936 г. орден Ленина. И.И. Побережский орденами гордился, надевал их не только на парадный мундир, чем немало раздражал местных

партийных начальников: «Побережский (директор завода им. Сталина) прикрывает своими орденами негодных (или не наших людей)» [7, л. 84]. И.И. Побережский был, по всей вероятности, самым награжденным из директоров оборонных заводов, соревноваться с ним могли только герои-летчики или высшие военачальники РККА.

Фото № 4. И. И. Побережский (в центре) с группой инженеров в командировке в США на заводе «Райт». Крайний слева — конструктор А. Д. Швецов. 1933 г. [4]

На этой фотографии советских инженеров не отличить от их американских коллег. Они одеты rispetабельно и не по-советски: в добротные двубортные пальто, застегнутые на все пуговицы, или, как у Швецова, нараспашку; в белые сорочки с модными узкими галстуками; на их головах мягкие шляпы с высокой тульей фасона «бристоль». Обратим внимание на белый шарф, повязанный на шее Побережского. Можно предположить, что эта деталь гардероба заменяет ему петлицы и ордена и отличает от остальных. На этом любительском фотоснимке инженеры держатся непринужденно, свободно, даже расслабленно: руки держат в карманах, головы повернули в разные стороны, стоят не одним рядом и уж точно не по стойке смирно. И. И. Побережский больше похож на преуспевающего бизнесмена, чем на советского директора. Этот фотоснимок оставляет впечатление, что Побережский и его коллеги чувствуют себя в США вполне комфортно.

У каждой фотографии есть своя история. Начнем с первой. Газетная фотография И. И. Побережского (Фото № 1), на наш взгляд, представляет собой визуальную самокритику, очень редко встречающуюся. На должность директора завода № 26 в г. Рыбинске Побережского перевели с понижением, освободив от обязанностей начальника Центрального института авиамоторов (ЦИАМ). Руководству не понравилось его поведение во время партийной чистки. В газете «Красная Москва» эта процедура была представлена как триумф «краснознаменца Побережского»: «Огромнейший зал, в котором идет собрание по чистке большевиков завода ЦИАМ, еще не видел в своих стенах такого количества людей. Сплошной людской лавиной захлестнут он до краев. Несколько сот человек напряженно слушают автобиографию Начальника ЦИАМ, члена ВКП(б) т. Побережского. Чистка транслируется по радио во все цеха. Во дворе возле мощного радио рупора-динамика собралась толпа рабочих, которых не вместили стены зала <...> Партия вырастила стойкого большевика, партия обогатила его революционный опыт техническими знаниями, партия доверила ему руководство мозгом авиамоторной промышленности и Побережский с честью справляется с порученной ему работой. Бурей аплодисментов проводили рабочие большевика-краснознаменца Побережского с трибуны чистки» [8].

Побережскому пришлось оправдываться: «Оригинал статьи тов. Яцук “Краснознаменец Побережский”. Статья написана в чрезвычайно слащавом тоне. В ней совершенно упущено большинство темных и просто неудовлетворительных сторон работы Института и моего личного руководства <...> P.S. Т (ов). Булаев! Я, понятно, этих материалов до их опубликования не читал и вообще о них не знал» [9, л. 26–27].

Сохранить прежнюю должность ему не удалось, но урок Побережский усвоил и сделал соответствующий вывод. Фотография в заводской многотиражке «За качество и темпы» изобразила скромного советского служащего, отнюдь не «краснознаменца»: «Вообще же об этих орденах слишком много написано...» [9, л. 26]. Поэтому для газетной съемки новый директор Рыбинского завода не стал надевать ни военный мундир, ни государственные награды. Он их как будто стесняется,

а на самом деле объясняет партийному руководству, что он исправился, проявил скромность, как подобает настоящему большевику.

Вторая история произошла не с И.И. Побережским, а с Арсением Логиновым, работавшим парторгом ЦК ВКП(б) на заводе № 19 уже при новом директоре В. М. Дубове в 1938 году. Логинов был убежден в том, что Побережский был немецким и американским шпионом, вредителем и врагом народа: «Мы ночами с В.М. сидели в их вагоне и читали /написанные рукой Побережского/ эти признания немецкого шпиона с 1923 г. и американского с 1932 года. Основные признания. Он сын помещика, в Гражданскую войну обманным путем вступил в партию и дошел до нач. политотдела дивизии. По тем же документам поступил в ВВА им. Жуковского /первого приема/ и был назначен сразу директором завода, а при организации пермского завода стал его директором <...> (Им) была создана неофициальная группа, преимущественно из еврейской и других национальностей, которая должна была всеми силами создавать авторитет директору завода и докладывать о неугодных ему лицах. Были “агенты” в горкоме партии, в горисполкоме и НКВД города. Называются их фамилии. Многие из числа арестованных» [10, л. 6–7].

Спустя сорок лет у Логинова никаких сомнений насчет «сына помещика» не возникало до тех пор, пока он в 1983 году не приехал в Пермь и не посетил музей завода им. Свердлова (бывший завод № 19): «Но скажу Вам, Татьяна Игоревна, что с тех пор и до прихода в музей завода 20 декабря 1983 г. я был уверен, что Побережский — враг народа. Если бы я лично не видел его фото, я никому бы не поверил, что он реабилитирован» [10, л. 7].

В экспозиции заводского музея была выставлена фотография И.И. Побережского 1937 года со всеми регалиями и орденами (см. Фото № 3). Для старого партийца публичная презентация портрета «вредителя», «шпиона», «скандалиста» означала его полную реабилитацию, стало быть, очищение от всех обвинений, даже в самодовольстве, в преследовании за критику и «иезуитизм».

Подведем итоги. В публичной визуальной презентации И.И. Побережского отражаются как его индивидуальные черты, так и черты культуры властвующей элиты в 1930-е годы. В первой половине десятилетия, вплоть до «Великого отступления» (Н. С. Тимашев), господствовал квазипролетарский стиль одежды, опрошенные манеры поведения и языковые практики. Иными словами, кургузая кепка на голове свидетельствовала о правильном происхождении и большевистском мировоззрении, о готовности слиться с массами. Речь идет о своеобразной социальной мимикрии, маскировавшей реальное неравенство.

В середине 1930-х годов стиль изменился и стал более разнообразным. Наряду с милитаристскими образцами в культуре (мундир или френч, ордена и командный взгляд) присутствовали иные варианты (мягкие шляпы, галстуки в сочетании с белыми сорочками, длинные пальто), сконструированные на манер героев американских фильмов.

И.И. Побережский выбрал military стиль, более соответствующий его личностным ориентациям, должностным обязанностям и способам поддержания высокого социального статуса в социокультурной среде уральского города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колдушко А. В. Директора оборонных заводов г. Перми (1937–1938 гг.): социальный портрет // Город Пермь в промышленном развитии России: исторически опыт и современный потенциал: материалы науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 192–197.
2. Лейбович О. Л. Охота на красного директора. Пермь: Титул, 2017. 320 с.
3. Рыбинский музей-заповедник. Коллекции онлайн. URL: [/http://iss.rybmuseum.ru/entity/PERSON/3974426](http://iss.rybmuseum.ru/entity/PERSON/3974426) (дата обращения: 03.10.2023).
4. Музей авиаторов. Наши люди. URL: https://vk.com/wall-155656580_1711 (дата обращения: 03.10.2023).
5. Кирьянов И. К. Символические коды пиджака в отечественных политических коммуникациях XIX — начала XXI в. // Вестник культурологии. 2023. № 2. С. 259–271.
6. Последнее фото И. И. Побережского, 1937 г. // Мужество науки. URL: <https://sharashka.su/repressii-protiv-uchyonyh/> (дата обращения: 03.10.2023).
7. Ложкин — бюро Горкома ВКП(б). 19.02.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1364. Л. 84.
8. Яцук А. У кузницы авиаторов — проверенный большевик // Красная Москва. 18.08.1933.
9. Побережский — Председателю комиссии по чистке Булаеву. 20.08. 1933 // Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 21. Д. 2484. Л. 26–27.
10. Письмо А. Логинова — Силиной Т. И. 05.02–06.02.1988. Копия. Машинопись // Личный архив Г. А. Станковской. Л. 6–7.
11. Burger-Roussennac A., Pastorello T. Se vêtir de/en politique. Quelques usages politiques du vêtement // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2015. № 129. P. 11–17.

«НЕМЕЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ» В ПЕРМИ (1937–1938 ГОДЫ)

Аннотация. В статье сформулированы подходы автора к отбору архивно-следственных дел для исследования, реконструированы механизмы проведения «немецкой операции» 1937–1938 годов. на примере г. Перми. Автор описывает социальный портрет репрессированных в рамках национальной операции, выделяя несколько целевых групп с различными социальными характеристиками. Исследована динамика проведения «немецкой» операции, на основе тщательного анализа архивно-следственных дел автором выделены методы «конструирования» шпионско-диверсионных организаций сотрудниками НКВД.

В результате исследования сделан вывод о сходстве модели проведения «немецкой» и «кулацкой» операции на территории г. Перми.

Ключевые слова. Национальная операция; «немецкая» операция; большой террор; репрессии; сталинизм; Прикамье.

А.А. KOLDUSHKO

Perm National Research Polytechnic University

“GERMAN OPERATION” IN PERM (1937–1938)

Abstract. The article formulates the author’s approaches to the selection of archival investigative cases for research, and reconstructs the mechanisms of the “German operation” of 1937–1938. using the example of Perm. The author describes the social portrait of those repressed as part of the national operation, identifying several target groups with different social characteristics. The dynamics of the “German” operation have been studied; based on a thorough analysis of archival investigative files, the author has highlighted the methods of “constructing” espionage and sabotage organizations by NKVD employees.

As a result of the study, a conclusion was made about the similarity of the model of the “German” and “kulak” operations in the territory of Perm.

Keywords. National operation; “German” operation; great terror; repression; Stalinism; region “Prikamye”.

«Немецкая» операция, одна из волн так называемых «национальных» операций, проводилась на всей территории СССР в 1937–1938 годах. Немецкой операцией обычно называют репрессии против германских граждан по Приказу НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР». Согласно Приказу, требовалось «начиная с 29 июля с.г. приступить к арестам всех установленных вами германских подданных, работающих на военных заводах и на заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов, в том случае, если они проживают на территории Вашей республики, края или области» [1, с. 267]. Вместе с тем было указание «вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других

государств, немедленно арестовывать, независимо от их места работы» [Там же]. В дальнейшем этот приказ был распространен и на советских граждан, имевших немецкую национальность (или просто «немецкую» фамилию).

Противоречивость указанных в приказе категорий, подлежащих аресту, породила разнообразие научных подходов к изучению «немецкой» операции [подробнее см.: 2]. Согласно первому из них к жертвам немецкой операции относят только тех, кто был осужден Комиссией Народного Комиссара Внутренних дел и Прокурора СССР (так называемая «двойка»), а с 17 сентября 1938 г. — осужденных особой (национальной) тройкой [3, с. 85]. Историк А. Ватлин предложил вовсе отказаться от этнического фактора, а жертвами национальной операции считать только тех, кто проживал в Германии постоянно, а также прибывших в Россию после окончания Первой мировой войны [4].

Основным источником исследования стали архивно-следственные дела из фондов Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ). Критерием отбора дел являлась национальность, указанная в анкетах архивно-следственных дел. В базе данных репрессированных Прикамья есть сведения о 509 немцах, арестованных в период проведения операции в рамках приказа № 0439 (1937–1938 гг.), из них 88 человек были арестованы в г. Перми. Конечно, анкетный критерий отбора не идеален, поскольку в связи с необходимостью проведения «немецкой операции» с легкой руки следователя НКВД немцами могли стать люди, просто имевшие нерусскую фамилию. Однако тщательное изучение дел показало, что случаи изменения национальности на «нужную» следователю единичны, в пределах статистической погрешности. При использовании такого критерия отбора жертв есть возможность определить этапы немецкой операции, исчерпывающую динамику арестов, сроки ведения следствия, динамику вынесения приговоров и другие статистические характеристики этнической группы, подвергнувшейся аресту по немецкой операции.

Динамика арестов. В г. Перми массовые аресты пришлось на декабрь 1937 г. и февраль 1938 г., тогда как в целом по Прикамью наблюдалось несколько всплесков активности арестов: октябрь, декабрь 1937 г., январь, февраль, март 1938 г. На допросе 25 апреля 1939 г. бывший помощник начальника УНКВД по Свердловской области Боярский сообщал, что в декабре 1937 г. «были получены дополнительные указания НКВД СССР о продолжении этой операции». В свою очередь Д. М. Дмитриев, начальник УНКВД по Свердловской области получив эти указания, «нашел проведенные к этому времени аресты по количеству недостаточными и предложил аппарату НКВД провести работу по дополнительному выявлению этого контингента лиц» [5, л.136]. Дмитриев указал также пути пополнения контингента арестованных: «высланные кулаки, т.н. трудпоселенцы, являются основным контингентом, на котором надо сосредоточить внимание всего оперативного аппарата с целью выявления агентуры иностранных разведок и подвергать их аресту» [5, л. 136]. Именно так и произошло: основная волна арестов немцев-трудпоселенцев приходится на январь – февраль 1938 г. [6] (рис. 1).

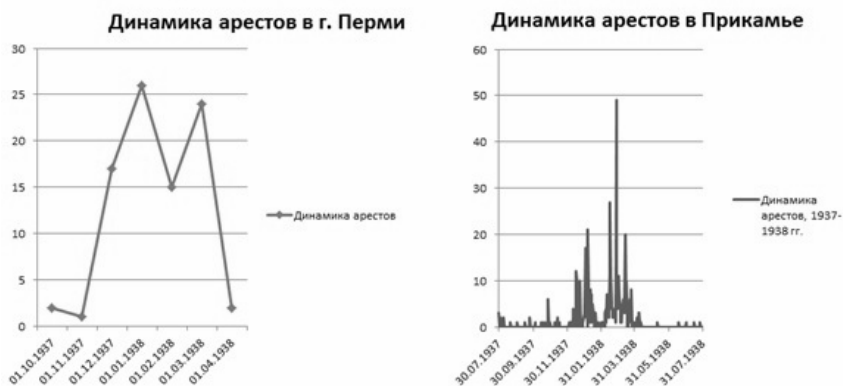

Рис. 1. Сравнительная динамика арестов в г. Перми и в Прикамье [подсчитано по: 7]

Приговоры. Анализ приговоров, вынесенных арестованным в ходе «немецкой» операции, показал, что к высшей мере наказания было приговорено 23 человека (26%), 9 человек (10%) приговорены к сроку заключения в 10 лет, а в отношении 54 человек (62%) дело было прекращено. По сравнению с аналогичными данными по Прикамью в целом, статистически значимых отличий нет: в Перми чуть выше процент прекращенных дел.

Социальный портрет. Профессиональный состав арестованных весьма разнообразен: от директоров заводов до ассенизаторов. Обращает внимание большое количество представителей интеллигенции: учителей, преподавателей, врачей. С этим связаны и особенности уровня образования. Так, четверть арестованных имели начальное образование, 45% — среднее, 16% — высшее и неоконченное высшее.

Механизмы конструирования операции. В Перми «немецкая» операция осуществлялась по тому же сценарию, что и кулацкая операция 1937–1938 годов [8, с. 306–311]. Хронологически операции наслаивались друг на друга, да и реализовывались, собственно, одними и теми же сотрудниками НКВД. Нужна была простая для реализации технология выявления потенциальных жертв операции по инобазе. Первый источником стали трудпоселенцы (см. выше), далее Дмитриевым были найдены и другие пути выявления лиц инонациональностей — «через спецчасти на предприятиях, учреждениях и учебных заведениях» [9, л. 136].

Обратимся к показаниям арестованных сотрудников НКВД: «Сотрудники Пермского ГО НКВД применяли всевозможные противозаконные методы к арестованным в целях создания шпионско-диверсионных и других повстанческих организаций. При создании таких организаций за основу брали не состав преступления, а национальную принадлежность арестованных, подданство, бытовое знакомство, а иногда и родственные отношения арестованных» [9, л. 147]. Наиболее грамотные арестованные назначались руководителями организаций, а остальные — рядовыми ее членами. В протоколы записывалось, что арестованный

«завербован иностранной разведкой и по заданию последней вел шпионскую работу, а также диверсию. Для объединения несуществующей диверсионно-шпионской группы выбирали из числа арестованных более развитого человека, которому руководителем Пермского горотдела [НКВД. — А. К.] в лице Легоцкого, Былкина, Королева и Лизунова писали развернутые протоколы как руководителям этой группы» [там же].

Известно, что для направления следствия по этим делам «в январе месяце Легоцким была спущена схема организационного построения этой организации. <...> чертил ее Легоцкий и для этой цели он специально приглашал чертежника с завода № 10 или с завода № 19» [9, л. 150]. Эта схема должна была служить основой для составления протоколов допросов.

Попробуем реконструировать одну из подобных схем на примере архивно-следственного дела Я. И. Шмидта (рис. 2).

Рис. 2. Схема реконструкции шпионско-диверсионной группы в г. Перми (на основе протоколов допроса архивно-следственного дела Я. И. Шмидта) [10]

В основу сценария деятельности шпионско-диверсионной группы был положен религиозный фактор. Так, ядром группы, по идее пермских следователей НКВД, стал некто Якобсон, глава лютеранской общины. Согласно протоколу допроса Я. И. Шмидта от 21 января 1938 г. «лютеранская община в Перми начала существовать задолго до Октябрьской революции. После революции в связи с значительным отъездом из Перми эта община распалась. В 1928 году в гор. Пермь приезжал под видом корреспондента немецкой газеты “Фо Цейтунг” агент немецкой разведки Вейтшлегер, он установил с Якобсоном связь, и договорился под видом восстановления общины, объединить немцев для шпионской и подрывной деятельности на территории СССР, в пользу Германии» [10, л. 12]. Якобсону в этой схеме была отведена роль вербовщика: первым был завербован О. И. Триллер, который «через Краузе собирал шпионские сведения по заводу № 19, а через свою сестру Триллер Эмму Ивановну он получил шпионские сведения по заводу № 10» [10, л. 14].

Роли были распределены следующим образом. А. Ф. Ананьева (Правильно Ананьина. — А. К.), работавшая машинисткой на станции Пермь II, «путем печатания лишнего экземпляра документов собирала сведения о количестве грузов, идущих с оборонных заводов Перми и Молотова, о прохождении воинских эшелонов на Дальний Восток и данные о грузообороте Пермского узла» [10, л. 15]. Ю. А. Кюнцель из пединститута и И. В. Шмидт из мединститута было «поручено выявить из числа молодежи лиц враждебно настроенных к советской власти и создать из них боеспособную террористическую группу» [10, л. 14]. Э. В. Генних, работая в авиационной школе, «сообщал Якобсону данные о количественном составе курсантов, видах их подготовки, количестве и марках самолетов, которыми владеет школа» [10, л. 14–15]. К. К. Гопше, работая в Горздравотделе «по заданию Триллера, приобретал сильнодействующие ядовитые реактивы для проведения массового отравления населения г. Перми в период войны СССР с Германией» [10, л. 15]. А. К. Гампер и Э. Э. Гампер отвечали «за организации конспиративных встреч Якобсона с членами организации» [10, л. 14–15].

Далее деятельность шпионско-диверсионной группы насыщалась деталями. В частности, деятельность Г. Г. Аузина (Аузен. — А. К.), работника Гортеатра, заслуживает отдельного внимания. В протоколе допроса сообщалось, что в 1933 году в г. Пермь приезжал председатель Совнаркома СССР Молотов, он посетил ряд предприятий г. Перми, завод им. Молотова (на самом деле В. М. Молотов был в Перми лишь дважды — в 1919 и в 1932 годах. Вероятно, речь шла о втором визите — А. К.). «Мы предполагали, что в гортеатре будет созвано торжественное заседание партактива с выступлением Молотова. В связи с этим Аузин готовился совершить террористический акт. Но это не удалось вследствие отмены торжественного заседания. По своей должности Аузин выполнял в театре все работы, связанные с установкой декораций и по этой причине всегда находился за кулисами сцены. По плану Якобсона Аузин обязан был установить стол для президиума торжественного заседания и трибуну для ораторов непосредственно под полотнищами декораций поднятых над сценой на высоту ок. 10 метров. В момент выступления Молотова с трибуны или из-за стола президиума Аузен должен был перерезать веревки

удерживающие декорации, чем вызвать их одновременное обрушение на стоящих в президиуме и выступающего с трибуны» [10, л. 13].

Судьба действующих лиц сценария, созданного сотрудниками Пермского городского отдела НКВД, сложилась по-разному. Так, в отношении арестованных О. И. Триллера, Г. Г. Аузина, Г. Н. Краузе, Ю. А. Кюнцель, И. В. Шмидт, Э. В. Генниха, А. К. Гампера и Э. Э. Гампера дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Однако И. В. Шмидт уже в 1942 г. была приговорена к 8 годам лагерей за антисоветскую агитацию. А. К. Гампер до последних дней пытался вернуть утраченное имущество [11], изъятое в ходе обыска, и квартиру, в которую заселился сотрудник НКВД. Два человека — Я. И. Шмидт и К. К. Гоппе — были приговорены к высшей мере наказания, а А. Ф. Ананьина была приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Подведем итоги. Жертвами немецкой операции в г. Перми в основном были граждане СССР, имевшие «немецкую» фамилию. В первую очередь мишенью для ареста стали представители интеллигенции: медицинские работники, инженеры, работники сферы образования. К особенностям немецкой операции в Перми можно отнести высокую долю освобожденных на этапе следствия, компактный по динамике характер операции, механизмы ее конструирования на основе религиозного компонента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оперативный приказ НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР». 25 июля 1937 г. // История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 267–268.
2. Колдушко А. А. Основные подходы к пониманию национальной («немецкой») операции 1937–1938 годов в отечественной и зарубежной историографии // Технологос. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-podhody-k-ponimaniyu-natsionalnoy-nemetskoj-operatsii-1937-1938-godov-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-istoriografii> (дата обращения: 11.09.2023).
3. Жданова Г. Д. «Немецкая» операция 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Память, ответственность и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию депортации российских немцев. Барнаул, 10–11 сентября 2011 г. Барнаул, 2011. С. 79–88.
4. Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области в 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 342 с.
5. Копия протокола допроса В. А. Боярского 25 04 1939 // Пермский государственный архив социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ). Ф. 641/1. Оп.1. Д.11929.
6. Колдушко А. А. «Арестован согласно установкам области как по национальности немец»: репрессии против немецко-трудпоселенцев Прикамья в 1937–1938 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 1. С. 105–109.
7. Реабилитированные жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-е гг. URL: <https://www.permgaspi.ru/repress/> (дата обращения: 11.09.2023).
8. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 318 с.
9. Справка о АСД (архивно-следственном деле — А. К.) № 796219 по обвинению Былкина В. И., Королева М. П. и др. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д.11929.
10. Протокол допроса обвиняемого Шмидт Я. И. от 21 01 1938 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп.1 Д. 12734.
11. Колдушко А. А. Антон Карлович Гампер: человек против системы // Государство, общество и личность: уроки прошлого, конструирование будущего. Пермь, 2013. <https://petersburger-dialog.ru/files/koldushko.pdf>.

А.А. КОНСТАНТИНОВ*Пермский филиал Волжского государственного университета водного транспорта***ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА КАМСКИХ РЕЧНИКОВ
В 1920–1930-Е ГОДЫ**

Аннотация. Статья касается вопросов формирования и эволюции идентичности речников (работников речного флота) Прикамья. Автор рассматривает данный процесс через актуализацию традиционных, «советских» и альтернативных идентификационных элементов. Социальный облик понимается исследователем как совокупность социально-демографических, нравственно-этических, духовно-ценностных, психоэмоциональных, поведенческих и иных характеристик анализируемой профессионально-корпоративной и территориальной общности.

Ключевые слова. Речники, капитаны, команды судов, Камское речное пароходство, социальный облик.

A.A. KONSTANTINOV*Perm branch of the Volga State University of Water Transport***EVOLUTION OF SOCIAL APPEARANCE OF KAMA REGION
RIVER TRANSPORT EMPLOYEES IN 1920s-1930s**

Abstract. The article is devoted to the issues of Kama region river transport employee's identity formation and evolution. The author examines this process through the actualization of the "Soviet" and alternative elements. The social image is understood as a set of socio-demographic, moral-ethical, spiritual-value, psycho-emotional, behavioral and the characteristics of the analyzed professional, corporate and territorial community.

Keywords. River transport employee, captains, ship crews, Kama River Shipping, social image..

На труде и образе жизни речников (представителей разных профессий, занятых работой на речном транспорте) первых послереволюционных десятилетий сказывалось наследие прошлого. Характеристика выдвиненцев служит тому подтверждением: у одних — «наличие богатого практического судоводительского опыта... при полной теоретической безграмотности...»; у других — «попытки к теоретической подготовке и почти безграмотность по освоению практических процессов в работе судна...» [1]. Исключения, объясняемые усиленным самообразованием, были редки. На страницах пермской прессы можно было встретить вот такие суждения: «...Основная масса судоводителей Камы обладает чрезвычайно низкой квалификацией. ...Ни один механик не имеет специальной подготовки» [2].

Перелистаем «личные дела» некоторых сотрудников Камского речного флота того времени. Константин Васильевич Глушков (1899–1984) — потомственный речник, сын комиссара РУПВОДа (районного управления водного транспорта) В. А. Глушкова начал бороздить реки с 13 лет — юнгой, матросом, кочегаром.

В Гражданскую войну он — уже старший машинист, добровольно вступил в Красную армию. Водил бронепоезд. Исколесил Северный Кавказ, Украину, Крым. Демобилизовавшись, вернулся к прежней профессии. В 1930 году вступил в ВКП(б) [3].

Г. В. Танцоров (1908–1944). Рано осиротел. Воспитывался в детдоме водников. С 14 лет, имея за плечами пять классов школы, работал юнгой, матросом, помощником капитана парохода «Молотов». Дослужился до капитана парохода «Веры Засулич». Не отличался особой дисциплиной. «Инициативность слабая, старается отгородиться». Самооценка завышена. Выдержка и настойчивость — удовлетворительные. Аттестован с оговоркой: «Надо продолжать учиться, иначе на этой группе судов быть не может» [4]. Прошёл трёхмесячные курсы пропагандистов. В 1931 году вступил в партию; был исключён из неё, восстановлен и снова исключён. Пьянство, дебоши, аварии привели его на скамью подсудимых. Вернувшись после полугодового пребывания в местах лишения свободы, не будучи допущен к командным должностям и не получив брони, был призван в армию. Геройски погиб [5].

Схожий путь на капитанский мостик прошел уроженец прикамского села Слудка, давшего династию речников-сплавщиков, беспартийный Ф. В. Трубилов (1899–1978).

Вписывается в общую картину траектория жизни и карьеры А. Н. Златогорского (1889–1942). Из рабочих. С шестнадцати лет — помощник машиниста буксира. Матрос-авроровец, большевик. В 1918 году — член Совета по управлению флотом. С тех пор в том или ином качестве находится на руководящей работе в волжско-камском бассейне. В 1931 году возглавил Камское речное пароходство. Прodelал большую работу по его развитию. При нём на Каму начали прибывать суда советской постройки, имевшие более высокие тактико-технические характеристики, чем дореволюционные. На пристанских причалах появились погрузчики-транспортёры. Некоторые товаро-пассажирские суда оборудовали механизмами для погрузки-разгрузки трюмов. Хотя многие грузовые операции приходилось еще выполнять с помощью тачек и крюков, уже виделось: объем ручного труда сокращается. Андрея Николаевича ценили, повышали по службе, перевели в центральный аппарат [6]. В 1937 году Златогорский был понижен в должности до начальника пристани. Затем уволен и исключен из партии. Арестован. На протяжении двух лет — узник ГУЛАГа. По освобождению — рабочий затона, механик конторы «Волготанкер». Погиб в результате несчастного случая.

Со временем квалификационные требования на всех уровнях возрастали, полномочия и ответственность ширились. Циркуляр Наркомата водного транспорта СССР определял их так (привожу выборочно). Капитан должен был иметь теоретическую подготовку «не ниже полного курса водных техникумов или бывших речных училищ или практический стаж не менее пяти лет в должности старпома». Он — «единоличный и ответственный руководитель». Среди стоящих перед ним задач, выделялись главные: содержание судна в должном состоянии; приём и увольнение членов команды; поддержание порядка и дисциплины («...не допускать среди пассажиров и, тем более, среди экипажа, пьянства, драк, азартных

игр, принимая своей властью необходимые меры, вплоть до снятия виновных с судна...»); выполнение промфинплана, «рационализация производственных процессов... в целях... снижения себестоимости продукции, с применением методов массово-производственной работы (ударничество, соцсоревнование)»; «наилучшее обслуживание и забота о пассажирах»; создание необходимых условий труда и быта команды; готовность выполнять боевые задания, включая перевозку войск; при аварии — спасение пассажиров (в первую очередь женщин и детей), кассы, документов, грузов, причём, при невозможности спасти судно, оставить его последним. Обязанности оставались и в межнавигационный период: оформлять дефектную ведомость, план-заказ и смету на ремонт, а по результатам последнего — акт приёмки.

Проблема повышение статуса судна, как функциональной единицы и её непосредственных руководителей решалась на уровне правительства: «Капитан и механик раньше не чувствовали себя хозяевами, были готовы смыться из своего хозяйства на фабрику или на завод, найти себе тихую житуху...». Теперь же капитан «становится центральной фигурой на речном транспорте». Наркомом утверждались назначение и снятие с должности (последнее «за редким исключением явного злоупотребления, когда капитан напьётся или нахулиганит») [7].

Показателен облик команды парохода «Вера Фигнер». 36 человек, из них ударников — 20, партиячейка состоит из пяти членов и кандидатов ВКП (б), организованы судоводительский и судомеханический кружки. Капитан К. А. Сатков пьянствует, подавая пример подчинённым. 5 июня во хмелю велит судовой официантке принести ему спиртного в каюту; пыгается её изнасиловать. Получив отпор, издаёт приказ об увольнении строптивницы. На разборе скандалов в парткоме пароходства заявляет: официантка «плохо работала, занималась проституцией», а «команда, выпив, работает лучше» [8]. Уличённый во лжи, тем не менее, отделался устным замечанием. Он же, пьяным стоя на вахте, бортом «проехался» по нефтеналивной барже, повредил кожух, гребное колесо и обшивку. Якобы осознал вину. Пообещал исправиться. Начальство и на этот раз слиберальничало: ограничилось предупреждением. Вскоре перегрузил с севшего на мель «Дмитрия Фурманова» пассажиров груз, почту и пошел было дальше. В результате, имея на борту 150 тонн груза и 638 пассажиров, осевший выше ватерлинии, тоже сел на мель. После четырех часов постоя кое-как снялся сам [9]. 26 сентября. Снова капитанская вахта. Снова пьян. Снова авария: судно на мели, вмятины в днище, погнут баллер руля. Кое-как разгрузились, чтобы буксиру легче было тащить. За буксиром же дотащились до Чистополя. Долго ремонтировались. Самооправдания — сглаженной некуда: «...Из-за тумана свернул руль и встал на ремонт» [10]. Ну, уж теперь-то, небось, придётся расплатиться сполна? Ничего подобного: строгий выговор, лишение премии.

Только ли на «Вере Фигнер» все так складывалось? Если бы! Так, капитан «Советской республики» коммунист Степан Порфирьевич Андрианов, тоже уличённый в сексуальных домогательствах, на заседании парткома «допустил непартийные выражения»: «Я могу использовать любую пассажирку на своём пароходе»; «Пил и пить буду!» [11].

Каким образом можно было повлиять на ситуацию? Порядок достигался не только и не столько репрессиями. Чёткой, научно обоснованной проработкой технологических процессов, материальными стимулами, политико-воспитательными средствами, кропотливой учебной и культурно-массовой деятельностью.

7 июля 1933 г. СНК СССР приняли постановление о рабочем времени и отдыхе работников водного транспорта. Впервые в законодательном порядке был определен порядок аварийных и авральных работ и предоставления дней отдыха плавсоставу за выходные и праздничные дни, которые приходились на период нахождения судов в плавании.

Неуклонно улучшалось материальное положение плавсостава. 20 октября 1934 г. издаётся приказ Народного комиссариата водного транспорта (НКВТ) «О закреплении кадров речного транспорта на межнавигационный период, обеспечения кадрами зимнего судоремонта и об установлении круглогодичного штата на судах речного флота». В постоянный штат были включены должности капитанов, старпомов, механиков, лоцманов, кочегаров, маслёнщиков, электриков, рулевых, мотористов.

Возрастала зарплата речников. Они получали в среднем 389 руб. (капитаны — свыше 400), значительно опережая железнодорожников (340 руб.). За перевыполнение плана устанавливались премии. На питание команд по отдельной статье отпускались денежные средства. Улучшались жилищные условия. Должность капитана с этого времени означает выделение квартиры или земельного участка с получением долгосрочного низкопроцентного кредита на постройку своего дома.

С целью поднять престиж профессии вводится форма, копирующая лучшие дореволюционные образцы, включая воротники-«гюйсы», бескозырки с названиями судов. На первомайских торжествах в Перми, марширующие команды судов Камского речного пароходства неизменно вызывали восторг и не в одном мальчишке подпитывали мечты о флотской профессии. Форму, правда, вскоре упростили, оставили только для комсостава.

Налицо было формирование профессионально-корпоративной гордости, стремление поддерживать имидж. Это видно на примере И. И. Ховрина. В беседе с автором этой статьи его сын вспоминал: «Отец гордился формой речника. Китель тёмно-синий, с до блеска начищенными пуговицами. Фуражку, чтобы не теряла форму, изнутри уплотнял свёрнутой в ленту газетой. Зимой — чёрная шинель».

Таким образом, в результате целенаправленной политики, в облике речников Прикамья за описываемый период произошли кардинальные изменения. Повысились их профессиональный уровень, социальный статус, уровень жизни, культура. Расширились источники пополнения кадров, произошли кардинальные сдвиги в образовательном уровне и квалификации, расширились возможности карьерного роста, как и уровня и образа жизни, социального статуса. Ведущими факторами этих процессов была политика Советского государства и правящей коммунистической партии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень Камского управления речного транспорта (далее — КУРТ). 1931. № 1. С. 28.
2. Звезда. 1938. 8 авг.
3. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 68. Л. 104.
4. ПермГАСПИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 68. Л. 42.
5. Музей Пермского филиала Волжского государственного университета водного транспорта. Ед. хр. 15/в.
6. ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 2. Д. 3-27; Дубилет Н. Большевик — авроровец А. Златогорский // Речной транспорт. 1978. № 11. С. 237; Бюллетень КУРТ. 1931. № 1. С. 2–4.
7. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф.2. Оп.1. Д. 696. Л.10. См. также: Бюллетень управления Волжского государственного речного транзитного флота. 1931. № 9. С. 17–22; № 13. С. 14–16.
8. ПермГАСПИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 53. Л. 128 об.
9. Центральный архив Новгородской области (ЦАНО). Ф. 4368. Оп. 1. Д. 486. Л. 1–8.
10. ПермГАСПИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 44. Л. 17.
11. ПермГАСПИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 53. Л. 14, 16 об.

Н.А. КНЯЗЕВА*Общество краеведов г. Перми***ПИОНЕРИИ СТРАНЫ СОВЕТОВ И ПРИКАМЬЯ 100 ЛЕТ¹**

Аннотация. В публикации рассматривается история детского пионерского движения в Перми и Прикамье. В центре внимания находится история детского клуба «Муравейник» – первой детской организации в Перми, деятельность В.М. Шулепова, «тимуровское движение» и другие инициативы пионерии, расцвет пионерского движения в 1970-е годы, система работы профессора А. А. Огородникова в школах продленного дня. Ликвидация Всесоюзной пионерской организации в связи с распадом Советского Союза.

Ключевые слова. Детские организации, «Муравейник», пионерская организация, В.М. Шулепов, история Перми, А.А. Огородников.

N.A. KNYAZEVA*Local History of Perm Society***SOVIET AND KAMA REGION PIONEERS MOVEMENT THE 100 YEARS**

Abstract. The publication considers the history of the children's pioneer movement in Perm and the Kama region. The focus is made on: the history of the children's club "Anthill" ("Muraveinik") – the first children's organization in Perm, V. M. Shulepov, "Timur's movement" and other initiatives of the pioneers, flourishing of the pioneer movement in the 1970s, professor's A. A. Ogorodnikov system in after-school time, liquidation of the All-Union Pioneer Organization due to the collapse of the Soviet Union.

Keywords. Children's organizations, "Anthill" (Muraveinik), pioneer organization, V.M. Shulepov, history of Perm, A. A. Ogorodnikov.

19 мая 2022 г. пионерской организации России исполнилось 100 лет. К сожалению, в 1991 г. в связи с распадом Советского Союза она была ликвидирована как массовая организация детей. Однако продолжали и продолжают работать отдельные пионерские отряды. Их деятельность связана с инициативой старых педагогов. В дни юбилеев принято вспоминать то, что было хорошего в прошлом.

Мы сегодня живем на совпадении двух дат — столетия пионерии и 300-летия Перми. Строятся новые предприятия, открыты новые больницы и школы, выпущены новые книги, созданы новые фильмы. Но одним из замечательных подарков стране было бы создание общероссийской детской организации. Такие попытки уже сделаны. С 2022 года в Прикамье начало складываться «Движение первых». Председатель регионального отделения Александр Мясников — выпускник филологического факультета Пермского педагогического университета. Но легче уничтожить организацию, чем ее создать. Трудность даже в названии. Предлагаемое не очень удачно. «Движение первых». А как будут называть одного члена организации — движпер?

1. Материал публикуется в авторской редакции

Углубимся в столетнюю историю пионерской организации, чтоб почтить память тех, кто ее строил. Пионерская организация СССР появилась в далеком 1922 году по инициативе Надежды Константиновны Крупской. В Перми создание пионерской организации связано с именем Василия Михеевича Шулепова (1874–1922). До революции он работал в разных школах. В 1897 году приехал в Пермь. Сначала был учителем, потом директором Кирилло-Мефодиевского училища. Он создал общество, которое содействовало начальному образованию, внешкольному образованию детей, методической помощи учителям начальных училищ. В 1912 году в училище были открыты бесплатные библиотека и музей наглядных пособий.

Время было тяжелое. Первая мировая война, революция, Гражданская война. В декабре 1917 г. в Перми установилась советская власть. Не все ее приняли. Некоторые учителя бастовали целый год. Другие учителя приняли революцию. Среди них был Шулепов. В газете «Пермская жизнь» от 22 декабря 1917 г. говорилось, что в городе будет проводиться общее собрание учителей по вопросам народного образования. Шулепов принял в нем участие. И сразу после него выступил перед властями о создании детской организации. Но приход Колчака прервал деятельность педагога. 30 июня 1919 г. Красная Армия освободила Пермь. Восемьдесят процентов учителей Перми ушли с колчаковцами. Правда, вскоре вернулись. В городе осталось всего 47 учителей (из речи заведующим губернским отделом народного образования). Учителя боялись Красной Армии. Уехали профессора недавно созданного университета. Мои тетушки, сельские учительницы, тоже уехали (Анастасия, Анна и Мария Георгиевны Осиновских). Уехали недалеко и вскоре вернулись. Начали работать в сельских школах (Чуваки, Мокино, Болгары, Култаево). Учителям — работникам идеологического фронта — было трудно примириться с новой большевистской идеологией.

В 1919 году коллегия губернского отдела народного образования решила создавать детские библиотеки. Заведующим городской детской библиотекой был назначен В. М. Шулепов. При открытии он сказал: «Дети, вы пришли в свой дом; все, что вы видите в этом доме, и сам дом принадлежит вам; от того, какой порядок вы установите и станете поддерживать, будет зависеть будущее этого дома». Так родился знаменитый детский клуб «Муравейник» — прообраз детской организации. Девиз клуба — «Мы, муравьи, трудиться любим, иди работать к нам скорей!». Здесь работали различные кружки — политический, физический, драматический, хоровой, литературно-издательский, изостудия; устраивались концерты, спектакли, лекции. Выпускались стенгазета и научно-литературные сборники «Мурашики». Была создана печатная газета «Муравей-чудодей». С 1920 по 1922 гг. вышло 10 номеров. Ребята выходили со своими концертами в другие школы и даже выезжали в села.

Страна лежала в разлухе. Не хватало одежды, продовольствия. Особенно трудно было в 1921 и 1922 годах когда разразился голод в Поволжье. Пострадали Сарапульский, Осинский, Оханский и другие пермские уезды. Газета «Страда» (приложение к газете «Звезда»), в которой работал редактором мой дядюшка Николай Иванович Поспелов, писала, что по данным Пермской

губернской комиссии от голода умерло 6974 человека. Из-за голода были закрыты 539 школ. Число учащихся снизилось на 25490 человек. Имелись случаи людоедства в Осинском уезде. Газета пестрила лозунгами и призывами «Слушайте, сытые! Уже полмесяца в голодном Сарапуле нет ни фунта хлеба!».

«Муравьи», сами голодая, помогали голодающим детям края. Они ставили платные спектакли, выезжали в деревни с кружечными сборами, пополняя фонд Помгола (фонд помощи голодающим).

В 1920 году в здании «Муравейника» стала работать школа III Интернационала. Первым директором школы все тот же Шулепов. В 1938 году ей построили новое здание на Комсомольском проспекте (сегодня это школа № 9), а в «Муравейнике» открыли Дом пионеров, который находился здесь до 1986 году. В нем был создан замечательный музей истории пионерии.

11 апреля 1921 г. «Муравейник» провел первую детскую конференцию Перми. Перед ней «муравьи» провели в каждой школе собрания учащихся, объясняя задачи детского движения. Педагоги присутствовали на ней с правом совещательного голоса. На конференцию собрались делегаты от 27 школ. Обсуждались вопросы преподавания истории по-новому, ликвидации физического наказания учащихся и лишения обеда, необходимости создания детских домов. В 1922 г. был создан центральный отряд пионеров Прикамья и отряды в уездах. Руководителями стали повзрослевшие «муравьи». В 1923 году в «Муравейнике» выступал нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. В книге почетных посетителей он оставил такую запись: «Муравейник» представляет собой редкий опыт постановки школ с резко выраженным общественно-политическим уклоном».

Стали создаваться пионерские отряды в разных уголках Пермского края. Организаторами были рабочие разных предприятий. Например, в поселке Нижняя Курья при Судоремонтном заводе был организован пионерский отряд. Одной из первых пионерок стала Варя Чудинова. Позднее Варвара Семеновна Гребнева стала учительницей начальных классов школы № 1. Я была с ней хорошо знакома, так как училась в этой школе в 1964–1966 гг., потом работала освобожденным секретарем комсомольской организации. После выхода на пенсию Варвара Семеновна занималась общественной деятельностью среди учителей Кировского района. В совет ветеранов входили и мои тетушки.

В 1938 году по инициативе ребят был создан дом пионеров в здании парходчика Любимова (сейчас здесь расположен пермский ТЮЗ). Его первый директор З. К. Дудин — бывший «муравей». Здесь работало 20 кружков. Но вскоре началась война.

Пионерское движение ширилось и развивалось в годы Великой Отечественной войны, особенно тимуровская работа. Она развернулась благодаря обращению к детям замечательного детского писателя Аркадия Петровича Гайдара.

Еще в августе 1941 г. он опубликовал призыв к школьникам страны в газете «Пионерская правда», в котором говорилось: «Страна о вас всегда заботилась... Пришло время и вам — не словами, делом доказать, как вы ее цените, бережете

и любите». Дела тимуровцев были высоко оценены народом.

В июле 1941 г. развернулось тимуровское движение в Прикамье. Тимуровцы работали на полях, помогали семьям фронтовиков. Под руководством взрослых они подготовили школы к новому учебному году. 28 сентября в газете «Звезда» появилась статья председателя исполнительного комитета Молотовского областного Совета депутатов трудящихся Петра Горюнова «Юные патриоты». Всего летом в Прикамье на полях работало 100 тысяч школьников. Свой отчет стране они дали на слете тимуровцев в клубе имени Сталина в Молотове, на который собралось 600 тимуровцев со всей области.

В октябре тимуровцы школы № 18 г. Кунгура вышли с призывом сбора средств на постройку самолета «Юный патриот». Призыв поддержали все пионеры Молотова (теперь Перми) и области. Самолет был построен. Зимой 1943 г. тимуровцы начали собирать книги для библиотек разрушенных городов, особенно Сталинграда.

Воспоминания учительницы школы № 1 г. Перми (моего педагога) Лидии Георгиевны Ширинкиной: «Перед войной все мы увлекались повестью А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Хотелось походить на Тимура и его друзей. Поэтому когда началась война, в школах стали создаваться тимуровские команды. Весь наш 7 «А» стал командой, а капитаном выбрали Станислава Падучева. На стене у нас висела карта, на которой красным цветом была отмечена государственная граница СССР, а рядом черным цветом — линия фронта. Тяжело было видеть, что эта линия все дальше уходит от границы и приближается к Москве, черным кольцом окружает Ленинград, направляется к Волге. В передаче «В последний час» ночью передавали, какие города оставила Красная Армия, а утром мы приходили в класс хмурые, передвигали линию фронта на нашей карте.

И вот в этот-то тяжкий для нас час звучал голос нашего капитана: «Слушайте задание на сегодняшний день». Это означало, что жизнь продолжается, война закончится, и мы победим. Класс (а нас было 45 человек) был разделен на звенья. Каждое получало свое задание. Что же это были за задания? Распилить и расколоть дрова в семьях фронтовиков, нанести с ключа воду, истопить печи, забрать детей из ясель и детсада, выкупить продукты по карточкам (даже такое доверяли тимуровцам!), принести из леса ветки пихты для приготовления настоя от цинги, клеить из старых газет шторы для светомаскировки в классе и др. Кроме того, строго следили за тем, как ребята учатся. Учиться плохо было стыдно.

Когда в поселке появились госпитали, дел и забот у нас добавилось. Отделение госпиталя № 31–31 располагались в маленькой одноэтажной школе, в стационаре больницы, в помещениях дач. Теперь все дети — и старшие, и младшие, стали учиться в двухэтажной деревянной школе, построенной в 1938–1939 годах, в две смены. Но вскоре появилась в школе и третья смена. В наш поселок Нижняя Курья, в сороковую дачу, поселили эвакуированных ребят из Ленинграда — учащихся хореографического училища.

24 февраля 1943 г. на площади Окулова (сейчас сквер Уральских добровольцев) в честь 25й годовщины Красной Армии состоялся детский парад. Командовал военрук школы № 9 Дмитриев. Осенью этого года областная станция юннатов провела сельскохозяйственную выставку. Из пермских школ школа № 54 на Бахаревке была признана как лучшая юннатская.

9 января 1944 г. в доме Красной Армии состоялся слет пионеров, на котором тимуровцы отчитывались о своей работе. 12 февраля — совещание по внеклассной работе. Говорили о проблемах безнадзорности и беспризорности детей. Эта проблема была очень острой, несмотря на большое количество разных мероприятий.

В «Справке Пермского городского управления кинофикации о кинообслуживании детей» от 25 декабря 1944 г. показано следующее. В кинотеатре «Красная звезда» была организована работа с детьми. Проведено 120 бесед на темы: «Памяти Ленина», «День Красной Армии», «День Военно-Морского флота», «Эпизоды с фронтов Отечественной войны». В кинотеатре «Комсомолец» оформлена выставка «Молодежь фронта и тыла в дни Отечественной войны». В кинотеатре «Победа» — выставка к районному лыжному кроссу, в кинотеатре «Горн» были установлены новогодние елки. В весенние каникулы в кинотеатре «Красная Звезда» прошел детский кинофестиваль. 10 тысяч школьников посмотрели фильмы, в том числе о героях Великой Отечественной войны, например, «Фронтовые подруги», «Подводная лодка», «Зоя», «Партизаны в степях Украины» и др.

9 июля 1945 г. состоялся первый областной съезд пионеров. В нем приняли участие 600 человек. Утром состоялся парад у дома пионеров. Днем слет проходил в оперном театре. На следующий день дети поехали на пароходе и посетили кукольный театр. В области 700 тимуровских отрядов и 10 тысяч тимуровцев, 60 тысяч пионеров. Ребята с гордостью отчитывались о своих делах. Они ощущали себя небольшой, но очень важной частичкой большого отряда тимуровцев. Всего этим движением было охвачено 2 миллиона детей. Появился «Марш тимуровцев».

Дети жили в бараках и землянках с керосиновым освещением, которого не всегда хватало. Домашние задания качественно выполнить в таких условиях было невозможно. Учебников и тетрадей не хватало. Писали свекольными чернилами на полях старых газет. В некоторых деревнях не выписывали газет, не было радио.

Пермский областной комитет ВЛКСМ регулярно устраивал рейды по проверке работы пионерских организаций школ Молотова и области. После войны страна долго залечивала раны.

В 1972 году пионерия отмечала 50 лет. Это был период расцвета организации. Много лет руководил ею герой Советского Союза Василий Михайлович Астафьев.

В Перми было построено новое здание Дворца пионеров на улице Сибирской. Сейчас это Дворец детства. Возглавляет его Наталья Михайловна Рослякова (в юности старшая пионервожатая моей школы № 1 поселка Водники Кировского

района). Во дворце есть небольшой музей пионерии Перми. Руководитель — Ольга Петровна Безматерных.

Замечательные идеи воспитания подрастающего поколения, созданные основателями пионерской организации, претворялись в жизнь в советских школах многие годы. Мой учитель, директор школ № 57 и № 51 в Мотовилихе, позднее профессор Александр Александрович Огородников, разработал теорию и практику продленного дня, которая с успехом применялась в советских школах более 30 лет. Вместе с друзьями, такими же директорами школ педагог создал систему детского туризма, октябрятско-пионерских занятий и др. Трудami и стараниями их воспитанников посажены десятки аллей, облагорожены сотни речек и родничков. Ширилась тимуровская работа. Совершены сотни походов и экспедиций по родному краю и стране. Советские педагоги растили настоящих патриотов родины. К сожалению, в связи с распадом Советского Союза в 1991 г. перестала существовать и пионерская организация. Продолжали работать, и сейчас работают только отдельные отряды.

Пора государству задуматься о том, каким будет будущее поколение россиян. И будет ли Россия великой?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муравейник. Статьи, воспоминания, материалы. Пермь, 1962.
2. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ). Ф. 1458. Оп. 1. Д. 298. Коробка 40.
3. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 656. Оп.1; Д. 144; Л. 65, 66.
4. ПермГАСПИ. Ф.105. Оп. 11. Д. 455.
5. ГАПК. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.
6. ГАПК. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.
7. ГАПК. Ф. 1458. Оп. 1, Д. 321. Л. 321.
8. ГАПК. Ф. 1458. Оп. 1; Д. 180. Л. 62.
9. ГАПК. Ф. 1753. Оп. 1; Д. 47. Л.83.
10. ГАПК. Ф. 1753. Оп. 1; Д. 64. Л. 95.

А.В. ЧАЩУХИН

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

**СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В КОНТЕКСТЕ УРБАНИЗАЦИИ
1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ Г. МОЛОТОВ-ПЕРМЬ)**

Аннотация. Социальное пространство советского города испытывает в 1950–60-е годы мощные социальные и культурные вызовы, вызванные изменением политического ландшафта и социальных структур советского общества. На примере г. Молотова (Перми) представлена трансформация городской школы в контексте новой волны урбанизации. Приобщение к элементам формирующейся городской культуры новых городских маргиналов, борьба с социальными условиями подростковой преступности – безнадзорностью и влиянием криминального мира становились определяющими в работе школ. Вместе с тем сама школа становилась микромиром, в котором выражались ролевые, межпоколенческие и повседневные конфликты эпохи.

Ключевые слова. Урбанизация, советская школа, социализация, девиация, городская культура, социальные функции, Молотов (Пермь).

A.V. CHASHCHUKHIN

Perm State University

**THE SOVIET SCHOOL IN THE CONTEXT OF THE URBANIZATION
OF THE 1950s – THE FIRST HALF OF THE 1960s
(USING THE EXAMPLE OF MOLOTOV-PERM)**

Abstract. In the 1950s and 60s, the social space of the Soviet city was experiencing powerful social and cultural challenges caused by changes in the political landscape and social structures of soviet society. Using the example of the city of Molotov (Perm), the transformation of an urban school in the context of a new wave of urbanization is presented. The socialization of new marginalized people in the city, the fight against the social conditions of juvenile delinquency – neglect and the influence of the criminal world became the main ones in the work of schools. At the same time, the school itself became a microcosm in which the role, intergenerational and everyday conflicts of the era were expressed.

Keywords. Urbanization, Soviet school, socialization, deviation, urban culture, social functions, Molotov (Perm).

В социальных и гуманитарных науках существует давняя традиция рассматривать урбанизацию сквозь призму миграций сельских жителей в города. Между тем, этот процесс предполагает не просто смену места жительства, но и сложный процесс формирования новой социальной среды и городского образа жизни. В этот процесс оказывается вовлечено множество институтов. В этой статье мы обратим внимание на советскую школу, в контексте урбанизации периода «Оттепели». Хронологические рамки выбраны неслучайно.

Именно в этот период происходит не только трансформация позднесталинских институтов, но и протекает очередная волна урбанизации, качественно и бесповоротно изменившая соотношение городского и сельского населения советского социума.

Форсированная индустриализация 1930-х и милитаризация военных лет к началу 1950-х годов во многом исчерпали свой потенциал. Социальная организация уральской промышленности все меньше давала возможности для стимулирования труда. По своей форме она во многом стала напоминать посессионную мануфактуру XVIII в. [1, с.189]. На предприятиях сохранял силу указ от 26 июня 1940 г., запрещавший самовольный переход рабочих с одного предприятия на другое. Рабочие, лишённые какого-либо института, являвшегося противовесом воле начальства, вынуждены были подчиняться неограниченной власти дирекции завода. Эта власть могла выражаться в незаконном увеличении рабочего дня до 14–16 часов, в увольнении, противоречащих трудовому законодательству, наконец — в самостоятельном вынесении наказаний рабочим, действия которых попадали под уголовную статью [2].

Между тем, несмотря на сохранение и усиление жесткости руководства, система начинала терять свою эффективность. В 1952 году 44% промышленных предприятий Молотовской области не выполнили плановых заданий по валовой продукции. Прогулы рабочих приняли массовый характер. На предприятиях угольной промышленности за один квартал 1953 г. не вышли на работу 26% рабочих. Случаи самовольных уходов с предприятий становятся настолько массовыми, что милиция зачастую не обращает на них внимания [1, с. 178].

Начавшийся после 1953 года демонтаж сталинской системы в промышленном секторе экономики выразился в попытках ограничения всевластия директоров предприятий, в первую очередь — в попытках добиться от них соблюдения КЗоТа. В Молотове, впрочем, инерция сталинского стиля руководства сохранялась вплоть до 1956 года, когда городская прокуратура стала более жестко реагировать на сохранявшуюся практику увеличения рабочего дня и незаконных увольнений [2]. Логическим завершением демонтажа старых методов управления на предприятиях стала отмена крепостного закона 1940 года, состоявшаяся в том же 1956 году.

Проблема нехватки рабочих рук на предприятиях провоцировала рост миграции из села в город. Эта миграция протекала вопреки существующему советскому законодательству и правилам прописки. Наказание, при этом могло достигать далеко не всех.

По всей видимости, огромному числу мигрантов, приехавших из села еще до ослабления паспортного режима, удалось успешно легализоваться в городе: получить работу и прописку. Косвенные свидетельства этого процесса можно обнаружить в отчете ГорОНО за 1952–1953 годы.: «Многие дети не записаны в домовые книги, похозяйственные книги, имеющиеся в домоуправлениях ЖКО, даже в паспортах родителей. Это привело к большому недоучету детей: число детей, явившихся в школы превысило общее число учтенных детей почти

на 2 тысячи человек» [3]. Очевидно, что только хаосом в домоуправлениях не объяснить того, что органы образования смогли проглядеть такое количество детей. Их родители, сбежавшие из колхозов, устраивались на тот или иной завод, получая квартиру в бараке или подселяясь к своим родственникам.

Таким образом, социальное пространство г. Молотова испытало на себе мощнейший культурный и демографический вызов со стороны резкого увеличения мигрантов из сельской местности. Эта миграция была отнюдь не первым вызовом для формирующегося города. В предыдущее десятилетие мир барачков и частного сектора (основных условий проживания для большинства горожан) столкнулся с такими шоковыми процессами, как военная мобилизация, эвакуация, миграции послевоенного времени. К последним следует отнести и резкий наплыв людей, вернувшихся из мест лишения свободы. Амнистия 1953 года была первой в череде пяти других, реализованных в 1953–1958 годах.

27 марта 1953 г. по указу об амнистии на свободу вышло около миллиона человек или более одной трети всех заключенных в стране [4, с. 93]. Молотовская область выполняла функцию сырьевой и арестантского края. Высокая степень концентрации мест лишения свободы в сравнении с другими регионами страны (в апреле 1952 г. здесь содержалось 112 238 заключенных) [5; 1, с. 179] не могла не сказаться на криминогенной обстановке после амнистии. Амнистия 1953 г. не предоставляла свободу политическим и уголовникам-рецидивистам. Между тем, люди, усвоившие нормы лагерной жизни, соприкоснувшиеся с уголовным миром, становились крайне опасными и без того в не простой социальной обстановке г. Молотова. Вернувшиеся лагерники становились новой референтной группой для населения, в первую очередь — для подростков [6, с. 5–30]. Сила воздействия на подрастающее поколение уголовной романтики и блатного стиля, по всей видимости, было воспринято центральной властью как важная проблема. Не случайно именно в этот период на страницах повести Г. А. Медынского «Честь» появляется образ юноши, который оступился под влиянием дурного влияния уголовного мира [7].

Таким образом, в 1953–1958 годах социальное пространство г. Молотова (Перми) в очередной раз испытывает качественные изменения. Произошло очередное размывание формирующейся городской среды. Разнонаправленные и одновременные процессы освобождения рабочих, рурализации и криминализации приводили к социокультурному расколу городского сообщества, провоцируя многочисленные социальные конфликты.

Какое место занимала школа в контексте упомянутых изменений? Функционально и символически школы в начале 1950-х гг. были форпостами власти. Располагаясь в пространстве рабочих поселков, часто выходя за пределы престижных административных районов, школы были своеобразными «миссионерскими» центрами, посредством которых происходило культурное скрепление весьма разнородного населения рабочего поселка. Функционируя как социальный институт, необходимый для коммунистического воспитания подрастающего поколения,

школа брала на себя большое количество административных и идеологических задач. К этим задачам относились пропаганда и просвещение окрестного населения, организация явки избирателей на выборы (избирательные участки находились очень часто в школах), учет избирателей, учет детей школьного возраста, проживающих в микрорайоне, организация контроля над учениками во внеурочное время и т.д. и т.п. Естественно, что роль рядовых и чаще всего бесплатных исполнителей в реализации этих обязанностей выполняли преподаватели. «Ой, всю жизнь, всю жизнь мы сидели в избирательной компании. В основном на учителях ведь выезжали» [8]. Попытаемся сейчас рассмотреть школу в контексте того пространства, к которому она была привязана в начале 1950-х гг.

Основной структурной единицей городского пространства начала 1950-х годов являлся рабочий поселок. В связи с этим, представляется резонным рассматривать школу именно на этом, поселковом уровне социального пространства. На уровне поселка школа выступала как ретранслятор решений власти, как коллективный воспитатель детей и их родителей. Девиантность последних воспринималась как следствие низкой культуры, которая на партийном языке связывалась с политической необразованностью [9].

Символическая близость власти и школы выражалась и в том, что стиль управления директора школы мало отличался от стиля партийного или заводского начальства. Распространенные репрессивные практики управления школой легко просматриваются в образе и поведенческих моделях школьной администрации. Директор школы был обязан внушать страх своим подчиненным. «...ее все боялись, все было основано на страхе. Вот я ее (директора. — А.Ч.) боялась настолько, что я готова была забежать в туалет, если я только видела, что она появлялась в коридоре, чтоб только с ней не встретиться» [10]. Директору дозволительно было реализовывать свою власть с помощью обычных техник устрашения. Грубый выговор, публичный или «с глазу на глаз», бесцеремонность в общении с подчиненными являлись нормой для той эпохи.

Применительно к учащемуся директор имел право провести расследование внутришкольного инцидента, осуществить длительный допрос с пристрастием, использовать эмоциональные угрозы в форме крика, обещания сдать ребенка в милицию, отправить в колонию, и т.д. и т.п. Вызов учителя, тем более ученика к директору, как правило, не мог не вызывать у человека чувства «идущего на казнь» [9; 10; 11; 12]. Подражание «большой власти» могло проявляться и в организации «исправительно-трудовых» работ, например — в школьной кочегарке, в которой провинившийся ученик таскал золу или уголь [12]. Подражание «большой власти» не исключало, а скорее подразумевало патернализм.

В 1950-е годы школа столкнулась с серьезными вызовами времени. Миграция сельского населения в город была не единственной причиной обострившейся демографической проблемы. В 1950-е годы страна испытала известное в отечественной социологии явление, обозначаемое условно как «эхо войны». Суть этого явления в том, что после окончания войны и связанного с ней резкого спада

рождаемости, начался ее резкий рост. Сокращение, а потом резкий рост количества учащихся последовательно прокатились через все звенья школы [37, с. 82–109]. Таким образом, два накладывающихся друг на друга процесса: послевоенное увеличение рождаемости и миграция сельского населения в город поставили систему образования Перми в крайне тяжелые условия. Для того, чтобы выполнять прежние функции культурных скрепов перенаселенных рабочих поселков, того же количества школ и педагогов было уже недостаточно. Необходимость расширения школьной сети, выполнение закона о всеобщем в условиях массового притока рабочей силы из деревень, резко обострившийся «кадровый голод» стали основными проблемами школьного образования 1950-х гг. [7, с. 162–164].

Попытаемся рассмотреть динамику развития школы в Молотове-Перми в 1950-х годах в ее связи с социальными вызовами времени. Общей тенденцией можно считать возрастание относительного и абсолютного количества средних школ и соответственное уменьшение начальных учебных заведений¹ [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Отчеты ГорОНО свидетельствуют, что помимо строительства новых зданий в указанный период наблюдается реорганизация начальных школ в 7-летние с одной стороны и 7-летних в средние школы — с другой. Примечательно и то, что из всех школьных зданий г. Перми до 1917 года было построено 21 здание, за годы советской власти до 1940 года — 22, а в период с 1948 по 1959 год — 49 школьных зданий [19, Л. 17]. Таким образом, за 1950-е годы количество школьных зданий в городе возросло более чем в два раза. Естественно, что подобный бурный рост школ был во многом ответом на упоминавшийся выше рост городского населения, а, следовательно, и рост контингента учащихся.

Тем не менее даже при таких впечатляющих темпах строительства, система народного образования явно не справлялась с большим наплывом школьников. С конца 1940-х годов контингент учащихся к 1964 году вырос более чем вдвое [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]. Если в 1948/49 учебном году учащихся школ г. Молотова насчитывалось 50650 и 48977 соответственно на начало и на конец учебного года, то к 1963/64 учебном году школьников в г. Перми было уже 112550 и 111667 соответственно. Интересно, что наибольший прирост наблюдается в начале 1960-х гг.: с 1960/61 до 1963/64 учебного года количество учеников возрастает приблизительно на 20 тысяч.

Таким образом, массовое увеличение числа учащихся, особенно на рубеже 1950–1960-х годов приводило к огромной перегруженности школ и классов. В начале 1950-х среднее количество учеников в классах в среднем составляет 35 человек, к концу десятилетия эта цифра увеличивается до 37. Разница кажется небольшой, если не учитывать того, что в 1950-е годы резко изменились пропорции количества учащихся в различных звеньях школы. Речь идет в первую очередь о резком увеличении школьников, пытающихся получить полное среднее образование, т.е. об учащихся 8–10-х, а после образовательной реформы 1958 года — 9–11-х классов. Если в 1950/51 учебном году в каждом старшем классе

¹ Здесь и далее – данные из отчетов ГорОНО за 1952 – 60 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78–85.

училось в среднем 24 человека, то к 1958/59 учебному году их количество выросло до 31. Таким образом, в указанное время «поглощение» резко увеличившегося контингента учащихся происходило во многом благодаря искусственно увеличиваемой «емкости» школы за счет старшего звена. О критической ситуации того времени говорит и статистика школ г. Перми, где было введено трехдневное занятие: если в 1953/54 учебном году таковых было 15, то к 1959/60 их стало уже 29. Впрочем, ситуация в области выглядела еще хуже. Количество учащихся в классах школ Чусовского района могло достигать 50 человек [8]. Не стоит забывать и о том, что большинство новоприбывших в пермские школы были детьми мигрантов из сельской местности, из чего следует, что помимо простого увеличения учащихся, школа столкнулась с проблемой социализации детей и подростков, еще не освоивших пространство городской культуры.

В этих условиях на первый план для школы выходило решение социальных проблем. Кроме привычных идеологических функций школа была вынуждена уделять больше внимания профилактике девиантного поведения детей. На языке административных документов того времени это обозначалось «выполнение закона о всеобуче». Естественно, что наиболее опасной группой в отношении девиантности были не работающие и не обучающиеся «переростки». В отчетах ГорОНО уделялось большое внимание вопросам проблемам подростковой вольности. «Органами милиции установлено 530 подростков (70% достигли 17 лет), которые нигде не учатся и не работают» [15, Л. 16]. «Но не только школы повинны в большом количестве детей, не охваченных школами и выбывшими из школ, не окончив обучения. ... основной контингент не обучающихся в школе составляют подростки 14–16 лет и старше, которые являются переростками для тех классов, где должны обучаться, они потеряли интерес к учению, чаще всего вышли из-под влияния родителей и не имеют дома надзора, не поддаются влиянию школы. Школы не в состоянии удержать этих подростков и заставить их обучаться, а общественность привлечена к решению этих вопросов всеобуча совершенно недостаточно» [13, Л. 12]. Напомним, что в 1953–1958 годы происходило обострение криминальной ситуации в городе вследствие, начавшихся с 1953 году амнистий. Прокурор г. Молотова Кудряшов докладывал в 1953 году областному прокурору: «По числу выданных санкций на арест несовершеннолетних, а так же по числу направленных дел в суд заметно увеличение в I полугодии 1953 г. преступности среди совершеннолетних в сравнении со вторым полугодием 1952 г. Если во 2 полугодии 1952 г. выдано было санкций на 24 чел., из них 5 чел. до 16 летнего возраста, то в I полугодии 1953 г. количество санкций возросло до 101, из них до 16 летнего возраста — 14 человек. В суд было направлено во 2 полугодии 1952 г. — 38 дел на 46 чел. И в I полугодии 1953 г. — 54 дела на 97 чел. Преданные суду лица в основном, в возрасте от 16 до 18 лет... В число преданных суду в I полугодии 1953 г. вошла часть подростков ранее судимых и освобожденных по амнистии. Все это вызывает необходимость воспитательной работы и профилактических мер по предотвращению преступности в городе среди несовершеннолетних» [21, Л. 11–12]. Количество выданных санкций на

арест и количество дел, направленных в суд, показывало верхушку айсберга. Ситуацию с беспризорными и безнадзорными детьми в 1953 г. демонстрирует ответ молотовского начальника милиции полковника Волкова на запрос вышеупомянутого прокурора: «Согласно Вашего запроса представляю сведения о задержании подростков детскими комнатами и отделениями милиции гор. Молотова за 1953 г.» [22, Л. 6а]

Наименование	За I полугодие	За II полугодие	Всего за 1953 г.
Задержано беспризорных, из них бежавших	109	76	185
А) из детдомов	13	20	33
Б) из школ ФЗО и РУ	11	5	16
Из ДПР	26	7	33
Задержано безнадзорных	1264	900	1164
Из них учащихся	928	630	1558

Примечание. Общие цифры по учащимся и безнадзорным, указанные в документе с точки зрения элементарной математики не могут быть верными. Возможно, это — ошибка секретаря (вероятно — количество безнадзорных перепутано с количеством учащихся). Тем не менее, как первая, так и вторая цифры являются весьма наглядной демонстрацией состояния дел.

В последующие годы ситуация не становилась лучше. Детские комнаты милиции ввиду плохой организации явно не справлялись с возложенными на них задачами [2, Л. 8]. Виновной в глазах прокуратуры становилась и школа. «Кроме того, было установлено, что на сообщения, направленные на имя директоров школ о принятии необходимых мер к учащимся, которые доставлялись в детскую комнату, как безнадзорные, директора школ не реагируют на факты указанные в сообщениях» [22, Л. 6а]. В 1956 году заместитель областного прокурора Н. Мальшаков в обстоятельном представлении Молотовскому ГК КПСС сообщал: «Достаточно сказать, что из числа зарегистрированных органами милиции 1611 человек, совершивших в 1955 году преступления, 344 человека являются лицами, не достигшими совершеннолетия /18 лет/, что составляет 21% к числу лиц совершивших преступления, иными словами каждый пятый из числа совершивших преступления — является несовершеннолетним. До 16-тилетнего возраста совершили преступления — 74 человека. ... Анализ и изучение дел показывает, что в подавляющем большинстве преступления несовершеннолетними, как правило, совершаются в нетрезвом виде» [2, Л. 14–24]. В том же документе подробно сообщается о преступных группах,

действовавших в разных районах города. Так, «...в Сталинском районе арестованы и привлекаются к уголовной ответственности группа участников многих краж, из дворянских квартир и разбойных нападений на граждан, в том числе двух вооруженных нападений /с огнестрельным оружием/, которые по неполным данным совершили более 32 краж разбойных нападений за непродолжительное время» [2, Л. 14–24]. Возбуждение уголовных дел и факты судебного разбирательства показывают только наиболее опасную, но все же незначительную часть состояния общественного порядка. В их разряд не попадали случаи, завершившиеся относительно благополучно для жертв нападений. «Из числа безнадзорных (1058 человек) в 1955 году было задержано детскими комнатами милиции учащихся школ 898 человек или 89,9%. Причинами задержания послужили озорство и уличное хулиганство — 684 чел.» [2, Л. 14–24].

В этих условиях традиционных мер по привлечению этих подростков в школы рабочей молодежи, ремесленные училища и ФЗО видимо оказалось мало. Власть ищет иные пути решения проблемы. Городское образование идет на создание специальных классов для «переростков». В 1956/57 учебном году создаются специальные классы для переростков: 48 классов для 811 человек [17, Л. 21]. Видимо, с этим связано то, что в следующем году количество неохваченных школой подростков в отчетах ГорОНО уменьшается до 490 [18, Л. 9–10]. Речь здесь шла скорее не об образовании, а о «приглядывании» за подростками до достижения ими совершеннолетнего возраста.

Смена образовательных стратегий отражалась и в изменении школьной политики в отношении неуспевающих учеников. Так, второгодничество и осенняя переэкзаменовка для 1950-х годов — дело весьма обычное. Между тем, к 1960-м намечалась явная тенденция к ограничению подобных дисциплинарных практик. Если после испытаний в 1958/59 учебном году в среднем каждый десятый школьник Перми был оставлен на второй год или отправлен на осеннюю переэкзаменовку (первых обычно было в два раза больше), то в 1963/64 учебном году подобные меры применялись в среднем уже к каждому двадцатому учащемуся² [19; 20; 23; 24; 25; 26]. Смеем предположить, что одной из причин отказа от подобных практик в последующее время (помимо обычной борьбы за отчетность) стало то, что школа в 1960-е гг. с определенного момента оказалась просто не в состоянии держать в своих стенах второгодников из-за все возрастающего контингента учащихся.

Таким образом, смену образовательных тактик в отношении выходящих из-под социального контроля подростков можно представить в виде последовательности: сначала привлечь в школу и удержать в ней, потом — привлечь в школу и заставить ее закончить.

Как уже говорилось, школа как институт в своем функционировании выходила далеко за рамки школьного здания. Контроль над учащимися не только в стенах школы, но и в обычной внешкольной жизни — такова максима образовательной политики того времени. В данном подходе взаимно переплетались идеологические

² Подсчет произведен по материалам отчетов ГорОНО 1958–1964 гг.

установки системы советского образования и профилактика детской девиантности. В 1950-е годы в городском образовании активно используется тема социалистического соревнования между классами и школами. Сравнение успешных показателей замерялось по таким параметрам, как: уборка и оформление классных комнат, работа на пришкольной территории (строительство подсобных зданий, работа на пришкольном опытном участке, уборка и благоустройство пришкольной территории), ремонт школьного здания, благоустройство города (озеленение, уборка улиц), работа на городском строительстве, работа в колхозе или на городских предприятиях, спорт, художественная самодеятельность, общественная работа в рамках детско-юношеских организаций (пионерии и комсомола). Заметим, что большинство мероприятий, на основе которых подводились итоги социалистического соревнования, проводились вне учебной сферы. Поощрение наиболее активных учащихся, классов и школ происходило во время проводимых праздников, таких как «За честь школы», «За честь класса», «День урожая». Интересно, что традиция выступать «за честь» своей школы или класса появляется в Перми именно в 1950-е годы [17, Л. 189].

При анализе отчетов ГорОНО 1950-х гг. невольно создается впечатление, что объем проводимой внеклассной работы, являлся более важной заслугой в глазах начальства, чем успеваемость или качество предлагаемых учащимся знаний. Отчеты пестрят огромным количеством описываемых внеклассных мероприятий. Подобное пристальное внимания к этим акциям есть не что иное, как следствие проводимого школой курса на максимальное увеличение контроля над учащимися, что считается уже социальной функцией школы. Ее временные рамки выходят за пределы учебных занятий. «В старших классах школ № 81, 45. 11, 12 был прочитан цикл лекций о культуре поведения. Большая работа проводилась здесь в борьбе против усиливающейся тенденции учащихся к модным стрижкам, завивкам, «стильной» одежде, к нарочитой претенциозной небрежности в одежде, причёске и т.д... Для контроля проводились комсомольские рейды (в школах № 15, 4, 35, 37, 32), контрольные дни — представители органов народного образования, родителей и др. общественности дежурили у кинотеатров, в скверах, садах, на улицах». [18, Л. 241–242].

Воспитательные функции школы в учебное и внеучебное время, внутри школы и за ее пределами распространялись и на родителей. В последнем случае речь шла об обучении родителей воспитанию детей. В 1955 году городской отдел народного образования отчитывался: «В каждом районе работали лекторские группы из учителей директоров школ, силам которых на предприятиях в учреждениях в течение года прочитано на педагогические темы 829 лекций докладов» [15, Л. 72]. Темы подобных лекций могли звучать так: «Воспитание воли у ребенка в семье» (для родителей школьников 1–6 классов), «О воспитании хорошего вкуса» (для 1–7 классов), «Эстетическое воспитание в семье», «О нескромном поведении» (о девочках), «о бесцеремонном обращении с девочками» (о мальчиках), о воспитании простоты в обращении с товарищами (о мальчиках и девочках), «Как не баловать дочку

новыми нарядами» (для 1–6 классов), «Макаренко о дружбе родителей и детей» (для 7–10 классов) [27, Л. 14, 27]

Представлять школу того времени как главный институт в процессе формирования городской культуры было бы, наверное, большим преувеличением. Корректнее, на наш взгляд говорить о том, что школа закладывала определенные ориентиры для дальнейшей урбанизации. Необходимость занять досуг школьников, сформировать общие культурные ориентиры городской среды выражалась в практиках «окультуривания». Это могло происходить в различных формах: приобщение к театру, классической музыке, внедрение правил этикета, к тому, что в тех условиях принято было считать маркерами городского образа жизни. Учащиеся школы № 22 могли выполнять тренировочные упражнения: «К нам пришли гости», «Мы пришли в театр». В школе № 77 организовывались обучающие вечера для старшеклассников: «Танцы на вечерах», «Как красиво одеваться». Усилиями властей (ГорОНО, горком ВЛКСМ) для просвещения подрастающего поколения привлекалась Пермская Государственная филармония. Лекции-концерты под такими названиями как: «Что такое опера», «Как слушать и понимать музыку» призваны были сформировать культурные образцы, расплывавшиеся в городском пространстве [18, Л. 240–243, 258].

Таким образом, школа в 1950-е годы становится институтом, ориентированным в основном на выполнение социальных функций. Сами по себе эти функции не были новыми, но в условиях резко возросшего населения г. Молотова в 1950-е годы социальная направленность школы стала определяющей.

Обязанности профилактики девиантного поведения подростков была важной, но не единственной функцией школы с точки зрения власти. Растущей промышленности были необходимы молодые, квалифицированные кадры. Пытаясь решить проблему нехватки квалифицированных рабочих рук, с 28 декабря 1958 г. стартует школьная реформа.

По своей сути эта реформа доводила до логического конца идею политехнизации. С методической точки зрения это было вторым, если не третьим оттиком с идеей американского педагога Дж. Дьюи [28]. Практико-ориентирование, приоритетное развитие химии, биологии и физики должно было привлечь на заводы подрастающее поколение. Указанная реформа форсировала политехнизацию, перенося ее для учащихся старших классов из школы на завод. Эта мера, названная «укрепление связи школы с жизнью» должна была избавить школу от излишнего академизма и привлечь подрастающее поколение на заводы.

Интересно, что первоначальные идеи этой реформы были гораздо радикальней, чем тот вариант, который стал реализовываться с декабря 1958 г. По мнению французского исследователя Л. Кумеля, одной из причин этого стало гласное и негласное сопротивление реформе АН СССР [29]. Между тем, образовательная реформа реализовывалась в новых социальных условиях. Плата за обучение в предшествующий период выполняла запретительную функцию, заставляя подавляющее большинство учащихся заканчивать образование в седьмом классе. Ее отмена в сочетании с повышением жизненного уровня населения сделали вузы

доступнее для молодежи. Не стоит забывать и о том, что в предшествовавший период старшие классы школы были во многом предназначены для подготовки к вузу. В 1950-е же годы проблема огромного наплыва учащихся решалась за счет этого звена. Таким образом, предшествовавшая структура школы в сочетании с решением конкретных социальных проблем предоставляли больше шансов для поступления в высшие учебные заведения. Определенную роль сыграло и резкое кратковременное снижение количества старшеклассников в конце 1950-х гг. (родившихся в годы войны в условиях спада рождаемости), вызвавшее снижение вузовской планки при поступлении. Открывшееся «окно возможностей», впрочем, не закрылось спустя несколько лет. Поколение родившихся после войны в условиях последнего советского «беби-бума» все чаще шло по пути своих предшественников, поступая в высшие учебные заведения.

Так, если в Молотовский государственный университет в 1951 году на первый курс поступило 376 студентов [30, Л. 98–104], в 1957–502 [31, Л.12], то в 1962 г. и 1966 г. — соответственно — 838 [32, Л. 9] и 976 человек [33, Л. 46]. В краткой справке 1966 года о развитии университета к его 50-летию с гордостью отмечалось: «Если за сорок лет (1917–1956) университет подготовил 5,5 тыс. специалистов, то за следующие семь лет (1957–1964 гг.) университет направил на предприятия, в школы, научные учреждения и другие организации 5477 человек...» [34, Л. 4]. Столь значительный прирост специалистов, получивших дипломы высшего образования был и следствием того резкого роста доли вечерней и заочной форм обучения.

Университет не был исключением на фоне других пермских вузов. Так, в Пермский педагогический институт в 1957 году поступило 250 человек [35, Л. 2], через пять лет, в 1962 году — уже 475 [36, Л. 6]. По приблизительным подсчетам суммарное количество поступивших в университет и пединститут соответствовало каждому второму выпускнику средней школы г. Перми. Таким образом, власть, желая увидеть выпускника средней школы у заводской проходной, все чаще замечала его в вузовской аудитории. С точки зрения урбанизации это имело далеко идущие последствия. Сама специфика обучения в вузе в отличие от школ в большей степени способствовала формированию городской культуры.

Необходимость регулярного (часто — значительного) перемещения в пространстве и общение со сверстниками из различных районов города разрушало территориальную локальность студентов, бывшие идентификаторы, такие как «Зеленка», «Висим», теряли свою силу. Иными словами, выпускники вузов, в отличие от своих родителей, в меньшей степени ощущали себя жителями рабочего поселка и в большей степени — жителями города. Меньшая чем в школе регламентация повседневности в сочетании с более высокой степенью личной ответственности закладывали новые паттерны, стоявшие уже ближе к городским социальным технологиям.

Подведем итоги. Новому старту урбанизации, начавшемуся в конце 1950-х годов, предшествовало усиление напряженности в социальном пространстве города. Причиной этой напряженности было одновременное сочетание разнонаправленных

процессов: мобильность рабочих, получивших возможность смены места работы, миграция сельских жителей, увеличение среди горожан доли амнистированных представителей уголовного мира. В этих условиях место и функции школы как социального института подвергаются трансформации: на первый план выходит выполнение социальных функций в ущерб образовательным. Школа становится «плавильным котлом», пытающимся «переварить» массы мигрантов из сельской местности. Приобщение к элементам формирующейся городской культуры новых городских маргиналов, борьба с социальными условиями подростковой преступности — безнадзорностью и влиянием криминального мира становится определяющим в работе школ. В этот период школа как стабилизирующий институт объективно способствует формированию городской культуры. Тем не менее возможности советских школ г. Молотова в этом процессе были ограничены. До тех пор пока городское пространство представляло агломерацию плохо связанных друг с другом рабочих поселков, значение школы было во многом определяющим. В условиях же изменения городской среды, развития транспортной и иной городской инфраструктуры, ослабления локальности микрорайонов школа начинает передавать эстафету вузам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века [В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенинский и др.]; отв. ред. В. В. Алексеев; УрО РАН, Ин-т истории и археологии. Москва: Наука, 2000. 244 с.
2. Представления Прокурора г. Молотова «О серьезных недостатках в нарушении трудового законодательства на предприятиях оборонной промышленности» и «О состоянии преступности среди н/л и детской беспризорности». // ГАПК. Ф. р-1365. Оп. 2с. Д. 281. Л. 1–4.
3. Отчет ГорОНО о работе школ за 1952–1953 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78. Л. 11.
4. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. Новосибирск: Сиб. Хронограф. 2000. 678 с.
5. Суслон А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург–Пермь. 2003. 331 с.
6. Козлов А. Козел на саксе. М: Вагриус. 1998. 443 с.
7. Медынский Г. А. Честь. М: Современник. 1976. 445 с.
8. Интервью с учителем пермской школы Г.К. Ш-ной от 6.12.2004 // Личный архив автора.
9. Протоколы партсобраний школы № 15 Кагановичского района 1951–1952 гг. // ПермГАСПИ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 1954. Л. 12–15.
10. Интервью с преподавателем пермской школы К-ной А.Г., записано 2.12.2004 // Личный архив автора.
11. Интервью преподавателем пермской школы П.М. Е-вым. Записано 15.03.2004 // Личный архив автора.
12. Интервью с пермским пенсионером В.А. Ч-ным. Записано 15.03.2004 // Личный архив автора.
13. Отчет ГорОНО за 1952–53 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 78.
14. Отчет ГорОНО за 1953–54 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 79.
15. Отчет ГорОНО за 1954–55 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 80.
16. Отчет ГорОНО за 1955–56 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 81.
17. Отчет ГорОНО за 1956–57 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 82.
18. Отчет ГорОНО за 1957–58 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 83.
19. Отчет ГорОНО за 1958–59 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 84.

20. Отчет ГорОНО за 1959–60 гг. // ГАПК. Ф. Р-478. Оп. 2. Д. 85.
21. Постановление оперативного совещания и докладные записки о работе прокуратуры г. Молотова по делам несовершеннолетних за 1952–1953 гг. // ГАПК. Ф. р-1365. Оп. 2 с. Д. 278.
22. Доклад прокурора г. Молотова об улучшении работы по делам н/летних и переписка с горкомом КПСС о неудовлетворительной работе детских комитетов и мерах борьбы с детской преступностью. // ГАПК. Ф. р-1365. Оп. 2с. Д. 279.
23. Отчет ГорОНО за 1960–1961 гг. // ГАПК. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 86.
24. Отчет ГорОНО за 1961–1962 гг. // ГАПК. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 87.
25. Отчет ГорОНО за 1962–1963 гг. // ГАПК. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 88.
26. Отчет ГорОНО за 1963–1964 гг. // ГАПК. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 89.
27. Доклад А. И. Серебренниковой «О состоянии воспитательной работы и дисциплины учащихся в Пермской школе № 7» // ГАПК. Ф. Р- 1428. Оп. 1. Д. 54.
28. Яковлева В. В. Филиация идей американской философии прагматизма в проектах трансформации института российского образования в 1910–1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь 2004. 189 с.
29. Кумель Л. Образование в эпоху Хрущева: оттепель в педагогике? URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/2/obrazovanie-v-epohu-hrushheva-ottepel-v-pedagogike.html> (дата обращения 15.10.2023)
30. Сведения о движении студентов Молотовского госуниверситета за 1951/1952 уч. год, за 1952/1953 уч. год // ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 105.
31. Статистические отчеты о ходе приема, результатах приемной комиссии, о выполнении плана по контингентам студентов, о движении численности студентов и материалы к ним за 1957/58 уч. год // ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 540.
32. Статистические отчеты о ходе приема, результатах приемной комиссии, о выполнении плана по контингентам студентов, о движении численности студентов и материалы к ним за 1962/63 уч. год // ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 567.
33. Статистические отчеты Пермского госуниверситета за 1966/67 уч./год. // ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 2771.
34. Краткая справка о развитии университета (к 50-летию университета) 1966 г. // ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 2765.
35. Пермский государственный педагогический институт. Отчет о работе приемной комиссии за 1957 г. // ГАПК. Ф. р-420. Оп. 1. Д. 356.
36. Пермский государственный педагогический институт. Отчет о работе приемной комиссии за 1962 г. // ГАПК. Ф. р-420. Оп. 1. Д. 558.
37. Чердниченко Г.А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М. 1985. 240 с.

Ю.Г. БЕЛОГОВ

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
БИОГРАФИЙ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
г. ПЕРМИ ЗА 1938–1991 ГОДЫ**

Аннотация: На основе базы данных Пермского государственного архива социально-политической истории анализируется биографическая информация лиц, занимавших должности «первых лиц» города Перми (первый секретарь горкома партии, председатель городского Совета депутатов трудящихся); возраст вступления в должность, продолжительность занимаемой должности, пол, партийность, наличие/отсутствие опыта партийной или советской работы, предыдущая и последующая карьерная траектория, причины освобождения от должности. Сравнение осуществляется как по указанным должностным группам, так и по историческим периодам.

Ключевые слова. Пермь, первый секретарь горкома КПСС; председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся; ПермГАСПИ; просопография; элитообразование.

YU.G. BELONOGOV

Perm National Research Polytechnic University

**COMPARATIVE PROSOPOGRAPHIC ANALYSIS OF BIOGRAPHIES
OF PARTY AND SOVIET LEADERS PERM FOR 1938-1991**

Abstract. Based on the database of the Perm State Archive of Socio-Political History, biographical information of persons who held the positions of “first persons” of the city of Perm (first secretary of the city party committee, chairman of the city Council of Workers' Deputies) is analyzed: age of entry into office, length of office, gender, Communist Party membership, availability/lack of experience in the staff of the CPSU and Soviets, previous and subsequent career trajectory, reasons for dismissal from office. The comparison is carried out both for the specified official groups and for historical periods.

Keywords. Perm; first secretary of the city committee of the CPSU; chairman of the executive committee of the city Council of Workers' Deputies; PermGASPI, prosopography; elite recruitment.

В настоящее время термин «просопография» обозначает метод исследования массовых источников, позволяющий на основе статистического анализа изучать динамические изменения, происходившие в определенный период времени с группой исследуемых объектов, имеющих хотя бы одну общую характеристику [1, с. 3]. Просопографический метод широко применяется и в биографических исследованиях. Результатом использования количественного анализа при изучении массовых источников стало появление работ по созданию «коллективных биографий» определенных социальных групп и даже страт, причем биографические

характеристики в зависимости от контента источников и задач исследования весьма различаются. В рамках заявленной проблематики автор опирался на уже имеющиеся наработки по схожим исследовательским темам [2–4].

В данной статье в центре внимания находятся две должностные группы: первые секретари Пермского (в 1940–1957 гг. — Молотовского) городского комитета ВКП(б)/ КПСС и председатели исполнительного комитета Пермского городского Совета за 1938–1991 годы (в 1938–1940 гг. данный орган власти официально назывался Пермским городским исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся; в 1940–1957 гг. – Молотовским городским исполнительным комитетом Совета депутатов трудящихся; с 1957 г. по 7 октября 1977 г. – Исполнительным комитетом Пермского городского Совета депутатов трудящихся; в период с 7 октября 1977 г. по 13 января 1992 г. – Исполнительным комитетом Пермского городского Совета народных депутатов) [5]. Именно эти две должностные группы фактически являлись основой властной конструкции города как областного центра.

Непосредственный предмет исследования — пребывание пермских городских руководителей в данных должностных группах как этап в карьерных траекториях номенклатурных работников.

Целью исследования стало изучение кадровых аспектов формирования элит в советской политической системе на уровне «первых лиц» областного центра. Хронологические рамки ограничены 1938 и 1991 годами. Почему? В октябре 1938 года Пермь из районного центра Свердловской области превращается в областной центр Пермской области, что предусматривало смену персонального состава партийного и советского руководства города.

В 1991 году заканчивается существование политической системы СССР: сразу же после августовского путча 1991 года упраздняется Коммунистическая партия Советского Союза и ее штатный аппарат (перестает функционировать Пермский горком КПСС во главе с его руководителем), а в январе 1992 г. последний председатель исполкома Пермского городского совета народных депутатов В. Е. Филь становится первым главой администрации г. Перми.

Для достижения заявленной цели автор данного исследования поставил следующие задачи:

- сравнить социально-демографические и политические характеристики партийных и советских работников (пол, возраст, уровень и профиль образования, партийность, партстаж) при занятии руководящей партийной или советской должности;
- сопоставить предшествующий опыт работы и вектор карьерной траектории работника при утверждении в данной должности;
- определить особенности вектора непосредственно дальнейшей карьерной траектории у партийных и советских руководителей;
- выявить закономерности кадровых перемещений в отдельных исторических периодах.

В своем исследовании автор опирался на следующие источники:

А) база данных «Партийные и советские руководители Пермской (Молотовской) области. 1921–1991 гг.» [6], расположенная на сайте Пермского государственного архива социально-политической истории и содержащая в себе краткие биографические сведения (возраст, образование, партийность, карьера) об интересующих работников;

Б) делопроизводственная документация парткомов Пермской (Молотовской) области, включающая в себя личные дела номенклатурных работников, отчеты и пояснительные записки обкома в ЦК партии о сменяемости и карьерных перемещениях номенклатурных кадров;

В) сборник статей «Пермские градоначальники» [7], который позволяет идентифицировать всех советских руководителей г. Перми (Молотова), ознакомиться с их краткой биографией, включая предшествующий период до занятия должности «пермского градоначальника» и последующий этап их карьерной траектории.

Только комплексное использование указанных источников позволило преодолеть присущие каждому из них недостатки (краткость, неполнота информации).

Персональный состав руководителей за октябрь 1938 г. — декабрь 1991 г. представлен 14 председателями исполкома (табл. 1) и 11 первыми секретарями горкома партии (табл. 2). Необходимо упомянуть, что в 1930-е годы была распространенной практика совмещения в одном лице постов первого секретаря областного комитета и первого секретаря городского комитета ВКП(б) в городе, который являлся областным центром. Соответственно, первые секретари Пермского (Молотовского) обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров (1938–1946 гг.) и К. М. Хмелевский (1946–1950 гг.) одновременно занимали пост первого секретаря Пермского (Молотовского) горкома ВКП(б). В некоторой степени совмещение должностей обеспечивало определенную стабильность для партийного руководства, что повлияло на несколько большую продолжительность пребывания их в должности, чем у советских руководителей (57 месяцев против 47,9). Данная практика совмещения была упразднена по итогам «ленинградского дела», а в результате «молотовской чистки» 1950 года было реализовано разделение данных должностей (в связи с данным обстоятельством для автора оказалось невозможным по имеющимся источникам выяснить, кто был первым секретарем Молотовского горкома ВКП(б) за период с января по апрель 1950 г.).

Социально-демографические характеристики и политическая социализация партийных и советских руководителей. Возраст вступления в должность, гендер, уровень и профиль полученного образования, членство в партии и относительно большой партийный стаж – по указанным параметрам биографические данные субрегиональных руководителей имели гораздо больше общего, чем особенного.

Результатом проводимой кадровой политики стало неравномерное распределение номенклатурных должностей между мужчинами и женщинами, напоминавшее пирамидальную структуру. Для советской политической традиции очевидная гендерная диспропорция была характерна при занятии ключевых политико-административных должностей. Так, среди 25 человек только одна (А. Г. Упорова)

была женщиной. В должностных группах председателей исполкомов местных Советов и первых секретарей партийных комитетов удельный вес женщин редко достигал верхнего порога в 5%, при этом представительство женщин в городских органах власти было выше, чем в сельской местности [8, с. 286, 293, 312–314, 325].

ФИО	Вступление в должность	Окончание полномочий	Продолжительность, мес.
Бушмелев М. Ф.	10.1938	03.1941	29
Упорова А. Г.	04.1941	04.1943	25
Кушневский Б. Д.	04.1943	03.1944	12
Шарц А. К.	03.1944	09.1945	20
Ахлюстин И. П.	09.1945	11.1946	14
Михайлин В. П.	11.1946	02.1950	52
Зайцев Н. Н.	03.1950	03.1956	73
Попов А. С.	04.1956	03.1961	60
Галкин Е. Н.	03.1961	08.1965	54
Большаков Ю. Ф.	08.1965	03.1968	44
Калинкин Г. С.	03.1968	09.1983	187
Черкашин Э. И.	09.1983	09.1986	37
Парфенов В. А.	09.1986	04.1990	43
Филь В. Е.	04.1990	12.1991	21
Среднее значение			47,9

Таблица 1. Персональный состав советских руководителей г. Перми (Молотова), 1938–1991 гг. (сост. по: [6])

ФИО	Вступление в должность	Окончание полномочий	Продолжительность, мес.
Гусаров Н. И.	10.1938	04.1946	91
Хмелевский К. М.	04.1946	01.1950	45
Бобров А. М.	04.1950	09.1953	42
Ястребов И. П.	09.1953	10.1954	14
Коноплев Б. В.	10.1954	12.1960	75
Трофимюк Н. А.	01.1961	01.1963	25
Мелешков С. А.	01.1963	08.1975	145
Малафеев А. С.	08.1975	04.1979	44
Чернышов Е. Н.	04.1979	04.1984	61
Суркин В. А.	04.1984	12.1990	76
Степченко В. П.	12.1990	08.1991	9
Среднее значение			57

Таблица 2. Персональный состав партийных руководителей г. Перми (Молотова), 1938–1991 гг. (сост. по: [6])

Для обеих должностных групп было характерно занятие должностей представителями только двух возрастных когорт: «30+» и «40+», причем численность последних преобладала (для партийных руководителей — 7 человек из 11, для советских руководителей — 8 из 14). Необходимо заметить, что в довоенный и военный периоды в занимаемые должности вступали исключительно 30-летние работники. Со второй половины 1940-х годов для советских руководителей (а с первой половины 1960-х годов — для партийных руководителей) очевидным трендом становится вступление в должность в возрасте «40+». Средний возраст вступления в должность для партийных и советских руководителей на рассматриваемом временном промежутке 1938–1991 оказался примерно одинаковым — 40,5 и 40,4 лет соответственно.

Профиль и уровень полученного образования отражали ярко выраженный индустриальный уклон экономики областного центра. Так, 10 из 14 советских руководителей и 9 из 11 партийных руководителей имели технический профиль образования. При этом 10 из 14 председателей исполкома и 7 из 11 первых секретарей горкома имели высшее образование, причем среди советских руководителей тренд наличия высшего образования отчетливо прослеживается с начала 1950-х годов, для партийных руководителей — с начала 1960-х годов.

В рамках существовавшей в советский период политической традиции следует рассматривать и поголовное членство в ВКП(б)/КПСС среди партийных и советских руководителей. Данный факт не только свидетельствует о необходимой политической лояльности высокопоставленного работника, но и доказывает наличие связи между вступлением индивида в партию и открывавшейся для него возможностью для карьерного роста. Заметим, что временной период между вступлением в партию и занятием должности партийного руководителя областного центра значительно превышал минимальный срок, допускаемый партийными Уставами (и поправками к ним) 1930–1980-х годов. При этом партийные руководители оказываются по своему партийному стажу даже более «молодыми», чем председатели исполкома (соответственно 14,1 и 15,9 лет). Причем заметна интересная тенденция: для партийных руководителей небольшой партийный стаж в 7–9 лет совпадает с занятием должности как восходящего этапа карьеры, а в половине случаев для партийных и советских руководителей большой партстаж в 17–23 года совпал со вступлением в должность как нисходящего этапа карьеры.

Предшествующий профессиональный бэкграунд партийных и советских руководителей представляется важным для исследования. Автор попытался выявить наличие/отсутствие «ведомственного» опыта работы (для партийных работников — опыт освобожденной или штатной партийной работы, у председателей горисполкома — опыт работы в аппарате исполнительных комитетов Советов), а также определить бассейн рекрутирования на должности первого секретаря горкома партии и председателя горисполкома.

Несравненно большим «ведомственным» опытом обладали именно партийные работники перед попаданием на должность первого секретаря Пермского горкома ВКП(б)/КПСС (таковой «бэкграунд» фиксируется у 10 из 11 человек, кроме А. С. Малафеева). У советских же руководителей «ведомственный» опыт был только у каждого седьмого, а опыт освобожденной партийной работы фиксируется у 10 человек из 14).

В целом можно сделать следующий вывод: «первые лица» г. Перми (Молотова) перед попаданием на указанные должности в основном прошли «горнило» именно штатной партийной работы (парторг ЦК, секретарь парткома крупной первичной парторганизации, работник аппарата функционального подразделения регионального парткома или секретарь субрегионального территориального парткома).

Данный вывод подтверждается следующей информацией: половина председателей Пермского (Молотовского) городского исполнительного комитета

Совета были рекрутированы с партийной работы (7 из 14), причем данная тенденция была характерна именно для «сталинского» (4–5 случаев из 7) и «брежневского» (2 случая из 2) периодов. В «хрущевский» период очевидным трендом стало рекрутирование советских руководителей города непосредственно с хозяйственной работы (2 случая из 2). В целом из 14 председателей Пермского (Молотовского) горисполкома 7 пришли непосредственно с партийной работы, 4 человека — с хозяйственной, 2 — с советской и 1 — демобилизовался из РККА (хотя до призыва в РККА был вторым секретарем Молотовского горкома ВКП(б)).

Для первых секретарей Пермского (Молотовского) горкома ВКП(б)/КПСС переход на данную должность непосредственно со штатной партийной работы было нормой на протяжении всех задецованных исторических периодов от «сталинизма» до перестройки (лишь в 1 случае из 11 наблюдался переход с хозяйственной на партийную работу).

Карьерные траектории городских партийных и советских руководителей.

В рамках данного сюжета автор попытался ответить на вопрос о том, каким этапом в карьерной траектории номенклатурных работников стало занятие ими должностей партийного или советского руководителя г. Перми. Под карьерной траекторией понимается вектор перехода от предшествующей к последующей должности. Соответственно, можно выделить восходящую (от менее к более статусным должностям во властной иерархии) и нисходящую (наоборот: от более к менее статусным) карьерные траектории номенклатурного работника. В ситуациях, когда нельзя однозначно определить вектор карьерной траектории (например, директор пермского завода № 260 Е. Н. Галкин в марте 1961 г. стал председателем пермского горисполкома и в августе 1965 г. стал директором пермского завода им. Дзержинского; а первый секретарь Молотовского горкома ВКП(б) А. М. Бобров тяжело заболел и умер), выбиралась позиция «иное».

Признаки для сравнения	Партийные руководители	Советские руководители	Продолжительность, мес.
С нижестоящей должности на вышестоящую	7	7	91
С вышестоящей должности на нижестоящую	3	5	45
Иное	1	2	42
Итого	11	14	14

Таблица 3. Занятие должности как этап карьерной траектории у партийных и советских руководителей г. Пермь (Молотов), чел (сост. по: [6])

Согласно данным таблицы 3, занятие должности первого секретаря Пермского горкома ВКП(б)/КПСС в большинстве случаев (7 из 11) было восходящим этапом карьерной траектории для работников, которые представлялись перспективными для карьерного роста. Данный показатель для советских руководителей г. Перми (Молотова) составлял уже только половину случаев.

Одновременно для 8 из 25 руководителей (т.е. в трети случаев) попадание на указанные должности формально было небольшим, но всё же служебным понижением (например, заместитель председателя Молотовского облисполкома А. К. Шарц в 1944 году был назначен председателем Молотовского горисполкома, а заведующий промышленно-транспортного отделом Молотовского обкома КПСС И. П. Ястребов в 1953 году стал первым секретарем Молотовского горкома ВКП(б)).

Как повлияла работа в должностных группах партийных и советских руководителей г. Перми (Молотова) на их последующую карьеру? Согласно данным таблицы 4, с точки зрения карьерного роста должность первого секретаря Пермского горкома ВКП(б)/КПСС выглядела намного более перспективной (7 из 11 случаев), чем у председателя горисполкома (только 2 из 13 случаев).

Соответственно, шансов «упасть вниз» для советского руководителя были гораздо больше, чем у партийного руководителя.

В частности, для 5 из 13 председателей горисполкома была характерна нисходящая карьерная траектория (все эти случаи приходится на «сталинский» период истории областного центра).

Для партийных руководителей нисходящая карьерная траектория была характерна только в исключительных случаях (в результате так называемой «молотовской чистки» первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) К. М. Хмелевский был освобожден от занимаемых должностей, а также последний первый секретарь Пермского горкома КПСС В. П. Степченко «лишился» должности из-за упразднения КПСС и ее аппарата).

Признаки для сравнения	Партийные руководители	Советские руководители
Восходящая	7	2
Нисходящая	2	5
Не известно	0	1
Иное	2	5
Итого	11	13

Таблица 4. Дальнейший вектор карьерной траектории первых секретарей Пермского (Молотовского) городского комитета ВКП(б)/КПСС и председателей Пермского (Молотовского) горисполкома (без В.Е. Филя), чел. [сост. по: 6].

При освобождении от занимаемой должности по негативным основаниям работник всё равно оставался в так называемой «номенклатурной обойме». Например, упомянутый К. М. Хмелевский в 1950–1958 годах работал инструктором ЦК ВКП(б)/КПСС [9], а лишенный по результатам «молотовской чистки» должности председателя Молотовского горисполкома В. П. Михайлин был переведен на государственную работу – стал начальником Молотовского областного управления кинофикации.

В каких отраслях продолжалась дальнейшая карьера представителей двух рассматриваемых должностных групп? Согласно данным таблицы 5, первые секретари Пермского (Молотовского) горкома партии продолжали свою карьеру в «ведомственном» направлении — на партийной работе (7 из фактически 9 случаев: о судьбе А. М. Боброва и В. П. Степченко уже было упомянуто). Для советских руководителей спектр отраслей дальнейшей работы оказался более разнообразным: из 12 известных случаев (а также без учета В. Е. Филя, продолжившего работать в качестве главы администрации г. Перми в новой общественно-политической системе) в 5 бывший председатель Пермского (Молотовского) горисполкома переходил на хозяйственную работу, в 3 — на государственную, в 2 — на партийную, и только в 2 случаях он продолжал «ведомственную» карьеру в исполнительных комитетах Советов.

Признаки для сравнения	Партийные руководители	Советские руководители
Партийная	7	2
Советская	1	2
Государственная	1	3
Хозяйственная	0	5
Иное / Не известно	2	1
Итого	11	13

Таблица 5. Отрасль непосредственно последующей работы для первых секретарей Пермского (Молотовского) городского комитета ВКП(б)/КПСС и председателей Пермского (Молотовского) горисполкома (без В.Е.Филя), чел. [сост. по: 6].

Таким образом, социально-демографические и политические характеристики «первых лиц» г. Перми в целом соответствовали особенностям советского элитообразования в индустриально развитом областном центре (гендерное неравенство, приоритет технического образования, наличие членства в партии, солидный партстаж перед вступлением в должность). Приоритет представителей зрелых возрастных групп (30- и 40-летних) позволял приобрести необходимый профессиональный опыт (у партийных руководителей отмечается приоритет «ведомственного» опыта, у советских руководителей — приоритет опыта штатной партийной работы).

Вступление в должность первого секретаря горкома партии / председателя горисполкома означала в большинстве случаев восходящую линию карьерной траектории (особенно в отношении партийных руководителей). Основным бассейном рекрутирования выступали работники партийного аппарата как представители наиболее политически лояльной социальной группы, имевшей опыт политического руководства. Для продолжения восходящей карьеры должность первого секретаря Пермского горкома партии оказывалась более предпочтительной, причем по «ведомственной» линии. Для советских руководителей отмечался высокий риск лишения должности по отрицательным причинам, достаточно редкими были случаи «ведомственного» продолжения карьеры.

Просопографический анализ позволяет выделить отличительные черты кадровой политики в разные исторические периоды. Например, для периода «сталинизма» характерна высокая ротация кадров субрегиональных руководителей, высокий удельный вес работников, освобожденных по отрицательным причинам (так, первые шесть председателей Пермского/Молотовского горисполкома лишались должности по негативным основаниям: «не справился со своими обязанностями», «как не справившаяся с порученной работой», «скомпрометировал себя» и др.). Для «хрущевского» периода достаточно характерным было привлечение индивидов на должности партийных и советских руководителей города с руководящей хозяйственной работы. На «застойный» период приходится рекорды длительности пребывания в занимаемой должности первого секретаря Пермского горкома КПСС и председателя Пермского горисполкома (С. А. Мелешков, Г. С. Калинин). В период перестройки сохраняются общие тенденции управленческого элитообразования (в отношении возраста, гендера, образования, профессионального бэкграунда), но в рамках появившейся системы альтернативных выборов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юмашева Ю. Ю. Просопография — метод исследования и междисциплинарное направление: этапы развития и современное состояние // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51.
2. Дорошина М. М., Слезин А. А. Эволюция кадрового корпуса первых секретарей областного, городских и районных комитетов ВЛКСМ Тамбовской области в 1937–1953 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50), ч. II. С. 60–64.
3. Косенков А. Н. Коллективный портрет Тамбовской социальной элиты 1920–1940-х гг. По материалам просопографической базы данных // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 9 (149). С. 108–117.
4. Метелкина Л. Н. Руководители Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) — ВКП(б): опыт создания коллективного портрета. Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 79–85.
5. Исполнительный комитет Пермского городского Совета народных депутатов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permarchive.ru/funds/index.php?act=fund&id=100> (дата обращения: 15.06.2023).
6. Партийные и советские руководители Пермской (Молотовской) области. 1921–1991 гг. База данных [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/leaders/> (дата обращения: 15.06.2023).
7. Пермские градоначальники. Пермь: Стиль-МГ, 2008. 300 с.
8. Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры 1921–1991 гг. (на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) / под ред. В. П. Мохова. Пермь: Пресстайм, 2008. 329 с.
9. Лейбович О. Л. Забытый секретарь: штрихи к биографии Кузьмы Михайловича Хмелевского // Ретроспектива. 2007. № 1. С. 14–20.

ПЕРМЬ В ТЕКСТАХ

УДК: 908

Б.Е. СТЕПАНОВ

*Центр исследований Центральной и Восточной Европы,
Университет Париж IV (Сорбонна)*

ЛИЦОМ К ГОРОДУ: УРБАНИЗМ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ 1920-х ГОДОВ

Аннотация. Статья представляет опыт эскизного анализа формирования урбанистической рефлексии в краеведческой литературе. Значимым ориентиром в этом отношении является педагогическая литература 1920-х гг., которая свидетельствует о значимости для краеведения интереса к современности, одним из воплощений которой выступает город. Обращение к анализу текстов таких канонических для краеведения фигур как И. М. Гревс и Н. П. Анциферов, позволяет, с одной стороны, указать на широкий контекст реализованной в них урбанистической рефлексии, а, с другой стороны, продемонстрировать специфику осмысления города и интерпретации современности по сравнению с подходами, которые были представлены в работах по педагогическому краеведению той эпохи.

Ключевые слова. Краеведение; урбанизм; школьное образование; культура; современность.

В.Е. STEPANOV

*Centre for Central and Eastern European Studies (Eur'Orbem),
Sorbonne (University of Paris IV)*

FACING THE CITY: URBANISM AND PEDAGOGICAL REGIONAL STUDIES OF THE 1920s

Abstract. The article provides an outline analysis of the formation of urban reflection in local studies literature. A significant reference point in this respect is the pedagogical literature of the 1920s, which testifies to the importance of the interest in modernity and the city as one of its embodiments for local studies. Consideration of the selected texts by such canonical figures for local studies as I. M. Grevs and N. P. Antsiferov allows us, on the one hand, to point out the broad context for their writings, and, on the other, to demonstrate the specificity of their comprehension of the city and interpretation of modernity to the approaches of other methodists of that era.

Keywords. Local studies; urbanism; school education; culture; modernity.

История российского краеведения остается перспективным проектом для исследователей. И наработки региональных исследователей по изучению развития краеведения в конкретных регионах, и систематический мониторинг краеведческой библиографии, который ведется РНБ и другими библиотеками, пока еще не стали основой для синтетических работ, которые могли бы представить эту работу в контексте истории знания и географии его воспроизводства¹.

¹ Попытка обобщения см. [19]. Должен оговориться, что в данном тексте я не претендую на полноту представления библиографии по изучаемой теме.

Даже в отношении 1920-х годов, которые с легкой руки С. О. Шмидта именуются «золотым веком краеведения», ситуация не претерпела существенных изменений: с момента появления работ Э. Джонсон и М. Лоскутовой в изучении этого периода мало что изменилось. В последнее время появились важные попытки осмыслить краеведение в контексте развития музейной сферы и в перспективе исследований памяти². В этой статье хотелось бы обратиться к другому ракурсу, в котором история краеведения может быть актуализирована. Речь идет о педагогическом измерении краеведения как пространства осмысления урбанистической проблематики. Данный ракурс представляется важным не только в связи с тем, что краеведение как сфера школьного образования сегодня все больше обнаруживает интерес к теме города, который отчетливо проявился в публичных дискуссиях 2010-х годов³. В историческом плане важно то, что вопрос о городе может быть одним из ключей к переосмыслению краеведения, которое устойчиво ассоциируется с идеями обретения исторических корней, сохранения наследия и т.д. Между тем интерес к современности можно рассматривать как важный импульс, который вдохновлял краеведов на разных этапах существования этого движения. Для 1920-х годов этот импульс можно считать программным, если не доминирующим, и внимание к теме города является одной из его манифестаций. Постановка вопроса об урбанистической рефлексии в краеведении обращает нас к сфере школьной методики, с которой эта рефлексия преимущественно связана. Историки краеведения, подобно исследователям школьных реформ 1920-х годов, до сих пор не уделяли достаточного внимания взаимосвязи этих двух явлений. Таким образом, выбранный нами сюжет позволяет сделать наши представления о «золотом веке краеведения» более объемными и основательными.

Осмысление города в российском краеведении 1920-х годов традиционно связывается с именами историка И. М. Гревса и, даже в большей степени, его ученика Н. П. Анциферова. В работах, посвященных их творчеству, нередко можно встретить достаточно скептические отзывы об их работах 1920-х годов и их связи с краеведением. Критически оценивая урбанистическую теорию Гревса, Б. С. Каганович оговаривал необходимость «иметь в виду экскурсионно-краеведческие рамки, в которых разворачивалась работа Гревса в 20-е гг.» [14, с. 231]⁴. По мнению Э. Джонсон, автора одной из первых монографий о российской традиции краеведения, появление этого движения в начале 1920-х гг. мало что могло дать исследователям, представлявшим сложившуюся традицию изучения истории Петербурга, к которой принадлежали Н. П. Анциферов и И. М. Гревс. Признавая, что они охотно идентифицировали себя с движением и активно участвовали в его становлении, Джонсон ставит под сомнение то, что краеведческая идеология оказала сколько-нибудь существенное воздействие на их творчество [24, с. 156–182].

² Отсылаю читателя к публикациям С. Гавриловой, Д. Хлевнюк и ряда других авторов.

³ Внимание к городу явным образом начало нарастать уже в момент всплеска интереса к краеведению, который намечился в позднесоветские годы и раскрылся на рубеже 1990-х годов. Выражением этого стало оформление в качестве отдельных предметов «москововедения» и «петербурговедения». Однако эксплицитно проблематика города в образовании разрабатывается только в последние годы, в связи с появлением образовательной урбанистики. См. публикации А. Н. Шевелева, Е. А. Асоновой, М. В. Буланова, А. Н. Россинской и др. [20, 5].

⁴ Впоследствии Б. С. Каганович совместно с А. В. Кобаком подготовил брошюру, посвященную вкладу Гревса в развитие краеведения [13].

С высоты сегодняшнего дня и в контексте поставленного выше вопроса эти суждения могут быть пересмотрены. Краеведческие работы Анциферова и Гревса действительно наиболее последовательным образом выдвигают город в качестве ключевого объекта исследования культуры, конвертируя в исследовательскую практику как наработки итальянских образовательных путешествий Гревса, в одном из которых принимал участие Анциферов, так и опыт преподавания в Тенишевском училище. Все это явилось отправной точкой для разработки методики проведения экскурсий, которая стала миссией созданного в 1921 году Петроградского экскурсионного института, в котором Гревс руководил гуманитарным отделом. Интерес к топографической проблематике, как и склонность к методической работе, сделала для них органичным перенос работы в области городской проблематики в сферу краеведения⁵. В рамках краеведения Гревс не только продолжает рассматривать город как самый значимый объект с точки зрения исследования культуры [9], но и, обращаясь к немецкой традиции родиноведения, представляет для российского читателя тему «родиноведения больших городов» [10]. В работах Анциферова городская проблематика не только оказывается освещенной в самом широком горизонте (наиболее ярким свидетельством может служить подготовленная им совместно с Т. Н. Анциферовой хрестоматия) [2], но и представляет теорию города в систематическом виде [1, 3].

Вместе с тем, обращаясь к урбанистическому наследию Анциферова и Гревса, нельзя не учитывать того, что их деятельность вписывалась в более широкий контекст актуализации городской тематики в практике советской школы. Это было связано с тем, что в ранний период существования последней одним из ключевых ориентиров ее развития стала идея локализации, тесно связанная с идеей комплексного образования как основы советской трудовой школы [18]. Именно идеи локализации, воплотившиеся в проект краеведческой ориентации школьного образования, стали благоприятной почвой для разработки новых специализированных программ как для сельской, так и для городской школы. Кристаллизация тематики города происходила в ходе возникновения нового советского учебника — рабочей книги. И в содержательном, и в организационном плане рабочая книга представляла собой совершенно новый тип пособия по сравнению с дореволюционными учебниками по родиноведению. Концепция рабочей книги не только была результатом интенсивной методической работы, которая предполагала взаимодействие центра и регионов [25]. Центральной в концепции рабочей книги была активизация позиции учащегося в ходе освоения ближайшего пространственного окружения, которым, в частности, выступал город. Несмотря на то что репрезентация городской тематики не всегда была последовательно выдержана в такого рода пособиях [см., например: 6], сам интерес к городу представляется достаточно характерным⁶.

Поскольку речь шла об эмансипации позиции учащегося, роль учебника становилась более инструментальной, в то время как удельный вес разного рода

⁵ Важным фактором было то, что участниками краеведческого движения стали многие из близких им представителей петербургских и московских академических кругов.

⁶ Об общих тенденциях в детской и учебной литературе см., например: [15, 16].

«активностей» возрастал. По этой причине большинство методических разработок, касающихся темы города, связаны с проведением экскурсий [8, 16, 22, 23] или обследований, предполагавших не только наблюдение, но и взаимодействие с разного рода институтами, позволявшими получить необходимые данные о крае. Одним из ярких примеров методических описаний такого рода обследований можно считать брошюру ведущего представителя советского педагогического образования Б. В. Жаворонкова «Наш край (Кунавино)» [12].

Книга представляет собой описание опыта Б. В. Жаворонкова и его коллег С. Н. Дзюбинского и К. Н. Капустина по организации курсов переподготовки учителей Нижегородского края, которые проходили в форме масштабного обследования поселений, находившихся рядом Нижегородской ярмаркой. Его задача заключалась в том, чтобы практически обучить учителей тому, чем они впоследствии должны были заниматься с детьми. Как явствует из его описания, разработанный авторами вопросник был связан преимущественно с изучением производительных сил и производственных отношений в крае, что недвусмысленно отражено в рубрикации вопросов. Сам выбор поселений, которые не принадлежат к большим городам, отсутствие вопросов о специфике городского общежития, маргинальность топографических сюжетов обусловлены не только конкретным локальным объектом, к которому обращаются авторы, но и характеристиками самой перспективы, заданной марксистским общественно-ведческим мейнстримом.

Обоснование краеведческих исследований было связано с решением задач культурной революции [12, с. 6]. Этот прагматический пафос хорошо согласовывался с концепцией производственного краеведения, апеллируя к которой советский «краеведческий авангард» противопоставлял себя краеведению «старой школы». Поскольку одним из центральных для новой системы образования выступал вопрос о роли труда в развитии человечества, то знакомство с городом было связано прежде всего с вопросом о различных типах производства, а также о роли города во взаимодействии с деревней и в развитии сельского хозяйства. Соответственно, одной из отправных точек в обсуждении темы города было знакомство с кустарным и фабричным производством, условиями организации труда, быта и досуга рабочих, а также с формами торговли (прежде всего, частной и кооперативной).

Гревс и Анциферов в своих работах предлагают альтернативную трактовку города как объекта экскурсирования. Отправной точкой для них выступает феномен города, который воплощает сложность культуры. Сама экскурсионность в качестве формы путешественности как культурного импульса, согласно Гревсу, выступает производной городской жизни. Разрабатывая идею экскурсий в культуру, он подчеркивает их соответствие идее комплексного образования («Каждая экскурсия в культуру является комплексом...» [11, с. 29]). Целостность города является ключевой характеристикой и отправной точкой анализа. Это выражается в интересе к пространственности и облику города. Не случайно Гревс подчеркивает значение географических экскурсий как соответствующих идее комплексного метода [11, с. 25].

Разрабатывая экскурсионную методику в условиях новой образовательной повестки, Гревс, Анциферов и их коллеги принимают вызовы, связанные с ориентацией на современность и экономизм. Современность определяется через понятие ландшафта, который «всегда современен». Будучи соединением разных исторических пластов, ландшафт предполагает анализ «работы времени». Эта трактовка недвусмысленно противостояла обвинениям в археологическом понимании культуры, которые часто звучали из уст сторонников производственного краеведения.

Будучи скорее обществоведческими, чем историческими, эти экскурсии важны для понимания свершившихся в обществе перемен, когда «старое исчезает, новое образуется в народной жизни; надобно фиксировать изучением следы старины, подмечать рождение новых форм и течений, выяснить влияние свершившейся перемены на существование масс и групп населения в различных местностях и сферах материальной, социальной и духовной жизни» [20, с. 310]. Обращаясь к разработке экономической повестки, Анциферов предлагает альтернативную ее интерпретацию. Экскурсии обществоведческие (т.е. ориентированные в их понимании на культуру)⁷ он противопоставляет экскурсиям производственным, которые рассматривают производственный процесс исключительно как технологию. Для обозначения специфики своего подхода к изучению рынка как городского пространства Анциферов вводит понятие «экономического быта». Именно экономико-бытовые экскурсии он предлагает рассматривать как соответствующие идее комплексного метода, поскольку ими намечается «путь для тесной совместной работы представителей различных дисциплин» [4, с. 36]. Второй важный аспект связан с топографической доминантой предлагаемого подхода. Не критикуя прямо марксистские схемы, Анциферов подчеркивает необходимость воздерживаться от иллюстративности. «Выдвигая какую-либо экономическую тему, мы будем наблюдать определяемый ею процесс в его естественной среде. Нужно по возможности избегать простого подыскивания иллюстраций к интересующей нас теме» [4, с. 41].

В этом контексте принципиальное значение приобретают выявление границ районов, сосуществование объектов, особенности среды и коммуникаций между людьми. До некоторой степени это предвосхищает анализ городской среды в работах К. Линча или В. Глазычева, не достигая, впрочем, той степени абстрактности и систематичности, которая присуща инструментарию последних [см, например: 7]. Марксистская повестка (вопросы о связи города и деревни, соотношении кооперативной и частной торговли и т.д.) в этом контексте лишаются своего первостепенного значения. Однако, адресуясь к более широкому кругу социальных вопросов, программа Гревса и Анциферова не могла, будучи представлена в качестве учебно-методических рекомендаций, дать результаты, аналогичные тем, что получили их современники — представители Чикагской школы.

⁷ Более того в одной из ранних рукописей И. М. Гревс характеризует экскурсии в современность как «краеведческие» [20, с.309].

Впрочем, обращаясь к социальному анализу пространства, Анциферов пишет о необходимости создания «историко-географического фонда объектов экскурсионного анализа» [4, с. 41]. Подобный фонд должен быть, по-видимому, создан посредством аккумуляции описаний определённых типов городских пространств в различных городах мира, причем в число источников такого рода описаний должны входить как документы, так и литературные источники.

Таким образом, осмысление работ И. М. Гревса и Н. П. Анциферова в контексте развития педагогического краеведения добавляет новый ракурс к интерпретации краеведения как формы знания о современности, но и позволяет получить более объемное представление об истоках российской урбанистики. Внимательное прочтение их текстов позволяет зафиксировать не только стремление к встраиванию в контекст краеведения как концепции, значимой для современной им школьной реформы и выработки собственной интерпретации этой концепции. Также оно дает возможность проанализировать то, как идеология краеведения повлияла и на их собственные размышления, побудив к теоретическому обоснованию их взглядов на познание города и края, которые позволили представить их идеи о познании города как целостного организма в новом социально-политическом и научном контексте. Более подробная характеристика этих размышлений в перспективе становления российской традиции культурной географии еще ждет своего часа.

Примечание. Статья написана при поддержке программы «PAUSE» (Collège de France).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н. П. Как изучать свой город: в плане школьной работы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 118 с.
2. Анциферов Н. П., Анциферова Т. Н. Книга о городе: в 3 т. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926–1927. 751 с.
3. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926. 150 с.
4. Анциферов Н. П. Экскурсии по экономическому и социальному быту городов (обследование рынка) // Экскурсии в культуру: метод. сб. / под ред. проф. И. М. Гревса. М.: Мир, 1925. С. 35–55.
5. Буланов М. В., Россинская А. Н., Асонова Е. А. Образовательная урбанистика: опыт описания ключевых понятий // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2021. № 6 (40). С. 236–245.
6. В сибирском городе. Рабочая книга для III года обуч. в гор. школе I ступ. / Сост. В. А. Жданов, Г. М. Пушкарев, Д. А. Хохлов. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 393 с.
7. Глазых В. Л. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. М.: Наука, 1986. С. 130–156.
8. Город, быт, производство в школах первой ступени / под ред. К. В. Ползиковой-Рубец. Л.: Сеятель, 1926. 135 с.
9. Гревс И. М. Город, как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245–258.
10. Гревс И. М. Краеведение в современной германской школе. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1926.
11. Гревс И. М. Природа экскурсионности и главные типы экскурсий в культуру. // Экскурсии в культуру: метод. сб. / под ред. проф. И. М. Гревса. М.: Мир, 1925. С. 9–34.
12. Жаворонков Б. Н. Наш край. (Кунавино) Заречная часть Нижнего Новгорода: Коллективная подготовка учителя к работе по программам ГУСа. М.: Новая Москва, 1926.

13. Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение / сост. Б. С. Каганович и А. В. Кобак. СПб., 2010. 88 с.
14. Каганович Б.С. И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура Средневековья и начала Нового времени. Л.: Наука, 1986. С. 216–235.
15. Келли К. «С чего начинается малая родина?». Родной город в учебном процессе советской и постсоветской начальной школы: конструирование социальной политики // Учебники детства / сост. Н.Б. Баранникова. М.: Изд-во РГГУ, 2013. Т. 3. С. 196–226;
16. По очагам культуры: Новые темы для экскурсий по городу: метод. сб. / под ред. проф. И. М. Гревса. Л.: «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1926. 168 с.
17. Ромашина Е. Ю. Город — это не-деревня: путешествие по страницам российских азбук и букварей 1900–1925 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «Педагогика. Психология». 2021. № 60. С. 97–118.
18. Степанов Б. Е. «Воспитание городом»: урбанистическое воображение в школьных учебниках 1920-х годов // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. № 4. С. 152–163.
19. Хлевнюк Д. О., Максимова А. С., Степанов Б. Е. Краеведение // Все в прошлом: теория и практика публичной истории. М.: Новое изд-во, 2021. С. 55–69.
20. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / сост. О. Б. Вахромеева. СПб.: б. и., 2004. 372 с.
21. Шевелев А. Н. Методологические подходы современной образовательной урбанистики // Непрерывное образование. 2015. № 3. С. 75–89.
22. Экскурсии в культуру: Метод. Сборник. Под ред. проф. И. М. Гревса. М.: Мир, 1925. 204 с.
23. Экскурсии в современность / под ред. Н. А. Кузнецова и К. В. Ползиковой-Рубец. Л.: Изд-во Кн. сектора ЛГОНО, 1925. 154 с.
24. Johnson E. How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian Idea of kraevedenie. University Park, PA: Penn State University Press, 2006. 303 p.
25. Stepanov B. Studying Local, Exploring Urban: Educational Geography and kraevedenie in Soviet Russia in the 1920s // Paedagogica Historica (forthcoming).

А.П. ЗИНОВЬЕВ

Независимый исследователь

300 ЛЕТ ПЕРМСКОЙ ИСТОРИИ В ПРОЕКТЕ «ПЕРМСКИЙ КНИГОЕД»

Аннотация. Сайт «Пермский книгоед» (<https://perm-book.ru/>) был создан в 2003 году. На страницах сайта начался сбор краеведческих изданий в электронном виде. В публикации приводится краткая история развития этого ресурса, поднимаются актуальные проблемы цифровизации краеведческой литературы о Перми. На сегодняшний момент коллекция «Книгоеда» составляет более 15 000 экземпляров оцифрованных изданий (книг, газет, журналов, мультимедийных дисков) и занимает объём 250 гигабайт. Ставится вопрос о специфике современного состояния этого востребованного и общественно значимого ресурса.

Ключевые слова. Электронная краеведческая библиотека; оцифровка; «Пермский книгоед»; библиография.

A.P. ZINOVIEV

Independent researcher

300 YEARS OF PERM HISTORY IN THE PROJECT “PERM BOOKEATER”

Abstract. Perm Bookseller website (<https://perm-book.ru/>) was created in 2003. The collection of local history publications in electronic form has begun on the pages of the site. At the moment, the collection of “Knigoed” is more than 15,000 copies of digitized publications (books, newspapers, magazines, multimedia discs) and occupies a volume of more than 250 gigabytes. A brief history of how a popular and socially significant resource appeared.

Keywords. Electronic library of local lore; digitization; history; bibliography.

В 1992 году в Российской Федерации работало 16 000 библиотек. В 2020 году их осталось чуть больше 8 000 [1]. Общая тенденция заключается в том, что количество общедоступных библиотек постоянно уменьшается, в том числе и в Пермском крае. Вот некоторые цифры по количеству государственных и муниципальных библиотек по Пермскому краю: в 2008 году их было 830, в 2009 – 818, в 2021 – 707, в 2022 г. — 700 [2, с. 6]. Снижение количества общедоступных библиотек идёт параллельно с процессом появления и широкого распространения электронных ресурсов самой различной направленности, в том числе и краеведческой: от тематических сайтов до онлайн-энциклопедий и электронных библиотек. Пермский край тоже старается не отставать от этой тенденции, но получается это, на наш взгляд, из рук вон плохо.

1 сентября 2003 г. был создан сайт «Краевед: История Перми и пермяков» (http://gadam.narod.ru/index_old.html). В год 280-летия Перми создание электронной краеведческой библиотеки преследовало единственную цель: «...открыть богатый [опубликованный] краеведческий материал по истории Перми и Прикамья для всех желающих, ищущих и читающих» [3]. На сегодняшний момент ресурс краеведческой библиотеки «Пермский книгоед» (сайта — <http://perm-book.ru/> и ветки в социальной

сети ВКонтакте — https://vk.com/perm_book_ru) составляют 15 000 файлов (книг, сборников, газет) форматом PDF и DJVU общим объёмом 250 гигабайт. Статистика посещений следующая: около 100 уникальных посетителей в день и 38 000–40 000 посетителей в год.

На данный момент большая часть электронных образов различных пермских изданий создается самим проектом — сканируются и обрабатываются PDF-образы собственными силами. Лишь небольшой процент электронных изданий находится на просторах Интернета в свободном доступе или присылается заинтересованными пользователями и авторами изданий.

Хронология изданий в проекте обширна. Например, в коллекции проекта есть электронный образ как одного из самых ранних пермских изданий — сочинение штабс-лекаря Михайло Гамалея «О сибирской язве и её народном лечении...» (Пермь, 1792), так и самые последние юбилейные издания от архива города Перми и Государственного архива Пермского края. В составе электронной библиотеки можно найти издания XIX в., но чуть больший интерес проект проявляет к изданиям XX в. Этому есть объективная причина. На данный момент многие учреждения культуры Российской Федерации ориентированы на сканирование дореволюционных изданий, при этом у них совершенно угас интерес к изданиям советской эпохи. Этот незаслуженный перекокс сказывается на том, что издания XX века с большой скоростью исчезают из пользования общедоступных библиотек в связи с физическим разрушением их бумажного носителя. Бумага, на которой напечатаны книги, газеты, журналы 1920–80-х годов, в большинстве случаев рассыпается от простых прикосновений. Поэтому предоставление доступа к электронным версиям изданий, находящихся в плохом физическом состоянии, помогает как сохранить это бумажное издание от дальнейшего разрушения, так и расширить круг читателей.

Подводя итоги двадцатилетнего существования проекта, нужно, к сожалению, признать — проект хотя развивается и расширяется, но не стал примером технической простоты и ненужности больших бюджетов при организации бесплатных общедоступных электронных библиотек различными учреждениями науки и культуры Перми и Пермского края.

На данный момент пермские краеведческие электронные ресурсы можно пересчитать на пальцах одной руки: это «Пермская электронная библиотека» [4] краевой библиотеки им. А. М. Горького, интернет-система «Поколения Пермского края» [5] Государственного архива Пермского края, «Пермская губернская периодика: 1914–1922. Первая мировая война, революция 1917 года и Гражданская война на страницах газет» [6] Центра цифровой гуманитаристики Пермского государственного национального исследовательского университета.

Однако отсутствие новых краеведческих ресурсов в Перми и Пермском крае не даёт повода огорчаться. Накопление цифрового контента сайтом «Пермский книгоед» обеспечивает идеи для различных проектов самого разного направления.

Например, продолжается работа над организацией научно-практических конференций, посвящённых памяти историка-архивиста Леона Сергеевича

Кашихина, и выпуск сборников документов и материалов. В 2023 году вышел очередной научный сборник «Хоть пермяком я не родился...» (Пермь, 2023) [7]. Ранее выходили: «Наш Леон: Сб. документов и материалов, посвящённых памяти Кашихина Леона Сергеевича» (Пермь, 1998) [8]; «Историк-архивист Леон Кашихин: Штрихи к портрету: Сб. документов и материалов» (Пермь, 2018) [9]; «Вот так и надо! Вот так и надо любить Урал!» (Пермь, 2021) [10]. Сборники включают в себя различные материалы, написанные Леоном Сергеевичем Кашихиным, а также научные статьи архивистов, историков, краеведов, публикации документов, рецензии и заметки по актуальным вопросам пермской и российской истории. География авторов достаточно широка: Суксун, Пермь, Чердынь, Азов, Казань, Санкт-Петербург, Москва, в изданиях участвовали и зарубежные авторы — из Израиля и Германии.

Одним из перспективных направлений стала разработка проекта по созданию цикла аудиокниг на основе историко-краеведческой литературы о Пермском крае. В нём будут озвучены наиболее интересные книги пермских историков, архивистов и краеведов.

Отдельным сложным направлением стала деятельность по созданию библиографических указателей, посвящённых пермским писателям и историкам. Данное направление, по нашему мнению, совершенно не разрабатывается в современных пермских библиотеках, архивах, музеях и вузах.

Особой актуальностью сейчас обладает и та работа, которую начал проект по выявлению и сбору информации о наличии в различных хранилищах и полноте годовых комплектов периодических изданий Пермского края. Практика показывает, что, например, в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького сохранность периодики в крайне плачевном состоянии. Например, газета «Вечерняя Пермь» за апрель 1983 г. сохранилась на 33 процента: в наличии из 24 номеров месяца имеется только восемь! Двух третей номеров газеты нет. И такая ситуация сложилась не только с крупными городскими газетами.

Один проект «Пермский книгоед» не может решить никаких проблем — нет таких ресурсов и возможностей, но проговаривание и фиксация библиотечных, музейных или архивных болевых точек просто необходимы. А болевых точек много: это неисполнение законов об обязательном экземпляре Российской Федерации и Пермского края, отсутствие системы распространения краеведческих книг, малая тиражность выходящих книг, физическое старение краеведческого фонда, незнание специалистами нормативной базы и технических средств для создания, хранения и использования электронных образов, отсутствие практики распространения и популяризации электронных копий краеведческих изданий и многое-многое другое.

Надежд на то, что учреждения культуры и науки сделают какие-то выводы, мало. Остаётся только продолжать пополнять коллекцию «Пермского книгоеда», начинать и пробовать реализовывать различные идеи на историко-краеведческие темы, рассказывать о книжных сокровищах, хранящихся в учреждениях Пермского края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.09.2023).
2. Библиотеки Пермского края в 2022 году: Обзор деятельности. Пермь, 2023. 120 с.
3. «Краевед: История Перми и пермяков». [Электронный ресурс]. URL: http://radom.narod.ru/index_old.html (дата обращения: 01.09.2023).
4. Пермская электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.gorkilib.ru/> (дата обращения: 01.09.2023).
5. Поколения Пермского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://pokolenia.permkrai.ru/> (дата обращения: 01.09.2023).
6. Пермская губернская периодика: 1914–1922. [Электронный ресурс]. URL: <http://permnewspapers.ru/> (дата обращения: 01.09.2023).
7. «Хоть пермяком я не родился...»: сб., посвящ. памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина (1932–1997). Пермь, 2023. 218 с.
8. Наш Леон: сб. док-тов и мат-лов, посвящ. памяти Кашихина Леона Сергеевича. Пермь, 1998. 24 с.
9. Историк-архивист Леон Кашихин: Штрихи к портрету: сб. документов и материалов. Пермь, 2018. 160 с.
10. «Вот так и надо! Вот так и надо любить Урал!»: сб., посвящ. памяти историка-архивиста Леона Сергеевича Кашихина (1932–1997). Пермь, 2021. 188 с.

О.С. ТУМАНОВА

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДСКИХ ЛЕГЕНД ПЕРМИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ФЭНТЕЗИ

Аннотация. Статья посвящена функционированию типичных урбанистических сюжетов и стереотипов, лежащих в основе так называемых «городских легенд», в региональной пермской фэнтези-литературе. Для пермского фэнтези последних десятилетий характерно прямое или опосредованное указание на Пермь или Пермский край как неслучайное место действия, символическую границу между мирами, город «на горе и под горой», в котором архаическое прошлое переплетается с индустриальным настоящим. В пермском фэнтези устойчиво прослеживается функционирование трех тематических групп городских легенд: рассказов о городских катакомбах, о жилых домах и административных зданиях и о потенциально опасных промышленных объектах города. Современные городские легенды, преломляясь в художественной литературе, с одной стороны, становятся сильным формирующим фактором локальной идентичности, с другой – выполняют свою изначальную функцию: транслируют современные урбанистические страхи.

Ключевые слова. «Память места»; локальный текст; региональная литература; пермский текст; городские легенды.

O.S. TUMANOVA

Perm State University

REPRESENTATION OF URBAN LEGENDS OF PERM IN REGIONAL FANTASY

Abstract. The article is devoted to the functioning of typical urban plots and stereotypes underlying the so-called “urban legends” in regional fantasy literature. regional fantasy of the last decades is characterized by a direct or indirect reference to Perm or the Perm Territory as a non-random place of action, a symbolic borderline between the worlds, a city “on a hill and under a hill”, in which the archaic past is intertwined with the industrial present. The functioning of three thematic groups of urban legends in Permian fantasy is steadily traced: stories about city catacombs, about residential buildings and administrative buildings, and about potentially dangerous industrial facilities of the city. Modern urban legends, being refracted in fiction, on the one hand, become a strong shaping factor of local identity, on the other hand, they fulfill their original function: they broadcast modern urban fears.

Keywords. “Memory of place”; local text; regional literature; Permian text; city's legends.

Говоря о пермской фэнтези-литературе, в первую очередь следует сделать два существенных уточнения. Во-первых, в данной статье мы рассматриваем жанр фэнтези не как таковой, а скорее работаем с его субжанром — городским фэнтези, действие в котором разворачивается в городе, а время стремится к реальному или же полностью соотносится со временем читателя. Поэтика городского фэнтези ориентирована на «мотив фантастического двоемирия и элементы современного городского фольклора: городские легенды, исторические анекдоты, слухи, былички» [1, с. 139]. В качестве источника современного городского фольклора сегодня способна выступать не только местная устная традиция, но и научно-популярная

литература, материалы СМИ, специализированные сайты, беседы на интернет-форумах. Во-вторых, мы в силу пространственной ограниченности сознательно не рассматривали фэнтези-тексты об уральских локациях (например, «Страшные сказки» К. Тихова, действие которых по большей части происходит в Чердынском районе Пермского края, «Э-магию» Дм. Лазарева, где местом действия является Екатеринбург, или фэнтези-новеллы А. Больных по мотивам сказов Бажова).

Жанр городского фэнтези, с одной стороны, представляет собой попытку индивида «найти свою роль и место в современной жизни благодаря обращению к фольклорно–мифологической традиции» [Там же]. Жанровые рамки фэнтези предполагают возвращение к истокам, утраченным корням, к устойчивому миру, живущему по понятным законам. Одинокий, часто непонятый и не принятый большим городом герой нуждается в чуде, которое парадоксальным образом восстанавливает нарушенный мегаполисом порядок вещей. Представляется наиболее логичным, что городское фэнтези ориентируется на такой жанр, как городская легенда. Под городской легендой мы будем понимать «правдоподобную для рассказчика историю, действие которой разворачивается в настоящем или недалёком прошлом, в привычных для аудитории реалиях» [2, с. 5]. Е. В. Смирнова подчёркивает, что «городская легенда — это текст, который интригует, захватывает, это текст, претендующий на сенсацию» [3, с. 117]. Городское фэнтези, как и городская легенда, характеризуется установкой на достоверность: для этого место действия описано максимально подробно, а для номинации используются реально существующие топонимы. В пермском фэнтези, как и в корпусе городских легенд Перми [4, с. 254], устойчиво прослеживается функционирование трех больших тематических групп.

1. Рассказы о городских катакомбах. Истории о наличии тайных подземных ходов –типичный сюжет традиционной несказочной прозы, который принято соотносить с большим количеством объектов: от средневековых крепостей до маленьких сельских церквей.

2. Рассказы о жилых домах и административных зданиях. В этой группе особенно примечательны истории о так называемой «Башне смерти» — здании Управления внутренних дел Пермского края. Устные легенды манифестируют его как несостоявшегося двойника главного здания МГУ, только предназначенного для местного университетского городка.

3. Рассказы о потенциально опасных промышленных объектах города. В эту группу вошли нарративы, связанные с промышленными предприятиями, «засекреченными» и возможными техногенными катастрофами.

Сюжеты первой и второй групп — в силу их глубинной связи с урбанистическим ландшафтом города и известными большинству жителей зданиями — представляют так называемые локальные нарративы или локальные тексты [6, с. 19; 7, с. 316–317]. Третья группа преимущественно состоит из слабо структурированных текстов — слухов, сплетен и т.п. [8, с. 14; 9, с. 554–557].

В. Е. Кайгородова в статье «Пермский литератор как патриот и прагматик», посвященной актуальному состоянию литературного процесса города, отмечает

интерес к городским локациям в коммерчески востребованным жанрам [10, с. 194], к которым в том числе относится фэнтези. Жанр фэнтези представлен в региональной литературе целой плеядой авторов (среди них — А. Зеленин, В. Звездин, Т. Леванова, Натали Куртог, С. Силин, Л. Копко, С. Эст и др.) и в целом является коммерчески успешным, говорить об объемной репрезентативной выборке именно пермского городского фэнтези пока не приходится. В некоторых произведениях пространство Перми используется как отправная точка, «нулевой километр» в большом путешествии героя, как серая реальность, из которой герой пытается успешно сбежать (так, например, происходит в романах Дмитрия Скирюка «Парк Пермского периода» и Галины Горшковой «За поворотом времени»).

Нас же интересуют те произведения, в которых «память места» становится неотъемлемой частью художественного мира. В этом отношении наиболее показательными являются романы Дмитрия Скирюка «Блюз черной собаки» (2008) и Наталии Совы «Королевская книга» (2005). Оба произведения написаны в период расцвета контркультуры 2010-х и отражают характерный для того отрезка времени повышенный интерес, с одной стороны, к нестандартным досугово-эскапистским практикам (диггинг), с другой — к локальному колориту, «памяти города». Примечательно, что оба автора сознательно игнорируют интерпретацию пермских городских легенд профессиональными краеведами.

Рассмотрим оба романа более подробно и установим, какую роль в их повествовательной структуре и сюжетно-мотивном комплексе играют городские легенды Перми. «Блюз чёрной собаки» и «Королевская книга» являются образцами «городского фэнтези» с типичным для жанра героем: это творческий, но при этом неуверенный в себе и неудачливый человек, переживающий кризис общения. Однако этот же герой способен кардинально измениться при встрече и дальнейшем взаимодействии с потусторонним, «иным» миром. Отметим, что изначально заложенное в герое/героине творческое начало способно последовательно трансформироваться в начало магическое. Встреча с «иным миром», тёмной и иррациональной изнанкой города позволяет героям раскрыться. Герои не просто стремятся к гипотетически возможному (отыскать пропавшего без вести друга или написать действительно стоящую книгу), но и достигают того, что в принципе кажется невозможным (чистого инобытия/инобытия в пространстве культуры). Героев объединяет мотив преобразования, усовершенствования мира через искусство (музыкальное, как у Д. Скирюка, или литературное, как у Н. Сова, творчество).

И герой Скирюка, и героиня Сова, покинув привычную Пермь — «деревню посреди города, которую даже писатели стеснялись называть в книгах, город, который путают с Пензой» [10, с. 10] — попадают в другую, тёмную Пермь — гротескный мир, в котором на другом полюсе серой современности живут маги, стражи границ, хтонические существа и прочие фольклорно-мифологические персонажи.

Характер изображения Перми в текстах Д. Скирюка и Н. Сова амбивалентен: с одной стороны, город — это место жизни обывателей, в мире которых тесно

и душно героям, с другой стороны, город — это разлом между мирами, фронтир, место, куда герой стремится, чтобы пройти духовную инициацию и тем самым завершить собственное становление. Описанию города сопутствует оценочная коннотация: невнимательность обывателей обрекает их на унылую жизнь, ограниченную рамками бытового, сугубо прагматического мышления. Они не способны разглядеть чудесное или оценить масштаб грядущей катастрофы, в отличие от героев романов — спонтанных визионеров: «Уже сейчас сквозь абрисы домов, кафе, киосков, серую громаду ЦУМа и “великую стену” гостиницы “Урал” <...> проступали, словно привидения, “энергетические слепки” старых, уничтоженных домов... Оглянувшись мельком на здание фарминститута, я разглядел парящий в небе над нею эфемерный купол Рождества Богородицы» [10, с. 24]. В привычном и реальном пространстве города герой найти себя не может, тогда как на «изнанке» город может трансформироваться в радикально иное, лиминальное пространство (как в «Блюзе чёрной собаки») либо стать одним в цепочке множественных миров, и герои получают возможность путешествовать по городам созданной фантазией автора мультивселенной, как это происходит в «Королевской книге». Привычные объекты и локусы обрастают новыми смыслами, за привычно-бытовым просвечивает чудесное.

Симптоматично, что «Блюз чёрной собаки» и «Королевскую книгу» объединяет ещё и типичный для всего жанра фэнтези мотив странствия, в пермском изводе городского фэнтези ожидаемо превращающийся в мотив катабазиса, причём аналогом подземного царства становятся городские катакомбы, в «Блюзе черной собаки» населённые чудью, а в «Королевской книге» являющиеся порталом в иной мир, подобный Средневековью. Образ подземелья реализует популярный в городском фэнтези мотив двойничества — в данном случае собственным двойником, отражением, живущим особой жизнью, обзаводится целый город. С мотивом двойничества в литературе ещё с эпохи романтизма сопряжён авторский интерес к аспектам ночного: характерны мотивы сна наяву, смерти и посмертного бытия. Категория ночного ассоциируется с хаотическим началом, которое, в свою очередь, раздвигает границы привычного и хорошо знакомого. Как отмечает Е. А. Сафрон, «сам город символизирует космос — организованное пространство, поэтому появление сверхъестественного, фантастического есть попытка раздвинуть границы привычного, внести в космос потенцию хаотического, то есть творческого» [11, с. 200].

И в романе Дмитрия Скирюка, и в романе Наталии Совы отдельные городские объекты либо являются не тем, чем кажутся, либо имеют дополнительные, неизвестные людям функции. Д. Скирюк последовательно деконструирует несколько известных городских легенд, подвергая их переинтерпретации: подземелья под Пермью — это не пермское метро, не купеческие подземные ходы, а врата в иной мир, населённый злобными автохтонами, которых заточили там предки современных пермяков; пермские башни — Галерея и «Башня смерти», а также множество церквей вдоль берега Камы — на самом деле своеобразный фронтир, крепостные врата

на местах, где истончается ткань реальности. В «Королевской книге» Н. Собы некоторые пермские здания изначально являются принадлежностью потустороннего мира и только внешне маскируются под обычные здания (как происходит с гостиницей «Урал» — там открывается портал в альтернативное пространство).

Техногенные засекреченные катастрофы (взрывы на шахтах, попытки разрушения Камской ГЭС), время от времени случающиеся в Перми, согласно авторской мифологии Д. Скирюка, тоже являются вовсе не тем, чем кажутся — на самом деле это неудачные попытки вторжения в наш мир чуждских легионов. Любопытно, что вместе со значительно модифицированными преданиями и (нео) мифологическими меморатами, а также городскими слухами автор переплавляет в литературный материал и некоторые повсеместно популярные конспирологические теории, так называемые вирусы массового сознания.

В частности, на пермскую почву он переносит теорию о «клубе 27» (англ. «27 Club»: собирательное название известных музыкантов, чья жизнь оборвалась в 27 лет): преждевременно ушедшие художники и музыканты не умирают, а отправляются на фронт под Пермью — сдерживать чужд. Писатель контаминирует локальную идентичность и массовую культуру, создавая своего рода «подмигивания» эрудированному читателю: например, паромщиком реки Стикс, судя по косвенному описанию, является слепой блюзмен Сонни Терри, а одним из будущих стражей должен стать другой музыкант — Боб Дилан. В романе Наталии Собы конспирологический пласт городских легенд затронут не был, зато неотъемлемой чертой её творчества всегда были реалии Индустриального района — промышленного сердца Перми.

Оба автора так или иначе интерпретируют сюжет «Пермь — закрытый город («город-призрак», пришедший из ниоткуда / «в советское время его даже на картах не было» / «город, который существует у тебя в голове» / «город с короткой исторической памятью, который не помнит своих сыновей и дочерей»). В романе Н. Собы прошлая закрытость города синонимична его бессобытийности («Город открыли ещё в начале перестройки, но в нём до сих пор не произошло ничего интересного» [12, с. 17]), и тем внезапнее появление в его сеттинге иномирного, чудесного.

В романе Д. Скирюка «закрытое прошлое» города («Пермь — город закрытый. Я ещё застал времена, когда сюда вообще иностранцев не пускали. Говорят, все оборонные предприятия города связаны в единую сеть подземными ходами» [10, с. 27]) взаимосвязано с его тёмным настоящим и в итоге превращает его в герметичную систему, губительную для его обитателей, в первую очередь — для художников и музыкантов, о чём мрачно предупреждает в послесловии сам автор.

Имманентный конфликт «герой vs. закрытый город» решается закономерно: в «Королевской книге» Наталии Собы замкнутое пространство города десемантизируется и размыкается в пространство мировой литературы и культуры, в «Блюзе чёрной собаки» Дмитрия Скирюка усмирение враждебного пространства становится миссией героя, который в своём посмертии становится стражем на «фронтире».

Современные городские легенды, преломляясь в художественной литературе, становятся формирующим фактором локальной идентичности. Кроме того, даже при литературной обработке они продолжают выполнять свою изначальную функцию — транслируют типичные современные урбанистические страхи, а также способны стать исходной точкой для индивидуального мифотворчества и — как следствие — возможностью построения собственной литературной вселенной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафрон Е. А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези // *Филология и человек*. 2017. № 3. С. 139–147.
2. Архипова А., Кирзюк А. А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 536 с.
3. Смирнова Е. В. Устойчивые мотивы сюжета 'геопаатогенная зона' в городской легенде // *Вестник Челябинского государственного университета*. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2010. № 21 (202). Вып. 45. С. 114–119
4. Кондаков Б. В., Королева С. Ю., Туманова О. С. «Я только всякую страшную правду знаю»: легенды о промышленных объектах, катакомбах и долгостроях Перми // *Фольклор и антропология города*. 2018. № 1. С. 251–271.
5. Алексеевский М. Д., Ахметова М. В., Лурье М. Л. Исследования города [Ответ в рубрике] // *Антропологический форум*. 2010. № 12. С. 16–25.
6. Байдуж М. И. «Параллельная Тюмень»: визуальные манифестации локального текста // *Шаги / Steps*. 2016. № 2(4). С. 312–338.
7. Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // *Современный городской фольклор* / под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М.: Изд-во РГГУ. С. 5–21.
8. Разумова И. А. Несказочная проза провинциального города // *Современный городской фольклор* / под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова М.: Изд-во РГГУ. С. 544–559.
9. Кайгородова В. Е. Пермский литератор как патриот и прагматик // *Уральский филологический вестник*. 2013. № 2. С. 191–197.
10. Скирюк Д. И. *Блюз чёрной собаки*. М.: Азбука, 2008. 384 с.
11. Сафрон Е. А. Наследие немецкого романтизма в отечественном городском фэнтези. *Научный диалог*. 2020. № 12. С. 196–207.
12. Сова Н. *Королевская книга*. М.: Вагриус, 2005. 320 с.

ПЕРМСКИЕ СЮЖЕТЫ И ТЕМЫ В СИМВОЛИЧЕСКОМ МИРЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 908 (470+571)

Н.В. ГОЛОХВАСТОВА

Прикамский социальный институт

ИЛЬИНСКОЕ И ПЕРМЬ – КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация. Рассматриваются различные точки культурных соприкосновений столицы пермских вотчин Строгановых — села Ильинского и губернского города Пермь в контексте включения пермяков, с одной стороны, и ильинцев — с другой, в культурное пространство этих двух центров. Обращается внимание на то, что благодаря деятельности Строгановых на территории их пермских имений сформировалась не только горнозаводская социально-экономическая среда, но и специфический социокультурный ландшафт, ядром которого стала особая социальная группа — крепостные и затем посткрепостные служащие. Имеющие в значительной части неплохое образование (разного уровня), строгановские «служители» сами становились культуртрегерами. Ильинский в культурном отношении также представлял определенный интерес для пермяков. В результате между Ильинским и Пермью были налажены достаточно стабильные культурные взаимосвязи: посещение пермяками театрально-музыкальных постановок Ильинского театра, пользование фондами Общественной Ильинской библиотеки, желание познакомиться с научными коллекциями А.Е. и Ф.А. Теплоуховых — главных лесничих строгановского майората и известных ученых — и др.; обучение ильинцев в Перми, их участие в культурно-просветительской, научной жизни Перми (деятельность в Пермском музее, преподавание в Пермском университете и т.д.). Автор приходит к выводу об определенном взаимовлиянии культурных сред вотчинного и губернского центров в результате вышеупомянутых контактов.

Ключевые слова. Пермские строгановские вотчины; крепостные и посткрепостные служащие; культурный центр; губернский центр; культурная среда.

N.V. GOLOKHVASTOVA

Prikamsky Social Institute

ILYINSKOYE AND PERM – CULTURAL CONTACTS AND RELATIONSHIPS

Abstract. Various points of cultural contact between the capital of the Perm estates of the Stroganovs – the village of Ilyinskoye and the provincial city of Perm are considered in the context of the inclusion of Permians, on the one hand, and Ilyinskoye, on the other hand, in the cultural space of these two centers. Attention is drawn to the fact that thanks to the activities of the Stroganovs, not only a mining socio-economic environment was formed on the territory of their Perm estates, but also a specific socio-cultural landscape, the core of which became a special social group – serfs and post-serfs employees. Having, for the most part, a good education (of varying levels), Stroganovs’ “ministers” themselves became cultural leaders. Ilyinsky was also culturally of some interest to Permians. As a result, fairly stable cultural relationships were established between Ilyinsky and Perm: visits by Perm residents to theatrical and musical productions of the Ilyinsky Theater, use of the funds of the Ilyinsky Public Library, a desire to get acquainted with the scientific collections of A. E. and F. A. Teploukhovs – chief foresters of the Stroganov majorate and famous scientists, etc.; training of Ilintsev in Perm, their participa-

tion in the cultural, educational, scientific life of Perm (in the activities of the Perm Museum, teaching at the University of Perm, etc.). The author comes to the conclusion about a certain mutual influence of the cultural environments of the patrimonial and provincial centers as a result of the above-mentioned contacts.

Keywords. Stroganov's estates in Perm; serfs and post-serfs employees; cultural center; provincial center; cultural environment.

Пермские вотчины Строгановых на протяжении ряда столетий оставались одним из своеобразнейших регионов Западного Урала — они представляли собой сложный многоотраслевой комплекс, в состав которого входили металлургические заводы, соляные помывы, золотодобыча, огромные лесные и сельскохозяйственные угодья. Для его бесперебойной работы был необходим штат специально подготовленных людей, способных управлять горнозаводской вотчиной и профессионально обеспечивать эффективную жизнедеятельность её отраслей.

Социальной группой, успешно выполнявшей эту задачу, стали в строгановском регионе крепостные, а в пореформенный период — и посткрепостные служащие (в значительном объеме — потомки крепостных «служителей»). Следует подчеркнуть, что служащие были одной из специфических групп в социальной структуре горнозаводских имений: они выделялись из массы зависимого населения по их месту и роли в вотчинах, по характеру занятий, условиям труда и быта, образовательному и культурному уровню, социально-психологическим особенностям.

В создании этой группы большая роль принадлежала владельцам. Они проводили целенаправленную политику по формированию слоя крепостных служащих на протяжении всего XIX века, одной из важных составляющих которой было создание в вотчинах системы образования крепостных.

Главная Санкт-Петербургская контора Строгановых чётко сформулировала принципы, по которым Главное управление майоратом должно вести отбор кандидатов из служащих на получение образования и занятие впоследствии ответственных должностей в системе управления имением: «...Оказывать пособия только в следующих случаях: 1-е. Тем детям, родители которых, занимая высшие места, приносят пользу имению... 2-е. Наиболее способнейшим из детей служащих в таких заведениях, по окончании курса в которых они могли бы с пользою служить в имении...» [1, л. 125 об.].

Система образования крепостных служащих пермских строгановских вотчин была основой формирования этого культурного (курсив наш. — Н. Г.) слоя, и она практически не имела прецедентов в крепостной России. Возникла она в пермских вотчинах Строгановых ещё в конце XVIII века с появлением в селе Ильинском первого приходского училища (открыто в 1794 г.).

В 1820-е годы программа обучения включала следующие предметы: чтение, письмо, краткий катехизис, закон божий, грамматику, арифметику, российскую и всеобщую историю, географию, физику и чистописание. В первой половине XIX века в пермских вотчинах Строгановых существовало уже несколько приходских училищ, а после 1847 года функционировала сеть начальных школ [2, с. 16–17; 3, с. 53].

Дети строгановских служащих имели доступ к образованию и за пределами вотчин. Так будущие строгановские служащие были среди учеников Московской земледельческой школы, в единичных случаях — среди слушателей высших учебных заведений России, иногда — зарубежных. Однако наиболее типичным был путь в Санкт-Петербургскую школу земледелия и горнозаводских наук, открытую графиней С. В. Строгановой в 1824 г., приближавшуюся по уровню к высшим учебным заведениям [4].

При этом ближайшие возможности для продолжения обучения детей строгановских служащих, конечно, предоставляла Пермь — губернский город. По данным «Послужной книги на служащих Ильинского округа», за период с 1845 по 1876 год, охватывающий, как видим, и крепостное, и пореформенное время, в Пермском уездном училище обучились восемь человек из числа строгановских «служителей» только данного округа майората [5, лл. 17 об., 33 об., 176 об., 208 об., 398 об., 409 об., 415 об.].

В воспоминаниях Григория Александровича Вологодина (1857–1937), сына потомственного крепостного служащего Строгановых, отмечается, что когда он в 1866 году 10-летним мальчиком был привезен отцом в Пермь для обучения в Пермском уездном училище (для чего была дана отцу его графская стипендия в размере 10 руб. в месяц) и помещен на жилье в доме-пансионе знакомых, там уже квартировало 16 учащихся, «все гимназисты и уездники... Все квартиранты — дети служащих графа и графини Строгановых», «строгановские стипендиаты» [6, с. 15, 17, 22]. К слову сказать, «строгановские стипендиаты», обучавшиеся в Перми, несмотря на строгий режим, контролируемый к тому же домохозяином, находили возможность пользоваться культурными возможностями губернской столицы: пели в хоре (при Богородской церкви, где хором руководил П. Н. Серебrenников; при Пермской мужской гимназии) и участвовали в общегородских концертах в «клубе», устраиваемых семьей Дягилевых; посещали цирк, «массовые зрелища» (открытое испытание 3000-пудовой пушки, отлитой на Мотовилихинском заводе, и др.) [6, с. 24–29].

Пермскую гимназию закончили известный ученый лесовод, сын главного лесничего и главноуправляющего Пермского нераздельного имения Строгановых Александра Ефимовича Теплоухова (1811–1885) Федор (причем для этих целей графом С. Г. Строгановым были выделены персонально А. Е. Теплоухову, «в выражение признательности за честное служение», по 250 руб. в год) [7, с. 24; 5, л. 500 об.–501]; то же самое можно сказать и о многочисленных внуках и внучках Александра Ефимовича [8, с. 8–9, 19–20]. Трое сыновей строгановского заводского служащего, впоследствии — пермского журналиста Петра Александровича Вологодина (1843–1912) — стали учеными в различных областях технических наук, окончили Пермское реальное училище, один — гимназию [8, с. 9].

В пермских гимназиях на протяжении 1860–1880-х годов обучались двое сыновей и две дочери строгановского служащего, члена Главного управления майората, впоследствии — управляющего Усольским округом Ильи Абрамовича Рогова (1832–1912) [9, с. 140, 141, 144, 146, 173, 179]. Это лишь некоторые сведения, которые

говорят о точках соприкосновения «строгановцев» и Перми по линии получения образования.

Строгановские крепостные и посткрепостные служащие играли главную роль в создании своеобразной культурной среды в административных и заводских центрах пермских вотчин.

Во-первых, само существование в строгановских вотчинах слоя образованных, являющихся носителями определенного ценностного багажа, не могло не сказываться на общем культурном ландшафте территории.

Именно в окружных центрах строгановских имений создавались приходские училища, где преподавали в основном вотчинные «служители»: у кого-то это было основной профессией (из 311 служащих, зарегистрированных в «Послужной книге на служащих Ильинского округа», 22 человека работали учителями) [5, л. 23 об., 31 об., 33 об., 69 об., 104 об., 144 об., 186 об., 188 об., 190 об., 192 об.], а кто-то совмещал педагогическую деятельность с управленческой, производственной в качестве «домашнего учителя».

В разные годы занимались педагогической деятельностью уже упоминавшийся А. Е. Теплоухов, главноуправляющий В. А. Волегов и др. А. Е. Теплоухов за свой продолжительный педагогический труд был удостоен специальных наград Министерства просвещения: серебряной медали на Александровской ленте (1858 г.) и бронзовой медали на Владимирской ленте (1861 г.) [10; 11, л. 8 об.; 12, с. 142–143; 13, с. 132].

Поскольку вся педагогическая деятельность в Пермской губернии, включая частновладельческие имения, контролировалась пермскими властями, нередко были визиты представителей управления сферой образования и в Ильинское как с инспекторскими проверками, так и в плане личных контактов (например, директора пермских училищ и Пермской мужской гимназии И. Ф. Грацинского и штатных смотрителей пермских училищ, а также «ответные» визиты ильинцев в Пермь по этой линии). Главноуправляющий В. А. Волегов состоял с И. Ф. Грацинским в личной переписке [14, л. 3, 10–11; 15; 16, л. 1].

В указанных строгановских центрах при правлениях создавались библиотеки на деньги Строгановых, по распоряжениям которых поступала профессиональная литература по горному делу, металлургии, химии, минералогии, сельскому хозяйству, архитектуре и т. д., а также газеты и журналы.

Формировались и общественные библиотеки, где фонд литературы пополнялся за счет читателей, их взносов, а записаться мог любой желающий. Известный писатель, публицист П. И. Мельников-Печерский, посетив Ильинское, отзывался об Ильинской библиотеке конца 30-х годов XIX века как о «довольно хорошей»: по его словам, она включала более 700 томов беллетристической, исторической литературы, специальные издания по части заводского дела, а также лучшие русские журналы; пользовались ею «даже жители Перми» [17].

По словам Т. А. Калининой, Ильинская общественная библиотека насчитывала в середине XIX в. 1385 томов, а в числе её читателей были чиновники из Перми [3, с. 54].

Не таким уж редким явлением, особенно для высшего слоя административно-управленческого аппарата пермских строгановских вотчин, были личные библиотеки. Так, выпускник упоминавшейся выше Санкт-Петербургской строгановской школы А. И. Тютюков, будучи уже строгановским окружным управляющим, выписывает в 1839 году для своей библиотеки собрание сочинений А. С. Пушкина в 6 томах. Интересный штрих: в письме к нему пермский вице-губернатор М. Владимиров отмечает, что он хорошо знает любовь Александра Ивановича «к отечественной словесности» [18, л. 79–80, 98.] — это позволяет предположить наличие культурных взаимосвязей на литературной почве (обмен книгами, обмен мнениями о прочитанном) между «строгановцами» и пермяками. Личная библиотека главноуправляющего строгановским майором В. А. Волегова (также потомственного «служителя») и выпускника Санкт-Петербургской школы) в середине XIX века насчитывала более 160 книг, среди которых преобладали учебные и научные издания; имелись художественные произведения («классика» русской прозы и поэзии), периодика, а также православная литература [19].

Именно в центрах пермских горнозаводских вотчин строгановского региона возникли первые театры, где играли крепостные и затем посткрепостные служащие. Так, в Ильинском театр, по данным исследователей, появился не позднее 1820-х годов [20, с. 155]; подобные же театры действовали в Очере, Добрянке, Усолье. Исполняли роли в них, а также изготавливали декорации и костюмы, осуществляли музыкальное сопровождение в составе оркестра сами крепостные и посткрепостные служащие, т. е., строго говоря, театр был любительским. Репертуар театров был различным: от водевилей до Гоголя, Островского; часто ставились и оперы — в т. ч. Чайковского, Глинки, Гуно и др. По свидетельствам современников, народу на спектаклях всегда было много, залы были полными [20, с. 156; 21].

Исследователи отмечают, что театр в Ильинском привлекал и пермских жителей, в первую очередь — представителей губернской администрации, приезжавших по делам в центр строгановского майората [22, с. 150]. Уже упоминавшийся П. И. Мельников-Печерский особое место в своих дорожных записках 1839 года посвятил ильинскому театру и объяснил интерес пермяков к нему так: «В самой Перми до сих пор не выдвигали комедий, а в Ильинском есть театр» [17]. Автор подробно описывает спектакль, зрителем которого он стал, и несмотря на несколько ироническое описание игры местных «актеров», завершает это описание следующим мазком: «Чудесно! Приезжие из Перми таяли от удовольствия; жители Ильинского восхищались и не жалели рук для аплодисментов» [17].

В центрах строгановских имений создавались и успешно выступали перед местным населением хоры и музыкальные ансамбли. Музыкальная сфера также являлась территорией взаимосвязей Ильинского и Перми. Один из участников «возрождения» и руководителей Ильинского театра в 1890-е годы, режиссер музыкальных, оперных постановок, член Главного управления строгановского майората Федор Афанасьевич Плюснин обучался музыке и пению в Перми при музыкальном кружке. Будучи замеченным в плане голоса и слуха в период службы

в армии в Пермском военном гарнизоне, он после прохождения службы был даже оставлен при строгановской конторе поверенного в Перми для окончания музыкального обучения [23, с. 3].

Точки соприкосновения строгановского региона и Перми возникали и в связи с активной исследовательской деятельностью представителей вотчинных служащих. В частности, высокую оценку имело научное значение наследия А. Е. Теплохова в сфере лесоводства [24]. Широко известна в России и за границей археологическая коллекция Теплоховых, опубликованная в начале XX века академиком А. А. Спицыным [25], а также другие естественнонаучные коллекции этой семьи, которые вызывали интерес, в том числе, пермских ученых, просветителей. Работы потомственного строгановского «служителя», собирателя архивов и исследователя рода Строгановых и их пермских вотчин Ф. А. Волегова (1790–1856) до сих пор активно используются учеными [26, с. 29–41].

Многие из этих работ публиковались в известных пермских периодических и краеведческих изданиях. Из более чем 50 исследовательских работ А. Е. Теплохова, опубликованных в России, в том числе в ее столицах и за рубежом, пять издано в Перми, в газете «Пермские губернские ведомости», наиболее крупные — отдельными изданиями, как, например, «Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении графов Строгановых» (1881), а также две статьи — хотя и в московском издании, но подготовленном известным пермским краеведом, энтузиастом исторических исследований Д. Д. Смышляевым — в «Пермском сборнике» [27; 28].

В трех томах известнейшего сборника «Пермский край», создателем и главным редактором которого был также Д. Д. Смышляев, опубликовано семь работ (по археологии и этнографии) главного лесничего строгановского майората, известного ученого в различных областях Ф. А. Теплохова (1845–1905), три (по истории) — Ф. А. Волегова, 3 (также по истории) — выходца из крепостных служителей Строгановых, а затем активного деятеля Пермского земства И. В. Вологодина (1842–1895), 1 — П. В. Сюзева (подробнее о нем см. ниже) [29; 30; 31]. В Перми же увидела свет ценнейшая для историков работа ещё одного известного строгановского служащего Н. А. Рогова (1825–1905) «Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых (1892)» [32]. Этот список можно продолжать.

Активная научная и публикационная деятельность представителей строгановских служащих не могла пройти мимо губернского центра — её результаты вызывали интерес пермских исследователей, так или иначе служили развитию научно-просветительской сферы города Перми. В этом контексте необходимо отдельно сказать о Ф. А. Теплохове. У Федора Александровича сложились очень тесные связи с Пермским научно-промышленным музеем: в 1890 году он стал одним из его основателей, был избран его почетным членом. В воспоминаниях дочери Ф. А. Теплохова М. Ф. Вологдиной упоминается факт «экскурсии» пермского музея в Ильинское для осмотра естественно-научных (ботаническая, энтомологическая)

и археологической коллекций главного лесничего Строгановых, в составе которой были основатель музея, известнейший представитель пермского культурного сообщества П. Н. Серебренников; товарищ председателя музея, земский деятель И. Г. Остроумов; инженер, любитель энтомологии Ф. Ф. Гельцерман; агрономы Владимирский и Удинцев; очевидно, музейные меценаты — купцы Гаврилов и Шайдуров и др. [23]. Впоследствии Федор Александрович передал музею свою личную гербарную коллекцию растений, которая включала экземпляры с территории Пермской губернии и произраставшие в других российских и зарубежных регионах. Он был почетным членом Пермской ученой архивной комиссии, Губернского статистического комитета [33, с. 369–372].

В определенном смысле — в отношении профессии и естественнонаучных исследований — учеником Ф. А. Теплоухова был Павел Васильевич Сюезв (1867–1928): выходец из семьи строгановских крепостных, лесной служащий, член Ильинского правления, а затем — активный деятель Пермского земства, член Пермской ученой архивной комиссии, участник работы Пермского научно-промышленного музея. Несмотря на то что так и не получил высшего образования (обучался в Пермском реальном училище), он продолжил научную деятельность своего учителя в области ботаники, фенологии, географии, став известным ученым, сотрудником, преподавателем и затем профессором Пермского университета, опубликовав более 50 работ [34; 35].

Говоря о культурных взаимосвязях, мы имеем в виду и конкретные «человеческие» контакты ильинцев и пермяков, которые в определенных случаях приобретали довольно устойчивый характер и тоже участвовали — в большей или меньшей степени, прямо или опосредованно — в формировании «межрегиональной» социокультурной среды.

В качестве примера таких контактов приведем пермские связи семьи Теплоуховых. Ф. А. Теплоухов был женат на дочери пермского купца первой гильдии Нассонова Анастасии Васильевне. Как, каким образом произошло это знакомство, помолвка — об этом сведения отсутствуют. Однако в воспоминаниях потомков имеются сведения о том, что эти две семьи контактировали, особенно по женской линии, при всей разнице жизненных укладов (с одной стороны — купцы в губернском городе, с другой — бывшие крепостные в «глубинке», хотя и элита строгановских служащих, но при этом с более высоким уровнем культуры и интеллигентности, да ещё с влиянием немецкого менталитета (женой А. Е. Теплоухова, матерью Ф. А. и А. А. Теплоуховых была Розамунда Крутч, дочь профессора Тарандской лесной академии в Саксонии Карла Крутча) [23, с. 18–19; 8, с. 2–7, 11–12, 23–24 и др.].

Тесные контакты были у Теплоуховых и с семьей упоминавшегося уже П. А. Вологодина на уровне нескольких поколений: «На днях у меня был Петр Александрович Вологдин, страшный фантазер», — это отзыв А. Е. Теплоухова; когда у Ф. А. Теплоухова встал вопрос о том, где будет жить в Перми во время учебы в гимназии его сын Александр, выбор пал не на дом Нассоновых — близких родственников, живших купеческим укладом, а на дом редактора «Пермских

губернских ведомостей» Вологодина, где четверо мальчиков тоже учились в средних учебных заведениях Перми. А. В. Теплоухова, урожденная Нассонова, дружила с сестрой жены П. А. Вологодина Г. Д. Швецовою; впоследствии дочь Ф. А. и А. В. Теплоуховых Мария вышла замуж за одного из «мальчиков» Вологодиных, ставшего в советский период академиком, основоположником технологий отечественного высокочастотного оборудования — Валентина Петровича [8, с. 8–10; 36]. Другая дочь Ф. А. Теплоухова — Анна — стала женой пермского художника А. Н. Зеленина (1870–1944) [8, с. 17; 37].

Таким образом, между «столицей» пермских строгановских вотчин Ильинским и губернским городом Пермью в XIX — начале XX века сложились достаточно устойчивые контакты как непосредственно в сфере культуры (театрально-музыкальная, библиотечная, музейная среда), так и в связанных с ней областях (образование, научно-просветительская и научно-исследовательская, публикационная деятельность). Это было обусловлено, с одной стороны, существованием в строгановском регионе специфической социальной группы — крепостных и посткрепостных служащих (в первую очередь служительской элиты), отличавшихся достаточно высоким для российской провинции образовательным и культурным уровнем, а также особым менталитетом, а с другой — территориальной близостью Ильинского и Перми и в определенных направлениях (например, образование) — административной подчиненностью первого второй, а также, безусловно, наличием в Перми более широких и разнообразных возможностей для получения образования, публикационной активности, общественной и научно-просветительской и научно-исследовательской деятельности, в том числе краеведческих исследований (особенно с появлением Пермского научно-промышленного музея, Пермской ученой архивной комиссии, Пермского статистического комитета и, конечно, Пермского университета). Данные контакты и связи способствовали взаимообогащению и активизировали формирование целостного культурного и научно-образовательного ландшафта Прикамья как своеобразного, непохожего на другие, региона Урала и России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильинский краеведческий музей (далее — ИКМ). Рукоп. фонд. № 1981/102.
2. Калинина Т. А. Крепостная школа в вотчине Строгановых (конец XVIII — перв. пол. XIX в.) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 13–28.
3. Калинина Т. А. Село Ильинское как один из центров просвещения крепостного населения (конец XVIII — первая половина XIX вв.) // Сторонушка Ильинская: материалы науч.-практ. конф. Ильинский, 1997. С. 48–57.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 613. Оп. 1. Д. 81.
5. ИКМ. Рукоп. фонд. № 1963/84.
6. Воспоминания Григория Александровича Вологодина (1857–1937). Из частного собрания [машинописн.]. Копия. Передана автору в дар от внучки Г. А. Вологодина И. А. Плотниковой 20.06.2001.
7. Чернов Н. Н. Первопроходцы уральской лесной науки: монография. Екатеринбург, 2004.
8. ИКМ. НВ. № 2266.
9. Рогов И. А. Семейная хроника // Строгановское историческое собрание: сб. науч. ст. Вып. 3 / под. ред. С. Г. Шустова. Пермь, 2008. С. 139–198.

10. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 613. Оп. 1. Д. 13.
11. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 16.
12. Голохвастова Н. В. Теплоуховы как представители служительской интеллигенции пермских вотчин Строгановых // Ильинский: страницы истории / сост. О. Л. Кутьев. Пермь, 2004. С. 138–148.
13. Шилов А. В. Из истории интеллигенции Пермского нераздельного имения Строгановых (В. А. Вологов и его вклад в культуру Прикамья) // Ильинский: страницы истории / сост. О. Л. Кутьев. Пермь, 2004. С. 129–138.
14. ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 21.
15. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 261.
16. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 265.
17. Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. М.: Litres, 2022. URL: <https://books.google.ru/books?id=yууqDwAAQBAJ&dq=> (дата обращения: 10.08.2023).
18. Государственный архив Свердловской области. Ф. 9. Д. 14.
19. ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 303.
20. Костерина А. Б. Крепостной театр на Урале // Культура и быт дореволюционного Урала: сб. ст. Свердловск, 1989. С. 145–160.
21. Кирпищикова А. А. Катерина Алексеевна. Из рассказов старых людей. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281544&p=2> (дата обращения: 15.08.2023).
22. Курочкин Ю. М. Театр в Ильинском // Ильинский: Страницы истории / сост. О. Л. Кутьев. Пермь, 2004. С. 148–150.
23. ИКМ. НВ № 2265.
24. Бейлин И. Г. У истоков науки о лесе. М., 1969.
25. Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб., 1902.
26. Шилов А. В. Из истории краеведения на Урале (краеведческая деятельность Ф. А. и В. А. Вологовых) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX вв.). Пермь, 1986. С. 29–41.
27. Пермский краеведческий музей. Фонд Теплоуховых. № 11262/1.
28. Теплоухов А. Е. Исторический взгляд на лесохозяйство в Пермском нераздельном имении графов Строгановых. Пермь, 1881. 57 с.
29. Пермский край: сб. свед. о Перм. губернии, издаваемый Пермским губернским статистическим комитетом. Т. 1. Пермь, 1892. 269 с.
30. Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. 303 с..
31. Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. 502 с.
32. Рогов Н. А. Материалы для истории Пермского заповедного имения графов Строгановых. Пермь, 1892. 107 с.
33. Килунин М. Ю. Федор Александрович Теплоухов: личность, семья, работа // Генеалогия и архивы: материалы Пятой Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2023. С. 369–372.
34. Демина И. В. Беззаветный любитель природы из села Ильинского // Архив города Перми. URL: <https://www.permarchive.ru/index.php?page=bezzavetnyj-lyubitel-prirody-iz-sela-ilinskogo> (дата обращения: 10.08.2023).
35. Сюзев Павел Васильевич: описание коллекции // Библиотека Пермского государственного национального исследовательского университета. URL: [library.psu.ru/files/%20П.%20В.%20В.%20.pdf](http://library.psu.ru/files/%20П.%20В.%20.pdf) (дата обращения: 10.08.2023).
36. Володин Валентин Петрович — профессор, член–корреспондент академии наук СССР (1897–1990 гг.): историческая справка // Государственный архив Пермского края. URL: <http://www.archive.perm.ru/catalog/9189-842841/> (дата обращения: 10.08.2023).
37. Крохалева А. П. Изобразительное искусство Перми и Пермской губернии конца XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2010.

О.Ю. Солодянкина

Череповецкий государственный университет

СОВРЕМЕННОКИ, ОДНОФАМИЛЬЦЫ, ХУДОЖНИКИ: ПЕРМСКИЙ И ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ВАСИЛИИ ВЕРЕЩАГИНЫ¹

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу двух современников, живописцев, однофамильцев – Василия Петровича Верещагина (1835–1909) и Василия Васильевича Верещагина (1842–1904). Совпадение имени и фамилии, близость профессиональных интересов вызывают определенную путаницу. В. В. Верещагин – уроженец Череповца – приобрел всемирную известность как художник-баталист и исторический живописец. Уроженец Перми В. П. Верещагин трудился в академической манере над сюжетами из давней русской истории, участвовал в росписи известных храмов.

Ключевые слова. Василий Петрович Верещагин; Василий Васильевич Верещагин; художник-портретист; художник-баталист; исторический живописец.

O.Yu. SOLODYANKINA

Cherepovets State University

CONTEMPORARIES, NAMESAKES, ARTISTS: VASILY VERESHCHAGIN FROM PERM AND VASILY VERESHCHAGIN FROM CHEREPOVETS

Abstract. The text is devoted to the comparative analysis of two contemporaries, painters, namesakes – Vasily Petrovich Vereshchagin (1835–1909) and Vasily Vasilyevich Vereshchagin (1842–1904). The coincidence of name and surname, the proximity of professional interests causes a certain confusion. V.V. Vereshchagin – a native of Cherepovets – gained worldwide fame as a battle artist and historical painter. A native of Perm V.P. Vereshchagin worked in an academic manner on plots from long-standing Russian history, participated in the painting of famous churches.

Keywords. Vasily Petrovich Vereshchagin; Vasily Vasilyevich Vereshchagin; portrait painter; battle painter; historical painter.

В истории встречается множество примеров, отражающих ее специфическое чувство юмора. История про двух художников Василиев Верещагиных — из их числа. Они современники, оба с полным правом могут быть названы историческими живописцами, и поскольку здесь слишком много совпадений — непрофессионалы обречены на путаницу. На интернет-сайтах фотографии одного Верещагина иллюстрируют тексты про другого, а уж развести картины по авторам интернет-пользователи, пишущие в LiveJournal, публикующие статьи в журналах, которые распространяются в самолетах, не могут по определению. Попробуем все же внести ясность в вопрос о двух художниках.

Происхождение. Василий Васильевич, родившийся в 1842 году, — потомственный дворянин, его отец был уездным предводителем дворянства в Череповце Новгородской губернии. В родне — многочисленные помещики из ближайшей округи. Василий Петрович, родившийся в 1835 году, — из семьи потомственных иконописцев, как по отцовской, так и по материнской линии. Иконописцами были его отец и оба деда.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01128. <https://rscf.ru/project/23-28-01128/>.

Ближайшие родственники. У Василия Васильевича старший брат Николай Васильевич Верещагин (1839–1907) — один из создателей маслоделия и сыроварения в нашей стране, организатор первых учебных заведений для маслоделов и сыроваров. Благодаря ему Российская империя к концу XIX века стала производить большое количество сливочного масла и поставлять его на экспорт. Н. В. Верещагину принадлежит рецепт самого вкусного из масел, которое в советское время называли «Вологодским». Младший брат Сергей (1845–1877) служил ординарцем у М. Д. Скобелева, погиб при осаде Плевны. Третий брат, Александр (1850–1909), дослужился до звания генерал-лейтенанта, обладал несомненным литературным талантом. Если бы у них не было брата Василия, каждый из Верещагиных, Николай и Александр, стал бы весьма известной фигурой. И их судьба — типичная дворянская.

У Василия Петровича, уроженца Перми, было два брата. Старший Петр (1834–1886) и младший Митрофан (1842–1894) — художники, Петр — академик пейзажной живописи, Митрофан, как и Василий, — исторический живописец.

Учеба. Есть определенные линии пересечения у обоих Василиев Верещагиных. Василий Петрович в 1856 году поступил в Академию художеств в Петербурге к Алексею Тарасовичу Маркову (1802–1878), историческому живописцу, академику, заслуженному профессору живописи. Принято считать, что, не обладая особенно сильным талантом, но будучи прекрасным рисовальщиком и человеком добросовестным и усердным, Марков принёс пользу русскому искусству преимущественно своей преподавательской деятельностью; он отличался особым вниманием к молодым художникам, вследствие чего в ученики к нему они записывались в большем числе, чем к другим профессорам [1]. Василий Петрович за время обучения получил все академические медали, удостоен звания классного художника первой степени. Братья получали образование там же: Митрофан учился в Академии с 1857 по 1871 год, Петр — с 1858 по 1865 год. Специальностью Петра была ландшафтная живопись, Митрофана и Василия — историческая.

Василий Васильевич по окончании Морского кадетского корпуса в 1860 году поступил в Академию художеств, занимался в мастерской того же А. Т. Маркова. В 1862 году был удостоен малой серебряной медали за эскиз к программе «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом». С 1863 по 1865 год формально числился учеником по классу ландшафтной живописи, хотя фактически ушел из Академии в 1863 году. В 1864–1866 годах с перерывами занимался в Париже в Академии изящных искусств в мастерской Ж.-Л. Жерома, брал уроки у художника-ориенталиста А. Бида.

Судя по датам, все Верещагины должны были пересекаться во время пребывания в Академии художеств, встречаться в классах исторической живописи у Маркова и, возможно, в классе ландшафтной живописи; совпадают даже годы получения наград. Однако никаких свидетельств о встречах, сложностях из-за идентичности фамилий нет. Хотя в традициях императорской России было давать однофамильцам «довесок» к фамилии — «второй», «третий», но в случае Верещагиных ничего подобного не произошло. Возможно, какие-то источники до

сих пор не введены в оборот, и здесь есть поле для дальнейших исследований.

Профессиональная карьера. Она складывалась у обоих Василиев по-разному. Василий Петрович как пенсионер Академии отправился за границу, посетил все важные художественные центры, в основном работал в Риме, копируя картины старых мастеров. Возвратился в Петербург в 1869 году, представил в качестве отчета картины и получил звание профессора портретной и исторической живописи. Василий Петрович расписал стены петербургского дворца великого князя Владимира Александровича на темы из русской народной поэзии, написал картины для церкви этого дворца. Это был серьезный, статусный заказ: Владимир Александрович не просто был влиятельным членом императорской семьи, с 14 февраля 1876 г. он был президентом Императорской академии художеств. Последующие заказы Василия Петровича Верещагина были столь же значимы: он писал для Храма Христа Спасителя и Успенского собора Киево-Печерской лавры. Благодаря этим работам В. П. Верещагин заработал славу серьезного живописца. Связь Василия Петровича с императорской семьей проявилась и в том, что в великокняжеской усыпальнице, пристроенной к Петропавловскому собору Петропавловской крепости, в алтаре было размещено распятие, выполненное по эскизу В. П. Верещагина на петергофской гранильной фабрике в технике флорентийской мозаики [2, с. 281].

В 1891 году В. П. Верещагин издал «Альбом историй государства Российского в изображениях державных его представителей», а в 1896 — альбом «История Государства Российского в изображениях державных его правителей с кратким пояснительным текстом», включающий в себя около семидесяти изображений русских правителей от Рюрика до Николая II. На протяжении длительного времени после выхода этих альбомов образы русских правителей ассоциировались с изображениями, предложенными В. П. Верещагиным. Художник также был хорошо известен в академической среде, участвуя в профессиональных выставках. На академической выставке 1891 года была представлена большая картина Верещагина «Защитники Свято-Троицкой Сергиевской лавры в 1608 году» (ныне хранится в Государственном Русском музее). На международной арене В. П. Верещагин также приобрел некоторую известность, поскольку на всемирных выставках в Лондоне (1872), в Вене (1873) и в Париже (1878) был удостоен золотых медалей. Успешной была и преподавательская деятельность В. П. Верещагина в Академии художеств в качестве профессора портретной и исторической живописи.

В целом его карьера живописца развивалась успешно, он получил признание студентов, коллег и уважение начальства. Творчество В. П. Верещагина было профессиональным, мастеровитым, но отнюдь не блестящим. Академическая манера письма отличалась определенной сухостью, рациональностью. Работы В. П. Верещагина воздействовали скорее на разум, а не на чувства зрителей.

Совсем иначе сложилась профессиональная деятельность В. В. Верещагина. Здесь были и мировой успех, и скандалы, и новаторство, и ошеломляющая популярность. С самого начала деятельность Василия Васильевича не замыкалась рамками собственного региона и даже страны.

Он много путешествовал, но не с целью копирования картин старых мастеров, как это обычно делали пенсионеры Академии художеств (и что блестяще исполнил Василий Петрович Верещагин). В. В. Верещагин собирал в поездках этнографические материалы, черпал вдохновение для новых сюжетов картин, участвовал в военных действиях, встречался со многими людьми.

Географически его путешествия охватывали Кавказ, Закавказье, Туркестан, Индию, Балканы, Ближний Восток, Филиппины, Кубу, Японию. Результатами стали ныне хрестоматийно известные серии картин: Кавказская, Туркестанская, Варвары, Индийская, Балканская, Трилогия казней, Палестинская, Наполеон в России, Госпитальная, Японская.

В. В. Верещагин как художник длительное время жил и творил в Европе, прежде чем на склоне лет вернулся на Родину. Для удобства работы он создавал себе мастерские, начиненные новейшими техническими новинками. Современников поражало оборудование его мастерских в Мюнхене и в Мезон-Лаффит, под Парижем, привлекала внимание последняя мастерская, построенная в Москве, в Нижних Котлах. Новаторство художника проявлялось не только в творческой манере, но и в организации труда живописца. Василий Васильевич, по сравнению с другими творческими личностями, считался обладателем несомненной «деловой хватки» [3, с. 86, 186]. Об этом говорят многочисленные персональные выставки художника, организованные в крупнейших мировых центрах: в Лондоне, Вене, Париже, Берлине, Гамбурге, Дрездене, Дюссельдорфе, Брюсселе, Будапеште, Франкфурте-на-Майне, Праге, Бреславле, Лейпциге, Кенигсберге, Амстердаме, Стокгольме, Копенгагене, Ливерпуле, Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Сент-Луисе, Вашингтоне, Варшаве, Христиании. При этом Василий Васильевич устраивал из выставки целый перформанс: играла соответствующая музыка, зал украшали подходящие ткани, предметы быта, связанные с показываемой серией картин, продумывались другие впечатляющие посетителя детали [4, с. 155]. Верещагин ориентировался на продажу серий своих картин, а не разрозненных работ, поэтому предпочитал иметь дело с крупными собирателями картин — прежде всего с П. М. Третьяковым [3, с. 69].

В итоге в коллекции Третьякова было представлено около 200 живописных и более 500 графических работ художника. Василий Васильевич не ограничивался созданием картин. Он автор 12 книг, множества статей. Значительное число его текстов нужно воспринимать в совокупности с картинами, поскольку суммарно они представляются специфическим травелогом. Но этот мультиэффект может быть достигнут только сейчас, благодаря возможностям Интернета и после оцифровки соответствующих произведений Василия Васильевича.

Связь с родиной. Василий Петрович осознавал, откуда он родом, хотя большую часть «взрослой» жизни провел в Санкт-Петербурге. При содействии Василия Петровича были открыты Художественно-промышленное училище в Екатеринбурге и Пермская рисовальная школа. В 1907 году он прислал в Пермский музей несколько картин своих и брата Петра; именно они послужили началом для организации художественного отдела музея [5, с. 106].

Василий Васильевич Верещагин ощущал себя «гражданином мира», много лет прожив за границей, где создал для себя подходящие творческие условия. «Малая родина» не привлекала его внимания; никаких специальных подарков для Череповца он не сделал.

Кончина. Василий Васильевич погиб 31 марта 1904 г. при взрыве броненосца «Петропавловск» на внешнем рейде Порт-Артура; могил у погибших в море не бывает. День гибели запечатлен на картине советского художника Александра Завьялова «Адмирал Макаров и Верещагин на броненосце “Петропавловск”», написанной в 1954 году.

Василий Петрович скончался в Петербурге в 1909 году, похоронен на Северном кладбище, где ранее похоронен умерший в богадельне в 1894 году его младший брат Митрофан. Надгробие Митрофана не сохранилось, а могилу Василия Петровича можно увидеть и сейчас: это мраморный крест на основании из розового гранита [6, с. 648, 649, 651].

Память. Тут обнаруживается очередное смущающее совпадение. Конечно, память о Василии Васильевиче хранят в Череповце, поскольку живописец — самый известный уроженец города. В Череповце есть мемориальный музей Верещагиных, улица Верещагина; в честь него названы центральная библиотека и училище искусств. Неожиданные совпадения обнаруживаются в Пермском крае, где на железнодорожной ветке Пермь — Котлас находится станция Верещагино. Ее название, согласно повсеместно распространенному нарративу, связано с именем Василия Васильевича, что закреплено установкой в 1995 году на привокзальной площади Верещагино памятника художнику-баталисту [7]. Якобы в феврале 1904 г., когда В. В. Верещагин вместе с адмиралом Макаровым ехал на Дальний Восток, на станции Вознесенская их служебный вагон был отцеплен для ремонта, и художник провел здесь более суток. Он сделал много зарисовок с натуры солдат, мобилизованных на войну, и несколько эскизов на местные темы. Они должны были послужить для создания будущих картин. Весной 1914 г., в десятую годовщину гибели Верещагина, вознесенские рабочие и служащие обратились с ходатайством о присвоении станции имени художника. Через год на это последовало высочайшее разрешение, и с 18 апреля 1916 г. станция и поселок при ней называются Верещагино. Официально это название закреплено в приказе Министерства путей сообщения № 354 от 8 декабря 1915 г. «О переименовании с 18 апреля 1916 г. станции “Вознесенская” Пермской железной дороги в станцию “Верещагино”», при этом мотивация переименования в приказе не приводится [8].

Нарратив о переименовании вызывает большие сомнения. Станция Вознесенская в 1904 году находилась на тупиковой ветке, проезжать через нее Верещагин вряд ли мог (с точки зрения логистики такой маршрут выглядел бы странно). Сомнительной выглядит и та часть рассказа, что за сутки художник произвел такое впечатление на местных жителей, что через десять лет они вспомнили об этом случае и решили переименовать в его честь станцию.

Кто-то должен был инициировать процесс переименования, а кто-то — потом сочинить об этом рассказ, украсив его деталями о «высоком старике с блокнотом и карандашом в руках». Как на самом деле обстояло дело — пока не представляется возможным выяснить. Есть версия, что станцию переименовали в честь Петра Петровича Верещагина, старшего брата пермского Василия Верещагина, поскольку в 1870-е годы к нему обратились представители акционерного «Общества Уральской Горнозаводской железной дороги» с предложением воспроизвести на холсте те места, по которым дорога или уже прошла, или должна была строиться в ближайшее время.

Так Пётр Петрович стал первым профессиональным художником, обратившимся к широкому изображению в живописи Урала и первой в этих краях железной дороги — Уральской Горнозаводской. В числе его работ — виды центра губернии — родного его города Перми, Нижне-Тагильского и Верхне-Яйвинского городов-заводов, «Вид реки Чусовой при пересечении мостом железной дороги», «Станция Чусовская» и другие. Всего в цикле порядка 30 картин и этюдов [9]. Якобы именно за это творчество благодарные земляки из Пермской губернии в 1914–1915 годах инициировали увековечение его имени в названии железнодорожной станции Верещагино.

Проверить этот нарратив также пока не представляется возможным. В такой версии переименования есть свои слабые места: большая временная дистанция (П. П. Верещагин создавал картины в 1875–1876 гг., а переименование произошло в 1916 г.), отсутствие работ Верещагина, связанных именно с железнодорожной веткой Пермь — Котлас, на которой и находилась станция Вознесенская (ветка строилась позже).

На официальном сайте города Верещагино воспроизводится нарратив про проезд «великого художника-баталиста» Василия Васильевича Верещагина в 1904 году [10], а работники местного музея, не располагая никакими убедительными документами, подтверждающими ту или иную версию переименования, безуспешно обращаются во все инстанции (в том числе в дом-музей Верещагиных в Череповце), чтобы найти нужную информацию. Так что этот сюжет нуждается в дальнейшей разработке, что поможет еще раз «развести» в общественном сознании двух живописцев Верещагиных — пермского Василия Петровича и череповецкого Василия Васильевича.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сомов А. И. Марков Алексей Тарасович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XVIIIа (Малолетство — Мейшагола). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. С. 658.
2. Крупова Р. Е., Лурье Л. Я. Петропавловский собор — императорская усыпальница (Петропавловская крепость) // Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. С. 271–287.
3. Верещагин В. В. Переписка В. В. Верещагина и П. М. Третьякова. 1874–1898 / Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Н. Г. Галкиной; вступ. ст. О. А. Ляковской. М.: Искусство, 1963. 138 с.

4. Солодянкина О. Ю. Американские страницы биографии В. В. Верещагина // Русский Север в истории российско-американских отношений: сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США / отв. ред. В. Н. Плешков. Вологда: Древности Севера, 2011. С. 151–160.
5. Иллюстрированная энциклопедия русской живописи / текст и сост. О. Ю. Николаева; ред. А. Ромушквич. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 599 с.
6. Александр Берташ. Северное кладбище (3-е Парголово) // Кобак А. В., Пирытко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2009. С. 638–654.
7. Верещагино // (Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 5 (Великий князь — Восходящий узел орбиты). М.: Большая российская энциклопедия, 2006. С. 160.
8. Министерство путей сообщения. Пермская железная дорога. Приказ от 8.12.1915 // Государственный архив Пермского края. Ф. 556. Оп. 1. Д. 130.
9. Казаринова Н. В. Река Чусовая в картинах Петра Верещагина // Пермская художественная галерея. URL: <https://permartmuseum.ru/article/12%20https://www.liveinternet.ru/users/4723908/post461737691/> (дата обращения 15.04.2023).
10. Официальный сайт г. Верещагино. URL: <https://web.archive.org/web/20141024191216/http://portal-vereschagino.ru/history/index.php> (дата обращения 13.04.2023).

А.А. Сидякина*Пермский государственный
национальный исследовательский университет***ИСТОРИЯ ПЕРМСКОГО КИНО
НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ И НОВЫХ МЕДИА**

Аннотация. С первых моментов появления кинематографа в Перми начала зарождаться и местная киножурналистика, развиваясь сначала в виде городской газетной хроники и рекламы кинотеатров, затем приобретая всё более разнообразные жанровые формы и расширяя тематический диапазон. Репертуар и обустройство кинотеатров, работа со зрителем, проблемы кинофикации, фестивальное движение, съемки в Перми «большого кино» и развитие собственного кинопроизводства — эти и многие другие вопросы находили освещение в публикациях пермских СМИ, содержащих зачастую драгоценные подробности и свидетельства эпохи. В разные периоды времени о кино в пермской прессе писали известные писатели и журналисты (в том числе Е. Ранова, В. Туркин, С. Гинц, Б. Михайлов, Б. Гашев, Ю. Надеждин, А. Королев, В. Пирожников, Ю. Баталина, В. Киршин, Л. Мульменко и др.) — посредством их публикаций история кинематографа переплетается с историей региональной литературы и публицистики. Сегодня медийные источники информации о пермском кино представлены также тематическими спецпроектами и практически неисчерпаемым ресурсом социальных сетей.

Ключевые слова. Пермская киножурналистика; кинематограф; история кино; региональные СМИ

A.A. SIDIAKINA*Perm State University***HISTORY OF PERM CINEMA ON THE PAGES OF REGIONAL MEDIA
AND NEW MEDIA**

Abstract. From the first moments of cinema's appearance in Perm, local film journalism began to develop, first in the form of a city newspaper chronicle and advertising cinemas, then acquiring more and more diverse genre forms and expanding the thematic range. The repertoire and arrangement of cinemas, work with the audience, problems of cinematography, festivals, filming — these and many other issues found coverage in the publications of the Perm media. In different periods of time, famous writers and journalists wrote about cinema in the Perm press (including E. Ranova, V. Turkin, S. Gints, B. Mikhailov, B. Gashev, Y. Nadezhdin, A. Korolev, V. Pirozhnikov, Y. Batalina, V. Kirshin, L. Mulmenko, etc.) — in their publications, the history of cinema is intertwined with the history of regional literature and journalism. Today, media sources of information about Perm cinema are also represented by thematic special projects and an inexhaustible resource of social networks.

Keywords. Film journalism; cinematography; history of cinema; regional media.

В первые десятилетия XXI века Пермь становится всё более активным центром кинематографической жизни. В городе проходят кинофестивали различных рангов и статусов, в том числе международный кинофестиваль «Флаэртиана», один из самых авторитетных фестивалей документального кино в стране и в мире. Увеличила объем кинопроизводства студия «Новый курс», только в 2023 году подготовившая к 300-летию Перми более десяти кинопремьер. Заметен стал творческий рост других

региональных кинообъединений, например, коллектива создателей сериала «Молотов коктейль», результатом работы которого стал быстро получивший зрительское и экспертное признание цикл фильмов о знаменитых именах и событиях истории Перми. Пермские территории продолжают масштабно осваиваться в качестве съемочных локаций федеральными кинопроектами.

Всё это, безусловно, подогревает интерес общественности к истории пермского кино. В массмедиа регулярно появляются публикации, посвященные фильмам, которые снимались в Перми [1–3]. «Пермская Синематека» в различных форматах проводит лекции об истории пермского кинематографа и «кинопрогулки по Перми» [4] и пр. Пермский кинорежиссер С. Лепихин создал цикл исторических портретных очерков о кинематографистах Перми, писатель В. Киршин выпустил книгу «Приключения такалажника» (2014), созданную на основе мемуаров кинооператора В. Горшкова [5].

Вместе с тем представляется особенно важным то, что в пермской научно-гуманитарной сфере формируются системные подходы к изучению данной темы. В этой связи следует отметить посвященные дореволюционному периоду кинематографа Перми труды В. В. Устюговой [6, 7]. Студенты-историки ПГНИУ под руководством Г. А. Янковской последовательно исследуют историю пермского кинобыта [8]. На протяжении ряда лет развитие региональной кинематографии и кинопрессы исследуется автором данной статьи [9, 10] (зачастую совместно со студентами). В частности, неоценимый вклад в изучение истории российской региональной телевизионной анимации был внесен выпускницей кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ Ю. Н. Баяндиной — одним из результатов ее работы стало монографическое издание «Люди и куклы. История пермской анимации» [11], комплексное описание региональной ситуации, включающее аналитику, очерки о художниках и режиссерах-мультипликаторах, фотографии, кадры из мультфильмов и пр.

В рамках обращения к истории кино в Перми один из ключевых вопросов связан с источниками первичной информации. Необходимо работать с фондами краевого и городского архивов, фондами государственной телерадиокомпания (ГТРК), личными архивами деятелей кинематографии, сохранившимися артефактами, устными и письменными мемуарами.

Особое место в этом плане принадлежит материалам пермских СМИ. Газета — богатейший источник фактической информации, хранящий не только детализированные образы эпохи, но и субъективные, эмоционально окрашенные рефлексии авторов публикаций. Совместно со студентами-журналистами нами был произведен фронтальный просмотр всех доступных номеров основных местных газет с 1896 г. до начала XXI века («Пермские губернские ведомости», «Звезда», «Молодая гвардия», «Вечерняя Пермь», «Кинодекада», «Пермские новости», «Новый компаньон» и др.). В спектр аналитической оптики входили жанровый и тематический состав, стилистические особенности, авторский аспект публикаций, проявление в пермской ситуации общероссийских тенденций и в целом — следов эпохи.

Обращаясь непосредственно к истории публикаций о кино на страницах пермских СМИ, мы можем сказать, что местная киножурналистика начала зарождаться с момента появления кинематографа в Перми — с первых объявлений в «Пермских губернских ведомостях» о киносеансах, которые организовывал кинодемонстратор С. Маржецкий (рис. 1). «На днях некто г. Маржецкий привез в наш город два аппарата <...> это «кинематограф» и «микрофон», — писала газета 29 сентября 1896 г.

Рис. 1. Объявление в газете «Пермские губернские ведомости».

Из рекламного объявления мы узнаём и о первом фильме, снятом в Перми: «Первоклассный Театр Иллюзион. С 2 по 9 февраля новая перемена картин. Между прочими картинками войдут следующие: “Разбойники”, “На станции Вержболово”, “Три луны”, “Пермская купчиха переезжает на дачу”» [12].

Тенденции развития ранней пермской киножурналистики были идентичны тому, как это происходило в других городах. Сначала объявления, реклама кинотеатров, затем газетная хроника, иногда даже с намеком на критику, как в этой заметке: «31 мая на афише красовалось заглавие “Синематограф”, а внизу “Пикантные картины только для взрослых”».

Очевидцы рассказывают, что это за “пикантные” картины. Администрация “Синематографа” не ошиблась бы, если бы вместо слова “пикантные” поставила “порнографические»» [13]. С постепенным превращением кино в искусство усложнялось и его восприятие — к примеру, неизвестный пермский хроникер уже хвалит новый кинотеатр «Модерн» за удачный выбор картин: «Производит сильное впечатление красивая историческая драма Виктора Сарду “Флория Тоска”».

Разыгранная в Парижском “Комеди Франсез” и поставленная в семи картинах, “Тоска” захватывает зрителя пластикой позы и мимики» [14].

Постепенно расширяется тематический диапазон пермских публикаций о кино. Репертуар и обустройство кинотеатров — эти темы были первостепенны в 1910-е годы и продолжали оставаться значимыми и в 1920-е. Но к ним подключает новая магистральная тема — воспитание зрителя. Следуя запросам нового времени, кинотеатры демонстрировали картины о революции и пролетариате. Хотя, как свидетельствует газета «Звезда», «старый» репертуар «изжить» с экранов было не просто.

Несмотря на вводимые абонементы и скидки на «правильное» кино, зритель по-прежнему хотел смотреть «жуткую драму», «сверх-боевик» и «гвоздь сезона». В первое революционное десятилетие на экранах пермских кинотеатров по-прежнему шли «старорежимные» фильмы («Песнь торжествующей любви», «Сатана ликующий», «Пляска смерти» и пр.), а также современные зарубежные. Фильмы с Осси Освальдом, Дугласом Фербенксом, Гарри Пилем, Чарли Чаплином, Монти Бэнксом — боевики, комедии и прочая, как выражалась газета, «буржуазная кинодрянь» давала «полный сбор» (рис. 2).

Рис. 2. Рекламное объявление в газете «Звезда», 1922 г.

Но позиции новой идеологии неизбежно усиливались. По области разъезжали агитационные «киноповозки», для красноармейцев и рабочих устраивались льготные киносеансы, проводились кинолектории, по «требованию рабочих» под кинопоказы оборудовались разоренные церкви. В Перми кинотеатры работали как культурные центры: в них читались научные лекции, проводились диспуты. До или после просмотра пермской публике иногда предлагалась культурно-развлекательная программа (к примеру, концерт балалаечника Смирнова, выступление на злобу дня ленинградского юмориста Альдо, концерты юмористов Рима и Рома, народного певца Еленского и т.д.).

Нередко на кинопоказах возникали различные «инциденты» и «непорядочки». Газетные публикации дают почувствовать, как ощущал себя зритель на киносеансе, какие удобства (или неудобства) были ему предоставлены (рис. 3). В целом картина кинобыта 1920-х годов складывалась довольно неприглядная. «Крик, шум, гам <...> — жалуется Отдыхающий. — Картина мелькает, рвется ежесекундно полотно, как лицо старушечье, сморщенное. Стол с аппаратом, как живой ходит» [15]. Музыкальное сопровождение картины в кинотеатре тоже «не всегда кстати подбирается» под ее содержание: к примеру, в картине «Мать» — массовый расстрел, а «пианистка наяривала разухабисто что-то похожее на песенку “По улице мостовой”». У рабочего зрителя нутро воротит от такого аккомпанемента!» [15], — негодует некто Иван Бродяга. «В кино “Пролетарий”, — пишет неизвестный автор, — 55 клавишей пианино совершенно отказываются издавать какие бы то ни было звуки. В “Заре” инструмент напоминает ободранный гроб» [16]. В совершенно зощенковской манере пишет кинозритель В. Просвирнин: «В кино только в самый зал входить худо. Трудновато входить — могут затискать до смерти. А так все остальное очень благородно»; «Вдруг открывается дверь, барышня говорит: “Валяйте...”» [17]. В прошлом respectable кинотеатр «Триумф» в 1920-е годы также снизил планку культурного обслуживания населения. Кассиры в нем позволяли себе грубо обходиться с публикой и отвечать: «Убирайтесь к чорту» [18].

Рис. 3. Публикация Е. Рановой в газете «Звезда» 1 июля 1927 г.

Но все же наблюдались и позитивные перемены. Росло число кинопоказов, в кинотеатрах проводился ремонт, обновлялась аппаратура. Пермская публика постепенно «перевоспитывалась», репертуар также приобретал все большую идеологическую определенность.

Работать на нового зрителя пытался и собственный пермский любительский киноколлектив. Он намеревался «выпускать хорошие, чистые технически, фильмы» [19]. В 1926 году в кинотеатре «Триумф» пермяки увидели на экранах самих себя: «многолюдные манифестации и митинги по поводу выборов в горсовет. Общий подъем настроения и отдельные моменты схвачены удачно», — отмечала газета [20].

В 1930-е годы тема воспитуемого зрителя приобрела новый акцент в ракурсе коллективистских установок. Только коллективный зритель имел шанс первым приобщиться к благам кинематографа — сеансы на фильмы-новинки были на многие дни расписаны под организованное посещение, трудовым коллективам вручались любительские камеры и кинопроекторное оборудование. Публикации перестали содержать в себе острую критику и едкую фельетонную иронию.

В целом мы видим, что пермская киножурналистика каждого исторического периода отражала характерные для того или иного времени тенденции, темы, события кинопроцесса. В 1950-е годы в городе начали открываться новые кинотеатры, становились доступны новые кинопроекторные технологии. Когда же с началом работы на областном телевидении творческого производственного объединения (ТПО) «Пермьтелефильм» в Перми возникло профессиональное кинопроизводство, на страницах местных СМИ начали обсуждаться фильмы и очерки пермских режиссеров. Газеты писали о съемках центральных и иногородних киностудий в локациях Прикамья, публиковали интервью, рецензии, а в 1980-е годы постепенно в газетах начали появляться мемуары о старом кино.

Отдельная тема исследования — авторский состав пишущих о кино журналистов. Далеко не всех из них можно идентифицировать. К примеру, для пермской журналистики 1920-х годов (как и для прессы дореволюционных лет) характерно использование псевдонимов. Зачастую псевдонимы служили социальными масками: Крестьянин, Домохозяйка Миронова, Мастеровой, Рабфаковец Кулаков, Правление, Горкомол, Окрисполком, или — Прокатчик, Присутствующий, Отдыхающий. Псевдонимы говорящие, но кто скрывается под ними — неизвестно. Но всё же некоторые имена пишущих о кино можно распознать и атрибутировать.

Так, среди авторов 1920-х годов отчетливо различима Елена Ранова (одна из ее публикаций — см. рис. 3). Поэтесса, участница литературной группы «Ничевоки», дружившая в Маяковским и Есениным, — она приехала в Пермь в 1927 году с семьей. Работала журналистом в «Звезде», участвовала в «Живой театрализованной газете», мастерски писала о театре и кино. И не она одна. В целом облик журналистского текста о кино зачастую крайне выразителен: выпуклые точные детали, ёмкие характеристики, метафоризм. Иногда острое, ёмкое слово журналиста врезается в воображение так, что по нему несложно бывает достроить образ и события, и времени.

В другие периоды о кино в пермской прессе писали такие известные писатели и журналисты, как С. Гинц, Б. Михайлов, Ю. Надеждин, А. Королев, Н. Гашев, Д. Ризов, В. Пирожников, в XXI веке — Ю. Баталина, В. Киришин, Л. Мульменко и др. Посредством этих публикаций история пермского кинематографа тесно переплетается с историей региональной литературы и публицистики.

В последние годы сфера медийных источников информации о пермском кино расширилась, кажется, до неисчерпаемости — благодаря новым медиа, блогосфере, мессенджерам и социальным сетям. Она требует особых исследовательских подходов и системного мониторинга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьякова Е. 45 фильмов, которые снимались в Пермском крае // Комсомольская правда - Пермь. 2021. 23 авг. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/28320/4463376/>;
2. Якунчева О. «Иван Семенов», «Зулейха» и «Ёлки»: онлайн-экскурсия по местам Прикамья, где в последние годы снимали большое кино // 59.ru. 2021. 8 июля. URL: <https://59.ru/text/culture/2021/07/08/70004351/>
3. Топ-10 известных фильмов, снимавшихся в Пермском крае // ПермьОк. 2020. 11 янв. URL: <https://dzen.ru/a/XcKH5o8BEQCxiPtp>.
4. Кинопрогулки по Перми // Пермская синематека. 2023. 16 янв. URL: <https://www.permcinema.ru/events/event.htm?id=1597>
5. Киришин В. А. Приключения «такелажника»: Устные рассказы Валерия Горшкова, кинооператора и веселого человека. — Пермь, 2014.
6. Устюгова В. В. «Конец века» в истории Перми. Первое кино // Вестник Пермского университета. История. 2011. №. 3. С. 99–107.
7. Устюгова В. В. «Прекрасная эпоха» синемаатографа 1896–1919. На материале русской провинции. Пермь, 2015. 410 с.
8. Голливуд пермского периода. URL: https://vk.com/wall-112837_8012; «На экранах Прикамья»: как пермяки узнавали о кино в 1960–1970-е гг. URL: https://vk.com/wall-112837_8024; Ушла эпоха или почему «Кристалл» стал таким культовым местом// URL: https://vk.com/wall-112837_8092; «Все: кина не будет»: пермские кинотеатры от рассвета до заката// URL: https://vk.com/wall-112837_8097.
9. Давыдова Т., Сидякина А. Пермские кинотеатры 1920-х гг. (по материалам газеты «Звезда») // Пермский дом в истории и культуре края: материалы третьей научно-практической конференции / сост. и ред. Т. И. Быстрых]. Пермь: МУК ОМБ, 2010. С. 82–89.
10. Янковская Г. А., Сидякина А. А. Мозаика образов: меняющийся город в творчестве представителей пермской культуры // Пермь. 300-летняя история в документах и лицах / под ред. Г. А. Янковской. Пермь: МБУ «Архив города Перми», 2022. С. 54–83.
11. Баянзина Ю. Люди и куклы. История пермской анимации. СПб.: Маматов, 2012. 124 с.
12. Рекламное объявление // Пермские губернские ведомости. 1908. 6 февр.
13. Городская хроника // Пермский губернские ведомости. 1906. 4 июня.
14. Городская хроника // Пермский губернские ведомости. 1909. 25 июля.
15. Отдыхающий. Кино-недоразумение // Звезда. 1925. 30 авг.
16. Музыкальные инструменты в кино нужно заменить новыми // Звезда. 1929. 26 нояб.
17. Просвирнин В. Кино-драма // Звезда. 1926. 18 авг.
18. Развлечение в «Триумфе» // Звезда. 1926. 15 окт.
19. Лисин В. Что нужно для кинопроизводства // Звезда. 1926. 4 февр.
20. Хроника // Звезда. 1926. 4 февр.

И.С. ГАВРИКОВА

*Пермская государственная краевая
универсальная библиотека им. А. М. Горького*

ЛИКВИДАЦИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ: НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КЛУБОВ «ЗВЕЗДА» И «АМКАР»

Аннотация. В статье рассмотрена ключевая событийная хроника пермского футбола. Основное внимание уделено становлению и развитию в Перми профессиональных футбольных клубов «Звезда» («ЗИС», «Крылья Советов», «СК "Завод им. Сталина"») и «Амкар». Выявлены причины, приведшие к возникновению сложной ситуации в местном профессиональном мужском футболе в 2010-е годы и закрытию клубов. Особое внимание уделено самым ярким страницам клубных успехов «Звезды» и «Амкара».

Ключевые слова. Футбол; «Звезда»; «Амкар»; Пермь; Валерий Чупраков; Геннадий Шилов.

I.S. GAVRIKOVA

The Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky

LIQUIDATION AND REVIVAL OF A FOOTBALL TEAM: ON THE EXAMPLE OF THE PERM PROFESSIONAL CLUBS ZVEZDA AND AMKAR

Abstract. The article considers the main events chronicle of Perm football. The primary attention is paid to forming and developing professional football clubs Zvezda (ZIS, Krylya Sovetov, SK Factory named after Stalin) and Amkar in Perm. The reasons that led to the emergence of a complicated situation in local professional men's football in the 2010s, which led to the closure of clubs, were identified. Significant attention is paid to the brightest pages of the club successes of Zvezda and Amkar.

Keywords. Football; Zvezda; Amkar; Perm; Valery Chuprakov; Gennady Shilov.

В 2018 году всю футбольную общественность потрясла новость о ликвидации футбольного клуба «Амкар» (Пермь). Для людей, неравнодушных к «лучшей игре с мячом», событие имело эффект разорвавшейся бомбы — до последнего момента Пермь надеялась отстоять команду, но чуда не случилось, и, как и несколькими годами ранее с прекращением существования ФК «Москва», раменского клуба «Сатурн» (Московская область), шокирующим упразднением победителя Кубка России «Тосно» (Ленинградская область), история «Амкара» подошла к концу [1–4]. В этой истории тогда было поставлено многоточие: «...власти Пермского края планируют возродить футбольный клуб «Звезда», существовавший в регионе с 1932 по 1996 год» [5].

Настоящее исследование ставит своей задачей разобраться в хронологии событий от становления и успеха до краха обоих клубов, рассмотреть причины и предпосылки, приведшие к необходимости их возрождения, посмотреть на текущую картину дел и будущие перспективы.

История пермского футбола началась в 1911 году. Как утверждает врач Свердловской станции переливания крови, по совместительству один из ветеранов уральского футбола Соломон Рабинович, «отправной точкой начала игры в футбол в Перми является 1911 год, когда дворовые и уличные команды проводили матчи прямо во дворах, на пустырях Данилихи, Новой Деревни, на площадках Разгуляя, Слободки, Слудской площади и в дачных местностях» [6, с. 10]. Авторы книги «Кожаный мяч» отодвигают дату на год раньше, уверяя, что первое упоминание о футболе в Перми относится к 1910 году [7]. В 1911 году в Перми провели первый официальный матч между сборной Курьи и сборной Мотовилихи, тем самым положив начало противостоянию любительских команд. Начало классическому противоборству Перми и Екатеринбурга, подобно поединкам «двух столиц» и «московскому дерби Всея Руси» (ЦСКА — Спартак), еще недавно существовавшему в российской премьер-лиге как «уральское дерби», было положено в 1913 году, когда пермяков пригласили поучаствовать в первом чемпионате Урала.

Конечно, до футбола сегодняшнего тем матчам было далеко: смутные представления о правилах игры, футбольной этике (к примеру, значительная часть футболистов считала нанесение травмы сопернику обычным явлением), недостаточная или слабая экипировка и многое другое существенно отличали тот спорт от современного. Пермский футбол, как и мировой, претерпевал изменения буквально со скоростью летящего мяча. Футболисты-соперники учились друг у друга: начинающие — у более опытных, провинциальные — у столичных, местные — у иностранцев, оказавшихся волею социальных и политических причин на полях чужой страны. Тактика, расположение футболистов на поле позволяли «дикие» для нынешнего болельщика (как и профессионального игрока) схемы с пятью нападающими и всего лишь двумя защитниками.

В 1920-е годы в стране спорт поставили на трудовые рельсы: футбольные команды создавались на базе профсоюзных организаций железнодорожников, печатников, строителей. Тогда же встал идеологический вопрос: кому нужен футбол? Пришли, как в свое время московские спартаковцы, к такому ответу: народу. В историю ушли такие легендарные клубы, как, например, «Яхт-клуб», взамен появились «Профинтерн», «Пехотный полк» и прочие.

Гордость Перми — «Звезда», вернувшаяся в футбол на смену амкаровцам, — берет начало со строительства мотостроительных заводских цехов в начале 30-х годов прошлого столетия. Изначально «проект» имел название ЗИС (команда Завода имени Сталина), костяк составила рабочая молодежь, а также влившиеся «легионеры» из пермского «Динамо». Чуть позже ЗИС станет командой «Крылья Советов». Анатолий Заболотных, выступавший за команду с 1934 по 1941 год, вспоминал: «В период освоения первой очереди завода в 1932 году значительно выросло количество работающих на предприятии, большую часть которых составляла молодежь. В это время любители различных видов спорта стали объединяться, и в результате организован коллектив физкультуры нашего завода» [8].

Следующее десятилетие «крылышки» купаются в любви болельщиков. Находясь на пенсии, ветеран футбола Дмитрий Александрович Лунегов вспоминал,

что собой представляла игра в 1940-е годы: «Молотов болел футболом. Чтобы попасть на матч местной команды, надо было с вечера занимать очередь в кассы. Будучи игроком “Крыльев Советов”, Лунегов по своим связям доставал 400–500 билетов для знакомых. В диковинку для пермских футболистов были английские мячи (их привезли в Молотов в 1946 году), непривычно тяжелые и жесткие» [9]. В 1950-е годы «крылышкам» изменили название — теперь, до 1957 года, это был СК (спортклуб) «Завод им. Сталина», затем, с 1958 года, команда стала «Звездой». Хотя изменение имени клуба никак не повлияло на показатели стабильности, «Звезде» удалось достичь некоторых профессиональных успехов.

За удачные результаты пермского клуба ответственен Николай Самарин — при его тренерском руководстве пермская команда смогла хорошо себя показать в первой лиге СССР, куда он вывел клуб в 1971 году по результатам финала чемпионата СССР для команд второй лиги, проводившегося в Сочи. Тогда «Звезда» соперничала с нальчикским «Автомобилистом» и «Искрой» из Смоленска; с семью очками клубу удалось добыть путевку в первую лигу. Также при Самарине «звездинцы» дважды финишировали на шестом месте в сезонах 1972 и 1976 годов. В актив «Звезды» можно занести Кубок РСФСР 1987 году, проводившийся среди команд второй лиги. Последнее весомое достижение пермяков — это третье место в первой лиге России в 1992 году, завоеванное незадолго до полной ликвидации в этом же году; оно же является и самым громким достижением в истории «Звезды».

Ошеломительный успех «Амкара» в свое время стал неожиданностью для самого клуба. Команда, возвращенная «на аммиачно-карбонатных удобрениях» (отсюда «ам» и «кар»), с поразительной легкостью смогла за сравнительно короткий срок попасть в футбольную элиту. Рождение «Амкара» началось с химической промышленности, а именно с завода под руководством Валерия Чупракова, а «название производственному коллективу придумал заводской физрук Михаил Шафранов» [10]. Креатив случился и с клубными цветами: из-за связей с итальянскими партнерами форма «амкаровцев» вышла родственной с итальянским грандом «Миланом». Впрочем, и задачи поставили самые высокие, под стать именитому побратиму: скорейшее повышение в классе, еврокубки. В первый же год своего существования (1993) клуб добился впечатляющих успехов: под руководством играющего тренера Виктора Засульского взял Кубок города, а на следующий — праздновал чемпионство и обладание Кубком Пермской области. Выход во вторую лигу ПФЛ (зона центр) со второго места обеспечил клубу приток болельщиков на трибунах и, конечно, возросшие аппетиты.

Сезон 1999 года красно-черные проводили уже в статусе участников первой лиги ПФЛ, где заняли шестое место, годом ранее в розыгрыше Кубка сенсационно победив «Спартак» с минимальным счетом. Главной цели амкаровцы достигают в 2003 году, когда два мяча в противостоянии с воронежским «Факелом» и ничья в параллельном матче гарантируют команде место в премьер-лиге на будущий год. Примечательно, что этот судьбоносный сезон команда Сергея Оборина начала с неутешительных результатов: после пяти туров клуб занимал шестнадцатое место из двадцати двух коллективов.

Пиком успеха для красно-черных стал 2008 год, когда команда под руководством черногорца Миодрага Божовича сумела выйти в финал Кубка России и не менее сенсационно попала в молодую, но набирающую престижность Лигу Европы. Соперником клуба стал крепкий середняк из английской премьер-лиги — лондонский «Фулхэм». Впервые в своей истории «Амкар» показался на зарубежной арене, доказав, что проделанная всей клубной структурой работа, даже без крупных денежных вливаний, способна привести к успеху. Несмотря на статус региональной команды, «Амкару», чье руководство всегда подчёркивало, что многомиллионные трансферы — далеко не гарантия успеха, прочили долгое существование.

Проблемы начались незадолго до Чемпионата мира в России. Сезон 2017/18 красно-черные завершили неудачно: проиграли с крупным счетом ЦСКА, «Спартаку» и в последнем туре провели с «Ахматом» нерезультативную ничью.

В ответ на вопрос о причинах расформирования «Амкара» в 2018 году бывший главный тренер команды Гаджи Гаджиев винит тогдашнего губернатора Максима Решетникова: «Пришел губернатор, который ничего не понимал в управлении футбольным клубом. Пообещал команде сохранить ту часть бюджета, которую закрывало правительство Пермского края, но в итоге ничего не сделал для этого. Пока его не утвердили, он приходил на футбол, а после победы на выборах перестал» [11].

Экс-футболист обоих пермских клубов Алексей Попов в интервью РБК обобщает, проводя единую черту под обоими клубами, и говорит, что изначально «Звезда» создавалась как подспорье «Амкару», а когда клуба не стало, ее цели стали туманны. По словам футболиста, «если футбол — это шоу, то было скучно» [12].

Причину закрытия «Звезды» А. Попов видит также в том, что бюджет обеих команд формировался из бюджета Пермского края. «Сколько бы нам ни говорили, что “Амкар” — не бюджетная организация, все это неправда. Поэтому, естественно, региону не выгодно тянуть две команды, играющие в одном дивизионе. Понятно, что выгоднее тянуть политический бренд “Амкар”, который в свое время добивался высоких мест в российской Премьер-лиге. У “Звезды” был шанс заявить о себе. Они им не воспользовались. У них были хорошие спонсоры, которые ушли. Да и в “Звезде” футбольных людей ни осталось. Да, в этом сезоне “выстрелили от безысходности”. Футболистам хотелось заявить о себе “напоследок”, поэтому и остаток сезона провели с такой мотивацией. Была бы она такой на протяжении всего сезона, они могли бы 1 место занять. Конечно, повторюсь, что не имеет смысла нахождение двух команд в одной лиге, но “Амкар” же ставил задачу выхода в ФНЛ-1. А что будет, если они не выйдут в следующем году? Распустят весь клуб и по-новому будут развивать? Почему нет четкой стратегии развития на 2–3–5–10 лет?» [12].

Вице-президент «Амкара» Геннадий Шилов в конце 2000-х годов указывал на многие актуальные проблемы клуба (или даже клубов, если включить в ряд и «Звезду»). По его словам, трансферная политика красно-черных оставляла желать лучшего: лидеры команды уходили бесплатно. «Если у перспективного футболиста

заканчивается контракт, необходимо за полтора года до окончания его срока давать игроку понять о заинтересованности в нем клуба и переподписывать соглашение. А мы спохватывались где-то за полгода, когда игрок попадал уже на заметку другим клубам, с предложениями которых мы не в силах были конкурировать» [10]. Здесь же Г. Шилов затрагивает еще одно «больное место» — финансирование, говоря о том, что постепенный уход от государственного спонсирования — шаг к продлению успешной жизни профессионального футбольного клуба. «Амкар», державшийся на тот момент преимущественно за счет бюджетных ассигнований и испытывающий внутренние проблемы, был закрыт в 2018 году.

С 2010-х годах и до сегодняшнего дня история пермского футбола напоминает спортивную драму. В январе 2018 г. инициативная группа начала деятельность по возрождению «Звезды» как плацдарма для перехода молодых местных футболистов в профессиональный взрослый футбол. Благодаря поддержке правительства Пермского края в июне 2018 г. было принято решение возродить «Звезду» [5]. На тот момент «Звезда» позиционировалась как главная футбольная команда Пермского края, в которой играли преимущественно воспитанники местного футбола. В сезоне 2018/19 «Звезда» возобновила выступления в профессиональном футболе и разделила места с четвертого по шестое с более опытными и сыгранными командами группы «Урал-Приволжье» второй лиги, показав неплохие игры и результат для первого за двадцать три года сезона в профессиональном футболе.

Амбициозное возрождение «Звезды» образца 2018 года продлилось недолго: около пяти лет клуб пытался стать главной футбольной величиной города, выступая во втором дивизионе футбольного чемпионата России — Профессиональной футбольной лиге (ПФЛ), затем измененной на ФНЛ-2, надеясь на быстрое продвижение вверх, как уже однажды случилось с «Амкаром». К сожалению, свет «Звезды» потух так же стремительно, как и мечты болельщиков на счастливое будущее команды Валерия Петракова. На пользу явно не пошла и появившаяся информация о планах по возрождению «Амкара».

В июле 2020 года губернатор Пермского края Дмитрий Махонин официально заявил о подписании соглашения с РФС и планах на создание команды первой лиги, говоря, что за два года это сделать реально. Здесь же губернатор высказался о том, что оба клуба получают помощь из краевого бюджета («Звезда» к этому времени уже получала финансовую поддержку) с той лишь разницей, что выступать будут в разных дивизионах. Подобная нагрузка на средства из краевого бюджета болельщикам и прессе показалась чересчур амбициозной и ожидаемо вызвала волну негодования у фанатов «Звезды»: они опасались приоритета «Амкара» над их любимым клубом. Как показало время, отчасти они были правы.

Спустя год краевые власти зарегистрировали обновленный «Амкар-Пермь», вновь обратившись к Валерию Чупракову, а «Звезда» медленно, но верно начала двигаться к собственному концу. Краеугольным камнем по традиции стали деньги; по словам представителей Минспорта Прикамья, клуб не смог привлечь средства из стороннего источника, т.е. спонсорских денег, средств, вырученных с продажи

атрибутики, билетов на матчи. Ходили слухи, что умирающая «Звезда» объединится с новым «Амкар», но дальше слов дело не зашло, и летом 2022 года клуб исчез с футбольной карты решением властей.

Официальная группа команды в соцсетях продолжает существовать, их посты — это посвящения истории клуба, бывшим футболистам, хроника «перезагрузки» 2018–2022 годов. Благодаря этой группе связь поддерживают и болельщики, выражающие в большинстве своем негодование ввиду сложившейся ситуации: «Вместо того чтоб возродить “Звезду”, вы тут пишете исторические очерки, которые не интересны молодёжи... Где работа по восстановлению команды?» [13] — пример комментария на странице клуба в социальной сети «ВКонтакте».

«Амкар-Пермь» тем временем активно заключает контракты со спонсорами, вкладываясь в редизайн старой эмблемы, дизайн атрибутики для болельщиков. Их фирменный магазин приветствует прилетающих в аэропорту «Савино», а билборды можно увидеть на дорогах Перми. Несмотря на масштабную деятельность, сообщество болельщиков команды пока очень прохладно настроено по поводу выхода красно-черных в первую лигу в обозримом будущем.

На момент написания статьи произошло сразу несколько важных событий. Во-первых, красно-черные расстались с главным тренером Руслемом Хузиным после двух лет сотрудничества, с ним ушел и весь тренерский состав. Комментарий Валерия Чупракова не оставляет сомнений, что задачи, поставленные перед клубом, были не выполнены. Во-вторых, газета «Коммерсантъ» утверждает, что ПАО «Пермэнергосбыт» заключило партнерские соглашения о поддержке с тремя спортивными клубами Пермского края, в числе которых и «Амкар-Пермь». «По данным "Ъ-Прикамье", основная часть суммы, которую компания предусмотрела на финансирование спортклубов, будет направлена на поддержку ФК “Амкар-Пермь” — ему выделят 80 млн руб. Таким образом, ПЭСК станет крупнейшим частным спонсором футбольного клуба, перед которым краевое правительство поставило задачу выйти в первую лигу в этом сезоне» [14].

Футбольные клубы «Звезда» и «Амкар» прошли путь от заводского коллектива до символа Перми. Политические изменения в стране, чрезмерные амбиции местной власти, приводящие к «игре на два фронта», недостаточно грамотный менеджмент — отсутствие долгосрочной стратегии развития, слабая трансферная политика, зависимость от бюджетных средств — всё это привело к неровной, драматичной истории обоих клубов. Строить новое на обломках старого необходимо, учитывая ошибки прошлого, но какой вывод сделает для себя пермский футбол — покажет только время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаков В. «Звезда смерти»: почему «Амкар» умирает в канун ЧМ-2018 // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/102199-pochemu-amkar-umiraet-v-kanun-chm-2018> (дата обращения: 26.04.2023).
2. «Сатурн» ликвидирован // РБК Спорт. URL: <https://sportrbc.ru/news/575508139a79474acad12b3c> (дата обращения: 26.04.2023).
3. Футбольный клуб «Амкар» прекращает свое существование // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/news/102819-futbolnyy-klub-amkar-prekraschaet-svoe-suschestvovanie> (дата обращения: 26.04.2023).
4. Яременко С., Барабаш Т. Подлежит ликвидации: печальный конец сказочной истории «Тосно» // РИА Новости. URL: <https://rsport.ria.ru/20180609/1137811934.html> (дата обращения: 26.04.2023).
5. Губернатор Пермского края хочет возродить футбольный клуб «Звезда» // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/news/101626-gubernator-permskogo-kрая-hochet-vozdrit-futbolnyy-klub-zvezda> (дата обращения: 26.04.2023).
6. Кожаный мяч, трибуна и поле: историко-публицистическое издание / И. Рогожников [и др.]. Пермь: iQ. 2008. 191 с.
7. Рабинович С., Щербаков Р. Из истории уральского футбола. Свердловск: Свердл. книж. изд-во, 1962. 103 с.
8. Экскурс в историю. Часть первая // ФК «Звезда» Пермский край: официальная группа в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/@fczp1932-rakurs-v-istoriu-chast-pervaya> (дата обращения: 26.04.2023).
9. Экскурс в историю. Часть третья // ФК «Звезда» Пермский край: официальная группа в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/@fczp1932-rakurs-v-istoriu-chast-tretya> (дата обращения: 26.04.2023).
10. Алёшин П. Н. Амкар — пермский феномен. Пермь: Студия Зёбра, 2008. 191 с.
11. Пальникова Н. «Губернатор говорил одно, делал — другое»: Гаджи Гаджиев назвал причины развала пермского «Амкара» // 59.ru. URL: <https://59.ru/text/sport/2021/04/02/69846608/> (дата обращения: 26.04.2023).
12. Попов А. «Политический бренд»: легенда пермского футбола о закрытии ФК «Звезда» / беседу вели Михаил Переходько, Кристина Чигаева // Новости Пермского края: РБК. URL: <https://perm.rbc.ru/perm/freenews/629df0cc9a7947a3d9c0194a> (дата обращения: 26.04.2023).
13. ФК «Звезда» Пермский край: официальная группа в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/fczp1932> (дата обращения: 26.04.2023).
14. «Пермэнергосбыт» станет крупнейшим частным спонсором ФК «Амкар Пермь» // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926656> (дата обращения: 24.06.2023).

А. А. СИВАК

Пермский клуб любителей игрушки

ИСТОРИЯ ПЕРМСКОЙ ИГРУШКИ

Аннотация. Рассматривается история возникновения и развития промышленного производства игрушки в Перми и Пермской области, создания Краснокамской и Пермской фабрик игрушки. Статья содержит сведения о промышленных предприятиях Прикамья, выпускавших игрушки как товар народного потребления, помимо своей основной продукции. Затронуты проблемы сохранения старых игрушечных производств, создания благоприятных условий для их возрождения и развития.

Ключевые слова. Игрушка; промышленная игрушка; Краснокамская фабрика игрушки; Пермская фабрика игрушки; предприятия Прикамья.

A. A. SIVAK

Perm toy lovers club

HISTORY OF PERM TOYS

Abstract. An article considers the history of the emergence and development of industrial production of toys in Perm and the Perm region, about the creation of the Krasnokamsk and Perm toy factories. It also contains information about the industrial enterprises of the Kama region, which produced toys as consumer goods, in addition to their main products. The problems of preserving old toy industries, creating favorable conditions for their revival and development are touched upon.

Keywords. Toy; industrial toy; Krasnokamsk toy factory; Perm toy factory; enterprises of the Kama region.

Во все времена игрушка была предметом, предназначенным для игры, но значение игрушки неизмеримо шире. Древние жители Пермского края, в том числе предки коми-пермяков, вырезали игрушки из дерева. Такие игрушки нигде не продавали, их делали для себя, своей семьи и детей. В музеях Перми и Прикамья можно встретить игрушки, которые произведены более 100 лет назад. Так было до Октябрьской революции.

После октября 1917 года во многом изменился уклад страны. Отказались от празднования Рождества, отвергли и буржуазную игрушку. Новой власти нужны были игрушки, которые могли воспитывать и учить новое поколение в духе «социалистических преобразований», «дело об игрушке» становилось в ряд чисто государственных и идеологических дел.

В 1932 году в Загорске (Сергиев Посад Московской области) был создан Всесоюзный научно-экспериментальный институт игрушки. Определены требования к советской игрушке «в условиях обострения классовой борьбы» и ценностные ориентиры при её разработке и производстве: прежде всего — здоровье и жизнелюбность. Так, по личному указанию И. В. Сталина, куклы должны были быть упитанными и весёлыми, ручки кукла должна держать расслабленные, не в кулачках.

Солдатики должны были быть с открытыми глазами. Настольные игры и конструкторы — вырабатывать смекалку и коллективизм, а «оборонная игрушка» — патриотизм. Игрушка должна прививать навыки труда и заполнять культурный досуг. «Идеологически правильная» игрушка должна быть строго реалистичной и не вводящей ребёнка в заблуждение, поэтому оранжевых коней, зверей в людских одеждах, безруких и безногих матрёшек признали не соответствующими интересам советских детей.

Однако после разгромной статьи в газете «Правда», опубликованной 28 декабря 1935 г. (в которой, в частности, просили вернуть детям праздник Нового года), в СССР вернулись и к новогодним игрушкам (разумеется, с новым идейным содержанием). С 1936 года многие артели уже стали выпускать новогоднюю игрушку (в том числе из картона, ваты, стекла).

Ещё в 1934 году был утверждён список игрушек, которые разрешались к производству. Он включал более 900 наименований: куклы, животные, кухонная и столовая посуда, автомобили, фигурки представителей различных профессий, сельскохозяйственные орудия, спортивный инвентарь, оружие, игры «Крепи оборону СССР», «Как ходить по улице» и «Борись с вредителями». Играя, ребёнок готовился к взрослой жизни, постигал азы различных профессий, тренировал тело и закалял характер [1].

В 1936 году в Перми была организована артель «Ударник», где изготавливалась мягкая, деревянная и жестяная игрушки (из отходов фанеры, консервных банок, лоскутков). Первыми игрушками, поступившими в продажу, стали лошадки, ружья и балалайки (оригинальной конструкции заведующего игрушечным цехом товарища Кельмана).

При артели были организованы двухмесячные курсы мастеров художественной игрушки. «Ударник» также выпускал канцелярские кнопки, настольные календари и многие другие «товары широкого потребления» (ширпотреба) из отходов. К 1936 году артель должна была изготовить игрушек на сумму 100 000 руб. Первыми игрушками были деревянная лошадка белого цвета и собака лайка [2].

На первой Молотовской областной выставке товаров широкого потребления заявлялось, что директором городского промкомбината тов. Каминских в августе 1940 г. будет налажен выпуск механизма для заводных игрушек. 10 лучших образцов обещали отправить в Москву. Для этого образцы корпусов моторных лодок были изготовлены в Кировской области, а механизмы было поручено изготовить ремонтно-производственным мастерским Сталинского района г. Молотова (ныне — Свердловский район г. Перми. Пермь с 8 марта 1940 г. по 2 октября 1957 г. называли Молотов, а Пермская область, образованная 3 октября 1938 г., в 1940–1957 годах называлась Молотовской) Молотовского городского промышленного комбината (горпромкомбината), образованным 21 апреля 1940 г. (эту дату можно считать началом работы Пермской фабрики «Игрушка»). 28 января 1941 г. инженер промкомбината тов. Клопов пообещал выделить деньги на оборудование для изготовления механизмов игрушек.

13 марта 1941 г. по решению Краснокамского горисполкома при Краснокамском горпромкомбинате был создан цех игрушки под руководством К. М. Ермолина. Эту дату можно считать началом работы знаменитой Краснокамской фабрики детской игрушки.

Ремонтно-производственные мастерские, преобразованные в районный промышленный комбинат Сталинского района г. Молотова с 9 февраля 1941 г., в 1947–1957 годах именовались Сталинским районным промышленным комбинатом (райпромкомбинатом) Управления местной и топливной промышленности Молотовского горисполкома, с 3 октября 1957 г. — Сталинским, а с декабря 1961 г. — Свердловским райпромкомбинатом Управления местной и топливной промышленности Пермского горисполкома, который 7 мая 1969 г. был преобразован в Пермский литейно-механический завод (завод металлоизделий) [1].

На основании решения исполкома Молотовского городского Совета депутатов трудящихся № 1146 от 2 декабря 1954 г., в целях укрупнения артелей и сокращения административно-управленческого персонала, артель «Уралец» и артель «Восход» были объединены в артель «Уралец». По приказам артели «Восход» установлено, что работники были переведены в артель «Уралец», а артель «Восход» была ликвидирована.

В 1960 году система промкооперации вновь подверглась реорганизации и вошла в систему местной промышленности. 10 октября 1960 г. распоряжением Пермского облисполкома № 1325 от 3 октября 1960 г. артель «Уралец» была переименована в Пермскую фабрику игрушек Управления местной промышленности Пермского облисполкома.

С 7 апреля 1962 г. Пермская фабрика игрушек прекратила производство деревянной игрушки, оборудование было передано на Краснокамскую фабрику деревянной игрушки (приказ по Управлению местной промышленности Пермского облисполкома № 29 от 24 марта 1962 г.).

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР № 330 от 18 марта 1963 г. и решением Пермского облисполкома № 187 от 3 июля 1963 г. на базе ликвидированного Управления местной промышленности было организовано Управление промышленности продовольственных товаров, которое, в соответствии с решением Пермского облисполкома от 23 декабря 1964 г., было реорганизовано в Управление местной и топливной промышленности Пермского облисполкома.

На основании решения Пермского облисполкома от 23 декабря 1964 г. и распоряжения № 79 от 2 февраля 1965 г. Пермская фабрика игрушек от Управления промышленности продовольственных товаров передана Управлению местной и топливной промышленности Пермского облисполкома.

В соответствии с решением Пермского облисполкома № 17 от 21 января 1966 г. было организовано Управление местной промышленности (Облместпром), оно было двойного подчинения — Министерству местной промышленности РСФСР и Пермскому облисполкому. В составе Облместпрома было 33 предприятия, в том числе Пермская фабрика игрушек.

Пермская фабрика игрушек была объединена с Пермским заводом металлоизделий по решению Пермского облисполкома № 578 от 31 декабря 1968 г. На основании приказа Управления местной промышленности от 24 сентября 1969 г. управленческий персонал (директор, главный инженер и другие руководящие работники) предприятий Облместпрома принимается на работу и увольняется приказом по Управлению. В составе документов ТПО «Пермместпром» имеются личные дела управленческого персонала Пермской фабрики игрушки [3].

В 1971 году на основании решения Пермского облисполкома № 27 от 27 января 1971 г. Краснокамской фабрике детской игрушки был передан цех по производству игрушек Пермского завода металлоизделий на правах хозрасчётного цеха. Адрес Пермского цеха: г. Пермь, 614017, ул. Тургенева, 33а. В составе документов фонда Краснокамской фабрики детской игрушки имеются личные дела работников Пермского цеха за 1971–1988 гг. [3].

На основании приказа Управления местной промышленности № 73 от 7 апреля 1988 г. с 1 мая 1988 г. Пермский цех выделен из состава Краснокамской фабрики детской игрушки и вновь стал именоваться «Пермская фабрика игрушек».

1 июля 1988 г. создано специализированное Производственное объединение «Игрушка», в состав которого входили самостоятельные предприятия: Пермская фабрика игрушек — как головное предприятие, Краснокамская фабрика игрушек, Губахинский завод «Смена», Верещагинский завод пластмассовых изделий.

В соответствии с решением исполкома Пермского областного Совета народных депутатов № 251 от 14 октября 1988 г. «О схеме управления местной промышленности Пермского облисполкома» и приказа Управления местной промышленности Пермского облисполкома № 20 и № 1 от 28 октября 1988 г. с 1 ноября 1988 г. Управление местной промышленности было упразднено. На базе Управления местной промышленности образовалось территориальное производственное объединение «Пермместпром» (далее — ТПО Пермместпром).

Согласно приказу по ТПО «Пермместпром» от 5 декабря 1989 г. Производственное объединение «Игрушка» считалось расформированным с 1 декабря 1989 г., предприятие стало именоваться «Пермская фабрика «Игрушка». 1 июля 1991 г. Пермская фабрика «Игрушка» добровольно вошла в состав ТПО «Пермместпром» на основании приказа от 17 июня 1991 г.

На основании решения Арбитражного суда Пермской области от 29 сентября 2004 г. по делу № А507016/2004-Б предприятие Пермская фабрика «Игрушка», увы, признано банкротом [1].

Судьбы людей, работавших на фабрике, ее трудового коллектива тесно переплелись с судьбой страны. Проследим некоторые из них:

«Война. Маленький уральский тыловой городок, на который обрушились большие заботы — надо было размещать эвакуированных с Запада людей, крупные производства, как можно быстрее пускать их в строй. До игрушек ли в такое время? И всё же краснокамские мастера-игрушечники, наряду с выполнением специальных заказов, продолжали выделывать из папье-маше, отливать из гипса, расписывать забавные фигурки птиц, животных, куколки, свистульки.

...Об организации производства игрушек в Краснокамске при горпромкомбинате городской Совет принял решение на своей сессии ещё 1 февраля 1941 г. Поводом послужило предложение кустара из Кировской области Константина Михайловича Ермолина. Как бы ни ликовало взрослое население по поводу увеличения добычи нефти и газа, производства бумаги, электроэнергии, без житейских «мелочей», оказалось, не обойтись.

Дети также нуждались в естественных своему возрасту радостях. Была и директива из центра об увеличении выпуска продукции местной промышленности, расширении её ассортимента.

Всё сошлось на том, что производству игрушек в Краснокамске обосноваться. Сырьё — бумажные отходы, дерево — под рукой; умелец, наследовавший секреты известного вятского промысла, нашёлся. Выделили его многодетной семье хорошую по тем временам квартиру в Запальте, затем предоставили в его распоряжение подвал дома № 2 по улице Карла Либкнехта».

Мария Константиновна Ермолина (Патокина), Иосиф Вильгельмович Биркеншток, Альма Ивановна Буб, Антонина Зотеевна Нохрина, Прасковья Васильевна Еловикина, Антонина Ивановна Кутявина, Галина Петровна Кривощёкова (Нечаева), Марта Петровна Медведева и другие ветераны фабрики, в душе которых хранились светлые воспоминания юности, первых радостей, связанных с цехом игрушек, — все они «вышли из подвала».

Кустарь-самоучка мечтал сделать из нас, в основном 14-летних сорванцов, какими мы пришли на производство в военное время, образованных специалистов, — делилась Галина Петровна Кривощёкова, бывший заместитель директора фабрики. — Многим мы обязаны первому руководителю. С его благословения я изучала все операции от формовки до росписи, затем училась в Загорск».

Немало было таких, кто благодаря помощи старших и своему старанию одолевал ступеньку за ступенькой в мастерстве игрушечника. Именно эта традиция преемственности мастерства и любви к своему делу и помогла сохранить производство игрушек в Краснокамске. Архивные документы сохранили точную дату официального учреждения Краснокамского цеха игрушек при горпромкомбинате — 13 марта 1941 г.

Мария Константиновна Патокина (Ермолина) вспоминает: «Из младших Ермолиных проработала до пенсии на фабрике Маша — Мария Константиновна Патокина — дочь основателя фабрики, Константина Михайловича. 42 года отданы ею производству игрушек, большую часть из них делала она коней-качалок». Мария Константиновна не раз рассказывала о былых временах: выйдут Ермолины всей гурьбой из квартиры и через лесок, пальтинский мостик, деревянными заборками мимо землянок, барачков — к себе в подвал большого многоэтажного дома. К такому артельному труду они сызмальства привыкали. Нина и Маша формируют из папье-маше коней, петухов, уточек. Серёжа для них колёсики вытачивает. Аннушка формы отливает или расписывает уже готовые, подсушенные изделия.

И даже самый маленький из детей — Коля — помогает, бумагу готовит, промазывает её.

...Мария Константиновна всегда держалась достойно миссии, уготованной ей судьбой — быть дочерью основателя фабрики. Патокина (Ермолина), супруги Медведевы и Павел Григорьевич Веккер — этих имён не обойти тому, кто погружается в давнее прошлое фабрики. Их имена обязательно звучат при знакомстве гостей с современным производством.

Александр Владимирович Медведев был главным художником около сорока лет. Александр Владимирович — тоже «из подвала», правда, пришёл туда уже зрелым человеком. Встретил там девушку Марту — художницу, ставшую его женой, ближайшей помощницей. Честно сказать, без неё вряд ли бы краснокамские игрушки признали в нём своего волшебника, «папу Карло».

Из всех сравнений с героями сказок, которыми наградили главного художника восхищённые почитатели, журналисты (о нём писали разные газеты и журналы), «папа Карло», пожалуй, самый симпатичный, а главное — точный. Образ, вбирающий суть избранной профессии, вылепленного, вернее — выточенного характера: щедрый, неустойчивый на выдумку, преданный делу мастер — художник по дереву.

Павел Григорьевич Веккер руководил Краснокамской фабрикой с 1963 по 1979 год. Именно при нём фабрика обрела своё лицо — интересное, значительное, современное. 11 мая 1960 г. газета «Краснокамская звезда» впервые упомянула, что цех игрушек переехал в светлое здание. Подвал ушёл в прошлое. Павел Григорьевич всё знал, везде попевал. Авторитет директора, не в силу должности, а в силу личности, был непререкаем.

Сказывалась рабочая косточка, житейская умудрённость, образованность, умение сочетать творческое, перспективное с повседневными производственными и людскими заботами. Причём, высокий градус его духовной жизни — то, что называется ёмко и выразительно — горение, задавало тон происходящим переменам в коллективе, на фабрике. Слава передового, отвечающего самым взыскательным по тому времени требованиям предприятия пришла к фабрике игрушек и закрепилась за ней сама по праву».

Любовь Петровна Марченко вспоминала, что 20 лет в цехе матрёшки превратили её из неопытной молодой работницы, которая и кисть-то едва умела держать, в признанного мастера.

Училась в Абрамцево, знаменитой Хохломе, аккумулируя в себе знания, навыки. Верность мечте, создать свой неповторимый образ матрёшки, была вознаграждена. Несколько лет не сходила с конвейера её модель матрёшки. Она пользовалась большим спросом на областных и всесоюзных ярмарках, где заключались годовые договоры с базовыми покупателями.

Долгое время работали на Краснокамской фабрике Галина Петровна Кривощёкова, Тамара Фёдоровна Спичкина, Николай Фёдорович Цаплин, Василий Иванович Муллин, Алла Геннадьевна Митюхина, Нина Ивановна Калугина, Яков Августович Дифенбах, Владимир Александрович Целиков.

Многие из ветеранов уже ушли на заслуженный отдых. Их на фабрике знают, почитают, помнят. [3].

Еще один известный человек, который участвовал в деле производства игрушки в Пермской области — это Геннадий Иванович Мишустин (27.08.1939—28.11.2023). Он с 1974 по 1978 год был директором Губахинского завода «Смена», который до этого назывался Губахинский завод механической и электротехнической игрушки (основан в 1966 г.), а затем вошел в состав Производственного объединения «Игрушка».

Еще один мастер — Геннадий Иванович Мишустин родился 27 августа 1939 г. в г. Артёмово Донецкой области в семье шахтёра. Отец — Мишустин Иван Борисович, 1909 г.р., мать — Китиченко Любовь Афанасьевна, 1911 г.р. Кроме Геннадия Ивановича, в семье были ещё брат Борис (1935 г.р.), две сестры — Дина (Шматкова) (1937 г.р.) и Светлана (Ильченко) (1941 г.р.).

В 1955 году Геннадий окончил 8 классов средней школы г. Артёмово и начал свою трудовую деятельность на шахте им. Артёма комбината «Дзержинскуголь» откатчиком (с октября 1956 г.), подземным дорожным мастером (с сентября 1957 г.). С 1958 года служил в Советской Армии на Дальнем Востоке в г. Советская Гавань писарем штаба 58 истребительного авиаполка ВВС СССР (с августа 1958 г.), писарем штаба 720 отдельного вертолётного полка ВВС СССР (июнь 1960 — май 1961 г.).

По демобилизации из армии вернулся на шахту, где трудился подземным электрослесарем (с мая 1961 г.), горнорабочим очистного забоя (рабочим лавы) с января 1963 г., механиком участка, машинистом комбайна, одновременно продолжив учебу в школе рабочей молодежи.

В сентябре 1964 г. зачислен на очное отделение Днепропетровского горного института им. Артёма, который закончил в июле 1969 г. по специальности инженер–электромеханик.

После окончания института вернулся на шахту им. Артёма, работал начальником добычного участка шахты (с июля 1969 г.), помощником главного механика шахты (с ноября 1969 г.), в октябре–ноябре 1970 г. избирается секретарём парткома шахты им. Артёма и переводится в Дзержинский горком партии. С августа 1972 г. Геннадий Иванович вновь работает на родной шахте начальником смены шахты, начальником добычного участка шахты им. Артёма (с июля 1973 г.).

В августе 1973 г. Г. И. Мишустин переехал с семьёй в г. Губаху Пермской области, где работал энергетиком цеха производства аминов Губахинского химического завода.

В мае 1974 г. назначен директором Губахинского завода «Смена» (приступил к своим обязанностям вместо Н. Кабышно с июня 1974 г.), в марте 1978 г. избран первым заместителем председателя Губахинского горисполкома, в апреле 1983 г. назначен директором шахты «Центральная» треста (ПО) «Кизелуголь».

На сессии горсовета народных депутатов 29 мая 1987 г. Геннадий Иванович избран председателем Губахинского горисполкома, а с 1992 года возглавлял созданную в соответствии с Законом РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» администрацию города Губахи.

Дважды, в 1996 и 2000 годах, избирался населением города Губахи на пост главы администрации города. В связи с истечением срока полномочий главы администрации города в декабре 2004 г. он был уволен, а в марте 2005 г. избран председателем Земского Собрания Губахинского муниципального района. В этой должности Геннадий Иванович работал до декабря 2010 г.

В 2008 году Мишустин вновь избирается главой Губахинского муниципального района, председателем Земского собрания, по истечении срока, с 2011 года — заместитель председателя Земского собрания Губахинского муниципального района.

Награждён орденами «Знак Почёта», «Дружбы народов», имени Сергия Радонежского (Русская православная церковь), знаком «Шахтёрская Слава» I, II, III степени. В 2007 году Г. И. Мишустину присвоено звание «Почётный гражданин города Губаха» [4].

Самые первые экскурсии по Пермской фабрике игрушки в начале 1970-х годов вела начальник цеха, позже — директор предприятия Вера Николаевна Мосина, проработавшая на нём более 20 лет.

Она могла бы рассказывать о фабрике игрушек так: в тот момент на фабрике работает 230 человек, и они делают игрушки более 20 наименований. Пройдясь по цехам, можно было увидеть собачку Топсика, кролика Пушка, Мишку-забияку и много других больших и маленьких игрушек, говорящих кукол и кукол с закрывающимися глазами. Вы понаблюдаете, как молодая работница Тамара Бажанова шьёт куклам платья, а её подруга Люда Островкина придумывает маленьким “модницам” всевозможные причёски.

В цехе мастера Нины Анатольевны Каменских вы познакомитесь с изготовлением кукольных туловищ, а у старшего мастера Галины Ивановны Кузнецовой понаблюдаете, как их набивают. Но, наверное, самая интересная работа — в маленьком цехе мастера Клавдии Васильевны Климовой, где она и шесть её помощниц разрисовывают кукольные головы.

Любовь Ивановна Акимкина работала на фабрике с 1979 по 1997 и с 1999 по 2001 год. Сначала была упаковщиком Пермского цеха, потом перешла на оформление кукол: делала им причёски и одевала их.

В 1980 года расписывала олимпийского Мишку-талисмана. Пояса у Мишки были разноцветными, кольца тоже оформлялись разными цветами, а иногда одним цветом. Росписью были заняты несколько художников, и у каждого был свой стиль. Осенью 1983 г. открылся новый цех — пластизольный. Любовь Ивановну перевели туда как опытного работника.

На Пермской фабрике выпускали резиновую игрушку — символ Нового года по китайскому календарю. Также там делали персонажей сказок — например, к сказке «Колобок».

Такие игрушки можно было купить по отдельности или комплектом. В экспериментальном цехе расписывали игрушку в нескольких вариантах, потом выбирали лучший и наиболее подходящий. После этого её запускали в производство.

В случае возврата игрушки отделом технического контроля по причине дефектов росписи она и её коллеги могли определить, чью игрушку вернули, и мастер,

допустивший дефект, исправлял погрешности. Резиновую игрушку, которая после выпекания в печи выходила с браком (не проливом), дробили на маленькие кусочки и использовали для создания новых заготовок кукол.

С декабря 1991 по июнь 1992 г. Любовь Ивановна работала окрасчиком-разрисовщиком игрушки при заводе им. Ленина. Расписывала резиновую игрушку «Гном». Она подсказала, где можно найти женщин, которые работали с ней на фабрике: Людмилу Дмитриевну Смирнову-Пурик и Елену Егорову. По предварительной договорённости мы встретились. Застал их за работой. Они до сих пор дарят детям праздник, делая в небольшом цехе мягкую игрушку.

Не хотелось надолго отвлекать их от работы, поэтому, задав несколько вопросов, я хотел поскорее уйти. Но рассказ Людмилы Дмитриевны Смирновой-Пурик об игрушках не отпускал. Она пришла работать в Пермский цех Краснокамской фабрики игрушки в 1972 году. Разрабатывала мягконабивные игрушки «Чебурашка» и «Винни-Пух». Вспоминает, что у первых Винни-Пухов, выпущенных Пермским цехом, был деревянный нос. Носики делала Краснокамская фабрика игрушки. «Чебурашка» был введён в производство после того, как на фабрику пришло письмо от детей, в котором они очень просили сделать такую игрушку.

За 47 лет трудовой деятельности Людмила Дмитриевна изготовила сотни тысяч игрушек. За время работы на фабрике несколько раз повышала квалификацию.

Пока мы разговаривали, меня несколько раз поправляли по поводу названия цеха, а точнее, его местонахождения, поскольку Пермский цех сначала находился на улице Технической, а потом — на Соликамской. То же самое происходило и с Пермской фабрикой игрушки.

Логотип Пермской фабрики «Игрушка» с точкой над «Ф» был разработан примерно в 1992 году. Точка — это задумка дизайнера, будто голова человечка, сама буква Ф символизирует туловище, а в целом получается кукла.

В конце разговора Елена Егорова достала несколько игрушек — тех самых, что выпускались много лет назад. Увидел я, во-первых, куклу, изготовленную в рамках совместного производства с Кунгуром. И, во-вторых, а это самое главное, — были куклы художника Турпановой: четыре игрушки, выпущенные малым тиражом, аккуратно лежали в коробках из-под Барби.

Самый важный вопрос, который меня волновал, — какое предприятие «главнее»: Пермская фабрика игрушки или Краснокамская?

Женщины ответили, что сначала Пермская фабрика игрушки была филиалом Краснокамской. В Пермский цех с Верещагинской фабрики поступали пластмассовые заготовки тел, ножек и ручек для кукол, а также коробки и ярлычки (бирки). Отверстия для рук и ног сверлились уже в Перми, ручки и головы для кукол длиной 35 см выпекались. В глазницы вставлялись глазки, головы прошивали волосами. Далее заготовки отправляли в цех сборки. В швейном цехе шили наряды для кукол. К готовому наряду пришивалась бирка с эмблемой краснокамской куклы. Так было до тех пор, пока Пермская фабрика не отделилась.

Последними операциями над каждой куклой были роспись лица и создание причёски. Готовые игрушки поступали в упаковочный цех, где кукол вкладывали в коробки, а резиновую игрушку — в плотный прозрачный пакет.

Женщины рассказали, что в настоящее время существует большая конкуренция с другими производителями. Сейчас на фабрике проводят мастер-классы для детей. В конце разговора Людмила Дмитриевна подметила, что игрушка для неё и её коллег — не просто работа, а настоящее увлечение.

О том, что пермские куклы пользовались огромным спросом, свидетельствует следующий факт: в начале 1990-х в газету «Звезда» стали приходить письма от девочек с просьбой помочь им приобрести куклу Пермской фабрики — Барби «Людмилу».

В ситуации разбиралась Ольга Тодощенко. Она получила задание купить куклу. Газета посвятила этой проблеме целую статью. В публикации говорилось о ценовой политике предприятия и о спросе на куклу.

Сначала «Людмилу» продавали дешевле, чем других Барби. Этим пользовались «предприимчивые» люди, которые скупали её, а затем перепродавали. На фабрику стали поступать жалобы, писем приходило много. Поэтому ОАО «Пермская фабрика «Игрушка» решило поднять цену.

В своём материале Ольга пишет: *«Но главное — “Людмилу” можно приобрести в магазине. Есть такой у фабрики — на улице Студенческой, 25. Куклу, правда, раскупают быстро. Но когда я делала этот репортаж, как раз завезли новую партию “выспавшейся леди”, и маленькая покупательница Леночка Пономарёва была счастлива: одной рукой держалась за маму, другой прижимала своё сокровище”.* Это была кукла высотой 45 см. Многие сегодняшние мамы, чьё детство пришлось на 90-е гг., вспоминают ещё одну российскую версию Барби — куклу “Крестину”» [5].

На протяжении многих лет выпускалось очень много игрушек. К сожалению, не сохранились игрушки 1960-х годов. В 1970–1980 годы в Прикамье выпускали 15 видов кукол. С 1990 по 2004 год — три вида. Последнюю куклу выпустили на Пермской фабрике в 2004 году.

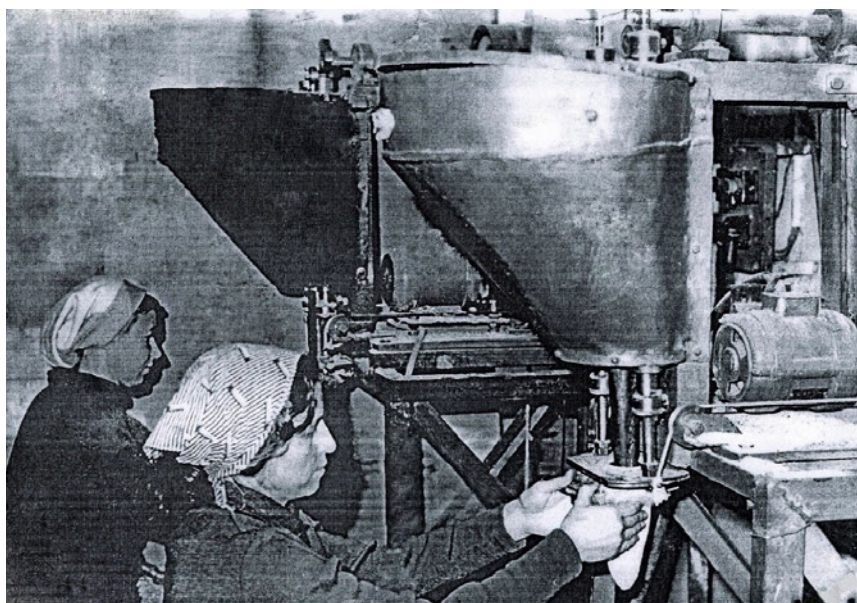
На сегодняшний день на Краснокамской и Пермской фабриках кукол не выпускают. Краснокамская фабрика до сих пор «жива», а наша Пермская фабрика еле держится на плаву из-за большой конкуренции на рынке игрушек.

К сожалению, после распада СССР кукольное производство было закрыто как нерентабельное. На месте корпусов Пермской фабрики сейчас заброшенный пустырь. Жаль, что уходят мастера, уходит целая эпоха в производстве игрушек.

Может быть, у нас есть еще возможность, пока не поздно, возродить востребованное на сегодня производство, пока еще живы традиции и люди. Очень хочется возобновить производство кукол.

Рис 1. Известный пермский художник И. И. Туранский (второй ряд, четвёртый слева) среди учеников Игрушечной мастерской, 1920-е гг. Фото из фондов ГАПК Ф.р-1647. Оп.1.Д.175.

*Рис. 2. Работницы Пермского цеха набивают заготовки мягконабивной игрушки.
Фотография из газеты «Звезда» из личного архива Людмилы Пурик.*

*Рис. 3. Работницы Пермского цеха Лиза и Ольга, 1983 г.
Из личного архива Любови Акимкиной.*

*Рис. 4. Пермский цех производства игрушек. 1983 г. Из личного архива Любови Акимкиной.
В центре – Василий Штин, на переднем плане – Любовь Акимкина.*

*Рис. 5. Ирина Турпанова, художница фабрики, за работой в мастерской, 1994 г.
Фото из фондов ГАПК ФФ.2п. Оп.2п. Д.3423. Л.1.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сивак А. А. О пермской игрушке... Экскурсия в детство. Пермь: ОРИОН, 2019. 88 с.
2. Красивые и дешевые игрушки // Звезда. 1935. 6 дек.
3. Палкина Г. А. Краснокамская игрушка: вчера, сегодня, завтра. Краснокамск: Типография, 1991. 70 с.
4. Проснись, маленькая леди // Звезда. 1993. 6 дек.

Д.В. Горюнов, К.В. Загороднева

Пермский государственный институт культуры

АВТОПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА И ПЕРМЬ: ДИАЛОГ В УСЛОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Аннотация. В статье анализируется каталог «Автопортрет 2012+Пермь», проект нескольких городов (Санкт-Петербург, Самара, Пермь), где представлены автопортреты современных авторов, чье творчество тесно связано с Пермским краем. Проводятся параллели с автопортретами всемирно известных художников. Подчеркиваются провинциальная составляющая и условное пространство города. С точки зрения жанровых границ сопоставляются автобиография и автопортрет.

Ключевые слова. Пространство города; каталог «Автопортрет 2012+Пермь»; Равиль Исмагилов; Станислав Ковалев; Любовь Малышева; Татьяна Нечухина; Валентин Чугаев.

D.V. GORYUNOV, K.V. ZAGORODNEVA

Perm State Institute of Culture

SELF-PORTRAIT OF THE ARTIST AND PERM: DIALOGUE IN THE CONDITIONAL SPACE OF THE CITY

Abstract. The article analyzes the catalog “Self-portrait 2012+Perm”, a project of several cities (St. Petersburg, Samara, Perm), which presents self-portraits of contemporary authors whose work is closely connected with the Perm region. Parallels are drawn with self-portraits of world famous artists. The provincial component and the conventional space of the city are emphasized. From the point of view of genre boundaries, autobiography and self-portrait are compared.

Keywords. City space; catalog “Self-portrait 2012+Perm”; Ravil Ismagilov; Stanislav Kovalev; Lyubov Malysheva; Tatiana Necheukhina; Valentin Chugaev.

В эпилоге книги, посвященной биографии П. Пикассо из серии «Жизнь замечательных людей», французский писатель А. Жидель отмечает: «Осенью 1972 г. Пикассо показывает своему другу Пьеру Дэксу большой рисунок, выполненный цветными карандашами. Это автопортрет, наводящий ужас, художник изображает себя гораздо более постаревшим, чем он выглядел на самом деле <...> “Смотри! Это что-то новое, не похожее ни на что, когда-либо сделанное мною”, — говорит он спокойным голосом» [7, с. 365]. В истории мирового искусства есть художники, в творчестве которых большую роль играет жанр автопортрета. Среди них можно выделить Рембрандта, Ван Гога, Пикассо. На обложке каталога «Автопортрет 2012+Пермь» представлен один из автопортретов Ван Гога с трубкой и перевязанным ухом.

Зачастую автопортрет художника сопоставляют с автобиографией писателя: «Основа автобиографии — работа памяти <...> Автобиография сосредоточена на психологических переживаниях, мыслях и чувствах автора» [9, с. 70]. Роман Марии Степановой «Памяти памяти» посвящен истории семьи, страны и отдельного человека

через призму визуального материала: «...вот и сейчас в нью-йоркском магазине книги лежат рядком, подставляя свету обложки, — “Пальто Пруста” и “Библиотека месье Пруста”, “Нос Рембрандта” и “Ухо Ван Гога”, “Одеяло Катулла”, “Шляпа Вермеера”, “Секретер Бронте”, история той и этой семьи в восьми предметах, ста фотографиях, девятистами девяти находках» [11, с. 291]. Картины, репродукции, открытки, фотографии, обложки становятся важными героями книги. Жанровое определение автора «Памяти памяти» — романс. Музыкальное импровизационное начало обрамляет произведение. Автобиография автора растворяется в визуальных материалах, подчеркивая разные точки зрения/видения, реконструируя события прошлого.

Каталог «Автопортрет 2012+Пермь» стал продолжением истории, посвященной художественным выставкам в Санкт-Петербурге и Самаре под названием «Автопортрет 2007+2010+2012». Автор идеи Людмила Белова вспоминает: «Было решено выдать художникам холсты формата 50х40 см. — с тем, чтобы они написали автопортрет. Единственное условие — это должен быть именно портрет, узнаваемый и как можно более похожий на модель <...> На первом этапе в проекте согласились участвовать более восьмидесяти петербургских художников <...> в 2010 году проект получил дальнейшее естественное развитие, расширив свои географические границы. Волею судеб, первой точкой расширения стала Самара <...> А в январе 2012 “Автопортрет+” выдвинулся вглубь России: в рамках ежегодного фестиваля “Арт-Пермь”» [2, с. 4]. Куратор проекта в Перми Марина Фельдблюм в предисловии к каталогу отмечает: «... все автопортреты составят единый художественный объект, вполне попадающий в разряд современного актуального искусства. Вот оно, истинное лицо современной художественной жизни Перми. С легким провинциальным стремлением быть не хуже, а, следовательно, стремлением к украшательству, нарочитой сделанности, продуманности образов, но в то же время очень искреннее и самобытное, безыскусное в своих “прикрасах”» [12, с. 6–7].

Каталог открывается автопортретом Всеволода Аверкиева, сына знаменитого театрального художника, иллюстратора детской книги Валерия Николаевича Аверкиева. Пристальный взгляд на зрителя перекликается с известным автопортретом Ван Гога с трубкой, который присутствует на обложке каталога. Однако фотография и анкетные данные свидетельствуют о некотором отстранении от зрителя / читателя и самоиронии участника проекта. Разворот каталога, посвященный Равилю Исмагилову, включает перечень его выставок (Москва, Уфа, Ижевск и др.) и биографическую справку. Уникальность таланта Исмагилова отражена в керамических композициях, декоративной скульптуре, лепнине, которые украшают интерьеры общественных зданий Перми. На автопортрете художник встречается взглядом с собственной фотографией и одновременно обращен к зрителю. Как бы прорываясь сквозь блестящую фольгу, Исмагилов (или его двойник) сливается с золотистым сверкающим фоном. Данный прорыв, как нам кажется, адресован и зрителю. Художник-прикладник, график, живописец Равиль Исмагилов демонстрирует образы Перми, отталкиваясь от пейзажных впечатлений и лирической составляющей.

Синтетическая природа автопортрета тесно связана с размышлением о портрете как таковом. Вариации портрета жены художника отражаются в одноименном фильме Александра Панкратова (1981) и в пьесе Валентина Азерникова (2012), где «воображение читателя (слушателя) гораздо сильнее, чем видимая картина, которая часто разочаровывает ожидания зрителя» [4, с. 262]. В пьесе английского драматурга Нозля Коурда «Обнаженная со скрипкой» (1954) случается что-то похожее. Периодам творчества художника Поля Сородэна сопутствуют образы вымышленных картин на основе уже существующих, и последний шедевр обманывает ожидания зрителей, поскольку является своеобразным автопортретом главного героя/плута [8]. Изучение книги как артефакта и литературного автопортрета представлено, в частности, в работах Н. С. Бочкаревой [3; 5].

Живописный автопортрет вбирает и другие особенности, которые непосредственным образом отражаются на визуальной составляющей и соответственно представлены в каталоге «Автопортрет 2012+Пермь». Один из крупных авторов пермской детской книги, «кудесник книжной графики», Станислав Ковалев, оформлял учебники по родной речи, сказы Бажова, азбуку. Особую популярность художнику принесла работа над иллюстрациями русских народных сказок, литературных (А. С. Пушкин, Х.-К. Андерсен, Ш. Перро и др.) и сказок народов мира, которые издавались большими тиражами. Как отмечает О. М. Власова: «В манере Ковалева привлекает не столько фантастическая проработанность деталей, сколько воображение художника, одухотворяющего природу, населяющего ее сказочными героями, удивительными растениями» [цит. по: 10].

График и художник Станислав Ковалев презентует Пермь в книжном формате (азбука и иллюстрации к знаменитым произведениям). Его автопортрет в образе сказочного персонажа (старичок-боровичок с огромной шляпой, на которой растут грибы и в окружении лесной стихии) отсылает к любимым героям из детских книг. Однако длинная курительная трубка и хмурый взгляд подчеркивают ироничное отношение к происходящему. С легким юмором относится к себе и Любовь Малышева, героиня которой представлена с огромной банкой заготовок на фоне деревенского пейзажа и в окружении грибов. Реалистически и одновременно романтически созданный образ перекликается с помещенной рядом фотографией. По контрасту с предыдущей художницей автопортрет Татьяны Нечухиной отсылает к стилистике сурового соцреализма: «...она с неподдельным интересом исследует современную повседневность <...> характеры моментально врезаются в память» [6, с. 62].

Декоративно завершает каталог Валентин Чугаев. Вариации данного автопортрета появляются на обложке альбома живописи и стихов «Хрустальный вагон» (2019) наряду с вкраплениями других картин. Любовь художника к литературе отражается на автопортрете. Стихотворные цитаты становятся символической рамой картины. В книге «ПЕРПМЬ: Лета и Леты. Вёсны и Вёсла» (2023) автор посвящает отдельное стихотворение собственному автопортрету.

Исповедальность данного шедевра, на наш взгляд, отражается в следующей строфе: «Мой поезд мчится по шальной дороге, / по лестнице веревочной стальной, / и я опять целую твои ноги / и глажу их расстрелянной душой» [13, с. 103]. Книга «ПЕРРМЬ» — это своеобразное признание Валентина Чугаева в любви к Перми, которое он усиливает благодаря синтезу искусств.

Таким образом, каталог «Автопортрет 2012+Пермь» представляет собой интересный столичный проект в рамках регионального, в котором принимали участие около пятидесяти пермских художников. Сведения о них и соответственно их автопортреты присутствуют в каталоге.

По-разному представленные сведения о каждом так или иначе имеют краткую биографическую справку на двух языках. Автопортрет сопровождает и фотография художника. Встречаются миниавтобиографии, больше похожие на анкетирование, цитаты искусствоведов, крылатые фразы. Как правило, художники не изображают себя на фоне городского пермского пейзажа, но он символически присутствует в каждой работе и концептуально отражает замысел кураторов выставки. Думается, требует отдельного исследования живопись и других пермских художников, которые не принимали участие в данном проекте, но оказали значительное влияние на образ современной Перми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автопортрет 2012+ Пермь. Живопись / сост. М. Фельдблом, Л. Белова. Пермь, 2012. Т. 3. 114 с.
2. Белова Л. Пролог // Автопортрет 2012+Пермь. С. 4.
3. Бочкарева Н. С. Моделирование диалога визуального портрета писателя с художественным миром его произведений // Языки региональной культуры: пермская художественная книга. коллект. монография под ред. Н. С. Бочкаревой. Пермь: ПГНИУ, 2011. С. 169–180.
4. Бочкарева Н., Загороднева К. Портрет жены художника как экфрасическая модель // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: Siedlce, 2018. С. 262–274.
5. Бочкарева Н. С., Шварева Е. В. Природа и цивилизация в автобиографической прозе К.Петрова-Водкина // Мировая словесность для детей и о детях. Вып.11. М., 2006. С. 255–259.
6. Горина О. Татьяна Нечехуина // Автопортрет 2012+Пермь. Живопись. С. 70–71.
7. Жидель А. Пикассо / пер. с фр. Л. Ф. Матяш. М.: Молодая гвардия, 2007. 374 с.
8. Загороднева К. В. Экфрасис и катарсис в пьесе Н. Коурда «Обнаженная со скрипкой» и ее сценическое воплощение // Литература и театр: Модели взаимодействия: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Э. Сейбель. Челябинск: Энциклопедия, 2013. С. 209–216.
9. Наркевич А. Ю. Автобиография // Краткая литературная энциклопедия / под ред. А. А. Суркова. М.: Советская энциклопедия. 1962. С. 70.
10. Неугодова М. Кудесник книжной графики // Звезда 17.09.2021. С. 16.
11. Степанов М. М. Памяти памяти: романс. М.: Новое издательство, 2019. 408 с.
12. Фельдблом М. «Автопортрет +» в Перми // Автопортрет 2012+ Пермь. С. 6–7.
13. Чугаев В. Н. «ПЕРРМЬ» (Лета и Леты. Вёсны и Вёсла). Пермь: ИП Дудкин В. А., 2023. 116 с.

Г.А. ЯНКОВСКАЯ

Пермский государственный национальный исследовательский университет

**«ПЕРИФЕРИЯ», «ПРОВИНЦИЯ», «ЗОНА»:
ПЕРМСКИЕ ХУДОЖНИКИ В РИТОРИКЕ И ПРАКТИКАХ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 1930–1980-х ГОДОВ**

Аннотация: В языке советской эпохи широко использовались слова «провинция» и «периферия» применительно к событиям и процессам в российских регионах. Периферийность использовалась для характеристики художественной жизни, для выработки решений культурной политики. Рассматривается специфика организации изобразительного искусства в таком провинциальном центре, как советская Пермь, а также решения, нацеленные на депроvincialization изобразительного искусства в РСФСР после первого съезда художников. Особое внимание уделено эффектам и последствиям внедрения системы «зональных выставок» изобразительного искусства.

Ключевые слова. Л.Ф. Дьяконович, советская периферия, зональные выставки, художники Перми, советское искусство.

G.A. YANKOVSKAYA

Perm State National Research University

**“PERIPHERY”, “PROVINCE”, “ZONE”: PERM ARTISTS IN THE
RHETORIC AND PRACTICES OF ARTISTIC LIFE OF THE 1930s - 1980s.**

Abstract. The words “province” and “periphery” were widely used in the language of the Soviet era with the context of territories and regions. “Periphery” was used to characterize artistic life and to develop cultural policy decisions. The specificities of artistic life in soviet city Perm are considered, as well as decisions aimed at the deprovincialization of fine arts in the RSFSR after the first congress of artists. Particular attention is paid to the effects and consequences of a “zonal exhibitions” system of fine art in the late soviet period.

Keywords. L.F. Diakonitsin, Soviet periphery, «zonal» exhibitions, Perm's artists, Soviet art.

В любой культуре пространство и такие его параметры, как центр, периферия, граница, являются метафорами социальных отношений и ценностей. В России, представляющей собой огромное лоскутное одеяло этнически и культурно самобытных регионов, субординация и москвоцентризм уже в 1930-е годы оказывали влияние на социальные взаимодействия во всех сферах жизни, в том числе в искусстве. Отношения между столицей и остальными территориями были асимметричными. В годы сталинизма интенсивно нивелируются локальные культурные различия, формируется усредненное типовое советское пространство [1].

Его компонентом становятся художественные музеи и галереи. Их деятельность находилась в прямой зависимости от внутренней и внешней политики государства, которое во многом определяло и контролировало такие специальные вопросы, как показ произведений искусства, содержание экскурсий, состав и реставрация коллекций. Художественных музеев и галерей с досоветской родословной

за пределами Москвы и Ленинграда было немного. Среди них Феодосийская (год основания — 1880) и Пензенская (1897) картинные галереи, Горьковский (1896), Кировский (1900), Краснодарский (1904), Воронежский (1915) художественные музеи. На волне послереволюционного энтузиазма, национализации и экспроприации открылось много новых художественных учреждений, в частности, — Астраханская картинная галерея и Калужский художественный музей (оба — в 1918), Иркутский и Ульяновский художественные музеи (1920), Севастопольская картинная галерея (1922), Пермский художественный музей (1922), в скором будущем ставший Пермской государственной художественной галереей и Омский музей изобразительных искусств (1924). Новый курс в культурной политике на перераспределение художественных коллекций между центром и периферией выразился в открытии художественных музеев в Хабаровске (1931), Курске (1935), Куйбышеве и Калининне (1937), Рязани (1938), Туле (1939), Нижнем Тагиле (1944).

Если в 1938 году в Российской федерации действовало 28 художественных музеев и галерей, то в 1940 году — 35 [2], а 1953 — уже 82. Многие из них располагались в мало приспособленных для музейной работы зданиях, не имели выставочных помещений и мало посещались публикой [3].

Областные центры на фоне Москвы выглядели периферией, но выполняли «столичные» функции по отношению к городам областного подчинения, если под «столичностью» понимать ориентацию на инновации, смысловую изменчивость, социальную мобильность [4]. В этом смысле Московская область оставалась для москвичей такой же периферией, как и Курская. Иерархическая модель «столица — периферия» распространялась в предвоенное десятилетие на регионы, где велось наиболее интенсивное индустриальное и городское строительство. В частности, Новосибирск/Новониколаевск проектировался и позиционировался в те годы именно как столица преобразенной советской Сибири, а Свердловск/Екатеринбург — как столица нового социалистического Урала.

Категория «периферия» широко используется в советской культуре с акцентом на территориальные географические характеристики и, тем самым, противопоставляется «провинции» (понимаемой как синоним отсталости) в имперский период. Использование слова «периферия» в материалах прессы или в публичных выступлениях соотносилось с такими характеристиками, как территориальная удаленность, политическая несамостоятельность, культурная замкнутость, следование привычным образцам. В художественной культуре разных «периферий» ситуация менялась от области к области, от региона к региону, в зависимости от исторических, национальных или артистических традиций.

В некоторых российских территориях сложились довольно сильные и пользующиеся уважением профессионалов провинциальные художественные центры с авторитетными учебными заведениями, музеями, галереями (в Пензе, Ярославле, Иваново, Казани, Саратове, Воронеже и других городах). Но другие российские регионы не могли похвастать сильными художественными традициями или достижениями. Там поздно появляются или вообще отсутствовали

художественные учебные заведения, слабо был развит художественный рынок, не появились пассионарные собиратели художественных коллекций. В жизни такого провинциального города велико значение «культурных гнезд» [5] — семей местной интеллигенции, образованной бюрократии, купечества. Представители этих семей объединялись в местные общества любителей живописи, ваяния и зодчества, занимались меценатством, организовывали художественные выставки, в меру своих возможностей устанавливали контакты с художниками других регионов и российских столиц. Город Пермь дореволюционной эпохи в плане изобразительного искусства развивался по этому сценарию [6, 7].

Политические перипетии 1917–1920-х годов самым непосредственным образом сказались на развитии художественной ситуации в Перми. С одной стороны, продвижение новых агитационных, авангардных экспериментальных тенденций значительно активизировалось, бурно развивается самостоятельная художественная инициатива. Что касается профессиональных художников, то им, по мнению основателя Пермской художественной галереи и очевидца событий Н. Н. Серебренникова «не удалось в 1920-е годы найти адекватный художественный язык для передачи духа времени». Художественная атмосфера уральской провинции была более консервативной, а диктат местной власти над художником более сильным. То, что будет происходить в художественной жизни Москвы и Ленинграда после Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных объединений» 1932 года (отказ от многообразия стилистических поисков и модернизма) происходит в провинции уже в 1920-х годах [8]. В 1930-е годы «осоюзивание», т. е. формирование единой организации союза художников происходит под влиянием и по правилам, заданным из столицы советского государства.

По данным переписи 1939 года во всей Молотовской области всего 275 человек назвали себя по роду занятий художниками или скульпторами. Из них 187 были молодыми людьми в возрасте от 19 до 29 лет [9]. Характерная черта провинции — это не только полусельский уклад городской жизни, но и отсутствие конкурентной среды и, как следствие, в среднем низкий, порой не выходящий за рамки любительства, уровень профессионализма местных художников.

О слабой профессиональной подготовке художников периферии свидетельствует тот факт, что многие регионы СССР на всесоюзных художественных выставках 1945–1950-х годов не были представлены ни одной работой ни одного художника. Даже на менее статусной, чем всесоюзная, республиканской выставке художников краев, областей и автономных республик РСФСР в 1950 году не экспонировались картины художников Курской, Молотовской, Новгородской, Псковской, Читинской, Амурской, Сахалинской, Крымской областей и Алтайского края [10].

Проблемы профессиональной подготовки художников периферии не раз привлекали внимание властей. Творческие командировки профессиональных столичных художников туда, где шло интенсивное строительство, было одним из таких решений. Художники периферии могли непосредственно наблюдать и перенимать профессиональные навыки у приехавших мастеров.

Еще одним рычагом изменения ситуации могло стать художественное образование. По этому поводу в 1938 году М. Б. Храпченко (председатель Комитета по делам искусств СССР) назвал состояние среднего художественного образования крайне неудовлетворительным и предложил в третьей пятилетке (1938–1942) открыть 8 художественных и художественно-промышленных училищ, 29 детских школ рисования с четырехлетним сроком обучения, 21 государственную изостудию для художников-любителей [11]. Ему вторили участники совещания изоотдела Комитета по делам искусств РСФСР в мае 1939 г., ставившие цель «по-настоящему профессионализировать» местных художников [12]. Эти планы были нарушены Великой Отечественной войной, и обсуждение профессиональной подготовки художников возобновилось только после ее окончания.

Что касается художников Молотова (Перми), то в годы войны они потеряли помещения, которые были отданы под нужды эвакуированных в город предприятий: здание художественного техникума, салон-магазина, мастерских и правления местного товарищества «Художник». Личных мастерских ни у кого не было. Горисполком специальным решением в марте 1950 г. потребовал вернуть собственность творческих организаций, предоставить им помещение для художественного магазина и выделить несколько квартир хотя бы для тех художников, кто жил в производственных цехах, но вопрос так и не был решен.

Чтобы повысить уровень профессиональной подготовки художников периферии на места направлялись столичные искусствоведы и художники с лекциями и консультациями. Ежегодно с инспекцией местных художественных музеев, отделений СХ СССР и художественных производств в регионы приезжали эксперты из «центра».

Отчеты о командировках странствующих искусствоведов, функционеров и критиков говорят о том, что помимо идейно-политических вопросов они занимались профессиональным разбором работ местных художников, обращая внимание на неграмотный рисунок и тривиальные композиции, слабое знание ими анатомии и живописных приемов [13].

Решающим поворотным моментом в депроvincialизации художественной жизни не только столицы Прикамья, но и всех периферийных художественных центров стали события середины 1950-х — начала 1960-х годов. Именно в этот период был созван первый Учредительный съезд Союза художников СССР, атмосфера «Оттепели» позволила не только состояться открытой и очень острой полемике о проблемах советского искусства и художественных организаций, но и отгеснить на периферию художественной жизни властвующую творческую элиту предшествующего периода.

В 1960 году впервые состоялся и Учредительный съезд Союза художников РСФСР. До этого момента Российская федерация оставалась единственной союзной республикой, не имевшей своего союза художников. С этого года стали проводиться республиканские выставки. На первом же пленуме СХ РСФСР в декабре 1960 г. был запущен процесс формирования системы

«художественных зон», организации зональных художественных выставок. Тогда вся огромная территория РСФСР была разделена на макрорегионы «Советский Север», «Большая Волга», «Урал Социалистический» и «Сибирь Социалистическая», «Советский Дальний Восток», «Центр Черноземный», «Советский Юг», Москва и Ленинград.

С 1964 года зональные выставки проводились раз в четыре года. Они создали совершенно новую ситуацию для местных художников: они смогли выстраивать коммуникации не по линии «центр — периферия», но выходить на горизонтальные взаимодействия, консолидироваться, профессионально расти.

С большой исторической дистанции многие исследователи советской художественной культуры 1960–1980-х годов подчеркивают, что значение зональных выставок переоценить трудно. В первую очередь местные художественные силы выходили из атмосферы творческой изоляции и периферийности. Еще важнее то, что была создана система заказов и закупок художественных произведений по итогам таких зональных выставок именно для художников периферии. Знаток истории искусства Прикамья Н. В. Казаринова называет зональные выставки скрытым арт-рынком [14]. Арт-объекты поступали в коллекции музеев, Художественного Фонда, предприятий, откуда подлинники произведений искусства направлялись в клубы, библиотеки, санатории, различные учреждения [15].

Для историка советского искусства П. Д. Муратова период 1960–1980-х годов — легендарная эпоха, поскольку сложившаяся тогда выставочная система привела к значимому результату: «Восхождение произведений местных художников от областных через зональные на республиканские и всесоюзные выставки стало явлением обычным» [16]. На зональных выставках формировались художественные сообщества, шла экспертная работа. И еще одним важнейшим следствием новой зональной системы стало бурное развитие на периферии монументальных форм искусства как в областных столицах, так и в малых городах.

Первая зональная выставка «Урал социалистический» состоялась в Свердловске в 1964 году. На ней были представлены художники Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Тюменской, Курганской, Пермской областей и Башкирии. Официальный журнал Союза художников СССР назвал первые зональные выставки «отчетом перед народом и партией», напоминая в редакционной статье № 11 за 1964 год, что ранее художники периферии если и представляли свои работы, то как правило это были этюды и эскизы, и до полноценных законченных художественных работ дело доходило редко.

Вторая зональная художественная выставка «Урал социалистический» состоялась в 1967 году в Перми. На тот момент в городе не было специального и достаточного по площади выставочного пространства. Поэтому выставку разместили во Дворце культуры завода им. Ленина. Дефицит в развитии художественной инфраструктуры города подавался в публичном пространстве как специальный символический жест: ДК им. Ленина был расположен в Мотовилихе, исконно рабочем районе, с репутацией центра революционного движения. Выставка была посвящена 50-летию Октябрьской революции.

Маркером состоявшихся к тому моменту значительных изменений и роста уровня профессиональной художественной среды в Перми является вступительная статья к разделу о состоянии изобразительного искусства в Пермской области в каталоге этой выставки. Статья написана искусствоведом, философом и художником Львом Федоровичем Дьяконицыным (1931–2020). Он в 1965–1968 годах работал в Перми заместителем директора по научной работе Пермской областной картинной галереи, а также преподавал философию и эстетику в Пермском пединституте.

Л. Ф. Дьяконицын представляет ту когорту иногородних выпускников гуманитарных вузов, художественных училищ и институтов, что оказались в Перми по распределению или по иным причинам и разрушали атмосферу периферийной замкнутости, привносили новые веяния и стили жизни в художественное сообщество города.

Краткий пермский период его творческой биографии оказался очень результативным. Прежде всего именно в Перми ему удалось в 1966 году издать монографию «Идейные противоречия в эстетике русской живописи конца XIX — начала XX века» [18]. Фактически это было первое в СССР искусствоведческое высказывание по периоду серебряного века после замалчивания и третирувания той эпохи в годы сталинизма. Книга, изданная в периферийном Пермском книжном издательстве с авангардной обложкой, стала событием республиканского масштаба.

К 45-летию галереи в 1967 году был подготовлен краткий справочник «Пермская художественная галерея» [19]. И в том же году написана уже упомянутая необычная по стилю и тону вводная статья к пермскому разделу второй зональной выставки «Урал социалистический». Разделы об искусстве других территорий отличались клишированными фразами. Так о Тюмени говорилось: «От выставки к выставке набирает силы коллектив Тюменского отделения Союза художников РСФСР. А ведь еще несколько лет назад за пределами области показывали свои произведения лишь отдельные художники». Раздел о ситуации в Свердловском отделении СХ СССР, начинался также вполне ожидаемо: «Союз художников в Свердловске был создан в 1932 году. Организация Союза сплотила свердловских художников, мобилизовала их на решение больших творческих задач, поставленных перед искусством самой жизнью. Бурный рост социалистического строительства, переход сельского хозяйства на путь коллективизации, успехи культурной революции давали художникам богатый материал для создания художественных произведений о жизни и труде советского народа» [17, с. 59].

Л. Ф. Дьяконицын разговор о пермской «зоне» советского искусства начинаст совсем иначе, обозначая длительную досоветскую художественную традицию: «Искусство народов Прикамья своими корнями уходит в далекое прошлое. Диковинные языческие образы пермского звериного стиля, запечатленные в наскальных рисунках по берегам Чусовой, в причудливых металлических амулетах и деревянных идолах, коньках на крышах изб, в праздничных вышивках и бытовой резьбе по дереву, и поныне волнуют наше воображение своей художественной фантазией. На весь мир прославлена пермская деревянная скульптура и самобытная

строгановская живопись. К лучшим памятникам древнерусского искусства принадлежат деревянные храмы в Янидоре и Пянтеге, нарядные городские ансамбли с богатым каменным и изразцовым узорочьем в Соликамске и Усолье. Никакая другая область Урала не знает и не имеет такого великолепного художественного наследия». Он отдает должное и пермским благотворителям начала XX в. братьям П. П. и В. П. Верещагиным, А. А. и П. А. Сведомским, вспоминает не советских классиков, но кратковременную работу в Перми художников В. И. Васнецова, М. В. Нестерова и Н. К. Рериха по оформлению Успенского монастыря (1906–1908) [17, с. 43]. Продолжение обзора столь же нетривиально и написано поперек существовавших тогда конвенций официального искусствоведческого текста. После рассказа о бурном развитии агитационного искусства он заключает: «Однако в первые годы культурной революции пермским художникам еще не достало мастерства, и на выставках мало различался уровень самостоятельного и профессионального творчества» [17, с. 44].

Казалось бы, слишком эфемерный факт — всего лишь предисловие к каталогу выставки. Однако за этим малым текстом просматривается нечто большее — вышедшая за рамки периферийной замкнутости усложнившаяся картина художественной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дискуссии о советском культурном пространстве см.: Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М. ИЛЮ, 2001. 576 с.
2. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2075. Оп. 1. Д. 7, Л. 6; Ф. 2075. Оп. 7. Д. 18. Л. 54.
3. Официальную точку зрения на проблемы художественных музеев и галерей см.: Извлечь из запасников произведения искусства // Источник. 1997. № 5. С. 148–152.
4. См.: Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 205 с.
5. Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. С. 135–159.
6. Сидорчукова Л. Г. Приметы «Серебряного века» // Пермь от основания до наших дней: исторические очерки. Пермь, 2000. С. 129–133.
7. Семяниников В. В. Пермское общество любителей живописи, валяния и зодчества (1909–1919): хроника деятельности // Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1988. С. 155–160.
8. Алексеев В. П. Художественная жизнь и развитие изобразительного искусства Урала 1920-х гг. / дис... канд. искусствоведения. М., 2001.
9. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион / сост. В. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 147, 165.
10. Советское искусство. 1950. 9 декабря.
11. План 3-й пятилетки по развитию искусства в 1939–1942 гг. // РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 2. Д. 73. Л. 11–14.
12. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2075. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.
13. См., например, материалы научной сессии Академии художеств в декабре 1947 г. / РГАЛИ. Ф. 1999. Оп. 1. Д. 80. Л. 32.

14. Казаринова Н. В. Художественная культура пермского края XVI — начала XXI-го века. Иконописцы, крепостные художники, современные мастера. Живописные коллекции Пермской галереи. Выставки. Пермь. Пермская государственная художественная галерея, 2019. С. 212.
15. Чирков В. Ф. Зональные и региональные выставки в Сибири от советского периода до наших дней: обретения и утраты // Искусство Евразии [Электронный журнал], 2023. № 2 (29). С. 116–139. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1006> (дата обращения: 12.09.2023).
16. Муратов П. Д. Эпоха зональных выставок / Третьи омские искусствоведческие чтения «Н. М. Брюханов и его время» (26–28 февраля 1999 г.). сб. материалов / отв. ред. В. Ф. Чирков. Омск: [б. и.], 1999. С. 51–53.
17. Вторая зональная художественная тематическая выставка «Урал социалистический» к 50-летию СССР. Каталог. Пермь. 1967. 164 с.
18. Дьяконицын Л. Ф. Идейные противоречия в эстетике русской живописи конца XIX — начала XX века» Пермь. 1966. 259 с.
19. Дьяконицын Л. Ф. Пермская художественная галерея. Пермь: изд-во Пермской художественной галереи, 1967. 52 с.

ИСТОРИЯ ГОРОДА В ДОКУМЕНТАХ

УДК 908(470+571)

А.Б. Кудымов

Независимый исследователь

КВАРТИРНЫЙ ПОСТОЙ В ГОРОДЕ ПЕРМИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Организация общественного квартирного постоя в дореволюционной Перми является не до конца изученной и важной страницей ее истории. В статье отчасти показан механизм и методы регулирования деятельности городской квартирной комиссии. Публикуются найденные А.Б. Кудымовым одни из первых по времени почти полные списки домовладельцев города начала XIX века.

Ключевые слова. Квартирный постоя в г. Перми; списки домовладельцев; пермский губернатор; транзитный поток через город.

A.B. KUDUMOV

Independent researcher

APARTMENT BUILDING IN PERM AT THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Abstract. The organization of public housing in the pre-revolutionary city of Perm is not fully studied and an important page of its history. The article partly shows the mechanism and methods of regulating the activities of the city housing commission. In addition, we have attached to it one of the first almost complete lists of homeowners of the city of the beginning of the XIX century, which we found.

Keywords. Apartment building in Perm; lists of homeowners; Perm governor; transit flow through the city

В процессе занятий в качестве исследователя в стенах государственного архива Пермского края мне случайно встретился любопытный документ о структуре и видах общественного квартирного постоя в 1808 году. Материал разноплановый и информативный. Содержит в себе разнообразные статистические сведения и анализ по различным категориям домовладений города и их владельцев в плане частичного использования их собственности подлежащими властями в качестве городской инфраструктуры. Источник также содержит в себе некоторые существенные уточняющие элементы пространственного развития и хозяйственного состояния города. В нём отмечается, что ранее здесь для обеспечения транзита проезжающих закреплялось в год до 23 квартир. Автор документа (скорее всего это пермский губернатор Б. А. Гермес) [1, с. 30] не без основания считал, что настоящего количества домов для транзитных чиновников выделялось слишком много. Для этих целей, по его мнению, вполне хватало и 10. Очевидно, это заключение было сделано им исходя из многолетних статистических наблюдений. И тому есть подтверждение: в частности,

в «Описании городов и уездов Пермской губернии» пермского губернского землемера А. Данилова от 1800 г. отмечается, что тогда через г. Пермь проследовало транзитом 2459 лиц всех званий и состояний [2, л. 3], то есть в среднем даже явно менее 10 человек в день.

Документом вводится чёткий безусловный уравнительный порядок контроля и распределения квартир для постоя в городе, который должен был неукоснительно всеми исполняться даже в мелочах. Данная проблема уже, по-видимому, набрала оскомину многим, перезрела и была тогда одной из болевых точек для городских властей. Она требовала немедленного решения, каковое в итоге и было найдено на виду и «под боком» у Вятского и Пермского генерал-губернатора К. Ф. Модераха, который, как известно, не терпел никакого беспорядка в делах.

Другим тематически уместным дополнением к этому документу, правда, немного более позднего времени (1814 г.), можно считать списки всех домовладельцев разных сословий г. Перми (документы № 3, 4) с разбивкой их по частям (районам) и улицам. Этот учёт домов в городе был произведён, вероятно всего, с целью наведения порядка и систематизации сбора поземельного налога с их хозяев. Материал очень занятный и требующий к себе большого внимания. Но не всё в нём можно трактовать строго однозначно. К примеру, запись домов на конкретных владельцев указана в списке без обозначения номера дома: как его считать, отстроенным или нет, или по какому-то другому критерию? Вопрос дискуссионный. К документу нет пояснений. И таких домов без обозначения номеров дома несколько.

Обращает на себя внимание присутствие в списке первой части города на улице Екатерининской под № 184 здания немецкой лютеранской кирхи на том же месте, где и поныне она стоит, но только в другом перестроенном каменном варианте. До этого времени она ранее почти нигде не упоминается. Парадокс. Хотя уже не позднее, чем в 1785 г., лютеранскому пастору «по пребыванию евангелического исповедания чинов в немалом количестве» предписывалось находиться в губернском городе Перми [3, л. 58]. Годовое содержание его, включая сюда и квартирные деньги, полагалось в размере 550 руб. [3, л. 59].

В другом источнике 1800 года сообщается: «В разные времена, особливо при казённых заводах, поселилось в здешней губернии несколько германцов. <...> Все они по большей части лютеранскаго исповедания, для исправления котораго в Перми и Екатеринбурге находится 2 церкви и 1 пастор <...> [4, л. 62]». Аналогичные сведения приводятся в описи гражданских дел Пермского уездного суда от 8 октября 1848 г. «о доме с местом, принадлежащем евангелическо-лютеранской церкви» [5, л. 140].

Исходя из приведённых данных, можно заключить, что на протяжении, по крайней мере, всей первой половины XIX века она постоянно находилась на одном месте и время от времени функционировала.

Неброской на первый взгляд чертой между документами за № 3 и 4 является присутствие в первом из них восьми домов без обозначения номеров в первой части города и соответственно отсутствие таковых во второй части.

Можно предположить, что это было вызвано стремлением властей придать благоубранный и устроенный облик центру губернского города, избавить его от зияющих пустырей и до определённого момента не разрешать строиться жителям на окраинах. Он должен был сначала застраиваться равномерно в центре и по плану, и лишь после окончательной застройки такового разрешалось возводить дома на окраинах, что и отразилось, вероятно, в источнике.

Об этом также может косвенно свидетельствовать отсутствие в то время в списках названий незастроенных городских переулков, перпендикулярно расположенных по отношению к указанным в них улицам, и наличие множества пустырей в центре города.

В списках упоминается и категория «ветхих» домов. В частности, несколько позже в 1816 году по реестру Пермской городской полиции [6, л. 322] числилось 45 подобных домов. Как тогда, так и сейчас данная проблема является актуальной и требует своего решения.

Публикуемые архивные материалы представляют несомненный интерес для историков и краеведов. Печатаются в соответствии с правилами публикации исторических документов.

Документ № 1.
Указ пермского губернатора Б. А. Гермеса
Пермской квартирной комиссии
от 17 июля 1808 г.

[1808 г.] июля 17 № 2223. Пермской квартирной комиссии

Разсмотрев представленные ко мне сею комиссиею при рапорте от 10 ч. минувшаго сего июля регистры о домах к содержанию здесь постоя назначенных и уволенных от онаго, нахожу я положение комиссии о размещении по сим регистрам постоя учинённым без соблюдения надлежащаго между обывателями уравнения, и в некоторых частях не соответствующим правилам на сей случай в законах постановленным, — а потому, обращая помянутые регистры при сём в оную комиссию, предлагаю ей к непременному исполнению:

1. Как в примечании под регистром, доставленным мне комиссиею под № 8 явствует, что за отчислением имеющих за речкою Ягошихой 99 строений, осталось в городе 866 домов, и в числе коих заключается 10 казённых, 104 свободных от постоя и 2. представленных ко мне на разрешение; затем 750 домом состоит несущих повинность по требованиям градской полиции отведено под постой разных чинов 753 чел. 585 домов, остальные затем 165 остаются для будущих очередей, в том числе 23 для квартирования проезжающих чиновников, но в таковом числе домов для проезжающих по малому здесь проезду нет никакой надобности, почему обязывается квартирная комиссия назначить ныне в городе квартиры на годичное время таким образом, чтоб для проезжающих, имеющих по закону право пользоваться квартирами, из числа назначенных ею 23, было отделено не более 10 домов, какового числа для квартирования сих чиновников достаточно, учредя

между теми домами для содержания сего постоя особенную очередь, дабы они не терпели в том какого-либо одни предо другими отягощения; для проходящих же воинских команд, рекрутских партий и будущих очередей, равно как квартирования рекрут, имеющих поступать во время наборов, отделить от 80 до 100 домов, в которые непременно постою ныне уже не назначать, оставя их единственной для означенной надобности сроком на год, по истечении которого отделить для сего такое ж число квартир в других домах.

Каковым назначением известного числа квартир как для проезжающих чиновников, так и для воинских команд и рекрут во всех прочих домах квартирную повинность обязаны, количество коих по предыдущему росчислению простираться будет от 660 до 640, расположить уравнильным образом, по пространству оных все те воинские команды, какие ныне на непременных (постоянных — А. К.) [квартирах] здесь находятся, назначив также квартиры и для прочих людей, долженствующих ими пользоваться; для чего из числа разставленных по нынешнему росписанию комиссии в некоторые дома от 6 до 2 человек, убавя из сих домов по сравнению пространства их с прочими сколько будет следовать, перевести для квартирования в те дома, кои были оставлены для будущих очередей и для проезжающих, так чтоб во всех вообще обывательских домах, содержанием постоя обязанных за исключением отделяемых для проходящих команд и для проезжающих был на годичное время назначен непременный постоя по точному уравниению домов сих между собою. При каковом размещении постоя военнослужителей горной роты, вследствие отношения г. Пермского и Вятского генерал-губернатора ко мне, поставить в дома горных чиновников, а остающихся затем разместить на квартиры близ селения Ягошихинского, оставя и в оном, сколько может там поместиться, где они в одном месте под надзором их начальства с лучшею удобностию быть могут.

2. Как по списку о увольняемых от воинскаго наравне с прочими в городе жителями постоя лицах показаны комиссиею все дома, принадлежащие обер-офицерам и нижним чинам губернской и горной роты, также Екатеринбургского мушкетерского полка, освобождёнными от сей повинности по указу 10 ноября 1738 г.; но в сём указе того, чтоб освободить таковые дома и особенно офицерские от постоя наравне с прочими не предписано, то посему имеет квартирная комиссия все вообще дома, принадлежащие как офицерам, так и нижним чинам, в воинской службе состоящим, взнестъ по номерам их в число обязанных нести повинность, и как хозяева сих домов имеют право получать квартиры, то им и назначить оные в собственных своих домах, включая при том равномерно в число несущих повинность дом семинариста Пепеляева, который, по силе приводимых комиссиею указов 1743 и 1798 годов, освобождён от оной быть не может.

3. В дома, не отстроеными остающиеся, должна квартирная комиссия тотчас по окончании оных назначить постоя, соразмерной их пространству, наблюдая при том, дабы и те из числа сих домов, кои хозяева их обязались окончить в известное время, были в течение оного непременно отстр(ан – ошибка писца. — А. К.)[о]ены. Но ежели в продолжение срока по данным ими подписам назначенного своих домов к окончанию они не приведут, то назначать и в оные постоя наравне с прочими,

обязав при том таковыми же подписками находящагося здесь г. тайного советника Демидова повереннаго, равно как и на перм. мещанина Быкова, чтоб первой из них начатой строением дом господина его, а последней собственно ему принадлежащий остающийся неоконченным с давняго времени отстроили в узаконенный срок. Но если выполнено ими того не будет, в таком случае взнестъ и сии деньги в число несущих квартирную повинность на вышеизъясненном основании; для польскаго ж шляхтича Тарши, как ему на по высочайшему соизволению предоставлена ныне свобода иметь жительство, где он пожелает особенной квартиры не назначать, а отвестъ ему оную до отбытия отсель в одном из числа домов, отделённых для проезжающих.

4. По исполнении всего вышеписаннаго имеет квартирная комиссия мне донести с приложением при том списка о лицах, какие будут ею от воинскаго наряда с прочими жителями постоя по узаконениям уволены [7; лл. 2 об. — 5].

Документ № 2.

Выписка из протокола заседания Пермской городской думы от 21 октября 1814 г.

1814 г. октября 21 дня. В журнале Пермской градской думы в 1 пункте записано: По слушании сообщения здешней полиции от 18 октября за № 5129 и учинённой справки, в которой значит: сведения сии требуются по случаю открывшихся неверностей в поземельных книгах о действительной принадлежности состоящих в здешнем городе домов хозяевам их. Приказали: когда сведение сие требуется единственно для учинения о действительной принадлежности состоящих в здешнем городе обывательских домов, то оные регистры с имеющимися в сей думе о поземельном сборе книгами поверить и ежели против оных окажется какая-либо неверность, то о сём присутствию доложить особо [8; лл. 204–204 об.].

Подлинной подписали господа присутствующия и правитель дел Кожин.
Верно: правитель дел Кожин.

Документ № 3.

Ведомость, учинённая 1 части г. Перми находящимся в оной домам со означением настоящих ныне хозяев

улица Набережная: 1. г-на графа Строганова; 2. на месте г-на Лазарева унтер-афицера Дружинина; 3. г-на Григорья Демидова; 4. гг. Турчаниновых; 5. г. Николая Демидова; 6. г. гвардии корнета Ивана Яковлева; 7. наследников Петра Яковлева; 8. г. Якима Лазарева; 9. пермскаго купца Андрея Попова; 10. маркшейдера Дмитрия Чистякова; 11. перм. купца Дениса Дружинина;

улица Торговая: 12. мещанина Александра Ряднова; 13. Г-жи княгини Голицыной; [надстрочная надпись без №]: Уголникова; 14. купецкаго сына Фёдора Одинцова; 15. мещ. Сергея Лапина; 16. мещ. Ионы Шипулина; [надст. надпись без №]: тайнаго советника Демидова место; 17. иностранца Иосифа Гиля;

18. мец. Афанасья Сыропятова; 19. губернская почтовая контора; 20. кол. секр. Козмы Корзунова; 21. купецкой вдовы Катерины Ипановой; 22. барона Гр. Строганова; 23. мец. Антона Пономарёва; 24. кол. секретарши Катерины Пономарёвой; 25. надов. советницы Дягилевой; 26. купца Филипа Любимова; 27. мец. Кузмы Полушкина; 28. мец. Володимера Костарёва; 29. мец. Филипа Удникова;

улица Петропавловская: 30. стат. советника Елисея Чадина; 31. кол. рег. Бушуева; 32. стат. сов. Масленикова; 33. кол. ассессорши Зверевой; 34. стат. советницы Мавры Бредихиной; 35. г. городничаго Грена; 36. надов. советника Девилие; 37. ево же г. Девилие; 38. надов. сов. Петра Васильева; 39. вдовы Бушуевой; 40. купца Гр. Щербакова; 41. стат. советницы Натальи Казиной; 42. казённых Пермских заводов; 43. советника горнаго правления Походяшина; 44. заводосодержателя Расторгуева; 45. кол. сов. Хрущёва;

улица Покровская: 46. кол. советницы Дарьи Ванслоевой; [надст. надпись без №]; англичанки девицы Гилёвой; 47. оберберггауптмана Прянишника; 48. стат. сов. Осипа Арента; 49. кол. сов. Ефима Фёдоровскаго; 50. купецкой вдовы Тарасовой; 51. кол. сов. Степана Смирнова; 52. надов. сов. Петра Васильева; 53. г. майора Тархова; 54. тит. сов. Михаила Сведомскаго; 55. гошпиталь; 56. мец. Андрея Зыкова; 57. тит. сов. Петра Филинкова; 58. ассессора Александра Глазунова; 59. свящ. Петра Луканина; 60. перм. купца Петра Аввакумова; 61. купецкой вдовы Марьи Сыромятниковой; 62. мец. Ив. Копылова; 63. управляющаго удельною конторою г. Мостовенкова; 64. купецкой вдовы Бабиной; 65. ассессора Протейкинскаго; 66. аптека казённой (?); 67. мец. Дм. Попова; 68. купецкой вдовы Чечуровой;

улица Пермская: 69. вдовы кол. регистраторши Енгеровой; 70. мец. Ильи Трапезникова; 71. крест. Луппы Нечаева; 72. вдовы мещанки Шишиной; 73. внутренней стражи (?); [надст. надпись без №]; унтер-офицера Пожиганова; 74. мец. Ивана Хлепетина; 75. унтер-оф. Чернецова; 76. вдовы мещанки Южаниновой; [надст. надпись без №]; присяжнаго Хрисанфа Алексиева; 77. губ. сек. Ив. Габова; 78. перм. купца Ив. Копылова; 79. вдовы солдатки Климовой; 80. перм. мец. Шубина; 81. мастераваго Петра Сыропятова; 82. кол. рег. Василья Костарева; 83. перм. мец. Антипы Олоновскаго; 84. вдовы Маремьяны Базановой; 85. кол. рег. Афанасья Сыропятова; 86. княгини Шаховской; 87. перм. мец. Сергея Сыропятова; 88. надов. советницы Белозеровой; 89. умерш. канцеляриста Ромодина жены Анны; 90. горн. солдата Петра Степанова; 91. тит. сов. Вас. Квашнина; 92. землемера Алексея Калинина; 93. отст. солдата Петра Ульянова; 94. крест. Герасима Свирепова; 95. унтер-афицера Чебыкина жены; 96. вдовы порутчицы Захаровой; 97. вдовы [кол.] секретарши Анны Белозеровой; 98. крест. Андрея Игошева; 99. вдовы вахмистра Якимова; 100. унтер-офицера Данилы Бердникова; 101. Унтер-афицера Бухалова; 102. кол. рег. Петра Токарева; 103. губ. секр. Мальцова; 104. кол. рег. Токманцова; 105. купецких детей Агафоновых; 106. шихмейстера Чадова; 107. служителя графини Строгановой Ст. Суботина; 108. циркульника внутренней стражи Ив. Михайлова; 109. канцеляриста Петра Михайлова; 110. канцеляриста Орлова; 111. княгини Шаховской; 112. вдовы мещанки Марфы Сыропятовой; 113. вдовы регистраторши Татьяны Хлестовой; 114. перм. мец. Александра Попова; 115. надов. советницы

Филиповой; [надст. надпись без №]: портного Петра Кр[а]узе (?); 116. вдовы мещанки Пелагеи Двойнишниковой; 117. дочери покойного канцеляриста Семёна Норина; 118. перм. уездного секретаря Шлякова; 119. мастеравого Ив. Степанова; 120. губ. секр. Вас. Усова; 121. перм. мещ. Дм. Калмыкова; 122. вдовы губ. секретарши Анны Переваловой; 123. мещ. Петра Калашникова; 124. мещ. Николая Григорьева; 125. горн. унтер-афицера Трифанова; 126. вдовы солдатки Лебеткиной;

улица Екатерининская: [надст. надпись без №]: вдовы пономарской Устиныи Шешуковой; 127. перм. мещ. Алексея Иванова; 128. перм. мещ. Гр. Заозерского; 129. перм. мещ. Якова Старкова; 130. крест. Трофима Верхоланцова; 131. Унтер-афицера Спиридонова; 132. мещ. Аврама Пахомова; 133. отстав. мастеравого. Валева; 134. мещ. Николая Сивухина; 135. мещ. Фёдора Попова; 136. Унтер-афицерской жены Лудейшиковой; 137. горн. солдата Евдокима Трофимова; 138. фельдфебеля Фёдора Савельева; 139. мещ. Льва Корзухина; 140. мещ. Трофима Ульянова; 141. мещ. Ив. Дмитриева; 142. губ. рег. Мирона Фомина; 143. отстав. канцеляриста Сергея Васильева; 144. вдовы мещанки Сыропятовой; 145. вдовы мещанки Соловьёвой; 146. присяжного Андрона Карпенкова; 147. перм. мещ. Генадьева; 148. кол. секр. Николая Ромодина; 149. дочери землемера Василия Калинина; 150. кол. секр. Веселкова; 151. шихмейстера 13 класса Кузнецова; 152. губ. секр. Ильи Русинова; 153. канцеляриста Платона Варушкина; 154. г. Лазарева крест. Андрея Фролова; 155. кол. рег. Ив. Пономарёва; 156. кол. секр. Кругляшева; 157. канцеляриста Слепухина; 158. вдовы солдатки Авдотьи Половниковой; 159. кол. секр. Афанасья Руских; 160. унтер-афицера Пахотникова; 161. губерн. роты ряд. Вардугина; 162. вдовы солдатки Катерины Коряжиной; 163. лекар. ученика Евдокима Пазникова; 164. мещ. Ильи Агафонова; 165. губ. роты ряд. Арефьева; 166. кол. секр. Елизара Ньюнина; 167. лекар. ученика Ив. Пазникова жены Веры Фёдоровой; 168. унтер-афицера Решикова; 169. губ. секр. Ив. Лепёшкина; 170. отстав. губ. секр. Жданова; 171. мастераваго рабочего дому Ильи Андреева; 172. губ. архитектора Петра Васильева; 173. ряд. Коренева жены Дарьи Павловой; 174. вдовы приказного Базанова; 175. вдовы приказного Ярославцова; 176. кол. рег. Андрея Маркова; 177. директора гимназии Никиты Попова; 178. надв. сов. Вас. Прохорова; 179. кол. асс. Ларионова; 180. кол. секр. Рыкова; 181. кол. секр. Вас. Максимова; 182. кол. рег. Вас. Замараева; 183. вдовы кол. регистраторши Широковой; 184. немецкая кирха; 185. вдовы Гобовой; 186. надв. сов. Веселкова; 187. тит. сов. Токарева; 188. воспитательной дом; 189. непремен. работника Михаила Калинина; 190. салдата Ходаковского; 191. г. вице-губернатора Ив. Розинга;

улица Воскресенская: 192. кол. секр. Александра Сташевского; 193. кол. асс. Вас. Любарского; 194. доктора Фёдора Граля; 195. надв. сов. Михаила Веселкова; 196. советника Сталмейера; 197. рабоч. дому мастераваго Ив. Игнатьева; 198. крест. Силы Бартова; 199. губ. секр. Петра Мухлынина; 200. вдовы унтершихмейстер (?); 201. мещ. Ст. Матвеева; 202. мастераваго Данила Данилова; 203. кол. рег. Башарина; мастеровых рабочего дому; 204. Сидора Павлова; 205. Ив. Иванова; 206. Алексея Воробьёва; 207. Протаса Федотова; 208. ряд. штатной команды Кадашникова; мастеровых рабочего дому; 209. Ст. Аристова; 210. Лариона Федотова;

211. Ив. Сунцова; 212. Вас. Лашманова; 213. Кондратья Елисеева; 214. Алексея Дёмина; 215. ряд. штатной команды Мокина; 216. кол. рег. Петра Заинцова; 217. губ. секр. Ст. Дружинина; 218. мастераваго раб. дому Киприяна Бугреева; 219. горн. правления маркшейдера Зырянова; 220. наследников покойного советника Вас. Аврамова; 221. учителя 1 класса Михаила Кленова; 222. Чердын. штатной команды унтер-афицера Лопатина жены Марфы Тарасовой; 223. вдовы тит. советницы Барановой; 224. кол. асс. и кавалера Семёна Баранова; 225. мещ. Ив. Карнаева; 226. отстав. унтер-афицера Луки Тимофеева; 227. горн. члена Антипина;

улица Ямская: пермских мещан: 228. Беляева; 229. Ст. Самоделова; 230. Карнаева; 231. ряд. Ишметьева; 232. канцеляриста Дм. Разгайлова; 233. кол. рег. Якова Двенинова; 234. кол. рег. Ив. Балашова; 235. губ. секр. Михаила Светлолобова; 236. губ. секр. Зуева; 237. ряд. Фёдора Ошева; 238. уголов. палаты вахмистра Ив. Петрунина; 239. горн. унтер-афицера Ключова; 240. вдовы солдатки Овсянниковой; 241. мещ. Ефима Нижегородова; 242. ряд. Фофанова; 243. вдовы отстав. присяжного Федора Суслова; 244. канцеляриста Леонтия Карпова; 245. отстав. солдата Ив. Солдаткина; 246. вдовы мещанки Пономаревой; 247. Казармы; 248. губ. секр. Капитонова; 249. ряд. Лыткина; 250. ряд. Сидорова; 251. унтер-офицера Кодрата (?); 252. ряд. Ефима Волосникова; 253. жены отстав. мастераваго Седова; 254. канцеляриста Зиновья Орлова; 255. ряд. Якова Кирилова; 256. мещ. Анисима Ситникова; 257. ряд. Ильи Константинова; 258. ряд. Ст. Емельянова; 259. отстав. солдата Власа Неустроева; 260. вдовы мещанки Катерины Заозерской; 261. вдовы солдатки Евдокии Подгорных; 262. охан. мещ. Федора Тимофеева; 263. мещ. Матвея Бруханова;

улица Кузнецкая: 264. вдовы тит. советницы Кассиной (?); 265. перм. мещ. Еремея Вологина; 266. солдатки Евдокии Кругловой; 267. перм. мещ. Сергея Шишина; 268. ряд. Евсея А[н]тохнова(?); 269. перм. мещ. Косарева; 270. унтер-афицера Луки Зорина; 271. мастераваго раб. дому Пихтина; 272. приказного Сапожникова; 273. унтер-афицера Матвея Белова; 274. отст. салдата Алексея Пушкарева; 275. перм. мещ. Федора Безукладникова; 276. горной роты ряд. Васечкина; 277. дом садовника (?); 278. ряд. Ярославцова; 279. отст. салдата Андрея Петрова; 280. сторожа Андрея Ванькова; 281. отст. салдата Ощепкова; 282. ряд. Баженова; 283. перм. мещанки Катерины Серебренниковой; 284. вдовы мещанки Евдокии Пьянковой; мастеровых рабочего дому: 285. Ив. Капринова; 286. Изота Зуева; 287. Петра Климова; 288. Андрея Никифорова; 289. Якова Володимирова; По завотской площадке: 290. мастераваго Семена Сыропятова; 291. мещ. Андрея Стяшкова; 292. мещ. Никиты Швецова; 293. вдовы приказного Плешкова; 294. вдовы салдатки Степанида Вальнской; 295. канцеляриста Якова Лепешкина; 296. губ. секр. Козмы Горбалева; 297. мастераваго раб. дому Марка Иванова; 298. вдовы мастераваго Губина; 299. унтершхмейстера Ивана Попова; 300. мещ. Дм. Анкушина; [надст. надпись без №]: вдовы солдатки Василисы Кизлярской; 301. кол. рег. Николая Попова; 302. губ. секр. Гаврила Захарова; 303. присяжного Изота Александрова; 304. лекар. ученика Сергея Городских; 305. мещ. Смирнова; 306. мещ. Николая Первушина; 307. вдовы солдатки Авдотьи Никитиной; 308. жены присяжного

Федула Тарасова; 309. губ. секр. Портнягина; 310. мещ. Николая Казанцова; 311. мещ. Ив. Ситникова; 312. вдовы сал[д]атки Полетаевой; 313. губ. рег. Алалькина; 314. канцеляриста Павла Лепешкина; 315. отст. салдата Носкова; 316. мастераваго Ивана Мяхких; 317. присяжного Лашина; 318. жены подканцеляриста Новоселова; 319. уездного землемера Николая Попова; 320. приказного Арефьева; 321. ряд. Терентья Зникина (?); 322. ряд. Зверева; 323. вдовы салдатки Анны Воиновой; 324. отст. мастераваго Симанова; 325. ряд. Михаила Вечтомова; 326. прапорщика Ильи Сатчикова; 327. дьячка Арефьева; 328. Мотовил. завода мастераваго Федора Леденцова; 329. отст. мастераваго Леонтья Калашникова; 330. перм. мещ. Ильи Коситкина; 331. тит. советницы Паульсеновой; 332. вдовы мещанки Анисьи Стрижевой; 333. канцеляриста Федора Кузнецова; 334. вдовы присяжного Семена Зеленина; 335. канцеляриста Некрасова; 336. губ. секр. Колобова; 337. вахмистра Южанинова; 338. горн. унтер-афицера Абабкова; 339. горн. унтер-аф. Филипова; 340. стат. сов. Андрея Листовского; 341. копииста Соловьева; 342. отст. мастераваго Гр. Тохтуева; 343. мастераваго раб. дому Вас. Сычюгова; 344. унтер-аф. Вас. Грезнова; 345. подканцеляриста Михаила Пономарева; 346. вдовы щетчицы Анны Черепородцевой;

улица Старога строения: пермских мещан: 347. Федора Посаткина; 348. Прокопия Шибанова; 349. Петра Сыропятова; 350. салдатки Костроминой; 351. унтер-оф. Ефима Колокольникова; 352. вдовы мастераваго Зуева; 353. мещ. Ив. Заева; 354. мещ. Александра Агафонова; 355. архиерейскаго служителя Завьялова; 356. мещ. Михаила Гуляева; 357. губ. роты салдата Петра Волкова; 358. мещ. Федулова; 359. мещ. Пестова; 360. вдовы мещанки Пономаревой; 361. мещ. Белавина; 362. вдовы мещанки Василисы Игошевой; 363. мещ. Собенина; 364. горн. роты унтер-оф. Ив. Власова; 365. унтершихмейстерши Черепановой [9; лл. 205–216 об.].

По листам: частной пристав Матвеев.

Документ № 4.

Список, učinённой во 2 части г. Перми о числе хозяев и о имени домов с означением имен и прозваний

Имена и фамилии хозяев:

улица Набережная: 1. Духовная консистория; 2. кунгур. мещанки Татьяны Братухиной; 3. мещ. Петра Ломтева; 4. внутр. стражи г. майора Михайлова; 5. мещ. Филипа Хлебникова; 6. умерш. мещ. Третьякова наследников; 7. мещ. Ст. Береговскаго; 8. отст. унтер-оф. Лихачева; 9. мещ. Афан. Селиверстова; 10. мещ. Ив. Старкова; 11. вдовы мещанки Дарьи Кротовой; мещан: 12. Матвея Красильникова; 13. Ив. Головина; 14. Ив. Еремеева; 15. вдовы перм. мещанки Анны Михайловой; 16. солик. мещанки вдовы Прасковьи Черепановой; мещан: 17. Андрея Сутина; 18. Максима Костюрова; 19. Петра Меншенина; 20. Ст. Костюрова; 21. Чердын. округи крест. Федора Бражникова; 22. вдовы мещанки Натальи Зериной;

улица Монастырская: 23. мещ. Филипа Збитнева; 24. принадлежащей

к монастырю (?); 25. Духовная семинария; мещан: 26. Егора Старкова; 27. Матвеев Хлебникова; 28. г. Яковлевых; 29. пустое место; мещан: 30. Петра Корзухина; 31. Прокопья Шварева; 32. Филипа Шварева; 33. Сергея Трубачева; 34. отст. солдата Ионы Ваблорина; мещан: 35. Тимофея Стукова; 36. Андрея Бусунова; 37. Тимофея Вакорина; 38. Тихона Колыбалова; 39. вдовы мещанки Мальгиной; 40. мещ. Егора Старкова; 41. мещ. Мирона Тучнолобова; 42. Козмы Панкратова; 43. Карпа Работкина; 44. Карпа Иртегова; 45. Фомы Павлова; 46. Ефима Брезгина; 47. Осина Шварева; 48. Андрея Колыбалова; 49. Егора Колыбалова; 50. Федора Меншенина; 51. Вас. Удников; 52. Потапа Меншенина; 53. Александра Шестакова; 54. Петра Старкова; 55. Мося Девкина; 56. Семена Девкина; 57. Ефима Шварева; 58. Марка Шварева; 59. архиер. служителя Михаила Лепихина; мещан 60. Осипа Шавкунова; 61. Егора Белых; 62. чебоксар. мещ. Игнатия Омскова; 63. Федора Новожилова; 64. Александра Михайлова; 65. Петропавлов. собора иерея Семииона Стахеева; 66. свящ. Павла Григорьева; 67. губ. секр. Лавр. Береговского; 68. канцеляриста Федора Леденцова; 69. мещ. Евтифея Швецова; 70. вдовы дьяконицы Марии Бехтеревой; 71. перм. губерн. оператора Барса; 72. мастераваго Ив. Средкина; 73. мещ. Агафона Черепанова;

улица Торговая: 74. мещ. Кондратия Ряднова; 75. мещ. Якова Дресвина; 76. мещанки Настасьи Пегушевой; 77. землемера Пантюхина; 78. вдовы штаб-лекарши Карповой; 79. Верхотур. монастыря игумена Иеронима; 80. мещ. Леонтия Пономарева; 81. Перм. Петропавл. собора протоиерея Иоанна Баженова; 82. оберфорштмейстера Харламова; 83. мещ. Ив. Ушакова; 84. архиер. служителя Петра Доронина; 85. вдовы мещанки Ульяны Шалаевской; 86. мещ. Савастьяна Швецова; 87. купца Антона Пономарева; 88. мещ. Ст. Шавкунова и наследников; 89. мещ. Якова Ядринцова; 90. кафедр. собора протоиерея Дм. Квашина; 91. вдовы мещанки Василисы Шваревой; 92. мещ. Ильи Толстых; мещан: 93. покойного Гр. Ядринцова наследников; 94. Егора Сабашникова; 95. Ив. Можая; 96. вдовы мещанки Пономаревой; 97. Андрея Зыкова; 98. вдовы мещанки Анны Казанкиной; 99. мещ. Вас. Быкова; 100. вдовы мещанки Натальи Никоновой; 101. мещ. Ефима Лебедихина; 102. мещ. Епифана Колыбалова; 103. Павла Зверева; 104. вдовы мещанки Варвары Тарасовой; мещан: 105. Афан. Попова; 106. Алексея Шварева; 107. Ив. Новикова; 108. Ив. Шавкунова; 109. горн. правления канцеляриста Ст. Ломтева; 110. мещ. Петра Кротова; 111. протодьякона Ив. Третьякова; мещан: 112. Захара Мальгина; 113. Леонтия Проскурякова; 114. Сергея Савченкова; 115. вдовы губ. секретарши Дарьи Поповой; 116. мещ. Варфоломея Ушакова; 117. мастераваго Петра Снигирева; мещан: 118. Вас. Абакумова; 119. Федора Никонова; 120. покойного тит. сов. Морозова наследников; 121. надв. сов. Гр. Авдеевского; 122. мещ. Вас. Могорина; 123. надв. сов. Гр. Авдеевского; 124. вдовы мещанки Калашниковой; 125. мещ. Сидора Силина; 126. городского лекаря Филипа Рейхе;

улица Петропавловская: 127. надв. сов. Дягилева; 128. г. советника Берха; 129. купца Дм. Смышляева; 130. вдовы купечкой жены Любимовой; 131. мастераваго Николая Сопегина; 132. надв. советницы Овчинниковой; 133. губ. секр. Мышкина; 134. мещ. Федора Панфилова; 135. горн. правления секретаря Попова; 136. мещ. Вас. Дресвина и крест. Ив. Тараданова; 137. вдовы мещанки Палкиной; 138. мещ.

Афан. Сыропятова; 139. купца Ив. Белых; мещан: 140. Ив. Сыропятова 141. Петра Шалаевского; 142. вдовы мещанки Патрушевой; 143. мещ. Герасима Бабина; 144. мещ. Вас. Чалина; 145. вдовы мещанки Павловой; 146. Дм. Фролова; 147. кр. Ив. Колычева; 148. такового ж Вас. Распопова; 149. мещ. Карпа Сыропятова; 150. вдовы купецкой жены Ипановой; 151. отст. солдата Леготкина; 152. мещ. Якова Шлыкова; 153. мещ. Афан. Серебренникова; 154. вдовы мещанки Фроловой; 155. мещ. Федора Калашникова; 156. вдовы мещанки Сыропятовой; 157. умерш. мещ. Одинцова наследников; 158. умерш. мещ. Вас. Сулова наследников; 159. Ив. Новожилова; 160. Якима Шалаевского; 161. умерш. мещ. Петра Сыропятова наследников; 162. мещ. Трифона Сулова; 163. вдовы кол. секретарши Топорковой; 164. гимназия; 165. народное училище;

улица Покровская: 166. г. берг-инспектора Томилова; 167. мещ. Акинфа Пономарева; 168. горн. казначея Зырянова; 169. купца Белых; 170. умерш. купца Лапина наследников; 171. вдовы мещанки Соколовой; 172. мещ. Башкирцова; мещан: 173. Данилы Щелконогова; 174. Вас. Серебренникова; 175. Смарагда Семенова; 176. Николая Быкова; 177. Ив. Серебренникова; 178. Гр. Сыропятова; 179. г. Татищева; 180. умерш. купца Флерова наследников; 181. вдовы мещанки Валуевой; 182. г. Лазарева крест. Александра. Распопова; 183. крест. Чусовской экономической вол. Ив. Бабина; 184. жены мещ. Петра Ростовщикова; 185. такового ж Павла Борисова; 186. мещ. Вас. Казанцова; 187. архиер. служителя Пестова; 188. мещ. Платона Трапезникова; 189. мещ. Вас. Казанцова; 190. вдовы салдатки Лабутиной; 191. мещ. Ив. Трапезникова; 192. мещ. Сидора Костюрова; 193. мещ. Семена Лехгих; 194. отст. солдата Антипина; 195. вдовы солдатки Черновских (пустой и ветхой); 196. вдовы мещанки Пищагиной; 197. мещ. Луки Тильканова; 198. вдовы крестьянки Распоповой; 199. мещ. Петра Мурашева; 200. вдовы мещанки Кашчевой(?); 201. архиер. служителя Турицына; 202. мастераваго Егора Заозерского; 203. мещ. Вас. Трапезникова; 204. мещ. Антиоха Порошина; 205. губ. секр. Земляницына; 206. мещ. Осипа Котельникова; 207. кол рег. Вьюшкова; 208. мещ. Александра Любимова; 209. тит. советницы Земляницыной; 210. еврея мастераваго Гирши Абрамова; 211. архиер. служителя Сирина; 212. корнетши Дарьи Степановой; 213. мещ. Ив. Новожилова; 214. вдовы мещанки Курочкиной; 215. мещ. Ив. Кенина; 216. вдовы мещанки Беловой; 217. г-жи кол. ассессорши Шамониной; 218. крест. Вас. Шардина; 219. мещ. Евсея Агафонова; 220. Макара Толстых; 221. вдовы канцелярской жены Кожеввиной; 222. губ. секр. Лалетина; 223. мещ. Матвея Собинина; 224. девицы Марьи Григорьевой Леонтьевой; 225. губ. секр. Парначева; 226. мещ. Якова Хребтова; улица Пермская: мещан: 227. Пантелея Юхнева; 228. Ив. Сыропятова; 229. губ. секр. Кузовникова; 230. вдовы мещанки Пепеляевой; 231. вдовы мещанки Водопьяновой; 232. мещ. Никиты Шипицына; 233. г. Лазарева крестьянки Выголовой; 234. губ. секр. Бекреева; 235. г-жи вдовой Ширяевой; 236. мещ. Нифонта Кайгородова; 237. г-жи вдовы Анны Кузнецовой; мещан: 238. Вас. Ряднова; 239. Козмы Юрьева; 240. вдовы крестьянки Серебровой; мещан: 241. Ив. Гречищева; 242. Матвея Проскурякова; 243. Ив. Загрядских; 244. Гавр. Перяславцова; 245. вдовы мещанки Первушиной; 246. вдовы крестьянки Мельниковой; 247. мастераваго

Семена Ябурова; 248. вдовы мещанки Петуховой; 249. мещ. Корнила Тимофеева; 250. мещ. Филипа Любимова; 251. г. ассессора Мокринского; 252. мастераваго Федора Падерина; мещан: 253. Митрофанова; 254. Тихона Снигирева; 255. Елисея Шеломова; 256. Семена Суханова; 257. Михайла Курочкина; 258. архиер. служителя Доронина; мещан: 259. Евдокима Швецова; 260. Павла Толкушина; 261. Родиона Юхнева; 262. вдовы мещанки Реневои; 263. крест. Вас. Казанцова; 264. вдовы мещанки Катерины Дмитриевой; 265. мещ. Ст. Бабикова; 266. вдовы мещанки Чубаровой; 267. вдовы мещанки Баталовой; 268. мещ. Егора Петухова; 269. отст. унтер-оф. Жаваронкова; 270. мещ. Филипа Голощапова; 271. мещ. Михайла Рябова; 272. мещ. Гр. Дрочкова; 273. мещ. Вас. Петухова; 274. мещ. Ив. Нечаева; 275. мещанки вдовы Степаниды Макаровой; 276. мещанки Татьяны Верещагиной; 277. мещ. Ив. Шлыкова; 278. вдовы мещанки Сысоевой; 279. мещ. Ив. Шардина; 280. мещ. Павла Тимофеева; 281. мещ. Ст. Забелина; 282. мещанки анны Митрофановой; 283. отст. мастераваго Петра Валева; 284. мастераваго Якова Сыропятова; мещан: 285. Алексея Залесова; 286. Никонора Шипулина; 287. Матвея Ярославцова; 288. Афан. Удников; 289. Михайла Мухина; 290. Дм. Михеева; 291. внутр. стражи цырульника Дьяконова; 292. вдовы салдатки Камчатовой; 293. вдовы мещанки Пелагеи Михайловой; 294. горн. правления столоначальника Пантелеева; 295. мещ. Ст. Накослина; 296. кол. рег. Патрушева; мещан: 297. Андрея Патокина; 298. Алексея Власова; 299. Тимофея Серебренникова; 300. Петра Суханова; 301. Ст. Кирабова; 302. Дм. Чечурова; 303. Ив. Толстых; 304. Алексея Марьяина; 305. Федора Ушакова; 306. вдовы Дарьи Егоровой; 307. крестьянки Анны Фроловой; 308. мещ. Андрея Котельникова; 309. Гаврила Ушакова; 310. отст. мастераваго Арапова;

улица Екатерининская: 311. надв. сов. Мерзлякова; 312. его ж г. Мерзлякова; 313. Иерея Николая Коровина; 314. вдовы мещанки Ильиной; 315. мещ. Александра Соколова; 316. вдовы мещанки Русских; 317. отст. канцеляриста Ст. Стрельбитского; 318. мещ. Ст. Никулина; 319. переплётчика Михайла Бабарькина; мещан: 320. Андрея Гилькова; 321. Максима Мелкозера; 322. Ст. Гречищева; 323. в казенном ведомстве по умертвию солдатки Палехиной; 324. архиер. служителя Павла Лепихина; мещан: 325. Николая Удников; 326. мещанской дочери девицы Марьи Чудовой; 327. Филипа Тотменина; 328. Семена Тимофеева; 329. Петра Новикова; 330. крест. Николай Копылова; 331. мещ. Гр. Красных; 332. архиер. служителя Иконникова; 333. мещ. Прохора Корзухина; 334. мещ. Якова Корзухина; 335. Охан. мещ. Николая Удников; 336. вдовы дьяческой жены Татьяны Усовой; 337. мещ. Евтифея Уткина; 338. мещ. Герасима Мухина; 339. мещ. Петра Скорынина; 340. мещ. Ив. Гилева; 341. мещ. Семена Гилева; 342. мещ. Абрама Самодурова; 343. мастераваго Егора Юхнева; 344. салдатки Устиньи Баталовой; 345. мещ. Ив. Нечаева; 346. мещ. Андрея Юрьева; 347. мещ. Абрама Трапезникова; 348. архиер. служителя Пахалова; 349. горн. солдата Степанова; 350. мещ. Андрея Кычанова; 351. отст. солдата Грибанова; 352. мещ. Егора Порохова; 353. вдовы мещанки Меншуткиной; 354. мещ. Михайла Гробовских; 355. вдовы салдатки Кокшаровой; 356. сторожа Туманова (ветхой); 357. мещ. Ильи Трапезникова (ветхой); 358. внутр. баталиона ряд. Петрова; 359. мастераваго Афан. Леденцова; 360. солдатки Тележниковой; 361. архиер. служителя Осипа

Александрова; 362. Ананьи Гомзикова; мещан: 363. Вас. Малых; 364. Ив. Пищагина; 365. Федора Серебренникова; 366. Ефима Гусева; 367. вдовы солдатки Филиповой; 368. мещанки Устиньи Сыропятовой; мещан: 369. Матвея Заозерского; 370. Вас. Чикина; 371. Елисея Черепанова; 372. драгуна Кудрина; 373. кол. рег. Валева; 374. пустое место; мещан: 375. Ив. Старкова; 376. Ив. Курочкина; 377. Вас. Жданова; 378. Михаила Дедюхина; 379. Андрея Лепихина; 380. Ив. Агафонова; 381. Герасима Красных; 382. вдовы мещанки Семенихиной; 383. мещ. Якова Сорокина; 384. мещ. Якова Когочева; 385. губ. секр. Про(нрзб); 386. тит. сов. Хлызова; 387. кол. рег. Бушуева; 388. тит. сов. Хлызова; 389. вольс. купца Вас. Злобина;

улица Вознесенская: 390. вольскаго купца Яблонишкова; 391. мещ. Ив. Овчинникова; 392. отст. мастераваго Золотарева; 393. вдовы мещанки Жуковой; 394. вдовы мещанки Степаниды Сваловой; 395. иерея Алексея Фроловских; 396. мещ. Трофима Белкина; 397. крест. Максима Чистякова; 398. мещ. Алексея Блинова; 399. мастераваго Захара Черепанова; 400. мещ. Никиты Ременникова; 401. мещ. Семена Попова; 402. мещ. Александра Щелконогова; 403. мещ. Ив. Красных; 404. мещ. Филипа Есипова; 405. щетчика Федора Михайлова; мещан: 406. Гр. Чузяева; 407. мещанки Настасьи Заварихиной; 408. Федора Гусева; 409. унтер-оф. Никитина; 410. мещ. Ст. Жукова; 411. отст. солдата Гаврилы Серебренникова; 412. отст. солдата Аксенова; 413. горн. солдата Бородулина; 414. канцеляриста казенной палаты Тележника; 415. пустое место; 416. мещ. Федора Серебренникова; 417. вдовы мещанки Пороховой; 418. служителя Ив. Демидова; мещан: 419. Андрея Сорокина; 420. Семена Зебзеева; 421. внутр. стражи барабанщика Баксева; 422. салдатки Катерины Дягилевой; 423. мещ. Дениса Вычурова; 424. его ж Вычурова; 425. мещ. Петра Никулина; 426. мещ. Федора Быкова; 427. мещ. Федора Долгих; 428. мещ. Андрея Загрядских; 429. унтер-офицерши Кашиной; 430. Ив. Мальцова; 431. Осипа Красных; 432. мастераваго Матвея Пинжалова; 433. тит. сов. Сорокина; 434. мещ. Павла Таругина; 435. мещ. Андрея Кабанова; 436. 14 класса Вас. Абатурова; 437. вдовы г-жи Шкетовой; 438. вдовы г-жи Соболевой; 439. внутр. стражи унтер-оф. Филатова; мещан: 440. Петра Фофанова; 441. Михаила Суглобова; 442. Вас. Суханова; улица Ямская: 443. вдовы губ. секретарши Кузнецовой; 444. мещ. Андрея Плетнева; 445. канцеляриста Ив. Потапова; 446. сводного баталиона ряд. Семенова; 447. мещ. Михаила Бражникова; 448. губ. секр. Лашкова; мещан: 449. Вас. Плешкова; 450. Ив. Полушкина; 451. вдовы регистраторши Титовой; 452. рекрутки Анны Плюхиной; 453. штат. роты ряд. Федора Чанчикова; 454. внутр. стражи фельдфебеля Манжурина; 455. крест. Андрея Жунакова; 456. мещ. Ив. Иванова; 457. кунгур. мещ. Кожевникова; 458. имянитаго гражд. Кнауфа; 459. тит. сов. Михаила Сведомскаго; 460. мещ. Ст. Буркова; 461. крест. Конст. Казаринова; 462. внутр. стражи ряд. Снигирева; 463. драгуна Якова Суранова; 464. умерш. кол. секретаря Попова наследников; 465. вдовы мещанки Гречищевой; 466. отст. солдата Порошина; 467. драгуна Перфила Софьенникова; 468. отст. солдата Бражникова; 469. отст. солдата Матвеева; 470. вдовы регистраторши Ворсиной; 471. кол. асс. Мезняковскаго; 472. вдовы Настасьи Тарабукиной; 473. мещ. Андрея Беляева; 474. внутр. стражи ряд. Михайлова; 475. горн. солдата Петра Ильина; 476. мещ. Алексея Вологина;

477. вдовы салдатки Антоновой; 478. мещ. Тимофея Жигарева; 479. мастераваго Ив. Кольчугина; 480. мещ. Игнатъя Кругова; 481. солдатки Парасковьи Смирновой; 482. внутр. стражи ряд. Савина; 483. отст. солдата Игнатъева; 484. внутр. стражи ряд. Воронова; 485. таковой же Ионы Степыгина; 486. горн. солдата Савельева; внутренней стражи рядовых: 487. Никиты Тимофеева; 488. Ильи Бархатова; 489. солдатки Ульяны Ширинкиной; 490. крест. Гр. Салтанова; 491. вдовы солдатки Ирины Ивановой; 492. драгуна Ив. Стемпа;

По берегу р. Камы: 493. крест. Андрея Мулова; 494. кунгур. крест. Ив. Боброва; 495. мещ. Якова Гилькова; 496. такового ж Дм. Соколова; 497. мещ. Андрея Новикова; 498. кунгур. крест. Ефима Пиликина; 499. отст. мастераваго Петра Ябурова 500. мещ. Павла Макарова; 501. горн. роты ряд. Ильи Гаврилова; 502. Чердын. округи Пянтеж. вол. гос. крест. Ив. Якутова; 503. мещ. Ив. Бабина и Ильи Якутова; 504. вдовы мещанки Барышниковой; 505. отст. солдата Якова Сорокина; 506. вдовы мастерской жены Пелагеи Гуреевой; архиер. служителей: 507. Осипа Гущина; 508. Ст. Пелымцова; 509. Филипа Шолонова; 510. Максима Сиринова; 511. Михайла Попова; 512. мастераваго Ефима Швецова; 513. Евдокима Ударина; 514. Егора Плотникова; 515. Вас. Пепеляева; 516. Ст. Бабина; 517. Ив. Пельнцова; 518. Михайла Слонова; 519. Ив. Сиринова; 520. Николая Слонова; 521. Ив. Шеина; 522. Дм. Слонова; 523. перм. мещ. Никиты Яковлева; 524. Солик. округи крест. Кондеева [10; лл. 217–224].

Помета по листам: правящей должность частного пристава кол. регистратор (нрзб).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь: Электро-тип. губ. земства. 1913. С. 30.
2. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 39. Оп. 4. Д. 3.
3. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 73, лл. 58, 59.
4. Историко-географическое описание Пермской губернии, сочинённое для Атласа 1800 г. Печатано при Пермском губернском правлении. 1801.
5. ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 384.
6. ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 58.
7. ГАПК. Ф. 36, оп. 2, д. 255в, лл. 2 об. — 5. Рукописный подлинник.
8. ГАПК. Ф. 512, оп. 1, д. 116, лл. 204–204 об. Рукописная копия.
9. ГАПК. Ф. 512, оп. 1, д. 116, лл. 205–216 об. Рукописный подлинник.
10. ГАПК. Ф. 512, оп. 1, д. 116, лл. 217–224. Рукописный подлинник.

М.Н. ЛЕЩЁВ

Независимый исследователь

ПРОШЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ПЕРМСКУЮ ГОРОДСКУЮ УПРАВУ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДА ПЕРМИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются материалы прошений частных лиц в Пермскую городскую управу по вопросам строительства, реконструкции зданий и сооружений, сохранившихся в фондах Государственного архива Пермского края и датированные 1873–1915 годами. В архивных документах выявляются процедуры согласования строительных работ, структура и содержание прошений, сведения о конкретных объектах строительства, характерные черты частного домостроения и архитектуры губернского города Перми на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова. Пермская городская управа; Пермь; строительство; реконструкция; домостроение; чертежи; прошения; архитектура.

M.N. LESHCHEV

Independent researcher

PETITIONS FOR CONSTRUCTION TO THE PERM CITY COUNCIL AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE ARCHITECTURE OF THE CITY OF PERM AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Abstract. This article examines the materials of petitions of individuals to the Perm City Council on the construction, reconstruction of buildings and structures from the storage of State Archive of Perm Krai and dated 1873–1915. Archival documents are examined in the aspects of the procedure for approving construction works, the structure and content of petitions, the search for information about specific construction objects, the definition of characteristic features characteristic of private housing and architecture of the provincial city of Perm at the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords. Construction; reconstruction; house construction; drawings; petitions; architecture.

В 2023 году город Пермь отмечает почтенный трёхвековой юбилей. Современная краевая столица многогранна, но велико и наследие предков, заложивших фундамент для будущего развития мегаполиса на берегах Камы. Пермь имеет ярко выраженный исторический центр, преимущественно сложенный из зданий невысокой кирпичной застройки рубежа XIX–XX веков. Это пространство создает атмосферу уюта, надёжности, загадочной старины и вдохновляет пермяков и гостей города.

Архивные документы, проливающие свет на некоторые аспекты архитектурной истории Перми и помещенные в рамки данного исследования, хранятся в фонде № 35 «Пермская городская управа» в Государственном архиве Пермского края (ГАПК).

Среди множества прочих единиц хранения фонда, анализируемые дела имеют типовые заголовки: «Объявления / Заявления частных лиц на постройку ими домов и планы этих домов», «Заявления/Прошения частных лиц на строительство домов и планы этих домов», «Прошения мещан г. Перми о разрешении строительства домов и других строений», «Планы, чертежи постройки домов г. Перми», «Планы, проекты, чертежи частных домов в г. Перми, подлежащих строительству».

Судя по данным каталога на сайте портала «Архивы Прикамья» [1] и описи фонда, насчитывается 40 архивных дел, которые отражают процедуру согласования строительных работ на протяжении большого периода с 1873 по 1915 год.

Стороны согласования — это собственники или арендаторы зданий, с одной стороны, и местные власти в лице городского головы, членов управы и городского архитектора — с другой. Общий объём документов (далее в тексте — «Прошений») составляет почти 10 тыс. листов, средний объём одного архивного дела равен 250 листам, от половины до трети которых занимают чертежи зданий и сооружений. Согласно расчёту, произведённому на базе выборки дел, общее число объектов строительства и реконструкции можно оценить в диапазоне от 3,5 до 4 тыс. единиц [2].

Принимая во внимание границы города на рубеже XIX–XX веков, исследуемые материалы справедливо назвать источником данных об архитектуре исторического центра современной Перми. Обзор дел позволяет установить основные типы Прошений и их количественное соотношение. Наибольшую долю занимают документы, в которых частные заявители просят одобрения на строительство новых жилых домов, флигелей или капитальную реконструкцию существующих ради увеличения их площади. Последнее чаще представлено в виде надстройки верхнего деревянного этажа над этажом кирпичным, в виде примыкающего к внешней стене пристроя и реже — подвального этажа. Значительно меньшую долю составляют документы по поводу локальных ремонтов (замены венцов, кровли, облицовки фасада или устройства крыльца) и строительства «служб» — помещений служебного назначения: конюшен, дровенников, каретников. Аналогично обстоит дело с документами о строительстве производственных и коммерческих зданий или элементов этих зданий и сооружений — таковые также представлены в меньшем объёме. Следует отметить, что Прошения о строительстве/реконструкции жилых домов и флигелей часто содержат планы демонтажа старых построек и возведения новых служб.

Большая часть заявок связана со строительством из древесины. «Каменное», т.е. кирпичное, строительство было менее распространено, но именно оно представляет интерес с точки зрения предполагаемой сохранности объектов до настоящего времени. Повсеместная застройка из дерева как более доступного материала и относительная компактность «усадебных мест», т.е. индивидуальных земельных участков в собственности, находят своё отражение и в виде установки многочисленных глухих кирпичных стен — брандмауэров, обычно расположенных вдоль границы участка и у пожароопасных строений.

В разработках планов домов, за исключением системы отопления в виде встроенных печей, дымоходов и простейших санузлов, как правило, отсутствуют иные коммуникации. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием централизованного водоснабжения и водоотведения, а с другой — традицией строить бани и прачечные как отдельно стоящие сооружения.

Сравнение архивных данных с информацией о современном городском ландшафте даёт представление о том, что практически все упомянутые деревянные постройки не сохранились. Напротив, отыскать чертёж кирпичного здания, сохранившегося в том или ином виде, возможно. В рамках проведенного исследования были соотнесены материалы дел, а именно — схемы расположения зданий, чертежи и эскизы фасадов (с опорой на план Перми 1903 г.) и фотосъёмка местности в режиме «Панорамы» от сервиса «Яндекс Карты» [3]. Другой вариант поиска, т.е. поиск сведений об объекте частного строительства досоветского периода среди имеющихся Прошений, может быть результативен, если известна дата постройки.

Детально рассмотрим содержание Прошений на ряде примеров, начиная с плана реконструкции жилого кирпичного дома Л. Ф. Заушицина. На первом листе располагается заявление: «14 мая 1891 г. В Пермскую городскую управу пермского купца Льва Фёдорова Заушицина заявление. По прилагаемому при сём проекту плана, желая построить к существующему дому каменные двухэтажные пристройки жилья, каменные службы с навесом и двухэтажный каменный пристрой крыльца к флигелю, на месте мне принадлежащем, во 2-й части г. Перми по Вознесенской улице и покорнейше прошу городскую управу означенную постройку разрешить, а план выдать мне для руководства. Мая 14, 1891 года. Лев Фёдоров Заушицин» [4, л. 76] Купец намеревался построить служебные помещения, изменить флигель и увеличить площадь собственного двухэтажного кирпичного дома, который располагался напротив Сенного рынка и храма Живоначальной Троицы, и вскоре получил одобрение управы.

Оборот заявления содержит справку и резолюцию. «Справка. Прилагаемый проект на постройку каменных двухэтажных пристроев к таковому же дому лит[ера] а, каменного двухэтажного пристроя № 3 к флигелю в, и на постройку каменных служб б составлен согласно правил о городских постройках. Резолюция. Пермская городская управа определяет: разрешить пермскому купцу Льву Фёдорову Заушицину по прилагаемому плану построить каменные службы б и каменные двухэтажные пристрой № 1 и 2 к дому а и № 3 к флигелю в. Мая 16 дня 1891 г. Городской голова [подпись] Члены [три подписи] Городской архитектор [подпись]» [4, л. 76 об.] Следующий лист Прощения имеет вид расписки: «План получил пермский второй гильдии купец Лев Фёдоров Заушицин. Мая 18-го дня 1891 г.» [4, л. 77]

Чертежи Прошений подавались в управу в двух экземплярах, один из которых возвращался застройщику, а второй оставался в деле и таким образом сохранился для исследователей. Важно отметить, что резолюция городской управы не всегда одобряла проект без правок, порой разрешительная инстанция вносила свои коррективы и устанавливала дополнительные требования.

Срок рассмотрения Прошений, определённый в интервале между датами на заявлении и резолюции, составлял от пары дней до пары недель. В документах, датированных началом XX века, в финале резолютивной части появляется запись об уведомлении полицейского управления.

Заключительный лист несёт чертежи и схемы расположения объектов строительства. В случае Заушицина они исполнены на кальке. Другие встречающиеся носители — бумага, синька и картон на тканевой подложке. Последний вариант состоит из нескольких листов размера, близкого к А4, подклеенных на ткань, благодаря чему чертёж не страдает при сгибании. Чертежи не имеют ссылок на инженера, но ряд работ с неизменно высоким качеством исполнения был изготовлен в строительно-техническом бюро А. Б. Турчевича и пермском чертёжном бюро Лодыжникова, о чём свидетельствуют соответствующие печати. В развёрнутом виде чертежи превышают формат А4, поэтому в подшивке дел они находятся в сложенном положении.

Отдельно остановимся на листе чертежа здания, он, как правило, имел следующие элементы:

- а) Легенда чертежа — краткое текстовое описание с литерными и цифровыми отметками строений;
- б) «Выкопировка» — копия сегмента карты города с указанием расположения участка собственника в сетке прилегающих городских кварталов и пересечения ближайших улиц;
- в) «План места» — план участка с указанием имеющихся и запланированных строений;
- д) Чертежи объектов строительства и/или их конструктивных элементов.

Чертёж здания мог включать чертёж фасада со стороны главных улиц, чертежи поперечного и продольного сечения здания и внутренней поэтажной планировки. В основном чертежи разрезов строений были исполнены в цвете, цвета фиксировали различные материалы и отдельные конструктивные элементы (кирпич, древесина, грунт, отопительные системы, кровля), а также имеющиеся и планируемые элементы при реконструкции здания. Именно так на чертеже верхнего и нижнего этажей размечены стены в проекте купца Заушицина. Это здание можно увидеть и сегодня, оно находится по адресу: ул. Луначарского, 75, и заметно отличается от плана. Судя по современному состоянию дома, проект реконструкции так и не был реализован, а одно из фасадных окон было разобрано до дверного проёма.

Иной пример, демонстрирующий существенные различия между исходным проектом и современным состоянием здания, встречается на ул. Екатерининской, 84. «Проект на постройку каменного одно-этажного дома, на месте, принадлежащем Наследникам крестьянина Верхнемулинской волости, деревни Гарюшек, Григория Васильева Верхоланцева, состоящем во 2-й части города Перми по Екатерининской улице». [4, Л. 190]. Дом Верхоланцева в его текущем виде не только имеет надстроенный деревянный этаж, но и отличается распределением дверных

и оконных проёмов при сохранении первоначального порядка кирпичной кладки. При внимательном осмотре существующего фасада заметны следы изменения кладки, которые были оставлены в какой-то момент из 130-летней истории дома.

В качестве примера полной реализации и идеальной проектной сохранности можно привести дом И. М. Соколова по адресу: ул. Пермская, 57. В бланке чертежа дублирован вердикт властей: «Пермская городская управа по резолюции 22 июня сего года определила: разрешить крестьянину Владимирской губернии Илье Миронову Соколову по сему плану постройку каменного двухэтажного дома и ворот. Июня 22 дня 1881 г.» [4, Л. 184]. Дом Соколова не самый большой, но величественный, вполне соответствует духу времени своего возведения — периоду расцвета русского стиля в его официально-академическом направлении. Строгая симметрия, геометрическая точность узоров, правильные пропорции и пунктуальность элементов декора кирпичной кладки передают серьёзность, красоту и достоинство.

Несколько иное восприятие формирует дом А. С. Конева. Это одно из наиболее узнаваемых зданий досоветской Перми, оно расположено на углу улиц Пушкина и Сибирской (ул. Пушкина, 17), напротив главного корпуса Педагогического университета. Прощение Конева отличается тем, что составлено на именном типографском бланке: «10 июля 1902 г. В Пермскую городскую управу Инженера-электрика Александра Степановича Конева Прощение. Препровождая при сём проект в 2 экземплярах на постройку каменного двухэтажного с подвалом дома на моём усадебном месте, находящемся в 1 ч[асти] города Перми на углу Сибирской и Б.-Ямской улиц, имею честь покорнейше просить Городскую Управу разрешить мне произвести означенную постройку по прилагаемому проекту. Инженер-электрик А. Конева» [5, Л. 92]. Чертеж Прощения включает фасад по Сибирской улице, фасад по Б. Ямской улице, I этаж, II этаж, подвальный этаж, два разреза, план части г. Перми и план усадьбы [5, Л. 93]. В отличие от владения И. М. Соколова, дом А. С. Конева не производит впечатление массивного строения, его формы олицетворяют стремление к прекрасному без нарочитой грубости, а венцом является эркер второго этажа с башенкой и шпилем. Интересно, что, согласно проекту, башня эркера не планировалась как наивысшая часть дома; кровля и часть фасада по ул. Большой Ямской (ул. Пушкина) в чертеже выглядят иначе, но в остальном дом А. С. Конева хорошо сохранился за минувшее время.

Пример строительства здания производственного назначения иллюстрирует строение на ул. Монастырской, 3 а, вблизи ж/д вокзала Пермь I. Проект предполагал реконструкцию помещения конторы и интересен тем, что, несмотря на использование кирпича в качестве материала, был заявлен в документах как временный. «Июня 26 дня 1902 г. В Пермскую Городскую Управу Торговый дом Ф. и Г. Бр[атья] Каменские представляя при сём в Городскую Управу проект о расширении внутреннего помещения конторы верхней пристани каменным двух-этажным временным пристроем имеет честь покорнейше просить Городскую Управу сделать зависящее распоряжение о дозволении производства работ представляемого проекта на городском усадебном месте с тем, что постройка будет временная,

и в случае требования городской управы будет немедленно убрана. Управляющий [печатать и подпись]» [5, Л. 61]. «Резолюция. Пермская Городская Управа определяет сделать на представленном на утверждение плане надпись, что со стороны Городской Управы не имеется препятствия к возведению на береговом городском месте, арендуемом торговым домом бр. Каменских на условиях, изложенных в заявлении управляющего торг. Дома Каменских от 26 июня 1902 г. за № 2456. Июня 28 дня 1902 г. Городской голова [подпись] Члены [три подписи] Городской архитектор [подпись]» [5, Л. 61 об.]. «Проект на расширение контуры при складе торгового дома Братьев Каменских на берегу реки Камы в 1-й части г. Перми временным каменным пристроем» отличается несколько упрощенным чертежом, в котором совмещены планы участка и сегмента городской карты [5, Л. 62].

Как было отмечено, проекты строительства производственных сооружений и ограниченной реконструкции зданий малочисленны в сравнении с другими типами Прошений. К числу первых можно отнести совмещенную заявку на строительство дома, флигеля и кузницы жены обывателя Нытвенского завода Н. И. Бакалдиной [4, Л. 130]. Ко вторым — заявление пермского мещанина В. И. Яблокова: «...перекрыть крышу железом на существующих деревянных службах, ...сделать каменное крыльцо к таковому же существующему дому и каменный-же жилой пристрой к существующим деревянным флигелям, 1902 г. мая 28 дня» [5, Л. 16], заявление вдовы пермского купца П. С. Бушуевой: «...имею честь покорнейше просить Городскую Управу разрешить мне пробить окна в подвальном этаже» [6, Л. 243], и заявление запасного рядового Я. А. Сорокина: «При сём имею честь представить проект с копией на постройку вновь каменного ледника, в веру с сушилом для белья, и к существующим службам — каменного брантмауера, на месте мне принадлежащем во 2-й части города Перми по Пермской улице, покорнейше прошу Городскую Управу проект рассмотреть, утвердить и выдать мне для руководства при производстве работ. Октября 14 дня 1895 г.» [7, Л. 301].

Очевидно, что не все частные ремонтные работы в городе проходили через инстанцию одобрения управы. По всей видимости, это касалась лишь тех зданий, чей фасад был обращён к улице и непосредственно граничил с «городским местом», т.е. землей, принадлежащей муниципалитету, например с тротуарами и проезжей частью.

В целом документы о строительстве однообразны по форме, схожи по содержанию и отражают чёткость и последовательность многолетней бюрократической процедуры, её рутинную, но необходимую и адекватную работу. В качестве исключения можно привести совершенно нетипичный документ, обнаруженный среди Прошений 1895 г., представляющий собой записку-кляузу, датированную 22 февраля: «В Пермскую городскую управу Просьба. Мне и моему соседу нужно было поставить на своём дворе 2-х саженный навес и 2-му поправить крышу на флигеле. Мы обращались словесно в Управу, просили позволения. На что мне, и как сосед мой передает, обоим отказали. Говорят: “Ставь каменную стену”, и другому: “Совсем сломать”. Между тем наше бедное положение и средства

не позволяют исполнить требование плановщика. Но как богатому эдакому, как кузнецу Елькину, всё позволяют делать. Он поставил чуть не на дороге Сибирского тракта в 2-ух саженьях лавку и огородил её с двух сторон и без всякого позволения Управы и плановщика. Поэтому мы просим Управу назначить экспертов осмотреть эту постройку насколько она правильно построена и также сосед наш Ширинкин, прозвище ему обезьяна, он также выделил у флигеля низ окна в ½ ар[шина] и в дворе кругом поставил навесы. Это Управа из виду отпустила, если на всё строго обращать внимание» [7, Л. 261, 262]. Судя по следующим документам дела, изложенный сюжет не имел развития, за исключением краткой пометы на самой записке с резолюцией служащего управы: «прошу рассмотреть».

Важно напомнить, что выводы, сделанные по итогам обзора Прошений частных лиц о строительстве в Пермскую городскую управу, дают лишь ограниченное представление об архитектуре города на рубеже XIX–XX веков, но упомянутые в статье архивные материалы, безусловно, служат одним из наиболее ценных и достоверных источников по этой теме. Ключевая специфика данного источника заключается в том, что он представляет собой лишь намерение в виде проектной документации, а степень его реализации остаётся за рамками документов фонда.

Перечислим ряд черт, которые имеют системный характер в Прошениях и характеризуют частное домостроение досоветской Перми. В вопросе этажности городские строения ограничивались одним или двумя жилыми этажами, которые могли быть дополнены цокольным (подвальным) этажом. Мансардные окна, встречающиеся в редких проектах особняков, судя по планам этих зданий, не предполагали жилого мансардного этажа. Среди используемых материалов доминировала древесина, в т.ч. за счёт весьма распространенного варианта конструкции одноэтажного кирпичного дома путём надстройки второго этажа.

Деревянное домостроение города можно описать как однообразное и типовое. В проектах редко встречается индивидуальный декор (например, резные наличники). Отсутствие элементов деревянного зодчества может объясняться тем, что они не включались в исходный проект, но устанавливались на этапе строительства. Попытка отыскать сохранившиеся до наших дней постройки из древесины среди случайной выборки не увенчалась успехом.

Кирпичное домостроение характеризуется куда большим разнообразием в отношении архитектурного стиля, форм и декора фасадов, который часто создавался с помощью фигурной кладки кирпича. В ряде проектов отчетливо прослеживается стремление «выделиться из толпы» за счёт изящных и практичных архитектурных форм, детализированного узора фасадной кладки и соответствия архитектурным стилям.

Исследователям, чьей задачей будет поиск чертежа и установление принадлежности здания досоветской постройки в хронологических рамках 1873–1915, также имеет смысл проверить содержание коллекций чертежей краевого архива из фондов № 716 и № 279. В них содержатся чертежи земских учреждений, промышленных предприятий, присутственных мест и многое другое.

Однако, предполагая, что интересующее здание было построено частным владельцем, в первую очередь следует открыть документы фонда Пермской городской управы.

Предвидя потенциально высокий практический интерес к данному вопросу, целесообразно привести полный список архивных дел с материалами Прошений и уточнённой датировкой (составленной по результатам просмотра дел и архивной описи фонда):

№ дела	Даты документов (годы)	№ дела	Даты документов	№ дела	Даты документов	№ дела	Даты документов
12	1873 .	37	1883–1884	79	1894	124а	1901
17	1874	47	1886–1888,	84	1895	129	1902
18	1874	47а	1886–1888	85	1895–1896	129а	1902
22	1877	48	1886–1900	88	1896–1897	158	1905–1906
22а	1877	65	1890–1891	88а	1896–1897	164	1906 г.
23	1878	65а	1890–1891	95	1897–1898	184	1908–1915
24	1878	72	1891–1892	105	1898–1899	283	1914
36	1883	74	1892–1893	118	1900	474	1908
36а	1883	75	1892–1900	123	1901–1909	491	1914
366	1883	78	1893–1894	124	1901		

Табл. 1. Прошения частных лиц в Пермскую городскую управу по вопросам строительства, реконструкции зданий и сооружений // Государственный архив Пермского края. Фонд 35. Опись 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Единая государственная архивная информационная система Пермского края «Архивы Прикамья». URL: <https://archives.permkrai.ru/> (дата обращения: 13.09.23).
2. Очарование исторического центра Перми... / Сообщество «Архивный поиск // Пермь». URL: <https://vk.com/history.perm> (дата обращения: 13.09.23).
3. Сервис «Яндекс Карты». URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 13.09.23).
4. Планы, чертежи постройки домов г. Перми. 1890–1891 гг. // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65а.
5. Заявления частных лиц на постройку домов и планы этих домов. 1902 г. // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 129 а.
6. Заявления частных лиц на постройку домов и планы этих домов. 1902 г. // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 129.
7. Заявления частных лиц на строительство домов и планы этих домов, т. 1 1895 г. // ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 84.

В.Ф.ГЛАДЫШЕВ

*Председатель Пермского общества краеведения,
член Союза писателей России*

«ГРАД ПЕРМСКИЙ НЕ ЗАБУДЕТ...» О СУДЬБЕ АРХИЕРЕЙСКОГО КЛАДБИЩА¹

Аннотация. Рассматривается история разрушения одного из старейших некрополей губернского города Пермь в советский период, приводятся документы, определившие судьбу архиерейского кладбища, показано участие в деконструкции памятного места курсантов и руководства пермской авиационной школы. Ставится вопрос о комплексной реновации территории бывшего кладбища, на месте которого до 2023 года размещался зоосад.

Ключевые слова. Архиерейское кладбище, Егошихинское кладбище, Архиерейский квартал Перми, Пермские некрополи, пермская авиационная школа.

V.F. GLADYSHEV

*Chairman of the Perm Society of Local Lore,
the Union of Writers of Russia member*

“THE CITY OF PERM WILL NOT FORGET...” ABOUT THE FATE OF THE BISHOP’S CEMETERY

Abstract. The history of one of the oldest necropolises of the provincial city Perm destruction during the Soviet period is considered, documents that determined the fate of the bishop's cemetery are presented, and the participation Perm's aviation school cadets in the deconstruction of the memorial site is shown. The question is being raised about a comprehensive renovation of the territory of the former cemetery, which until 2023 was occupied by a zoo.

Keywords. Bishop's Cemetery, Yegoshikha Cemetery, Bishop's Quarter of Perm, Perm necropolises, Perm aviation school.

Небольшая предыстория. Строительство комплекса Спасо-Преображенского мужского ставропигиального монастыря на Слудской горе в Перми началось в 1793 году. С учреждением в 1799 году самостоятельной Пермской епархии комплекс построек монастыря передан для размещения Архиерейского дома. На территории квартала, расположенного между улицами Окулова (быв. Набережной) и Монастырской, Комсомольским проспектом (Кунгурской) и Газеты «Звезда» (Оханской), находятся четыре архиерейских корпуса. В них размещались квартиры для певчих и служащих, летний архиерейский дом, оранжерея и кладбище Архиерейского дома (ныне — территория зоосада). Две постройки, собор и дом архиерея — объекты культурного наследия федерального значения.

В буклете-путеводителе по пермскому зоосаду можно прочитать такую фразу: «...В 1932 г. зоосад переехал на территорию бывшего соборного сада по ул. Орджоникидзе, 10, где и располагается до сих пор...».

¹ Статья публикуется в авторской редакции

Про Архиерейское кладбище — ни слова. Между тем уже много десятилетий клетки зверей находятся на могилах... И только в 2023 г. начат перевод зоосада на новое место дислокации.

Поучительная история того, как принималось решение об уничтожении старинного кладбища. Из протокола заседания президиума горсовета от 6 апреля 1931 г. мы узнаем, что зоопарк (первоначально — зооуголок музея) собирались перевести на другое — Егошихинское кладбище. Члены президиума под председательством тов. Сидорова заслушали приглашенного тов. Гурьева (музей) по вопросу «о переводе зоопарка». Постановили:

«1. В выборе места для переноса зоопарка ориентироваться на Ягошиху (так писалось в то время название «Егошиха» — В.Г.)

2. При переводе зоопарка расходы возложить на авиашколу.

3. Просить горпрофсовет о вовлечении организаций и рабочих в дело перевода зоопарка... » [1].

Почему в документе фигурирует авиашкола, необходимо пояснить. Только что созданная, она должна была расширяться, ей нужны были площади, да и курсанты всегда были подходящей рабсилой.

В последующие месяцы того же 1931 г. городские власти еще не раз возвращались к вопросу о зоопарке. В одном из распоряжений было конкретизировано место его расположения: власти собирались перенести зоопарк на территорию «магометанского и воинского кладбища».

Кончилось дело тем... чем кончилось: Пермь стала притчей во языцех, разместив на могилах исторического некрополя в центре города звериные клетки. Видимо, это был тот случай, когда «руки чесались» у пермских начальников. Ими овладело страстное желание быстрее доложить наверх и отличиться. Ведь не прошло и трех месяцев после апрельского заседания «большого президиума» горсовета, как его члены принимают решение о срочном перемещении зоосада на Архиерейское кладбище. Егошихинское все же находилось несколько на отшибе, в уединенном месте, а архиерейское — в самом центре города, оно привлекало внимание, «мозолило» глаза высоким гостям.

Операция по уничтожению Архиерейского кладбища (благодаря чему уцелело Егошихинское) была проведена молниеносно, чисто по-большевистски. Думается, одним из привлекательных моментов для власть имущих было то, что хотелось «прозвучать» посылнее: «уж если музыка, так барабан». Ударить по самому заметному. В Москве взорвали храм Христа спасителя. В Перми — взорвали Воскресенскую церковь, уничтожили центральное кладбище.

Вместе с кладбищем большевики хотели снести и бывший Кафедральный собор. В данном направлении инициативу развивали не столько местная власть, сколько начальство из Свердловска, который в то время был столицей Уральской области. Вопрос обсуждался на Президиуме ВЦИК 10 июня 1932 г.:

«...Слушали: Постановление Президиума Уральского облисполкома от 23 ноября 1930 г. «О ликвидации кафедрального собора в г. Перми.»

Постановили: Постановление Уральского облисполкома утвердить, указанный собор ликвидировать.

И.О. секретаря ВЦИК Н. Новиков». [2].

По помещений катастрофически не хватало, о чем свидетельствует и длительная переписка, тяжба пермских властей с Наркомпросом по поводу перевода музея в связи с открытием в Перми школы военной авиации. В итоге от взрыва собора отказались, ограничились «малым»: ликвидацией некрополя. Собор планировали сначала приспособить под планетарий, потом отдали под галерею, которая разместилась здесь в 1932 г., а архиерейский дом передали краеведческому музею.

В архиве Пермской художественной галереи, в фонде Н. Н. Серебренникова, хранятся негативы снимков, на которых запечатлен ударный труд курсантов авиашколы по «расчистке старого кладбища». Руками рожденных летать (среди которых был и будущий ас, трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин) власти расправлялись с «пережитками прошлого». Отказаться было нельзя, потому что люди военные, приказ есть приказ. Да и отношение к старине, к памяти у тогдашних комсомольцев было, как известно, довольно поверхностным и критичным, в духе времени. В постановлении горсовета были такие слова: «...Обязать тов. Кэсюла² оказать содействие по приспособлению площади под зоопарк».

На другом заседании, от 26 июля 1931 г. члены «Большого Президиума» горсовета обсудили и утвердили пункт «Об обеспечении работ по срочному перемещению зоосада на новую территорию усадьбы музея (бывшее кладбище). Работы велись методом ударной народной стройки. Администрации музея предписывалось в двухдневный срок спланировать размещение зоосада, спроектировать устройство павильона для животных. Сроки: за 10 дней произвести основную постройку и в 5-дневный срок сделать кладку кирпичных стен барьеров для хищников. Стройматериалы поставляли Уралснабсбыт, горкомхоз, завод Красный Октябрь и Ураллес. Причем директору лесозавода сделали маленькое послабление: 30 кубометров пиломатериала он мог выделить на срочные незапланированные нужды «главным образом из брака и отходов» [3].

Приспособили. Каменные надгробия разламывали на части, увозили на стройки. Сохранились сведения, что памятники с архиерейского кладбища использовались при возведении одного из корпусов областной больницы. Надгробия из дорогих пород, мрамора советские коммунальщики решили приберечь, с тем, чтобы дать им потом «вторую жизнь». Смешно сказать, но, благодаря большевистской «рачительности» сохранился красивый обелиск из черного мрамора с могилы Е. И. Мешковой, матери известного пароходчика и мецената. Этот памятник, довольно внушительных размеров, был использован для «увековечения памяти» видного советского руководителя, бывшего чекиста М. П. Овчинникова, похороненного в 1934 г. на Егошихинском кладбище. С другой надписью, разумеется. Несколько надгробий сохранились в двориках двухэтажных домов, бывших архиерейских корпусов по ул. Окулова.

² Антон Кэсюла, бригадный комиссар, начальник пермской авиашколы был репрессирован в годы сталинских репрессий, умер после 1957 г.

Но и после закрытия кладбища на протяжении многих лет верующие приходили на место бывшего кладбища, поминали своих предков и православных пастырей³.

В 1946 г., после окончания Великой отечественной войны, группа верующих ходатайствовала об открытии Спасо-Преображенского собора. Художественная галерея «жила» в этом здании на тот момент всего 14 лет. Победоносное завершение войны, изменение отношения к церкви посеяли некоторые надежды в душах православных. Однако спустя год ходоки получили на свое обращение бумагу с обычным бюрократическим отказом за подписью и.о. председателя исполкома Молотовского горсовета М. Мухина. Уполномоченный совета по делам русской православной церкви (появились тогда такие органы при Совете министров СССР) П. Горбунов вынужден был предметно заниматься вопросом, и основания для отказа он нашел веские. Все здания заняты, используются во благо населения нужными организациями и учреждениями (галерея, музей, зоопарк; бывшие архиерейские корпуса приспособлены под квартиры рабочих и служащих, в восточной части на бывшем кладбище — склад воинской части и гараж). В конце справки уполномоченный приводит, на его взгляд, самое главное доказательство того, что просьбу граждан можно оставить без дальнейшего хода:

«...Особой настойчивости восстановления и открытия собора со стороны верующих нет, кроме отдельных монахинь». 24 февраля 1947 г. [4].

Бывший архиерейский квартал входит в состав объекта археологического наследия «Пермь губернская, поселение». В соответствии с «Проектом зон охраны культурного наследия», утвержденным решением Пермской городской Думы от 16.11.2004 г. № 151 территория квартала целиком, а также территория склона горы Слудка до железнодорожных путей отнесены к охранной зоне объектов культурного наследия. Градостроительными регламентами на территории таких зон разрешаются только работы, связанные с сохранением и восстановлением исторической планировки территории, зданий, сооружений, формирующих историческую среду и окружение памятников. Запрещается всякое строительство, за исключением одной ситуации: если это строительство специально направлено на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия. Так гласит ст. 34 Закона РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Иногда в печати встречается не совсем точное и корректное определение, что архиерейское кладбище — чуть ли не главное и «престижное» в Перми — губернской столице, потому что здесь хоронили губернаторов, епископов, именитых и состоятельных людей. При жизни первого пермского летописца священника Г. Сапожникова, примерно в первые полвека существования некрополя, так оно и было.

Но кладбище существовало больше 120 лет, с начала XIX в. и до середины 1920-х гг. В летописи Сапожникова сделано примечание: «в ограде бывшего монастыря, далее к востоку от собора и могилы Пресвященного (Иоанна — В.Г.), погребены и погребаются многие лица, известные своими заслугами и положением в обществе».

³ На основе воспоминаний потомков автором этих строк составлен план расположения могил почти двух десятков пермяков, похороненных на этом кладбище.

Затем, однако, положение изменилось, в силу объективных обстоятельств. Епископов, конечно, хоронили, возле кафедрального собора. Но из всех 26 губернаторов дореволюционной поры покоился здесь лишь один (В. А. Енакиев), а что касается именитых и состоятельных, то в этом отношении — никакого различия, таковых хоронили и там, и там. Участников Отечественной войны 1812 г. больше всего хоронили на городском кладбище у Егошихи и Стикса. Могилы градоначальников, городских голов и почти всех крупных купцов, предпринимателей мы более всего находим также на Егошихинском. Семейные участки немногих пермских представителей аристократии (княгиня Максимова, барон Медем) находятся у храма Всех Святых. Членов местного «думающего класса», интеллигенцию, чаще хоронили над Стиксом, поскольку там было общее, разноконфессиональное кладбище; там специально выделены национальные участки. На Егошихинском кладбище упокоились и писатели, и живописцы, и, конечно, самые известные зодчие — Р. И. Карвовский, А. Б. Турчевич, В. В. Попатенко, А. И. Ожегов. Нужно учесть, что Егошихинский некрополь действовал почти на полвека дольше архиерейского, а площади последнего были ограничены. По карте духовного квартала видно, что для церковного погоста (№ 27) и кладбища (№ 28) отведена примерно треть всего участка, между собором и архиерейским садом с беседкой.

Нельзя не отметить крайне полезную деятельность, которую развернул в начале 2000-х гг. епископ Пермский и Соликамский Иринарх. Собственно, он продолжил линию своего предшественника Свщм Андроника Пермского, трагическая гибель которого не позволила довести благоустройство данного кладбища до логического завершения. Владыка Иринарх не раз проводил и панихиды, и пресс-конференции, посвященные судьбе духовного квартала и архиерейского кладбища. 21 июня 2004 г. владыка совершил панихиду по всем захороненным прямо на бывшем кладбище, на территории нынешнего зоосада. Позиция епископа по данному вопросу была четкой и неизменной:

«Это место объявлено духовным кварталом. Здесь находилось кладбище почетных граждан Пермского края. Тех самых граждан, останки которых там лежат, а их кровь течет в жилах пермяков. Обязанность потомков — почтить останки своих предков. Как Пушкин говорил: «любовь к отеческим гробам». А у нас постоянно шло надругательство над отеческими гробами весь советский период... Кладбище должно быть восстановлено. Восстановить каждую могилу сейчас невозможно, если что-то найдем — восстановим. Надо установить общий памятник, у которого будут совершаться панихиды. Студенты духовного училища обязательно начинают учебный год, и завершают его молитвой о всех учивших и учившихся, то есть за тех, кто был до нас и наследниками кого мы являемся. А также есть родительские субботы, особое поминовение усопших, когда творится особая молитва. Это должно происходить у памятника...»⁴

Владыка выражал уверенность в том, что «пока он на Пермской кафедре — ни один бизнесмен на эту территорию не войдет». Так оно и было. В частности, в середине «нулевых» православной епархии при поддержке общественности,

⁴ Запись пресс-конференции Владыки Иринарха сделана автором статьи.

градозащитников удалось пресечь попытку строительства многоэтажного отеля, когда предприимчивые бизнесмены хотели «отхватить» изрядный участок территории данного квартала⁵ (ближе к ул. Газеты «Звезда»).

В дискуссиях и коллективных размышлениях прошло еще несколько лет. В 2023 году была начата разработка проекта по благоустройству территории квартала после того, как переседет зоопарк. Прозвучало несколько предложений. Более популярна, судя по всему, идея установки общей стелы или обелиска со списками всех, кто был здесь похоронен. Наиболее полные списки опубликованы в справочнике «Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора», выпущенного председателем общества «Арабеск» Е. Субботиным в 2012 г. на грант краевого конкурса общественных и гражданских инициатив. Количество персоналий в этом издании доведено авторами до 478 [5].

Нельзя оставить без внимания несколько весьма спорных утверждений, сделанных уважаемым автором вступительной статьи к данному справочнику-указателю. В целом издание это, конечно, полезное, нужное. Но нам кажется излишне самонадеянным утверждение Е. Субботина о том, что «в наши дни не было попыток продолжить дело, начатое Голубцовым» (дореволюционным генеалогом). Задолго до выхода этого указателя вышел в свет справочник «Некрополи Перми» (изд-во «Ладонь», 2008), в котором в разделе, посвященном Архиерейскому некрополю, приведено более десятка захоронений, появившихся на данном кладбище уже в после-голубцовский период, в советские годы. А в 2012 году журнал «Мы – земляки» на протяжении всего года публиковал очерки В. Гладышева, посвященные истории этого некрополя и судьбам замечательных пермяков, похороненных здесь.

К разработке будущего мемориала были привлечены художники, историки, активные сограждане, а также прихожане и потомки тех, кто здесь был похоронен. Известный скульптор Рустам Исмагилов взялся за создание пластического образа мемориального знака. Свой проект он не случайно назвал «Время собирать камни». В авторской концепции, предложенной для обсуждения, Рустам, в частности, полагал, что нужно объединить в выразительную композицию остатки надгробий, которые удалось сохранить или откопать в культурном слое некрополя. Скульптор пришел к такому выводу: *«Цель проекта — создание современного объекта монументального искусства. Требуется органично вписать его в имеющуюся архитектурную и природную среду объекта культурного наследия регионального значения, в будущий сквер, учитывая религиозную и светскую составляющую данного места. Основная концепция проекта заключается в частичном использовании материалов, найденных на территории Архиерейского подворья. Так же есть идея использования частей решёток вольеров. Таким образом можно объединить две истории этого места»* [6].

Нужно отдать дань памяти и уважения людям, которые были похоронены на архиерейском кладбище, чьи надгробия были порушены, а память поругана. В этом стремлении сходятся представители пермского общества.

⁵ Об этом конфликте см. публикации, комментарии в пермских СМИ, в том числе [8].

Все это время, пока шло обсуждение давно назревшей проблемы, продолжалась кропотливая исследовательская работа. Стали известны еще несколько фамилий тех, кто был предан земле на Архиерейском кладбище. Обнаружены интересные факты из биографий наших сограждан, выразительные эпитафии, потрясающие судьбы. Лейтмотивом многих эпитафий проходит надежда на то, что благодарный «град пермский» не забудет заслуг данного человека.

Хочется привести здесь поэтическое посвящение, написанное в честь священника Михаила Протасова. Автором эпитафии является иеромонах Сергей Мармарисов:

*Сия смиренная могила
Под металлической плитой
Хранит останки Михаила
Протопресвитера святой
Обители соборной Пермской,
Магистра высших всех наук,
Кто в должности миссионерской
С отцовской щедростью рук
На проповеди Божьего слова
Трудился не щадя себя.
И обращал заблудших снова,
Он ближних искренно любя,
Благотворил всегда, но сам
Не собрал золота и серебра.
И вот он мирно спит в могиле
Соделав множества добра.
За истину он подвизался
И тихо праведно скончался:
Самим он Господом избран
В селения небесных стран.
Его град Пермский не забудет.*

10 июля 1857 г.

(Цит. по «Тетради» В. В. Голубцова).

Удалось атрибутировать одно из самых монументальных надгробий, проходившее под названием «Христос на скале». Трехметровый памятник представлял собой величественную чугунную скульптуру Спасителя, установленную на огромный цельный валун. Подтвердилось наше предположение о том, что сама фигура представляла собой чугунную отливку популярного в те годы произведения каслинского литья, только увеличенную. Создана статуэтка, как гласит подпись к почтовой открытке с таким же образом, по мотивам картины И. Келлера. Небольшого размера отливки скульптуры, каслинский «ширпотреб», можно сегодня увидеть в нескольких музеях Прикамья.

Много лет я пытался найти фамилию того, кому был поставлен в Перми этот памятник. Увы, эпитафия была сбита еще в период Гражданской войны, на фотографии можно разглядеть лишь пустую нишу для иконки и лампы, а с другой стороны — эмблему с перекрещенными молоточками, символ принадлежности к горному делу. Благодаря воспоминаниям одного из выпускников Пермской духовной семинарии, опубликованным недавно государственным архивом Пермского края, стала известна фамилия человека, память которого была увековечена таким грандиозным надгробием. В интереснейших мемуарах бывшего семинариста, свердловского краеведа В. А. Игнатъева (1887–1971) «Старая Пермь» читаем: *«...Эта гора (Слудская — В.Г.) памятна мне двумя событиями, характерными для старой Перми. Первое событие связано было с установкой надгробного памятника заводчику, уже захудалому в то время, Демидову, похороненному на кладбище Кафедрального собора. По этой горе подвозили к кладбищу громадную глыбу гранита, привезённую на железнодорожной платформе. Зрелище было редкостное: глыба была положена на громадные дровни, и длинная вереница лошадей, парами пристёгнутых к длинному канату, должна была волочить эти дровни в гору. Главное затруднение было в том, что нужно было организовать лошадей в согласованное ритмичное напряжение сил. Что было: крики, свист, взмахи кнутов и то, во что верит русский человек, как в магическую силу: безобразное ругательство, позорящее русского человека на весь божий свет. Старания не пропали даром. Победа была одержана, победили деньги...»* (Второе событие, которое описывает мемуарист — это похороны погибшего на фронте юного прапорщика Константина Кобыяка, сына известного пермского изобретателя).

Кто такой этот Демидов, за что такая честь? О личности пермского купца Демидова Петра Демидовича (ок. 1833–1902) известно немного. А что известно? Что магнатом и горнозаводчиком он не являлся. Но однажды бывший простой обыватель, в недавнем прошлом солдат, вдруг сказочно разбогател. Приобрел недвижимость, получив кругленькую сумму в наследство после смерти в Италии одного из богатых представителей этой знаменитой фамилии. Степень родства двух Демидовых пока не удалось установить точно, но Петр Демидович сумел с умом распорядиться свалившимся на его голову богатством. В Перми у него было два магазина на Покровской улице (эти два здания на углу с ул. Газеты «Звезда» сохранились до наших времен). Однако главное в том, что этот купец в течение 25 лет (!) состоял церковным старостой семинарской церкви. И немало способствовал украшению сего храма [7].

Так появился в Перми самый величественный монумент, возвышавшийся над оградой архиерейского некрополя. Христа было видно издалека, со многих точек обзора. На гранитном его постаменте, «скале», можно было разглядеть выбоины от пуль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Документ впервые опубликован в: Гладышев В. Ф. Перми старинное зеркало: История Перми в зеркале некрополя. Пермь: Раритет, 2001. 175 с.
2. Гладышев В. Ф. Перми старинное зеркало: История Перми в зеркале некрополя. Пермь: Раритет, 2001. С. 160.
3. Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 690. Оп. 1. Д. 59.
4. ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 53.
5. Почти половину этого количества составляют памятники, описанные в: Голубцов В. В. Пермский некрополь. Пермь: Реал, 2002. 179 с. Издание было подготовлено историком Л. С. Рафиенко. Поэтому несколько странным представляется тот факт, что у коллективного издания 2012 г. в авторах указан только один человек.
6. Личный архив автора.
7. Выражаю благодарность архивисту В. Г. Бояршинову, который помог мне познакомиться с труднодоступными источниками: Чествование ктитора церкви Пермской духовной семинарии Петра Демидовича Демидова // Пермские епархиальные ведомости». 1899. № 22 (16 ноября) (отдел неофициальный); Пётр Демидович Демидов. Некролог // Пермские епархиальные ведомости. 1902. № 43 (16 ноября) (отдел неофициальный).
8. Гладышев В. Битва за квартал № 2 // Пермские новости. 2005. 26 августа.

300 ЛЕТ ПЕРМИ В ПРОЕКТАХ МУЗЕЕВ И БИБЛИОТЕК

УДК 069.01

Т.П. Вострикова

Пермский краеведческий музей

ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД В МУЗЕЙНЫХ ПРОЕКТАХ И ПРАКТИКАХ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ, ТУРИСТИЧЕСКИЕ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье представлен «музейный» взгляд на проблематику пермского периода. Показан потенциал и перспективы развития этой темы с появлением в Перми музея «Пермский период», будущего филиала Пермского краеведческого музея.

Ключевые слова. Наследие; палеонтология; пермский период; музей; туризм.

T.P. VOSTRIKOVA

Perm Museum of Local Lore

PERM PERIOD IN MUSEUM PROJECTS AND PRACTICES: OPPORTUNITIES FOR TOURISM, RESEARCH AND INVESTMENT

Abstract. The article presents a “museum” look at the problem of the Permian period in museum projects. The author analyzes the potential and prospects for the development of this issue with the creation of the Permian Period Museum, the future branch of the Perm Museum of Local Lore.

Keywords. Heritage; paleontology; Permian period; museum; tourism.

«Пермь — она и в Африке пермь» — выражение учёного-палеонтолога, руководителя раскопок на Очёрском местонахождении пермских звероящеров П. К. Чудинова, ставшее крылатым благодаря метафоричности и весомости сказанного: пермский период как время, в течение которого накапливались породы пермской системы, был на всей планете Земля, а местонахождения пермской системы узнаваемы на всех континентах.

Открытый в России в 1841 году шотландским геологом Родериком Мурчисоном пермский геологический период получил название по месту открытия, став единственным, имеющим русское название в Международной геохронологической шкале.

Он есть во всех геохронологических шкалах и включен во все школьные учебники мира. Экспонаты пермского периода представлены в музеях естественной истории Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Франкфурта, Новой Зеландии, Канады, США. Сегодня исследования пермского периода помогают найти ответы на глобальные

вызовы современности: сокращение биоразнообразия, изменение климата. Использует ли край и город возможности, связанные с пермским периодом? На первый взгляд, это словосочетание прочно укоренилось в культурном поле Перми. Пермским периодом называют фестивали, проекты, мероприятия [1].

Он стал одним из популярных образов города, наряду с другими, определяющими пермское как особенное: пермский балет, пермские боги, пермские пушки, пермская нефть и мн. др. Но при активном использовании в названии развлекательных мероприятий пермский период остается мало связанным с тем содержанием, которое могло бы закрепить его за Пермью в условиях научно-исследовательской, туристической и иной «распаковки» [2, 3].

Подробнее хотелось бы остановиться на возможностях, которые появляются у Пермского краеведческого музея в продвижении темы пермского периода в культурное пространство края, России, мира.

В структуре Пермского краеведческого музея с 2011 года существует Музей пермских древностей. Он начал работу в ходе пермской культурной революции как временная выставка на железнодорожном вокзале станции «Пермь I» (23 августа — 15 октября 2010 г.). Ее посетили более 50 000 человек, продемонстрировав социальный заказ на естественно-научный музей в Перми [4].

Музей продолжает оставаться невероятно популярным по нескольким причинам: использует естественный детский интерес к палеонтологии и теме динозавров, имеет статус «места, обязательного к посещению» для гостей региона, организует единственную в России детскую палеонтологическую конференцию, в которой участвуют ежегодно более 500 детей, проводит комплексную научную экспедицию по исследованию местонахождения трогонтериевого слона в Оханском районе, подтверждая тот факт, что Пермский краеведческий музей — один из немногих, кто ведёт системные раскопки в регионе, сотрудничая с ведущими институтами РАН [5].

Музей признан в профессиональном сообществе центром инновационных подходов к интерпретации палеонтологического и геологического наследия, естественно-научных коллекций, адаптации экологических подходов к музейным смыслам и практикам.

За период работы над Музеем пермских древностей (с 2010 г. по настоящее время) команда проекта (Н. В. Афанасьева, Ю. В. Глазырина, Л. В. Жужгова, М. А. Колесник, Е. Р. Мельников, С. Л. Островский и др.) убедилась в том, что геологическое и палеонтологическое наследие нашего региона имеет огромный потенциал. Это открывает возможности для формирования экологического сознания современного человека, воспитания новых ценностных ориентиров, а для развития региона пермский период — это основа благосостояния: соли, нефть и другие полезные ископаемые, туристические природные объекты (скалы, пещеры и т. д.).

Но сегодня пермский период можно увидеть только в небольшой экспозиции Музея пермских древностей, где на площади 450 кв.м представлены 1000 экспонатов палеонтологии и геологии. Он располагается в здании, предназначенном изначально

для служебного пользования, как фондохранение. При этом посещаемость музея остается высокой: до пандемии в 2019 году музей посетили 81 000 человек, после пандемии посещаемость восстановилась и в 2022 году составила 83 000 человек.

Видя такой спрос со стороны посетителей-горожан и туристов при ограниченной площади и большой музейной коллекции сектора естественно-исторических коллекций, осознавая мощную ресурсную базу и имея опыт музейной работы с палео- и геонаследием, команда Пермского краеведческого музея пришла к мысли, что необходимо создать новый музей под названием «Пермский период».

Сотни учёных по всему миру изучают пермский период: от Франции до Аргентины, от Австралии до США — десятки музеев рассказывают историю пермского периода. Поэтому создать всемирно известный музей на месте его открытия (не только в рамках города Перми, но и практически на месте существующих видимых отложений пермского периода) — амбициозная задача музейных сотрудников, власти, научного сообщества и друзей музея [6].

Музей — это идеальный способ фиксации и закрепления научных и общекультурных достижений, формат научной популяризации знаний, место для диалога и обсуждения разных научных проблем и вопросов. Музей обозначит на карте место «пермского периода», закрепит его в Пермском крае, позволит представить край на всероссийском уровне как регион с системной стратегией развития: от раскрытия природного потенциала к развитию человеческого капитала, позволит конструировать образ будущего Пермского края в глобальном мире, опираясь на естественно-научное и историко-культурное наследие региона, поможет человеку в осмыслении его отношения к окружающему миру.

В каких направлениях музей продолжит работать с темой геологического наследия? Сложившиеся партнёрские связи Пермского краеведческого музея с институтами РАН предполагают в перспективе масштабировать и вывести на системный уровень научное сотрудничество. Партнёрство с академической наукой у нас, регионального музея, сложилось на раскопках трогонтериевого слона в Оханском районе и длилось более 12 лет.

За время раскопок собрано около 80% скелета трогонтериевого слона, также найдены фрагменты скелета второго трогонтериевого слона и других млекопитающих: бизона, оленя, лося, лошади, хищного млекопитающего размерного класса лисицы, полевки. Так постепенно сформировался «научный конструктор», рассказывающий о том, какой была экосистема 200 000 лет назад.

Научный руководитель экспедиции — канд. биол. наук Е. Н. Машенко, старший научный сотрудник Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН (Москва) [7]. Чтобы укрепить выстроенные связи, необходимо продолжить совместную организацию научных экспедиций на паритетных началах и сохранить обмен научными данными, совместно готовить выставки, каталоги и научные издания, организовать аудит профильными специалистами уже существующих коллекций музея, атрибутировать предметы — сборы разных лет, продолжить проведение на базе музея учебно-научных практик, включая педагогические, проектные (в фондах

музея и в полевых условиях), развить сотрудничество при организации научных мероприятий для профессиональной взрослой и детской аудитории.

При проектировании нового пространства музея «Пермский период» мы закладываем возможности для открытия фондов музея для большего привлечения исследователей к естественно-историческим коллекциям, но не только представителей профессионального сообщества. Мы разделяем и поддерживаем идею гражданской науки, где движущая сила — это добровольцы, любители, непрофессионалы, которые через участие в музейных проектах вовлекаются в научные исследования.

К такого рода проектам гражданской науки можно отнести постановку исследовательских вопросов, разработку методов, сбор и анализ информации, распространение результатов и т. д. Чем Пермскому краеведческому музею, в частности Музею пермских древностей, могла бы помочь гражданская наука?

Например, в Музей пермских древностей часто обращаются за индивидуальными консультациями по определению окаменелостей, найденных на территории региона и за его пределами. В большинстве случаев это типовые запросы. Для того чтобы снизить нагрузку на сотрудников музея, можно сформировать команду волонтеров для обработки первичных запросов. В новом пространстве мы планируем организовать и открытую лабораторию по препарированию палеонтологических образцов: показать, что происходит с находкой с раскопа до момента, пока она появится в музейной витрине. Это будет открытая лаборатория, которая позволит продемонстрировать, как ведется процесс научного изучения и описания палеонтологических экспонатов.

Кроме того, остается не до конца раскрытым туристический потенциал пермского периода, который может помочь реализовать Пермский краеведческий музей. Практически вся природно-ландшафтная красота, за которой приезжает турист (скалы, отвесные берега, горы и холмы, пещеры), родом из пермского периода. Но не всегда на первый план выходит эта родственная связь.

Музей попытался собрать всё видимое присутствие пермского периода, с которым можно встретиться на улицах городов (где в облицовочной плитке из известняка запечатлено древнее пермское море), в туристических походах (камни-останцы на Уральских реках), в известных туристических объектах (Кунгурская ледяная пещера), в одном месте — в мобильном приложении в рамках грантового проекта «Открой пермский период!» (рук. Ю. В. Глазырина) [8]. Он был признан одним из лучших реализованных проектов XII конкурса программы «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Были созданы экскурсионные маршруты и мультимедийный гид — путеводитель для планшетных компьютеров и смартфонов, который можно было взять в музее (или скачать на свой планшет) и отправиться в путешествие по «живому музею» пермского периода в режиме реального времени. Мобильное приложение позволило увидеть пермский период за пределами музея и превратить всё окружение в пространство «обучающей повседневности». Авторы объединили устоявшиеся бренды и «неопознанные» объекты региона в единый зонтичный бренд «пермский

период». В рамках проекта было придумано четыре маршрута для самостоятельных путешествий по Пермскому краю, где авторы аккумулировали гео- и палеонаследие и попытались переложить его в туристический продукт: маршрут по городу.

Как разработчики, мы предлагали туристам и интересующимся горожанам найти в городе объекты, возраст которых почти 300 млн лет. Маршрут Пермь — Очер призвал путешественников проехать по следам звероящеров. На маршруте Пермь — Губаха «на горных лыжах по древнему морю» мы предлагали любителям зимних видов спорта обратить внимание на горы, по снежным склонам которых они катаются, и даже не задумываются, что спускаются по дну моря, возраст которого 300 млн лет. Маршрут в Кунгур на дно пермского моря предлагал сплавы по р. Сылве, где видно, как по берегам реки возвышаются рифы теплого пермского моря, заглянуть в Кунгурскую пещеру, которая промыта в породах пермского возраста и где живет рачок крангоникс Хлебникова — редкий вид, обитающий только на территории Пермского края. В каждом из маршрутов предлагалось посетить местные музеи.

Но комплексно о пермском периоде турист может узнать именно в Музее пермских древностей. Большая часть туристов (60%) — жители Пермского края, остальная часть (40%) — представители других территорий РФ — в основном из Удмуртии, Кировской и Свердловской областей. Представители сферы туризма активно сотрудничают с музеем в разных форматах. Туроператоры заказывают экскурсии и включают музейные площадки в туры «базового пакета».

Пока редко, но уже есть опыт, когда музей и туроператор совместно разрабатывают авторские эксклюзивные туры. Часто самостоятельные гиды обращаются в музей за консультациями при разработке своих продуктов.

Существует запрос на «палеонтологический» туризм, с которым активно работают музеи в Кирове, Кемерово. Активные предприниматели быстро сориентировались и попытались организовать туры на место раскопок. У коллег в Кемерово, например, выстроена целая туристическая инфраструктура на месте раскопок Шестаково — территории нахождения сибирских пситтакозавров.

Конечно, создание музея «Пермский период» позволит обеспечить системную интеграцию темы пермского периода в разработанную Стратегию развития туризма в Пермском крае до 2035 года для реализации инфраструктурных и событийных мероприятий.

Музей «Пермский период» откроет новые возможности в сотрудничестве с крупными предприятиями, работающими на ресурсах пермского геологического периода (предприятия по добыче соли, нефти, а также бальнеологические курорты). Пока у музея такого системного партнёрства нет. Есть удачный опыт взаимодействия с частными спонсорами на примере раскопок трогонтериевого слона.

Малый бизнес и креативные индустрии — это перспективное направление взаимодействия с партнерами, где источником вдохновения для новых товаров и услуг могут стать музейные коллекции. Но в целом мы понимаем, что вложения в создание нового музея приведет к повышению доходности не самого музея, а инфраструктуры вокруг него: гостиниц и хостелов, кафе и ресторанов, транспортных

компаний, туристических фирм, а значит, и улучшению инвестиционного климата в регионе в целом. Команда музея убеждена, что, развивая тему палеонтологического и геологического наследия, формирует привлекательный образ региона с мощной ресурсной базой.

Наконец, пермский период даёт музею дополнительные возможности для интерпретации; позволяет переместить акцент с палеонтологии на человека. В жизни многих был свой «пермский период», связанный с пребыванием в городе, и новый музей раскроет эту тему в своих экспозициях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожигибесов В. П. Пермский период — региональный бренд с международным приоритетом: зарождение, развитие, перспективы: сборник трудов конференции. // Образование и наука в современных реалиях: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 февр. 2018 г.) / Редкол.: О. Н. Широков [и др.] Чебоксары: Центр науч. сотруд. «Интерактив плюс», 2018. С. 29–30.
2. Глазырина Ю. В., Бузмаков С. А. Сохранение и использование геонаследия пермской системы на особо охраняемых природных территориях и в музейных коллекциях // Жизнь Земли. 2021. № 1. С. 77–99. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45412718> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Вострикова Т. П., Глазырина Ю. В., Мельников Е. Р., Меркушева Е. Н., Островский С. Л. Музей «Пермский период»: концепция, базовые принципы, стратегия развития // Эффективные стратегии развития естественнонаучного музея: материалы XII Всерос. конф. естественноисторических музеев Российского комитета Международного совета музеев (10–12 ноября 2021 года) / сост. В. С. Ионкина. М.: ГДМ, 2021. С. 12–14.
4. Вострикова Т. П., Глазырина Ю. В. Музей пермских древностей: опыт реализации музейного проекта // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2010. № 2 (14). С. 109–115.
5. Глазырина Ю. В., Вострикова Т. П., Островский С. Л. Музей пермских древностей: о вечном // Музей. 2013. № 9. С. 13–18; № 11. С. 53–55.
6. Музей «Пермский период». Концепция. Пермь: Перм. краевед. музей, 2022. 96 с.
7. Исследовательский проект «Трогонтериевый слон». URL: <https://museumperm.ru/project/9> (дата обращения: 15.10.2023).
8. Просветительский проект «Открой пермский период!». URL: <https://museumperm.ru/project/1> (дата обращения: 15.10.2023).

Е.В. ШЕСТАКОВА, С.Г. ШАВРИНА

*Государственный архив Пермского края,
Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АРХИВНЫЙ ПРОЕКТ «ПЕРМСКИЕ МИКРОРАЙОНЫ»: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье описывается опыт сотрудников Государственного архива Пермского края и Пермской государственной краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького по реализации сетевого просветительского проекта «Пермские микрорайоны», который является частью комплекса мероприятий VII городского исторического форума «Пермь – 300 лет в истории России». Проект был реализован в июне 2022 – июле 2023 г. Цель проекта – создание условий для привлечения внимания жителей Перми и Пермского края к истории г. Перми.

Ключевые слова. Проекты; социальные сети; библиотеки; архивы; электронные ресурсы; SMM-продвижение; пермские микрорайоны; территориальные органы местного самоуправления; краеведческая литература; история микрорайонов.

E.V. SHESTAKOVA, S.G. SHAVRINA

*State Archive of Perm Krai,
The Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky*

ENLIGHTENMENT ARCHIVAL PROJECT “PERM MICRO-DISTRICTS”: IMPLEMENTATION EXPERIENCE

Abstract. The article describes the experience of employees of the State Archives of Perm Krai and the Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky, in the implementation of the network enlightenment project “Perm micro-districts” which is part of the complex of events of the VII City Historical Forum “Perm – 300 years in the history of Russia”. The project was implemented in June 2022 – July 2023. The objective of the project was to create conditions for attracting the attention of residents of Perm and the Perm Territory to the history of Perm.

Keywords. Projects; social networks; libraries; archives; electronic resources; SMM-promotion; Perm micro-districts; local self-government bodies; local history literature; history of micro-districts.

С июня 2022 г. Государственный архив Пермского края совместно с Пермской краевой библиотекой им. А. М. Горького реализует сетевой онлайн-проект #ПермскиеМикрорайоны. Онлайн-проект является частью большого сетевого просветительского архивного проекта «Пермские микрорайоны».

Цель проекта – организация сетевого взаимодействия краевого архива с организациями и жителями микрорайонов г. Перми для активизации познавательной деятельности в области истории территорий г. Перми, выявления творчески активных жителей, приобщенных к поиску уникальной информации об истории и развитии городских микрорайонов. Проект является примером относительно нового для

регионального культурно-исторического пространства способа конструирования прошлого.

Потенциал проекта обусловлен тем, что город Пермь является шестым по величине мегаполисом в России. По данным на июль 2023 г., в Перми насчитывается порядка 113 микрорайонов с действующими органами территориального общественного самоуправления [1].

Проект реализуется по двум направлениям — сетевой онлайн-проект #ПермскиеМикрорайоны и архивная просветительская акция «Пермские микрорайоны. История места». Первая часть проекта реализуется в партнерстве с Пермской государственной краевой универсальной библиотекой им. А. М. Горького и включает в себя еженедельное размещение на страницах в социальных сетях историй о микрорайонах Перми, уникальных фотографий из архивного фонда, литературы краеведческого характера.

Вторая часть проекта «Пермские микрорайоны. История места» предполагает организацию встреч с жителями в территориях г. Перми и интервью, сбор дополнительной информации из семейных, школьных архивов, архивов предприятий. Архивная просветительская акция «Пермские микрорайоны. История места» предлагает сфокусироваться на неформальной истории города, когда ее рассказывают не профессионалы, а сами жители микрорайонов. В рамках комплекса мероприятий по изучению и систематизации исторических данных по истории пермских микрорайонов выстраивается взаимодействие с жителями территорий и территориальными органами местного самоуправления (ТОС), общественными организациями, образовательными учреждениями. Для этого организаторы проекта создают условия для привлечения внимания жителей Перми к истории города.

Рис. 1. Результаты опроса в отношении содержательной части проекта «Пермские микрорайоны. История места»

Данная часть проекта была презентована на ежегодном архивном просветительском фестивале «Архifest-2022» — на мероприятии с участием представителей 28 ТОСов г. Перми. В рамках встречи ее участники ответили на вопросы анкеты по направлениям реализации второго этапа большого сетевого архивного просветительского проекта.

Наиболее показательными стали результаты анкетирования в отношении содержательной части реализации проекта. Как видно из рис. 1, большинство опрошенных указало на интерес к истории возникновения микрорайонов, что совпадает с содержательной частью архивного проекта. Среди тех, кто ответил на открытый вопрос, чаще всего фигурировал запрос на обмен информацией жителей микрорайонов об истории и жизни территории (рассказы старожилов, воспоминания и показ старых документов, фотографий, сохранившихся у жителей родного микрорайона), что также указывает на сетевые возможности реализации проекта в направления просветительства.

Рис. 2 иллюстрирует, что наиболее популярными ответами на вопрос «Что Вам было бы интересно узнать на встречах по истории микрорайонов?» стали: «Увидеть фотоматериалы, хранящиеся в Государственном архиве Пермского края» и «Пройти методическое обучение по поиску информации об истории микрорайона». Есть основания полагать, что опрошенные в лице представителей ТОС г. Перми настроены на взаимодействие с ГАПК по реализации архивного просветительского проекта.

Рис. 2. Результаты опроса в отношении перспектив сетевого взаимодействия в рамках проекта «Пермские микрорайоны. История места»

Реализация архивного просветительского проекта «Пермские микрорайоны» — часть комплекса мероприятий VII городского исторического форума «Пермь — 300 лет в истории России», его онлайн-составляющая функционировала до конца июля 2023 г., встречи с жителями продлятся до конца 2023 года.

С 24 июня 2022 г. по 1 июля 2023 г. сотрудники Государственного архива Пермского края и Пермской краевой библиотеки им. А. М. Горького

еженедельно размещали на страницах официальных сообществ архива [2] и библиотеки [3] в социальной сети «ВКонтакте» публикации с общим хештегом #ПермскиеМикрорайоны. В постах были опубликованы подборки архивных материалов из фондов ГАПК — фотографии, карты, чертежи, административная документация и материалы из книг и периодических изданий краевой библиотеки им. А. М. Горького. Данная подборка включала до 10 документов и была собрана таким образом, чтобы отобразить историю микрорайона с момента возникновения. В каждой публикации пользователям предлагалось делиться своими историями о микрорайонах в комментариях к этим публикациям. В конце каждой истории был опубликован список литературы с аннотациями, подготовленный сотрудниками краевой библиотеки.

Перед участниками проекта стояли следующие задачи:

- определение ключевых тем, связанных с историей микрорайонов Перми;
- составление контент-плана постов для конкурса в рамках проекта;
- подбор литературы, необходимой для создания публикаций;
- создание и публикация постов;
- мотивация пользователей социальной сети «ВКонтакте» к участию в конкурсе;
 - продвижение проекта (перекрестное привлечение аудиторий сообществ библиотеки и архива в социальной сети «ВКонтакте», размещение новостей на сайтах архива и библиотеки);
 - подведение итогов и награждение победителей конкурса;
 - информирование о награждении победителей.

При подготовке публикаций сотрудники отдела краеведения библиотеки им. Горького использовали архивные и официальные документы, газетные публикации, книги по истории Перми. На сегодняшний день единственная книга, в которой собран материал по истории микрорайонов семи районов нашего города, — труд В. В. Семяникова «Микрорайоны города Перми» [4].

Однако невозможно вместить в одну книгу весь собранный материал. Да и город меняется: строятся новые дома, появляются новые микрорайоны, улицы, скверы, открываются предприятия, школы. Для написания историй микрорайонов сотрудники отдела краеведения библиотеки проверяли каждый факт, изложенный в книге В. В. Семяникова, так как за 15 лет многие предприятия и организации поменяли названия, профиль, некоторые закрылись. Формат «историй» не позволяет отразить все изменения, которые произошли в городе, но именно публикации на сайте и в социальной сети «ВКонтакте» объединили всех, кому интересна история микрорайонов. В комментариях пользователи выкладывали воспоминания, делали уточнения, отправляли фотографии.

По районам города изданы и были нами использованы следующие книги: «Центр Перми. 75 лет Ленинскому району» под редакцией В. Мазановой

и С. Федотовой [5], «Свердловский район: Время. События. Люди» Т. И. Силиной [6], «Наш район — Свердловский» [7], «Летопись Орджоникидзевского района» в двух томах [8, 9], «Индустриальный район: история продолжается» В. Ф. Гладышева, А. П. Зиновьева, В. С. Колбаса и М. Н. Шилова [10], «Наш район, Индустриальный...» А. П. Зиновьева и В. С. Колбаса [11], «Рассказы о Мотовилихе» Б. П. Кириллова [12], «По старой и новой Мотовилихе» Т. И. Силиной [13] и др.

Отдельным микрорайонам посвящены следующие книги: «Гайва. Четыре века жизни» А. Мингазовой [14] и «Гайва. Перекрестки времен» Л. Н. Барановой [15]. Книги были написаны на основе архивных документов Государственного архива Пермского края, Государственного архива социально-политической истории, воспоминаний, записей бесед с жителями Гайвы Орджоникидзевского района. По истории Верхней Курьи в 2016 г. издана книга «Верхняя Курья — XX век в фотографиях» (составитель М. Н. Хабирова) [16], по истории Нижней Курьи — книга Н. Князевой «Нижняя Курья — родина моя» [17], «Микрорайон Молодежный: история и день сегодняшний» [18], книга В. В. Маркелова «А сосны помнят вековые...» [19]. К 50-летию Кировского района была выпущена книга «Закамск: 1941–1991» [20], к 85-летию Дзержинского района — исследование В. А. Бондаренко «От Нахаловки до Пролетарки» [21], к 100-летию микрорайона Кислотные дачи — «Кислотный. Страницы истории» Л. А. Буслаевой [22]. Для наполнения историй иллюстративным материалом использовались фотоальбомы «Пермь — 285 лет. Из века в век переходя, 1723–2008 гг.» А. И. Овсянникова [23], «Пермь. Летопись города. 1723–2017» [24], «Пермь в фотообъективе: история города и его жителей в 1950–1980-е годы» [25], «Пермь и Пермский край: альбом-путеводитель» [26], «Пермь. Три столетия» [27] и др. Многие исторические фотографии при публикации материала были предоставлены Государственным архивом Пермского края.

Во время написания статей для проекта сотрудники библиотеки обращались к книге «Улицы Перми» [28], где в алфавитном порядке указаны не только названия улиц, но и дата и номер постановления о последнем переименовании улицы, прежнее название улицы, принадлежность к микрорайону, сведения о лицах и событиях, в честь которых названа улица. Для уточнения сведений о названиях населенных пунктов, о происхождении фамилий использовалась книга Е. Н. Шумилова «Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки» [29].

Интересные факты об истории районов и микрорайонов опубликованы в журналах «Наш отчий край», «Наш Пермский край», спецвыпусках «Ретроспективы» и газетах «Пермские квартиры, дома и офисы», «Звезда», «Вечерняя Пермь». Поиск осуществлялся в централизованной полнофункциональной автоматизированной информационно-библиотечной системе OPAC–Global.

При написании историй использовались календари Архива города Перми [30], статьи из сборников «Пермский дом в истории и культуре края» (составитель и редактор Т. И. Быстрых), изданные Центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина, статьи из «Пермских сборников» по итогам краеведческих

Смышляевских чтений, организованных краевой библиотекой им. А. М. Горького. Приведенный список изданий, посвященных истории пермских микрорайонов, не претендует на исчерпывающую полноту.

Рис. 3. Опрос пользователей о популярности рубрик на странице «История Прикамья» в социальной сети «ВКонтакте»

В ноябре 2022 г. в группе Государственного архива Пермского края «История Прикамья» в социальной сети «ВКонтакте» был проведен опрос с целью выяснить, какие публикации группы больше всего нравятся пользователям (рис. 3). Как показывают данные опроса, 74% пользователей социальной сети отмечают проект по истории пермских микрорайонов.

По состоянию на 1 июля 2023 г. публикации архива и библиотеки набрали 368 490 просмотров и более 600 комментариев. Общее число отметок «Нравится» — 7607. Победителями проекта «Пермские микрорайоны» стали 10 человек. Наиболее популярными за всё это время стали публикации, посвящённые микрорайонам Крохалева (29.09.2022), Новый Крым (15.09.2022), Разгуляй (30.06.2022), КамГЭС (04.05.2023), Запруд (29.06.2023). Всего за год проекта вышло 50 публикаций по истории микрорайонов с хештегом #ПермскиеМикрорайоны.

Один раз в два месяца авторы лучшей истории награждались подарками от архива и библиотеки. В качестве призов Пермская краевая библиотека дарила книги «Пермский сборник. Книжка шестая», «Пермский сборник. Книжка седьмая», Г. Н. Чагин «Города-заводы», Государственный архив Пермского края — книго-фотоальбомы «Пермь — Дуйсбург: общественные пространства городов в 50–60-е годы XX века», «Пермь — Дуйсбург: город на реке в XX веке», «100 и 1 документ: нескучные архивные истории».

В перспективе результатом проекта должна стать новая общедоступная архивная коллекция документов Государственного архива Пермского края по истории г. Перми, собранная в результате активного взаимодействия с жителями города. Все тексты и фотографии, которыми поделились пользователи социальной сети «ВКонтакте», будут сохранены в краевом архиве и в архивном фонде библиотеки им. А. М. Горького. Материалы по истории микрорайонов будут опубликованы и продолжат тему, впервые поднятую в книге В. В. Семяникова «Микрорайоны города Перми».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список ТОС // Муниципальное образование город Пермь. URL: https://www.gorodperm.ru/actions/social-link/society/public_organization/tos (дата обращения: 07.05.2023).
2. История Прикамья / Гос. арх. Перм. края // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/permarhive> (дата обращения: 01.03.2023).
3. Пермская краевая библиотека им. А. М. Горького // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/gorkilibrary> (дата обращения: 01.03.2023).
4. Семянников В. В. Микрорайоны города Перми. Пермь: Пушка, 2008. 419 с.
5. Центр Перми. 75 лет Ленинскому району. Пермь: Компаньон, 2011. 108 с.
6. Силина Т. И. Свердловский район: время, события, люди. Пермь: Пушка, 2001. 288 с.
7. Наш район — Свердловский / Администрация Свердл. р-на г. Перми. Пермь, 2011. 31 с.
8. Летопись Орджоникидзевского района: [75 лет Орджоникидз. р-ну г. Перми, 1940–2015. Т. 1]. Пермь: Типография ДПС, 2015. 110 с.
9. Летопись Орджоникидзевского района: 1940–1945: [документальные свидетельства очевидцев о военном периоде Орджоникидзевского района г. Перми. Т. 2]. Пермь: Сота, 2020. 158 с.
10. Индустриальный район: история продолжается / В. Ф. Гладышев [и др.]. Пермь: Звезда, 2002. 224 с.
11. Колбас В. С., Зиновьев А. П. Наш район, индустриальный... 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 1997. 24 с.
12. Кириллов Б. П. Рассказы о Мотовилихе. Пермь: Пушка, 1998. 124 с.
13. Силина Т. И. По старой и новой Мотовилихе. Прогулки с фотоаппаратом: путеводитель. Пермь: Пушка, 2016. 343 с.
14. Мингазова А. Гайва. Четыре века жизни: краевед. исслед.: [история одного поселения]. Пермь: Алекс-пресс, 2020. 223 с.
15. Баранова Л. Н. Гайва. Перекрестки времен. Пермь: Сота, 2022. 371 с.
16. Верхняя Курья — XX век в фотографиях / сост. М. Н. Хабирова. Пермь, 2016. 160 с.
17. Князева Н. А. Нижняя Курья — родина моя. Пермь, 2001. 43 с.
18. Микрорайон Молодежный: история и день сегодняшний: доп. метод. материалы к проекту краевед. игры «О прошлом для настоящего поколения». Пермь, 2010. 16 с.
19. Маркелов В. В. А сосны помнят вековые...: история создания и заселения дач. поселка Нижняя Курья. Пермь, 2022. 43 с.
20. Закамск: 1941–1991 / В. Н. Бобов [и др.]. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991. 122 с.
21. Бондаренко В. А. От Нахаловки до Пролетарки. Пермь: Типография А Принт, 2021. 222 с.
22. Буслаяева Л. А. Кислотный. Страницы истории: 1916–2016. Пермь: Пушка, 2016. 255 с.
23. Овсянников А. И. Пермь — 285 лет: из века в век переходя, 1723–2008 гг. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2008. 349 с.
24. Пермь. Летопись города. 1723–2013 / сост. О. Данилова. Пермь: Титул, 2017. 248 с.
25. Пермь в фотообъективе: история города и его жителей в 1950–1980-е годы: фотоальбом / Г. А. Янковская [и др.]. Пермь: Архив города Перми: Титул, 2020. 238 с.
26. Пермь и Пермский край: альбом-путеводитель. Пермь: Траектория, 2012. 322 с.
27. Пермь. Три столетия: книга-фотоальбом. Пермь: Сенатор, 2023. 179 с.
28. Улицы Перми: список улиц (подробная информация), схема Перми (вкладка), благоустройство, культурное наследие Перми: справочник. Пермь: Ладонь, 2007. 176 с.
29. Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1991. 272 с.
30. В руках у нас частица времени: календарь-справочник города Перми на 2017 год. Пермь: Пушка, 2017. 447 с.

Н.Ф. ГАДЕРШИНА

*Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького*

ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «PERMIA»: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ

Аннотация. Статья посвящена опыту работы недавно открытого в Пермской государственной краевой универсальной библиотеке им. А. М. Горького информационно-культурного центра «Permia». Основу фондов центра составила коллекция общественной организации КАМВА, переданная Н. А. Шостиной библиотеке в 2022 году: литература по краеведению, этнографии и этнофутуризму, коллекция музыкальных дисков и документальных фильмов – антология фольклора Пермского края, коллекция этнических кукол, а также частная коллекция этнических шапок. На базе центра ведется просветительская работа: экскурсии, лекции, выставки, работа с читателями.

Ключевые слова. Информационно-культурный центр; библиотека; этнография; Пермия; Камва.

N.F. GADESHINA

The Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky

INFORMATION AND CULTURAL CENTER PERMIA: THE FIRST RESULTS OF THE WORK

Abstract. The article is devoted to the experience of the recently opened in the Perm State Regional Universal Library named after A. M. Gorky information and cultural center Permia. The basis of the center's funds was the collection of the KAMWA public organization, donated by N. A. Shostina in 2022: literature on local history, ethnography and ethnofuturism, a collection of music discs and documentaries – an anthology of folklore of the Perm Krai, the collection of ethnic dolls, as well as the private collection ethnic hats. Educational work is carried out based on the center: excursions, lectures, exhibitions, work with readers.

Keywords. Cultural center; library; ethnography; Permia; KAMWA.

Современное человечество насчитывает огромное количество народов и этнических групп, населяющих около двух сотен государств. Почти все они являются многонациональными. По данным Всероссийской переписи населения 2020 года, на территории Российской Федерации проживают 195 народов [1], в Пермском крае — представители более сотни народов и этнических групп [2].

Благополучие людей, проживающих в поликультурном регионе, во многом зависит от их готовности к взаимоуважению, толерантности к обычаям, традициям и укладу жизни отличных от них этнических групп. Пермская государственная краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького предпринимает попытки формирования такого поликультурного пространства вокруг читателей, которое создает условия для межэтнического диалога.

В 2022 году по инициативе директора Пермской региональной общественной организации КАМВА Натальи Анатольевны Шостиной состоялась передача фондов организации в библиотеку им. Горького. На основе этих материалов был создан информационно-культурный центр «Permia».

Permia — одно из средневековых названий Прикамья. Пермией обозначали территорию Перми Великой на средневековых картах [3], и нам показалось удачным использование этого слова для нового информационно-культурного центра. Зал этноцентра расположен на первом этаже библиотеки рядом с помещением регистратуры и доступен для посещения всеми желающими.

Основу фондов инфоцентра составляют материалы по этнографии — книги по краеведению, истории и традиционной культуре народов, исконно проживающих на территории Пермского края (например, коми-пермяков, удмуртов, марийцев, манси, татар) и мигрировавших сюда в XVIII–XX веках (белорусов, корейцев, немцев и многих других), а также других финно-угорских этносов (коми-зырян, карелов, венгров).

В этноцентре представлены книги о традиционной кухне, традиционном costume, обрядах и праздниках народов Прикамья. Библиотека «Камвы» включает 858 наименований (1076 экземпляров), в том числе по отраслям знаний: по этнографии (общественно-политическая отрасль) — 456 экземпляров и по искусству — 543 экземпляра.

Многие из этих книг являются сегодня библиографическими редкостями (например, каталоги коллекций Пермского краеведческого музея, книги из серии «Фольклор народов России» авторства известных пермских ученых [4–6]. Большой интерес посетителей центра привлекают открытки, особенно с изображениями традиционного костюма Северного Прикамья, из коллекции историка и конструктора Ольги Шейрман [7]. Поскольку в фокусе внимания «Камвы» был этнофутуризм, в «Пермии» находится литература и об этом движении, соответствующими произведениями оформлено пространство инфоцентра. Доктор филологических наук В. Л. Шибанов так определяет это понятие: «Этнофутуризм — словно птица с двумя крыльями. “Этно” означает связь с национально-самобытным, “футуризм” — поиск своего места в современном постмодерном мироустройстве, стремление выжить и быть конкурентоспособным» [8, с. 168–168]. Таким образом, этнофутуризм может помогать и способствовать сохранению элементов традиционной культуры малочисленных народов.

Музыкальная коллекция представлена дисками и пластинками с антологией фольклора русских, марийцев, татар, записями современных авторов и композиторов, участников пермского фестиваля Rock Line. В этноцентре имеется возможность просмотра документальных фильмов из серии «Традиционный фольклор народов Прикамья», также переданных Н. А. Шостиной. Фильмы повествуют об экспедициях, организованных «Камвой» в села и деревни, где проходила запись фольклора коренных народов Пермского края: коми-пермяков, удмуртов, марийцев, татар, башкир.

«Камва» подарила библиотеке не только книги, открытки, коллекцию музыкальных записей, документальных фильмов, этнических кукол, но и выставку «Пермский звериный стиль» с предметами, которые являются точными копиями оригиналов — музейных экспонатов.

Помимо этого, профессором Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Андреем Михайловичем Белавиным информационно-

культурному центру была передана частная коллекция этнических шапок. Читательница библиотеки Дебора Берлин (Любовь Нахимовна Велева) подарила центру книги с рецептами еврейской кухни и небольшую коллекцию еврейских головных уборов — кипот (ермолок). Семья профессора Пермского национального исследовательского политехнического университета Сергея Александровича Дианова передала мультфильм про человеколось, который был создан для участия в конкурсе детских проектов.

Открытие центра состоялось 9 декабря 2022 г. и было приурочено к завершению проекта «Этномода», который был подготовлен и реализован заведующей отделом хранения основного фонда библиотеки Надеждой Анатольевной Зориной. Главная задача образованного инфоцентра — просветительская. В план деятельности «Пермии» включены лекции, выставки, экскурсии, просмотр фильмов, прослушивание музыки, участие в общебиблиотечных мероприятиях. Одной из первых сотрудниками библиотеки была разработана лекция про Пермский звериный стиль: в ней описываются генезис, история и вклад местных ученых в изучение этого средневекового искусства, раскрывается семантика образов. Неподдельный интерес у посетителей (особенно детской аудитории) вызывают сами предметы пермского звериного стиля.

Работниками центра были организованы выставки «Свадебные обряды народов Прикамья», «Птичьи праздники», «Пасхально-Троицкий цикл праздников», соответствующие народному календарю и знакомящие посетителей с интересными, но уже не столь часто встречающимися в жизни обрядами и традициями. Для продвижения культуры народов Прикамья сотрудниками центра ведется страница на сайте библиотеки под названием «Пермия» [9]. На этой странице размещаются новости, информация о книжных выставках, фрагменты лекций, музыкальные подборки.

При информационно-культурном центре работает читальный зал. Самыми востребованными оказались издания о народном костюме и кухне народов Пермского края [8, 10–12]. В центре выполняют запросы читателей по подбору литературы к докладам, рефератам, работам по истории и этнографии. Один из самых интересных читательских запросов был сделан в январе 2023 г., когда молодая девушка искала материалы о пермском зверином стиле для использования их при изготовлении глиняного сервиза с сюжетами. Мы также проводим экскурсии для школьников и студентов, в которые включаем фрагменты разработанных нами лекций.

Во время работы у нас обнаружился и ряд проблем. Несмотря на наличие информации об этнокультурном центре на ресурсах библиотеки, его удобном расположении на первом этаже по соседству с отделом регистрации, многие пользователи библиотеки не знают о его существовании. Дни массовых посещений этноцентра совпадают с крупными мероприятиями в библиотеке, немногие посетители целенаправленно посещают именно «Пермию». Дополнительной сложностью является и малая площадь центра — она позволяет вместить не более 20 человек. Однако, несмотря на все это, у нас уже имеются постоянные читатели, которые вносят свои пожелания, предложения.

В будущем нам хотелось бы вести клубную работу, чтобы встречи с читателями были систематическими, организованными на постоянной основе, а не случайными. В перспективе могут быть организованы выездные лекции, виртуальные экскурсии или мастер-классы и занятия на базе самого центра. Мы не исключаем совместные проекты с учебными заведениями или культурными институциями города и края. В наших ближайших планах — создание брошюры о «Перми» и распространение ее на выездных и стационарных тематических мероприятиях, а также организация сотрудничества с национальными объединениями.

Актуальность работы информационно-культурного центра при библиотеке обусловлена несколькими факторами. Во-первых, жителям края необходимо сохранять свои особенности, неповторимость, уникальность культуры, для этого нужно содействовать росту этнического и национального самосознания и самоидентификации. Во-вторых, интересы нации состоят и в том, чтобы обогащать свою культуру контактами, заимствованиями из других культур, наполнять свой внутренний культурный мир постижением общезначимых для человечества ценностей. Наше культурное многообразие является и нашим богатством. Библиотека готова быть связующим звеном между разными этническими группами среди наших посетителей, работать с читателями, просвещать население, популяризировать традиции и культуру народов Прикамья.

Таким образом, «Permia» — это и читальный зал, в котором посетители могут познакомиться с интересующей их литературой, и культурное пространство, в котором проходят просветительские мероприятия, тематические и книжные выставки. Сотрудники отдела краеведения на базе центра занимаются научно-исследовательской деятельностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Росстат — Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.07.2023).
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020. URL: <https://59.rosstat.gov.ru/folder/200657> (дата обращения: 25.07.2023).
3. Макаров Л. Д. Прикамье на средневековых картах мира (XI–XIV вв.) // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию ГГПИ. Ижевск, 2002. С. 97–99.
4. Димухаметова С. А. Мир вещей русских крестьян XIX–XX века: традиционная народная культура русского старообрядческого населения Верхокамья: из собр. Перм. краевед. музея. Пермь: Пушка, 2010. 448 с.
5. Кулябина Н. В. Наследие камской чуди. Пермский звериный стиль: из собр. Перм. краевед. музея: каталог. Пермь, 2013. 268 с.
6. Боба тэ, боба, кыгчб тэ ветли = Боба ты, боба, куда ты ходил?: дет. фольклор коми-пермяков: сб. фольклор. текстов и коммент. / сост. Т. Г. Голева [и др.]. СПб.: Мамагов, 2015. 400 с.
7. Традиционный русский костюм Северного Прикамья: коллекция «Пермь Великая»: комплект открыток / авт.-сост. О. Шейерман. Соликамск, 2014–2017. Ч. 1–3.
8. Шибанов В. Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2007. № 1. С. 163–168.
9. Информационно-культурный центр «Пермия» // Библиотека Горького. URL: <https://www.gorkilib.ru/activity/permia/> (дата обращения: 26.07.2023).
10. Коми-пермяцкая кухня: лучшие кулинар. рецепты мастеров кафе «Блюэ». Кудымкар: Коми-пермяц. кн. изд-во, 2007. 126 с.
11. Сороковин Г. И. Удмуртская кухня. 3-е изд., перераб. Ижевск: Удмуртия, 2012. 112 с.
12. Кухня немцев Прикамья: комплект открыток / авт.-сост. Д. И. Вайман. СПб.: Мамагов, 2015. 1 обл. (16 отд. л.).

С.А. ШЕВЫРИН

*Мемориальный музей-заповедник Истории политических репрессий «Пермь-36»;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТАХ ПО ПЕРМИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности Перми для организации и проведения экскурсий, затрагивающих историю политических репрессий. Краткий обзор объектов экскурсионного показа, раскрывающих заявленную тему, дает понять, что такие возможности весьма велики и активно используются пермскими турфирмами – разрабатываются тематические экскурсионные маршруты, включаются объекты данной тематики в обзорные экскурсии. Отдельно рассказано об экскурсионной деятельности Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36». Сотрудниками музея разработаны две экскурсии – тематическая и путевая по дороге до музея, рассказывающие о том времени и подготавливающие экскурсанта к восприятию экспозиции музея.

Ключевые слова. Пермь; экскурсии; память; историко-культурное наследие; репрессии; тюрьма.

S.A. SHEVYRIN

*Memorial Museum-Reserve Stories of political repression "Perm-36";
Perm State University of Humanities and Pedagogy*

THE HISTORY OF POLITICAL REPRESSION IN THE EXCURSION ROUTES IN PERM

Abstract. The article discusses the possibilities of Perm for organizing and conducting excursions concerning the history of political repression. A brief overview of the objects of the excursion show, revealing the stated topic, makes it clear that such opportunities are very great. These opportunities are actively used by Perm travel agencies – thematic excursion routes are being developed, objects of this subject are included in sightseeing tours. Separately, it is told about the excursion activities of the Memorial Museum-Reserve of the History of Political Repression “Perm-36”. The museum staff has developed two excursions – thematic and travel on the way to the museum, telling about that time and preparing the visitor for the perception of the museum's exposition.

Keywords. Perm; excursions; memory; historical and cultural heritage; repression; prison.

Современной особенностью в туристическом освоении Пермского края и Урала в целом стал поиск новых направлений и тем. С середины 1990-х годов одной из новых стала тема истории политических репрессий. На территории Пермского края появляется музей истории политических репрессий «Пермь-36», а в Екатеринбурге — Ганина Яма, Порошенков лог. Эти объекты стали фактически туристическими дестинациями, привлекающими тысячи туристов и экскурсантов, особенно в 2000-е годы. Действительно, тема политических репрессий, тщательно скрываема или не афишируемая в СССР, в 1990-е — годы

гласности и перестройки — стала невероятно популярной, как среди ученых, так и среди обычных граждан. Для примера можно привести проведенную в Москве в 1988 году выставку макетов памятников жертвам политических репрессий. Выставка, получившая название «Неделя совести», стала первым громким общественным событием, связанным с памятью о жертвах репрессий. «Неделю совести» посетили десятки тысяч людей. Фойе и прилегающие помещения были переполнены, очередь выстраивалась на сотни метров. «Всё-таки мы в редакции волновались: придут ли люди, захотят ли откликнуться. Но уже к полудню первого дня у входа образовалась очередь. Огромный дворец с просторным фойе, балюстрадами и клубными комнатами не смог вместить всех» [6, с. 1]. Несомненно, эта тема привлекала и представителей туристической сферы.

Но ряд проблем не сразу позволил внедрить на рынок экскурсионные и туристические маршруты, связанные с темой политических репрессий. К этим проблемам можно отнести:

- 1) неизученность многих аспектов истории XX века в целом и региональной истории, в частности;
- 2) разнообразие точек зрения на исторические события;
- 3) обилие негативного материала, которое несут в себе новые данные об истории XX века, особенно репрессии, ГУЛАГ, тоталитаризм; но эти данные не должны были перечеркивать всю историю России, не должны формировать негативного отношения к родине, особенно у подрастающего поколения.

Активное освоение этих тем в профессиональной туристической среде началось только с 2000-х годов. Конечно, самостоятельное посещение объектов, связанных с историей политических репрессий, было и до этого. В 2000-е годы в Екатеринбург строятся монастыри на Ганиной Яме и храм на Крови на месте дома Ипатьева, в Пермском крае увеличивается поток самостоятельных туристов в музей «Пермь-36». Одной из первых турфирм, начавших работу по созданию турмаршрута с экскурсионной программой в музей «Пермь-36», стала «Пермтурист». Осознавая все вышеперечисленные проблемы, сотрудники туротдела ОАО «Пермтурист» в 2002 г. пригласили к сотрудничеству научных работников музея, глубоко погруженных в тему. В итоге получилась многочасовая экскурсия с путевой информацией и экскурсией в музее. Путевая информация (а ехать тогда нужно было по старой дороге — через Кунгур — более 200 км) погружала экскурсантов в ту эпоху, делала понятнее историю репрессий в Советском Союзе.

Кроме того, путевая экскурсия была построена на примере судеб жителей населенных пунктов, мимо которых проходил маршрут. Такая подача экскурсионного материала позволяет максимально углубиться в изучаемую эпоху, углубиться через сопереживание к конкретному человеку. Почувствовать, прикоснуться к тому времени через подлинные документы, фотографии, судьбы.

Еще один аспект раскрытия эпохи репрессий и террора через судьбы людей заключается в том, что в рассказ вносятся положительные моменты для восприятия отечественной истории — ведь многие наши соотечественники сумели сохранить,

несмотря на страшные испытания, человеческое достоинство, мужество, честь. Таким образом мы можем преодолеть или снизить негативный эффект от экскурсии в целом. Школьница из села Верхнее-Калино, побывав на этом маршруте, написала в журнале отзыв: «Я горжусь теми людьми, которые вынесли годы мучений и страданий, которые не сломались. Это трогает до слез. Вы храните нашу историю» [5]. В дальнейшем почти все пермские турфирмы, занимающиеся рецептивным и внутренним туризмом, стали использовать этот опыт.

Впоследствии тема истории политических репрессий стала востребована и в экскурсиях по городу Перми. Видя эту востребованность, руководство музея «Пермь-36» решило создать специальный путеводитель. В нашем городе объектов показа, связанных с историей политических репрессий в советское время, сотни. Музей «Пермь-36» обобщил наиболее знаковые объекты в книге «Топография террора. Пермь» [12], включающей 40 локаций во временном промежутке — с 1918 по 1980-е годы. Во многом основываясь на этом издании, сотрудники Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» создали тематические экскурсионные маршруты — «Топография террора» и «По дороге памяти».

Экскурсия «Топография террора» пешеходная и включает в себя посещение наиболее ярких локаций, связанных с историей политических репрессий в советское время — современный театр кукол (бывшая Промколония № 1), Соборная площадь (место ареста архиепископа Андроника) и др. Начинается экскурсия от современного театра кукол, построенного в 1871 году как Пересыльный замок — тюрьма для этапирования арестантов в Сибирь. В советское время, в 1919 году, Пересыльный замок был переименован в Исправительный рабочий дом № 2 (ИРД № 2). Именно здесь формировались этапы для Кизеловского рабочего отряда из бывших священников и монахов, офицеров и солдат Белой армии, крестьян за вооруженные восстания против советской власти [2, Л. 69, 472]. Накануне Великой Отечественной войны ИРД № 2 назывался Промколонией № 1, заключенные которой производили гвозди, а в годы войны — болванки для мин [3, Л. 5, 10]. Именно в это здание была переведена в 1942 году спецтюрьма — «шарашка», эвакуированная из Ленинграда сначала в Томск, а потом в Молотов [8, Л. 28].

Далее экскурсионный маршрут идет вниз по Сибирской к Каме — мимо дома Дягилевых с рассказом о судьбах интеллигенции в Советской России, штаба 3 Красной армии с рассказом о судьбе командарма и маршала Василия Блюхера, забитого насмерть в тюрьме следователями в 1938 г. Заканчивается маршрут на Егошихинском кладбище у памятника жертвам политических репрессий. Памятник установлен в 1996 г. на деньги горожан. По устным свидетельствам старожилов Перми, на Егошихинском кладбище, на склоне оврага, хоронили расстрелянных арестантов [1, с. 10]. Подтверждением этому может служить следующий документ: «В марте 1933 г. при приведении мной в исполнение приговора тройки ПП Урала по одному из уголовных дел, мне пришлось столкнуться со следующими обстоятельствами: бывший начальник ОДТО Пермь Копылов, будучи вместе со мной в сильно опьяненном состоянии, пытался по пьянке пристрелить осведома Пермского ОС ОГПУ, который проживает

на кладбище и занимается предоставлением мест по приговорам» [9, Л. 228]. На бетонной плите, рядом с памятником, имеется надпись — строки Анатолия Жигулина: «О, люди! Люди с номерами, вы были люди, не рабы. Вы были выше и упрямей своей трагической судьбы». Этими строками обычно экскурсия завершается, и в них содержится важное напоминание или резюме всей идеи экскурсии — многие люди оказались сильнее режима, несправедливых обвинений, лагерных испытаний.

Следующий маршрут — «По дороге памяти» — создан как путевая информация по дороге до музея «Пермь-36». Этот маршрут начинается в Перми и ведет через Мотовилиху, где в годы Великой Отечественной войны располагалась тюремная «шарашка», через КамГЭС, которую строили заключенные, Левшино, где располагалось отделение Вишерского лагеря особого назначения и далее — через поселки, созданные спецпереселенцами-крестьянами — Дивья, Шалашная. Маршрут проходит по Соликамскому тракту, по которому в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. тайно увезли великого князя Михаила Романова и где он был расстрелян без предъявления обвинения и суда. На основании воспоминаний участников этого события [7, с. 235–394] можно попытаться реконструировать эту историю. Михаила Романова и его секретаря Брайана Джонсона посадили в фэтоны у гостиницы «Королевские номера» и повезли через Мотовилиху на Соликамский тракт. Всю дорогу им говорили о том, что Пермь грозит опасность в связи с наступлением белогвардейцев, что возможны восстания, неорганизованные выступления и что князя везут на разъезд за Мотовилихой, где посадят в поезд. Проехав по Соликамскому тракту около версты после склада товарищества братьев Нобелей (приблизительно район нынешней станции Балмошная), заговорщики свернули направо и, отъехав около 100–120 сажен, остановились. Это место было им хорошо знакомо, здесь до революции часто проводились массовки, неподалёку протекала речка Архиерейка. Все вышли из фэтонов. Марков тут же выстрелил в голову Джонсона и убил его наповал. Колпачиков тоже сделал выстрел, но неудачно. Жужгов ранил великого князя, хотел выстрелить ещё, но случилась осечка, патроны были самодельными. Михаил побежал на Маркова, прося его проститься с Джонсоном, но был убит выстрелом в упор.

Важным штрихом для понимания механизма использования труда заключенных стал рассказ у КамГЭС. Решение о строительстве гидроэлектростанции на Каме было принято еще в 1930-е годы. Первоначально ГЭС планировалось строить в районе п. Левшино. Но сложность геологических условий вынудила законсервировать стройку. К 1948 году был разработан новый технический проект станции. К этому времени подготовительные работы уже велись. Строительство столкнулось с рядом трудностей — плохие жилищные условия, недостаток снабжения привели к отсутствию кадров. Стройка фактически остановилась. Условия жизни рабочих описывались так: «Жилищно-бытовые условия вольнонаемных рабочих на Камгэсстрое являются исключительно тяжелыми <...> Печи разваливаются, штукатурка осыпается, кровля во многих домах сгнила и во время дождей вода протекает в комнаты. Имеются клопы. В результате <...> принято на стройку

507 человек, уволено 599» [10, Л. 87–89]. Руководство Молотовской области решение видело только в привлечении принудительной рабочей силы: «Секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Хмелевский К. — заместителю председателя Совета министров Союза т. Косыгину. 25 апреля 1946 г.

Согласно пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы в Молотовской области начато строительство крупнейшей в Союзе Гидроэлектростанции КамГЭС, которая должна быть закончена и пущена в эксплуатацию к концу пятилетки.

В связи с тем, что строительство это ведется хозяйственной организацией Министерства электростанций, не имеющей ни людских, ни материальных ресурсов, положение на стройке сейчас совершенно бесперспективное. Работы на стройплощадке, по существу, сейчас нет никакой, а 400 человек рабочих, числящихся на стройке, используются главным образом на самообслуживании. Создалась прямая угроза срыва выполнения работ в установленный срок.

Единственным выходом из создавшегося положения может быть лишь привлечение на стройку такой мощной организации, как Широковстрой МВД, которая имеет более 10000 рабочих, слаженный производственный аппарат...» [11, Л. 67–68]. В июле 1948 г. на Камгэстрое уже работало 550 заключенных ЛО № 7 [3, Л. 10–16] и 1820 человек вольнонаемных. При этом начальник строительства просил у обкома партии увеличить лагерь до 5 тысяч человек [10, Л. 84]. В декабре 1948 г. в документах вместо ЛО № 7 появляется ЛО № 13, контингент которой был занят на строительстве КамГЭС [3, Л. 453]. Заканчивается экскурсия в музей истории политических репрессий «Пермь-36».

Также эта тема включается в обзорные экскурсии по Перми — так, у Театра оперы и балета, хореографического училища, гостиницы Центральная рассказывают о судьбе Екатерины Гейденрейх, которая была арестована в 1942 году в Ленинграде и приговорена НКВД по статье 58–10 часть II на 10 лет. Летом 1942 г. Екатерина Николаевна прибыла на север Молотовской области в Усольский исправительно-трудовой лагерь. Основной работой заключенных этого лагеря была заготовка леса. В конце 1942 года Гейденрейх по состоянию здоровья была освобождена из лагеря. Некоторое время она жила в Соликамске, а летом следующего года по просьбе Агриппины Вагановой была переведена в Пермь и принята в состав преподавателей Ленинградского хореографического училища. Вклад Екатерины Николаевны в культурное развитие Перми не забыт — на здании Пермского государственного художественного училища размещена мемориальная доска, а заложенные ей педагогические и культурные традиции сохраняются и сейчас: «Благодаря Екатерине Николаевне Гейденрейх становление пермской балетной школы прошло без ненужных блужданий и бессознательных исканий <...> Ее умение растить и воспитывать педагогические кадры дало возможность Пермскому хореографическому училищу с первых дней своего существования стать на абсолютно профессиональный путь. Нам и сейчас дороги традиции, завещанные Екатериной Николаевной», — так написала о своём наставнике художественный руководитель училища Людмила Павловна Сахарова, бывшая на этом посту с 1973 по 2004 год.

В театральном сквере у бюста Бориса Пастернака и на улице Сибирской у мемориальной доски, посвященной Михаилу Осоргину, все экскурсоводы рассказывают о непростой судьбе творческой интеллигенции в годы революционных потрясений и советской эпохи.

Таким образом, совсем недавняя наша история, связанная с политическими репрессиями в Советском Союзе, сейчас активно используется в тематических и обзорных экскурсиях по Перми. Несомненно, эта часть нашей истории, часто печальная и трагичная, не должна быть забыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий / Сост. А. Суслов, Н. Гашева. Пермь. 320 с.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК) Ф.Р-320. Оп. 2. Д. 8.
3. ГАПК. Ф.Р-1366. Оп. 1. Д. 657.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1996.
5. Книга отзывов мемориального музея «Пермь-36». Рукопись.
6. Немировская О. Неделя совести // Огонек. 1988. Ноябрь, № 48. С. 1.
7. Пермская Голгофа Михаила II. Сборник документов о последнем периоде жизни и убийстве в городе Перми Великого князя Михаила Александровича. Пермь. ПермГАСПИ. 2018. Т. 2. 656 с.
8. Пермский архив социально-политической истории (ПермГАСПИ) Ф.231. Оп. 1. Д. 123.
9. ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 15460.
10. ПермГАСПИ. Ф.105. Оп. 14. Д. 162.
11. ПермГАСПИ. Ф.105. Оп. 12. Д. 145.
12. Шевырин С. А. Топография террора. Пермь. Пермь, 2012. 240 с.

В.Ю. Козлова

Культурно-просветительский центр, г. Пермь

**КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ ПЕРМИ:
К ИТОГАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
«В ПОИСКАХ КОДОВ ПЕРМСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»**

Аннотация. В статье описаны методика и результаты проведения серии проектных семинаров по определению основных смыслов города Перми как основы городской идентичности. В ходе семинаров была сформулирована предварительная формула смыслов города, включающая в себя многозначное имя, роль Камы в развитии города, экономическую основу – транспорт и промышленность, а также богатейшее культурное наследие.

Ключевые слова. Городская идентичность; смыслы; экономика; культура; история.

V.Yu. Kozlova

Cultural and educational center of Perm

**THE KEY MEANINGS OF PERM:
TO THE RESULTS OF THE RESEARCH PROJECT
"IN SEARCH OF PERM IDENTITY CODES"**

Abstract. The article describes the methodology and results of a series of project seminars on the development of the basic meanings of the city of Perm as the basis of urban identity. During the seminars, a preliminary formula of the meanings of the city was formulated, which includes a multi-valued name, the role of Kama in the development of the city, the economic basis – transport and industry, as well as the richest cultural heritage.

Keywords. Urban identity; meanings; economy; culture; history.

Сегодня в российских городах отмечается много общих градостроительных черт. В этой связи на первый план выходит смысловая индивидуальность, то есть наполнение пространства уникальными смыслами. В итоге формируется запрос на город-смысл. Именно такой город может осознанно и конкретно позиционировать себя среди других городов и для своих жителей. Поэтому важно правильно определить смысл или систему смыслов, вокруг которых можно формировать имидж города. «Городская идентичность, сформированная на основе уникальных смыслов, может быть ресурсом в процессе создания привлекательного и узнаваемого образа города, а также рассматриваться как конкурентное преимущество территории» [1, с. 37]

В 2023 году город Пермь отмечает 300 лет. В ходе подготовки к празднованию юбилея встала задача представить город как уникальный и самобытный. В последние годы пермская идентичность была объектом изучения ряда исследователей. В рамках реализации наиболее заметного проекта «Пермь как стиль» [3] было проведено комплексное исследование пермской идентичности и проанализированы представления жителей о городском пространстве на 2013 год. В результате удалось выявить несколько образов города Перми в сознании его

жителей. Среди факторов, конструирующих эти образы, прежде всего отмечены символы, памятники, культурные явления, эмблемы и объекты-маркеры.

Можно выделить несколько черт, характеризующих идентичность города Перми. Она отличается тем, что её неявная, не читаемая в городе составляющая значительно больше, чем явная. В. Абашев так характеризовал эту модельную ситуацию для Перми: «стертость плана выражения при богатстве плана содержания, смысла» [2, с. 12].

Ещё одна особенность городской идентичности Перми — объединение региональных и локальных смыслов и символов. Оно присутствует в каждом крупном административном центре, но в Перми проявлено особенно ярко. «Необходимо понимать, что пермская идентичность имеет двойную природу. Пермь — это и житель города Перми, и житель Пермского края» [4, с. 270]. В течение многих лет основные смыслы города и территории, центром которой он является, смешивались или региональные смыслы заменяли городские. Это во многом связано с тем, что, как отмечал В. В. Абашев, одной из ключевых характеристик Перми является противоречие между небольшим городом и огромным древним именем. «При рождении город-новостройка получил древнее имя с богатой историей и мифологией, имя обширной земли, и город усвоил себе мифологию и историю имени» [2, с. 14]. На наш взгляд, это противоречие уже преодолено, соответствие достигнуто, однако это ещё не совсем осознано. Сегодня пришла пора понять, что город достиг необходимых количественных характеристик, которые соответствуют качественному смысловому наполнению, но пока скрыты в пространстве города. Задача города усложняется тем, что он должен не только представить себя в наилучшем виде, но и презентовать самые выдающиеся достижения региона, направляя заинтересованных лиц к первоисточнику.

В качестве основы для формирования идентичности Перми нередко принимались отдельные явления или периоды, при этом «пермская позитивная идентичность не может ассоциироваться исключительно с какой-то одной эпохой или одним символом, будь то “пермский звериный стиль”, “пермский театр” или “промышленность”. Она естественным образом должна вбирать в себя самые значимые символы и образы всех эпох (начиная с “пермского периода”» [4, с. 269].

Учитывая все вышеназванные особенности, отметим, что грамотно и целостно презентовать Пермь может только человек, имеющий представление обо всех основных смыслах города и способный об этом интересно и образно рассказывать. «Что касается Перми, то она оказывается городом более вербальным, нежели визуальным. Пермь надо рассказывать, и это ее существенная особенность. Пермь поразительна для ума и воображения и занимательна для рассказа» [2, с. 13].

Для того чтобы комплексно проявить идентичность города Перми, автором статьи была разработана система кодов городской идентичности — смыслы, символы, герои, чувственные маркеры. Система кодов строится вокруг смыслов. Герои — это персонифицированные смыслы, символы — визуализированные смыслы, чувственные маркеры — ощущаемые смыслы. С целью формирования системы кодов городской идентичности Перми как основы для выявления самобытности города и понимания его особенностей жителями была проведена

серия проектных семинаров. В них принимала участие рабочая группа, в которую вошли экскурсоводы, имеющие большой опыт проведения экскурсий по городу Перми, и экскурсоводы Исторического парка «Россия — моя история Пермский край». Возможность сравнить точки зрения разных знатоков пермской истории появилась после проведения подобных семинаров в клубе «Пермский краевед» и с сотрудниками Краеведческого отдела Краевой универсальной библиотеки им. Горького. Кроме того, полученные результаты сверялись с ответами жителей города на «Анкету горожанина». В опросе приняли участие более 100 пермяков. Смыслы города Перми выделялись и изучались в ходе пяти проектных семинаров, проведённых рабочей группой в период с декабря 2020 г. по май 2021 г.

Первой задачей стало собственно определение ключевых смыслов города Перми. Смыслы представляют собой основные характеристики природных, экономических, историко-культурных и ценностных особенностей города. Актуальные смыслы города можно разделить на экономические, исторические и культурные. Отдельно необходимо выделить корни — факторы и явления, которые повлияли на формирование исключительности города. Важнейшей задачей исследования стало отделение городских смыслов от краевых. Смыслы Перми были выявлены в ходе первого проектного семинара.

После анализа всех выявленных смыслов были выделены ключевые. В качестве корней, определивших развитие города, были установлены природные — Кама — и экономические — медная руда, наличие которой стало причиной строительства Егошихинского медеплавильного завода, от которого ведёт свою историю Пермь. Историческими корнями будущего города можно считать Пермь Великую и экономическую политику Петра I. Необходимо отметить культурные корни, к которым можно отнести явления народной, религиозной и строгановской культур XVI–XVII вв.

Основным экономическим смыслом был назван завод, включающий в себя все заводские производства в истории города. Отдельно стоит обратить внимание, что на протяжении всей истории города с момента основания важнейшую роль играл транспорт. На каждом историческом этапе в городе развивались все доступные на тот момент виды транспорта. Отдельным экономическим смыслом Перми является заметная роль купечества, которое не только двигало торговлю, занималось паромным делом, внесло вклад в развитие железнодорожного транспорта, но и основало крупные промышленные предприятия.

При анализе исторического развития главное внимание было уделено событиям. Основным, сыгравшим судьбоносную роль в истории Перми, был определен указ Екатерины II о превращении заводской слободы в губернский город. Как отметили участники, это уникальное событие российской истории не до конца осмыслено и не занимает должного места в сознании горожан. Переломными для истории города стали периоды войн — Гражданской и Великой Отечественной. В ходе Гражданской единственный раз в своей истории город становился ареной боевых действий, а по итогу получил разрушенную экономику, особенно её транспортную составляющую. Вторая война была тяжелейшим испытанием для города. Отсутствие боевых действий компенсировалось невероятной нагрузкой на инфраструктуру и жителей за счёт

эвакуации и необходимости решения сложнейших задач, приближающих победу. Для города это испытание стало временем концентрации сил и определило его успешное развитие в послевоенный период. Характерной особенностью развития Перми являются многочисленные изменения административного статуса, приводившие к взлетам и падениям в исполнении других городских функций.

Ключевым культурным смыслом города и участники семинаров, и жители, отвечавшие на вопросы анкеты, назвали театр. Надо отметить, что он рассматривается и как вид искусства, и как конкретный Театр оперы и балета, символизирующий собой это искусство в городе. Характерной формой досуга, созвучной пермякам, признаны фестивали. Важно, что они включают представление самых разных видов искусства и разнообразные активности. Самым ярким примером такого фестиваля являются «Белые ночи». Именно фестивальное движение можно назвать тем наследием «Культурной революции», которое было принято пермяками.

Ещё одна важнейшая черта культуры Перми — сохранение и представление древней культуры Пермского края. Являясь столицей территории с богатейшим культурным наследием, город собирает, сохраняет и представляет у себя лучшие достижения. Это часто приводит к тому, что древние культурные явления начинают ассоциировать с самим городом, перекрывая непосредственно городскую культуру. Чтобы этого избегать, необходимо всегда адресовать исследователя или зрителя к первоисточнику, давать информацию о его происхождении. Ярким примером этого можно считать то, как представлены деревянные скульптуры в Пермской художественной галерее — с указанием места происхождения и нанесением его на карту Пермского края.

Анализ материалов первого семинара позволил отметить такие характеристики развития Перми, как разновекторность, разнонаправленность, многомерность, многогранность. Для раскрытия этих характеристик был разработан смысловой портрет города, который дает возможность проиллюстрировать административную, экономическую, социальную и культурную функции, а также важные черты населения и общества, политической среды и физического пространства города. В ходе второго семинара участники попытались создать смысловой портрет Перми.

На основе анализа смысловых портретов Перми губернского, советского и современного периодов развития были выявлены общие черты, которые являются сущностными для города. Отмечено, что во все периоды истории основное внимание властей уделялось развитию региона, а не города. Экономическая политика главным образом была направлена на развитие промышленности и транспорта. Постоянным объектом социальной политики городских властей на протяжении всей истории было образование. В культуре зафиксирована важность просвещения.

Участники обратили внимание на высокую долю мигрантов среди населения города во все исторические периоды (чиновники, ссыльные, выходцы из республик СССР). Было отмечено что, активная часть общества часто проявляла социальную инициативу, которая способствовала развитию города. К таким проявлениям можно отнести культурные инициативы местной интеллигенции, целенаправленные действия городского купечества, следствием которых стало прохождение через Пермь железной

дороги, сбор горожанами средств на строительство каменного здания театра.

В качестве характеристики образа жизни пермяков был выявлен особый смысл — природа + культура. Это сочетание во всей полноте относится к губернской Перми. Его можно определить, как «летом — Кама, зимой — опера». Рубежом между ними служил ледоход, после чего горожане устремлялись на пароходы и на дачи. В советское время тенденция сохранилась. Сегодня лето — это время, когда жители города активно посещают природные достопримечательности края. Удивительным образом этот смысл отразился в городском пространстве. Почти перед всеми учреждениями культуры расположены скверы или парки.

Выявлена такая важная природная характеристика Перми, как рельеф. Наличие большого числа оврагов потребовало строительства многочисленных мостов и лестниц. Как особенность города было отмечено наличие городских лесов. Не случайно Пермь признана одним из самых зелёных городов России.

Пространственное развитие Перми определялось через центральные узловые структуры — многофункциональные площади. Большинство из них сначала были рыночными, затем на них строили либо храмы, либо учреждения культуры и образования.

Анализ ответов жителей Перми на «Анкету горожанина», распределённых по смысловому портрету города, показал совпадение основных позиций в экономической, социальной, культурной функциях и характеристиках городского пространства.

Задачей третьего семинара стало заполнение «реки времени» города. Участникам было предложено визуализировать развитие города в губернский, советский и постсоветский периоды. При этом рассматривались пять направлений: административная, экономическая, культурная составляющая, физическое пространство города и социальная инициатива жителей. Зафиксированные направления были определены по результатам предыдущего семинара. Все графики, объединённые в единую «реку времени» города Перми за 300 лет, были проанализированы, итогом стало выявление причин и закономерностей роста или замедления развития города. На общем графике были отмечены три периода роста Перми: 1880-е — 1917 г., 1941–1945 годы, 1970-е — 1990 год. Во все периоды роста наблюдалось синхронное бурное развитие экономической и культурной функции и рост социальной инициативы.

На четвёртом семинаре определялись культурные коды Перми. Перед проведением семинара были изучены разные подходы к термину «культурный код». На основе синтеза нескольких подходов определилась сумма показателей, характеризующих культурные коды города. Были рассмотрены следующие категории: язык, легенды, цитаты, выражения, еда, одежда, жилище, архитектура, литература, искусство, образование, СМИ, религия, стиль жизни. В ходе обсуждения проявились ещё два фактора — «климат» и «характер». Каждый культурный код города был рассмотрен с точки зрения его масштаба, привязки к местности, положения на шкале времени, авторства и связи с другими кодами. По итогам семинара была создана схема культурных кодов города, заполненная пермской информацией.

В результате изучения всех культурных кодов было определено, что наиболее значимыми, известными не только в России, но и в мире являются литература

и искусство, например, пермский балет, художественная галерея, такие литераторы, как М. Осоргин, Б. Пастернак, В. Каменский. Большинство же культурных кодов носит региональный характер. Это коды, определяющие образ жизни и связанные с климатом. К региональному уровню можно отнести культурный код «образование», который был сформулирован как «университет». Образование и образованность являлись важной чертой города во все времена, но открытие в городе первого на Урале университета стало ключевым событием. Университет является квинтэссенцией городской науки и образования. Из университета вышли почти все высшие учебные заведения города. Не случайно, что они сейчас являются университетами — педагогическим, медицинским, аграрно-технологическим, политехническим. Непосредственно к городу Перми относятся такие культурные коды, как «архитектура» и «городские легенды».

Анализ культурных категорий, которые были выделены жителями Перми в «Анкету горожанина», позволил констатировать, что сложность и разносторонность культурных кодов Перми не считается горожанами. Самым популярным у них стало выражение «Пермяк — солёные уши».

На пятом семинаре были ещё раз проверены основные смыслы с учётом данных, полученных на предыдущих встречах. В целом в ходе пяти проектных семинаров и анализа их результатов была определена широкая система смыслов Перми, на основе которой сформулирована формула смыслов. При дальнейшем изучении она может стать основой пермской идентичности. Предварительную формулу смыслов Перми можно представить следующим образом: Пермь — город на Каме с развитыми транспортом и промышленностью и богатым культурным наследием. Она кажется не уникальной, подходящей для многих городов. Однако особенность Перми состоит в том, что за каждым словом стоит большая группа смыслов.

Само название города несёт сразу несколько значений. Пермский геологический период — это один из корневых смыслов для г. Перми — единственного в мире города, именем которого назван геологический период, обнаруженный на её территории. Следующий смысл, раскрывающий древность имени Пермь, — упоминание в «Повести временных лет». Ещё один корневой смысл — «Пермь Великая» — сегодня наполнен не только историческим, но и литературным и современным культурным содержанием. Пермь давала название разным административным единицам — Пермской губернии, Пермской области, Пермскому краю. В истории города есть период, когда он менял имя. Новое имя «Молотов» пришлось на самый сложный период, который потребовал колоссального напряжения сил и от городских властей, и от жителей.

Город на Каме — это ключевой сущностный смысл города. В поселении Егошихинский завод, от которого ведёт свою историю город Пермь, располагалась самая крупная на Каме пристань. Именно благодаря Каме состоялось уникальное событие в истории России — новым губернским городом стала заводская слобода. Поселение получило не просто статус города, а сразу губернского города, центра огромной губернии, а изначально и Пермско-Тобольского наместничества. Следовательно, Пермь можно представлять как единственный в России город, который никогда не был древним или уездным, а сразу стал губернским центром. Кама стала определяющим фактором в развитии города. С самого основания

он развивался вдоль реки. Параллельно течению формировались и основные улицы. Судостроение на Каме непосредственно влияло на ритм жизни города. В первой половине XIX века во время навигации в городе скапливались тысячи бурлаков. С развитием пассажирских перевозок границей зимнего и летнего режима жизни города стал ледоход. В зимний период жизнь горожан была связана с культурой, а в летний — с Камой и природой в целом. Кама во все времена вдохновляла на создание произведений искусства как местных жителей, так и проезжающих гостей. Сегодня набережная Камы — любимое место отдыха горожан.

С основания медеплавильного завода важнейшую роль в развитии поселения играл гужевой и речной транспорт, превращая его в крупный торгово-перевалочный центр. С открытием железной дороги и особенно после строительства железнодорожного моста через Каму Пермь упрочила эту функцию. Окончательно транспортная система города сформировалась после начала работы аэропорта.

Егошихинский медеплавильный завод, ставший основой города, определил и важную роль производств в истории Перми. Смысл «завод» включает в себя все отрасли промышленности, развивавшиеся в нашем городе на протяжении всей 300-летней истории, включая современное роботостроение и авиакосмическую отрасль.

Одним из самых широких и разнообразных является «богатое культурное наследие». У него огромная широта в пространстве и во времени от пермского звериного стиля до Музея современного искусства. Важно, чтобы город не присваивал древние культурные явления, а лишь выполнял функцию по сохранению и презентации культурного наследия края. Наиболее яркими культурными явлениями Перми являются театр и университет. Современная культура характеризуется разнообразными фестивалями — событиями, сочетающими в себе различные виды искусства и творчества.

Таким образом, формула смыслов Перми интегрирует многовековую историю через имя города; влияние природных факторов — через Каму и городские леса; экономическую мощь — через развитие транспорта и промышленности, и огромное культурное наследие — через грамотное сочетание древних культурных явлений и современной городской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 20 (3). С. 32–49.
2. Абашев В. Неосвязаемое тело города. Опыт работы со смыслом. // Форум: исследования города. Антропологический форум. 2010. № 12. С. 10–16.
3. Пермь как стиль. Презентация пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой, вступ. сл. О. Л. Лейбовича. Пермь: Ред.-изд. совет ПГГПУ, 2013. 240 с.
4. Игнатъева О. В., Лысенко О. В. Пермская идентичность: повестка дня (вместо заключения) // Стилистические особенности пермской городской идентичности / ред. О. В. Игнатъева, О. В. Лысенко. СПб.: Маматов», 2014. С. 265–271.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Арестов Владимир Андреевич, главный археограф научно-исследовательского отдела Государственного архива Пермского края (далее — ГАПК), аспирант кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (далее — ПГНИУ) (Пермь)

2. Бажина Евгения Михайловна, заведующая отделом редких книг Пермской государственной ордена «Знак Почёта» краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького (далее — краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького) (Пермь)

3. Баяндина Нина Петровна, кандидат исторических наук, заведующая сектором личных фондов Пермского государственного архива социально-политической истории (далее — ПермГАСПИ) (Пермь)

4. Белоногов Юрий Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета (далее — ПНИПУ) (Пермь)

5. Белослудцева Владлена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследования ПГНИУ (Пермь)

6. Винник Алексей Андреевич, ассистент кафедры междисциплинарных исторических исследования ПГНИУ (Пермь)

7. Вострикова Татьяна Петровна, директор Пермского краеведческого музея (Пермь)

8. Гаврикова Ирина Сергеевна, главный библиотекарь отдела литературы по искусству краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького (Пермь)

9. Гадершина Надежда Федоровна, главный библиотекарь отдела краеведения краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького (Пермь)

10. Гайсин Олег Дуфарович, историк, ООО Пермстроймет (Пермь)

11. Гладышев Владимир Федорович, председатель общества «Пермский краевед», редактор газеты «Пермяки», член Союза журналистов России и Союза писателей России (Пермь)

12. Глушков Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Пермского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее — НИУ ВШЭ – Пермь) (Пермь)

13. Голохвастова Наталия Вениаминовна, кандидат исторических наук, проректор по научной работе Прикамского социального института (Пермь)

14. Горюнов Дмитрий Валерьевич, кандидат философских наук, декан факультета культурологии и социально-культурных технологий Пермского государственного института культуры (далее — ПГИК) (Пермь)

16. Гурьянова Марина Николаевна, кандидат фармацевтических наук, директор музея Пермской государственной фармацевтической академии Министерства здравоохранения Российской Федерации (далее — ПГФА) (Пермь)

17. Дементьев Борис Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ПГНИУ (Пермь)

18. Демина Ирина Валерьевна, начальник научно-исследовательского отдела ГАПК (Пермь)

19. Жаворонкова Галина Ивановна, главный библиотекарь информационного краеведения Пермского государственного аграрно-технологического университета (далее — ПермГАТУ) (Пермь)

20. Загороднева Кристина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ПГИК (Пермь)

21. Зиновьев Андрей Павлович, независимый исследователь (Пермь)

22. Иванова Магдалина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, (Пермь)

23. Кальсина Алла Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики управления Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (далее — ПФ РАНХиГС) (Пермь)

24. Катаев Денис Сергеевич, главный археограф научно-исследовательского отдела ГАПК, аспирант кафедры истории и археологии ПГНИУ (Пермь)

25. Князева Нина Афанасьевна, кандидат педагогических наук, независимый исследователь, Пермское общество краеведения (Пермь)

26. Козлова Вероника Юрьевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Культурно-просветительского центра (Пермь)

27. Колдушко Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории ПНИПУ (Пермь)

28. Колбас Владимир Сергеевич, председатель Пермского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (Пермь)

29. Колчанова Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии ПГИК (Пермь)

30. Константинов Аркадий Александрович, кандидат исторических наук, доцент Пермского филиала Волжского государственного университета водного транспорта, журналист (Пермь)

31. Космовская Анна Алексеевна, научный сотрудник УНИД ПГИК, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ (Пермь)

32. Кудымов Андрей Борисович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Пермь)

33. Лещёв Михаил Николаевич, независимый исследователь (Пермь)

34. Максимович Елена Георгиевна, кандидат геолого-минералогических наук, индивидуальный предприниматель (Пермь)

35. Маркелов Владимир Владимирович, студент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград)

36. Маткин Андрей Александрович, старший преподаватель Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, заведующий музеем истории ПГГПУ (Пермь)

37. Мезенина Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, методист Отдела религиозного образования и катехизации Нижнетагильской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) (Нижний Тагил)

38. Мезенцева Екатерина Сергеевна, кандидат фармацевтических наук, специалист музея ПГФА, (Пермь)

39. Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, декан гуманитарного факультета ПНИПУ (Пермь)

40. Мохова Анна Валерьевна, начальник отдела хранения ПермГАСПИ (Пермь)

41. Назаров Артём Алексеевич, студент направления «История» ПГНИУ, (Пермь)

42. Невоструев Николай Алексеевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Отечества, истории медицины, политологии и социологии Пермского государственного медицинского университета им. академика Е. А. Вагнера (Пермь)

43. Неганов Сергей Васильевич, директор ПермГАСПИ (Пермь)

44. Нечаев Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории ПНИПУ (Пермь)

45. Обухов Леонид Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ (Пермь)

46. Плотникова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии ПГНИУ (Пермь)

47. Плотников Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ (Пермь)

48. Рыженко Валентина Георгиевна, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск)

49. Рыженко Леонид Игоревич, кандидат технических наук, директор Ассоциации межмуниципального сотрудничества «Сибирский тракт» (Омск)

50. Сарabeeв Виталий Юрьевич, главный археограф научно-исследовательского отдела ГАПК (Пермь)

51. Сивак Анатолий Александрович, президент Пермского клуба любителей игрушки (Пермь)

52. Сидякина Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ (Пермь)

53. Солодянкина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец)

54. Степанов Борис Евгеньевич, кандидат культурологи, научный сотрудник Центра исследований Центральной и Восточной Европы (Eur'Orbem), Университета Париж IV Сорбонна (Париж)

55. Туманова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики ПГНИУ (Пермь)

56. Харьковский Андрей Андреевич, ведущий специалист Муниципального архива г. Перми (Пермь)

57. Хребтова Нина Львовна, кандидат медицинских наук, медицинский психолог, Центр творческой медицины «Айрис» (Пермь)

58. Чашухин Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ (Пермь)

59. Чуйкина Екатерина Владимировна, ведущий инженер НИЦ «Камская археологическая экспедиция ПГНИУ (Пермь)

60. Шаврина Светлана Геннадьевна, заведующая сектором архивного фонда отдела краеведения краевой универсальной библиотеки им. А. М. Горького (Пермь)

61. Шевчук Вячеслав Владимирович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской терапии № 2, профессиональной патологии и клинической лабораторной диагностики Пермского государственного медицинского университета им. академика Е. А. Вагнера (Пермь)

62. Шевырин Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, заведующий научно-методическим отделом Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» (Пермь)

63. Шестакова Елена Валентиновна, заместитель директора по науке и связям с общественностью ГАПК (Пермь)

64. Шестова Татьяна Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и практики управления ПФ РАНХиГС (Пермь)

65. Янковская Галина Александровна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой междисциплинарных исторических исследований ПГНИУ (Пермь), ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета (Тюмень)

Научное издание

Город Пермь – 300 лет в истории России

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(Пермь, ПГНИУ, 8 июня 2023 г.)

Редакторы Е.И. Герман, Т.А. Абасова

Макет и верстка: Е.А. Каменчук

Подписано в печать 30.11.2023. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 26,27. Тираж 100 экз. Заказ № 152

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 239-65-47

В издании публикуются исследовательские статьи, обзоры, публикации архивных документов и другие материалы выступлений участников всероссийской научно-практической конференции «Город Пермь – 300 лет в истории России», состоявшейся 8 июня 2023 г. в рамках VII Городского исторического форума.

В конференции, посвященной юбилею г. Перми, приняли участие представители вузов, академических институтов, экспертного сообщества, краеведы-любители, сотрудники библиотек, архивов и музеев, городские активисты, независимые исследователи.

Материалы сборника будут интересны для специалистов из разных областей гуманитарного знания, а также для широкой аудитории, интересующейся вопросами истории Перми в локальной и общенациональной перспективе.

VII ГОРОДСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

